

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)

ISSN 2313-6871 (online)

The Covid-19 Pandemic: The Linguistic Dimension

Power in the Mirror of Court Ceremonies

The Era of Change – Russian Roulette

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 8 | 2020 | № 4

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *AHCI Web of Science, Scopus*.

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editor* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Reviews Section Editor* – Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU).

Translation Editors – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Malcolm Spencer** (Russia, Yekaterinburg, UrFU)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (UK, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington); Prof. **Paul Werth** (USA, Las Vegas, University of Nevada); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, St Petersburg Institute of History of RAS); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History of RAS); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University)

Logo ; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); отдел рецензий – доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ).

Редакторы перевода – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Спенсер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); проф. **П. Верт** (США, Лас-Вегас, Университет Невады); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-К. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Д. Уо** (США, Ситл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории РАН); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет А&М); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

<p><i>Larisa Soboleva, Dmitry Redin.</i> An Era of Change for People and the State.....1105</p>	<p><i>Larisa Soboleva, Dmitry Redin.</i> An Era of Change for People and the State.....1105</p>
---	---

Problema voluminis

<p>Власть слова и власть личности: переходная эпоха</p> <p><i>Марина Киселева.</i> Проект миссии в Московию Юрия Крижанича и дело просвещения иеромонаха Симеона на царском дворе1117</p> <p><i>Алексей Юдин.</i> Азбуковник справщика Московского печатного двора Давида Замарая: время и слово.....1132</p> <p><i>Иван Никулин.</i> Священство и царство в представлениях Сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова).....1143</p> <p><i>Константин Шаров.</i> Разноречие в обращении к антропонимам в русской гомилетике переходного времени1157</p> <p><i>Анна Смирнова.</i> Переводы из Цицерона в <i>Кратком руководстве к красноречию</i> Михаила Ломоносова1172</p> <p><i>Константин Бугров.</i> «Литература советников» и российская полити- ческая мысль века Просвещения: антимачиавеллистское влияние...1187</p> <p>Дворцовые церемониалы раннего Нового времени</p> <p><i>Андрей Павлов.</i> <i>Видеть государевы очи:</i> пожалования членов царского двора на праздник Пасхи в царствование Михаила Романова.....1203</p> <p><i>Мариуш Савицкий.</i> Торжества при берлинском дворе в донесениях секретаря английского посла Филиппа Плантамюра.....1217</p> <p><i>Филип Воляньский.</i> Торжества при европейских дворах в сообщениях «сарматских» путешественников.....1230</p> <p><i>Томаш Цесельский.</i> Придворные коро- левские церемонии и их рецепция в праздничной жизни Речи Посполитой1241</p> <p><i>Елена Смилянская.</i> Дипломатический церемониал при дворе Екатерины Второй1255</p>	<p>The Power of the Word and the Power of Personality: Transition Era</p> <p><i>Marina Kiseleva.</i> Juraj Krizanič's Mission to Muscovy and Symeon Polotskii's Educational Activities at the Tsar's Court1117</p> <p><i>Alexey Yudin.</i> The <i>Azbukovnik</i> of David Zamaray, a Proofreader of the Moscow Print Yard: Time and Word.....1132</p> <p><i>Ivan Nikulin.</i> Priesthood and Tsardom as Viewed by Siberian Metropolitan Ignatii (Rimsky-Korsakov).....1143</p> <p><i>Konstantin Sharov.</i> Contradictions in Anthroponyms in Russian Homiletics of the Transition Period1157</p> <p><i>Anna Smirnova.</i> Translations of Cicero in <i>Lomonosov's A Brief Guide</i> <i>to Eloquence</i>.....1172</p> <p><i>Konstantin Bugrov.</i> "Advisor Literature" and Russian Political Thought in the Enlightenment: The Anti-Machiavellian Influence...1187</p> <p>Court Ceremonial of the Early Modern Period</p> <p><i>Andrei Pavlov.</i> <i>To See the Sovereign's Eyes:</i> The Admission of Members of Court at Easter in the Reign of Mikhail Romanov1203</p> <p><i>Mariusz Savicki.</i> Celebrations at the Berlin Court as Reported by Secretary of the English Ambassador Philip Plantamour.....1217</p> <p><i>Filip Wolański.</i> Celebrations at European Courts as Viewed by Sarmatian Travellers.....1230</p> <p><i>Tomasz Ciesielski.</i> Celebrations at the Royal Court and Their Reception in the Festive Life of the Polish-Lithuanian Commonwealth.....1241</p> <p><i>Elena Smilyanskaya.</i> The Diplomatic Ceremonial at the Court of Catherine II.....1255</p>
---	---

СОДЕРЖАНИЕ

Сословные представления
и практики XIX – начала XX века

Дмитрий Тимофеев. Электоральные
конфликты и групповая солидарность
российского дворянства в царство-
вание Александра Первого1274

Ерофей Моряков. Региональная идентич-
ность крепостных в прошениях
императору Павлу Первому1292

Галина Алишина. В поисках «своего
места»: крестьянская колонизация
в Томской губернии1307

Виктор Мауль. Чигиринские вольнодумцы
в поисках крестьянской правды ..1321

Амиран Урушадзе. Донские казаки
на Кавказской войне: особенности
военной службы и оценки
современников1335

Origines

Алевтина Сафронова. Чтобы «напрасной
волокиты не было»: предложения
Василия Татищева об упорядочении
судопроизводства1353

Dialogus

Covid-19: катастрофа в языковом
измерении разных стран1369

Disputatio

Алексей Морохин. Смерть Петра Великого:
неизбежный финал или врачебная
ошибка?1393

Павел Лизунов, Владимир Морозан.
Организация и деятельность
банковского синдиката как биржевого
«Красного креста»1406

Сергей Маркедонов, Игорь Окунев.
Целостность и самоопределение
государств в мире проблемной
суверенности1422

Controversiae et recensiones

Томаш Амброзяк. Политический дискурс
Речи Посполитой: методология
и исследовательские
перспективы1439

Roman Pochekaev. Administrative Policy
or Administrative Dreams?1450

Hartmut Rieß. Современное исследо-
вание о короле Пруссии Фридрихе II
и России1461

Об авторах1472

Сокращения1481

CONTENTS

Class Ideas and Practices between
the 19th and Early 20th Centuries

Dmitry Timofeev. Electoral Conflicts
and Group Solidarity of the Russian
Nobility in the Reign
of Alexander I1274

Yerofei Moriakov. The Regional Identity
of Serfs in Their Petitions
to Emperor Paul I1292

Galina Alishina. In Search of “a Place
of One’s Own”: Peasant Colonisation
in Tomsk Province1307

Viktor Maul. Chigirin Freethinkers
in Search of the Peasant Truth1321

Amiran Urushadze. Don Cossacks in the
Caucasian War: Peculiarities
of Military Service and
Contemporary Assessment1335

Alevtina Safronova. To Avoid Unnecessary
Red Tape: Vasily Tatishchev’s
Proposals on Streamlining
Court Proceedings1353

Covid-19: A Disaster in the Linguistic
Dimension of Different Countries...1369

Alexey Morokhin. The Death of Peter
the Great: An Inevitable End
or a Medical Error?1393

Pavel Lizunov, Vladimir Morozan.
The Establishment and Activities
of a Banking Syndicate: The
“Red Cross” Stock Exchange1406

Sergey Markedonov, Igor Okunev. State
Integrity and Self-Determination
in a World of Problematic
Sovereignty1422

Tomasz Ambroziak. The Political Discourse
of the Polish-Lithuanian Common-
wealth: Methodology and Research
Prospects1439

Roman Pochekaev. Administrative Policy
or Administrative Dreams?1450

Hartmut Rieß. A Modern Study
of King Frederick II of Prussia
and Russia1461

On the Authors1472

Abbreviations1481

AN ERA OF CHANGE FOR PEOPLE AND THE STATE*

Man cannot discover new oceans unless
he has the courage to lose sight of the shore.

André Gide

An era of change. These words are the salvation and curse of human existence. The restlessness of human nature is reflected in the never-ending search for something new, encountering hope for the best, the desire for peace and stability, fatigue from the chase, disappointment, and bitterness.

If one tries to look at history from a bird's-eye view, one might notice how little there is in it that can be safely called periods of stability. As soon as the fabric of historical time has taken a recognizable shape, its threads begin to tear, its patterns dissolve, and a seemingly reliable "yesterday" turns into a shaky "today" and an unknown "tomorrow", terrifying the timid ("Be patient, everything will soon return back to square one") and encouraging the bold ("We are building a new, unknown and brave new world!").

There are no clear borderlines between epochs of stability. Change may enter our lives quietly and imperceptibly, or loudly, accompanied by the roar of orchestras and ringing declarations. But the old does not give up easily: it fights, mimics, adapts, and softens the radicalism of change. And so we talk about the "Long Middle Ages", about the "long" seventeenth, eighteenth, and nineteenth centuries, using the concept of "transitional era".

Paradoxically, the duration of such transition periods is often as long as that of "stable periods". Therefore, transition eras tend to develop their own periodization. The multi-layered nature of the historical process complicates our understanding of the boundaries of transition. The study of "transitivity" in history seems limitless in terms of problematics. The ability to reflect on this sharpens the sense of change; social elites become more responsive to innovations; political processes become more dynamic; wars redraw borders and impose a new reality faster than people can keep up

* L. S. Soboleva's work was financially supported by RSF Project No. 19-18-00186 "Culture of the Spirit" vs "Culture of the Mind": Intellectuals and Power in Britain and Russia in the Era of Change (17th-18th Centuries)".

Работа Л. С. Соболевой осуществлялась при финансовой поддержке гранта РФФ, проект № 19-18-00186 «Культура Духа» vs «Культура Разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII-XVIII вв.)».

with; economies are able to demonstrate explosive global changes that may not be perceived for several generations; and so on. This issue of *Quaestio Rossica* is interested in different scales of historic change: international, national, regional, local, individual/personal, socio-cultural.

We start the issue with a topic that seems to have affected nearly everyone this year: the Covid-19 virus and the epidemic (*Dialogus* section). This has highlighted various catastrophic problems: organizational, administrative, medical, sociolinguistic. *Quaestio Rossica* presents an interesting research perspective – the reaction of national languages to the epidemic and to the search of national governments for potential influence on the behaviour of the population. The authors show how the language of pandemic creates a general sense of danger and offers a means to counter catastrophe, including historical memory, emotivity of language, and administrative discourse. The discussion includes *Arto Mustajoki* (Helsinki, Finland), *Nadezhda Nilsson* (Stockholm, Sweden), *Rafael Guzman Tirado* (Granada, Spain), *Anna Tous-Roviroso* and *Daria Dergacheva* (Barcelona, Spain). *Irina Vepreva* and *Tatiana Itskovich* (Yekaterinburg, Russia) act as moderators².

The theme of historical change commences with materials from the international academic seminar “Russia and Britain: Ideas and Values in an Era of Change (17th-18th Centuries)” (10.07.2020, Ural Federal University with the support of the School of Slavonic and East European Studies (SEES) at University College London (UCL) under the patronage of the Russian Scientific Foundation). In collaboration with the journal *Dialog so vremenem* (“*Dialogue with time*”), we hope to provide a three-dimensional image of the transitional seventeenth and eighteenth centuries [see: От редакции].

For this issue of *QR*, we have chosen works studying many aspects of Russian culture’s relationship with people and ideas in Europe in the seventeenth and the eighteenth centuries. *Marina Kiseleva’s* (Moscow, Russia) article on Symeon Polotskii successful work at the Moscow court, against the background of Juraj Krížanič’s no-less-pertinent reflections at the end of the seventeenth century, demonstrates the great influence of personality on broadcasting new ideas. Metropolitan Ignatii (Rimsky-Korsakov) of Siberia expressed ideas about secular and clerical power, their borders and spheres of influence, that seem, according to *Ivan Nikulin* (Yekaterinburg, Russia), quite in the spirit of the times. *Konstantin Bugrov* (Yekaterinburg, Russia), based on eighteenth-century literary works, reflects on the specifics of Russian political thought in connection with opposition to the radical rationalism of Niccolò Machiavelli. *Alexey Yudin* (Novosibirsk, Russia) directs our attention to language as the most sensitive tool for measuring the movement of ideas. The author studies the influence of borrowed concepts from so-called “Lithuanian” books on the *Azbekovnik* of David Zamaray, a scribe at the Moscow Print Yard.

² For more information on the authors, please refer to the “On the authors” section.

According to *Konstantin Sharov* (Moscow, Russia), the different ways in which anthroponyms are used in transition-era homiletics demonstrate an ambiguous understanding of the personal factor in culture and history. *Anna Smirnova* (St Petersburg, Russia) discusses M. V. Lomonosov's translation of European classical authors (in particular, Cicero), thus concluding this section's somewhat rhetorical focus.

A thematic block of five articles by *Andrey Pavlov* (St Petersburg, Russia), *Mariusz Sawicki* and *Tomasz Ciesielski* (Opole, Poland), *Philip Wolanski* (Wrocław, Poland), and *Elena Smilyanskaya* (Moscow, Russia) reveals a colourful picture of ceremony at the courts of early modern monarchs, one that is by no means static. These articles provide interesting new information and observations on the representation of power. Moreover, turning to the multidimensional process of elite culture circulation reveals the channels and mechanisms of socio-cultural transfer between western and eastern Europe, showing the evolution of values within both individual countries and in the international context.

The theme of change is central to all the articles in the issue, regardless of the section in which they are placed. The agonizing death of Peter the Great, the personification of change, is shown against the background of medical debates surrounding his treatment in an article by *Alexey Morokhin* (Nizhny Novgorod, Russia). The most progressive medical figures of the time, held captive by their ambitions and conflicting ideas about the causes of diseases, were unable to correctly diagnose their Russian patient – a situation that had great political consequences for the radically reformed country. Vasily Tatishchev, a Petrine administrator, politician, and intellectual who proposed legalizing remuneration for judges and their clerks a few years after the death of Russia's great reformer, seems at first glance like a renegade from Peter's principles, a man trying to legalize bribery. However, as *Alevtina Safronova* (Yekaterinburg, Russia) shows, Tatishchev's project was in fact an innovation based on familiarity with the practice and theory of public administration in Sweden and the German states (*Origines* section). Noble self-government – an innovation that received a legislative basis in Russia as late as the last third of the eighteenth century – can look shabby when compared with the practices of the European west, with features seemingly lifted straight from the pages of Gogol and Saltykov-Shchedrin. Nonetheless, as demonstrated by *Dmitry Timofeev* (Yekaterinburg, Russia), the Russian provincial nobility quickly learned to use new electoral procedures not only as channels of public communication with the authorities, but also as a defence for their common interests, which affected the intensity of their social consolidation.

While earlier articles deal with the individual and collective behavioural practices of the Russian elite during transition periods, several subsequent pieces draw the reader's attention to commoners. Even the enserfed peasantry, the largest population group in eighteenth-century Russia, saw its self-consciousness evolve under the influence of long-term

changes. *Yerofey Moryakov* (Moscow, Russia), who studies the petitions of serfs to Paul I, comes to the conclusion that by the end of the century, the peasantry was also affected by social consolidation, which led, in particular, to the self-awareness of themselves not only as inhabitants of certain fiefs, but also as imperial subjects. *Viktor Maul* (Nizhnevartovsk, Russia) looks at the search for truth and justice among Chigirin peasants, albeit in the context of the idea of an ideal Monarch-Saviour. *Galina Alishina* (Tomsk, Russia) uncovers the aspirations of peasants to change their lives: based on archival research, the article vividly presents the successes and failures of the peasantry's colonization of Tomsk region.

Amiran Urushadze (Rostov-on-Don, Russia) discusses the reasons for the low combat effectiveness of the Don Cossacks during the Caucasian wars. As becomes clear from his research, the people of the Don often found themselves being sent to serve in the Caucasus. Such a radical change in the nature and conditions of their service was, according to the author, a clear miscalculation on the part of the civil and military leadership.

Mobilization and cooperation as responses to the challenges of change have also manifested themselves at the institutional level. *Pavel Lizunov* and *Vladimir Morozan* (Severodvinsk, St Petersburg, Russia) analyse the activities of a banking syndicate in the early twentieth century. Founded on the initiative of Sergei von Witte as a tool to mitigate the financial crisis of 1899–1903, the syndicate, in partnership with the Imperial State Bank, generally fulfilled the rescue mission assigned to it, and the experience it gained was successfully used afterwards. *Sergey Markedonov* and *Igor Okunev* (Moscow, Russia) present theoretical generalizations on the experience of changes in relation to territorial problems. Their article contemplates the complexity of the self-determination of independent states and conflicts arising from the opposition between formal borders and the population's national identity.

The *Controversiae et recensiones* section discusses international relations and their reception as manifested through the practices and statements of rulers and society. The complexity and ambiguity of such relations, as well frequent stereotypes in the assessment of such, are analysed in terms of eighteenth-century Russia and Germany in Peter Hoffman's monograph (2019). The author of the review, *Hartmut Rüß* (Munster, Germany), while appreciating the work's boldness and richness, does not miss the opportunity to point out the controversial nature of a number of Hoffman's statements. *Tomasz Ambroziak* (Yekaterinburg, Russia) speaks about how important terminology is for understanding one's worldview. He analyses the Polish researcher Anna Grzeskowiak-Krwawicz's monograph (2018) on political discourse in the Polish-Lithuanian Commonwealth. The reviewer's conclusion touches upon further prospects arising from this research. Presented via an analysis of management approaches, Dmitry Vasilyev (2018) considers changes in state policy in the Asian part of the Russian Empire. In his review of this work, *Roman Pochekaev* (St Petersburg, Russia) traces in detail the logic and documentary

basis of the monograph, pointing out Vasilyev's multi-faceted assessment of political ambitions combined with the progressive aspirations of ruling structures.

By focusing on the idea of change throughout the issue, we emphasize that this is one of the most important topics for the journal [see, for example: Morard, Soboleva, Redin], which the editorial board intends to address further.

Larisa Soboleva, Dmitry Redin
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Чтобы открыть новые части света,
нужно иметь смелость потерять из виду старые берега.

Андре Жид

Эпоха перемен. В этих двух словах спрессована едва ли не вся суть человеческого существования. В них спасение и проклятие человеческого бытия. Беспокойство человеческой природы сказывается в поиске чего-то нового в мире и в себе исходя из надежды на лучшее и в одновременном желании покоя и стабильности, в усталости от погони, обманутых надежд, горечи от бессмысленных жертв.

Исторический процесс не менее парадоксален. Если попытаться посмотреть на него с высоты птичьего полета, взять панорамным планом, то мы заметим, как мало в нем того, что можно с уверенностью назвать периодами стабильности, классическими эпохами. Едва лишь ткань исторического времени успевает соткаться в узнаваемое и ровное полотно, как нити его начинают рваться, узоры – расплзаться, такое надежное «вчера» превращается в зыбкое «сегодня» и неизвестное «завтра», ужасающее и манящее, заклинающее маловерных и робких: «Потерпите, все скоро вернется на круги своя»; ободряющее дерзких: «Мы строим новый неведомый и дивный мир»!

Между эпохами стабильности нет четких граней. Новизна может входить в нашу жизнь тихо и незаметно, а может – нарочито громко, в огнях, крови, грохоте оркестров и звенящих деклараций, но прежнее не сдается легко. Оно борется, мимикрирует, приспосабливается, смягчает радикализм перемен. И вот мы вынуждены говорить о «долгом Средневековье», о «длинном» XVII, XVIII, XIX в., оперируя понятием «переходная эпоха».

Длительность переходных эпох порой не уступает длительности «стабильных периодов». Внутри переходных эпох возникает своя периодизация. Многослойность исторического процесса усложняет наше

понимание границ перехода. Исследование «переходности» безгранично по проблематике и открытию новых граней: способность к рефлексии обостряет ощущение перемен; социальные элиты отзывчивее к новациям; политические процессы динамичнее социальных; войны перекраивают границы и навязывают новую реальность быстрее, чем она входит в сознание людей; экономика способна демонстрировать взрывные глобальные изменения, которые еще несколько поколений могут не восприниматься большинством, и так до бесконечности. Настоящий номер журнала посвящен процессам перемен, рассматриваемых в разных хронологических срезах и масштабах: межнациональных, национально-страновых, региональных, локальных, индивидуально-персональных, социокультурных.

Обзор начинаем необычно – с темы, затрагивающей сегодня каждого человека и ярко высветившей катастрофические проблемы разного свойства: организационно-государственные, биомедицинские, социологические – Covid-19 (раздел *Dialogus*). В номере представлен исследовательский ракурс – реакция языка разных стран на сложность восприятия и поиск воздействия через риторику на поведение населения, а также на создание общего ощущения опасности и средств противостояния катастрофе, включающих историческую память, эмоциональность языка, приказной дискурс государственного уведомления. В обсуждении приняли участие исследователи из разных стран Европы *Арто Мустайоки* (Хельсинки, Финляндия), *Надежда Нильссон* (Стокгольм, Швеция), *Рафаэль Гусман Тирадо* (Гранада, Испания), *Анна Тоус-Ровироса*, *Дарья Дергачева* (Барселона, Испания). Модераторы письменного диалога – *Ирина Вепрева* и *Татьяна Ицкович* (Екатеринбург, Россия).

Развертывание темы в историческом аспекте открывает публикация в разделе *Problema voluminis* материалов Международного научного семинара «Россия и Британия: идеи и ценности в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)» (10 июля 2020 г., Уральский федеральный университет при поддержке *University of London School of Slavonic and East European Studies* (SEESE) Университетского колледжа Лондона (UCL) под эгидой Российского научного фонда). В содружестве с журналом «Диалог со временем» мы надеемся дать стереоскопический образ переходной эпохи [см.: От редакции]. Для данного выпуска избран ракурс освещения связей русской культуры с людьми и идеями Европы XVII–XVIII в. То, насколько велико влияние личности при трансляции новых идей, демонстрирует статья *Марины Киселевой* (Москва, Россия), посвященная успешной деятельности Симеона Полоцкого при Московском дворе на фоне не имевших реального воплощения, хотя не менее злободневных размышлений Юрия Крижанича в конце XVII в. В воззрениях Сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) актуализировались идеи светской и клерикальной власти, ее границ и сфер влияния, и мысли церковного деятеля, согласно выводам *Ивана Никулина* (Екатеринбург, Россия), оказываются вполне

в духе времени. Продолжением размышлений о специфике российской политической мысли в связи с противостоянием радикальному рационализму Н. Макиавелли является исследование *Константина Бугрова* (Екатеринбург, Россия), проведенное на основании литературных произведений XVIII в. Обращение к языку как самому чуткому инструменту измерения движения идей присуще статье *Алексея Юдина* (Новосибирск, Россия) о влиянии заимствованных понятий из «литовских» книг в Азбуковнике справщика Московского печатного двора Давида Замарая. Различие в принципах использования антропонимов в гомилетике переходной эпохи, по мнению *Константина Шарова* (Москва, Россия), демонстрирует неоднозначное понимание личностного фактора в культуре и истории. Завершает обращение к теме красноречия статья *Анны Смирновой* (Санкт-Петербург, Россия) о принципах перевода античных авторов (в частности Цицерона) М. В. Ломоносовым.

Тематический блок из пяти статей авторов разных стран – *Андрея Павлова* (Санкт-Петербург, Россия), *Мариуша Савицкого* и *Томаша Цесельского* (Ополе, Польша), *Филиппа Воляньского* (Вроцлав, Польша), *Елены Смилянской* (Москва, Россия) – разворачивает перед читателем красочную картину церемониалов при дворах монархов Центральной и Восточной Европы раннего Нового времени, и эта картина не статическая. Содержание предлагаемых статей даст интересную новую информацию и исследовательские наблюдения для изучения механизмов презентации и репрезентации власти, но в комплексе представленный материал примечателен не столько этим. Обращение к многомерному процессу циркуляции элитарной культуры раскрывает каналы и механизмы социокультурного трансфера между западом и востоком Европы, показывает эволюцию ценностей как внутри отдельных стран, так и в интерконтексте.

Тема перемен пронизывает все статьи номера, независимо от того, в какой рубрике они размещены. Мучительная смерть императора Петра Великого, ставшего олицетворением новой эпохи, предстает на фоне медицинских дебатов о методах его лечения в статье *Алексея Морохина* (Нижний Новгород, Россия). Самые прогрессивные медицинские светила своего времени, находясь в плену карьерных амбиций и противоречивых представлений о причинах болезней, оказываются не в силах вынести правильный диагноз своему своенравному пациенту – вневременная ситуация, имевшая большие политические последствия для радикально реформировавшейся страны. Многомудрый Василий Татищев, администратор, политик, интеллектуал, предлагавший несколько лет спустя после смерти великого преобразователя России узаконить частные вознаграждения за профессиональную работу судей и их канцеляристов, выглядит на первый взгляд как отступник от заветов Петра, как человек, пытавшийся легализовать мздоимство. Но, как показывают публикация и исследование *Алевтины Сафроновой* (Екатеринбург, Россия), татищевский проект есть своего рода новация, основанная на знакомстве с практикой и теорией государственного

управления Швеции и германских государств (раздел *Origines*). Дворянское самоуправление – новшество, получившее законодательную основу в России только в последней трети XVIII в., – при сравнении с практиками европейского Запада может выглядеть убого, приобретая карикатурные черты в гоголевском и щедринском духе. Но, оказавшись в рамках электоральных процессов, как продемонстрировано в статье *Дмитрия Тимофеева* (Екатеринбург, Россия), русское провинциальное дворянство быстро научается использовать их не только в качестве каналов публичной коммуникации с властью, но и для отстаивания своих общесословных интересов, что влияет на интенсивность его социальной консолидации.

Если в предыдущих статьях речь шла об индивидуальных и коллективных поведенческих практиках различных слоев российской элиты в переходные эпохи, то в нескольких последующих материалах читательское внимание обращено на рядовые слои населения. Даже крепостное крестьянство, одна из самых инертных и при этом самая многочисленная группа населения России, подвержено эволюции самосознания под влиянием долгосрочных перемен, происходивших в стране в течение XVIII столетия. *Ерофей Моряков* (Москва, Россия), исследовавший петиции крепостных на высочайшее имя в царствование Павла I, приходит к выводу о том, что к концу столетия и их затронули процессы социальной консолидации, приведшие, в частности, к осознанию ими себя не только как обитателей тех или иных вотчин, но и как общеимперских подданных. Поиску правды и справедливости чигиринскими крестьянами, хотя и в контексте представления об идеальном монархе-спасителе, посвящена статья *Виктора Мауля* (Нижевартовск, Россия). Стремление крестьян изменить свою жизнь в новых исторических условиях и конфликтные ситуации организационного и ментального характера описывает *Галина Алишина* (Томск, Россия). Успехи и неудачи крестьянской колонизации Томского края ярко представлены в статье на основании архивных документов.

О причинах низкой боевой эффективности казаков Войска Донского в период Кавказских войн рассуждает *Амиран Урушадзе* (Ростов-на-Дону, Россия). Как становится ясно из его исследования, овечьные славы донцы оказались в качественно иной обстановке, будучи отправленными нести боевую службу на Кавказе. Такая радикальная перемена в характере и условиях их службы стала явным просчетом гражданского и военного руководства страны.

Мобилизация потенциала и сотрудничество как форма ответа на вызовы эпохи перемен проявляли себя и на институциональном уровне. В статье *Павла Лизунова и Владимира Морозана* (Северодвинск, Санкт-Петербург, Россия) анализируется деятельность банковского синдиката начала XX в. Основанный по инициативе С. Ю. Витте в качестве инструмента смягчения финансового кризиса 1899–1903 гг., синдикат в партнерстве с Государственным банком империи в целом

оправдал возложенную на него спасительную миссию, а обретенный опыт имел свое продолжение. Теоретическим обобщением опыта перемен в отношении к территориальным проблемам современности стали выводы в статье *Сергея Маркедонова и Игоря Окунева* (Москва, Россия) о сложности самоопределения государств и конфликтах, возникающих из противопоставления формальных границ и национальной идентичности населения.

В разделе *Controversiae et recensione*s продолжено обсуждение межгосударственных отношений и их рецепции в практике и высказываниях правителей и социума. Сложность и неоднозначность, а также зачастую стереотипы в оценке таких отношений (Россия и Германия XVIII в.) проанализированы в исторической монографии Питера Хоффмана (2019). Автор рецензии *Хартмут Рюсс* (Мюнстер, Германия), высоко оценивая смелость и информационную насыщенность работы, не упускает возможности указать на спорность ряда положений историка. О том, насколько важна для понимания мировоззрения терминология в ее историческом развитии, высказывается *Томаш Амброзьяк* (Екатеринбург, Россия) при анализе монографии польского исследователя *Анны Гжеськовьяк-Крвавич* (2018) о политическом дискурсе в Речи Посполитой. Вывод рецензента касается не только данной работы, но и видения дальнейшей перспективы, вытекающей из разработки проблемы. Тема изменения государственной политики в Азиатской части Российской империи, представленная на основе анализа управленческих подходов в исследовании *Дмитрия Васильева* (2018), рассмотрена *Романом Почекаевым* (Санкт-Петербург, Россия). Автор рецензии подробно прослеживает логику и документальную основу монографии, указывая на многогранную оценку автором политических амбиций в сочетании с прогрессивными устремлениями правящих структур.

Отмечая проходящую через весь номер идею перемен, подчеркнем, что это одна из важнейших проблем для журнала [см., например: *Transformations of Society, Bodily Imperfection, and Spiritual Beauty*], к которой редколлегия намерена обращаться и далее.

Лариса Соболева, Дмитрий Редин
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Список литературы

- От редакции // Диалог со временем. Вып. 73. С. 5–6. DOI 10.21267/Aqilo.2020.73.73.
Transformations of Society, Bodily Imperfection, and Spiritual Beauty / A. Morard, L. Soboleva, D. Redin // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. P. 7–20. DOI 10.15826/qf.2019.1.359.

References

Ot redaktsii [From the Editors] (2020). In *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time]. Iss. 73, pp. 5–6. DOI 10.21267/Aqilo.2020.73.73.

Morard, A., Soboleva, L., Redin, D. (2019). Transformations of Society, Bodily Imperfection, and Spiritual Beauty. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 1, pp. 7–20. DOI 10.15826/qr.2019.1.359.

Problema voluminis

THE POWER OF THE WORD AND THE POWER OF PERSONALITY:
TRANSITION ERA

COURT CEREMONIAL OF THE EARLY MODERN PERIOD

CLASS IDEAS AND PRACTICES BETWEEN THE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

Problema voluminis

ВЛАСТЬ СЛОВА И ВЛАСТЬ ЛИЧНОСТИ: ПЕРЕХОДНАЯ ЭПОХА
ДВОРЦОВЫЕ ЦЕРЕМОНИАЛЫ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ
СОСЛОВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПРАКТИКИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

THE POWER OF THE WORD AND THE POWER OF PERSONALITY: TRANSITION ERA

DOI 10.15826/qr.2020.4.516
УДК 94(470)''16'' + 374.7 : 27-76 + 272/273

ПРОЕКТ МИССИИ В МОСКОВИЮ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА И ДЕЛО ПРОСВЕЩЕНИЯ ИЕРОМОНАХА СИМЕОНА НА ЦАРСКОМ ДВОРЕ*

Марина Киселева

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

JURAJ KRÍŽANIĆ'S MISSION TO MUSCOVY AND SYMEON POLOTSKII'S EDUCATIONAL ACTIVITIES AT THE TSAR'S COURT**

Marina Kiseleva

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

This article concerns the intellectual situation at the court of Alexei Mikhailovich and his heir Fyodor Alekseevich. Several factors (Nikon's reforms and the opposition of the Old Believers, part of the court elite's reliance on western educational models, the invitation of Kievan scribes who spoke Greek, Latin, and Polish to the Moscow Print Yard to supervise the creation of liturgical books and promote translation and publishing activity, and the experience of the first educational establishments) testify to the fact that the culture of the Muscovy faced for the first time the need to choose a strategy for its intellectual activity. The

* Статья подготовлена в процессе работы по программе фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

** *Citation:* Kiseleva, M. (2020). Juraj Križanić's Mission to Muscovy and Symeon Polotskii's Educational Activities at the Tsar's Court. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1117–1131. DOI 10.15826/qr.2020.4.516.

Цитирование: Kiseleva M. Juraj Križanić's Mission to Muscovy and Symeon Polotskii's Educational Activities at the Tsar's Court // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1117–1131. DOI 10.15826/qr.2020.4.516 / Киселева М. Проект миссии в Московию Юрия Крижанича и дело просвещения иеромонаха Симеона на царском дворе // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1117–1131. DOI 10.15826/qr.2020.4.516.

author compares the lives of Juraj Križanić (1618–1683) and Symeon of Polotsk (1629–1680). Križanić arrived in Moscow to realise a union between Moscow and Rome but failed. However, Symeon, a Belarusian who had no missionary objective, managed to carry out nearly all of Križanić's planned intellectual innovations in the Muscovite state. This leads the author to conclude that the ruling elite was internally ready to discover the values of Christian education and enlightenment following western cultural models and that Symeon of Polotsk played a key role in their dissemination and realisation.

Keywords: Juraj Križanić; Catholicism; Symeon Polotskii; Orthodoxy; Tsar Alexei Mikhailovich; intellectual choice; Christian enlightenment.

Автор обращается к интеллектуальной ситуации на Московском дворе периода царствования Алексея Михайловича и его наследника Федора Алексеевича. Реформы Никона и противостояние староверов, ориентация части дворцовой элиты на западные образовательные и бытовые образцы, приглашение царем киевских книжников, владевших греческим, латынью и польским языками, на Московский печатный двор для «справы» богослужебных книг и активизации переводческой и издательской деятельности, опыт первых учебных заведений показывают, что культура Московского царства впервые столкнулась с необходимостью выбора стратегии интеллектуальной деятельности. Сопоставление биографий Юрия Крижанича (1618–1683) и Симеона Полоцкого (1629–1680) выявляет исторический казус: Крижанич прибыл в Москву для реализации проекта унии Москвы и Рима и потерпел фиаско. Белорус Симеон из Полоцка, не имея миссионерской цели, практически осуществил все пункты плана Крижанича, касающиеся интеллектуальных новшеств в Московском государстве. Напрашиваются выводы о внутренней готовности властных элит государства открыть для себя ценности христианского образования и просвещения по западным культурным образцам и о безусловной заслуге иеромонаха Симеона Полоцкого в их трансляции и разносторонней реализации на Московском дворе.

Ключевые слова: Юрий Крижанич; католическая вера; Симеон Полоцкий; православие; царь Алексей Михайлович; интеллектуальный выбор; христианское просвещение.

Установление взаимных связей властных элит и интеллектуалов Московского царства фиксируется с середины 1650-х гг.¹ В сентябре 1659 г. на московский двор царя Алексея Михайловича пришел Юрий Крижанич, имевший миссионерский замысел – привести Московское государство к унии с папским Римом и вовлечь его в антитурецкую военную коалицию. Замысел, побудивший Крижанича пересечь около трети Европы, не удался. Симеон Полоцкий познакомился с госу-

¹ О придворной элите подробнее см.: [Седов, ч. 1, гл. 2; ч. 2, гл. 1, 1.1–1.4].

даром в Полоцке, впервые пришел в Москву в 1660 г., а окончательно поселился в Заиконоспасском монастыре в 1664 г.

При сопоставлении миссионерского проекта Крижанича с корпусом текстов Симеона становится очевидно: ничего не зная о проекте Крижанича, белорусский просветитель буквально по пунктам осуществил его программу в Москве.

Крижанич получил образование в иезуитской школе в Любляне и загребской католической семинарии, посещал Университет Болоньи, изучал право и теологию. В Риме в коллегииуме Св. Афанасия он прошел подготовку для будущей миссионерской деятельности среди православных. «Записку о миссии в Москву» 23-летний Крижанич подал на имя префекта пропаганды кардинала Антонио Барберини в 1641 г. В Москве он появился через 18 лет зрелым интеллектуалом.

«Записка...» построена на основе подробного анализа наблюдений путешественников-католиков А. Поссевино и С. Герберштейна. Цитирование этих авторов подчеркивает учебный характер работы, но материал структурируется и преподносится в логике автора: в первой части (пункты I–VI) Крижанич дал общие соображения о «природе» москвитян; во второй (пункты VII–X) сосредоточился на осмыслении практических проблем; в третьей (пункт XI) представил развернутый план последовательных действий для выполнения главной цели миссионера в Москве². Рассмотрим третью часть проекта.

«Речь о практическом осуществлении дела» – так Крижанич называет пункт XI – включает формулировку и описание семи необходимых шагов миссионера:

- найти способ проникнуть ко двору великого князя;
- искать случая для частых бесед, чтобы снискать его расположение;
- сохранить расположение и заслужить благодарность и награды;
- быть осмотрительным при принятии наград;
- не оскорблять никого из епископов, бояр и др.;
- добиться дозволения печатать собственные труды после рассмотрения их епископами;
- раскрыть главное намерение.

Автор представлял себе московского царя европейским властителем, обладающим соответствующим придворным штатом, взывающим просвещения и расположенным к беседам, владеющим свободной типографией, раздающим награды и благодарности для поощрения подданных, и т. п.

Крижанич надеялся, что книга по истории христианства, задуманная еще в Риме, вызовет желание государя приблизить к себе автора. Касаясь церковной истории разных наций, он планировал не упустить «ни единой подробности о первоосновах, об успехах или упадке и утрате веры христианской среди всех наших народностей, каковы

² Идеи «Записки...» можно обнаружить в сочинении «Разговор о владетельстве» («Политика»), которое Крижанич начал писать в 1663 г. в Тобольске.

поляки, богемцы, москвитяне, болгары, черкасы (circassi), хорваты, босняки и иные» [Крижанич, с. 36]. Планировалось также перевести какой-нибудь «духовный труд» – не только понятный, полезный, но и «забавный». Он думал, что государь «милостиво благоволит дозволить мне одному с его разрешения явиться и лично выразить ему свое глубокое почтение составлением (в честь его) предисловия (к книгам)» [Там же].

Для европейской культуры предисловие, посвященное правителю или высокопоставленному лицу, как и обращение к читателю – унаследованная от Античности культурная норма. Содержание посвященного текста менялось в зависимости от целей автора и адресата сочинения. В Московском царстве, как показали исследования, «вступительные и заключительные статьи... были не просто личными размышлениями печатников, а государственными документами, имевшими определенную политическую цель» [Елеонская, с. 83]. Сложившиеся правила старопечатной книжной культуры не допускали личное обращение к правителю. Потому идея Крижанича, не известного при дворе, скорее всего, имела мало шансов на успех.

Однако Крижанич поместил в тексте «Записки...» нечто вроде чернового наброска будущего предисловия. Его можно рассматривать как своего рода «заявление» о принятии на службу ко двору Московского государя:

...Обозревая все личности, принадлежащие к нашим вышесказанным народностям, я не мог в настоящее время найти никого, равного ему по величию (что не было бы ложью), и что поэтому ему одному подобает посвятить труд, содержащий в себе описание религии, войны и мира всей нашей народности, так как он среди нее – величайшая особа, способная наилучшим образом защищать и возвеличивать ее достоинство. И что поэтому я решился не служить никому иному, кроме достойнейшего из наших народных князей, и охотно отдал бы себя на служение ему, если бы только был способен к чему-либо дарованием ли или трудами. И что, хотя все это еще ничтожно мало, тем не менее, я надеюсь не быть отринутым со стороны его светлости и милости. Я намекнул бы далее на то, что мог бы служить ему по части языков латинского, итальянского (volgare), испанского, хорватского, немецкого и греческого как в качестве переводчика, так и в качестве посланника, а если бы ему благоугодно было, то и в качестве наставника его сыновей [при изучении] этих языков или же скорее как наставник в каком-нибудь свободном искусстве, пользуясь их же природным наречием [Крижанич, с. 38].

Темы бесед с царем – дела государственные: мир, война, вера. Эти знания, мыслил Крижанич, следует постоянно пополнять.

Во второй части «Записки...» Крижанич остановился на просветительских планах, считая, что без них главная его цель не будет достигнута. Важнейшей является проблема разноязычия, из которой следует

необходимость перевода книг на «московский язык» и обучение иным языкам жителей Московии. Крижанич ставил вопрос о правильности московских переводов богослужебных книг, связывая его как со знанием языков, так и с проблемой источников перевода:

...Я доселе не знаю никого, кто бы знал московский язык и свойства этих фраз вместе с греческим или латинским языком и в то же время заложил бы некоторое твердое основание в богословии... Единственное, что нужно для спасения москвитян, есть выяснение им заблуждения греков и пересмотр их переводов и исправление таковых [Крижанич, с. 34].

Болеую точку русской печатной культуры того времени подчеркивает А. В. Карташев: в 1641 г., когда Крижанич писал свой проект, на Печатный двор для «книжной справки» по спискам богослужебных книг из разных монастырей были затребованы «старцы добрые и черные попы и дьяконы, житием воздержательные и крепкожительные и грамоте гораздые» [Карташев, с. 111]. Списки для сверки и правки собирались и в Греции, что могло быть известно Крижаничу.

Поставив перед собой задачу «приобрести хотя бы посредственные познания в греческих писаниях и в московской речи», Крижанич надеялся заметить «наиболее грубые заблуждения» москвитян в их вере [Крижанич, с. 34]. Это был исходный пункт проекта: через образование и богословие, книги и овладение языками совершить подготовительную работу, которая поможет и ему, и будущим миссионерам склонить Московию к принятию католической веры. Крижанич считал, что ему понадобятся знания «не только латинского языка и греческого, но и еврейского, более же всего – основательное понимание языка славянского» [Там же, с. 35]. Начать следовало с разработки учебных курсов по образцу *arts liberalis*:

Не следует... пренебрегать и низшими из свободных наук и искусств, и по этой части я уже перевел кое-что на хорватский язык, чтобы потом с незначительными изменениями изложить это на московском наречии; и таким образом я по мере слабых сил своих обработал курс поэзии, красноречия, арифметики и грамматики и несколько книжек духовного содержания. Еще я сделал опыт перевода [курса] казуистики (*li casi di coscienza*) и философии... [Там же, с. 37–38].

Основную работу он предполагал вести вокруг перевода «историй, изящной словесности и духовных творений», но без политических рассуждений. И все это «с дозволения князя» и после просмотра переводов «епископами, ничуть не касаясь споров о вере, а занимаясь только другими полезными и приятными материями» [Там же]. Политика оставлена для устных советов царю. Крижанич не принимал тезис Поссевино, который считал, что «московский князь» ненавидит изящные искусства и науки. Помня Аристотеля, будущий миссионер

верил, что тот «любит воспитание умов и свободные искусства и науки (*le facolta' liberali*) и покровительствует им; так как по природе *omnis homo scire appetit* (“всякий человек стремится к знанию”) и никто не может любить невежества...» [Крижанич, с. 37–38].

Вопрос о систематическом образовании в Московском государстве был важен для Крижанича не только практически. Он пытался понять причины «отсутствия там всякой словесности» [Там же, с. 39]. Еще в первой части «Записки...» автор объяснил, что вера у москвитов от греков и что в дальнейшем они общались только с ними как единовверцами. Но теперь, по его мнению, греки утратили способности к искусствам и наукам. И, не зная «языка нашего» (славянского), настолько трудного, «что даже и среди латин редки говорящие на нем в совершенстве» [Там же], они не могут дать образования москвитам. Оптимизм Крижанича в просвещении Московского царства держится на уверенности в силе католической культурной традиции. Его вывод: «невежество москвитян происходит не из ненависти или запрещения наук, а от невежества их учителей, от трудности языка и подозрительности их к тем, которые могли бы научить их» [Там же].

Полезной для просвещения Крижанич считал панегирическую словесность «как в прозе, так и в поэзии». Словесные подношения государю он собирался писать «на нашем языке, но по образцу и по метрике латинским» [Там же, с. 40]. Более того, «с дозволения государя» предполагал иногда «представить и на сцене некоторые подвиги... святых и князей» из истории Московского царства [Там же].

Из книг для печати Крижанич ориентировался на католическую литературу, считая, что «в определенное время следует читать розарий»³ (по четкам) и «произносить некоторые увещания к добродетели» (конечно, книги должны быть изданы с разрешения государя) [Там же, с. 41]. По его мнению, такое чтение привлечет «множество народа», ибо в Московском царстве «проповедь не в обычае» [Там же].

Крижанич предполагал изложить нравственные начала христианства (нравственное богословие), затем перейти к практике и «напечатать о способах исповеди и экзамена совести» [Там же]. Наконец, с одобрения епископов «издать Розарий, Стелларий⁴, Венец Господень, Службу Мадонне и разного рода размышления и духовные упражнения» [Там же]. Иными словами, сначала настроить москвитов на восприятие нравственных правил и примеров, а затем издавать книги для заинтересованных читателей, причем духовную литературу (церков-

³ Первые упоминания об использовании схожих с Розарием молитв по четкам в христианских монастырях относятся к IX в. Первоначально по 150 бусинам читались 150 псалмов, впоследствии круг был разбит на десятки, разделенные большими бусинами, и вместо псалмов по нему читались «Отче наш» и «Аве Мария». Современный вид четки приобрели в XIII в.

⁴ Стелларий (*Stellarium*) – 12 глав по числу звезд в венце Девы Марии (*Stellarium coronaе VMV Mariae*) составляют 12 постулатов учения о Деве Марии, текст католической традиции.

ная история, трактат «de notis Ecclesiae», книги по вопросам «совести (казуистике) и некоторым важнейшим вопросам богословия» [Крижанич, с. 41]) чередуя со светской. Завершая издательский план написанием «истории князя и его времени», то есть правления Алексея Михайловича, автор думал убедить государя послать его в Венецию «для составления и перевода других книг», используя эту возможность для соединения Москвы со святейшим престолом [Там же].

Понимая, что реализация проекта займет не один год, Крижанич полагал: необходимо своевременно раскрыть «истинное намерение» его прихода в Москву. Панегирик в честь государя воодушевит его «жаждою славы и еще больших подвигов». Более всего подходит царю «московитов» идея грядущей победы в войне с турками. Для московского государя это наилучший способ собрать единоверцев – греков и славянские народы – против «оттоманов» [Там же, с. 41–42]. Автор уверен, что война сделает Московское царство союзником Запада. Поскольку «москвитяне не знают военного дела в том совершенстве, в каком оно в ходу у католиков» [Там же, с. 42], условием оказания военной помощи западными правителями должна стать уния. Для ведения переговоров Крижанич предлагал свои услуги.

Попав в Московию, Крижанич не смог реализовать все, что задумал, кроме написания книг. Начав службу переводами с греческого и латыни на Печатном дворе, он был отстранен от дел и сослан в Сибирь 20 января 1661 г. (соответствующие документы до сих пор не известны). В Тобольск прибыл 8 марта 1661 г. и задержался на долгие 15 лет. Вдали от царя, получая небольшие деньги, Крижанич осуществлял свой «книжный план» – писал трактаты по теологии и грамматике, политике и истории, заметки о Сибири. Советы государю он оставил в рукописях⁵.

После смерти Алексея Михайловича Крижанич был возвращен из ссылки в Москву (5 марта 1676 г.), затем отправился в Европу через Вильно и Варшаву, вступил в польское войско, собранное Яном Собеским для похода против Османской империи. Участвовал в битве за освобождение Вены и погиб 12 сентября 1683 г.

* * *

Летом 1656 г. судьба подарила монаху и дидаскалу Симеону встречу в родном Полоцке с московским царем Алексеем Михайловичем во время его похода на Ригу. Эта встреча стала providенциальной как для культуры Московского царства, так и для самого Симеона.

⁵ В докладе, посвященном 300-летию со дня смерти Крижанича, М. И. Автократова говорила о десяти рукописях ЦГАДА, относящихся к тобольскому периоду его жизни: «Разговор о владетьстве» («Политика»), «Грамматично исказание об русском езыку» («Грамматика славянского языка»), богословский трактат «О промысле Божьем», «De arte bene morendi» («Об искусстве умерет достойно») – перевод Беллармина, «История Российская» на латинском языке и др. [Автократова, с. 31–32].

Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович, выпускник Киево-Могиланской коллегии, учившийся в Академии Общества Иисуса Вильно (документы не сохранились), принял монашеский постриг с именем Симеон в Богоявленском монастыре Полоцка. Вместе с 12 учениками он приветствовал царя в монастыре панегирической декламацией «метрами». Как и другие панегирические сочинения эпохи барокко, ее текст во многом заимствован из «Просфонимы» (1591), посвященной митрополиту Михаилу Рогозе [Прашкович]. На царя, как принято сообщать в литературе, приветствие произвело огромное впечатление. На возвратном пути осенью того же года царь снова слушал декламацию симеоновых учеников в свою честь.

Случайная встреча с царем связала Симеона с московским двором и с царской семьей, но не стоит видеть в этом только личные мотивы. Роль сыграли территориальные (за них велись войны с Речью Посполитой и Швецией) и конфессиональные интересы Московского царства. Так, игумен Богоявленского монастыря Игнатий (Иевлевич) с братией обратились в Москву – «били челом... пасторству». В грамоте от 27 марта 1658 г. патриарха Никона монастырь Полоцка принимался «под свою руку» со следующими правами: «такову свободу даровати» для разрешения судебных дел и неподчинения «тамошнему Епископу», а в случае «неудобных» дел было рекомендовано обращаться в Москву [Акты Московского государства, т. 3, с. 257]. И территориальные, и конфессиональные интересы Москвы Симеон озвучил в панегириках царю.

Крижаничу, полагавшему, что самое надежное средство завоевать царское расположение – развивать образование и просвещение, не выпало счастливого случая личной встречи с царем. Симеону же дорога на Московский двор оказалась открыта.

С 1664 г. Симеон жил в Москве. Образование приказных и типографских людей стало для него первым делом. Он, конечно, видел различие в уровне знаний и просвещенности, а также характере общения с прихожанами великоросских православных духовных лиц с тем, что было принято в Богоявленском монастыре Полоцка. Отсутствие школьного образования, практики катехизации, проповедей, читаемых за литургией среди верующих, личных исповедей и т. п. способствовало тому, что русская культура осознавала проблему христианского просвещения и образования как политически значимую. Для российской культуры, писал В. М. Живов, со времени после Большого Московского собора 1666–1667 гг. и до конца царствования Петра Великого «оппозиция знания и невежества актуализируется и становится важнейшим инструментом в культурно-политической борьбе» [Живов, с. 12].

С 1650-х гг. ускорение процесса перехода от книжного характера образования к его институциональности и систематичности стало государственной необходимостью. Симеон – один из интеллектуалов, двигателей этого процесса. Известны его попытки завести «на Москве»

«училища». В 1667 гг. прихожане церкви Иоанна Богослова в Бронной слободе писали челобитные на имя царя Алексея Михайловича и его духовника Андрея Савинова с просьбой поддержать создание «училища славенския грамматики» при церкви. Эти просьбы дошли до патриархов – московского Иоасафа, александрийского Паисия и антиохийского Макария. К Паисию и Макарию обращался в том же 1667 г. «некий муж» с просьбой «утвердить грамотой создание в приходе храма Иоанна Богослова училища». Б. Л. Фонкич, опубликовавший документы, писал: «есть все основания для заключения о том, что ведущую роль в хлопотах об основании училищ играл Симеон Полоцкий» [Фонкич, с. 81]. Он считает, что именно Симеон сам составлял как челобитные, так и «ответы» патриархов и был готов содержать школу на свои средства. К нему же «восходят все предложения относительно устройства училища и программы обучения в нем» [Там же]. Благословенная грамота восточных патриархов была получена, однако школу не открыли.

В конце 1670-х гг. Симеон Полоцкий обсуждал план создания в Москве высшего учебного заведения с молодым царем Федором Алексеевичем (в недавнем прошлом своим учеником) и с патриархом Иоакимом. После смерти Симеона (1680) в его бумагах остались заметки об организации школы – устав и учебные программы по образцу Киево-Могилянской коллегии. Библиотеку и архив Симеона унаследовал его ученик Сильвестр Медведев. Он и выполнил окончательную редакцию «Привилегии на Академию», документа, поданного царю в январе 1682 г. Документ не был подписан, но в Заиконоспасском монастыре по царскому указу тогда же начались работы по созданию славяно-латинской школы, где Сильвестр Медведев преподавал латынь. Школа просуществовала до 1687 г., когда была основана Славяно-греко-латинская академия.

Идея Крижанича о наставничестве над царскими детьми также была осуществлена Симеоном. В 1667 г. он был призван в учителя к наследнику Алексею Алексеевичу. Когда в 1670 г. царевич неожиданно умер, Симеон продолжил обучение Федора и его сестры царевны Софьи. Учебный процесс требовал книг для чтения и учебников. Симеон переводил и сочинял буквари и катехизисы, книги для чтения, проповеднические сборники и тексты бесед на богословские темы, что соответствует издательским планам Крижанича. Важно, что Симеон, в отличие от прямых переводов, предполагавшихся Крижаничем, трудился над книгами католических авторов, так сказать, «синтетически», заимствуя сюжеты, фрагменты и аргументы, адаптируя тексты как православный книжник. М. А. Корзо, исследуя текст рукописного «Венца веры кафолическая» (1670), показала, насколько композиционная структура сочинения Симеона Полоцкого «зависима от латинского оригинала» и даже «совершенно идентична» компендиуму Жака Маршана «Hortus pastorum» (1626–1627) [Корзо, с. 25]. Но речь не только о композиции. Симеон переносит библейские

цитаты из текста Маршана, авторски обрабатывая их, сочетая для цитирования в своих текстах разные переводы Библии (и латинский, и славянский). Исследователь показала, как Симеон «использует... техники и приемы работы» с компендиумом Маршана, не переводя «дословно», но делая «умелую выборку». В библиотеке Симеона, привезенной из Полоцка, значатся книга Маршана и многие другие латинские богословские трактаты. Он переводил их на «славенский язык», а также использовал в собственных сочинениях, например, в поэтической энциклопедии «Вертоград многоцветный» (1678) и в сборниках проповедей.

Исторических книг Симеон Полоцкий не сочинял, однако в «Вертограде многоцветном» содержались сюжеты из греческой мифологии, истории об Александре Македонском, римских цезарях, византийском императоре Юстиниане, Карле Великом и др.

Что же касается посвящений, на которые очень надеялся Крижанич, то «Псалтырь рифмотворная» (1680) Симеона открывается панегирическим посвящением царю Федору Алексеевичу, имеющим просветительский, историко-богословский и политический смысл. «Удобь» Псалтырь «пети» в стихах на «славенском диалекте», как и мечтал Крижанич. Лучше делать это в домах, укрепляя веру в семье, соединяя Царство Бога, откуда «умудрен» был царь Давид, молящийся теперь за молодого российского царя. Царь воюет с турками – сбылась мечта Крижанича! Однако не к римскому престолу обращает Симеон взоры царя Федора. Его вдохновляет юный Давид, Голиафа «силнаго преоможе» (победивший сильного), просящий Бога дать силы молодому царю «силнаго турка збити» [Симеон Полоцкий, 2004, с. 212].

Крижанич отдельным пунктом определил необходимость добиться дозволения печатать его собственные труды. В типографии, открытой с разрешения царя Федора Алексеевича в верхних покоях дворца в Кремле («Вверху»), в последние годы жизни поэт, переводчик, педагог, проповедник и богослов Симеон подготовил букварь «Начало учения детям» (декабрь 1679), содержащий катехитическое изложение веры, затем «Псалтырь рифмотворную», «Тестамент, или Завет Василия, царя греческого, к сыну его Льву Философу», «Историю о Варлааме и Иосафе». После смерти автора к ним прибавились впервые изданные в России старанием Сильвестра Медведева печатные сборники проповедей «Обед душевный» (1681) и «Вечеря душевная» (1683). Они были иллюстрированы гравюрами Афанасия Трухменского по рисункам Симона Ушакова.

Симеон был уверен, что проповедь необходима для самостоятельного утверждения прихожан в вере. Потому адресат его сочинений – православное священство, которое смогло бы составлять проповеди по книжным источникам. Симеон, имевший риторическое образование, владел правилами составления книжной барочной проповеди. В его личной библиотеке хранились сборники украинских казнодевов: «Ключ разумения» Иоанникия Галятовского со специальным раз-

делом образцов для составления проповедей – «Наука albo способ зложена казаня» (1659); «Меч духовный» (1666, 1668), «Трубы словес проповедных» (1674, 1679) Лазаря Барановича, а также сборники католических проповедников.

Знарок барочной гомилетики, Симеон утвердил в книжной форме и на церковнославянском языке новую для православной Москвы морально-риторическую систему знания, сочетающую жесткую логику изложения (риторические правила) с метафоричностью концептной конструкции. В его книжных проповедях соединены средневековые схоластические сюжеты, наследие ренессансной литературной традиции, начала «второй схоластики», на которой строились курсы философии в иезуитских коллегиях. Симеон включал в них не только священные тексты, но и цитаты из Аристотеля и других античных авторов, обогащал их внутренними ссылками и полемическими приемами, приобщая читателей, по словам А. В. Михайлова, к «традиционному языку культуры».

Свободное обращение с разнообразными богословскими и литературными источниками позволило Симеону использовать фрагменты католических проповедей, что определило системность его гомилетики, вписывавшей в барочную форму учительное православие. С теми же источниками он работал, создавая стихи «Вертограда многоцветного» как книгу для чтения, «круг чтения» – энциклопедию для титулованных учеников [Simeon Polockij]⁶.

Симеон умел словесно выразить сакральность Божьего Слова и представить его визуально в формах барочной литературы: эмблемах, визуализациях стихов, театральных действиях и дворцовых церемониях. Ему принадлежат два драматических текста на библейские сюжеты, которые были поставлены в заведенном им дворцовом театре.

Симеон открыл для России новую художественно-интеллектуальную область, обслуживающую власть в соответствии с правилами и стилем культуры барокко. Он участвовал в дворцовых церемониях и празднествах как сочинитель текстов приветствий, панегириков, плачей по усопшим, стихов по случаю православных праздников, «доброгласных» пожеланий и т. д. и т. п. Эта деятельность, безусловно, влияла на умы и чувства ближней к царю элиты Московского двора, прокладывая пути к европейской придворной церемониальности. Л. И. Сазонова отмечала первенство Симеона в заведении на московском царском дворе известной европейским литературам Возрождения и барокко придворной поэзии. Здесь она «представляла собой явление небывалое» [Сазонова, с. 21].

Благодаря стараниям Симеона идеологема абсолютизма в России обогатилась новыми поэтическими символами государственной

⁶ В комментариях к каждому тому Э. Хипписли дал подробные ссылки на фрагменты из сборников проповедей М. Фабера, И. Меффрета, уже упомянутого Ж. Маршана и другие источники, которые стали основой сюжетов, моральных сентенций или аргументов для стихов «Вертограда многоцветного» [Simeon Polockij].

власти. Так, в ранней «геральдико-эмблематической поэме» (термин Л. И. Сазионовой) «Орел российский» (1667), помещенной самим автором вместе с другими стихами церемониального круга в сборник «Рифмологион» (1665–1680), смыслы разнообразных панегирических текстов связаны с визуальным геральдическим изображением орла в многочисленных лучах солнца как символа царской власти. Пропитанные античными реминисценциями поэтические речи в «Елогионе», произносимые по порядку девятью музами Аполлона, восхваляют царя и его род. Задача панегирического возвышения власти соединена Симеоном с ее просвещением.

«Речь при вручении книжицы сея...», адресованная царю Алексею Михайловичу, была произнесена по случаю провозглашения 1 сентября 1667 г. (новогодний подарок) царевича Алексея Алексеевича наследником престола и посвящена (первый случай посвящения) «в солнце представленному» «Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу Всея Великая и Малыя и Белыя России Самодержцу», а также «нововозсиявшему солнцу» в день торжественный «всемирнорадостного правления его» [Симеон Полоцкий, 2017, с. 212].

Чтобы найти свое место в европейском мире, России нужно было не только включиться в европейскую политику, но и понять ее культурное прошлое. Барокко, продолжая традицию Ренессанса, возвращало Европу к Античности, а русская культура через барочные тексты Симеона знакомилась с греко-римской мифологией и историей.

Но и Европа смотрела в сторону Московии. В том же 1667 г. Лаврентий Хурелич (или Хурелевич), герольдмейстер императора Священной Римской империи, был специально послан в Россию для составления «родословия» московских государей, чтобы указать на родство России с восемью европейскими державами. Герольдмейстер описал российский герб, воспроизведя титул Алексея Михайловича:

Орел двоеглавый есть герб державный Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великая и Малая и Белыя России самодержца, его Царского Величества Российского царствия [цит. по: Пчелов, с. 41–42].

* * *

Почему интеллектуал Крижанич был отправлен в Сибирь, а интеллектуал Симеон успешно справился со всеми пунктами его проекта? Очевидно, работал контекст: судьбы интеллектуалов определялись не только случайностью, но и традициями, политическими амбициями и культурными реалиями Московского царства.

Древнерусский тип книжного просвещения к 1650-м гг. обнаружил готовность к трансформации. Ничего похожего на образовательную систему Россия ранее не знала, а церковнославянский язык оставался русских книжников в пределах славянского культурного ареала.

Латынь как язык западной учености воспринималась как носительница «чужой», враждебной католической веры; западное образование не могло быть полезно православному государству. Работавшая веками культурная модель трансляции знаний через древнерусскую книжность практически исчерпала себя. Это показали и реформы Никона, и реакция на них охранительной культуры старообрядцев.

Военное противостояние России и Восточной Европы с конца XVI и в XVII в. (Ливонская война, война с Польшей, Смута, снова война с Польшей и Швецией за западные территории) втянуло Московское царство в европейскую политику. Войны приводят к усилению контактов между противоборствующими сторонами. Возник государственный интерес Московского двора к иностранцам (бывшим пленным, наемникам, знатокам оружия и т. д.) как источнику военных знаний. Сформировался особый «милитарный интеллектуализм». С. М. Соловьев писал, что за этими знаниями нужно было ехать не в Киев или Варшаву, а на Запад, в немецкие поморские государства, или привозить немцев-знатоков в русские войска. Иными словами, в политике образовался мотивированный практический интерес к западным знаниям вне религиозных оценок.

Новый буржуазный тип развития в Европе еще не коснулся России. Однако торговля – доходное дело, а потому росли контакты с иноземцами, в Москве был учрежден Посольский приказ. Ему требовались знатоки языков и «делопроизводства». Шло постепенное экономическое освоение торговых путей на севере, за Уралом, в Восточной Сибири и Забайкалье. Однако промышленное освоение новых территорий, как и картографирование – активное «интеллектуальное» присвоение – стало возможным через столетие.

С ростом политических и территориальных амбиций московской власти проникновение в Россию европейских культурных образцов стало функциональной нормой. Веками закрепившееся противостояние русского православия католицизму, а также с XVI в. и ересям «на лютеры» и «на кальвины», делало *прямые заимствования* (по образцу «милитарного интеллектуализма») богословских, философских и научных открытий европейской культуры того времени невозможными. Проект унии Крижанича был обречен. А вот «посредничество» выпускников Киево-Могилянской коллегии и образованных монахов из Малой и Белой России стало средством осуществления интеллектуального выбора царя Алексея Михайловича на почве православия, чем и объясняется успех Симеона.

Список литературы

Автократова М. И. Сочинения Юрия Крижанича в фондах Центрального государственного архива древних актов // Znanstveni skup u povodu 300 obljetnice smrti Jurja Križanića (1683–1983) : zbornik radova. Dio 1–2. Zagreb : Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1985. S. 31–37.

Акты Московского государства : [в 3 т.]. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1890–1901. Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. XXX, 674 с.

- Елеонская А. С.* Русские старопечатные предисловия и послесловия второй половины XVI – первой половины XVII в. (патриотические и панегирические темы) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М. : Наука, 1981. С. 71–99.
- Живов В. М.* Из церковной истории времен Петра Великого : Исследования и материалы. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 360 с.
- Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. М. : Terra, 1993. 685 с.
- Корзо М. А.* Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М. : Ин-т философии РАН, 2011. 155 с.
- Крижанич Ю.* Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву. 1641 г. М. : Имп. О-во истории и древностей российских : Университет. тип., 1901. 42 с.
- Прашкович Н. И.* Из ранних декламаций Симеона Полоцкого («Метры» и «Диалог краткий») // Тр. Отд. древнерус. лит. М. ; Л. : Наука, 1965. Т. 21. С. 29–38.
- Пчелов Е. В.* Российский государственный герб: композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М. : РГГУ, 2005. 162 с.
- Сазонова Л. И.* К истории создания «Рифмологиона» Симеона Полоцкого // Славяноведение. 2011. № 2. С. 19–35.
- Седов П. В.* Закат Московского царства : Царский двор конца XVII в. 2-е изд., испр. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 604 с.
- Симеон Полоцкий.* <Первое предисловие к «Псалтыри рифмотворной»> // Симеон Полоцкий. Избр. соч. / подг. текста, ст. и коммент. И. П. Еремина : [репринт. воспр. изд. 1953 г.]. СПб. : Наука, 2004. С. 210–212.
- Симеон Полоцкий.* Орел Российский // Симеон Полоцкий. Рифмологион : собрание придворно-церемониальных стихов / подг. текста, ст. и коммент. А. Хипписли, Х. Роте и Л. Сазоновой. Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau Verlag, 2017. Bd. 2. S. 212–254.
- Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М. : Языки славян. культур, 2009. 339 с.
- Simeon Polockij.* Vertograd mnogocvĕtnyj / ed. by A. Hippisley, L. Sazonova. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 1996–2000.

References

- Akty Moskovskogo gosudarstva [v 3 t.]* [Acts of the Muscovite State. [3 Vols.]]. (1890–1901). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 3. Razryadnyi prikaz. Moskovskii stol. 1660–1664. XXX, 674 p.
- Avtokratova, M. I. (1985). Sochineniya Yuriya Krizhanicha v fondakh Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov [Works by Juraj Krizanić in the Collections of the Central State Archive of Ancient Acts]. In *Znanstveni skup u povodu 300 obljetnice smrti Jurja Križanića (1683--1983). Zbornik radova*. Dio 1–2. Zagreb, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, pp. 31–37.
- Eleonskaya, A. S. (1981). Russkie staropechatnye predisloviya i poslesloviya vtoroi poloviny XVI – pervoi poloviny XVII v. (patrioticheskie i panegiricheskie temy) [Old Printed Russian Prefaces and Afterwords from the Second Half of the 16th – First Half of the 17th Centuries (Patriotic and Panegyric Themes)]. In *Tematika i stilistika predislovii i posleslovii*. Moscow, Nauka, pp. 71–99.
- Fonkic, B. L. (2009). *Greko-slavyanskije shkoly v Moskve v XVII veke* [Graeco-Slavic Schools in Moscow in the 17th Century]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 339 p.
- Kartashev, A. V. (1993). *Oчерки по istorii russkoi tserkvi* [Essays on the History of the Russian Church]. Moscow, Terra. 685 p.
- Korzo, M. A. (2011). *Nravstvennoe bogoslovie Simeona Polotskogo: osvoenie katolicheskoj traditsii moskovskimi knizhnikami vtoroi poloviny XVII veka* [The Moral Theology of Symeon of Polotsk: The Development of the Catholic Tradition by Moscow Scribes of the Second Half of the 17th Century]. Moscow, Institut filosofii RAN. 155 p.
- Križanić, Ju. (1901). *Zapiska Yuriya Krizhanicha o missii v Moskvu. 1641 g.* [Note by Juraj Krizanić about the Mission to Moscow. 1641]. Moscow, Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh, Universitetskaya tipografiya. 42 p.

Pchelov, E. V. (2005). *Rossiiskii gosudarstvennyi gerb: kompozitsiya, stilistika i semantika v istoricheskom kontekste* [Russian State Emblem: Composition, Stylistics, and Semantics in the Historical Context]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 162 p.

Prashkovich, N. I. (1965). Iz rannikh deklamatsii Simeona Polotskogo (“Metry” i “Dialog kratkii”) [From Early Declamations of Symeon of Polotsk *Metres* and *Short Dialogue*]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow, Leningrad, Nauka. Vol. 21, pp. 29–38.

Sazonova, L. I. (2011). K istorii sozdaniya “Rifmologiona” Simeona Polotskogo [On the History of the Creation of the *Rhymologion* by Symeon of Polotsk]. In *Slavyanovedenie*. No. 2, pp. 19–35.

Sedov, P. V. (2008). *Zakat Moskovskogo tsarstva. Tsarskii dvor kontsa XVII v.* [The Decline of the Tsardom of Muscovy. The Royal Court of the Late 17th Century]. 2nd Ed., revised. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 604 p.

Symeon of Polotsk. (1996–2000). *Vertograd mnogocvĕtnyj* / ed. by A. Hippisley, L. Sazonova. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag.

Symeon of Polotsk. (2004). <Pervoe Predislovie k “Psaltyri rifmotvornoi”> [First Preface to the *Rhymed Psalter*]. In Simeon Polockij. *Izbrannye sochineniya* / ed. by I. P. Eremin. Reprint of the 1953 Ed. St Petersburg, Nauka, pp. 210–212.

Symeon of Polotsk. (2017). Orel Rossiiskii [Russian Eagle]. In Simeon Polockij. *Rifmologion. Sobranie pridvorno-tseremonial’nykh stikhov* / Hrsg. von A. Hippisley, H. Rothe, L. Sazonova. Wien, Köln, Weimar, Böhlau Verlag. Bd. 2, S. 212–254.

Zhivov, V. M. (2004). *Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo. Issledovaniya i materialy* [From the Church History of the Time of Peter the Great. Research and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 360 p.

The article was submitted on 02.05.2020

**АЗБУКОВНИК СПРАВЩИКА МОСКОВСКОГО
ПЕЧАТНОГО ДВОРА ДАВИДА ЗАМАРАЯ:
ВРЕМЯ И СЛОВО***

Алексей Юдин

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия

**THE AZBUKOVNIK OF DAVID ZAMARAY,
A PROOFREADER OF THE MOSCOW PRINT YARD:
TIME AND WORD**

Alexey Yudin

State Public Scientific Technological Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

This article examines the *Alphabet Book* (Rus. *Azbukovnik*) by David Zamaray, a proofreader of the Moscow Print Yard in the 1620s. Relying on the existing lexicographic tradition, David Zamaray created a new type of *Azbukovnik*, one mostly related to his professional activity. Zamaray's *Azbukovnik* reflects the new vocabulary that came to Muscovite Russia with books of the so-called "Lithuanian press". The selection and fixation of this vocabulary in the new dictionary are determined by the lexicographer's individual approach. At the same time, the few remaining copies indicate not only the elitist nature of Zamaray's work, but are also characteristic of different periods in its creator's life. The late sixteenth century (1596) witnessed the publication of works by Lavrenty Zizany (including his *Lexis*) and saw the release of the so-called "concise" version of Zamaray's *Azbukovnik*. At the time, he was still a monk at the monastery of St Anthony of Rome in Novgorod, the western boundary of Muscovite Russia. In the 1620s, Zamaray worked for the Moscow Print Yard; the interest of the Moscow authorities in the

* Citation: Yudin, A. (2020). The *Azbukovnik* of David Zamaray, a Proofreader of the Moscow Print Yard: Time and Word. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1132–1142. DOI 10.15826/qr.2020.4.517.

Цитирование: Yudin A. The *Azbukovnik* of David Zamaray, a Proofreader of the Moscow Print Yard: Time and Word // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1132–1142. DOI 10.15826/qr.2020.4.517 / Юдин А. Азбуковник справщика Московского печатного двора Давида Замарая: время и слово // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1132–1142. DOI 10.15826/qr.2020.4.517

books of the Lithuanian press grew, and a new version of Zamaray's *Azbukovnik* was created. In the 1630s, the dictionary's creator was supposedly exiled due to the changes caused by the death of Patriarch Filaret and the approval of the final text of his lexicographic work. Each of these periods is reflected in Zamaray's *Azbukovnik*. Being at the centre of the ideological reforms initiated and suspended by Patriarch Filaret, Zamaray was forced to take into account the changing political situation in the Muscovite state. This author of the early modern period created a new type of *Azbukovnik*, one which not only pays tribute to tradition, but also shows more and more individual traits of the creator.

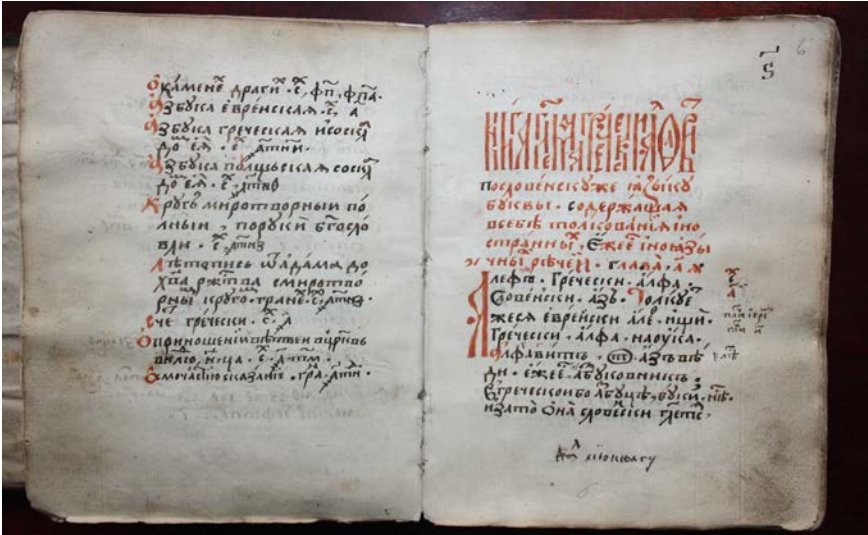
Keywords: history of book printing in Rus'; *Azbukovnik*; David Zamaray; Moscow Print Yard; "Lithuanian press"; books.

Статья посвящена азбуковнику Давида Замарая, справщика Московского печатного двора в 20-е гг. XVII в. Учитывая сложившуюся лексикографическую традицию, Давид Замарай создает новый тип азбуковника, который связан прежде всего с его профессиональной деятельностью. В нем отражена новая лексика, которая приходит в Московское царство с книгами так называемой «литовской печати». Ее отбор и фиксация в новом словаре определены индивидуальным подходом лексикографа. При этом немногие сохранившиеся списки книжного памятника свидетельствуют не только об элитарном характере бытования труда Давида Замарая, но и о разных периодах жизни его создателя. Конец XVI в., 1596 г., издание трудов Лаврентия Зизания (в том числе и его «Лексиса») – время появления так называемой краткой редакции азбуковника Давида Замарая, еще насельника монастыря Антония Римлянина в Новгороде, на западной границе Московской Руси. 20-е гг. XVII в. – работа книжника на Печатном дворе, проявление интереса московских властей к книгам «литовской печати» и создание новой редакции азбуковника. 30-е гг. XVII в. – время предполагаемой вынужденной ссылки создателя словаря в связи с переменами, вызванными смертью патриарха Филарета, и утверждение окончательного текста его лексикографического труда. Каждый из этих периодов отражен в словнике азбуковника Давида Замарая. Находившийся в центре идеологических реформ, затеянных и приостановленных патриархом Филаретом, и вынужденный считаться с изменявшейся политической обстановкой в Московском государстве, автор раннего Нового времени создает новый тип азбуковника, в котором не только отдана дань традиции, но и все больше проявляются индивидуальные черты создателя книжного памятника.

Ключевые слова: история книгопечатания на Руси; азбуковник; Давид Замарай; Московский печатный двор; книги «литовской печати».

В кругу древнерусских сборников, объединенных лексикографическими сочинениями, азбуковник Давида Замарая занимает особое место. До недавнего времени даже имя автора этого сочинения не было известно, так как скрывалось шифрованной записью в одном

из списков¹. Рукописей, содержащих словник азбуковника Давида Замарая, сохранилось не так много по сравнению с другими выделенными учеными типами этого древнерусского памятника². На первый взгляд, это может говорить о некой элитарности данного сочинения, его предназначенности für wenige.

Начало словника азбуковника с фрагментом собственноручной вкладной записи Давида Замарая // БАН. Архангельское собр. № 445

The beginning of the dictionary of *Azbukovnik* with a fragment of David Zamaraý's handwritten insert. In BAN [Library of the Russian Academy of Sciences]. Arkhangel'skoe sobranie. No. 445

Обратившись к словнику азбуковника, можно заметить, что, по сравнению с предыдущими типами словарного свода, словарь Замарая изобилует так называемыми «польскими» словами, то есть словами и выражениями, которые следует отнести к языку Юго-Западной Руси того времени. Устойчивое выражение «поль-

¹ Шифрованную запись «ДД НТ. З М Р Ъ» с именем составителя азбуковника в рукописи РНБ [РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1642] попыталась разгадать Л. С. Ковтун, прибегнув к помощи другого исследователя, Б. М. Клосса. Согласно их трактовке, имя автора лексикографического свода следует читать как «Димитрий» [Ковтун, с. 16–17]. Однако позднее учеником Л. С. Ковтун А. Н. Левичкиным было предложено более верное чтение шифрованного текста: «Давит Замарай» [Левичкин, с. 549]. На наш взгляд, более точным будет чтение: «Давид новоторжец Замарай».

² В предложенной Л. С. Ковтун классификации азбуковников рукописи, содержащие словарь Давида Замарая, были отнесены к так называемой третьей разновидности. С установлением дополнительных данных об известных списках и открытием новых эту разновидность стало принято называть по имени ее создателя: азбуковник Давида Замарая. Л. С. Ковтун было известно семь рукописей этого азбуковника. С тех пор были обнаружены еще две рукописи с трудом справщика. Последнюю из них совсем недавно выявила во Владимиро-Суздальском музее петербургская исследовательница К. И. Коваленко [Коваленко, с. 4].

ские» в данном контексте связано с государственной принадлежностью этих земель, среди православного населения которых большой популярностью пользовалась книжная продукция, напечатанная на этом «польском» в восприятии русского книжника языке³. Заимствуемые Давидом Замараем «польские» слова оформлены в его азбуковнике таким же образом, как оформлялись в азбуковниках предшествующего типа словарные заимствования из словаря-разговорника XV в. В «Речи тонкословия греческого» проставлялась отметка киноварью над словом с указанием языка, из которого оно заимствовано («г», «гр», «греч», «ел», «елл», «елли» – в «Речи тонкословия»; «п», «пол», «полща» – в азбуковнике Давида Замарая), если это целый блок слов-заимствований из этого языка, то на полях ставилась отметка запятыми в столбец напротив этого блока, в редких случаях на полях в столбик писался язык-источник: «п/о/л/с/к/и».

Однако, в отличие от заимствований из рукописного разговорника в предыдущих типах древнерусского словаря, азбуковник Давида Замарая демонстрирует знакомство автора-составителя с лексикой печатных книг, выходявших в Великом княжестве Литовском в то время. Такие термины, как «клейнот», «штанба», «на герб признака» (!) и др., позволяют говорить о том, что Замарай был знаком и с неперменным атрибутом печатной книги, которая в русских источниках получила устойчивое наименование «литовской». Речь идет о многочисленных предисловиях и посвящениях (в том числе и стихотворных, и с описанием и изображением гербов меценатов, благодаря которым издание выходило в свет), встречающихся в самом начале книг «литовской печати». Но четких указаний на источники заимствования из этих книг русский автор не оставляет, хотя традиционно оформление словарных статей предполагало такого рода обозначения на полях книг, послуживших для пополнения словника азбуковника. Лишь в одной рукописи азбуковника Давида Замарая (из девяти известных на данный момент), нам удалось обнаружить такой источник – «литовскую книгу», которую использовал справщик в работе над созданием словаря [РГБ. Собр. Г. Г. Юдина. № 4]. На полях рукописи рядом с заимствованными словами можно встретить название книги: «Зерц», «Зерцало» и указание (не всегда) на главу из нее кириллической буквой-цифрой. При сличении указаний в маргиналии удалось установить, что этим источником является «Зерцало богословия» Кирилла Транквиллиона Ставровецкого, выпущенное в Почаеве в 1618 г. [Юдин, 2017, с. 454]. Предполагаем, что такое исключение, как указание на источник, «литовскую» книгу, в тексте рукописи было обусловлено тем, что рукопись Замарая,

³ Как указывает К. В. Харлампович, эпитеты «поляк», «польской нации», «польской породы» «имели смысл не этнографический и даже не политический, а скорее географический» [Харлампович, с. X].

написанная в 1626 г.,⁴ имела черновой характер. Во всяком случае, запрет на «литовские» книги появляется в Москве только в декабре следующего, 1627 г. Этот запрет был связан с рассмотрением при Филарете другого труда Кирилла Транквиллиона, «Евангелия учительного» [Макарий (Булгаков), с. 298]. Вероятно, книжник не стремился оставить указания на такие книги в своей работе.

Находка одного источника позволила рассмотреть и другие печатные книги, выходявшие в Великом княжестве Литовском в то время, на предмет заимствования лексики из них русским книжником при создании азбуковника нового типа. Удалось найти заимствования из книги того же Кирилла Транквиллиона «Евангелие учительное», напечатанной в 1619 г. в Рохманове [Юдин, 2018, с. 178–182]. Именно она попала под запрет в 1627 г., ее начали сжигать по указу Михаила Федоровича. Необходимость в противодействии книжной продукции, приходившей из-за рубежа, предполагала знакомство с такими книгами, их рассмотрение сведущими людьми. Именно в азбуковнике справщика Московского печатного двора появляются, хоть и без указания на источники, слова, заимствованные из книг «литовской» печати. Выбор такого рода изданий также не случаен. Несмотря на запрет на распространение «литовских» книг, как установлено исследователями, русские люди продолжали пользоваться «Евангелием учительным» Кирилла Транквиллиона [Маслов, с. 177]. Репрессивные меры в отношении этой и других книг, как указывает А. А. Бульчев, постепенно сходят на нет еще при жизни патриарха Филарета в начале 1630-х гг. Ученый связывает кампанию по противодействию распространению «литовских» книг в Московском государстве с попытками учредить «автономный униатско-православный патриархат» на землях Украины и Белоруссии [Бульчев, с. 56]. Действия патриарха Московского по отношению к книгам «литовской» печати Б. Н. Флоря вслед за другими исследователями склонен объяснять реакцией на события Смуты. Запрет на «польскую» книжность окончательно снимается со смертью патриарха Филарета [Флоря, с. 207, 210]. Однако еще при его жизни в 1629 г. выходит издание «Евангелия учительного» в Москве, призванное предоставить читателям чтение в православном духе, а также заменить собой труд автора, перешедшего в унию [Зернова, № 73, с. 36].

Дальнейшим этапом исследования стало изучение книг «литовской» печати православных типографий, которые могли быть использованы Давидом Замараем в качестве источника для его словарных статей (эти книги вышли в близкое к написанию чернового азбуковника время). К числу наиболее популярных в Московском царстве «литовских» книг следует отнести два сочинения Иоанна Златоуста – «Беседы на 14 посланий апостола Павла» и «Беседы на деяния апо-

⁴ Рукопись датируется по выходной записи: «Конец Алфавиту иностранных речей. Писал многогрешный чернец Давыд Замараи Новоторжец, постриженник обители Рождества Христова, яже ес в Торжку, в лето 7134, индикта девятого, круга солнечнаго двадесят втораго, луны девятыя» [РГБ. Собр. Г. Г. Юдина. № 4. Л. 125 об.].

столов», вышедшие в Киеве в 1623 и 1624 гг. соответственно. К ним примыкают изданные там же в 1625 г. «Толкования на Апокалипсис» Андрея Кесарийского – издание, которое часто встречается в составе библиотек русских книжников в конволюте с упомянутыми выше «Беседами» 1624 г. [Флоря, с. 186]⁵. Отдельные статьи азбуковника выписаны из указанных изданий почти без обработки. На то, что источником послужили именно эти «литовские» книги, указывает, кроме текстуальных совпадений, также неправильное чтение отдельных слов и выражений из-за дефектов печати и занесение их в словник азбуковника именно в этом искаженном виде. К примеру, статья «Сиронсия, посмеяние» в рукописи [РГБ. Собр. Г. Г. Юдина. № 4. Л. 103 об.] напрямую соотносится с маргиналией в «Беседах на 14 посланий апостола Павла»: «εἰρωνεία – посмеяние» (стб. 666)⁶. Стоит отметить, что Замарай (либо его сотрудник) не был знаком с греческим печатным курсивом и греческими печатными лигатурами, употреблявшими в том числе и в киевской типографии. Вследствие этого происходит неверное чтение некоторых несомненно греческих слов, вкравшихся, к удивлению исследователей, в словарь справщика и имеющих совершенно неправильное написание с верным толкованием. Однако в той же рукописи азбуковника встречается и статья «Еиронея» с несколько странным толкованием: «недопись» (л. 33 об.). Последнее можно объяснить черновым характером рукописи. Следует также сказать, что в списке, представленном рукописью из РНБ, статья-заимствование из «Бесед» выглядит вполне традиционно: «Еиронея (г), посмеяние» [РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1642. Л. 56 об.].

Несомненным и текстуально доказанным является обращение Давида Замарая к тексту киевского издания «Книги о вере единой» (1619–1620), выпущенной архимандритом Киево-Печерского монастыря Захарией Копыстенским, автором предисловий к изданиям «Бесед» Иоанна Златоуста 1623 и 1624 гг., и к «Толкованию на Апокалипсис» Андрея Кесарийского (1625) – сочинению, переведенному для издания Лаврентием Зизанием. Обнаружено в замараевском азбуковнике и знакомство с виленской «Книгой о вере» (1596) – изданием, взятым за основу Захарией Копыстенским при публикации «Книги о вере единой». Однако в этом случае следует говорить о большем влиянии второго, переработанного киевским книжником издания этого популярного сочинения [Юдин, 2018, с. 182–186].

Такой подбор текстов, интересовавших русского книжника, не случаен и отражает веяние времени. Московское царство, открытое книгопечатной продукцией, исходившей из Киевской митрополии, стремилось не только противостоять ересям с Запада, но и управлять политической конъюнктурой в соседнем государстве. Необходимость в издании соб-

⁵ Подобный конволют есть и в древлехранилище ГПНТБ СО РАН: [ГПНТБ СО РАН. ФК.1.115].

⁶ Маргиналия напечатана мелким греческим курсивом, ее можно принять как раз за «Сиронсия», так как буквы «ε» плохо пропечатаны, и их можно прочесть как «σ».

ственной полемической литературы, нацеленной в том числе и на православных из Великого княжества Литовского, подкреплялась все более возраставшими начиная с 1620-х гг. контактами между Москвой и насельниками обителей Киевской митрополии, их частыми выездами за милостыней, на жительство, а также с целью продажи книг⁷ или по поручениям высших иерархов митрополии в соседнее государство. Апофеозом таких контактов и становится середина 1620-х гг., когда московское правительство планирует издать на Печатном дворе «Катехизис», написанный выходцем из кружка архимандрита Киево-Печерской лавры Елисея (Плетенецкого) и одним из сотрудников Захарии Копытенского в деле печатания книг Лаврентием Зизанием.

Судьба издания «Катехизиса» Лаврентия Зизания в Москве сложилась трагически. Как указывает Б. Н. Флоря, негативное отношение московских властей было вызвано в большей степени неуступчивым поведением киевского автора перед высоким судом справщиков и патриарха [Флоря, с. 196]. При переводе сочинения богоявленским попом Ильей обнаружились непривычные для московских книжников трактовки религиозных догм, что связано, как показано у М. А. Корзо, с активным привлечением автором православного «Катехизиса» катехетической литературы протестантов и католиков [Корзо, с. 317–353]. Кроме того, Лаврентий Зизаний использует и сочинения, которые были популярны среди книжников Киевской митрополии. Как было выявлено М. А. Корзо, автор находился под влиянием анонимного «Катехизиса», сохранившегося в одной рукописи, опубликованной С. Т. Голубевым, который датировал ее 1600 г. и даже с осторожностью говорил об авторстве Зизания [Голубев, с. 7].

Оригинального западнорусского текста «Катехизиса» Зизания, предлагавшегося к публикации в Москве, не сохранилось. Вместе с тем, в словнике азбуковника Давида Замарая определенная часть статей связана с катехетической тематикой. При сравнении текста опубликованной С. Т. Голубевым рукописи со статьями азбуковника Давида Замарая по рукописи, написанной в 1626 г., обнаруживаются слова и выражения, которые могли быть взяты русским книжником именно из западнорусского катехетического сочинения⁸.

⁷ Что отражено, в частности, и в черновой рукописи азбуковника Замарая, где автор пишет: «якож и обрящещи zde в печатных книгах из Литвы вывезенных zde продавати» [РГБ. Собр. Г. Г. Юдина. № 4. Л. 66 об.]

⁸ Это такие статьи, как «Алфа и омега», «Ачь ведлугь чelовеченства», «Бозских», «Бытность», «Владза», «Всесожжение», «Ведле порядку», «В распачи», «Восходней», «Вынайдование», «Вызнане», «Вызнанию веры», «Выконане», «Ведомость», «В телене», «В теленя», «Гасло веры», «Досконалыи», «До збавеня», «Досведчение», «Доводы», «Дуффание», «Едностайне», «Заплата», «Збавленьи», «Зобоплене», «Зопсование», «З истности», «Зышол», «Звырозумение», «Зветяжство», «Изевнутрь», «Истность», «Ипостась», «Кафоликин», «Карание», «Карность», «Кувыналезцы зла», «Кусил», «Кгрунтъ», «Ласка Божия», «Левица», «Маестат», «Маетности», «Мерра», «Менованя», «Моцарство», «Наприклад», «Натурою», «Надею», «Назвиско», «Не достигненный», «Немоцный», «Обачили», «Ознаимил», «Оказиеню», «Офера Феоу», «Опеце», «Очекиваю», «Особа», «Обцование», «Освеченый», «Обетницу», «Праца», «Персона», «Присяга», «Примушение», «Пригоде», «Приказаня», «Присвоитость», «Посполитство», «Покарм» и др.

Конечно, не все из статей азбуковника представлены в словнике именно в той измененной словарной форме, в которой они находятся в «Катехизисе» 1600 г. Если бы совпадения были точны, это говорило бы о знакомстве русского книжника именно с ним. Однако, как известно, Лаврентий Зизаний цитировал в своем сочинении «Катехизис» 1600 г. довольно точно, местами дополняя его [Корзо, с. 334–340]. Уместно будет говорить о том, что к переводу «Катехизиса» Лаврентия Зизания в Москве был привлечен не только поп Илья, но и другие справщики. При этом в рукописи азбуковника Давида Замарая, которую он создает в том же 1626 г., когда Лаврентий Зизаний привозит в Москву свой «Катехизис», встречается катехетическая лексика, написанная «попольски». Следовательно, можно предположить, что справщик Московского печатного двора Давид Замарай участвовал в переводе зизаниева «Катехизиса» при подготовке его к печати в Москве.

По документам Печатного двора, Давид Замарай руководил справщиками до 1622 г., когда его сменил старец Арсений [Поздеева, Пушкин, Дадыкин, с. 234–235]. Однако он мог оставаться еще в Москве в 1626 г.,⁹ хоть и не возглавлять справщиков. 1632 г. датируется его вкладная запись Антониево-Сийскому монастырю на собственноручно выполненном списке его азбуковника. Характерно, что статьи, взятые из «Катехизиса» Зизания, в этом списке удалены. Присутствие же некоторых из них можно объяснить их нахождением как в тексте «Катехизиса» Лаврентия Зизания, так и в тексте более раннего его труда, «Лексиса», выпущенного в 1596 г. Словарные статьи из последнего как нельзя кстати соответствовали еще начальному труду будущего справщика – словарю, который он задумал, будучи насельником монастыря Антония Римлянина в Новгороде в 1596 г. Статьи, почерпнутые из этого источника, сохранились во всех трех этапных, по нашему мнению, списках книжного памятника: в рукописи [РНБ. Собр. М. П. Погодина. 1642], которая содержит в себе словник, написанный в 1596 г.; в рукописи [РГБ. Собр. Г. Г. Юдина. № 4], которая является рабочей рукописью справщика Печатного двора в 1626 г.; в рукописи [БАН. Архангельское собр. № 445], являющейся вкладным экземпляром в казну Антониево-Сийского монастыря в 1632 г.¹⁰

Уже эти три списка отчетливо свидетельствуют об интересах русских книжников к живой полемической литературе соседнего государства, о новом подходе к традиционному жанру азбуковника. На примере азбуковника Давида Замарая можно говорить о первоначальных попытках изменить жанр за счет привлечения новых материалов из современной книжнику печатной литературы (приобщение к «Лексису» Лаврентия Зизания в 1596 г.). Такого рода нововведения прерываются годами Смуты, чтобы вновь заявить о себе в 1620-е гг., в момент непродолжительного расцвета взаимоотноше-

⁹ Год написания черновой рукописи азбуковника.

¹⁰ О соотношении этих трех списков подробнее см.: [Юдин, 2019].

ний Московского патриархата и Киевской митрополии. Эти новшества отразились в плодотворной работе справщика с книгами «литовской» печати (это целый ряд книг, вышедших в Киеве, Почаеве, Вильно, в списке азбуковника 1626 г.). Зарождавшийся новый тип азбуковника, к сожалению, был «законсервирован» с наступлением филаретовской реакции и началом Смоленской войны (из словника были удалены статьи, связанные с «Катехизисом» Лаврентия Зизания в азбуковнике с вкладной записью 1632 г.). Но работа справщиков, подготавливавших для печати труды киевских полемистов еще при патриархе Филарете, нашла, по мнению Т. А. Опариной и Б. Н. Флоры [Опарина, с. 242; Флоря, с. 319–326], закономерное продолжение в 40-е гг. XVII в., когда на Московском печатном дворе стали активно использовать книги «литовской» печати при издании сочинений, освященных патриархом Иосифом.

Список литературы

- БАН. Архангельское собр. № 445.
- Булычев А. А.* История одной политической кампании XVII века : Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М. : Языки славян. культуры, 2004. 139 с.
- Голубев С. Т.* Южнорусский православный катехизис 1600 года / сообщено С. Т. Голубевым // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев : Тип. В. И. Завадского, 1890. Кн. 4. Отд. 3. Материалы. С. 1–81.
- ГПНТБ СО РАН. ФК.1.115.
- Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках : сводный каталог. М. : ГБЛ СССР, 1958. 150 с.
- Коваленко К. И.* Азбуковник Давида Замарая как источник по русской лексикографии XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. : [Б. и.], 2018. 30 с.
- Ковтун Л. С.* Азбуковники XVI–XVII вв. : Старшая разновидность. Л. : Наука, 1989. 293 с.
- Корзо М. А.* Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII в. : Становление, эволюция и проблема заимствований. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2007. 672 с.
- Левичкин А. Н.* О датировке Азбуковника 1596 года // Тр. Отд. древнерус. лит. СПб. : Наука, 2014. Т. 63. С. 541–550.
- Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви : в 7 кн. М. : Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1996. Кн. 6. Отд. 1. 800 с.
- Маслов С. И.* Кирилл Транквилион-Ставровецкий и его литературная деятельность : Опыт историко-литературной монографии. Киев : Наукова думка, 1984. 246 с.
- Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск : Наука, 1998. 429 с.
- Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг. От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона : Исследования и публикации. М. : Изд-во объединения «Мосгорархив», 2001. 544 с.
- РГБ. Собр. Г. Г. Юдина. № 4.
- РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1642.
- Флоря Б. Н.* Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI – первой половине XVII в. : Политические и культурные связи. М. : Индрик, 2019. 480 с.

Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань : Изд. книж. магазина М. А. Голубева, 1914. Т. 1. XXIV, 878, LXVI с.

Юдин А. А. Белорусско-украинские источники словарных статей московского азбуковника // Берковские чтения – 2017. Книжная культура в контексте международных контактов : материалы IV Междунар. науч. конф. (Полоцк, 24–25 мая 2017 г.) / сост. Л. А. Авгуль, Д. Н. Бакун. Минск : ЦНБ НАН Беларуси ; М. : Наука, 2017. С. 452–456.

Юдин А. А. Азбуковник Давида Замарая: «польско-литовские» материалы // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России : сб. науч. ст. / сост. и отв. ред. Г. А. Лончакова, И. А. Шилова, В. В. Подопригора. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2018. С. 169–198. DOI 10.20913/978-5-94560-276-2-2018-169-198.

Юдин А. А. Рукописи азбуковника Давида Замарая (к проблеме соотношения списков) // Библиосфера. 2019. № 1. С. 36–41. DOI 10.20913/1815-3186-2019-1-36-41.

References

- BAN* [Library of the Russian Academy of Sciences]. Arkhangel'skoe sobranie. No. 445.
- Bulychev, A. A. (2004). *Istoriya odnoi politicheskoi kampanii XVII veka. Zakonodatel'nye akty vtoroi poloviny 1620-kh godov o zaprete svobodnogo rasprostraneniya "litovskikh" pechatnykh i rukopisnykh knig v Rossii* [The History of the Political Campaign of the 17th Century: Legislative Acts of the Second Half of the 1620s on the Prohibition of the Free Distribution of "Lithuanian" Printed and Handwritten Books in Russia]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 139 p.
- Florya, B. N. (2019). *Rossiya i vostochnoslavjanskije zemli pol'sko-litovskogo gosudarstva v kontse XVI – pervoi polovine XVII v. Politicheskie i kul'turnye svyazi* [Russia and the East Slavic Lands of the Polish-Lithuanian State at the End of the 16th – First Half of the 17th Century. Political and Cultural Relations]. Moscow, Indrik. 480 p.
- Golubev, S. T. (Ed.) (1890). *Yuzhnorusskii pravoslavnyi katekhizis 1600 goda* [The South Russian Orthodox Catechism of 1600]. In *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora Letopistsa*. Kiev, Tipografiya V. I. Zavadskogo. Book. 4. Part 3. Materialy, pp. 1–81.
- GPNTB SO RAN* [State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. FK.I.115.
- Kharlampovich, K. V. (1914). *Malorossiiskoe vliyanie na velikoruskuyu tserkovnuyu zhizn'* [Little Russian Influence on Great Russian Church Life]. Kazan, Izdanie knizhnogo magazina M. A. Golubeva. Vol. I. XXIV, 878, LXVI p.
- Korzo, M. A. (2007). *Ukrainskaya i belorusskaya katekhicheskaya traditsiya kontsa XVI–XVIII v. Stanovlenie, evolyutsiya i problema zaimstvovaniia* [The Ukrainian and Belarusian Catechetical Tradition between the Late 16th and 18th Centuries. Formation, Evolution, and the Problem of Borrowing]. Moscow, Kanon+, ROOI "Reabilitatsiya". 672 p.
- Kovalenko, K. I. (2018). *Azbukovnik Davida Zamaraya kak istochnik po russkoi leksikografii XVII veka* [David Zamaray's *Azbukovnik* as a Source for Russian Lexicography of the 17th Century]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. St Petersburg, S. n. 30 p.
- Kovtun, L. S. (1989). *Azbukovniki XVI–XVII vv. Starshaya raznovidnost'* [Azbukovniks of the 16th–17th Centuries. The Older Variety]. Leningrad, Nauka. 293 p.
- Levichkin, A. N. (2014). *O datirovke Azbukovnika 1596 goda* [On Dating the *Azbukovnik* of 1596]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. St Petersburg, Nauka. Vol. 63, pp. 541–550.
- Makar'ii (Bulgakov), metr. (1996). *Istoriya russkoi tserkvi v 7 kn.* [Russian Church History. 7 Books]. Moscow, Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya. Book 6. Part 1. 800 p.
- Maslov, S. I. (1984). *Kirill Trankvillion-Stavrovetskii i ego literaturnaya devatel'nost'*. *Opyt istoriko-literaturnoi monografii* [Cyril Stavrovetsky-Tranquillon and His Literary Activity. An Attempt at a Historical and Literary Monograph]. Kiev, Naukova dumka. 246 p.

Oparina, T. A. (1998). *Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie kievskoi mitropolii* [Ivan Nasedka and the Polemical Theology of the Kiev Metropolis]. Novosibirsk, Nauka. 429 p.

Pozdeeva, I. V., Pushkov, V. P., Dadykin, A. V. (2001). *Moskovskii pechatnyi dvor – fakt i faktor russkoi kul'tury. 1618–1652 godov. Ot vosstanovleniya posle gibeli v Smutnoe vremya do patriarkha Nikona. Issledovaniya i publikatsii* [The Moscow Print Yard – A Fact and Factor of Russian Culture. 1618–1652. From Destruction to Restoration during the Time of Troubles before Patriarch Nikon. Research and Publications]. Moscow, Izdatel'stvo ob'yedineniya "Mosgorarkhiv". 544 p.

RGB [Russian State Library]. Sobranie G. G. Yudina. No. 4.

RNB [National Library of Russia]. Sobranie M. P. Pogodina. No. 1642.

Yudin, A. A. (2017). Belorussko-ukrainskie istochniki slovarnykh statei moskovskogo Azbukovnika [Belorussian-Ukrainian Sources of Dictionary Entries in the Moscow Azbukovnik]. In Avgul', L. A., Bakun, D. N. (Eds.). *Berkovskie chteniya – 2017. Knizhnaya kul'tura v kontekste mezhdunarodnykh kontaktov. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii (Polotsk, 24-25 maya 2017 g.)*. Minsk, Tsentral'naya nauchnaya biblioteka NAN Belarusi, Moscow, Nauka, pp. 452–456.

Yudin, A. A. (2018). Azbukovnik Davida Zamaraya: "pol'sko-litovskie" materialy [David Zamaray's Azbukovnik: "Polish-Lithuanian" Materials]. In Lonchakova, G. A., Shilova, I. A., Podoprigora, V. V. (Eds.). *Rukopisi, staropechatnye i redkie knigi v sobraniyakh Rossii. Sbornik nauchnykh statei*. Novosibirsk, Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tehnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 169–198. DOI 10.20913/978-5-94560-276-2-2018-169-198.

Yudin, A. A. (2019). Rukopisi azbukovnika Davida Zamaraya (k probleme sootnosheniya spiskov) [Manuscripts of Azbukovnik by David Zamaray (on the Issue of Correlation of Manuscripts)]. In *Bibliosfera*. No. 1, pp. 36–41. DOI 10.20913/1815-3186-2019-1-36-41.

Zernova, A. S. (1958). *Knigi kirillovskoi pechati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh. Svodnyi katalog* [Books of the Cyrillic Press Published in Moscow in the 16th–17th Centuries. Summary Catalogue]. Moscow, Gosudarstvennaya biblioteka imeni V. I. Lenina SSSR. 150 p.

The article was submitted on 03.06.2020

**СВЯЩЕНСТВО И ЦАРСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
СИБИРСКОГО МИТРОПОЛИТА ИГНАТИЯ
(РИМСКОГО-КОРСАКОВА)***

Иван Никулин

Екатеринбургская духовная семинария,
Екатеринбург, Россия

**PRIESTHOOD AND TSARDOM AS VIEWED
BY SIBERIAN METROPOLITAN IGNATII
(RIMSKY-KORSAKOV)**

Ivan Nikulin

Yekaterinburg Theological Seminary,
Yekaterinburg, Russia

Relations between the Orthodox Church and the tsardom of Muscovy in the second half of the seventeenth century have become one of the most important issues of the Church and social agenda. However, the views of the Great Russian episcopate and the degree of their connection with the declarations and claims of the leaders of the Russian Church in the pre-Petrine era remain little-studied. The author suggests that the ideological attitudes at the beginning of Alexei Mikhailovich's reign and during the reforms of Patriarch Nikon forged the worldview of a generation of Russian bishops, including that of Ignatii (Rimsky-Korsakov) (died in 1701), metropolitan of Tobolsk and Siberia, a famous church leader, religious writer, and thinker. The author examines the bishop's activity as that of a bearer of both a traditional and innovative worldview in order to correctly assess Ignatii's striving for change and acceptance of innovation. The article refers to a number of works (including unpublished ones) and the bishop's activities in order to reconstruct the metropolitan's views on church-state relations. According to the concept of the "Byzantine (Constantinople) heritage" and philhellenic ideas,

* *Citation:* Nikulin, I. (2020). Priesthood and Tsardom as Viewed by Siberian Metropolitan Ignatii (Rimsky-Korsakov). In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1143–1156. DOI 10.15826/qr.2020.4.518.

Цитирование: Nikulin I. Priesthood and Tsardom as Viewed by Siberian Metropolitan Ignatii (Rimsky-Korsakov) // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1143–1156. DOI 10.15826/qr.2020.4.518 / Никулин И. Священство и царство в представлениях Сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1143–1156. DOI 10.15826/qr.2020.4.518.

Ignatii put *priesthood* over *tsardom* in origin, sought the complete independence of the church court, and strove to expand the role of the Church in public life. At the same time, he emphasised the responsibility of royal power to take care of the Church. Ignatii directly writes about tsars' duty to render "reverence and obedience" to the patriarch. An analysis of the Tobolsk bishop's views demonstrates their closeness to those of many figures in the Russian Church at the time, such as patriarchs Nikon, Joachim, and Adrian, philhellenic writers, etc. The views of the higher clergy on the relationship between *priesthood* and *tsardom* were new in comparison with the tradition of the sixteenth and first half of the seventeenth centuries, and the officials of the young Tsar Peter were more likely to follow the traditional policy of subordinating the Church to the state. The author concludes that it was precisely the understanding by bishops of the Church's place and role in the tsardom of Muscovy that caused Peter I to completely replace Russians in the episcopate with candidates from the Kiev metropolia.

Keywords: Ignatii (Rimsky-Korsakov); church-state relations; the Russian Church in the 17th century; Tobolsk diocese; bishop.

Отношения Церкви и Московского царства во второй половине XVII в. стали одним из важнейших вопросов церковно-общественной повестки, однако практически не изученными остаются представления рядового великорусского епископата, степень их связанности с декларациями и претензиями предстоятелей Русской церкви предпетровской эпохи. Автор полагает, что идеологические установки начала царствования Алексея Михайловича и реформы патриарха Никона сформировали мировоззрение поколения русских архиереев, среди которых известный церковный деятель, духовный писатель и мыслитель митрополит Тобольский и Сибирский Игнатий Римский-Корсаков (†1701). Автор рассматривает архиерея как носителя традиционного и вместе с тем новаторского мировоззрения с целью оценить его стремление к переменам и принятию нового. На основании ряда сочинений (в том числе неопубликованных) и конкретной деятельности реконструируются его взгляды на церковно-государственные отношения. Исходя из концепции византийского (константинопольского) наследия и представлений грекофилов, владыка Игнатий ставил священство выше царства по своему происхождению, добивался полной независимости церковного суда, стремился к расширению роли Церкви в общественной жизни и вместе с тем подчеркивал обязанность царской власти заботиться о жизнедеятельности церковной организации. Преосвященный Игнатий пишет об обязанности царей оказывать патриарху «почитание и послушание». Анализ взглядов тобольского архиерея показывает их близость многим деятелям Русской церкви рассматриваемого периода: патриархам – Никону, Иоакиму и Адриану, писателям-грекофилам и др. Взгляды высшего духовенства на отношения священства и царства были новыми по отношению к традиции XVI – первой половины XVII в., а чиновники молодого царя Петра скорее следовали уже традиционной политике подчинения Церкви государству. Понимание архиереями последней трети XVII в. места и роли Церкви в жизни Московского царства повлияло

на полную замену в начале XVIII в. Петром I высшего духовенства с великороссов на выходцев из Киевской митрополии.

Ключевые слова: Игнатий (Римский-Корсаков); церковно-государственные отношения; Русская церковь в XVII в.; Тобольская епархия; архиерей.

Несмотря на некоторую условность термина «переходная эпоха», мало кто будет спорить, что последняя треть XVII в. для русской истории – особое время и вместе с тем до сих пор не до конца изученное явление, чаще всего рассматриваемое как конец одной эпохи или начало другой, но не как самостоятельная часть отечественной истории. Именно это подчеркивал А. М. Панченко, отмечая, что фигура Петра Великого заслоняет собой предшествующую эпоху, важную для понимания петровского культурного «скачка» [Панченко, с. 4]. Как кажется, в этой ситуации большое значение имеет изучение творчества во многом забытых писателей, оно позволяет приблизиться к пониманию общественного мнения эпохи и отдельных слоев российского общества последней трети XVII в., в том числе и в контексте грядущих реформ Петра I [см.: Репина, с. 325–366].

Болезненным в указанное время стал вопрос церковно-государственных отношений. Традиции Московской Руси XV–XVI вв. предполагали скорее цезарепапизм, чем какое-либо равноправное сосуществование (достаточно вспомнить конфликты Ивана III, его сына и внука с митрополитами всея Руси). Статус отца царя меняет положение патриарха Филарета, который занимает роль «второго» государя. Патриарх Никон стремится оформить этот статус юридически и презентационно, основываясь на византийской теории симфонии, актуализируя старые христианские идеи империи.

Вопрос взглядов людей Московского царства второй половины XVII в. на церковно-государственные отношения уже поднимался в историографии [см.: Балалыкин], однако касался или отдельных личностей, или групп, или движений, но фактически не исследовался в целом. Вместе с тем, проблема воззрений высшего духовенства на основной вопрос выстраивания отношений «Церковь – государство» еще требует своего пристального изучения, итог которого поможет качественнее реконструировать общественно-политическую мысль эпохи и отчасти понять мотивы церковной политики Петровской эпохи. Одним из перспективных направлений в решении проблемы представляется изучение взглядов рядового епископата Московского царства как реальных деятелей Церкви, имевших влияние на ее политику и возможных кандидатов на патриарший престол.

Одной из таких фигур Русской церкви последней трети XVII в. был Сибирский митрополит Игнатий (Римский-Корсаков)¹. Происходя из московской аристократии, он начал путь в небольшой обители, был ее игуменом, церковным уставщиком на Соловках, архиман-

¹ Подробнее о его биографии, сочинениях и взглядах см.: [Никулин, 2015].

Митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий (Римский-Корсаков). Стилизованный портрет XIX в. // Софронов В. Светочи Земли Сибирской : Биографии архипастырей Тобольских и Сибирских (1620–1918 гг.). Екатеринбург, 1998. С. 71

Ignatii Rimsky-Korsakov, Metropolitan of Tobolsk and Siberia. Stylised portrait of the 19th century // Sofronov, V. (1998). Svetochi Zemli Sibirskoi: Biografi arhipastyrei Tobol'skikh i Sibirskikh (1620–1918 gg.) [The Luminaries of the Siberian Land. Biographies of Tobolsk and Siberian Archpriests (1620-1918)]. Yekaterinburg. P. 71

Надо признать, что митрополит Игнатий был человеком своего времени, в чем-то вполне консервативным и традиционным, например, в понимании Церкви как феодального института и в отстаивании ее экономических интересов. В отношении к старообрядческому расколу он транслировал в основном те мифы, которые были распространены в среде грекофилов, и т. п. Вместе с тем, совершенно явно он не боялся новшеств. В описи его личных вещей есть хрустальные очки [Оглоблин, с. 288]; он не пренебрегал и новыми обычаями, например, пил «траву чай» и передал его в подарок своему другу архиепископу Афанасию в Холмогоры вместе с чашечками, «которыми с той травы воду пьют» [Постников, с. 21, прим. 1], и т. п.

В деятельности митрополита прослеживаются новаторские тенденции, что ярче всего раскрылось в период его деятельности в Сибири, когда он был наиболее независимым церковным руководителем. Преосвященный Игнатий стремится выстроить отношения со своей паствой, сыграть важную роль в ее жизни, презентовать себя как проповедника

дритом монастыря в Ярославле и в 1684 г. занял место архимандрита в царском Новоспасском монастыре. Именно в это время он вошел в ближайшее окружение патриарха Иоакима и вышедший свет Москвы. В 1692 г. он возглавил самую отдаленную и самую большую епархию – Сибирскую. В 1700 г. из-за конфликта с патриархом Адрианом был отправлен на покой, скончался в 1701 г. Игнатий не только был активным церковным деятелем, заметным писателем и книжником, но и имел достаточно широкий круг общения, многие из его учителей и друзей были архиереями, например, архиепископ Афанасий (Любимов), весьма незаурядный церковный администратор, богослов и писатель той же эпохи.

Игнатий стал сознательным человеком, когда царь Алексей Михайлович с патриархом Никоном начали религиозные и культурные преобразования, и эти новые веяния вошли в мировоззрение молодого монаха Крестомаровской пустыни.

и преемника апостолов. Это проявилось в формах посланий и путешествий. Нельзя сказать, что Игнатий изобрел эти формы церковной деятельности, так как они известны со времен апостолов, но он активно использовал их, явно соотнося себя с деятельностью самих апостолов, в то время как другие архиереи если и делали это, то очень редко. Всего сохранилось пять написанных им по разным поводам посланий, представляющих собой литературные памятники, обращенные ко всем чадам православной церкви в Сибири или христианам одной местности.

Поездки по епархии, в ходе которых митрополит знакомился с церковной жизнью на местах, вел просветительскую деятельность (в том числе боролся со старообрядчеством), решал различные церковные вопросы, а также его попытки (малоуспешные из-за несогласия светских властей) объехать освоенную русским населением восточную территорию Сибири были частью его повседневной деятельности. Вместе с тем, всей его деятельности присущ сильный динамизм, который, как справедливо замечает А. М. Панченко, стал одним из признаков нового в жизни Московского царства второй половины XVII в. [Панченко, с. 5–6]; Игнатий не только не боится предпринять нечто новое, но засыпает своими обращениями Сибирский приказ с просьбой разрешить реализацию его глобальных планов путешествия на восток Сибири.

Большинство провинциальных архиереев эпохи не оставили свидетельств относительно своих представлений о роли священства и царства. Митрополит Игнатий касался этого вопроса в своих сочинениях, что позволяет реконструировать его взгляды достаточно полно².

С середины XVII в. в официальной идеологии Российского царства появляется новый комплекс идей, пришедших на смену концепции «Москва – третий Рим», внешне похожих на последнюю, но имеющих существенные отличия. По справедливому утверждению Н. В. Сеницыной, «этот новый комплекс идей обосновывал возросшую роль России и ее столицы, русского православного царя в православном мире, утверждал значение не только “константинопольской вотчины” (в политическом аспекте), но и духовного наследия христианского Востока, значение христианских святынь, переносимых в Москву, сохранение чистоты греческого православия» [Сеницына, с. 307]. Исследовательница предложила наименование данной концепции – «константинопольское наследие». Принципиальное отличие ее от идеи «Москва – третий Рим» состоит в том, что здесь не упоминается об утрате греками истинной веры после событий XV в.: Константинополь остается духовной столицей мира, которую необходимо освободить. В целом во второй половине XVII в. было предпринято немало попыток определить место Российского царства в мире и мировой истории. Это нашло отображение и в так называемой «издательской» деятельности Посольского приказа, когда при участии Николая

² Вопросы церковно-государственных отношений в основном рассматриваются в двух панегириках, обращенных к царской власти, написанных в конце 80-х – начале 90-х гг. XVII в., отдельные замечания содержатся и в ряде других сочинений владыки Игнатия.

Спафария составлялись такие труды, как «Титулярник», «Василиологион» и «Хрисмологион», и в трудах многих других писателей – современников владыки Игнатия.

Сама концепция «константинопольского наследия» и ее бытование во второй половине XVII в. представляются еще не до конца изученными. Кроме уже указанной работы Н. В. Сеницыной, небольшой статьи А. П. Богданова, который, впрочем, не разграничивает концепции «Москва – третий Рим» и «константинопольское наследие» [Богданов], необходимо отметить довольно тщательный анализ формирования и развития концепции в середине XVII в., сделанный Н. П. Чесноковой [Чеснокова, с. 159–198]. Она предлагает иное наименование, а именно – «византийское наследие», в некотором смысле более полно передающее содержание концепции. Также можно отметить описание Н. Ф. Каптеревым влияния греков на развитие данной теории [Каптерев, 1885, с. 248–281].

Действуя в общем русле, преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков) оставил свой оригинальный след в осмыслении современного ему Московского царства. В ряде его трудов концепция «византийского (константинопольского) наследия» получила развитие и оформление, а также приобрела религиозно-политическую направленность. Главная задача царской власти, по мысли Игнатия, заключается в охране Церкви, в первую очередь ее внешних границ, в освобождении всей православной «ойкумены». Эта концепция оказала немалое влияние и на взгляды митрополита Игнатия на церковно-государственные отношения.

В его представлениях «царство Отца и Сына и Святого Духа» разделяется на две части – «видимое же и невидимое» [Свидетельство, с. 233]. Последнее является Царством Небесным, уготованным для праведников. Игнатий подробно не излагает его связь со священством, а лишь намекает на превосходство духовного человека, принявшего дар от Бога, над душевным. «Видимое царство», по Игнатию, – «Божью милостию соблюдаемое царство христианское: Российское царство». Далее в каждом элементе иконы Софии Премудрости Божией Игнатий находит соответствия реальному Московскому царству конца 80-х гг. XVII в. Однако в «видимом царстве» глава Русской церкви, в отличие от всех остальных реалий, не имеет своего места (как бы находясь над ним), но в самом начале подчеркивает, что «особо свиток в руке: яко заступница же и крепкий поборник (имеется в виду царица Софья Алексеевна; курсив наш. – И. Н.) о благочестии, по Духу, отцу их великих государей и богомолцу... Иоакиму, патриарху Московскому и всея России...» [Свидетельство, с. 235–236]. Эти идеи послушания патриарху как отцу раскрываются в «Слове о Российском царствии» (1690), обращенном к братьям Петру и Иоанну: «Почитание же, и послушание, и заступление (курсив наш. – И. Н.) во Святем Дусе отцу своему и прилежному богомолцу, а нашему великому господину, всесвя-

тейшему Кир Иоакиму Божию милостию...» [БАН. П. I. А 10. Л. 22 об. – 23 об.].

С определенной долей уверенности можно утверждать, что Игнатий вслед за патриархом Никоном отчасти принимал претензии священства на земную власть. Так, летом 1695 г. митрополит написал грамоту в Пекин священнику Максиму Леонтиеву. В ней, объясняя, как освятить церковь, он предписал находящимся на чужбине русским после поминовения царского рода «молить» «о великом господине и государе (курсив наш. – И. Н.), отце нашем всесвятейшем кир Адриане архиепископе Московском и всея России» [Никулин, 2011, с. 218, 220]. Однако именование патриарха «великим господином и государем» явно выбивается из практики употребления этого титула самим владыкой Игнатием (хотя в грамоте дважды представлен именно такой титул патриарха). Только два патриарха носили титул «великого господина и государя» – Филарет Никитич и Никон. Причем патриарх Никон в основном с 1653 г. употреблял титул «великий государь», стараясь тем самым показать равновеликость светских и духовных властей [Страхова, с. 170–171]. Патриарх Филарет (Романов) чаще себя именовал именно «великим господином и государем». Кстати, сам этот титул не был придуман Филаретом, его употребление встречается еще в XVI в. [Там же, с. 152]. Собор 1675 г. установил титулование патриарха по формуле: «Великий господин святейший кир Иоаким, милостию Божию патриарх Московский и всея России». По ней и полагалось помянуть патриарха во всей Русской церкви [Полознев, с. 452]. Употребление титула «великого господина и государя» после суда над Никоном практически исчезло (есть случаи такого титулования патриарха в обращениях архиереев к Иоакиму, однако они единичны) [Страхова, с. 156]. Собственно, титул «государь» по отношению к патриарху в последней трети XVII в. употреблялся во внутрицерковной переписке, но в отдельности от титула «великий господин». Сообразуясь с вышесказанным, можно предположить, что формула «великий господин и государь» появилась именно в грамоте в Пекин не случайно: митрополит был уверен, что о ее содержании вряд ли узнают в Москве, и мог выражать в ней свои истинные воззрения, тогда как в других своих сочинениях титул «великого господина и государя» по отношению к патриарху не употреблял. Возможно, этим он старался подчеркнуть высоту власти патриарха.

Царство должно заботиться о внешней жизни Церкви. В панегирическом толковании на икону Софии Премудрости Божией, в иконографии которой преосвященный Игнатий находит аналогии в «видимом царстве», семь столпов, которые поддерживают престол Премудрости, «знаменуют крепкое ея (то есть царевны Софии Алексеевны. – И. Н.) заступление седми вселенских святых отцев собравшихся, о благочестии собравшихся» [Свидетельство, с. 235–236]. В «Слове о Российском царствии» (1690) читаем:

Воинственная же его (Петра I. – И. Н.) изъявления и обозрительство и ревность о святой Церкви, сие есть любовь ко Господу Богу, в Троице Святей славимому, и к Пречистой Деве Богородице Марии, и по всем святым угодником Божиим, и помощь восточной святей Христове Церкви: Православия же отеческаго преданий тоя хранение [БАН. П. I. А 10. Л. 22 об. – 23].

В своей повседневной деятельности митрополит Игнатий активно старался просить помощи государя и вполне смиренно принимал его власть как «внешнего» епископа. В челобитной, написанной по призыву владыки Игнатия в Тобольск, говорится:

Аз смиренный богомолец ваш вседушевно желаю и молитвую, но понеже ваше царское величество яко православныя и милостивые монархи повелели мне есте, богомолцу вашему, духовне же и отчески паствити словесные овчата Христова в вашей царского величества отчины Сибирского царствия [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1058. Л. 187].

Преосвященный Игнатий в своей деятельности стремился отстаивать независимость церковного суда. В грамоте илимскому воеводе Б. А. Челищеву владыка Игнатий пишет:

...по правилу святых апостол и святых отец, и по изложению благочестивых царей, и святейших вселенских патриархов, и всего освященного собора, монастыри и монастырские всяких чинов люди судом и расправою поручены нам архиереем, и нашим наместником, и закащиком и десятинником... <...> В царствующем граде Москве и во всех российских градах, монастырей и монастырских всяких чинов людей градские и посыльщиков их судом и расправою ни в чем не ведают, и ни в какие монастырские и земские дела без архиерейскаго повеления не вступают, и монастырем и монастырским людем разорения и нападок не чинят [Древние церковные грамоты, с. 65].

Автор грамоты явно намекает на решение Большого московского собора о закрытии монастырского приказа, окончательной ликвидации которого добился патриарх Иоаким.

Деятельность тобольского архиерея показывает, что митрополит Игнатий был сторонником широкого участия представителей Церкви в общественной жизни. Дело не только в панегириках (весьма поучительных), обращенных к царским особам, или в произнесении пламенных патриотических речей. Игнатий активно вмешивается в светскую жизнь – пересылает в Москву жалобы на местные сибирские власти, ходатайствует о выплатах жалования служилому населению Сибири, в период красноярского бунта через послание призывает подчиниться власти нового воеводы. Он не боится пойти на открытую конфронтацию с воеводой А. Ф. Нарышкиным и отлучить его от Церкви.

Кратко взгляды Игнатия можно сформулировать так: священство по своей сути и происхождению выше царства, патриарх является отцом и богомольцем царя. Царь должен не только быть послушным воле предстоятеля Русской церкви, но и заботиться о церковной организации, при этом не нарушая ее судебного иммунитета.

Из трудов митрополита Игнатия хорошо видно, что он почитал патриарха Никона и с уважением относился к его личности, именую его «добрым Христова всероссийскаго стада пастырем и неусыпным стражем» [Послания блаженного Игнатия, с. 107]. При сравнении взглядов того и другого видна явная их близость, даже с учетом того, что воззрения Никона, несмотря на их родство с византийскими средневековыми построениями, своеобразны, запутанны и менялись на протяжении времени. С другой стороны, они были новыми для своего времени. Еще Н. Ф. Каптерев писал: «Усвоив себе взгляд на священство как высшее царство, как на независимое от него ни в чем, требующее себе со стороны царства не только почитания и внимания, но и послушания, Никон подверг, с этой точки зрения, беспощадной критике существовавшие при нем исторически сложившиеся отношения Церкви к государству и естественно приходит к тому выводу, что Церковь находится в положении гонимой и угнетаемой со стороны светской власти» [Каптерев, 1892, т. 2, № 6, с. 497]. Н. Ф. Каптерев подчеркивал, что патриарх Никон решительно заявлял, что «светская власть не имеет никаких верховных прав над лицами духовными, не может судить их и управлять ими, так как церковь есть вполне самостоятельное и независимое от царства учреждение, которое имеет свои собственные органы для управления и суда» [Там же, с. 510].

Характер Никона и обстоятельства жизни не могли сделать его лидером церковной иерархии, однако его идеи (укоренные в концепции византийского наследия) глубоко проникли в умы высшего духовенства Московского царства. Об этом ясно свидетельствует дискуссия на Большом московском соборе, которую подробно передает Паисий Лигарид [Каптерев, 1892, т. 3, № 10, с. 46–69]. Несмотря на то, что итогом дискуссии стала довольно сдержанная формулировка о преимуществе царя в делах светских, а патриарха – в делах церковных, высшее духовенство не переменяло своих мыслей и не отказалось от желанной большей независимости. Об этом ясно свидетельствует проповедь будущего патриарха Иоакима, произнесенная им в 1672 г.:

И елико разнствует тело души, или елико отстоит небо от земли, толико и паче много вядище разнство и разстояние внешния власти и церковныя. Ктоже власть церковная? Суть богопоставленнии архиереи и иереи, иже немощныя врачуют, иже мраком сует мира сего ослепшия, зарями богодухновенных словес просвещают, иже храмлющия лестною стезею самомнения, путеводают правым шествием истинных церковных догмат учения, иже имут ключи неземнаго некоего града, но самага небесе,

иже царство небесное заключают и отверзают: елико бо аще свяжете на земли, будут связаны на небеси, рече Христос, и елики же аще разрешите на земли, будут разрешенни на небеси. Сию и сицевую власть имущим должествуют подвластни со всяким смирением и покорением подчинятися.

О двух равновеликих величинах, священстве и царстве, писал патриарх Иоаким и в предисловии к «Щиту веры» [см.: Панич, с. 62]. Именно такими вполне близкими патриарху Никону представлениями и руководствовался Иоаким в своей деятельности. Ему удалось добиться полной ликвидации монастырского приказа и института светских архиерейских чиновников – десятительников, значительно возвысить статус патриарха среди прочих епископов, играть активную роль в общественно-политической жизни того времени.

Преемник Иоакима Адриан после вступления на первосвятительскую кафедру сразу заявил о своем понимании вопроса. Он пишет в окружном послании 1690 г. о явном преимуществе священства над царством, исследователи не раз отмечали, что во взглядах он был весьма близок патриарху Никону [Скворцов, с. 17; Белякова]. В самом начале своего послания он указывает:

Два начальства вышнейших устрои Бог на земли, священство глаголю и царство. Ово убо божественным служаща. Ово человеческими владуща и пекущаяся, от единого бо тогожде начальство обоя сия происходят человеческого жития украшению. Царство убо власть имать точию на земли, еже между человеки суды управляти праведные. <...> Царство расширяти. <...> Церкви святей православней во всяких случаях и скудостех помощь подати, наипаче же еретики и раскольники и всякие наветники отгоняти... Священство же власть имать и на земли и на небеси, еже убо свяжет на земли, будут связаны и на небеси, и яже разрешит на земли, будут разрешены и на небеси.

Далее Адриан говорит о том, что патриарх есть образ Христа, глава всех и отец как для царей, так и для всех «правоверных» [Есипов, прил., с. 76–77].

Необходимо отметить, что подобных взглядов, по-видимому, придерживался и весь рядовой епископат. Н. Ф. Каптерев писал, что «во второй половине XVII в. архиереи и на соборах, и в своих поучениях к пасомым свободно заявляли, что „духовный начальник много вящий светскаго“, что „елико разнствует тело души, или, елико отстоит небо от земли, толико и паче много вяще разнство и расстояние внешняя власти и церковныя“, что „церковную власть имущим должествуют подвластни со всяким смирением и покорением подчинятися“» [Каптерев, 1892, т. 3, № 10, с. 70]. Как хорошо показала Т. В. Панич, писатели патриаршего круга, среди которых архиепископ Холмогорский Афанасий, активно использовали актуализированные

патриархом Никоном византийские идеи симфонии священства и царства и превосходства церковной власти как власти духовной над властью светской, относящейся к земному [Панич, с. 49–71]. О взглядах, близких воззрениям митрополита Игнатия, свидетельствует и поведение предшественника Игнатия по тобольской кафедре Павла (†1692) в конфликте с одним из тобольских воевод и судном деле с Илимским воеводой [ПСРЛ, с. 172; Архипастыри Тобольской епархии, с. 82–83; РГАДА. Ф. 214. Ст. 858, 531, 788].

Можно утверждать с относительной долей уверенности, что в последней трети XVII в. патриархи и епископат Русской церкви придерживались во многом никонианских позиций о главенстве священства над царством или как минимум о его равенстве, о независимости церковной организации и об обязанности царства покровительствовать и всецело заботиться о Церкви. Интересно, что если такое понимание отношений между Церковью и государством в 1680-е гг. в Сибирском приказе де-факто признавалось (и митрополит Павел был поддержан в конфликте с тобольским воеводой), то во второй половине 1690-х гг. произошли существенные изменения, и позиция митрополита Игнатия в споре с местными властями была осуждена (это при том, что сам молодой царь в это время находился в Великом посольстве). Именно в середине 1690-х гг. после смерти Наталии Кирилловны меняются и отношения молодого царя-реформатора с уже постаревшим сторонником никонианских идей патриархом Адрианом.

В этом контексте рассматриваемые представления митрополита Игнатия были скорее новаторскими (по отношению к представлениям дониконовской эпохи), нежели традиционными, и являлись реакцией духовенства на усиление роли государства в церковной жизни, контроля за церковным судом, вотчинами и финансами. В этом смысле московские чиновники конца XVII в. скорее придерживались традиционных тенденций к подчинению Церкви государству (хорошо заметных в середине XVII в.), нежели предлагали нечто новое в области церковно-государственных отношений.

Традиционно считается вслед за известным специалистом по истории малороссийского влияния на великорусскую церковную жизнь К. В. Харламповичем, что причина замены в 1699–1718 гг. великорусского высшего духовенства на выпускников Киевской коллегии связана сугубо с их высокой образованностью и теми просветительскими задачами, которые перед ними ставила царская власть [Харлампович, с. 465]. Однако украинские шляхтичи имели, по-видимому, совершенно иные представления о церковно-государственных отношениях, дополнявшиеся к тому же известным сервизмом в процессе обучения в киевских духовных школах (что признает, в частности, К. В. Харлампович [Там же, с. 468]), по-иному воспринимали петровские преобразования (как государственные, так и церковные). Поэтому, как кажется, именно взгляды великорусского духовенства на церковно-государственные отношения сыграли едва ли не глав-

ную роль в практике поставления высшего духовенства из малороссов в 1699–1718 гг. и стали причиной отсутствия достойного кандидата на патриаршество в 1700 г. с точки зрения светской власти. В конце концов это открыло путь к синодальной реформе.

Список литературы

- Архипастыри Тобольской епархии // Религия и Церковь в Сибири : сб. науч. ст. и док. материалов. Вып. 4. Тюмень : Рутра, 1992. С. 76–89.
- Балалыкин Д. А.* Проблемы «Священства» и «Царства» в России второй половины XVII в. в отечественной историографии (1917–2000 гг.). М. : Весть, 2006. 335 с.
- БАН. П. I. А 10.
- Белякова Е. В.* Адриан // Православная энциклопедия. М. : Правосл. энцикл., 2000. Т. 1. С. 312–313.
- Богданов А. П.* Россия накануне империи: политические концепции и реальность последней четверти XVII в. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика : материалы IX междунар. семинара ист. исслед. «От Рима к третьему Риму», Москва, 29–31 мая 1989 г. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1995. С. 333–352.
- Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером архим. Мелетием. Казань : Университет. тип., 1875. XXX, 199 с.
- Есипов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел преображенского приказа и тайной розыскных дел канцелярии : в 2 т. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1863. Т. 2. 276 с.
- Каттерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М. : Тип. Л. Ф. Снегирева, 1885. 580 с.
- Каттерев Н. Ф.* Суждение большого московского Собора 1667 года о власти царской и патриаршей : (К вопросу о преобразовании высшего церковного управления Петром Великим) // Богослов. вестн. 1892. Т. 2. № 6. С. 483–516. Т. 3. № 10. С. 46–74.
- Никулин И. А.* Грамота в Пекин священнику Максиму Леонтиеву митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) как памятник литературы конца XVII в. // Вестн. Екатеринбург. духов. семинарии. 2011. № 2. С. 206–221.
- Никулин И. А., свящ.* Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский / отв. ред. И. Л. Манькова. Екатеринбург : Екатеринбург. духов. семинария, 2015. 313 с.
- Оглоблин Н. Н.* Библиотека сибирского митрополита Игнатия, 1700 г. // Библиограф. 1892. № 8–9. Отд. 1. С. 286–291.
- Панич Т. В.* Писатели патриаршего круга в богословской полемике 80-х – 90-х гг. XVII в. : дис. ... докт. филол. наук. Новосибирск : [Б. и.], 2007. 437 с.
- Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л. : Наука, 1984. 205 с.
- ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. Сибирские летописи: группа Есиповской летописи. М. : Наука, 1987. 381 с.
- Полознев Д. Ф.* Московские патриархи Иоасаф II, Питирим, Иоаким и Адриан // Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви : в 7 кн. М. : Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1996. Кн. 7. С. 440–495.
- Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань : Тип. губерн. правления, 1855. 176 с.
- Постников С.* Афанасий, первый архиепископ Холмогорский и Важеский // Странник. 1866. Окт. С. 5–42.
- РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ст. 531, 788, 858; Оп. 3. Д. 1058.
- Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и социологическая практика. М. : Кругъ, 2011. 560 с.

«Свидетельство... о Российском благословенном царствии» // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века : Литературные панегирики : в 2 ч. / подг. текста, предисл. и коммент. А. П. Богданова. М. : Ин-т истории СССР, 1983. Ч. 2. С. 233–241.

Синицына Н. В. Третий Рим : Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М. : Индрик, 1998. 416 с.

Скворцов Г. А. Патриарх Адриан: его жизнь и труды в связи с состоянием Русской Церкви в последнее десятилетие XVII века. Казань : Центр. тип., 1913. 369 с.

Страхова О. Б. Официальная титулатура русских патриархов в изданиях Московского Печатного двора (1589–1700 гг.) // *Palaeoslavica*. 2007. Vol. 15. Iss. 2. P. 117–206.

Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань : М. А. Голубев, 1914. Т. 1. 878 с.

Чеснокова Н. П. Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (по документам Российского государственного архива древних актов). М. : Индрик, 2011. 288 с.

References

Arkhiepastyri Tobol'skoi eparkhii [Bishops of Tobolsk Diocese]. (1992). In *Religiya i Tserkov' v Sibiri. Sbornik nauchnykh statei i dokumental'nykh materialov*. Iss. 4. Tyumen, MI "Rutra", pp. 76–89.

Balalykin, D. A. (2006). Problemy "Svyashchenstva" i "Tsarstva" v Rossii vtoroi poloviny XVII v. v otechestvennoi istoriografii (1917–2000 gg.) [Problems of "Priesthood" and "Tsardom" in Russia in the Second Half of the 17th Century in Russian Historiography (1917–2000)]. Moscow, Vest'. 335 p.

BAN [Library of the Russian Academy of Sciences]. P. I. A 10.

Belyakova, E. V. (2000). Adrian [Adrian]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya. Vol. 1, pp. 312–313.

Bogdanov, A. P. (1995). Rossiya nakanune imperii: politicheskoe kontseptsii i real'nost' poslednei chetverti XVII v. [Russia on the Eve of Empire: Political Concepts and the Reality of the Last Quarter of the 17th Century]. In *Rimsko-konstantinopol'skoe nasledie na Rusi: ideya vlasti i politicheskaya praktika. Materialy IX Mezhdunarodnogo seminara istoricheskikh issledovaniy "Ot Rima k Tret'emu Rimu"*, Moskva, 29–31 maya 1989 g. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 333–352.

Chesnokova, N. P. (2011). *Khristianskii Vostok i Rossiya: politicheskoe i kul'turnoe vzaimodeistvie v seredine XVII veka (po dokumentam Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov)* [The Christian East and Russia: Political and Cultural Interaction in the Mid-17th Century (According to the Documents of the Russian State Archive of Ancient Acts)]. Moscow, Indrik. 288 p.

Drevnie tserkovnye gramoty Vostochno-sibirskogo kraya (1653–1726) i svedeniya o Daur'skoi missii, sobrannye missionerom arkhimandritom Meletiem [Medieval Church Letters of the East Siberian Region (1653–1726) and Information about the Dauria Mission Collected by the Missionary Archimandrite Meletiy]. (1875). Kazan, Universitetskaya tipografiya. XXX, 199 p.

Esipov, G. V. (1863). Raskol'nich'i dela XVIII stoletiya, izvlechennye iz del preobrazhenskogo prikaza i tainoi rozysknykh del kantselyarii [Schismatic Cases of the 18th Century, Extracted from the Files of the Preobrazhensky Prikaz and the Secret Investigation Office]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". Vol. 2. 276 p.

Kapterev, N. F. (1885). *Kharakter otnoshenii Rossii k pravoslavnomu Vostoku v XVI i XVII stoletiyakh* [The Nature of Russia's Attitude to the Orthodox East in the 16th and 17th Centuries]. Moscow, Tipografiya L. F. Snegireva. 580 p.

Kapterev, N. F. (1892). Suzhdenie bol'shogo moskovskogo Sobora 1667 goda o vlasti tsarskoi i patriarshei. (K voprosu o preobrazovanii vysshego tserkovnogo upravleniya Petrom Velikim) [The Judgment of the Great Moscow Council of 1667 on the Power of the Tsar and the Patriarch. (On the Question of the Transformation of Church

Administration by Peter the Great)]. In *Bogoslovskii vestnik*. Vol. 2. No. 6, pp. 483–516. Vol. 3. No. 10, pp. 46–74.

Kharlampovich, K. V. (1914). *Malorossiiskoe vliyanie na velikoruskuyu tserkovnuyu zhizn'* [Ukrainian Influence on Great Russian Church Life]. Kazan, M. A. Golubev. Vol. 1. 878 p.

Nikulin, I. A. (2011). Gramota v Pekin svyashchenniku Maksimu Leontievu mitropolita Ignatiya (Rimskogo-Korsakova) kak pamyatnik literatury kontsa XVII v. [A Letter to Beijing Written by Metropolitan Ignatii (Rimsky-Korsakov) to Priest Maxim Leontiev as a Literary Artefact of the Late 17th Century]. In *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*. No. 2, pp. 206–221.

Nikulin, I. A., pr. (2015). *Preosvyashchennyi Ignatii (Rimskii-Korsakov), mitropolit Sibirskii i Tobol'skii* [Bishop Ignatii (Rimsky-Korsakov), Metropolitan of Tobolsk and Siberia] / ed. by I. L. Man'kova. Yekaterinburg, Ekaterinburgskaya dukhovnaya seminariya. 313 p.

Ogloblin, N. N. (1892). Biblioteka sibirskogo mitropolita Ignatiya, 1700 g. [Library of Ignatii, Metropolitan of Siberia, 1700]. In *Bibliograf*. No. 8–9. Section 1, pp. 286–291.

Panchenko, A. M. (1984). *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Peter's Reforms]. Leningrad, Nauka. 205 p.

Panich, T. V. (2007). *Pisateli patriarshego kruga v bogoslovskoi polemike 80-kh – 90-kh gg. XVII v.* [Writers of the Patriarchal Circle in the Theological Debate of the 1680s–1690s]. Dis. ... dokt. filol. nauk. Novosibirsk, S. n. 437 p.

Poloznev, D. F. (1996). Moskovskie patriarkhi Ioasaf II, Pitirim, Ioakim i Adrian [Moscow Patriarchs Ioasaf II, Pitirim, Joachim and Adrian]. In Makarii (Bulgakov), metr. *Istoriya russkoi tserkvi v 7 kn.* Moscow, Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya. Book 7, pp. 440–495.

Poslaniya blazhennago Ignatiya, mitropolita Sibirskogo i Tobol'skogo [Epistles of Blessed Ignatii, Metropolitan of Siberia and Tobolsk]. (1855). Kazan, Tipografiya gubernskogo pravleniya. 176 p.

Postnikov, S. (1866). Afanasii, pervyi arkhiepiskop Kholmogorskii i Vazheskii [Athanasius, the First Archbishop of Kholmogory and Vaga]. In *Strannik*. October, pp. 5–42.

PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. (1987). Vol. 36. Part 1. Sibirskie letopisi: gruppa Esipovskoi letopisi. Moscow, Nauka. 381 p.

Repina, L. P. (2001). *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i sotsiologicheskaya praktika* [Historical Studies at the Turn of the 21st Century: Social Theories and Historiographic Practice]. Moscow, Krug". 560 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 214. List 1. St. 531, 788, 858; List 3. Dos. 1058.

Sinitsyna, N. V. (1998). *Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)* [The Third Rome. The Origins and Evolution of Russian Medieval Concepts (15th–16th Centuries)]. Moscow, Indrik. 416 p.

Skvortsov, G. A. (1913). *Patriarkh Adrian: ego zhizn' trudy v svyazi s sostoyaniem Russkoi Tserkvi v poslednee desyatiletie XVII veka* [Patriarch Adrian: His Life and Works in Connection with the State of the Russian Church in the Last Decade of the 17th Century]. Kazan, Tsentral'naya tipografiya. 369 p.

Strakhova, O. B. (2007). Ofitsial'naya titulatura russkikh patriarkhov v izdaniyakh Moskovskogo Pechatnogo dvora (1589–1700 gg.) [Official Titling of Russian Patriarchs in the Publications of the Moscow Print Yard (1589–1700)]. In *Palaeoslavica*. Vol. 15. Iss. 2, pp. 117–206.

“Svidetel'stvo... o Rossiiskom blagoslovennom tsarstvii” [“A Testimony about the Russian Blessed Tsardom”]. (1983). In Bogdanov, A. P. (Ed.). *Pamyatniki obshchestvenno-politicheskoi mysli v Rossii kontsa XVII veka: Literaturnye panegiriki v 2 ch.* Moscow, Institut istorii SSSR. Part 2, pp. 233–241.

The article was submitted on 10.07.2020

РАЗНОРЕЧИЕ В ОБРАЩЕНИИ К АНТРОПОНИМАМ В РУССКОЙ ГОМИЛЕТИКЕ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ*

Константин Шаров

Институт биологии развития им. Н. К. Кольцова РАН,
Москва, Россия

CONTRADICTIONS IN ANTHROPONYMS IN RUSSIAN HOMILETICS OF THE TRANSITION PERIOD

Konstantin Sharov

Koltsov Institute of Developmental Biology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article examines the place and role of anthroponyms in Russian spiritual literature between the late seventeenth and eighteenth centuries. The author studies anthroponymicons from different authors, providing classifications of anthroponyms and the number and character of anthroponyms in their works. The formation and peculiarities of the use of anthroponymic proper names in Russian spiritual literature reveals two main tendencies. The first (southwestern) is connected with writers whose works are close to those of Stefan Yavorsky and Dimitry of Rostov. The other (northern) is reflected in works by Feofan Prokopovich, Platon Levshin, and their followers. According to the author, the first tradition is characterised by the extensive use of anthroponyms in texts, a hidden meaning of anthroponyms, the scarce use of simple naming, the absence of charactonyms, and an extensive use of antonomasia and symbolism. It is also characterised by an extensive use of detached anthroponyms to express the authors' attitude to people, events, and objects. The other tradition is characterised by a considerably smaller number of anthroponyms (from 7 instances in Feofan's works to 21 in those by Platon). Additionally, the authors do not use the implied meaning

* *Citation*: Sharov, K. (2020). Contradictions in Anthroponyms in Russian Homiletics of the Transition Period. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1157–1171. DOI 10.15826/qr.2020.4.519.

Цитирование: Шаров К. Contradictions in Anthroponyms in Russian Homiletics of the Transition Period // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1157–1171. DOI 10.15826/qr.2020.4.519 / Шаров К. Разноречие в обращении к антропонимам в русской гомилетике переходного времени // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1157–1171. DOI 10.15826/qr.2020.4.519.

of anthroponyms in their texts; their texts contain charactonyms and rarely use antonomasia and symbolism. They mostly use anthroponyms as markers of quality and as parts of idioms. The southwestern tradition is connected with a sacral and mystical understanding of human names originating from the Catholic Hermetic literature of the Renaissance. The northern tradition, on the contrary, is closely connected with Lutheranism, where a human name is treated as purely rational. Therefore, this approach does not imply any mystery when interpreting anthroponyms and or suggest piety when anthroponyms are used to name people, objects, and processes.

Keywords: anthroponyms; Russian spiritual literature; homiletics; preachers; transition period.

Рассматривается вопрос о месте и роли антропонимов в русской духовной литературе конца XVII – XVIII в. Изучаются антропонимиконы нескольких авторов, классификация антропонимов, количество и характер встречаемости антропонимов в их произведениях. Анализ формирования и особенностей основных вариантов использования антропонимических имен собственных в русской духовной литературе выявил две тенденции. Первая (юго-западная) связана с писателями, близкими линии Стефана Яворского и Дмитрия Ростовского. Вторая (северная) нашла выражение в сочинениях Феофана Прокоповича, Платона Левшина и их сторонников. По мнению автора, основными чертами использования антропонимов в рамках первой традиции являются следующие: большое количество антропонимов в текстах произведений; скрытый смысл основной части антропонимов, редкое использование простого обозначения; практически полное отсутствие говорящих имен; широкое использование антономасии и символизма; самый излюбленный прием – использование обособленных антропонимов для выражения собственного отношения авторов к людям, событиям, объектам. Основные черты второй традиции: общее количество антропонимов намного меньше, чем в юго-западной традиции (от семи раз у Феофана до 21 раза у Платона); скрытый смысл антропонимов используется редко; появление «говорящих» имен; редкое использование антономасии и символизма; преимущественное использование антропонимов как маркеров качества в составе крылатых фраз. Юго-западная традиция связана с сакрально-мистическим пониманием имени человека, пришедшим из католико-герменевтической литературы Ренессанса. Северная традиция использования антропонимов в русской духовной литературе тесно связана с лютеранством, где имя человека понимается сугубо рационально; в этом подходе нет никакой мистики в трактовке сущности антропонима, но вместе с тем нет и пиетета перед использованием антропонимов в наименованиях людей, объектов, процессов.

Ключевые слова: антропонимы; русская духовная литература конца XVII – XVIII в.; гомилетика; проповедники; переходное время.

Сие учение, яко никоеже иное,
вечнующее творит имя.
Стефан Яворский

Русская духовная литература в конце XVII – XVIII в. испытывает расцвет: расширяется ее тематика, обновляется стиль, формируются законы и правила [Флоровский, с. 384]. Художественная гомилетика проникает во многие жанры. Под художественной гомилетикой понимаем неканоническую прозаическую и поэтическую гомилетику, направленную не на чтение проповедей пастве с амвона, а на литературное творчество. Особенности художественной гомилетики исследованы в основном для католического богословия, в то время как православная поэтическая проповедь остается периферической темой литературоведения [Дергачева-Скоп, Соболева, с. 193–195; Ковалева, с. 63; Соболева, Голендухина, с. 46–47; Хомук, с. 95–96; Лебедева, с. 41; Legach, р. 7–8; Жилякова, с. 68]. В данной статье характеризуется творчество, попадающее во временной период 1680–1790 гг. (от святителя Дмитрия Ростовского и до митрополита Московского Платона (Левшина)). После Платона духовная литература станет более строгой по форме и содержанию, более аскетичной по характеру, особенно в творчестве Филарета, митрополита Московского.

Вопрос об антропонимике как в русской духовной литературе, так и в литературе Восточной Европы XVII–XVIII вв. интересен, но исследован мало [Ковалева, с. 62–63; Ковальчук, Якубовска, с. 91–93; Мангилев, Соболева, с. 81; Christodoulou, р. 124, 127–128; Ivanič, р. 134–135; Taneski, р. 144–145]. С конца XVII в. в гомилетике наметились две тенденции: символизация и филологическое осмысление антропонимических имен собственных. Первая, связанная с Дмитрием Ростовским, митрополитом Стефаном Яворским и Феофилактом Лопатинским, это широкое включение антропонимов в духовные проповеди. Вторая тенденция противоположна. Ее активно развивал Феофан Прокопович, далее – Гедеон Криновский, а логического завершения она достигла у митрополита Платона во времена императрицы Екатерины. Согласно этим церковным писателям, антропонимика представлялась одной из наименее существенных составляющих литературной гомилетики; в этой традиции везде, где возможно, имена собственные заменялись на имена нарицательные или вовсе опускались; обилие и разнообразие прилагательных либо вытесняли антропонимы на далекую периферию произведения, либо в принципе исключали их из текста [Шаров, 2019а; Шаров, 2019б].

Две этих стратегии использования антропонимов соперничали друг с другом на протяжении всего описываемого периода. Они породили принципиально отличающиеся подходы в литературной и устной гомилетике. Проповеди написаны на языках, находившихся

ся в этот период в сложных взаимоотношениях: на церковнославянском позднего периода, зарождавшемся русском литературном языке, а также на западнорусском языке – «русской мове», которая близка древнебелорусскому, русинскому и литературному украинскому языкам [Алимов; Ломакина, Мокиенко; Ничик; Паскаль; Петрикова, Плишкова; Старикова].

Влияние католической и протестантской традиций на антропонимы

У истоков «антропонимического» направления русской духовной литературы стоит святитель Дмитрий Ростовский, а «антиантропонимической» тенденции – архиепископ Феофан (Прокопович). Тем не менее, эти писатели сами не изобрели данное отношение к антропонимике: на них, безусловно, повлияли предшествующие традиции, в которых постепенно закладывались различные подходы к композиции литературных духовных произведений. Одна из этих традиций была тесно связана с католическими гомилетическими приемами и восходила к Жану Бодену, а другая – с методами и принципами протестантской гомилетики, включая англиканскую, ее основы можно найти в трудах епископа Майлза Смита из Хартфорда.

Архиепископ Феофан (Прокопович), как бы ни относились к нему современники или церковные иерархи последующих времен¹, был одним из первых русских просветителей и талантливым литератором [Чистович, с. 15–22]. Всецело поддерживая императора Петра I в его задаче перенесения европейского опыта технических и научных достижений на российскую почву, архиепископ Феофан также переносил в Россию религиозно-литературный опыт, адаптируя его к отечественным реалиям [Смирнов, с. 14, 30]. Не случайно совпадение интересов Петра и Феофана к одним и тем же странам – государствам Скандинавии, Голландии, Пруссии, северогерманским княжествам, Англии. Архиепископ Феофан видел в протестантизме своего рода прививку как от старорусской патриархальности, включая старообрядчество, так и от сильного католического влияния на православную церковь [Корзо, с. 266–267; Самарин, с. 391, 395].

Это влияние исходило из Речи Посполитой и одинаково беспокоило как императора Петра, так и Феофана, которые усматривали в распространении католического влияния в западных областях Российской империи угрозу повторения Смутного времени или Флорентийской унии [Кочеткова, с. 61, 70–71; Gnes, p. 7]. Так, архиепископ, всячески сопротивляясь католикам-полякам, наказывает, чтобы пра-

¹ Отрицательное отношение к Феофану закрепилось в основном за некритичную поддержку им церковной реформы Петра I, упразднившей сложившуюся в XVI–XVII вв. административную систему Русской православной церкви, и в том числе патриаршество, за оппортунизм, коварство, заискивание перед властью. Протоиерей Г. В. Флоровский, например, называл Феофана «человеком жутким», «типичным наемником» и «авантюристом» [Флоровский, с. 106–107].

вославный проповедник «казнодеишеков легкомысленных, каковы наипаче Полские бывают, не чел бы» [цит. по: Zubov, с. 15].

Становится понятен скепсис Феофана в отношении использования имен собственных, относящихся к людям. У немецких лютеран, которые были для него во многом образцами литературного жанра, ономастиконы, и особенно антропонимиконы, всегда скупы; эти авторы никогда не осмыслили антропонимы как некую сакральную реальность; имена людей для них – это просто имена, безо всякого мистического или религиозного смысла [Киселева].

Митрополит Московский Платон (Левшин), живший уже спустя полвека после Феофана, как литератор сходным образом чувствовал определенную симпатию к протестантским писателям, особенно к англиканским авторам [Zubov, с. 72, 76–77]. Конечно, Платон не был вторым по времени после Феофана приверженцем протестантского влияния на православную литературу (между ними были епископ Гедеон Криновский, учитель и главный наставник Платона, или архиепископ Симон Тодорский, учившийся в протестантском университете в Галле).

Митрополит Платон, один из наиболее выдающихся церковных писателей XVIII в., по сути, открыл для православного богословия англиканскую церковно-писательскую традицию и был первым предстоятелем православной церкви, вступившей в межконфессиональное общение с церковью Англии. Антитеза католическому влиянию на русскую духовную литературу объединила первоиерарха русской церкви и английских авторов-богословов. Митрополит Платон, хотя и составил для университетов Оксфорда и Глазго переведенное на английский язык послание, в котором подчеркивал истинность восточного православия и важность изучения российской церковно-литературной традиции для английских писателей-теологов [Виноградов, с. 13], тем не менее, сам позаимствовал из англиканской духовной литературы очень много композиционных и содержательных особенностей, которые неоднократно использовал в собственных сочинениях [Розанов, с. 71].

Платон, где возможно, избегает антропонимов, а когда их использует, но делает это сугубо в прямом смысле. Если мы в встречаем в его текстах антропоним, он чаще всего означает исключительно описываемую личность, безо всяких скрытых смыслов. Если мы видим слово *Соломон*, это означает наименование израильского царя Соломона, если *Юлий Цезарь* – римского диктатора Юлия Цезаря. У Феофана (в большинстве случаев) и у Платона (почти всегда) имена людей – это в большей степени не сильно нагруженные смыслами знаки, а знаки обычные, обозначающие сам предмет, о котором в произведении ведется речь. И даже там, где это представляется им возможным и допустимым со стилистической точки зрения, они подменяют антропонимы именами нарицательными. Хотя это может быть риторической фигурой, и ее употребление может быть вызвано сверхзадачей текста, а не только стремлением избежать имени собственного.

В литературных творениях иерархов Русской православной церкви Феофана Прокоповича, Гедеона Криновского, Арсения Мацеевича, Амвросия Зертис-Каменского, а в наибольшей степени Платона мы сталкиваемся с подчас избыточной рационализацией, лежащей на слова и трансформирующейся во фразы [Зубов, с. 74–75]. Подобно тому, как протестантские авторы зачастую отвергали интуитивную, эмоционально-образную, ассоциативную составляющую литературных проповедей, так и вышеупомянутые православные иерархи подозрительно, а иногда и недоброжелательно относились к темам озарения, откровения, англелогии, демонологии, мира невидимого, что было излюбленной тематикой католического богословия как того времени, так и более ранних эпох [Gluchman, p. 64–65; Kocev et al., p. 90]. Эта нелюбовь ко всему, что не поддавалось протестантскому рациональному осмыслению, привела к тому, что антропонимы стали вытесняться в произведениях Феофана и Платона, уступая место использованию прилагательных и сравнений, повсеместной апеллятивной подмене [Пекарский, т. 1, с. 102, 105, 122–124; Пигарев, Фридлендер, с. 364].

Сложносочиненные обороты с обилием антропонимических имен собственных, характерные для Дмитрия Ростовского и Стефана Яворского, стали заменяться на сложноподчиненные с редкими вставками антропонимов, чем отличались лютеранские писатели-богословы Иоганн Герхард, Иоганн Андреас Квенштедт, Иоганн Фридрих Кениг [Сазонова, гл. 5]. Если немецкие протестантские авторы Давид Холлац и Готлоб Карпцов сильно повлияли на использование антропонимов Феофаном [Морозов, с. 226], то на Платона не менее существенное литературное и философское влияние в данном контексте оказали англиканские проповеди Уильяма Бевериджа, Томаса Уилсона и Генри Сашеверела, а также католические идеи Джеффри Чосера [Промогласов, с. 24]. Все они избегают большого количества онимов, используя их в основном лишь для прямого обозначения [Петров, с. 52].

Использование антропонимов для обозначения людей

Безусловно, все четыре изучаемых нами автора зачастую обыкновенным образом используют антропонимы в качестве инструментов простого обозначения. Однако любопытно, насколько часто они это делают. Имена людей, о которых пишут Дмитрий Ростовский и Стефан Яворский, включают древние и современные варианты, и западные, и восточные. Когда Стефан Яворский в «Слове во святую и великую неделю Пасхи» пишет о сравнении случаев великой радости в ветхозаветные времена и пасхальной радости, он сгущает антропонимы в тексте [см.: Стефан Яворский, 2014, с. 28].

Произведения Феофана и Платона – это антитеза западнорусской традиции; они удивительны тем, что содержат мало антропонимов, даже используемых в прямом смысле. И Феофан, и Платон словно обходят стороной имена, нарочно избегают их. Например, Феофан, цитируя различных апостолов, никогда не пишет конкретные имена,

а говорит лишь *апостол* [см., например: Феофан, архиеп. Новгородский, ч. 1, с. 40–64, 90–102].

Общее количество антропонимов у Дмитрия Ростовского и Стефана Яворского различно по сравнению с их использованием оппонентами даже с учетом факта обращения к различным текстам одного автора. Проанализировав частотность употребления антропонимов на основании 80 произведений, по 20 письменных проповедей каждого из четырех авторов, можно убедиться в высказанном предположении. Средняя частота встречаемости антропонимов такова: у Дмитрия – 4,44 на 100 слов, у Стефана – 4,10, у Феофана – 0,65, и у Платона – 0,25. Таким образом, Дмитрий Ростовский и Стефан Яворский используют антропонимы в среднем в семь раз чаще, чем архиепископ Феофан, и в 21 раз чаще, чем митрополит Платон. Сочинения привлекались методом случайной выборки из разных периодов литературной деятельности исследуемых авторов. При этом больше половины используемых Стефаном Яворским и Дмитрием Ростовским антропонимов содержат много уровней скрытых смыслов.

Феофан Прокопович употребляет антропонимы чаще для простого обозначения, при этом очень неравномерно: в некоторых произведениях их много, и они могут стоять все вместе на одной-двух страницах, а в некоторых нет вообще. Например, в «Слове о мире между Империею Российскою и Короною Шведскою» Феофан пишет о царевне Софье несколько страниц и ни разу не упоминает ее имени [Феофан, архиеп. Новгородский, ч. 2, с. 224].

У митрополита Платона антропонимов еще меньше, чем у Феофана (в среднем один на две страницы текста); но онимов вообще у Платона очень много, большая часть из них – теонимы, мифонимы, зоонимы, этнонимы, топонимы, астронимы, космонимы, гидронимы, и их суммарное количество даже превосходит количество онимов, используемых юго-западными авторами Дмитрием и Стефаном. Для Платона подсчет в нашей случайной выборке дает процентное значение использования антропонимов в множестве онимов $\approx 0,08$.

Платон – представитель сентиментального направления в русской духовной литературе, что частично объясняет его несклонность к широкому использованию имен людей: для митрополита названия земель, стран, географических объектов, природных явлений более важны и интересны, чем древние и современные ему антропонимиконны. В «Слове на День Сретения» Платон использует имя *Симеон* только дважды, но более чем 20 раз в общей сложности употребляет апеллятивы *старец, муж, мудрец, праведник!* Антропонимы – не стихия сентименталиста Платона; подчас описание природы для него важнее образа человека [см.: Платон, архиеп., т. 11, с. 298; т. 13, с. 158]. Зрелость литературной и проповеднической деятельности митрополита Платона приходится на эпоху расцвета сентиментализма. Восторг перед пасторальными картинами природы – один из знаков искусства сентиментализма [см., например: Платон, архиеп., т. 3, с. 278–279].

Антропонимы как говорящие имена

Нельзя сказать, что в литературе барокко говорящие имена не используются вообще; наоборот, именно барокко XVII в. явило миру расцвет использования говорящих антропонимов. Однако Дмитрий Ростовский и Стефан Яворский уходят от него, возможно, считая его слишком низким приемом. Оба они – литературные эстеты, им чуждо любое приземление слова [Пекарский, т. 1, с. 114]. Использование говорящих имен – слишком очевидный трюк, не заставляющий читателей рассуждать, докапываясь до истинного смысла имени, и поэтому этот прием не созвучен авторам. Возможно, эти церковные писатели, унаследовав мистическое понимание имени, считали конструирование говорящих имен разрушением его сакральности, своего рода профанацией реальности, созданной Богом.

Архиепископ Феофан не избегал в своих сочинениях говорящих антропонимов. В трагикомедии «Владимир» Феофан, наряду с историческими личностями, вводит в повествование вымышленных персонажей с характерными именами. Отрицательную группу составляют языческие жрецы («жрецы») *Жеривол*, *Курояд*, *Пиар* (*Пеяр*). Эти имена образованы от низкобытовых глаголов *пить*, *есть* и *жрать*, что подчеркивает следующее: это люди неумеренные, склонные к чревоугодию; жрецы приносят жертвы трем бесам, и каждый нечистый дух действует через своего жреца. Положительные герои с говорящими именами – это *Мечислав* и *Храбрый*. Четыре имени собственных выдуманы Феофаном и не встречались в Древней Руси X в., а имя *Мечислав* использовалось в домонгольский период крайне редко.

У Платона говорящих имен нет, проповедник избегает что-либо искусственно *конструировать*, он лишь *описывает* и *комментирует*. Однако митрополит лишен священного трепета, который испытывали по отношению к антропонимам Дмитрий и Стефан – для рационалистического ума Платона католико-герметическая вера в сверхъестественность имени человека сродни магии и оккультизму. Можно было бы возразить, что дело не в личностной литературной манере Платона, а в его принадлежности сентиментализму, который в целом чужд традиции говорящих имен, в отличие от барокко и особенно от классицизма [см., например: Надежина]. Однако не все так просто: например, учитель митрополита Платона епископ Гедеон (Криновский), типичный классицист в литературе, любивший использовать античные мифы и сказания в своих письменных проповедях, тем не менее, так же, как и его ученик, подозрителен к антропонимам и совершенно не использует говорящие имена, а классицизм в целом как литературная эпоха к говорящим именам дружественен [Donskikh, 2018, p. 412; Donskikh, 2019, p. 728]. В своем сочинении «О Сократе и его ученике, выходящем из подозрительного дому» Гедеон, используя типичный для античного философа Платона – другого Платона! – сюжет, тем не менее, донельзя скуп на имена: он включает антропонимы в текст в 18 раз реже самого философа Платона и выбирает все говорящие имена, которые использовал античный мыслитель.

Антономасия и символы в использовании антропонимов

Антономасия в виде замены имен нарицательных антропонимами – постоянно используемая техника у Дмитрия и Стефана, редко используемая – у Феофана, и исключительно редкая – у Платона. Один из немногих примеров использования прономинации у Феофана встречаем в «Слове в день св. благоверного князя Александра Невского» (1718): автор подставляет антропонимы *Виктория* (вместо понятия «победа») и *Квинтии и Фабрикии* (вместо собирательного понятия «диктаторы»). Символизм наименования как филологический прием у Феофана еще более редок; около 95 % символических приемов, им используемых, относятся только и исключительно к Петру I.

В качестве и символической подмены, и прономинации архиепископ не стесняется применять замену имени *Петр* на *Христос*. Стефан Яворский не мог простить Феофану такой вольности и указывал на богословскую неприемлемость называния *Христом* кого-либо, кроме истинного Иисуса Христа [Стефан Яворский, 2017, с. 205], что, впрочем, не останавливало Феофана от использования излюбленного им приема. В «Слове на погребение Петра» архиепископ называет почившего императора ветхозаветными именами, он использует их в качестве символов: Петр становится одновременно *Сампсоном*, *Иафетом*, *Моисеем*, *Соломоном*, *Давидом*. К ним же Феофан добавляет и крестителя Римской империи *Константина*. В «Слове на похвалу блаженных памяти Петра Великого» автор вновь дает первому российскому императору имена знаменитых иудейских царей Давида и Соломона, добавляя к ним еще и имена первых римских царей: «Нам и *Ромул*, и *Нума*, и *Давид*, и *Соломон* – един Петр» [Феофан Прокопович, с. 137]. Чуть дальше Петр I уже принимает имена великих полководцев, и называются Феофаном *Ксеркс*, *Александр Великий*, *Иулий Кесарь* [Там же, с. 142].

Все это примеры символизма в антропонимике архиепископа. Император Петр Великий для своего верного сподвижника – фигура исключительная, особая, описание которой также требует особых литературных приемов. Больше ни одно лицо никогда не удостаивалось от Феофана столь высокой чести; например, даже Екатерину I, ставшую императрицей, архиепископ в сочинениях почти никогда не называет по имени, не говоря уже о полном отсутствии использования по отношению к ней символических антропонимов или прономинаций [Буранок, с. 68–69; Ничик, с. 40].

В русской духовной литературе конца XVII – начала XIX в. мы наблюдаем две явно различающихся тенденции относительно использования антропонимов. Первая представлена западнорусским направлением церковно-литературной деятельности Русской православной церкви; она была подготовлена в XVII в. трудами Петра Могилы, Иоанникия Голятовского, Иннокентия Гизеля, Лазаря Барановича, Антония Радвильовского, Симеона Полоцкого, а также католического автора Фомы Млодзяновского, но ярче всего проявилась в сочинении

ях Димитрия, митрополита Ростовского, и местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского; также в ее русле написаны многие литературные труды Феофилакта Лопатинского. В этой традиции антропоним обладает особой надфеноменальной сущностью: он не может быть профанирован или искусственно сконструирован и метафизическим, сверхъестественным образом характеризует то или иное лицо. Здесь присутствует сакрально-мистическое понимание человеческого имени: в этой традиции знать имя человека – значит обладать определенной властью над ним, а дать имя равносильно тому, чтобы установить некий сеньор-вассальный характер отношений между дающим имя и получающим его.

Вторая, московская (северная) традиция умеренного использования антропонимов в первую очередь связана с именами таких великих церковных писателей, как Феофан Прокопович, Гедеон Криновский и Платон Левшин, но к ней также примыкают Арсений Мацеевич, Иларион Григорович и Амвросий Зертис-Каменский. В ней антропоним понимается сугубо рационально; в этом подходе нет никакой мистики в трактовке сущности понятия, но вместе с тем нет и сугубого пиетета перед использованием антропонимов. Стратегия рационального использования антропонимов оказалась связанной с классицизмом и сентиментализмом в духовной литературе. Она постепенно сформировала рационалистическое течение в русской литературной гомилетике, отдающее предпочтение использованию тропарей и развернутых молитв в текстах проповедей, в которых имя чаще всего является простым денотатором и не обладает никакой сверхприродной сущностью.

Нельзя сказать, что та или иная традиция использования антропонимов одержала победу в русской духовной литературе; обе традиции сильно обогатили литературную художественную гомилетику и способствовали ее бурному развитию в XIX столетии.

Список литературы

Алимов Д. Е. Между миграционизмом и автохтонизмом: вопрос происхождения русинов Закарпатья в дискурсивном пространстве национального нарратива // Русин. 2017. № 4 (50). С. 179–197. DOI 10.17223/18572685/50/12.

Буранок О. М. Ораторская проза Феофана Прокоповича и русский историко-литературный процесс первой трети XVIII века. Самара : НТЦ, 2002. 192 с.

Виноградов В. П. Наследие митрополита Платона в истории Московской духовной академии. Сергиев Посад : Тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1914. 26 с.

Громогласов И. Новое исследование о московском митрополите Платоне. М. : Изд. Имп. о-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1907. 32 с.

Дергачева-Скоп Е. И., Соболева Л. С. Маленькая заметка о большом недоразумении, или Был ли свт. Филофей (Лещинский) автором «Сибирского лествичника»? // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2019. № 1 (25). С. 193–200. DOI 10.21638/11701/spbu19.2019.114.

Жулякова Е. М. Образ «полевого цветка» в эстетике и творчестве раннего Ф. М. Достоевского : (К проблеме: Ф. М. Достоевский и Оноре де Бальзак) // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С. 67–89. DOI 10.17223/24099554/12/4.

- Зубов В. П.* Русские проповедники. М. : УРСС, 2001. 232 с.
- Киселева Л. Н.* Проблемы конструирования и изучения эстонско-русского культурного пространства // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 5–16. DOI 10.17223/24099554/9/1.
- Ковалева Т. В.* Традиции создания духовно-нравственной литературы XVIII века // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер 6: Политология. Международные отношения. 2014. № 2. С. 61–69.
- Ковальчук Н., Якубовска В.* Апостольская миссия святых Кирилла и Мефодия в контексте развития феномена слова в украинской культуре // Konštatívne listy. Vol. 11. 2018. No. 2. P. 87–97. DOI 10.17846/CL.2018.11.2.87-97.
- Корзо М. А.* Катехетические сочинения Феофана Прокоповича // Славянский альманах. 2013. М. : Индрик, 2014. С. 263–280.
- Кочеткова Н. Д.* Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л. : Наука, 1974. С. 50–80.
- Лебедева О. В.* Европейская драматургия как дидактический материал: Мольер и Гольдони на уроках русского языка великой княгини Александры Федоровны // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 38–52. DOI 10.17223/24099554/11/2.
- Ломкина О. В., Мокиенко В. М.* Ценностные константы русинской паремииологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317. DOI 10.17223/18572685/54/18.
- Мангилев П. И., прот., Соболева Л. С.* Исторический контекст создания сборника проповедей «Статир» и личность автора // Церковь. Богословие. История : материалы II Всерос. науч.-богослов. конф. Екатеринбург : Екатеринбург. духов. семинария, 2014. С. 134–144.
- Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1880. 403 с.
- Надежина А.* Митрополит Московский Платон Левшин как проповедник. Казань : Центр. тип., 1891. 404 с.
- Ничик В. М.* Феофан Прокопович. М. : Мысль, 1977. 192 с.
- Паскаль А. Д.* Неизвестное апокрифическое сочинение «Сказание Соломона како ясти во вся дни» в славяно-молдавской книжности XV–XVI вв. // Русин. 2018. № 4 (54). С. 13–32. DOI 10.17223/18572685/54/2.
- Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом : в 2 т. СПб. : Изд-во Т-ва «Обществ. польза», 1862. Т. 1. [8], VI, 578 с.
- Петрикова А., Плишкова А.* Анализ словообразовательных способов и типов в русинском языке // Русин. 2019. № 55. С. 353–370. DOI 10.17223/18572685/55/18.
- Петров Л. А.* Философские взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. Иркутск : Иркутск. кн. изд-во, 1957. 88 с.
- Пигарев К. В., Фридендер Г. М.* Феофан Прокопович // История всемирной литературы : в 9 т. М. : Наука, 1988. Т. 5. С. 363–365.
- Платон, архиеп.* Поучительные слова святейшего правительствующаго Синода члена, преосвященнейшаго Платона, архиепископа Московскаго и Калужскаго, и Святотроицкия Сергиевы Лавры священно-архимандрита проповеданныя : в 13 т. М. : Тип. Мейера, 1774–1792.
- Розанов Н. П.* Московский митрополит Платон (1737–1812 г.). СПб. : О-во ревнителей рус. ист. просвещения, 1913. 99 с.
- Сазонова Л. И.* Литературная культура России : Раннее Новое время. М. : Языки славян. культур, 2006. 896 с.
- Самарин Ю. Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Самарин Ю. Ф. Соч. : в 12 т. М. : Д. Самарин, 1880. Т. 5. 464 с.
- Смирнов В. Г.* Феофан Прокопович. М. : Соратник, 1994. 224 с.
- Соболева Л. С., Голендихина М. А.* Полифония самоидентичности в «Житии» протопопа Аввакума // Сиб. филол. журн. 2019. № 4. С. 46–60. DOI 10.17223/18137083/69/5.

Старикова Г. Н. Номо Лоуэнас в зеркале имен народной культуры (на материале русского и русинского языков) // Русин. 2017. № 2 (48). С. 140–157. DOI 10.17223/18572685/48/10.

Стефан Яворский, митр. Сочинения. Саратов : Науч. кн., 2014. 510 с.

Стефан Яворский, митр. Неизданные сочинения. Саратов : Науч. кн., 2017. 480 с.

Феофан Прокопович. Сочинения. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 503 с.

Феофан, архиеп. Новгородский. Слова и речи поучительные, похвальные и похвалительные : в 4 ч. СПб. : Сухопут. шляхет. кадет. корпус, 1760–1765.

Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия. Минск : Изд-во Белорус. экзархата, 2006. 608 с.

Хомук Н. В. Барочная стратегия репрезентации «кавказского текста» в романе В. Т. Нарезного «Черный год, или Горские князья» // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С. 90–112. DOI 10.17223/24099554/12/5.

Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1868. 752 с.

Шаров К. С. Сакрализация имен в богословских традициях Восточной Европы второй половины XVII – начала XVIII веков // Konstantinove Listy. Vol. 12. 2019a. No. 1. P. 129–140. DOI 10.17846/CL.2019.12.1.129-140.

Шаров К. С. Мифологическая обусловленность понимания имен собственных как лингвокультурных знаков в западнорусской литературной гомилетике конца XVII века // Русин. 2019б. № 56. С. 126–148. DOI 10.17223/18572685/56/8.

Christodoulou G. L'intellectualité orthodoxe turcophone et son rôle précurseur à la renaissance de la Philocalie au XVIIIe siècle // Konstantinove Listy. Vol. 10. 2017. No. 1. P. 121–139. DOI 10.17846/CL.2017.10.1.121-139.

Donskikh O. A. Splitting Concepts: Steps of Reflection // Schole. Vol. 12. 2018. No. 2. P. 402–425.

Donskikh O. A. Poetry as the Beginning of Philosophy and Science // Schole. Vol. 13. 2019. No. 2. P. 716–732.

Gluchman V. Kresťanstvo a morálka v stredoeurópskej politike 9. storočia // Konstantinove Listy. Vol. 10. 2017. No. 2. P. 62–74. DOI 10.17846/CL.2017.10.2.62-74.

Gnes A. Festival Culture as a Means of Preserving Vital Differences in the Ideologically Equalised World // The Beacon: J. for Studying Ideologies and Mental Dimensions. Vol. 2. 2019. No. 2. P. 1–14. DOI 10.5281/zenodo.3732777.

Ivanič P. Vševlad Jozef Gajdoš a výskum chorvátsko-hlaholských pamiatok // Konstantinove Listy. Vol. 10. 2017. No. 2. P. 133–140. DOI 10.17846/CL.2017.10.2.133-140.

Kocev P., Kondrla P., Králik R., Roubalová M. Sv. Kliment Ochridský a jeho pôsobenie v Macedónsku // Konstantinove Listy. Vol. 10. 2017. No. 2. P. 88–97. DOI 10.17846/CL.2017.10.2.88-97.

Legach E. I. St Archbishop Luke Wojno-Jasieniecki against the Ideology of Separating Science and Religion // The Beacon: J. for Studying Ideologies and Mental Dimensions. Vol. 1. 2018. No. 2. P. 1–16. DOI 10.5281/zenodo.3733798.

Taneski M. Epos cirillo-metodiada v peripetiách literárnohistorickej recepcie // Konstantinove Listy. Vol. 11. 2018. No. 2. P. 143–150. DOI 10.17846/CL.2018.11.2.143-150.

References

Alimov, D. E. (2017). Mezhdru migratsionizmom i avtokhtonizmom: vopros proiskhozhdeniya rusinov Zakarpat'ya v diskursivnom prostranstve natsional'nogo narrativa [Between Migrationism and Autochtonism: On the Origin of Transcarpathian Rusins in the Discursive Space of the National Narrative]. In *Rusin*. No. 4 (50), pp. 179–197. DOI 10.17223/18572685/50/12.

Buranok, O. M. (2002). *Oratorskaya proza Feofana Prokopovicha i russkii istoriko-literaturnyi protsess pervoi treti XVIII veka* [The Oratorical Prose of Feofan Prokopovich and the Russian Historical and Literary Process of the First Third of the 18th Century]. Samara, NTTs. 192 p.

Chistovich, I. A. (1868). *Feofan Prokopovich i ego vremena* [Feofan Prokopovich and His Times]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. 752 p.

Christodoulou, G. (2017). L'intellectualité orthodoxe turcophone et son rôle précurseur à la renaissance de la Philocalie au XVIIIe siècle. In *Konstantinove Listy*. Vol. 10. No. 1, pp. 121–139. DOI 10.17846/CL.2017.10.1.121-139.

Dergacheva-Skop, E. I., Soboleva, L. S. (2019). Malen'kaya zametka o bol'shom nedorazumenii, ili Byl li svt. Filofei (Leshchinskii) avtorom "Sibirskogo lestvichnika"? [A Small Note about a Big Misunderstanding, or Whether Saint Filofei (Leshchinsky) was the Author of *Sibirskij Lestvichnik*]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. No. 1 (25), pp. 193–200. DOI 10.21638/11701/spbu19.2019.114.

Donskikh, O. A. (2018). Splitting Concepts: Steps of Reflection. In *Schole*. Vol. 12. No. 2, pp. 402–425.

Donskikh, O. A. (2019). Poetry as the Beginning of Philosophy and Science. In *Schole*. Vol. 13. No. 2, pp. 716–732.

Florovskii, G. V., archpriest. (2006). *Puti russkogo bogosloviya* [The Ways of Russian Theology]. Minsk, Izdatel'stvo Belorusskogo Ekzarkhata. 608 p.

Gluchman, V. (2017). Krest'anstvo a morálka v stredoerópskej politike 9. storočia. In *Konstantinove Listy*. Vol. 10. No. 2, pp. 62–74. DOI 10.17846/CL.2017.10.2.62-74.

Gnes, A. (2019). Festival Culture as a Means of Preserving Vital Differences in the Ideologically Equalised World. In *The Beacon: J. for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. Vol. 2. No. 2, pp. 1–14. DOI 10.5281/zenodo.3732777.

Gromoglasov, I. (1907). *Novoe issledovanie o moskovskom mitropolite Platone* [New Research on Moscow Metropolitan Platon]. Moscow, Izdanie Imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. 32 p.

Ivanič, P. (2017). Vševlad Jozef Gajdoš a výskum chorvátsko-hlaholských pamiatok. In *Konstantinove Listy*. Vol. 10. No. 2, pp. 133–140. DOI 10.17846/CL.2017.10.2.133-140.

Khomuk, N. V. (2019). Barochnaya strategiya reprezentatsii "kavkazskogo teksta" v romane V. T. Narezhnogo "Chernyi god, ili Gorskije knyaz'ya" [The Baroque Strategy of Representing the "Caucasian Text" in the Novel by V. T. Narezhny *Black Year, or the Mountain Princes*]. In *Imagologiya i komparativistika*. No. 12, pp. 90–112. DOI 10.17223/24099554/12/5.

Kisseljova, L. N. (2018). Problemy konstruirovaniya i izucheniya estonsko-russkogo kul'turnogo prostranstva [The Problems of Designing and Studying the Estonian-Russian Cultural Space]. In *Imagologiya i komparativistika*. No. 9, pp. 5–16. DOI 10.17223/24099554/9/1.

Kocev, P., Kondrla, P., Králik, R., Roubalová, M. (2017). Sv. Kliment Ochridský a jeho pôsobenie v Macedónsku. In *Konstantinove Listy*. Vol. 10. No. 2, pp. 88–97. DOI 10.17846/CL.2017.10.2.88-97.

Kochetkova, N. D. (1974). Oratorskaya proza Feofana Prokopovicha i puti formirovaniya literatury klassitsizma [Feofan Prokopovich's Elocutionary Prose and Classicist Literature Formation]. In *Problemy literaturnogo razvitiya v Rossii pervoi chetverti XVIII veka*. Leningrad, Nauka, pp. 50–80.

Korzo, M. A. (2014). Katekheticheskie sochineniya Feofana Prokopovicha [Catechisms of Feofan Prokopovich]. In *Slavyanskii almanakh. 2013*. Moscow, Indrik, pp. 263–280.

Koval'chuk, N., Yakubovska, V. (2018). Apostol'skaya missiya svyatykh Kirilla i Mefodiya v kontekste razvitiya fenomena slova v ukrainskoi kul'ture [The Apostolic Mission of Saints Cyril and Methodius in the Context of the Word Phenomenon in Ukrainian Culture]. In *Konstantinove Listy*. Vol. 11. No. 2, pp. 87–97. DOI 10.17846/CL.2018.11.2.87-97.

Kovaleva, T. V. (2014) Traditsii sozdaniya dukhovno-nravstvennoi literatury XVIII veka [Traditions of 18th-Century Moral Literature]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. No. 2, pp. 61–69.

Lebedeva, O. V. (2019). Evropeiskaya dramaturgiya kak didakticheskii material: Mol'er i Gol'doni na urokakh russkogo yazyka velikoi knyagini Aleksandry Fedorovny [European Drama as Didactic Material: Moliere and Goldoni at the Lessons of Russian Great Duch-

ess Alexandra Fyodorovna]. In *Imagologiya i komparativistika*. No. 11, pp. 38–52. DOI 10.17223/24099554/11/2.

Legach, E. I. (2018). St Archbishop Luke Wojno-Jasieniecki against the Ideology of Separating Science and Religion. In *The Beacon: J. for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. Vol. 1. No. 2, pp. 1–16. DOI 10.5281/zenodo.3733798.

Lomakina, O. V., Mokienko, V. M. (2018). Tsennostnye konstanty rusinskoj paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo yazykov) [Value Constants of Rusin Paremiology (Compared with the Ukrainian and Russian Languages)]. In *Rusin*. No. 4 (54), pp. 303–317. DOI 10.17223/18572685/54/18.

Mangilev, P. I., archpriest, Soboleva, L. S. (2014). Istoricheskii kontekst sozdaniya sbornika propovedei “Statir” i lichnost’ avtora [The Historical Context of Creating the Collection of Sermons *Statir* and the Identity of the Author]. In *Tserkov’. Bogoslovie. Istoriya. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii*. Yekaterinburg, Ekaterinburgskaya dukhovnaya seminariya, pp. 134–144.

Morozov, P. O. (1880). *Feofan Prokopovich kak pisatel’* [Feofan Prokopovich as a Writer]. St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva. 403 p.

Nadezhina, A. (1891). *Mitropolit Moskovskii Platon Levshin kak propovednik* [Moscow Metropolitan Platon Levshin as a Preacher]. Kazan’, Tsentral’naya tipografiya. 404 p.

Nichik, V. M. (1977). *Feofan Prokopovich* [Feofan Prokopovich]. Moscow, Mysl’. 192 p.

Paskal’, A. D. (2018). Neizvestnoe apokrificheskoe sochinenie “Skazanie Solomona kako yasti vo vsya dni” v slavyano-moldavskoi knizhnosti XV–XVI vv. [Unknown Apocrypha *The Legend of Solomon on Everyday Healthy Eating (Kako yasti vo vse dni)*] in the Slavic-Moldovan Literature of the 15th–16th Centuries]. In *Rusin*. No. 4 (54), pp. 13–32. DOI 10.17223/18572685/54/2.

Pekarskii, P. P. (1862). *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom v 2 t.* [Science and Literature in Russia under Peter the Great. 2 Vols.]. St Petersburg, Izdatel’stvo Tovarishchestva “Obshchestvennaya pol’za”. Vol. 1. [8], VI, 578 p.

Petrikova, A., Plishkova, A. (2019). Analiz slovoobrazovatel’nykh sposobov i tipov v rusinskom yazyke [Analysis of Word-Formation Methods and Types in the Rusin Language]. In *Rusin*. No. 55, pp. 353–370. DOI 10.17223/18572685/55/18.

Petrov, L. A. (1957). *Filosofskie vzglyady Prokopovicha, Tatishcheva i Kantemira* [The Philosophical Views of Prokopovich, Tatishchev, and Kantemir]. Irkutsk, Irkutskoe knizhnoe izdatel’stvo. 88 p.

Pigarev, K. V., Fridlender, G. M. (1988). Feofan Prokopovich [Feofan Prokopovich]. In *Istoriya vsemirnoi literatury v 9 t.* Moscow, Nauka. Vol. 5, pp. 363–365.

Platon, archb. (1774–1792). *Pouchitel’nye slova svyateishago pravitel’stvuyushchago Sinoda chlena, preosvyashchenneshago Platona, arkhiepiskopa Moskovskago i Kaluzhskago, i Svyatotroitskiya Sergievy Lavry svyashchennno-arkhimandrita propovedannyya v 13 t.* [The Sermons of Platon, Member of Governing Synod, Archbishop of Moscow and Kaluga, and Reverend Archimandrite of St Sergius Trinity Lavra, 13 Vols.] Moscow, Tipografiya Meiera.

Rozanov, N. P. (1913). *Moskovskii mitropolit Platon (1737–1812 g.)* [Moscow Metropolitan Platon (1737–1812)]. St Petersburg, Obshchestvo revnitelei russkogo istoricheskogo prosveshcheniya. 99 p.

Samarin, Yu. F. (1880). Stefan Yavorskii i Feofan Prokopovich [Stefan Yavorsky and Feofan Prokopovich]. In Samarin, Yu. F. *Sochineniya v 12 t.* Moscow, D. Samarin. Vol. 5. 464 p.

Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul’tura Rossii. Rannee Novoe vremya* [Literary Russian Culture. The Early Modern Period]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul’tur. 896 p.

Sharov, K. S. (2019a). Sakralizatsiya imen v bogoslovskikh traditsiyakh Vostochnoi Evropy vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII vekov [The Sacralisation of Names in the East European Theological Traditions of the Second Half of the 17th and Early 18th Centuries]. In *Konstantinove Listy*. Vol. 12. No. 1, pp. 129–140. DOI 10.17846/CL.2019.12.1.129-140.

Sharov, K. S. (2019b). Mifologicheskaya obuslovlennost’ ponimaniya imen sobstvennykh kak lingvokul’turnykh znakov v zapadnorusskoi literaturnoi gomiletike kontsa XVII

veka [The Mythological Dependency of Understanding Proper Names as Linguistic Cultural Signs in West Russian Literary Homiletics of the Late 17th Century]. In *Rusin*. No. 56, pp. 126–148. DOI 10.17223/18572685/56/8.

Smirnov, V. G. (1994). *Feofan Prokopovich* [Feofan Prokopovich]. Moscow, Soratnik. 224 p.

Soboleva, L. S., Golendukhina, M. A. (2019). Polifoniya samoidentichnosti v “Zhitii” protopopa Avvakuma [Polyphony of Self-Identity in the *Life* of Archpriest Avvakum]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 4, pp. 46–60. DOI 10.17223/18137083/69/5.

Starikova, G. N. (2017). Homo Loquens v zerkale imen narodnoi kul’tury (na materiale russkogo i rusinskogo yazykov) [*Homo Loquens* as Reflected in the Names of Popular Culture with Reference to the Russian and Rusin Languages]. In *Rusin*. No. 2 (48), pp. 140–157. DOI 10.17223/18572685/48/10.

Stefan Jaworski, Metr. (2014). *Sochineniya* [Works]. Saratov, Nauchnaya kniga. 510 p.
Stefan Jaworski, Metr. (2017). *Neizdannye sochineniya* [Unpublished Works]. Saratov, Nauchnaya kniga. 480 p.

Taneski, M. (2018). Epos cirillo-metodiada v peripetiách literárnohistorickej recepcie. In *Konstantinove Listy*. Vol. 11. No. 2, pp. 143–150. DOI 10.17846/CL.2018.11.2.143-150.

Feofan Prokopovich. (1961). *Sochineniya* [Works]. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR. 503 p.

Feofan, archbishop of Novgorod. (1760–1765). *Slova i rechi pouchitel’nye, pokhval’nye i pozdravitel’nye v 4 ch.* [Instructive, Commendable and Congratulatory Words and Speeches. 4 Parts]. St Petersburg, Sukhoputnyi shlyakhetskii kadetskii korpus.

Vinogradov, V. P. (1914). *Nasledie mitropolita Platona v istorii Moskovskoi dukhovnoi akademii* [Metropolitan Platon’s Heritage in the History of the Moscow Spiritual Academy]. Sergiev Posad, Tipografiya Svyato-Troitskoi Sergievoi lavry. 26 p.

Zhilyakova, E. M. (2019). Obraz “polevogo tsvetka” v estetike i tvorchestve ranнего F. M. Dostoevskogo (K probleme: F. M. Dostoevskii i Onore de Bal’zak) [The Image of the “Wild Flower” in the Aesthetics and Early Works by F. M. Dostoevsky (On the Issue: F. M. Dostoevsky and Honoré de Balzac)]. In *Imagologiya i komparativistika*. No. 12, pp. 67–89. DOI 10.17223/24099554/12/4.

Zubov, V. P. (2001). *Russkie propovedniki* [Russian Preachers]. Moscow, URSS. 232 p.

The article was submitted on 27.12.2018

ПЕРЕВОДЫ ИЗ ЦИЦЕРОНА В КРАТКОМ РУКОВОДСТВЕ К КРАСНОРЕЧИЮ МИХАИЛА ЛОМОНОСОВА*

Анна Смирнова

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия

TRANSLATIONS OF CICERO IN LOMONOSOV'S A BRIEF GUIDE TO ELOQUENCE

Anna Smirnova

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

This article examines Mikhail V. Lomonosov's translation techniques and idiolect in his *A Brief Guide to Eloquence* (1748), with most of the examples being translated fragments of European literature. A comparison of the translated fragments from Cicero (the author analyses 82 excerpts from the antique orator's works) with Lomonosov's own Latin texts makes it possible to see some features of Lomonosov's translation techniques. Except for the translated fragments included in the textbook on rhetoric, some of Cicero's works were entirely translated into Russian in the eighteenth century. The author also compares Lomonosov's translated fragments from Cicero (*Cic. Leg. Man., Cat., Arch., Har. resp.*, etc.) with translations by K. Kondratovich, which were released twenty years after those by Lomonosov. The aim of the research is to show the peculiarities of Lomonosov's translations, resulting both from the specifics of his translation techniques and the task of these texts as examples of Russian eloquence. The comparative method allows the author to conclude that Lomonosov managed to adequately convey the content and form in his translations and to recreate the style while closely adhering to the original – all this convinced him that the Russian language 'stands out among all the languages of Europe in its grandeur and richness'. In Lomonosov's translation techniques, there is a tendency for word-by-word translation and an attempt to preserve the Latin syntax; there is also a noticeable tendency to replace specific ancient culture-specific concepts with modern ones (a principle dating back to humanistic translations into Latin and vulgar languages).

* Citation: Smirnova, A. (2020). Translations of Cicero in Lomonosov's *A Brief Guide to Eloquence*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1172–1186. DOI 10.15826/qr.2020.4.520.

Цитирование: Smirnova A. Translations of Cicero in Lomonosov's *A Brief Guide to Eloquence* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1172–1186. DOI 10.15826/qr.2020.4.520 / Смирнова А. Переводы из Цицерона в *Кратком руководстве к красноречию* Михаила Ломоносова // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1172–1186. DOI 10.15826/qr.2020.4.520.

The translator's adherence to the original is of practical importance for historians of literature and allows us to determine when the original text was taken from textbooks on rhetoric.

Keywords: M. Lomonosov; Cicero; K. Kondratovich; translation; Latin; Russian.

Исследуются переводческая техника и язык М. В. Ломоносова на материале «Краткого руководства к красноречию» (1748), большая часть примеров в котором являются переводными фрагментами европейской литературы. Сопоставление переводов фрагментов из сочинений Цицерона (всего процитировано 82 фрагмента из разных сочинений античного оратора) с оригинальными латинскими текстами позволяет увидеть некоторые особенности ломоносовской техники перевода. Помимо этих самых ранних из доступных нам и включенных в риторический учебник переводов, некоторые сочинения Цицерона были переведены на русский язык целиком в XVIII в. В статье также приводится сопоставление ломоносовских переводных фрагментов из речей Цицерона (о законе Манилия, против Катилины, в защиту Архия поэта, речь об ответах гаруспиков и др.) с переводами речей, выполненными К. Кондратовичем позднее Ломоносова. Цель работы – показать особенности переводов Ломоносова, обусловленные как спецификой его переводческой техники, так и задачей рассматриваемых текстов – служить образцами русского красноречия. Сопоставительный метод исследования позволяет сделать вывод о том, что Ломоносову удавалось адекватно передавать содержание и форму, находить языковые средства для воссоздания стиля, при этом близко придерживаясь оригинала, – все это служило для него убедительным доказательством того, что русский язык «собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе». Пословный перевод и попытка сохранить латинский синтаксис в переводческой технике Ломоносова иногда сменяются приведением синтаксиса к более привычному русскому виду. Характерная для перевода замена специфических античных реалий на современные – принцип, восходящий еще к гуманистическим переводам на латынь и народные языки. Обнаруживаемая верность переводчика синтаксису оригинала имеет теперь практическое значение для историков литературы и позволяет установить, когда классический текст брался из риторических учебников.

Ключевые слова: М. Ломоносов; Цицерон; К. Кондратович; перевод; латинский язык; русский язык.

В истории развития переводческой теории в Европе от Цицерона¹ до наших дней² различают перевод дословный (*ad verbum*) и пе-

¹ Римские авторы, разумеется, под переводческой деятельностью понимали перевод с греческого на латынь. Так, Цицерон был сторонником «свободного» перевода, не передающего оригинал «слово за словом» (Cic. *De orat.* 1, 155, *De optimo genere oratorum*, V, 11, 14) [Translation – Theory and Practice, p. 21]. Горацій считал, что главное – передать убедительность текста (Нор. *Arts P.* II, 128–144), а Квинтилиан писал, что следует не только подражать греческим моделям языка, но и стараться их превзойти (Quint. *Inst.* X. 5, 2–3).

² Обзорные работы, посвященные европейской истории перевода: [Gillespie; Korenjak, S. 142–154]; теории перевода: [Translation – Theory and Practice, p. 17–188; Haßler].

ревод по смыслу (*ad sensum*)³; на технику перевода влиял исторический и культурный контекст, в котором проходила деятельность переводчиков. Если в Античности римляне переводили греков *ad sensum*, оставляя возможность для состязания в красоте языка, использовании художественных и стилистических приемов, то в XV–XVI вв. в Европе стал практиковаться перевод *ad verbum*, имевший, в частности, педагогическую задачу: греческий и латинский тексты часто печатали билингвой для удобства учеников, многие из которых по таким изданиям изучали греческий язык самостоятельно [Botley, p. 164–177]. С начала развития народных языков переводы с латинского выполнялись для лексического обогащения и риторического совершенствования языка национального, а вскоре – и для демонстрации его достоинств и самостоятельной значимости [Haßler, S. 1022].

В России до XVIII в. с греческого языка переводились преимущественно священные тексты. Их переводчики стремились к максимальной точности, дословности в передаче оригинала, в других случаях практиковались и переводы по смыслу⁴. В Петровскую эпоху благодаря государственной поддержке переводческая деятельность развернулась широко – переводили европейские технические, науч-

³ Дословный перевод – подстрочник – помогает разобраться в синтаксисе иноязычного предложения. Перевод по смыслу является сейчас общеупотребительным и повсеместным [см.: Шабага], а общие правила его были сформулированы еще в XVI в., например, Этьеном Доле (*La manière de bien traduire d'une langue en aultre*, 1540, пер. по: [Translation – Theory and Practice, p. 74–76]):

– Переводчик должен прекрасно понимать смысл и сущность автора, которого он переводит, так как в этом случае он никогда не будет неясным в своих переводах, и если автор, которого он переводит, труден, он сможет в любом случае интерпретировать его просто и понятно.

– Переводчик должен в совершенстве владеть языком автора, которого он переводит, а также языком, на который он собирается переводить.

– В переводе не должно быть рабского служения и передачи оригинала слова в слово. Если кто-то этим занимается, он действует так из-за недостатка или отсутствия знания.

– Необходимо соблюдать правило об употреблении адекватных современных терминов при переводе.

– Необходимо соблюдать правило о красоте стиля («ораторские числа») переводчика (текст должен быть хорошо выстроен, как хорошо настроенный музыкальный инструмент).

⁴ О вопросе о теории перевода, существовавшей в России в XVII в., см.: [Матхазерова, с. 25–55]. Автор выделила и описала пять переводческих теорий: открытую теорию перевода Иоанна Экзарха Болгарского (по смыслу), вольный перевод (для светской литературы), теорию перевода «от слова до слова», связанную со стремлением согласовать славянский текст с авторитетным греческим (переводы литургических произведений), грамматическую теорию перевода (стремление избавить славянский текст от иностранных влияний), синтетическую теорию перевода (обновленные приемы перевода из более ранней переводческой практики). Д. М. Буланин разделил бытовавшую в средневековый период практику перевода на грамматическую теорию и теорию пословного перевода [Буланин, с. 26–27]. С. И. Николаев признает существование во второй половине XVII в. двух концепций перевода, разработанных на основе переводов священных текстов: теорию пословного перевода, теоретиком которой был Евфимий Чудовский, и теорию перевода по смыслу, «неложно», выраженную Симеоном Полоцким [Николаев, с. 88].

ные и художественные сочинения⁵, которые стали печатать гражданским шрифтом на русском языке⁶. К Иностранной коллегии, сменившей прежний переводческий центр – Посольский приказ, добавилась Академия наук; в ней вскоре появились первые переводчики-ученые – В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов, которые не только занимались переводами, но и получали задания проверять работы других переводчиков; заметим, что Ломоносов в этом деле часто выступал строгим критиком [Ломоносов, т. 9, с. 619, 628–629].

В деятельности переводчиков первой половины XVIII в., не стесненных духовными доктринами и авторитетами, принципы пословного перевода (воспроизведение каждого слова оригинала в единстве его обозначающего и обозначаемого) сочетаются с «грамматическим подходом», учитывавшим грамматическое своеобразие языка источника и языка-реципиента [Буланин, с. 27, 32]. Исследователи переводов Ломоносова отмечают, что он сохраняет «по возможности все образы подлинника во всей их внутренней взаимосвязи» [Ломоносов, т. 8, с. 868], в его переводах «прослеживается установка на точность передачи содержания и формы, а также способность найти языковые средства для воссоздания стиля»⁷; наконец – что он придерживался правила перевода древних авторов, лаконично сформулированного И. К. Готшедом: «переводчик обязан близко придерживаться оригинала, но он не должен насиловать свой родной язык» [цит. по: Данько, с. 257].

Переводы образцов античной литературы были выполнены М. В. Ломоносовым и напечатаны в 1748 г.⁸ Эти переводы не были самоцелью: переведенные фрагменты были включены им в состав «Риторики», составленной для преподавания соответствующего курса в Академическом университете. По поручению Академии наук Ломоносов выполнил ряд самостоятельных переводов не только с латинского (например, «Вольфианская физика» Л. Ф. Тюммига, «Морская

⁵ О переводах в петровское время см.: [Николаев; Данилевский; Черная]. В Петровскую эпоху русская литература начала активно обогащаться переводами с разных языков, при этом нередко тексты брались из вторых рук, так, «Метаморфозы» Овидия или «Приклады, памяти достойные» (совр. «Достопамятные деяния и изречения») Валерия Максима были переведены в начале XVIII в. с польского, «Лукий, или Осел» Лукиана – с латинского, «Рассуждения» Марка Аврелия – с немецкого и т. д. [Николаев, с. 84, 87, 91]. Допущенными к печати оказывались признанные, «внятные» по смыслу тексты переводов. Множество переводов остались ненапечатанными, потому что язык этих текстов не удовлетворял современников.

⁶ Подробно о том, как менялся язык в печатных текстах в связи с отходом от церковнославянской нормы, см.: [Живов, с. 971–979]; о «лингвистической концепции» Петра I см.: [Там же, с. 949–955].

⁷ Эта цитата А. А. Дерюгина относится к ломоносовским переводам немецкой оды, однако нам кажется, что эту формулировку можно отнести и к переводам фрагментов латинской литературы [Дерюгин, с. 37]. Языку ломоносовских поэтических переводов посвящена отдельная глава в этой же книге [Там же, с. 43–53].

⁸ Переводы из «Риторики» впоследствии были перепечатаны отдельно вместе с латинским текстом [Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и в прозе]. Цитаты в этой статье приводятся по комментированному изданию [Ломоносов, т. 7, с. 89–378].

Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. СПб. : Имп. Акад. наук, 1748. Титульный лист

Lomonosov, M. V. (1748). A Brief Guide to Eloquence. St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk. Title page

ны также другими переводчиками¹², в основном в изданиях для учащихся. Всего по-русски были опубликованы 12 речей из 58, 11 писем из более чем 800, 6 философских сочинений из 12. Эти тексты дают богатый материал для сопоставления с ломоносовскими переводами.

⁹ Некоторые цитаты приводятся несколько раз в разных по характеру текстах: например, цитата из «Истории Александра Великого» Квинта Курция Руфа встречается и в историческом сочинении, и среди образцов ораторской прозы [Коровин, с. 42].

¹⁰ Мы согласны с мнением А. Н. Егунова о том, что Ломоносов возразил бы, если бы ему приписали профессиональную деятельность переводчика [Егунов, с. 202].

¹¹ Это цитаты из его судебных речей (Cic. Quinct., Rosc. Am., Verr., Font., Leg. Man., Clu., Leg. agr., Cat., Mur., Rab. Post., Arch., Red. Pop., Pis., Mil., в защиту Корнелия (цитата сохранилась в Cic. Orat.), Marcell., Lig., Deiot., Phil.) и из политических и философских сочинений (Cic. Off., Tusc.). Названия речей приводятся по списку сокращений в OCD.

¹² И. Шишкин (1752), его перевод был исправлен и отредактирован М. В. Ломоносовым [Ломоносов, т. 9, с. 631]; Б. Волков (1761), К. Кондратович (1767), И. Посников (1774), Ф. Моисеев (1775), Г. Комов (1779), М. Павлов (1781), К. Орлов (1784), Е. Карнеев (1795).

наука» Л. Эйлера), но также с немецкого (например, «Ода в день коронавания Елисаветы Петровны» И. Г. Бока, научные статьи Г. В. Крафта, «Лифляндская экономия» С. Губерта) и с французского (например, ода «Фортуна» Ж.-Б. Руссо). Немалое количество ссылок на европейскую литературу (от Античности до Нового времени) и переводов отдельных ее фрагментов (принадлежащих большей частью латинским авторам) мы находим в собственных научных сочинениях Ломоносова⁹. Таким образом, переводческая деятельность имела для него преимущественно прикладное, а не самостоятельное литературное значение¹⁰.

Как в новолатинских риториках, так и в «Риторике» самым цитируемым автором был, несомненно, Цицерон: всего Ломоносовым приведено 82 фрагмента из его сочинений¹¹. В XVIII в. переводы из Цицерона на русский язык были выпол-

Для анализа переводческой стратегии Ломоносова мы сопоставим его переводы из Цицерона с переводами К. Кондратовича («Марка Туллия Цицерона двенадцать отборных речей»). Кириак Андреевич Кондратович (1703–1790) работал переводчиком при Академии наук, преподавателем в университетской гимназии. В 1748–1751 гг. вместе с Ломоносовым он занимался составлением «Российского лексикона», вероятно, легшего в основу Словаря Академии Российской [Пекарский, с. 372–37; Летопись РАН, с. 316, 344, 510, 674–675; Ломоносов, т. 7, с. 946–948]. Выполняя перевод почти через 20 лет после Ломоносова, Кондратович скорее всего был знаком с опытом знаменитого предшественника, что одновременно облегчало и затрудняло его задачу – создать новый перевод. Но если первому нужны были отдельные фрагменты, подкрепляющие определения тропов и фигур в его «Риторике», второй переводил целиком речи Цицерона для издания их на русском языке.

Изучение фрагментов речей Цицерона из сборника «*Selectae orationes*» (1735)¹³ показывает, что оба переводчика стремились точно передать содержание текста и риторическую фигуру, то сохраняя, то меняя оригинальный порядок слов. Рассмотрим несколько примеров, например, фрагмент из четвертой речи против Катилины:

Cic. <i>Cat.</i> 4, 18	Ломоносов	Кондратович
<p>Obsessa facibus et telis impiae coniurationis vobis supplex manus tendit patria communis, vobis se, vobis vitam omnium civium, vobis arcem et Capitolium, vobis aras Penatium, vobis illum ignem Vestae sempiternum, vobis omnium deorum templa atque delubra, vobis muros atque urbis tecta commendat [Cicero, p. 172].</p>	<p>Окруженное оружием и пламенем нечестивого злоумышления простирает к вам с молением руки общее отечество: вам себя, вам жизнь всех граждан, вам замок и Капитолию, вам алтари богов домашних, вам всегдашний и вечный огонь, Весте возженный, вам все храмы богов и капища, вам дома и стены градские поручает [Ломоносов, т. 7, с. 291].</p>	<p>Окруженное фитилями и воинскою збруюю безбожного бунта общее отечество с молением к вам свои воздевает руки; вам себя вверяет, вам житие всех Граждан, вам крепость и Капитолию, вам домовья боги, вам оной огонь Вестин и беспрестанной, и вечной, вам все храмы богов и капища, вам стены градския и дома поручает [Марка Туллия Цицерона Двенадцать отборных речей, с. 257].</p>

Латинская фраза представляет собой распространенное предложение с двумя однородными сказуемыми, от второго из которых зависят восемь однородных дополнений – словосочетаний, состоящих из местоимения *vobis* и несогласованного определения в форме родительного падежа. Кроме фигуры слова (*повторения*), Цицерон использовал здесь градацию: Рим, оказавшийся в беде из-за действий Катилины и его сообщников, представлен перечислением значимых для римля-

¹³ Этот сборник был приобретен Ломоносовым в Амстердаме в 1738 г. [Коровин, с. 354]. Набор речей, переведенных К. Кондратовичем, показывает, что он мог ориентироваться на тот же сборник, возможно, в другом издании: в его переводе нет речи «В защиту Секста Росция».

нина мест – от наиболее общих (само отечество, крепость) к частным (домашние алтари и очаг).

Начало и конец этого примера (*окруженное... поручает*), а также фраза «вам все храмы богов и капища» у обоих переводчиков совпадают и являются дословной передачей латинских словоформ¹⁴. Перестановка однородных дополнений в ломоносовском переводе (лат. *facibus et telis – оружием и пламенем*), на наш взгляд, могла возникнуть для создания аллитерации, которую он мог обнаружить в оригинальном фрагменте (*b – s – s, f – c – b – s*): *Obsessa facibus et telis – «Окруженное оружием и пламенем» (p – ж – н, p – ж – м, n – м – н)*. Кондратович меняет порядок слов в переводе фразы *vobis supplex manus tendit*, дважды переводит сказуемое *commendat* (*вверяет; поручает*). Добавленное Кондратовичем местоимение «свои» («отечество с молением к вам свои воздевает руки») усиливает олицетворение. Следует также обратить внимание на порядок слов в ломоносовской фразе «вам всегдашний и вечный огонь, Весте возженный» (лат. *vobis illum ignem Vestae sempiternum*). Переводя *sempiternum* двумя определениями (*всегдашний и вечный*), Ломоносов изменил порядок «определяемый объект – определение» в латинской фразе на обратный – такая последовательность выглядит очевидной для носителя современного русского языка, но в начале XVIII в. препозиция и постпозиция прилагательных были употребительны в равной степени [Борковский, с. 412].

Образы *оружие и пламя* создают эпическую картину, у Кондратовича упоминание *фитилей и збруи* (здесь – «доспехи» [САР, т. 3, ст. 25; СРЯ XI–XVII вв., т. 23, с. 89]) задерживает на конкретных предметах внимание читателя XVIII в., представляющего, вероятно, картину баталий своего времени. Лат. *impia coniuratio* передано у Ломоносова как «нечестивое злоумышление», у Кондратовича – как «безбожный бунт». Слово «бунт» заимствовано в русский язык из немецкого, вероятно, через польское посредство [САР, т. 1, ст. 383; СРЯ XI–XVII вв., т. 1, с. 354]. Между тем редактирование Ломоносовым фрагментов переводов при подготовке «Риторики» к печати имело тенденцию к замене заимствований на исконно русские эквиваленты¹⁵. Фраза

¹⁴ Возможно, в совпадении переводов проявляется зависимость Кондратовича от ломоносовского перевода.

¹⁵ Например, лат. *monile* сначала было переведено словом «монисто», которое затем заменено на «ожерелье» [Ломоносов т. 7, с. 134], хотя в русском языке фиксируется как «монисто» с XI в. [СРЯ XI–XVII вв., т. 9, с. 260], так и «ожерелье» с XIV в. [СРЯ XI–XVII вв., т. 12, с. 299]. Таким образом, сначала Ломоносов выбирает в русском языке заимствование, созвучное латинскому слову, но затем склоняется к его замене на исконно русское слово. В правке, которую Ломоносов вносил в переводы при переиздании «Риторики», заметна та же тенденция: лат. *caeremonia* переводится в итоге как «обряд», а не «церемония»: «О публичных молебствах, о величайших играх, о обрядах <Рит. рук. 1747: церемониях> богов домашних и Весты, всех матери...» [Ломоносов, т. 7, с. 258], ср.: *De sacris publicis, de ludis maximis, de Deorum Penatium, Vestaque matris caeremoniis...* (Сic. Har. resp. 6, 12). Слово «церемония» встречается у Ломоносова пять раз, из них один раз оно исправлено на «обряд» и три раза зафиксировано в служебных документах (авторство которых зачастую было коллективным); слово «обряд» употребляется 17 раз.

manus tendit у Ломоносова переведена как «простирает... руки» (движение вперед), у Кондратовича это действие описано как движение снизу вверх: «свои воздевает руки». В классических текстах в равной мере засвидетельствовано употребление глагола *tendo* как в первом, так и во втором значении [OLD, p. 1917], так что трудно определить, какой перевод является более точным.

В другом фрагменте, взятом из речи «О Манилиевом законе», Ломоносову и Кондратовичу также удается балансировать между следованием за структурой латинской фразы и использованием конструкций, привычных русскому читателю:

Cic. <i>Leg. Man.</i> 21, 61	Ломоносов	Кондратович
<p>Quid enim tam novum, quam adolescentulum, privatum, exercitum difficili reipublicae tempore conficere? confecit [Cicero, p. 96].</p>	<p>Что может быть толь новое, как чтобы незнатный отрок в бедственное республике время собрал войско? Однако собрал [Ломоносов, т. 7, с. 265].</p>	<p>И чтож толь новое, как молодцу приватному в смутное и трудное Государству время войско собрать? Собрал [Марка Туллия Цицерона Двенадцать отборных речей, с. 150].</p>

В этом фрагменте речь идет о Гнее Помпее Великом, выходеце из плебейского рода, сумевшем при этом стать великим полководцем. Цицерон начинает фразу с вопросительного местоимения *quid* (что) и конструкции *tam... quam* («так... как»), от первой части которой зависит оборот Acc. cum inf. (*adolescentulum... conficere*). Утвердительный ответ выражен личной формой глагола (*confecit*). Уменьшительная форма лат. *adolescentulus* передает очень юный возраст Помпея, в котором он стал проявлять себя в политической жизни, чем искренне восхищен оратор; определением *privatus* он подчеркивает, что происхождение Помпея было препятствием для общественной деятельности, к тому же положение в стране было тяжелым (*difficili... tempore* в аблативе времени, от которого зависит *rei publicae* в дательном падеже, так называемый *Dativus incommodi*).

В «Риторике» Ломоносова этот фрагмент является одним из примеров «ответствования» (фигуры, при которой автор речи сам отвечает на свой вопрос). За счет повтора и добавления союза «однако», отсутствующего в оригинальном тексте, достигается дополнительный риторический эффект: «собрал... однако собрал». Перевод лат. *privatus* как «незнатный» у Ломоносова указывает на происхождение Помпея; употребленное в переводе Кондратовича заимствование «приватный» впервые зафиксировано в словаре XIX в. в значении «частный, особенный, непубличный» [СЦСРЯ, с. 455], что не соответствует смыслу оригинального текста. При передаче конструкции *difficili reipublicae tempore* Ломоносов и Кондратович сохраняют управление дательным падежом. Слово «республика» зафиксировано

в русском языке уже в текстах XVII в. [САР, т. 5, ст. 117–118; ср. СРЯ XI–XVII вв., т. 22, с. 146], у Ломоносова оно встречается 31 раз применительно к Римской и Новгородской республикам, таким образом, его употребление не ограничивается античным контекстом. Кондратович выбирает «государство», избегая упоминания формы правления, отличной от российской. У Ломоносова инфинитивный оборот *adolescentulum... conficere* заменен зависимым предложением с личной формой глагола, вероятно, для создания фигуры повтора (см. выше). Кондратович следует за синтаксисом латинской фразы, не искажая при этом привычный русский синтаксис [Борковский, с. 393].

Рассмотрев разные возможности передачи латинских синтаксических конструкций в русских переводах Цицерона (всего 38 мест, для которых имеется перевод Ломоносова и Кондратовича), мы приходим к выводу, что причины колебания Ломоносова в «Риторике» между калькированием структуры латинской фразы и ее модификацией в переводе состояли, с одной стороны, в стремлении максимально точно передать рассматриваемую в данном разделе учебника и представленную в латинском примере фигуру красноречия (то есть специфику синтаксической организации текста), а с другой стороны – в попытке усилить в русском переводе риторический эффект, достигаемый за счет лексических и синтаксических средств самого русского языка. Кондратович же перевел не избранные в качестве примеров фрагменты, а текст речи целиком, преимущественно следуя за синтаксисом и порядком слов латинского оригинала.

Ломоносову перевод «слово за слово» (в тех случаях, когда он прибегает к нему в «Риторике») нужен был, чтобы показать саму возможность точного воспроизведения латинского текста на русском и таким образом доказать равенство литературного потенциала русского и латинского языков [Ломоносов, т. 7, с. 391–392]. Об этом Ломоносов упоминает в посвящении к «Российской грамматике», оставляя подробное рассмотрение вопроса на потом: «Обстоятельное всего сего доказательство требует другого места и случая» [Ломоносов, т. 7, с. 391]¹⁶. Заметим, что в рецензии на первый вариант «Риторике» («Краткое руководство к риторике», 1744) Г. Ф. Миллер предложил написать подготовленный Ломоносовым учебник на латинском языке, а к нему приложить русский перевод, и Ломоносов обещал выполнить эту работу: *Dn. Adj. Lomonossow... vi sententiae Cl-mi Dn. Prof. Mulleri ab Academicis probatae... id quod se facturum promisit* [Сухомлинов, прим., с. 19]. Вероятно, Ломоносов полагал, что параллельное издание латинского оригинала и русского перевода только подчеркнет достоинства русской версии, ср. его рассуждения о русском стихе:

¹⁶ Вероятно, он предполагал показать возможности русского языка в своей работе о переводах, но, кроме плана и упоминаний, об этом нам ничего не известно [Ломоносов, т. 7, с. 622, 763, 767].

Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может [Ломоносов, т. 7, с. 13].

Использование Ломоносовым дословного перевода имеет также практическое значение для историков литературы и позволяет, в частности, точно установить источник перевода, когда цитата бралась из других риторических пособий. Так, например, в приведенном ниже случае сопоставление текстов показывает, что Ломоносов иногда переводил Цицерона по многократно издававшемуся риторическому руководству «Candidatus Rhetoricae» французского писателя и филолога Франсуа Помея (1618–1673)¹⁷:

Ломоносов	Помей	Cic. Cat. 2, 1
Мы его, уже напоследи дерзостию бесящегося, беззаконием дышащего, на сенат и на все достатки наши пагубу воздвигающего, отпустили, извергли, истребили [Ломоносов, т. 7, с. 56].	Illum tandem aliquando, furentem audacia, scelus anhelantem, pestem Senatui nefarie molientem, bonis omnibus exitium machinantem, emisimus, eiecimus, eliminavimus [Pomey, p. 63].	Tandem aliquando, Quirites, L. Catilinam, furentem audacia, scelus anhelantem, pestem patriae nefarie molientem, vobis atque huic urbi ferro flammaque minitantem ex urbe vel eiecimus vel emisimus vel ipsum egredientem verbis prosecuti sumus [Cicero, p. 124].

Вторая речь против Катилины начинается обращением к римлянам (*Quirites*), Катилина упомянут по имени, его действия описаны при помощи градации от эмоций к действиям: *furens* («бесящийся»), *anhelans* («задыхающийся»), *moliens* («замышляющий»), *minitans* («грозящий»). Действия римлян описаны иначе – как более рассудительных людей, они расположены в иной последовательности нарастания эмоций: *eiecimus* («изгнали»), *emisimus* («выслали»), *prosecuti sumus* («проводили»).

У Помея, как и у Цицерона, выстроена градация из причастий, но вместо фразы *vobis atque huic urbi ferro flammaque minitantem* (букв. «вам и этому городу оружием и огнем грозящего») употреблена фраза *bonis omnibus exitium machinantem* (букв. «замышляющего гибель всему состоянию»). Действия римлян выражены у Помея только сказуемыми (последнее из них снова изменено по сравнению с текстом Цицерона), значение которых показывает изменение степени негодования римлян: *emisimus* («выслали»), *eiecimus* («изгна-

¹⁷ Учебник Ф. Помея основан на популярном в XVI–XVII вв. позднеантичном учебнике «Прогимнасмата» Афтония Антиохийского.

ли»), *eliminavimus* («выгнали»). В критических изданиях такого рода разночтения не зафиксированы, таким образом, этот текст представляет собой сильно измененный Цицероновский текст.

Данный текст приведен Ломоносовым в качестве примера «однозначенательных слов (то есть синонимов. – А. С.), присовокупленных друг к другу ради сильнейшего и яснейшего представления речи» в «Кратком руководстве к риторике» (1744). В его тексте, как и у Помяя, отсутствует обращение к римлянам, имя Катилины заменено на местоимение, а «отечество» (*patria*) – на «сенат» (*senatus*). Как показали исследования, источниками цитат для Ломоносова, помимо оригинальных изданий, были также риторики Н. Коссена [Будилович, прил. 3, с. 48, 59, 67; Сухомлинов, прим., с. 417, 483–484], М. Радау [Костин, Николаев], Г. Фосса [Костин].

Что касается лексики переводов Ломоносова, мы хотели бы обратить внимание на передачу терминов, обозначающих специфические античные реалии и, таким образом, помещающих примеры риторического учебника в определенный исторический и культурный контекст (например, лат. *Penates* – *домашние боги*). Многие из них были уже заимствованы в русский язык в предыдущие века и фиксировались в письменных источниках (например, *республика*). Тенденция к замене исторических реалий на современные российские заметна также в переводах Кондратовича, впрочем, следование одинаковому с Ломоносовым принципу перевода не гарантировало точности в подборе эквивалентов, например, в переводе фрагмента из «Речи в защиту поэта Архия» (Cic. Arch. 8, 19): *Homerum Colophonii civem esse dicunt suum, Chii suum vendicant: Salaminii repetunt: Smyrnaei vero suum esse confirmant: itaque etiam delubrum ejus in oppido dedicaverunt* [Cicero, р. 188] – «Гомера колофоняна **гражданином** своим называют, хиана себе присвоят, саламиняна того же требуют, смиряняна в том утверждаются, что он их собственный, и для того **капище** <Рит. рук. 1747: храм> в честь его в своем городе построили» [Ломоносов, т. 7, с. 178]; ср. у Кондратовича: «Колофонийцы доказывают, что Гомер их **дворянин**, хийцы своим называют, саламинцы себе присвоят, а смиренцы доводят, что он их; и для того **часовню** ему в городе поставили» [Марка Туллия Цицерона Двенадцать отборных речей, с. 16].

Античные этнонимы в переводе Ломоносова переданы формами с *-ан/-ян*, у Кондратовича – наименованиями с суффиксом *-и/-ениц-*. Кондратович переводит лат. *cives* как «дворянин», учитывая существование сословий в России (Гомер не мог быть ниже дворянина), Ломоносов выбирает более нейтральное понятие: Гомер – гражданин, то есть свободный житель Колофона. Лат. *delubrum* в переводе Кондратовича – «часовня» – специфическое обозначение христианского святилища; в переводе Ломоносова – более точный термин «капище», обозначавший языческий храм [СРЯ XI–XVII вв., т. 7, с. 64].

Изучение переводов из Цицерона в «Риторике» показало, что при передаче латинского текста Ломоносов преимущественно руко-

водствуется задачами учебного пособия – представить фигуры речи и показать возможность их употребления в русском языке, для этого в отдельных случаях более удобным оказывается дословный перевод, в других – использование свойственных языку конструкций; при переводе лексики основной тенденцией становится поиск исконно русских эквивалентов или слов, значение которых понятно широкому читателю, не только знатоку Античности.

При подготовке учебного пособия по риторике Ломоносов продемонстрировал, что образцы западноевропейского красноречия сохраняют риторические достоинства в русском переводе, именно этот аспект переводческой деятельности он подчеркивал:

Сильное красноречие Цицероново, великолепная Virgiliева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем [Ломоносов, т. 7, с. 392].

Список литературы

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М. : КомКнига, 2006. 512 с.

Будилович А. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог : С приложениями, содержащими материалы для объяснения его сочинений по теории языка и словесности. СПб. : Печатня В. Головина, 1869. VIII, 120, 72 с.

Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век : в 2 т. / отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 17–73.

Данилевский Р. Ю. 1725 – начало 1760-х годов : Классицизм // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век : в 2 т. / отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 94–141.

Данько Е. Я. Из неизданных материалов о Ломоносове // XVIII век. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1940. Сб. 2. С. 248–275.

Дерюгин А. А. В. К. Третьяковский – переводчик. Становление классицистического перевода в России. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 191 с.

Егунов А. Н. Ломоносов – переводчик Гомера // Литературное творчество М. В. Ломоносова / под ред. П. Н. Беркова, И. З. Сермана. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 197–218.

Живов В. М. История языка русской письменности : в 2 т. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2017. Т. 2. 480 с.

Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук, 1961. 487 с.

Костин А. А. Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы) // *Slavica Revalensia*. 2015. Т. 2. С. 9–34. DOI 10.22601/SR.2015.02.01.

Костин А. А., Николаев С. И. Неучтенный источник риторики Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау) // Чтения Отдела русской литературы XVIII в. Вып. 7.

М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2013. С. 41–53.

Летопись РАН : в 4 т. / сост. Е. Ю. Басаргина [и др.]. СПб. : Наука, 2000. Т. 1. 1724–1802. 994 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1983.

Марка Туллия Цицерона Двенадцать отборных речей : для российского юношества Академии наук коллежским ассессором Кирияком Кондратовичем с латинского языка переведены. СПб. : [Тип. Имп. Сухопут. шляхет. кадет. корпуса], 1767. 408 с.

Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Praha : Univerzita Karlova, 1976. 145 с.

Николаев С. И. Первая четверть XVIII века : Эпоха Петра I // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век : в 2 т. / отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 74–93.

Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге : в 2 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1873. Т. 2. LVIII, 1042 с.

Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и в прозе : в 3 кн. / [под ред. Дамаскина (Д. Е. Семенова-Руднева)]. М. : Тип. Императ. Моск. ун-та, 1778. Кн. 2. С. 335–453.

САР – Словарь Академии Российской : в 6 ч. СПб. : Имп. Акад. наук, 1789–1794.

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М. : Наука, 1975–2015.

Сухомлинов М. И. Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова : в 5 т. СПб. : Имп. Акад. наук, 1895. Т. 3. 567 с.

СЦСРЯ – Словарь церковнославянского и русского языка. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1847.

Черная Л. А. Принципы перевода зарубежной литературы в петровское время // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий : материалы междунар. науч. конф. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2019. С. 170–175.

Шабаз И. Ю. Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22: Теория перевода. 2009. № 2. С. 21–37.

Botley P. Latin Translation in the Renaissance. The Theory and Practice of Leonardo Bruni, Giannozzo Manetti, Erasmus. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. 220 p.

Cicero M. T. Selectae orationes. Cum Christophori Cellarii argumentis, Rhetorico Artificio, Verborum, Rerum ac Rituum interpretationibus / subjunxit Arn. Henr. Westerhovius. Amstelaedami : J. Wetstenii & G. Smith, 1735. 472 p.

Gillespie S. Translation // The Classical Tradition / ed. by A. Grafton, G. W. Most, S. Settis. Cambridge : Harvard Univ. Press, 2010. P. 948–953.

Haßler G. Übersetzung // Lexikon sprachtheoretischer Grundbegriffe des 17. und 18. Jahrhunderts : 2 Bde. / Hrsg. von G. Haßler, C. Neis. Berlin : De Gruyter, 2009. Bd. 2. S. 1020–1037. DOI 10.1515/9783110212624.

Korenjak M. Geschichte der neulateinischen Literatur. Vom Humanismus bis zur Gegenwart. Munich : C. H. Beck, 2016. 304 S.

OCD – Oxford Classical Dictionary / ed. by S. Hornblower, A. Spawforth, E. Eidinow. 4th Ed. Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2012. 1792 p.

OLD – Oxford Latin Dictionary / ed. P. G. W. Glare. Oxford : Clarendon Press, 1968. 2126 p.

Pomey F.-A. Candidatus Rhetoricae, seu Aphthonii Progymnasmata. In optimam formam usumque redacta. Monachii : I. W. Schell, 1664. 542 p.

Translation – Theory and Practice: A Historical Reader / ed. by D. Weissbort, A. Eysteinnsson. Oxford : Oxford Univ. Press, 2006. 649 p.

References

- Basargina, E. Yu. [et al.] (Eds.). (2000). *Letopis' RAN v 4 t.* [Chronicle of the Russian Academy of Sciences. 4 Vols.]. St Petersburg, Nauka. Vol. 1. 1724–1802. 994 p.
- Borkovskii, V. I., Kuznetsov, P. S. (2006). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [A Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow, KomKniga. 512 p.
- Botley, P. (2004). *Latin Translation in the Renaissance. The Theory and Practice of Leonardo Bruni, Giannozzo Manetti, Erasmus.* Cambridge, Cambridge Univ. Press. 220 p.
- Budilovich, A. (1869). *M. V. Lomonosov kak naturalist i filolog. S prilozheniyami, soderezhashchimi materialy dlya ob'yasneniya ego sochinenii po teorii yazyka i slovesnosti* [M. V. Lomonosov as a Naturalist and Philologist. With Appendices Containing Materials Explaining His Essays on the Theory of Language and Literature]. St Petersburg, Pechatnya V. Golovina. VIII, 120, 72 p.
- Bulanin, D. M. (1995). *Drevnyaya Rus' [Ancient Russia]*. In Levin, Yu. D. (Ed.). *Istoriya russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury. Drevnyaya Rus'. XVIII vek v 2 t.* St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 1, pp. 17–73 p.
- Chernaya, L. A. (2019). Printsipy perevoda zarubezhnoi literatury v petrovskoe vremya [Principles of the Translation of Foreign Literature in the Time of Peter the Great]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 170–175.
- Cicero, M. T. (1735). *Selectae orationes. Cum Christophori Cellarii argumentis, Rhetorico Artificio, Verborum, Rerum ac Rituum interpretationibus. Subjunctis Arn. Henr. Wetherhovius. Amsteladami, J. Wetstenii & G. Smith.* 472 p.
- Damaskin (Semenov-Rudnev, D. E.). (Ed.). (1778). *Pokoinago statskago sovetnika i professora Mikhaily Vasil'evicha Lomonosova sobranie raznykh sochinenii v stikhakh i v proze v 3 kn.* [Late State Councilor M. V. Lomonosov's Collected Works in Verse and Prose. 3 Books]. Moscow, Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta. Book 2, pp. 335–453.
- Danilevskii, R. Yu. (1995). 1725 – nachalo 1760-kh godov. Klassitsizm [1725 – Early 1760s. Classicism]. In Levin, Yu. D. (Ed.). *Istoriya russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury. Drevnyaya Rus'. XVIII vek v 2 t.* St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 1, pp. 94–141.
- Dan'ko, E. Ya. (1940). Iz neizdannykh materialov o Lomonosove [From Unpublished Materials about Lomonosov]. In *XVIII vek.* Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Iss. 2, pp. 248–275.
- Deryugin, A. A. (1985). V. K. Trediakovskii – perevodchik. Stanovlenie klassitsisticheskogo perevoda v Rossii [V. K. Trediakovsky as a Translator. The Formation of Classical Translation in Russia]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 191 p.
- Egunov, A. N. (1962). Lomonosov – perevodchik Gomera [Lomonosov as a Translator of Homer]. In Berkov, P. N., Serman, I. Z. (Eds.). *Literaturnoe tvorchestvo Lomonosova.* Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk, pp. 197–218.
- Gillespie, S. (2010). Translation. In Grafton, A., Most, G. W., Settis, S. (Eds.). *The Classical Tradition.* Cambridge, Harvard Univ. Press, pp. 948–953.
- Haßler, G. (2009). Übersetzung. In Haßler, G., Neis, C. (Hrsg.). *Lexikon sprachtheoretischer Grundbegriffe des 17. und 18. Jahrhunderts.* 2 Bde. Berlin, De Gruyter. Bd. 2, S. 1020–1037. DOI 10.1515/9783110212624.
- Kondratovich, K. (Ed.). (1767). *Marka Tulliya Tsitserona Dvenadtsat' otbornykh rechei. Dlya rossiiskogo yunoshstva Akademii nauk kollezhskim assessorom Kiriyaikom Kondratoviche m s latinskago yazyka perevedeny* [Twelve Selected Orationes of Cicero as Translated from the Latin Language for the Russian Youth of the Academy of Sciences by Collegiate Assessor Kiriyaik Kondratovich]. St Petersburg, [Tipografiya Imperatorskogo Sukhoputnogo shlyakhetnogo kadetskogo korpusa]. 408 p.
- Korenjak, M. (2016) *Geschichte der neulateinischen Literatur. Vom Humanismus bis zur Gegenwart.* Munich, C. H. Beck. 304 S.
- Korovin, G. M. (1961). *Biblioteka Lomonosova* [Lomonosov's Library]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk. 487 p.
- Kostin, A. A. (2015). *Tvorcheskaya istoriya „Kratkogo rukovodstva k krasnorechiyu“ M. V. Lomonosova v svete kompiliatsionnykh istochnikov (novye materialy)* [A Creative

History of Mikhail Lomonosov's *A Brief Guide to Eloquence in the Light of Some Compilations (New Perspectives)*. In *Slavica Revalensia*. Vol. 2, pp. 9–34. DOI 10.22601/SR.2015.02.01.

Kostin, A. A., Nikolaev, S. I. (2013). Neuchtennyi istochnik ritoriki Lomonosova ("Orator bez podgotovki" M. Radau) [An Unaccounted Source of Lomonosov's Rhetoric (*Orator extemporaneus* by M. Radau)]. In *Chteniya otdela russkoi literatury XVIII v.* Iss. 7. M. V. Lomonosov i slovesnost' ego vremeni. Perevod i podrazhanie v russkoi literature XVIII veka. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo, pp. 41–53.

Lomonosov, M. V. (1950–1983). *Polnoe sobranie sochinenii v 11 t.* [Complete Works. 11 Vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Matkhauzerova, S. (1976). *Drevnerusskie teorii iskusstva slova* [Old Russian Theories of the Art of Literature]. Praha, Univerzita Karlova. 145 p.

Nikolaev, S. I. (1995). Pervaya chetvert' XVIII veka. Epokha Petra I [The First Quarter of the 18th Century. Peter the Great's Era]. In Levin, Yu. D. (Ed.). *Istoriya russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury. Drevnyaya Rus'. XVIII vek v 2 t.* St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 1, pp. 74–93.

OCD – *Oxford Classical Dictionary* / ed. by S. Hornblower, A. Spawforth, E. Eidinow. (2012). 4th Ed. Oxford, N. Y., Oxford Univ. Press. 1792 p.

OLD – *Oxford Latin Dictionary* / ed. P. G. W. Glare. (1968). Oxford, Clarendon Press. 2126 p.

Pekarskii, P. P. (1873). *Istoriya Imperatorskoi Akademii nauk v Peterburge v 2 t.* [The History of the Imperial Academy of Sciences in Petersburg. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 2. LVIII, 1042 p.

Pomey, F.-A. (1664). *Candidatus Rhetoricae, seu Aphthonii Progymnasmata*. In optimam formam usumque redacta. Monachii, I. W. Schell. 542 p.

SAR – *Slovar' Akademii Rossiiskoi v 6 ch.* [The Dictionary of the Russian Academy. 6 Parts]. (1789–1794). St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk.

Shabaga, I. Yu. (2009). Osobennosti perevoda s drevnikh yazykov [Peculiarities of Translation from Ancient Languages]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22: Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 21–37.

SRYa XI–XVII vv. – *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [A Dictionary of the Russian Language of 11th–17th Centuries]. (1975–2015). Iss. 1–30. Moscow, Nauka.

STsSRYa – *Slovar' tserkovnoslavyanskago i russkogo yazyka* [A Dictionary of Church Slavonic and Russian]. (1847). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk.

Sukhomlinov, M. I. (1895). *Sochineniya M. V. Lomonosova s ob'yasnitel'nymi primechaniyami akademika M. I. Sukhomlinova v 5 t.* [Lomonosov's Works with Notes by M. I. Sukhomlinov. 5 Vols.]. St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. Vol. 3. 567 p.

Weissbort, D., Eysteinson, A. (Eds.). (2006). *Translation – Theory and Practice: A Historical Reader*. Oxford, Oxford Univ. Press. 649 p.

Zhivov, V. M. (2017). *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti v 2 t.* [A History of the Language of Russian Writing. 2 Vols.]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. Vol. 2. 480 p.

The article was submitted on 01.11.2019

**«ЛИТЕРАТУРА СОВЕТНИКОВ» И РОССИЙСКАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ВЕКА ПРОСВЕЩЕНИЯ:
АНТИМАКИАВЕЛЛИСТСКОЕ ВЛИЯНИЕ***

Константин Бугров

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**“ADVISOR LITERATURE” AND RUSSIAN POLITICAL
THOUGHT IN THE ENLIGHTENMENT:
THE ANTI-MACHIAVELLIAN INFLUENCE**

Konstantin Bugrov

Institute of History and Archaeology of Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article studies the role of the anti-Machiavellian vision of politics in the development of political thought in westernising eighteenth-century Russia. The author disputes S. Whittaker’s idea that the images of good and bad monarchs in eighteenth-century Russian “advisor literature” (rooted in the tradition of “princely mirrors”) served as a kind of political programme which the ruler was to follow (i. e. imitate good models and avoid bad ones). In “advisor literature”, one can distinguish a descriptive component, which, using the image of ideal monarchs, consolidated the status quo in the minds of subjects, and “advice” proper, suggesting a situation with several competing solutions. This type of advice was available in various spheres of state administration, including the political life of the court itself. Tracing the transformation of the genre of “princely mirrors” in Europe

* Настоящая публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18–39–00110 «Антимакиавеллизм в российской политической мысли XVIII в.: переводы и адаптация».

** *Citation*: Bugrov, K. (2020). “Advisor Literature” and Russian Political Thought in the Enlightenment: The Anti-Machiavellian Influence. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1187–1202. DOI 10.15826/qr.2020.4.521.

Цитирование: Бугров К. “Advisor Literature” and Russian Political Thought in the Enlightenment: The Anti-Machiavellian Influence // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1187–1202. DOI 10.15826/qr.2020.4.521 / Бугров К. «Литература советников» и российская политическая мысль века Просвещения: антимакиавеллистское влияние // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1187–1202. DOI 10.15826/qr.2020.4.521.

makes it possible to identify and understand the political implications in its Russian counterpart. Being challenged by Machiavelli, who replaced Christian ethics in politics with an immoral “state interest”, sixteenth- and seventeenth-century European intellectuals produced a set of anti-Machiavellian ideas to incorporate the Machiavellian idea of political efficiency into Christian morality, prove that the most effective system of behaviour was following the ethical norms of Christianity, and develop some practical guidelines for success at court. In the eighteenth century, a number of anti-Machiavellian writings from previous centuries were translated into Russian (circulated as manuscripts and published works) and were in demand among the intellectual elite. Therefore, researchers have to consider the anti-Machiavellian influence on Russian political culture in the Enlightenment, particularly in the development of ideas about the relationship between politics and morality and the status of politicians.

Keywords: anti-Machiavellianism; Machiavelli; monarchism; absolutism; westernisation; eighteenth-century Russia.

Статья посвящена роли антимачиавеллистского взгляда на политику в развитии политической мысли вестернизированной России XVIII в. Автор оспаривает идею современной исследовательницы С. Уиттакер о том, что изображения «хороших» и «плохих» монархов в российской «литературе советников» XVIII в. (восходящей к традиции «княжеских зеркал») служили своего рода политической программой, которой должен следовать правитель (подражать хорошим образцам, избегать плохих). В «литературе советников» можно выделить дескриптивную составляющую, с помощью образов идеальных монархов закреплявшую в сознании подданных status quo, и составляющую «совета» в собственном смысле, предполагающую ситуацию с несколькими возможными конкурирующими решениями. Такого рода советы могли вырабатываться в разных сферах государственного управления, в том числе и в сосредоточенной при дворе политической жизни. Выявить и понять эту тематику в российской «литературе советников» позволяет наблюдение за трансформацией жанра «княжеских зеркал» в Европе Нового времени. Под влиянием вызова со стороны Макиавелли, заменившего в политике христианскую этику аморальным «государственным интересом», в Европе XVI–XVII вв. сложился круг антимачиавеллистских идей, встраивавших макиавеллистское представление о политической эффективности в систему христианской морали, доказывавших, что наиболее эффективной системой поведения является следование этическим нормам христианства, и формировавших на данной основе практические руководства для жизни при дворе. В XVIII в. целый ряд сочинений антимачиавеллистов был переведен на русский язык, имел хождение в рукописях и изданиях, был востребован в среде российской интеллектуальной элиты. Поэтому представляется необходимым учитывать антимачиавеллистское влияние на отечественную политическую культуру века Просвещения в развитии представлений о связи между политикой и моралью, а также в формировании представлений о специфике статуса политика.

Ключевые слова: антимачиавеллизм; Н. Макиавелли; монархизм; абсолютизм; вестернизация; Россия XVIII в.

Американская исследовательница С. Уиттакер, анализируя российскую социально-политическую мысль XVIII в., предлагает оригинальную концепцию ее развития через понятие «литературы советников», в рамках которой отечественная элита того времени разрабатывала светскую легитимацию монарха как преобразователя, законодателя и «агента истории», а монархии – как наилучшей для общества формы правления. Истоки этого жанра можно проследить вплоть до античных текстов Исократ и Ксенофонт, в Средние века он оформился как традиция «княжеских зеркал», описывавших черты идеального государя при помощи авторитетных цитат из греко-римских авторов и отцов церкви, а также из исторических примеров [Forhan, ch. 2]. «Зеркала» говорили в основном о моральных качествах государей и об их мудрости, а не о правах и привилегиях [Blaydes, Grimmer, McQueen, p. 4].

Российская традиция, согласно Уиттакер, в основном описывала государей как правителей, избегающих преобразований и придерживающихся «старинны» [Whittaker, p. 31]. Переломным моментом стало царствование Петра I, который выступил в новом качестве деятельного царя-реформатора: в политической культуре XVIII столетия и Петр, и его наследники представляли как преобразователи, способные не только защищать страну и утверждать веру, но и созидать новое, трансформировать страну ради блага подданных. На протяжении XVIII в. «литература советников» в диалоге с властью вырабатывала все новые ролевые модели: Уиттакер полагает, что артикулированный в литературе образ хорошего монарха служил своего рода политической программой. Развивая диалог с элитой, российская монархия шаг за шагом двигалась от преобразующей монархии Петра к «законной монархии» Екатерины II, а от нее – к такой монархии, где закон стоит выше государя, к «конституционному порядку», в котором диалог власти и общества через литературу оказался бы заменен институциональным участием общества во власти. Способность российских мыслителей и литераторов публично артикулировать различие между хорошим монархом и тираном Уиттакер считает ключевой точкой на этом пути, ведущей от «княжеских зеркал» к конституции [Whittaker, p. 187–189]. Трактует оду как политическую программу и российская исследовательская традиция [Гуковский, с. 170–178; Абрамзон, Петров, с. 415].

Российская политическая мысль XVIII в. проводила различие между общим благом и корыстной политикой, уверенно формируя образ идеального правителя: за общее благо радеет мудрый монарх, и это ведет его к процветанию, корыстную политику проводит злой тиран, и это ведет его к гибели. Однако черты идеального монарха, которые охотно рисовали авторы многочисленных наставлений и панегириков, соответствовали практике государственного управления. Такого рода язык был предназначен для оправдания политического status quo, но не для разработки конкретных советов. Ведь долг за-

щищать обездоленных и способствовать процветанию – а именно так обычно описывали идеального правителя авторы от Я. П. Козельского и А. П. Сумарокова до Г. Р. Державина [Лаптева, с. 63–64] – не предполагал альтернативного мнения, которое бы обосновывало равнодушие по отношению к обездоленным и разорение подданных. Такая установка могла появиться на страницах «литературы советников» разве что в устах нарочито порочного и злобного человека, лишённого нравственного чувства. Образ добродетельного государя, появившийся на страницах «литературы советников», презентовал монарха таким, каким он должен был бы быть в целях легитимации [Whittaker, p. 85], но легитимация с помощью дескриптивного идеального образа предполагала не столько анализ, сколько внушение подданным уважения к социально-политическому status quo как к порядку, который наилучшим образом отвечает Божественному и естественному установлению, справедливости и блаженству.

«Литература советников» в строгом смысле – не иллюстративно-панегирическая, а аналитико-критическая, она была ориентирована на описание механизма и обоснование предлагаемого решения. В жанровом отношении она была многообразна – от докладных записок до журнальных статей. Как замечал один из «мозговых центров» империи А. И. Остерман: «К тому нет никакой причины, для чего бы мнения своего не сообщить другому, да то к порядочному и основательнейшему учреждению кажется еще и необходимо» [цит. по: Лыцова, с. 73]. Хорошо известна специфика «литературы советников» на разные темы¹ – внешняя политика, финансы и экономика, социальная политика, военная организация; эти вопросы изучаются сквозь призму истории права, истории государственного управления, истории политической мысли, военной истории. Надо, однако, подчеркнуть, что существовала в этом пространстве «литературы советников» еще и традиция советов об искусстве править людьми, связанная с традицией «княжеских зерцал», пережившая в XVI–XVII вв. важные изменения.

* * *

Трактат Н. Макиавелли «Государь» (1532) совершил своеобразный переворот в европейской социально-политической мысли, постулировав для правителя возможность преступить этические

¹ Литература по вопросу исчисляется десятками наименований, но мы отметим два примера последних лет – те, что показывают, насколько это широкое поле: с одной стороны, работу Я. А. Лазарева о переплетении риторических ухищрений малороссийской элиты, боровшейся за дворянские привилегии, с попытками гетмана К. Г. Разумовского и его союзника канцлера М. И. Воронцова утвердиться в роли ведущих придворных-советников [Лазарев, с. 73, 79]; с другой – исследование С. В. Польского о том, как поиск секулярных аргументов в ходе дворцовых переворотов в России XVIII в. привел к складыванию новой рациональной культуры, в которой придворные начинали воспринимать себя «стацкими мужами» и политиками [Польской, с. 473].

нормы христианской морали (утверждавшиеся, в частности, всей предшествующей традицией «княжеских зеркал») ради политической эффективности, «государственного интереса». Этот аргумент стал большим вызовом для европейской политической культуры, а имя самого Макиавелли вскоре оказалось наряду с именами Гоббса и Спинозы одним из трех «запретных имен» политической теории Нового времени [Israel, p. 35]. Вновь возникшее интеллектуальное течение можно охарактеризовать (с долей условности) как *антимакиавеллизм*.

К предшественникам антимакиавеллистов можно отнести гуманистов XVI столетия, таких как Эразм Роттердамский, Х. Вивес или А. де Гевара, автор знаменитых «Часов государей» («Reloj de Principes», 1529), а также ряд других испанских и португальских политических мыслителей – С. де Тальяду, Б. Филипе, Ф. Фурио Себриоля [Di Salvo]. Все они проводили грань между истинным государем и тираном, разбирали обязанности государя по отношению к подданным, а также вырабатывали набор необходимых истинному монарху черт. Однако на фоне разгоравшихся религиозных войн и формирования современного государства с его гипертрофированным властным аппаратом в политической теории все большее значение получала тема «государственного интереса», которая ассоциировалась в первую очередь с Макиавелли. Видный исследователь темы Р. Берли называет эту интеллектуальную традицию антимакиавеллистской, хотя возможны и другие именованья – так, О. Э. Новикова полагает, что литературу, посвященную проблеме «государственного интереса», можно называть постмакиавеллистской [Новикова, с. 268]. Сам Берли хотя и старался придерживаться узкого фокуса в изучении антимакиавеллистов (отобрав в конечном счете для своего анализа лишь шесть авторов XVI–XVII вв. – Дж. Ботеро, Ю. Липсия, П. де Рибаденейру, А. Контцена, К. Скрибани, Д. Сааведра Фахардо), все же рассуждал и о более широкой традиции: «Характерной чертой антимакиавеллистской традиции было стремление встретить Макиавелли на его собственных позициях, то есть в сфере практики. Его повестка, как доказывали антимакиавеллисты, вовсе не сохраняла, а разрушала государство... Их намерением было показать, каким образом правитель, действующий в соответствии с жесткими христианскими принципами, способен создать могучее государство и быть успешным политически» [Bireley, p. 27]. Основной массив антимакиавеллистских работ на рубеже XVI–XVII вв. создали авторы из католических стран – Испании, Италии, южных областей Германии и Нидерландов. Это трактаты Дж. Ботеро, А. Поссевино, П. де Рибаденейры и ряда других авторов; в те же годы работу «Политика» («Politicorum», 1589) издал нидерландский философ Ю. Липсий, которого тоже обычно относят к числу антимакиавеллистов. На протяжении 1-й половины XVII в. эту традицию углубляли и развивали различные авто-

ры², в том числе Ф. де Кеведо, А. Контцен, К. Скрибани, Т. Боцио ди Губбио и многие другие; завершение этого периода связано с сочинениями Д. Сааведры Фахардо «Политические наставления. Идея политико-христианского государя» («Empresas Políticas. Idea de un príncipe político cristiano», 1640) и Б. Грасиана-и-Моралеса «Герой» («El heroe», 1630).

Как подчеркивает Кв. Скиннер, дебаты подогревались острым религиозным противостоянием. В противовес Макиавелли, подменявшему мораль переменчивым «государственным интересом», католические богословы-томисты утверждали, что сообщество людей основано на рационально познаваемом естественном праве и что легитимной является только власть, основанная на согласии подданных [Skinner, p. 138–143, 163–164]. Вскоре, однако, они обнаружили, что данный тезис действует только на тех, кто и так уже разделяет концепцию естественного права, и принялись атаковать Макиавелли, используя его же собственный категориальный аппарат [Vilar]. По этой причине антимаквиавеллистские наставления конца XVI–XVII вв. постулировали приоритет государственного интереса, одновременно стараясь христианизировать его с опорой на моральные максимы отцов церкви и античных мудрецов, на цицероновское уравнивание *полезного и нравственно прекрасного* [Howard].

К примеру, Ботеро опровергает утверждение Макиавелли о том, что казаться религиозным выгоднее, чем быть таковым: поскольку нельзя долгое время убедительно притворяться, правителю все-таки выгоднее *быть* религиозным, а не *казаться* таковым [Мархинин, с. 85]. Ботеро «критикует не столько безнравственность Макиавелли, сколько политическую неэффективность его рецептов» [Иванова, с. 92]. Однако, признавая важнейшими добродетелями государя умеренность и благоразумие, он с помощью понятия «государственный интерес» все же обосновывает закономерность исключений из следования моральному порядку ради сохранения государства. Сходной стратегии придерживался и другой влиятельный автор данного круга Ю. Липсий [Новикова, с. 269–270], чья «Политика» была тесно связана с традицией «княжеских зеркал» [Van Gelderen, p. 210].

К рубежу XVII–XVIII вв. на смену «княжеским зеркалам» пришли руководства для придворных, преобразовавшие христианизированный *государственный интерес* антимаквиавеллистских трактатов в практическое руководство для политиков о *собственном интересе*,

² Завершение гражданских войн во Франции и консолидация монархии при Людовике XIII привели к тому, что Макиавелли начал играть новую роль – из мишени для критиков правительства он превратился в центральную фигуру политической пропаганды со стороны короны. В этом духе писали публицисты, близкие к Ришелье, – Ж. Гез де Балзак, Ж. де Сильон и Ф. де Бетюн, а Г. Ноде, библиотекарь всемогущего кардинала, даже создал трактат «Политические рассуждения о государственных переворотах» (Considerations politiques sur les coups d'état», 1639), в котором развивал идеи Макиавелли об автономии политики от морали [Klerk, p. 31]. Однако при Людовике XIV подобное рода сочинения оказалась вытеснены панегирической литературой.

персональной политической успешности [Soll, p. 51–52]. Важнейшим посредником выступал популярный в Европе XVI–XVII вв. Тацит: критикуя жестокости тирании, тацитизм «фокусировал внимание на отношениях придворных, сенаторов и других аристократов с ревнивым и бдительным государем, применяя вполне макиавеллистский режим описания жестокого и опасного политического мира, который был частью универсальной структуры власти» [Рососк, р. 351]. Среди наиболее популярных наставлений такого рода был знаменитый «Карманный оракул» («*Oraculo manual*», 1647) уже упомянутого Б. Грасиана-и-Моралеса. Не меньшее значение имел и жанр политического романа, ярчайшим примером которого стали «Приключения Телемака» («*Les aventures de Telemaque*», 1699) Ф. Фенелона, опять-таки опиравшегося на антимакиавеллистскую традицию. Уже в XVIII в. прусский король Фридрих II написал (при деятельном участии Вольтера) своего рода итоговую антимакиавеллистскую работу европейского Нового времени – трактат «Анти-Макиавелли» («*Anti-Machiavel*», 1740).

«Зерцала», предназначенные для легитимации власти государей, постепенно превратились в наставления по управлению «государственным интересом» в свете христианской морали, а затем и в руководства по практике придворной жизни, весьма востребованные в среде элит государства Нового времени. Объединяющим элементом выступало не доктринальное единство, а фокус на проблеме гармонизации «государственного интереса» (который мог представлять также как личный интерес придворного, втянутого в систему жесткой конкуренции и борьбы) и этической христианской добродетели.

В XVIII в. антимакиавеллистский интеллектуальный арсенал, наработанный за полтора столетия европейскими мыслителями, оказался доступен российской публике. Самого Макиавелли в России XVIII в. не издавали, хотя в среде придворно-административной элиты имели хождение как его рукописные переводы, так и тексты, изданные на разных европейских языках [Юсим]. Это не мешало его зловещей репутации циничного и коварного советника тиранов. Российская публика могла знакомиться с текстами античных авторов, византийскими наставлениями Агапита и императора Василия Македонянина. Сочинения гуманистов XVI в. Эразма Роттердамского, Х. Вивеса, А. де Гевары имели хождение как в рукописях, так и в печати. В частности, русский перевод «Часов государей» Гевары появлялся в отрывках на страницах журналов «Доброе намерение», «Праздное время в пользу употребленное» и «Полезное увеселение» в 1759–1764 гг., эти отрывки позднее были изданы отдельными сборниками в 1786 и 1789 гг. [Рак, с. 16–17], при этом в 1773–1780 гг. сочинение Гевары было издано и полностью. Трактаты Дж. Ботеро, П. де Рибаденейры и Ю. Липсия переводились на русский, но не издавались печатным способом, имея хождение в рукописях. Наконец, «Карманный оракул» Б. Грасиана издавался на русском языке триж-

ды³; в 1792 г. в печати появилась также его антимакиавеллистская поэма «Герой» («El Heroe», 1637). Кроме того, антимакиавеллистские труды достаточно широко были представлены в рукописях⁴. Из «классиков» антимакиавеллизма, перечисляемых в работе Р. Берли, на русский не переводились только А. Контцен и К. Скрибани.

Еще более популярными в России были наставления для придворных. Так, хождение в рукописях имел анонимный «Breviarium politicorum», приписывавшийся авторству знаменитого француз-

³ Перевод «Ogaculo manual» (1647) был выполнен в 1742 г. С. С. Волчковым, который использовал французский текст; французский перевод, в свою очередь, был выполнен А. де ла Уссе и получил название «L'homme de court», которое воспроизвел и Волчок («Придворный человек»).

⁴ «Empresas politicas» Д. Сааведры Фахардо переводились на русский язык дважды, но оба раза осталось в рукописи; переводы этой книги были представлены в библиотеках Петра I [Мурзанова, Боброва, Петров] и Д. М. Голицына [Градова, Клосс, Корецкий], в коллекции Александро-Невской лавры [Родосский, с. 363]. Интересно, что в 1738 г. Г. Амазаспян издал в Венеции перевод этого трактата Фахардо на армянский язык [Арамян]. «Политика» Ю. Липсия, насколько мы знаем, не переводилась на русский язык, зато другое его сочинение, «Увещения и приклады политические» («Monita et exempla politica», 1605), было распространено в России 1-й половины XVIII в. в рукописных переводах – оно находится в составе собрания Синода [Протасьева, с. 57], в библиотеках Д. М. Голицына и А. П. Волынского. Было известно в России и сочинение П. де Рибаденейры «Трактат о религии и добродетелях» (1595), рукописный перевод которого имеется в фондах РГАДА [Бутров, Киселев, с. 318–319]. Крупнейшая и наиболее хорошо изученная библиотека политической литературы России 1-й половины XVIII в. – книжное собрание Д. М. Голицына – была настоящим хранилищем антимакиавеллистских текстов. Здесь присутствовали русские переводы Ботеро, Липсия, Сааведры Фахардо, а также «De imperio virtutis sive imperia a veris virtutibus non a simulatis debent» (1593) Т. Боцио ди Губбио; эта книга, впрочем, переведена на русский не была [Юсим, с. 325]. Любопытно, что в голицынском собрании имелся и труд последовательного макиавеллиста А. Клапмария «О тайнах вещей псполитых» («De arcanis rerum publicarum», 1605), оказавшего сильное влияние на крупнейшего последователя Макиавелли в XVII в. Г. Нодэ [Soll, р. 48–49]. Библиотека Стефана (Яворского) включала латинские тексты Ботеро, Липсия (№ 537), Беллармина (№ 470), Сааведры Фахардо (№ 547). Также тут отмечен Макиавелли как автор сочинения «Utrum licet tyrannis rebellare?» – возможно, фрагмента классического сочинения традиции монархوماхов «Vindiciae contra tyrannos» (1579) [Lewitter, р. 502]. Каталог библиотеки кабинет-секретаря И. Эйхлера, члена кружка А. П. Волынского, вовсе не фиксирует книг антимакиавеллистской традиции, кроме Фенелона и книги итальянского юриста Ф. Паччиани «Об искусстве хорошего управления народом» («Dell'arte di governare bene i popoli», 1607), близкого к ней [Фундаминский]. В библиотеке Я. В. Брюса присутствовали английский перевод трактата упомянутого уже макиавеллиста Нодэ («Political considerations upon Refind Politicks», 1711), а также французский перевод Грасиана, выполненный А. де ла Уссе под заглавием «L'homme de cour» [Савельева, с. 115], и нидерландские переводы антимакиавеллистских сочинений Ф. де Кеvedо «Vida de Marco Bruto» (1644) [Савельева, с. 181] и А. де Рогана «Le parfait capitaine» (1631); последнее имелось также и на немецком. «L'homme de cour» имелся и в библиотеке А. Ф. Хрущова [Пореш, с. 266]. Германские антимакиавеллисты – такие как Контцен или Конринг – отсутствуют в известных нам рукописях; интересно при этом, что русский перевод «Politicorum» Контцена имелся в библиотеке московских царей XVI в. [Белокуров]. В книжных списках встречаются близкие к ним политические авторы XVII столетия [Weber, р. 123–126], например Б. Целларий, чья работа «Политика нравоучительная» («Politica succincta», 1621) имелась в собрании Голицына (ОР Q.II.71), ученик Липсия и поклонник Контцена Н. Вернулей [Bireley, р. 161], польский антимакиавеллист А. Фредро, а также И. Фельвингер.

ского министра Дж. Мазарини и подражавший «*Oraculo manual*» Грасиана [Snyder, p. 148–152]⁵. Другое сочинение подобного рода – опять-таки «близкая по своему характеру» к «*Oraculo manual*» [Баренбаум, с. 90] книга «Истинная политика знатных и благородных особ» («*La veritable politique des personnes de qualite*», 1692) авторства французского писателя Н. Ремона де Кура – была переведена В. К. Тредиаковским и четырежды переиздавалась на протяжении XVIII в. Целый ряд наставлений для придворных имеется и в библиотеке А. Д. Меншикова [Саверкина, Сомов, с. 206–208].

Наиболее же популярным среди авторов, которых можно отнести к антимакиавеллистской традиции, был Ф. Фенелон. Труды Фенелона на русском, французском и иных языках, рукописные и печатные, присутствовали в библиотеках Я. В. Брюса, Д. М. Голицына, А. Ф. Хрущова, М. В. Ломоносова [Коровин], Паниных, да и вообще практически во всех библиотеках⁶. Кроме того, во 2-й половине XVIII в. большой популярностью пользовался Фридрих II, чей «Анти-Макиавелли» вышел отдельным русским изданием в переводе Я. Хорошкевича в 1779 г.

Проблематика, которая волновала антимакиавеллистов, вызывала у творцов отечественной «литературы советников» определенный интерес, поскольку дать политический совет и означало оценить государственную деятельность в свете моральных принципов христианства. К этой проблематике обращались церковные авторы – от Феофана (Прокоповича) до выдающихся ораторов екатерининской эры Гавриила (Петрова) и Платона (Левшина). Медленнее в процесс втягивалась светская государственная элита: хотя российские придворные читали «*Политическое завещание*» Ришелье, «*Breviarium politicorum*» или «Карманный оракул», они не торопились сами отметить в данном жанре. «Духовная» В. Н. Татищева, которая по содержанию и форме вполне может считаться антимакиавеллистским наставлением придворному, ходила только в рукописи. Во 2-й половине XVIII в. статус политика и политической деятельности рассматривается и раскрывается в сериях биографических и поучительных текстов, включая компиляции из иностранных текстов и того же Грасиана; в обобщающих философских эссе и трактатах – например, авторства Я. П. Козельского, А. П. Сумарокова, М. М. Щербатова; в политических романах и политической же драматургии – от «Хорева» (1747) А. П. Сумарокова до «Вадима Новгородского» (1793)

⁵ Оно присутствует в собраниях РГБ и в РНБ – книга имелась в собрании Д. М. Голицына [Градова, Клосс, Корецкий].

⁶ Сюда следует добавить близкого к Фенелону К. Флери: хотя его антимакиавеллистская работа не выходила на русском, перевод другого его сочинения «О выборе и способе учения» («*Livre Traité du choix et de la méthode des études*», 1687) был издан на русском в 1796 г. и содержал главы, посвященные политике [Киселев]. Русские переводы Флери были доступны и в рукописях: так, в собрании Санкт-Петербургской духовной академии имелся «*Grand catechism historique*» (1679), переведенный в 1751 г. архимандритом Иоасафом (Хотунцевским) под названием «Катехизм исторический» (1751) [Родосский, с. 120].

Я. Б. Княжнина. Подчеркнем два важных момента, связанные с проблематизацией политического в России века Просвещения.

Во-первых, это проблема отношений между государственным интересом и христианской моралью. Феофан (Прокопович) в «Слове в день вшествия на всероссийский престол императрицы Анны Иоанновны» (1733) провозглашал, что короны раздает Бог, и яростно критиковал «печальный мрак и туман сумозбродных мозгов, которым мнится, или паче снится, будто бы верховная власть на вещественной только силе основанна стоит» [Феофан Прокопович, с. 3]. Спустя 30 лет, в 1762 г., екатерининские приближенные, доказывавшие в «Обстоятельном манифесте» право новой императрицы на трон, мастерски комбинировали аналитические соображения о «государственном интересе» с моралистским анализом, предполагавшим, что в борьбе за власть Екатерине понадобились не искусство политика, а жертвенность и упование на Бога [Манифесты, с. 219–221]⁷. Еще 30 лет спустя М. М. Херасков, рассуждая на страницах политического романа «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794) о политических злоключениях «плавучего острова» Терзит, описывал ужасы анархии и гражданской войны, которые обрушились на остров из-за смерти государя и перехода власти к алчным политикам-республиканцам (намек на Французскую революцию), и показывал, как стараниями Полидора и нового царя Орзана на острове возрождается Божественный естественный морально обоснованный порядок – отеческая монаршая власть. И хотя для прекращения кровопролития приходится применить Божественный дар (волшебный щит), Орзан показывает себя не только добрым и любящим подданных монархом, но и искусным правителем, ловко манипулирующим их аффектами [Херасков, с. 78–80]. Конечно, часть российских авторов продолжала мыслить властное поле в категориях духовного возрождения [Приказчиков, 2018, с. 724].

Во-вторых, это проблема статуса политика и политической деятельности. Критический взгляд советника-аналитика мог разрушать то, что создавал панегирист – так «работающий над своими записками в конце 60-х – начале 70-х годов Шаховской не побоялся одним из первых разрушить блестящий гинекратический миф о “дщери Петровой”, созданный поэтическим талантом М. Ломоносова»

⁷ Можно полагать, что макиавеллистским аргументом в ситуации 1762 г. было бы признание Петра III необходимой жертвой «государственного интереса», которую более энергичный претендент на престол принес не колеблясь (интересно, что именно такой устрашающий аргумент был выдвинут в приписываемом Екатерине II трактате «Антидот», вышедшем на французском языке анонимно в 1770 г.), тогда как последователный антимаккиавелизм трактовал бы бескровное разрешение кризиса как результат искусства Екатерины, соединившей свои выдающиеся политические качества с моральным совершенством. В этой логике и выдержано повествование манифеста о перевороте, несмотря на введение в текст Провидения как действующей силы: жертвенная стратегия Екатерины, бывшая морально обоснованной, оказалась и практически успешной, одновременно наилучшим образом соответствуя государственному интересу.

[Приказчикова, 2019, с. 123]. Конечно, критический анализ мог оказаться небезопасным делом для самого советника. Иллюстрацией служит неудачная попытка кабинет-министра А. П. Вольнского выступить в роли советника-антимакивеллиста при императрице Анне Иоанновне. По мнению К. Осповата, попытка Вольнского публично заговорить о политике столкнулась с пониманием политики как *arsana imperii*, разглашение которой является вредным для государства и по этой причине заслуживает жестокой кары [Осповат]. Не случайно Екатерина II, снабжая текст «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева язвительными замечками, идентифицировала главу «Спасская полость» (повествующую об ослеплении государя и неспособности его править) как антимакиавеллистское риторическое ухищрение оскорбленного придворного, возможно, желавшего быть советником: «Довольно доказывают намерение, для чего вся книга написана, подвиг же сочинителя, об заклад бится можно, по которому он ее надписал, есть тот, для чего вход не имеет в чертоги; можно быть, что имел когда ни на есть: а ныне не имея, быв с дурным и следовательно, с неблагодарным сердцем, подвизается пером... Но оробел наш враль, ежели ближе царя был, он бы инако запел» [цит. по: Бабкин, с. 157]. Сакрализованная власть постоянно грозила обернуться к советникам и сановникам своей «сверхчеловеческой» стороной, пусть даже речь шла не о реальном, а о символическом ее перераспределении.

Изучения в отечественной политической истории достойны не только политические программы, конфигурации властных институтов и реформы, на которые обычно обращено внимание исследователей. Заслуживает внимания и сам статус политика, его трансформации в зависимости от времени и контекста; придворная политика, к примеру, отличается от парламентской. Подобный анализ с неизбежностью должен задействовать интеллектуальный инструментарий, связанный не только с Макиавелли, но и с поколениями мыслителей, старавшихся «приручить» опасные мысли великого флорентийца.

Список литературы

- Абрамзон Т., Петров А. Одические версии «общественного договора» в России XVIII в. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 406–424. DOI 10.15826/qr.2017.2.233.
- Арамян А. Г. Габриел Амазаспян – переводчик «Золотой книги Марка Аврелия» (XVIII в.) // *Իրարևի Համալսարանի Գիտությունների [Вестник общественных наук]*. 2016. № 3. Р. 216–225.
- Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 358 с.
- Баренбаум И. Е. Издание французской переводной книги в России во второй четверти XVIII в. // *Книга в России до середины XIX века*. Л. : Наука, 1978. С. 87–95.
- Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М. : Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1898. XVI, 336, DXXVIII с.
- Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель : Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та : Университет. изд-во, 2016. 480 с.

Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М. : Наука, 1979. С. 238–253.

Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х годов. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук, 1936. 236 с.

Иванова Ю. В. Инверсия этико-риторической аргументации и рождение *raggione di stato* // Рацио.ру. 2012. № 7. С. 86–94.

Киселев М. А. Гоббс как знаковая фигура в российских политических текстах XVIII – начала XIX века // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 2018. № 3 (27). С. 107–120. DOI 10.32516/2303-9922.2018.27.10.

Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова : материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 491 с.

Лазарев Я. А. Место украинской казацкой элиты в составе российского дворянства в первой половине 1760-х гг. // Вопр. истории. 2017. № 3. С. 70–85.

Лантева Ю. В. Образ идеального монарха в представлении дворянских мыслителей второй половины XVIII века // Российское общество: история и современность : сб. науч. работ студентов и аспирантов. Екатеринбург : Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2011. Вып. 5. С. 61–66.

Лысцова А. С. «Для суще постоянного, безопасного и благополучного... нашего Отечества пребывания»: поиск путей решения кризиса престолонаследия в России в 1741 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 1. С. 64–81. DOI 10.21638/11701/spbu19.2017.105.

Манифесты по поводу восшествия на престол императрицы Екатерины II // Оснадачатый век. М. : Тип. Т. Рис, 1869. С. 216–224.

Мархинин В. В. Политическая философия Джованни Ботеро: моральная эмансипация политики и (анти)макиавеллизм // Северный регион: наука, образование, культура. 2017. № 1 (35). С. 84–88.

Мурзанова М. Н., Боброва Е. И., Петров В. А. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII век. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 483 с.

Новикова О. Э. Политика и этика в эпоху религиозных войн : Юст Липсий (1547–1606). М. : РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2005. 395 с.

Польской С. В. «Истязание по натуральной правде» : Легитимация насилия и становление рационального политического языка в России XVIII века // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М. : Новое лит. обозрение, 2018. С. 409–484.

Пореш В. Ю. Библиотека А. Ф. Хрущева (собрание преимущественно французских книг) // Книга в России до середины XIX века. Л. : Наука, 1976. С. 260–267.

Приказчикова Е. «Духовный рыцарь» И. Лопухин: диалог с властью и совестью // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 3. С. 711–726. DOI 10.15826/qr.2018.3.323.

Приказчикова Е. Е. Изображение монархов в русской мемуарной литературе XVIII века: в поисках образа идеального правителя // Гуманитарный вектор. 2019. № 5. С. 119–128. DOI 10.21209/1996-7853-2019-14-5-119-128.

Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. 2. М. : [Б. и.], 1973. 163 с.

Рак В. Д. «Часы правителей» в русских переводах XVIII в. // Сервантесовские чтения. Л. : Наука, 1985. С. 15–19.

Родосский А. С. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб. : Тип. Башкова, 1893. 427 с.

Савельева Е. А. Библиотека Я. В. Брюса : каталог. Л. : БАН СССР, 1989. 409 с.

Саверкина И. В., Сомов В. А. Реестр книг А. Д. Меншикова // Труды С.-Петербург. гос. ин-та культуры. Вып. 5. СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ин-та культуры и искусств, 2010. С. 197–214.

Фундаминский М. И. Библиотека кабинет-секретаря И. Эйхлера // Книжное дело в России в XVI–XIX веках. Л. : БАН СССР, 1980. С. 43–65.

Херасков М. М. Полицдор, сын Кадма и Гармонии : в 3 ч. М. : Тип. И. Зеленникова, 1794. Ч. 2. 376 с.

Юсим М. А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. Этика Макиавелли. Макиавелли в России. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2011. 668 с.

Bireley R. The Counter-Reformation Prince. Anti-Machiavellianism or Catholic Statecraft in Early Modern Europe. Chapel Hill : L. : Univ. of Chapel Hill Press, 1990. 309 p.

Blaydes L., Grimmer J., McQueen A. Mirrors for Princes and Sultans: Advice on the Art of Governance in the Medieval Christian and Islamic Worlds // J. of Politics. 2018. № 4. P. 1150–1167. DOI 10.1086/699246.

Di Salvo A. Spanish Guides to Princes and the Political Theories in Don Quijote // Cervantes : Bulletin of the Cervantes Society of America. Vol. 9. 1989. № 2. P. 43–60.

Forhan K. The Political Theory of Cristine de Pisan. Aldershot : Burlington : Ashgate, 2002. 187 p.

Howard K. The Anti-Machiavellians of the Spanish Baroque: A Reassessment // LATCH : A J. for the Study of the Literary Artifact in Theory, Culture or History. Vol. 5. 2012. P. 106–119.

Israel R. Enlightenment Contested. Philosophy, Modernity, and the Emancipation of Man 1670–1752. Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2006. 983 p.

Klerk M. Reason of State and Predatory Monarchy in the Dutch Republic, 1638–1675 : The Legacy of the Duc de Rohan : Doctoral Thesis. Rotterdam : [S. n.], 2016. VII, 223 p.

Lewitter L. R. Peter the Great, Poland, and the Westernization of Russia // J. of the History of Ideas. 1958. № 4. P. 493–506.

Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton : Princeton Univ. Press, 1975. 602 p.

Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought : 2 Vols. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1978. Vol. 2. 414 p.

Snyder J. Dissimulation and the Culture of Secrecy in Early Modern Europe. Berkeley ; Los Angeles ; L. : Univ. of California Press, 2009. 312 p.

Soll J. The Reception of The Prince 1513–1700, or Why We Understand Machiavelli the Way We Do // Social Research. Vol. 81. 2014. № 1. P. 31–60. DOI 10.1353/sor.2014.0006.

Van Gelderen M. The Machiavellian Moment and the Dutch Revolt: The Rise of Neostoicism and Dutch Republicanism // Machiavelli and Republicanism. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1990. P. 205–224.

Vilar M. Le teoria de la simulacion de Pedro de Ribadeneyra y el “maquiavelismo de los antimaquiavelicos” // Ingenium. Revista Electrónica de Pensamiento Moderno y Metodología en Historia de las Ideas. 2011. № 5. P. 133–165. DOI 10.5209/rev_INGE.2011.n5.36222.

References

Abramzon, T., Petrov, A. (2017). Odicheskie versii “obshchestvennogo dogovora” v Rossii XVIII v. [Odic Versions of the ‘Social Contract’ in 18th-Century Russia]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 406–424. DOI 10.15826/qr.2017.2.233.

Aramyan, A. G. (2016). Gabriel Amazaspyan – perevodchik “Zolotoi knigi Marka Avreliya” (XVIII v.) [Gabriel Amazaspyan – Translator of Marcus Aurelius’ Golden Book (18th Century)]. In *Լրաբեր Հասարակական Գիտությունների* [Bulletin of Social Sciences]. No. 3, pp. 216–225.

Babkin, D. S. (1952). *Protsess A. N. Radishheva* [The Trial of A. N. Radishchev]. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR. 358 p.

Barenbaum, I. E. (1978). Izdanie frantsuzskoi perevodnoi knigi v Rossii vo vtoroi chetverti XVIII v. [Publication of Translated French Books in Russia in the Second Half of the 18th Century]. In *Kniga v Rossii do serediny XIX veka*. Leningrad, Nauka, pp. 87–95.

Belokurov, S. A. (1898). *O biblioteke moskovskikh gosudarei v XVI stoletii* [The Library of Moscow Princes in the 16th Century]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i A. Geschelya. XVI, 336, DXXVIII p.

Bireley, R. (1990). *The Counter-Reformation Prince. Anti-Machiavellianism or Catholic Statecraft in Early Modern Europe*. Chapel Hill, L., Univ. of Chapel Hill Press. 309 p.

Blaydes, L., Grimmer, J., McQueen, A. (2018). Mirrors for Princes and Sultans: Advice on the Art of Governance in the Medieval Christian and Islamic Worlds. In *J. of Politics*. No. 4, pp. 1150–1167. DOI 10.1086/699246.

Bugrov, K. D., Kiselev, M. A. (2016). *Estestvennoe pravo i dobrodetel': integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kulturu XVIII veka* [Natural Law and Virtue: Integration of European Influence into the Russian Political Culture of the 18th Century]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Universitetskoe izdatel'stvo. 480p.

Di Salvo, A. (1989). Spanish Guides to Princes and the Political Theories in Don Quijote. In *Cervantes. Bulletin of the Cervantes Society of America*. Vol. 9. No. 2, pp. 43–60.

Forhan, K. (2002). *The Political Theory of Cristine de Pisan*. Aldershot, Burlington, Ashgate. 187 p.

Fundaminskii, M. I. (1980). Biblioteka kabinet-sekretarya I. Eikhlera [Library of Cabinet Secretary I. Eichler]. In *Knizhnoe delo v Rossii v XVI–XIX vekakh* [Book Business in Russia in the 16th–19th Centuries]. Leningrad, Biblioteka Akademii nauk SSSR, pp. 43–65.

Gradova, B. A., Kloss, B. M., Koretskii, V. I. (1979). K istorii Arkhangel'skoi biblioteki D. M. Golitsyna [On the History of the Arkhangelsk Library of D. M. Golitsyn]. In *Arkheographicheskii ezhegodnik za 1978 god*. Moscow, Nauka, pp. 238–253.

Gukovskii, G. A. (1936). *Ocherki po istorii russkoi literatury XVIII veka. Dvoryanskaya fronda v literature 1750-kh – 1760-kh godov* [Essays on the History of Russian Literature of the 18th Century. The Noble Fronde in the Literature of the 1750s–1760s]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk. 236 p.

Howard, K. (2012). The Anti-Machiavellians of the Spanish Baroque: A Reassessment. In *LATCH : A Journal for the Study of the Literary Artifact in Theory, Culture or History*. Vol. 5, pp. 106–119.

Israel, R. (2006). *Enlightenment Contested. Philosophy, Modernity, and the Emancipation of Man 1670–1752*. Oxford, N. Y., Oxford Univ. Press. 983 p.

Ivanova, Yu. V. (2012). Inversiya etiko-ritoricheskoi argumentatsii i rozhdenie raggione di stato [Inversion of Ethical-rhetorical Argumentation and the Birth of raggione di stato]. In *Ratio.ru*. No. 7, pp. 86–94.

Kheraskov, M. M. (1794). *Polidor, syn Kadma i Garmonii v 3 ch.* [Polidor, Son of Cadmos and Harmony. 3 Parts]. Moscow, Tipografiya I. Zelennikova. Part 2. 376 p.

Kiselev, M. A. (2018). Gobbs kak znakovaya figura v rossiiskikh politicheskikh tekstakh XVIII – nachala XIX veka [Hobbes as a Symbolic Figure in Russian Political Texts in the 18th – Early 19th Centuries]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 3 (27), pp. 107–120. DOI 10.32516/2303-9922.2018.27.10.

Klerk, M. (2016). *Reason of State and Predatory Monarchy in the Dutch Republic, 1638–1675. The Legacy of the Duc de Rohan*. Doctoral Thesis. Rotterdam, S. n. VII, 223 p.

Korovin, G. M. (1961). *Biblioteka Lomonosova. Materialy dlya kharakteristiki literatury, ispol'zovannoi Lomonosovym v ego trudakh i katalog ego lichnoi biblioteki* [Lomonosov's Library. Materials for the Characterisation of Literature Used by Lomonosov in His Works and the Catalogue of His Personal Library]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 491 p.

Lapteva, Yu. V. (2011). *Obraz ideal'nogo monarkha v predstavlenii dvoryanskikh myslitelei vtoroi poloviny XVIII veka* [The Image of an Ideal Monarch in the Representation of Noble Thinkers of the Second Half of the 18th Century]. In *Rossiiskoe obshchestvo: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchnykh rabot studentov i aspirantov*. Yekaterinburg, Rossiiskii gosudarstvennyi professional'no-pedagogicheskii universitet. Iss. 5, pp. 61–66.

Lazarev, Ya. A. (2017). Mesto ukrainskoi kazatskoi elity v sostave rossiiskogo dvoryanstva v pervoi polovine 1760-kh gg. [The Place of the Ukrainian Cossack Elite in the Russian Nobility in the First Half of the 1760s]. In *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 70–85.

Lewitter, L. R. (1958). Peter the Great, Poland, and the Westernization of Russia. In *J. of the History of Ideas*. No. 4, pp. 493–506.

Lystsova, A. S. (2017). “Dlya sushche postoyannogo, bezopasnogo i blagopoluchnogo... nashego Otechestva prebyvaniya”: poisk putei resheniya krizisa prestolonaslediya v Rossii v 1741 g. [“For a Truly Stable, Secure, and Prosperous... Fatherland”: The Search for a Resolution of the 1741 Succession Crisis in Russia]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. No. 1, pp. 64–81. DOI 10.21638/11701/spbu19.2017.105.

Manifesty po povodu vosshestviya na prestol imperatritsy Ekateriny II [Manifestos Regarding the Ascension of Catherine II to the Russian Throne] (1869). In *Osmnadsatyi vek*. Moscow, Tipografya T. Ris, pp. 216–224.

Markhinin, V. V. (2017). Politicheskaya filosofiya Dzhovanni Botero: moral'naya emansipatsiya politiki i (anti)makiavellizm [The Political Philosophy of Giovanni Botero: The Moral Emancipation of Politics and (Anti)-Machiavellianism]. In *Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. No. 1 (35), pp. 84–88.

Murzanova, M. N., Bobrova, E. I., Petrov, V. A. (1956). *Istoricheskii ocherk i obzor fondov rukopisnogo otdela biblioteki Akademii nauk* [A Historical Account and Review of the Funds of the Department of Manuscripts of the Library of Academy of Sciences]. Iss. 1. XVIII vek. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 483 p.

Novikova, O. E. (2005). *Politika i etika v epokhu religioznykh voyn: Yust Lipsii (1547–1606)* [Politics and Ethics in the Age of Religious Wars: Justus Lipsius (1547–1606)]. Moscow, Rossiiskii khimiko-tekhnologicheskii universitet imeni D. I. Mendeleeva. 395 p.

Pocock, J. G. A. (1975). *The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton, Princeton Univ. Press. 602 p.

Polskoi, S. V. (2018). “Istyazanie po natural'noi pravde”: Legitimizatsiya nasiliya i stanovlenie ratsional'nogo politicheskogo yazyka v Rossii XVIII veka [“An Inquiry According to the Law of Nature”: Legitimation of Violence and the Emergence of the Rational Political Language in 18th-Century Russia]. In *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 409–484.

Poresh, V. Yu. (1976). Biblioteka A. V. Khrushchova (sobranie preimushchestvenno frantsuzskikh knig) [The Library of A. V. Khrushchov (Collection of Mainly French Books)]. In *Kniga v Rossii do serediny XIX veka*. Leningrad, Nauka, pp. 260–267.

Prikazchikova, E. E. (2019). Izobrazhenie monarkhov v russkoi memuarnoi literature XVIII veka: v poiskakh obraza ideal'nogo pravatelya [The Image of Monarchs in Russian Memoir Literature of the 18th Century: In Search of the Image of an Ideal Ruler]. In *Gumanitarnyi vector*. No. 5, pp. 119–128. DOI 10.21209/1996-7853-2019-14-5-119-128.

Prikazchikova, E. (2018). “Dukhovnyi rytsar” I. Lopukhin: dialog s vlast'yu i sovest'yu [Lopukhin, a “Spiritual Knight”: A Dialogue with Power and Conscience]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 3, pp. 711–726. DOI 10.15826/qr.2018.3.323.

Protas'eva, T. N. (1973). *Opisanie rukopisei Sinodal'nogo sobraniya (ne voshedshikh v opisanie A. V. Gorskogo i K. I. Nevostrueva)* [A Description of Manuscripts of the Synodal Collection (Not Included in the Description by A. V. Gorski and K. I. Nevostruev)]. Moscow, S. n. 163 p.

Rak, V. D. (1985). “Chasy pravitelei” v russkikh perevodakh XVIII v. [Reloj de Principes in Russian Translations of the 18th Century]. In *Servantesovskie chteniya*. Leningrad, Nauka, pp. 15–19.

Rodosskii, A. S. (1893). *Opisanie 432-kh rukopisei, prinadlezhashchikh S.-Peterburgskoi dukhovnoi akademii i sostavlyayushchih ee pervoe po vremeni sobranie* [Description of 432 Manuscripts of the St Petersburg Theological Academy, Constituting Its First Collection]. St Petersburg, Tipografiya Bashkova. 427 p.

Savel'eva, E. A. (1989). *Biblioteka Ya. V. Bryusa. Katalog* [Ya. V. Bryus' Library. Catalogue]. Leningrad, Biblioteka Akademii nauk SSSR. 409 p.

Saverkina, I. V., Somov V. A. (1988). Reestr knig A. D. Menshikova [Catalogue of the Books of A. D. Menshikov]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. Iss. 5. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury i iskusstv, pp. 197–214.

Skinner, Q. (1978). *The Foundations of Modern Political Thought*. 2 Vols. Cambridge, Cambridge Univ. Press. Vol. 2. 414 p.

Snyder, J. (2009). *Dissimulation and the Culture of Secrecy in Early Modern Europe*. Berkeley, Los Angeles, L., Univ. of California Press. 312 p.

Soll, J. (2014). The Reception of the Prince 1513–1700, or Why We Understand Machiavelli the Way We Do. In *Social Research*. Vol. 81. No. 1, pp. 31–60. DOI 10.1353/sor.2014.0006.

Van Gelderen, M. (1990). The Machiavellian Moment and the Dutch Revolt: The Rise of Neostoicism and Dutch Republicanism. In *Machiavelli and Republicanism*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 205–224.

Vilar, M. (2011). Le teoría de la simulacion de Pedro de Ribadeneira y el “maquiavelismo de los antimachiavelicos”. In *Ingenium. Revista Electrónica de Pensamiento Moderno y Metodología en Historia de las Ideas*. No. 5, pp. 133–165. DOI 10.5209/rev_INGE.2011.n5.36222.

Yusim, M. A. (2011). *Machiavelli. Moral, politika, fortuna. Etika Machiavelli. Machiavelli v Rossii* [Machiavelli. Morality, Politics, Fortune. Ethics of Machiavelli. Machiavelli in Russia]. Moscow, Kanon+, ROOI “Reabilitatsiya”. 668 p.

The article was submitted on 18.07.2019

COURT CEREMONIAL OF THE EARLY MODERN PERIOD

DOI 10.15826/qr.2020.4.522

УДК 94(470)“15/16” + 321.61 + 395 + 929Михаил Романов(470)

ВИДЕТЬ ГОСУДАРЕВЫ ОЧИ: ПОЖАЛОВАНИЯ ЧЛЕНОВ ЦАРСКОГО ДВОРА НА ПРАЗДНИК ПАСХИ В ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА РОМАНОВА*

Андрей Павлов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

TO SEE THE SOVEREIGN'S EYES: THE ADMISSION OF MEMBERS OF COURT AT EASTER IN THE REIGN OF MIKHAIL ROMANOV

Andrei Pavlov

St Petersburg State University,
St Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article studies a tradition that existed in the Muscovite state between the sixteenth and seventeenth centuries, according to which at Easter, servicemen had the honour of being personally greeted by the sovereign and “seeing the sovereign’s eyes”. A set of documents has survived from the reign of Mikhail Fyodorovich about the admission of different groups of Moscow nobles and clerks to “see the sovereign’s eyes” at Easter either in the *komnata* (tsar’s personal room), the *perednyaya* (reception room) or the *seny* (entrance hall). This set of documents is first introduced into scholarly circulation here. Servicemen considered their reception in the said

* *Citation*: Pavlov, A. (2020). *To See the Sovereign's Eyes: The Admission of Members of Court at Easter in the Reign of Mikhail Romanov*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1203–1216. DOI 10.15826/qr.2020.4.522.

Цитирование: Pavlov A. *To See the Sovereign's Eyes: The Admission of Members of Court at Easter in the Reign of Mikhail Romanov* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1203–1216. DOI 10.15826/qr.2020.4.522 / Павлов А. *Видеть государевы очи: пожалования членов царского двора на праздник Пасхи в царствование Михаила Романова* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1203–1216. DOI 10.15826/qr.2020.4.522.

rooms an indicator of their status and position at court. Of particular importance for the courtiers was the admission during Easter celebrations to “see the sovereign’s eyes” in the tsar’s room. The author analyses the composition of persons included in the “room lists” between 1619 and 1644, which provides a clearer idea about the nature of relationships at the top of the service class and determines the real situation of various persons and clans at court. The article shows that traditionally, it was primarily representatives of aristocratic families who were allowed to enter the tsar’s room. At the same time, almost half of the people admitted belonged to new noble families. However, their presence was not accidental. As a rule, they were representatives of clans firmly established at court thanks to family and personal ties with the royal family and influential boyars and courtiers. The author concludes that the admission of representatives of the most diverse layers of servicemen into the tsar’s room at Easter indicates a process whereby new court relations were formed, according to which the real status of serviceman was determined not only by their origin but also by the degree of proximity to the court.

Keywords: sovereign’s court; Easter; Moscow nobles; clerks; strelets; Mikhail Romanov.

Статья посвящена изучению существовавшей в Московском государстве в XVI–XVII вв. традиции, согласно которой ежегодно на праздник Пасхи служилые люди удостоивались чести быть поздравленными лично государем и «видеть государские очи». От времени царствования Михаила Федоровича сохранился целый комплекс документов о допуске разных групп московских дворян и дьяков «видеть государские очи» на праздник Пасхи либо в «комнате», либо в «передней», либо в «сенях», который вводится автором статьи в научный оборот впервые. Служилые люди рассматривали нахождение во время праздничной пасхальной церемонии в этих покоях как показатель своего статуса и положения при дворе. Особо важное значение для придворного имел допуск во время празднования Пасхи видеть «государские очи» в «комнате». Анализ состава лиц, занесенных в «комнатные списки» 1619–1644 гг., позволил более полно представить характер взаимоотношений в верхах служилого сословия и определить не только формальное, но и реальное положение тех или иных лиц и родов при царском дворе. В статье показывается, что в «комнату» на Пасху по традиции допускались прежде всего представители знатных боярских родов. В то же время почти половину из упомянутых в числе пожалованных в «комнату» лиц составляли выходцы из новых дворянских родов. Но и эти лица оказывались здесь отнюдь не случайно. Как правило, они являлись представителями родов, которые прочно утвердились при дворе благодаря родственным и личным связям с царской семьей и влиятельными боярами и придворными. Автор приходит к выводу, что допуск видеть «государские очи» на Пасху в «комнате» представителей самых разных слоев служилых людей свидетельствует о процессе становления при московском дворе новых придворных отношений, согласно которым реальный статус служилого человека стал определяться не только его происхождением, но и степенью близости ко двору.

Ключевые слова: государев двор; праздник Пасхи; московские дворяне; дьяки; головы стрелецкие; Михаил Романов.

Одним из проявлений суверенитета, могущества и благодетельности власти московских государей являлся обычай допуска подданных и иноземцев лицезреть «пресветлые государские очи». Он рассматривался как особая монаршая милость. Напротив, отказ в доступе к «государевым очам» являлся признаком опалы и нерасположения при дворе.

В XVI–XVII вв. в Московском государстве существовала традиция, согласно которой ежегодно на праздник Пасхи члены царского двора и другие категории служилых людей удостоивались чести быть поздравленными лично государем и «видеть государские очи». Имена лиц, пожалованных на Пасху видеть «государевы очи» в «комнате», «передней» и «сенях»¹, заносились в особые списки, согласно которым они допускались к лицезрению государя в установленном для них месте. От времени царствования Михаила Федоровича сохранился целый комплекс документов, содержащих списки дворян, дьяков и стрелецких голов, допущенных видеть «государские очи» на праздник Пасхи в этих помещениях [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Ч. 6; ДР, т. 2, стб. 843–850, 855–860, 861–866, 865–870].

Наиболее ранние из этих списков относятся к 1619–1621 гг.² Первый из них (по-видимому, черновой) озаглавлен так: «Список дворян и приказных людей, которые в 127 и в 128 и в 129-м году по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу на праздник на Светлое Воскресение видели его государские очи в Комнате, и в Передней избе, и в Сенех» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Столпик 6. Л. 289–321]³. Всего здесь значатся имена пожалованных в «комнату» 72 московских дворян и восьми дьяков, в «переднюю» – 90 московских дворян (исключая пятерых с пометами «В Комнату»), семи стрелецких голов и восьми дьяков, в «сени» – 239 московских дворян (в том числе 18 с пометами «В Перед[нюю]»). Другой список, имеющий заглавие: «Список дворян и приказных людей, которые по государеву указу на праздник на Светлое Воскресенье видеть его государские очи в Комнате, и в Передней, и в Сенех 129-го году апреля в 1 день», содержит перечни бывших в «комнате» 56 московских дворян и восьми дьяков, в «передней» – 49⁴ московских дворян, пяти голов стрелецких, четырех дьяков, и в «сенях» – 213 московских дворян [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Столпик 6. Л. 322–353].

¹ Согласно И. Е. Забелину, «комната» имела значение личного кабинета государя, непосредственно предваряющая ее «передняя» являлась своего рода приемной, а «сени» были прихожей [Забелин, т. 1, ч. 1, с. 38].

² Однако подобного рода документация составлялась и ранее, еще в XVI в. [см., например: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Столпик 5. Л. 261].

³ Список был составлен, очевидно, не ранее 1619/20 г. Упомянутый здесь как московский дворянин князь И. А. Голицын еще 31 мая 1619 г. нес службу как стольник [ДР, т. 1, стб. 525]. Записанный среди московских дворян «в Сенех» Федор Алексеевич Аргамаков значился еще как жалец в Осадном списке 1618 г., составленном около 19 апреля 1619 г., и в расходных книгах Устюжской чети 7128 г. [Памятники истории Восточной Европы, т. 8, с. 40; Приходо-расходные книги, с. 152].

⁴ На перепутанном листе 346 идет продолжение списка дворян в «передней».

Московский пожар 1626 г. уничтожил значительную часть приказной документации, в том числе и прежние списки дворян, намеченных для христосования с государем на Пасху. Гибель этих списков создавала серьезные трудности для дворян в том, чтобы обосновать полагавшееся им по статусу места в царском дворце во время пасхальных торжеств, о чем они сообщали в своих челобитных [см., например: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Столпик 6. Л. 382]. Власти предприняли меры для восстановления состава дворян и дьяков, которые могли лицезреть «государские очи» либо в «комнате», либо в «передней», либо в «сенях». В «подлинном» боярском списке 1626 г., составленном вскоре после майского пожара этого года, против имен московских дворян и дьяков стоят необычные для боярских списков пометы «Ком[ната]» и «Перед[няя]», которые означали допуск на Пасху для христосования с государем в эти помещения [ПБС, с. 7–9, 36–65]. В том же 1626 г. для учета состава дворян и дьяков, которым по статусу полагалось видеть «государские очи» на Пасху в «комнате», «передней» и «сенях», была составлена особая книга, имевшая заглавие: «Книга, а в ней писаны дворяне и приказные люди, которые по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу на праздник на Светлое Воскресение выдают государские очи в Комнате и в Передней избе, с 134-го году» (условно назовем ее Книга Пасхи) [РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Кн. 86]⁵. Анализ персонального состава упомянутых в книге дворян и дьяков под рубриками «В Комнате», «В Передней» и «В Сенях» показывает, что весь основной текст книги относится к 7134 (1626) г., хотя на листах 5, 5 об., 6 и 6 об. содержатся отдельные поздние приписки, относящиеся к 7141 (1633) г.⁶

⁵ С текстом данной книги нас любезно ознакомил К. В. Петров. Как он отметил, этот документ представляет собой подлинную книгу Разрядного приказа, находящуюся в рукописном отделе Библиотеки МГАМИД [РГАДА. Ф. 181. Кн. 86], вероятно, в связи с подготовкой его к публикации М. А. Оболенским; печатная копия книги содержится в составе неопубликованного «Сборника князя Оболенского. № 13», хранящегося в Российской национальной библиотеке под шифром 340/34 (18.340.34). Связка П. С. 5–18 [Петров].

⁶ На л. 5 (в конце листа) Книги Пасхи после перечисления имен дворян, бывших в «комнате» в 1626 (7134) г., идет запись: «В нынешнем во 141-м году пожаловал государь, велел свои государские очи видети к комнате. Дворяне: Василий Иванов сын Толстой»; далее, на л. 5 об., перечисляются имена П. И. Юшкова, М. Н. Юшкова, В. П. Ляпунова, князей Л. Ф. Волконского и М. И. Зубова, запись которых является более поздней, чем 7134 (1626) г., и относится, очевидно, к 7141 (1633) г. Все эти имена упоминаются в книге ниже, но уже под рубриками «В Передней» и «В Сенях» (Л. 8, 11, 19 об. и 29). Но следующий 6-й лист начинается с перечня дьяков, который не может быть отнесен к 7141 (1633) г. Так, записанный здесь дьяк Осип Коковинский последний раз упоминается в 1626/27 (7135) г. [РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. № 19. Л. 929]; его имя отсутствует в боярской книге 1627 г. [Боярская книга 1627 г.]. Но затем на этом же 6-м листе идет запись: «В нынешнем во 141-м году пожаловал государь, велел свои государские очи видети в комнате. Диоки: Григорий Ларионов». На л. 6 об. следуют имена дьяков Михаила Олфимова, Назария Чистова, Ивана Переносова, Якова Ключарева, запись которых не может быть датирована 7134 (1626) г. и относится, очевидно, к 7141 (1633) г. Григорий Ларионов упоминается как дьяк только с 1631 г., а до того он служил в подьячих [Демидова, с. 311], Михаил Олфимов был пожалован в дьяки только в 1629 г. [Там же, с. 30]. Далее, с л. 7, идут перечни дворян и дьяков «в Передней избе» и «В сенях», относящиеся к 1626 г.

При сопоставлении списков дворян и дьяков в Книге Пасхи под рубриками «В Комнате» и «В Передней избе» со списками дворян и дьяков, возле которых в «подлинном» боярском списке 1626 г. стоят пометы «Комната» и «Передняя», обнаруживается практически полное совпадение как их состава, так и порядка перечисления. В Книге Пасхи содержатся также списки дворян и дьяков под рубриками «В Сенех». В боярском списке пометы о нахождении в «сенях» отсутствуют, но упомянутые под рубриками «В Сенех» имена дворян и дьяков и порядок их записи в Книге Пасхи в целом те же, что и в боярском списке. Оба источника, таким образом, находятся в тесной связи между собой. Можно полагать при этом, что составление Книги Пасхи относится ко времени более позднему, чем основной текст сохранившегося «подлинного» боярского списка 1626 г., который был составлен вскоре после московского пожара начала мая этого года. В Книге Пасхи на л. 4 вместо исправленного «Иван да Микифор Юрьевы дети Плещеева» упомянут один Никифор Юрьевич Плещеев, а выше, на л. 3, записан его брат Иван; в боярском списке 1626 г. братья записаны вместе («Иван да Микифор Юрьевы дети Плещеева») [ПБС, с. 40]. В боярском списке 1626 г. значится имя дворянина Ф. В. Левашева с зачеркнутой пометой «Передняя» [ПБС, с. 43]; в Книге Пасхи под рубрикой «В Передней избе» его имя пропущено и стоит ниже, на л. 17, под рубрикой «В Сенех». В боярском списке 1626 г. имя князя И. Ф. Константинова-Волконского значится с пометой «134-го мая в <> день умре» [ПБС, с. 51]; в Книге Пасхи его имя там, где оно должно стоять по порядку, отсутствует. В боярском списке 1626 г. значится зачеркнутое с пометой «134-го мая умре» имя В. И. Полтева [ПБС, с. 47]; в Книге Пасхи оно отсутствует. В боярском списке 1626 г. среди дворян московских упомянут Н. А. Кокошкин с пометой «134-го ноября в 1 день велено быть во дьяцех», он же упоминается и в перечне дьяков [ПБС, с. 50, 60]; в Книге Пасхи на л. 31 он числится только как дьяк. В боярском списке упоминается имя И. И. Борнякова среди дворян московских с пометой «134-го мая в <> день велено быть во дьяцех в Казани» и в списке дьяков под рубрикой «В Казани» с пометой «и в 134-м году мая в <> день... в Казань посланы диаки Иван Борняков да Федор Степанов» [ПБС, с. 53, 63]; в Книге Пасхи имя И. И. Борнякова отсутствует. В боярском списке 1626 г. значится зачеркнутое с пометой «Постригся» имя дьяка Патрикея Насонова [Там же, с. 62]; в Книге Пасхи его имя отсутствует. Время составления Книги Пасхи можно предположительно определить промежутком между 8 и 18 июня⁷.

⁷ В конце рубрики «Дворяне» в боярском списке идут внесенные позднее в основной текст документа перечни лиц, вновь пожалованных в этот чин. Часть имен этих лиц упоминается в Книге Пасхи. Последним в списке московских дворян здесь стоит имя князя Никифора Федоровича Мещерского, который, согласно боярскому списку 1626 г., был пожалован в московские дворяне 8 июня [ПБС, с. 58]. Но имена лиц, пожалованных в дворяне московские с 18 июня по 28 августа, в Книге Пасхи отсутствуют.

Сравнение Книги Пасхи с «подлинным» боярским списком 1626 г. показывает, что в нее включены распределенные по рубрикам «В Комнате», «В Передней избе» и «в Сенях» практически полные списки лиц, имевших на 1626 г. чины московских дворян, в том числе тех, кто находились тогда (согласно пометам боярского списка) вне столицы – на воеводствах в городах, в полках и прочих посылках. Всего в Книге Пасхи перечислены имена 712 московских дворян, из которых 104 чел. значатся под рубрикой «В Комнате», 231 чел. – «В Передней избе», и 377 чел. – «в Сенях». В боярском списке упомянуты имена 758 московских дворян, в том числе не вошедших в Книгу Пасхи иноземцев «московского списка» (10 чел.), а также лиц, пожалованных в чин с 18 июня по 28 августа (14 чел.), и еще около 30 чел., не попавших в книгу по разным причинам⁸. В Книге Пасхи значатся имена 47 приказных дьяков (8 – «В Комнате», 4 – «В Передней», и 35 – «В Сенях»), то есть почти всех приказных дьяков, которые числятся и в боярском списке 1626 г. (за исключением Патрикея Насонова, упомянутого с пометой «Постригся», и Филиппа Митрофанова). Правда, почти все дьяки, упомянутые в боярском списке 1626 г. на службе в городах, а также дьяки «не у дел» и дьяки патриарха Филарета, в Книге Пасхи отсутствуют.

Таким образом, составители Книги Пасхи ставили своей целью зафиксировать не реальный состав лиц, участвовавших в лицезрении государя на Пасху в 1626 г., а всех состоявших при дворе дворян и приказных дьяков, которые потенциально могли быть допущены на Пасху видеть «государские очи» либо в «комнате», либо в «передней», либо в «сенях».

Книга Пасхи послужила основанием для определения, кому из дворян и приказных людей надлежало в дальнейшем во время пасхальных торжеств находиться в царских палатах. Списки дворян и приказных, допущенных на Пасху видеть «государские очи» (причем, в отличие от Книги Пасхи, реальных участников пасхальных церемоний, находившихся, судя по пометам боярских списков, в Москве), создавались во все последующие годы царствования Михаила Федоровича. В списке дворян и дьяков, пожалованных во дворец на Пасху 25 марта 1627 г., «В Комнате» значатся имена 51 дворянина московского и 4 дьяков, в передней избе – имена 124 московских дворян, 7 голов стрелецких и 6 дьяков [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Столпик 6. Л. 354–367]. В списке участников пасхальных торжеств 13 апреля 1628 г. под рубрикой «В Комнате» перечислены имена 59 дворян московских и 5 дьяков; «В Передней избе» – 88 московских дворян, 7 стрелецких голов и 5 дьяков [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Столпик 6. Л. 371–381]. В списке пожалованных во дворец на Пасху 5 апреля 1629 г. «В Комнате» упоминаются имена 86 дворян московских (в том числе 6 вновь

⁸ В частности, в Книге Пасхи отсутствуют имена опальных в то время Б. М. и М. М. Салтыковых. В боярском списке они упоминаются среди дворян московских, но без помет об их определении на Пасху в «комнату» или «переднюю».

пожалованных в «комнату») и 9 дьяков; «В Передней избе» – 98 дворян московских (из них четверо упомянуты с пометами «В Комнате»), четверо дьяков (трое из них значатся с пометами «В Комнате») и 8 голов стрелецких [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Столпик 6. Л. 385–401]. В списке пожалованных на Пасху 28 марта 1630 г. «В Комнате» указаны имена 95 московских дворян и 9 дьяков, «в Передней избе» – всего 54 дворян московских (конец списка утрачен), отсутствуют списки стрелецких голов и дьяков [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Столпик 6. Л. 402–410]. В списке пожалованных на Пасху 10 апреля 1631 г. «В Комнате» перечислены имена 77 дворян московских и 11 дьяков, «В Передней избе» – 82 дворян московских, 2 дьяков и 10 голов стрелецких [ДР, т. 2, стб. 843–847]⁹. В списке дворян и дьяков, допущенных к христосованию с государем на празднование Пасхи 1 апреля 1632 г., «в Комнате» значатся имена 86 московских дворян и 14 дьяков, «в Передней» – 90 дворян московских, 2 дьяков и 10 голов стрелецких [Там же, стб. 855–860]. Среди участников празднования Пасхи 21 апреля 1633 г. у государя в «комнате» присутствовали 63 московских дворянина и 15 дьяков, в «передней» – 63 московских дворянина, 1 дьяк и 7 голов стрелецких [Там же, стб. 861–866]. На Пасху 6 апреля 1634 г. в «комнату» к государю были допущены 37 дворян московских и 13 дьяков; «в Передней» упомянуты имена только 19 дворян московских, но зато большого числа дьяков (35 чел.), а также 7 голов стрелецких [Там же, стб. 865–870]. В списке пожалованных видеть «государские очи» на Пасху 29 марта 1635 г. «В Комнате» значатся имена 80 дворян московских и 12 дьяков, «В Передней» – 66 московских дворян и 38 дьяков [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Столпик 6. Л. 656–670].

К сожалению, из-за путаницы листов мы не можем составить полное представление о составе лиц, допущенных к государю на Пасху в 1636, 1637 и 1638 гг.¹⁰ От 1639 г. сохранилось два списка. В первом из них названы имена допущенных в «комнату» 66 дворян московских и 12 дьяков, а в «переднюю» (перечень сохранился не полностью) – только 29 московских дворян, нет имен дьяков и голов стрелецких [Там же. Л. 576–586]; во втором списке (очевидно, черновом, так как здесь ряд имен вычеркнут и значится с пометами о назначении на службы в города, смерти и т. д.) «В Комнате» упомянуты

⁹ Можно отметить здесь некоторую путаницу текста – вначале идут имена пожалованных в «комнату» (от князя И. М. Катyreва-Ростовского до В. П. и Б. П. Шереметевых), после этого ошибочно вставлен текст какого-то другого документа с именами дворян московских и стрелецких голов, а после идет продолжение списков пожалованных на Пасху в 1631 г. (с имени князя Ю. Д. Хворостинина).

¹⁰ От 1636 г. мы имеем лишь датированный этим годом список московских дворян, допущенных на празднование Пасхи 17 апреля в «комнату» до имени И. И. Чичерина (всего 40 имен), а далее на следующем листе идет перечень голов стрелецких из списка неизвестного года [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Столпик 6. Л. 651–654]. От 1637 г. мы имеем лишь небольшой фрагмент списка дворян в «комнате» (всего 2 чел.) [Там же. Л. 636]. От 1638 г. имеется лишь датированный этим годом список московских дворян, допущенных на празднование Пасхи в «комнату» до имени Г. А. Плещеева (всего 15 имен) [Там же. Л. 608–609].

имена 76 московских дворян и 12 дьяков, «В Передней» – 55 дворян московских и 13 голов стрелецких [Там же. Л. 587–600]. Из-за путаницы листов нельзя полно определить состав дворян и дьяков, участвовавших в пасхальных торжествах во дворце в 1640 и 1641 гг.¹¹ Достаточно полно сохранился список дворян и дьяков, пожалованных видеть «государские очи» на Пасху 10 апреля 1642 г. – «В Комнате» упомянуты имена 75 московских дворян и 10 дьяков, «В Передней» – 25 московских дворян, 9 стрелецких голов и 21 дьяка [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Столпик 6. Л. 544–554]. Для 1643 и 1644 гг. из-за перебивки листов в столбце мы можем более-менее определенно судить лишь о составе лиц, допущенных на Пасху в «комнату». На Пасху 2 апреля 1643 г. в «комнате» присутствовало 70 московских дворян и 6 дьяков [Там же. Л. 555, 557–563; на л. 556 текст другого документа]; на Пасху 21 апреля 1644 г. в «комнату» были допущены 70 дворян московских и 11 дьяков [Там же. Л. 534–538].

Таким образом, сохранившиеся источники, несмотря на некоторые лакуны, позволяют создать общее представление о составе дворян и приказных людей, которые допускались по случаю празднования Пасхи лицезреть «государские очи» на протяжении 20-х – начала 40-х гг. XVII в.

Допуск к «государевым светлым очам» на Пасху имел большое значение для служилых людей, которые рассматривали нахождение во время праздничной церемонии в том или ином месте как показатель своего статуса и положения при дворе. Сохранились челобитные дворян и приказных людей за 1627–1650/51 гг. о пожаловании их на Пасху видеть «государские очи» в «комнате» или «передней» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Столпик 5. Л. 229–288; Там же. Столпик 6. Л. 368–370, 382–384]. Чаще всего основанием для подачи таких челобитных дворянами служило нахождение в царских покоях их родственников; дворяне и дьяки ссылались также на нахождение там равных им по статусу (бывших «в версту») других представителей своих чинов. Для обоснования своего права видеть на Пасху «государские очи» в «комнате» или «передней» дворяне указывали и на заслуги своих родственников в прошлом.

Весьма интересна челобитная Владимира Прокопьевича Ляпунова (апрель 1633 г.), который мотивировал свою просьбу о переводе для христосования с государем во время Пасхи из «передней» в «комнату» выдающимися службами своего отца в Смутное время: «...и отец мой Прокофей был по вашей государственной милости в Думе, а служба, государь, отца моего ко всему московскому государству известна

¹¹ От 1640 г. мы имеем лишь датированный фрагмент списка дворян, пожалованных на Пасху в «комнату» (всего 4 имени) [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Столпик 6. Л. 607]. Сохранилось начало списка лиц, пожалованных видеть «государские очи» на Пасху 25 апреля 1641 г., в котором содержатся имена московских дворян «В Комнате» (всего 50 имен), но далее текст прерывается, и на следующем листе идет список 1657 г. [Там же. Л. 450–452].

тебе, милосердому государю» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Столпик 5. Л. 255]. Одним из аргументов для получения доступа видеть «государские очи» в «комнате» (для записи в «комнатный список») для московского дворянина являлась его прежняя служба в стольниках (чине государева двора, в котором обычно начинала службу аристократическая молодежь) [Там же. Л. 271]. В списке дворян, пожалованных на Пасху «видеть государские очи» в 1618/19–1620/21 гг., содержится особая рубрика: «Дворяне ж в комнату и в переднюю избу не написаны, потому что были в стольниках, а иные в стряпчих, а иные в отсылках» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 10. Столпик 6. Л. 319–321]. Все лица упомянуты здесь с пометами о пожаловании либо «в Комнату», либо «в Переднюю». При этом можно заметить, что те, которые упомянуты с пометами «в Комнату», прежде служили в стольниках, а упомянутые с пометой «в Переднюю» ранее имели чин стряпчего. Характерна и сама терминология XVII в. – состоять в чине стряпчего и служить «в Передней» фактически означало одно и то же.

Показателем особо значительного положения при дворе московского дворянина и приказного человека являлся его допуск на праздник Пасхи видеть «государские очи» в «комнате». Анализ состава лиц, занесенных в «комнатные списки» 1619–1644 гг., дает возможность более полно представить характер взаимоотношений в верхах служилого сословия и определить не только формальное, но и реальное положение тех или иных лиц и родов при царском дворе.

Всего в рассмотренных нами списках лиц, допущенных христосоваться с государем на Пасху в «комнате», мы встречаем имена около 250 московских дворян и 35 дьяков. Изучение их состава показывает, что в «комнату» на Пасху допускались отнюдь не случайные лица.

На первых местах в «комнатных списках» неизменно стоят имена представителей знатных княжеских и старомосковских боярских родов. Всего в этих списках встречаем имена 93 московских дворян, принадлежавших к старинным княжеско-боярским родам и знатым иноземным выходцам (37,2 % от общего состава) – князя Буйносовы-Ростовские (1 чел.), Бутурлины (6), Вельяминовы (4), Годуновы (1), князя Голицыны (2), Головины (1), князя Долгоруковы (5), князя Засекины (1), князя Засекины-Солнцева (1), князя Звенигородские (1), князя Исуповы (1), князя Катыревы-Ростовские (1), Колычевы (4), князя Куракины (2), князя Лобановы-Ростовские (2), князя Лыковы (1), князя Мезецкие (2), князя Мосальские (4), Плещеевы (11), князя Пожарские (2), князя Приимковы-Ростовские (5), князя Прозоровские (2), князя Пронские (2), князя Репнины (1), Сабуровы (4), Салтыковы (2), Селунские (2), князя Сицкие (1), князя Татевы (1), Траханиотовы (2), князя Трубецкие (1), князя Тюменские (1), князя Урусовы (1), князя Хворостинины (2), князя Хилковы (3), князя Хованские (2), князя Шейдяковы (2), Шереметевы (3), князя Щербатовы (3). Еще 45 человек (или 18 %) из лиц, вхожих в «комнату» к государю на Пасху, являлись представителями

родов, выдвинувшихся в боярскую среду в первой половине XVII в., – Вельяминовы-Воронцовы (2 чел.), князья Волконские (6), Волынские (9), Измайловы (3), князья Львовы (4), Пушкины (13), Стрешневы (8).

Почти половину (112 чел. из 250, или 45 %) из упомянутых в «комнатных списках» московских дворян составляли выходцы из незначительных дворянских родов. Однако и эти лица были пожалованы видеть «государские очи» в «комнате» не случайно. Среди них мы встречаем представителей семей, выдвинувшихся благодаря родственным и личным связям с царской семьей в число ближних комнатных людей. Алай (Артамон) Иванович Михалков являлся родственником приближенного ко двору царя Михаила и его матери старицы Марфы Ивановны постельничего К. И. Михалкова. Семен Иванович Чемоданов был братом видного придворного, стряпчего с ключом И. И. Чемоданова. Иван Иванович Старого Милюков приходился троюродным братом близкого родственника матери царя Михаила, комнатного стольника Степана Яковлевича Милюкова. Афанасий Михайлович Толочанов был братом комнатного стольника (спальника) царя Михаила Федора Михайловича Толочанова. Упомянутый на Пасху в «комнате» московский дворянин Богдан Матвеевич Глебов выполнял также и важную придворную должность ясельничего, фактического главы Конюшенного приказа. В «комнатных списках» на Пасху значится дворянин московский Байм Федорович Болтин, ставший затем ясельничим. Алексей Степанович Собакин был братом Сергея Степановича Собакина, вдова которого Ульяна являлась боярыней царицы Евдокии Лукьяновны и «мамой» царевича Алексея Михайловича, а ее сын Никифор Сергеевич Собакин состоял в царских комнатных стольниках. Были приближены ко дворцу сыновья упомянутых в «комнате» на Пасху Венедикта Андреевича Черного Оболенского и Ивана Романовича Безобразова: Иван Венедиктович Оболенский состоял комнатным стольником царевича Алексея Михайловича, а Юрий Иванович Безобразов – комнатным стольником царицы Евдокии Лукьяновны. Родней упомянутого в «комнатных списках» на Пасху дворянина Никиты Ивановича Заболоцкого были приближенные ко дворцу московский ловчий Афанасий Богданович (Софонтьевич) Заболоцкий и боярыня-постельница царицы Евдокии Лукьяновны Федора Заболоцкая. Жена присутствовавшего в «комнате» на Пасху Богдана Ивановича Комынина числилась среди приезжих боярынь царицы Евдокии Лукьяновны; упоминаются также казначея царицы Евдокии Татьяна Комынина и казначея царевича Алексея Михайловича Аграфена Степановская жена Комынина. Приезжей боярыней царицы Евдокии была жена упомянутого в «комнатных списках» на Пасху Никиты Федоровича Панина. В «комнату» на Пасху был вхож князь Федор Семенович Коркодинов, а в качестве боярыни-светличной у царицы Евдокии Лукьяновны состояла Авдотья Коркодинова. К роду, приближенному к царскому двору, принадлежал присутствовавший в «комнате» на Пасху Максим Семенович Языков (отец будущего влиятельного боярина Ивана Максимовича

Языкова) – приближенной матери царя Михаила государыни старицы Марфы Ивановны была старица Олена Языкова [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 790. Л. 1]. В числе московских дворян, допущенных в «комнату» для христосования с государем на Пасху, встречаем представителей приближенного ко двору рода Юшковых – родного дядю царицы Евдокии Лукьяновны по матери Гаврилу Константиновича и его двоюродного брата Пимена Дементьевича Юшкова, а также Григория Михайловича и Петра Ивановича Юшковых – отцов стольников царицы Евдокии Лукьяновны Василия Григорьевича и Прокофия Петровича Юшковых. Упомянутые в «комнатных списках» на Пасху московские дворяне Павел Иванович Меньшого Волынский и Богдан Нежданов (Минич) Дубровский стали затем казначеями. Допущенный на Пасху видеть «государские очи» в «комнате» московский дворянин Степан Лукьянович Хрущев некоторое время имел важный придворный чин постельничего¹².

В числе дворян, получивших доступ в царскую «комнату» на Пасху, мы видим представителей дворянских родов, которые в царствование Михаила Федоровича стали активно продвигаться при дворе во многом благодаря родству (общему происхождению) с Романовыми. Яков Михайлович Боборыкин на протяжении ряда лет (с 1621 по 1629 г.) был вторым судьей Поместного приказа [Богоявленский, с. 125–126]; представители рода были близки к клану И. Н. Романова [Павлов, 2018а, т. 1, с. 296]. Дворяне Артемий, Гаврила и Дмитрий Васильевичи, Тимофей Дмитриевич и Федор Иванович Лодыгины принадлежали к роду, выдвинувшему в царствование Михаила Федоровича в двор 20 человек, причем почти все получили высшие московские чины стольников и дворян московских. Свое родство с правящим родом Романовых осознавал упомянутый в «комнатных списках» на Пасху дворянин Григорий Иванович Кокорев, 10-летний сын которого Иван в январе 1630 г. заявлял своим товарищам, что отец его, хотя и обычный дворянин, «а государю брат»; мальчик, вероятно, только повторял слышанные от взрослых разговоры [Бахрушин, с. 94]. К фамилии, имевшей родственные связи с семьей Романовых, принадлежал находившийся в «комнате» на Пасху Федор Иванович Погожий – женой боярина Александра Никитича Романова была Ульяна Семеновна, урожденная Погожая. В списках дворян, допущенных к государю на Пасху в «комнату», значится немало лиц, приближенных ко двору патриарха Филарета. Иван Александрович и Семен Васильевич Колтовские состояли боярами при патриаршем дворе. Дворецкими при дворе патриарха Филарета состояли дворяне Данила Юрьевич Леонтьев, Иван Васильевич Биркин и Матвей Игнатьевич Зубов. Московский дворянин Федор Степанович Раго-

¹² О составе ближних комнатных людей царя Михаила Федоровича, его матери старицы Марфы Ивановны, царицы Евдокии Лукьяновны и царевича Алексея Михайловича см.: [Павлов, 2018а, т. 1–2]. О составе боярынь при дворе царицы Евдокии Лукьяновны см.: [Забелин, т. 2, с. 350, 389, 390].

зин состоял одно время в патриарших дьяках. Любопытно, что среди пожалованных видеть «государские очи» в «комнате» находились бывший пристав у опального в годы царствования Бориса Годунова Филарета Никитича Романова Богдан-Прохор Борисович Воейков и его сыновья Иван и Александр; все они в царствование Михаила Федоровича были приближены ко двору и пользовались расположением со стороны патриарха Филарета [Павлов, 2018б, с. 292–293].

Не случайным был и состав дьяков, допущенных видеть «государские очи» в «комнату» на Пасху. Среди них мы видим Михаила (Степановича) Смывалова и Ивана (Ивановича) Болотникова, которых современники называли влиятельнейшими людьми в государстве [Бушкович, с. 374–377]. Некоторые из этих дьяков были произведены затем в думные дьяки – это Михаил (Феофилактович) Данилов, Михаил (Дмитриевич) Волошенинов, Иван (Кириллович) Грязев, Григорий (Васильевич) Львов.

Состав лиц, которые допускались для христосования с государем в «комнате», не оставался неизменным и постоянно пополнялся новыми лицами. Анализ динамики изменения состава «комнатных списков» позволяет проследить перемены в расстановке сил в при царском дворе. Так, после женитьбы царя Михаила на Евдокии Лукьяновне Стрешневой в 1626 г. в списках дворян, пожалованных видеть «государские очи» в «комнате», появляются многочисленные представители рода Стрешневых, их родни Матюшкиных, Юшковых, а также родственников лиц, входивших в состав двора царицы Евдокии, – Собакиных, Заболоцких, Комыниных, Паниных и др. В последние годы царствования Михаила Федоровича в связи с усилением позиций при дворе боярина и воспитателя царевича Алексея Михайловича Б. И. Морозова в «комнату» к государю на Пасху начинают допускаться его родственники и сторонники – Леонтий Степанович Плещеев и другие Плещеевы, Иван Тихонович Траханиотов (брат убитого во время восстания Петра Тихоновича), Григорий Гаврилович Пушкин, Василий Иванович Толстой, Василий Федорович Янов и др.

Допуск видеть «государские очи» на Пасху в «комнате» представителей самых разных слоев служилых людей свидетельствует о процессе становления при московском дворе новых придворных отношений, согласно которым реальный статус служилого человека в XVII в. стал определяться не только его происхождением, но и степенью близости ко двору, родственными и личными связями.

Список литературы

Бахрушин С. В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М. : Наука, 1987. С. 87–117.

Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века // Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М. : Языки славян. культуры, 2006. С. 31–308.

- Боярская книга 1627 г. М. : Ин-т истории СССР Акад. наук СССР, 1986. 208 с.
- Бушкович П. Шведские источники о России 1624–1626 гг. // Архив русской истории. Вып. 8. М. : Дрeвлехранилище, 2007. С. 359–381.
- Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700) : биограф. справ. М. : Памятники ист. мысли, 2011. 720 с.
- ДР – Дворцовые разряды. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1850–1912. Т. 1. XXX–VI с., 1224 стб.; Т. 2. IV с., 976 стб.
- Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. : [в 2 т.]. М. : Языки рус. культуры, 2000–2001. Т. 1. Ч. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. 480 с. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. 792 с.
- Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018а. Т. 1. 784 с. Т. 2. 624 с.
- Павлов А. П. Приставы у опальных бояр Романовых в 1600–1605 годах и судьба их потомков в царствование Михаила Федоровича: позднее раскаяние? // Историк и источник : сб. ст. к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. СПб. : Искусство России, 2018б. С. 286–301.
- Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М. ; Варшава : Дрeвлехранилище, 2009. Т. 8. Осадный список 1618 г. 685 с.
- ПБС – «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сб. док. / сост. Е. Н. Горбатов. М. : Дрeвлехранилище, 2015. 736 с.
- Петров К. В. «Сборник князя Оболенского. № 13» и неизданный «Архив» князя М. А. Оболенского // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 29. СПб. : Наука, 2005. С. 248–252.
- Приходо-расходные книги московских приказов. 1619–1621 гг. М. : Наука, 1983. 480 с.
- РГАДА. Ф. 181. (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД (коллекция)). Оп. 1. Кн. 86; Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9. № 10. Ч. 5–6; Оп. 13. № 19; Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 2. Кн. 790.

References

- Ankhimiyuk, Yu. V., Pavlov, A. P. (Eds.). (2009). *Pamyatniki istorii Vostochnoi Evropy. Istochniki XV–XVII vv.* [Artefacts of the History of Eastern Europe. Sources of the 15th–17th Centuries]. Moscow, Varshava, Drevlekhranilishche. Vol. 8. Osadnyi spisok 1618 g. 685 p.
- Bakhrushin, S. V. (1987). Politicheskie tolki v tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha [Political Talk in the Reign of Mikhail Fyodorovich]. In Bakhrushin, S. V. *Trudy po istochnikovedeniyu, istoriografii i istorii Rossii epokhi feodalizma*. Moscow, Nauka, pp. 87–117.
- Bogoyavlenskii, S. K. (2006). Prikaznye sud'i XVII veka [Prikaz Judges of the 17th Century]. In Bogoyavlenskii, S. K. *Moskovskii prikaznyi apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vekov*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 31–308.
- Boyarskaya kniga 1627 g.* [The Boyar Book of 1627]. (1986). Moscow, Institut istorii SSSR Akademii nauk SSSR. 208 p.
- Bushkovitch, P. (2007). Shvedskie istochniki o Rossii 1624–1626 gg. [Swedish Sources about Russia, 1624–1626]. In *Arkhiv russkoi istorii*. Iss. 8. Moscow, Drevlekhranilishche, pp. 359–381.
- Demidova, N. F. (2011). *Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII veka (1625–1700). Biograficheskii spravochnik* [The Service Bureaucracy in 17th-Century Russia (1625–1700). A Biographical Reference Book]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 720 p.
- DR – Dvortsovye razryady* [Palace Charges]. (1850–1912). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 1. XXXVI p., 1224 columns; Vol. 2. IV p., 976 columns.
- Pavlov, A. P. (2018а). *Dumnye i komnatnye lyudi tsarya Mikhaila Romanova: prosopograficheskoe issledovanie v 2 t.* [The Members of the Boyar Duma and the Private

Chamber Personnel in the Reign of Mikhail Romanov: Prosopographical Study. 2 Vols.]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 1. 784 p. Vol. 2. 624 p.

Pavlov, A. P. (2018b). Pristavy u opal'nykh boyar Romanovykh v 1600–1605 godah i sud'ba ikh potomkov v tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha: pozdnee raskayanie? [Bailiffs at the Disgraced Boyars of the Romanovs in 1600–1605 and the Fate of Their Descendants during the Reign of Mikhail Fyodorovich: Belated Repentance?]. In *Istoriik i istochnik. Sbornik statei k yubileyu Sergeya Nikolaevicha Kistereva*. St Petersburg, Iskustvo Rossii, pp. 286–301.

PBS – Gorbatov, E. N. (Ed.). (2015). “Podlinnye” boyarskie spiski 1626–1633 godov. *Sbornik dokumentov* [The “Authentic” Boyar Lists of 1626–1633. Collection of Documents]. Moscow, Drevlekhranilishche. 736 p.

Petrov, K. V. (2005). “Sbornik knyazya Obolenskogo. No. 13” i neizdannyi “Arkhiv” knyazya M. A. Obolenskogo [The “Collection of Prince Obolensky. No. 13” and the Unpublished “Archive” of Prince M. A. Obolensky]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Iss. 29. St Petersburg, Nauka, pp. 248–252.

Prikhodo-raskhodnye knigi moskovskikh prikazov. 1619–1621 gg. [Account Books of the Moscow Prikazes. 1619–1621]. (1983). Moscow, Nauka. 480 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 181. (Rukopisnyi otdel biblioteki MGAMID (kolleksiya)). List 1. Book 86; Stock 210 (Razryadnyi prikaz). List 9. No. 10. Part 5–6; List 13. No. 19; Stock 396 (Oruzheinaya palata). List 2. Book 790.

Zabelin, I. E. (2000–2001). *Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII st. [v 2 t.]* [The Domestic Life of the Russian People in the 16th and 17th Centuries]. Moscow, Yazyki russkoi kultury. Vol. 1. Part 1. Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII st. 480 p. Vol. 2. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII st. 792 p.

The article was submitted on 05.06.2020

**ТОРЖЕСТВА ПРИ БЕРЛИНСКОМ ДВОРЕ
В ДОНЕСЕНИЯХ СЕКРЕТАРЯ АНГЛИЙСКОГО ПОСЛА
ФИЛИППА ПЛАНТАМУРА***

Мариуш Савицкий

Опольский университет,
Ополе, Польша

**CELEBRATIONS AT THE BERLIN COURT AS REPORTED
BY SECRETARY OF THE ENGLISH AMBASSADOR
PHILIP PLANTAMOUR**

Mariusz Savicki

University of Opole,
Opole, Poland

Celebrations were an important element in the functioning of royal and princely courts in Europe in the seventeenth and eighteenth centuries. They added splendor to the residences in which they were held and demonstrated the status of rulers: well-directed festivities spoke of their organisers' political status. Such events not only took place in the closed courtyards of palaces, but also in the open air, which guaranteed a larger audience and made it possible to invite the media. Such events were also observed by foreign diplomats, who described them in their reports. This type of information can be found in the correspondence of Philip Plantamour, secretary of the English Ambassador George Stepney. An analysis of the manuscripts he left reveals an interesting picture of the ceremony as seen through his eyes. These descriptions do not have a specific pattern: he simply described what he saw

* Статья подготовлена при поддержке гранта Национального научного центра в Кракове № DEC 2017/01/X/HS3/00482 в рамках реализации индивидуального научного исследования по теме «Социально-политические элиты Великого княжества Литовского в свете донесений французских и английских дипломатов второй половины XVII века».

This article was prepared with the support of the grant of the National Science Center in Krakow No. DEC 2017/01/X/HS3/00482 as part of individual scholarly research on the topic: "Sociopolitical Elites of the Grand Duchy of Lithuania in the Light of Reports from French and English Diplomats of the Second Half of the 17th Century".

** *Citation*: Savicki, M. (2020). Celebrations at the Berlin Court as Reported by Secretary of the English Ambassador Philip Plantamour. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1217–1229. DOI 10.15826/qr.2020.4.523.

Цитирование: Savicki M. Celebrations at the Berlin Court as Reported by Secretary of the English Ambassador Philip Plantamour // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1217–1229. DOI 10.15826/qr.2020.4.523 / Савицкий М. Торжества при берлинском дворе в донесениях секретаря английского посла Филиппа Плантамур // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1217–1229. DOI 10.15826/qr.2020.4.523.

or had the opportunity to hear. The analysed accounts are an important source for research on the customs, ceremonies, and celebrations at the royal court in Berlin at the turn of the eighteenth century. Philip Plantamour's exact descriptions show us the glamour, style, and role of these events in the context of propaganda and their political and social dimensions.

Keywords: Berlin; Prussia; Frederick I; Philip Plantamour; George Stepney; ceremonies; celebrations; royal court.

Празднования были важным элементом, связанным с функционированием королевско-княжеских дворов в Европе XVII–XVIII вв. Они показывали великолепие резиденций, в которых проводились, демонстрируя величие правителей, а хорошо организованные рауты свидетельствовали о политической значимости господ. Такие мероприятия проходили не только в дворцовых палатах, но и на открытом воздухе, что гарантировало большую аудиторию и возможность приглашения «прессы». За этими событиями наблюдали также иностранные дипломаты, описывавшие их в своих отчетах. Такого рода информацию можно найти в корреспонденции Филиппа Плантамур-ра, секретаря английского посла при Берлинском дворе Джорджа Степни. В своих записях Плантамур приводит описания церемоний, свидетелем или участником которых он был лично, хотя некоторые, судя по косвенным данным, передавал по рассказам других очевидцев. В любом случае его информация отличается подробностью и индивидуальной манерой подачи. Содержание указанной корреспонденции является важным источником для исследований в области традиций, церемоний и обрядов королевского двора в Берлине на рубеже XVII и XVIII вв., а точные описания Филиппа Плантамур-ра позволяют не только ощутить великолепие придворного церемониала, но и понять его роль и значение в контексте пропагандистской и политико-социальной составляющих.

Ключевые слова: Берлин; Королевство Пруссия; Фридрих I; Филипп Плантамур; Джордж Степни; церемонии; торжества; королевский двор.

Торжества были очень важным элементом функционирования королевских и княжеских дворов Европы Нового времени. Хорошо отрежиссированные, они придавали блеск резиденциям, в которых происходили, поднимали престиж властителей и имели политический смысл, демонстрируя величие и достаток монархов. Известно, что такого рода события происходили не только в закрытых пространствах дворцов, но и на открытой местности, что гарантировало расширение аудитории и давало возможность разнообразить средства воздействия на нее. В частности, среди прочих средств такого рода следует выделить организуемые по разным поводам торжественные выезды. Последние разворачивались на глазах не только местного населения, но и предназначались взорам зарубежных дипломатических представителей, которые описывали их в своих донесениях. Этого типа информацию можно найти во франкоязычной дипломатиче-

ской корреспонденции Филиппа Плантамур, француза, личного секретаря английского посла Джорджа Степни.

Филипп Плантамур родился около 1664 г. в Шалон-сюр-Сон (Chalon-sur-Saône) во Франции, в регионе Бургундия – Франш-Конте в гугенотской семье. Отмена Нантского эдикта Людовиком XIV вынудила его покинуть родину. Плантамур начал службу у принадлежавшего к старой школе английской дипломатии Джорджа Степни, исполняя в 1690–1699 гг. роль его секретаря. После получения последним должности посла в Берлине он уехал вместе с ним и по-прежнему исполнял те же обязанности, не имея никакого официального дипломатического ранга. Документы, анализируемые в контексте настоящего исследования, находятся в собрании *State Papers Foreign, Prussia* Национального архива Лондона в Кью¹. Некоторые донесения Плантамур, в которых он описывал торжества при берлинском дворе, можно найти в Британской библиотеке [Add MS 22193; Add MS 28902]. Учитывая ограниченные возможности статьи, проанализирую лишь три рапорта, в которых содержатся описания придворных церемоний.

В письме 1697 г. Плантамур констатировал, что с честью и большой преданностью исполнял функцию секретаря Степни уже на протяжении пяти лет [BL. Add MS 28899. K. 112–112v; Spens, p. 41; Sharp, p. 275; Journals of the House of Commons, vol. 13, p. 417; Cook, Stevenson, p. 148; Kugeler, p. 157]. Джордж Степни с признанием отзывался о работе своего секретаря, которого считал хорошим сотрудником, трудолюбивым человеком, необычайно тщательно исполняющим свой долг [Sharp, p. 275]. Среди обязанностей последнего было копирование разнообразных присылавшихся в посольство документов или общедоступных исходящих от берлинского двора материалов, например, печатных бюллетеней и летучих листков. Английский посол, видимо, питал большое доверие к своему сотруднику, поскольку с 1699 г. поручал ему редактирование и отправку собственноручно подписанной корреспонденции².

Вроде бы высказывая удовлетворенность работодателем и нынешним местом службы, в начале 1703 г. Филипп Плантамур, тем не менее, выражал озабоченность своей судьбой в необычайно личном и полном эмоций письме, адресованном Чарльзу Хеджесу³. Плантамур писал, что, несмотря на многолетнюю верную службу английской короне, теперь в связи с приездом в Берлин нового посла Томаса Уэнтворта, третьего барона Рэби, сомневался в сохранении своего поста. Дело в том, что Джордж Степни был направлен с посольством в Вену (а в январе 1703 г. уже там находился) и от услуг Плантамур отказался [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 339–340].

¹ The National Archives in London (Kew), State Papers Foreign, Prussia 90/1 (далее – NA London, SP Prussia 90/1).

² Письма, написанные несомненно Филиппом Плантамуром и подписанные Степни, находятся в: [Hauptstaatsarchiv Dresden. Geheimes Kabinett. Loc. 03582/01].

³ Сэр Чарльз Хеджес (Charles Hedges), английский адвокат, политик-тори, судья Высокого суда Адмиралтейства (1689–1714), государственный секретарь (1700–1706, с перерывом).

Плантамур упомянул в своем письме о дипломатических миссиях в германских землях, в частности, о поездке в составе политических миссий во Франкфурт-на-Майне, Вессель и Кассель. Он писал также, что на протяжении трех лет не получал никаких дополнительных выгод за свою деятельность, которая, как он упомянул, была его страстью. Секретарь замечал, что его незначительное содержание не компенсирует понесенных на дипломатическом поприще расходов, а также что на протяжении двух лет он не получал никаких дополнительных средств на поручаемые ему поездки по Пруссии. Плантамур упомянул о причинах своего отъезда из Франции, которыми стали религиозные соображения. Он вынужден был бросить свое имение и взять, как он сам это оценивал, деньги в долг под очень высокий процент, что привело его к финансовой пропасти. Полученных средств, однако, было недостаточно для покрытия расходов после того, как он покинул королевство Людовика XIV. Прося прощения у Хеджеса за предоставление столь личной информации о своих жизненных обстоятельствах, Плантамур выражал желание, чтобы последний знал о его положении и материальной ситуации. Секретарь Джорджа Степни выражал также надежду, что этими откровениями не отобьет желание у адресата поддерживать его и дарить своим покровительством. В очередной раз сообщая о своей преданности работе, которую он выполнял с огромным увлечением, и о полной приверженности английским интересам, Плантамур заверял, что по-прежнему хотел бы служить королеве Анне [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 339–340].

Несмотря на эти заверения, Филипп Плантамур получил от Чарльза Хеджеса решительный приказ покинуть берлинский двор до 17 апреля 1703 г., хотя его дальнейшая судьба еще не была решена. Вопреки ясному ответу, в письме Джону Эллису⁴ от 17 апреля 1703 г. Плантамур снова делился сомнениями, следует ли ему вернуться в Англию или оставаться в Берлине до прибытия нового посла. Поднимал он вновь и финансовые вопросы, выражая надежду, что все задолженности перед ним будут урегулированы, и он сможет расплатиться с собственными долгами. Похоже, что Хеджес не обнадежил Плантамура и в этом отношении [BL. Add MS 28913. P. 340–341].

В следующей части послания к Джону Эллису бывший секретарь Степни писал, что упомянул об этом Хеджесу, надеясь, что тот не оставит его просьбы без ответа так, как якобы было принято поступать с другими. Плантамур просил также, основываясь, вероятно, на прежней дружбе адресата со Степни, предоставить ему ответ в пунктах, в которых выше сформулировал свои вопросы, касающиеся его будущего, прямо умоляя, чтобы его не оставили в неуверенности относительно предстоящей судьбы [Ibid.].

Ситуация Филипа Плантамура выяснилась лишь к началу июня 1703 г. В своем очередном письме к Хеджесу он благодарил последнего за помощь и доброжелательность в деле полагающихся секретарю

⁴ Джон Эллис (John Ellis), английский государственный деятель, заместитель государственного секретаря (с 1695), государственный контролер монетного двора (с 1701).

посла выплат и остающихся по-прежнему денежных обязательств. Он также сообщал, что новый посол Томас Уэнтворт лишь вчера прибыл в Берлин, но, судя по всему, не проявил какого-нибудь желания помогать ему. Бывший секретарь обещал еще вечером написать Хеджесу, лорду-казначей⁵ и лорду Ноттингему⁶, рассчитывая заинтересовать их своим положением. Впрочем, Плантамур закончил свои сетования тем, что даже без сторонней помощи он кое-как справится с ситуацией [BL. Add MS 28914. P. 100–100v], и даже не преминул похвалиться, что по случаю завершения своей службы при берлинском дворе получил подарок от короля Пруссии Фридриха I в виде 200 дукатов, отметив при этом, что часть суммы будет потрачена им для поездки в Англию [Там же]. В конце концов Филипп Плантамур не вернулся на Британские острова в 1703 г., а перешел на службу к Августу II⁷, на которой провел очередные три года. Его судьба а после 1706 г. мне, к сожалению, неизвестна, равно как и неизвестно, что происходило в дальнейшем с бывшим секретарем английского посла в Берлине [Sharp, p. 275].

Главный интерес француза на службе у Степни концентрировался на анализе политических событий, связанных не только с войной за испанское наследство, но также с Великой Северной войной, шедшей вблизи от его места пребывания. Порой он также описывал торжества, и не только касающиеся непосредственно берлинского двора, но и связанные с происходившими разнообразными событиями вокруг него, например, с торжественными въездами в резиденцию курфюрста Бранденбурга-Пруссии. Такого типа документом является «*Lordre de l'entrée du margrave Philippe avec M^c son epouse le 23 février 1699*» [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 117–118v]. Очевидно, речь идет о въезде Филиппа-Вильгельма Бранденбург-Шведтского (единокровного брата курфюрста Фридриха III) и его жены Иоганны-Шарлотты, урожденной Ангальт-Дессауской, в Берлин, прибывших на неизвестные нам, к сожалению, придворные торжества, связанные с женой Фридриха III Софией-Шарлоттой Ганноверской [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 117–118v; Poten].

Плантамур, описывая этот эпизод, вначале перечислил кавалерийские полки курфюрста, состоявшие из трех эскадронов двуххотного состава⁸. За ними одна за другой двигалась 51 карета, каждая из которых была запряжена шестеркой коней; очевидно, что две первые принадлежали маркграфу Филиппу-Вильгельму. В следующих 23 путешествовали министры, камергеры и другие высокопоставленные придворные, три принадлежали маркграфу Христиану-Людвигу фон

⁵ Барон Сидни Годольфин (Sydney Godolphin), лорд-казначей в 1702–1710 гг.

⁶ Дэниел Финч (Daniel Finch), второй граф Ноттингем, государственный секретарь (1702–1704).

⁷ Август II Сильный, король польский и великий князь Литовский (1697–1704, 1709–1733), курфюрст саксонский Фридрих-Август I (1694–1733).

⁸ В бранденбург-прусской кавалерии второй половины XVII в. полки делились на эскадроны, состоявшие, в свою очередь, из рот. По штатному расписанию рейтарский (кирасирский) полк имел четыре эскадрона двуххотного состава, драгунский – пять эскадронов двуххотного состава.

Бранденбург-Шведтскому, четыре – маркграфу Альберту-Фридриху фон Бранденбург-Шведтскому, остальные 12 карет были собственностью курфюрста. Замыкали процессию пять карет вдовствующей княгини Генриетты-Катарины фон Нассау, тещи Филиппа-Вильгельма [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 117–118v].

Филипп Плантамур записал, что после кавалькады карет вели «les chevaux de main»⁹, по восемь – Христиана-Людвига и Альберта-Фридриха, 24 – курфюрста, и шесть – Филиппа-Вильгельма. Далее в кавалькаде следовали 26 придворных конюхов. Кавалькаду сопровождали 24 трубача и два барабанщика, также принадлежавших к свите курфюрста Бранденбург-Прусского. Если вспоминать о высокопоставленных придворных, камергерах и «gentilshommes de la chambre»¹⁰, то Филипп Плантамур насчитал их 50. Во главе процессии ехали верхом (впрочем, так же, как и все) «le grand maréchal Lottum» и Фридрих-Вильгельм фон Виттенхорст-Сонсфельд¹¹. Первым их этих двух придворных, как кажется, был Филипп-Карл фон Вилих унд Лоттум, который носил звание генерал-фельдмаршала (Generalfeldmarschall), хотя похоже, что Плантамур ошибся с определением его должности¹². Далее ехал верхом «le grande chambellan Mr de Colb»¹³ (наверное, также записан Плантамуром с ошибкой – Иоганн-Казимир Кольбе фон Вартенберг), а после него – маркграф Христиан-Людвиг (брат курфюрста Фридриха III), слева от которого находился князь Леопольд I Ангальт-Дессауский, брат его жены Генриетты-Амалии Ангальт-Дессауской. Далее, между курфюрстом и маркграфом Альбертом-Фридрихом, можно было увидеть маркграфа Филиппа-Вильгельма. После их проезда промаршировала построенная в две шеренги сотня швейцарцев под командованием не названного по имени «Mr de Rosey», а за ними сразу же проследовал «le écuyer Mr Baur», то есть конюший, к сожалению, вновь не названный по имени [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 117–118v; Spens, p. 161].

Далее ехала верхом личная гвардия, состоявшая из трех рот. Первой из них командовал генерал-майор Юлий-Эрнст фон Теттау, второй – не названный по имени полковник Гроот, во главе последней был названный также без имени подполковник Сибург. Затем, по замечанию Плантамура, в карете курфюрста ехала княгиня Генриетта-Амалия Ангальт-Дессауская, которую секретарь посла Степни определил как «soeur de l'epouse» («сестра жены»), не записывая, кто был супругом

⁹ Верховые (букв. – ручные) кони.

¹⁰ Комнатные дворяне, камер-юнкеры.

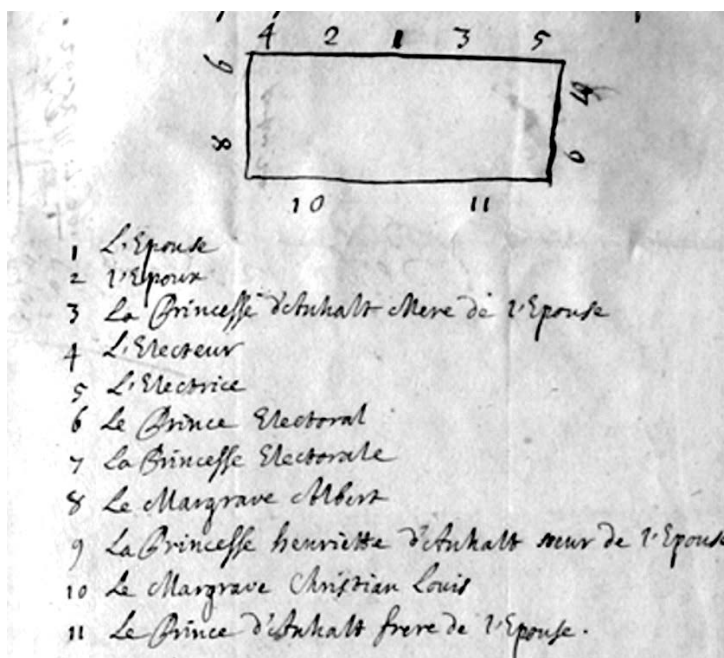
¹¹ В описываемое время – генерал-майор, командир драгунского полка своего имени.

¹² Карл-Филипп, а не Филипп-Карл фон Вилих унд Лоттум (Carl Philipp Reichsgraf von Wulich und Lottum), получил звание и должность генерал-фельдмаршала прусской армии лишь в 1713 г.

¹³ «Великий камергер месье де Колб». Иоганн Казимир Кольбе фон Вартенберг (Johann Kasimir Kolb(e) von Wartenberg), фаворит Фридриха III, граф Священной Римской империи с 1699 г., в описываемое время занимал должность обер-камергера бранденбургского курфюрста. Несколько лет спустя в его руках сосредоточится все финансовое управление Пруссии.

этой женщины¹⁴. Этим же транспортным средством путешествовала некая «*princesse Electoral*», вероятно, супруга Фридриха III. Три очережных кареты, каждая запряженная шестеркой коней, занимали дамы двора. За ними маршировали пешие полки курфюрста, которые растянулись от ворот города до самого дворца [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 117–118v; Spens, p. 161].

Кавалькада карет в соответствии с очередностью проезда остановилась у лестниц дворца, где ждали уже дамы двора и «*de la ville*» и лично приветствовали прибывших гостей, вводя их в комнаты жены курфюрста Фридриха Софии-Шарлотты Ганноверской, которую чествовали на протяжении трех дней – «*à qui on fait les honneurs trois jours de suite*». Во время этих торжеств и церемоний не могло обойтись без пиршеств. У каждого из приглашенных гостей было точно определенное место у самого важного стола. Конечно же, Филипп Плантамур не замедлил записать это в своем рапорте, собственноручно набросав следующее расположение гостей.

Расположение гостей на торжественной церемонии прибытия курфюрста Филиппа-Вильгельма Бранденбург-Шведтского и его жены Иоганны-Шарлотты. Рисунок Филиппа Плантамур // NA London. SP Prussia. 90/1. P. 118

The arrangement of guests at the solemn ceremony of Philipp Wilhelm von Brandenburg-Schwedt and his wife Princess Johanna Charlotte's arrival. Drawing by Plantamour // NA London. SP Prussia. 90/1. P. 118

¹⁴ В описываемое время – вдова князя Генриха-Казимира II Нассау-Дицского (Hendrik Casimir II van Nassau-Dietz), штатгальтера Фрисландии, Гронингена и Дренте (ум. в 1696).

По случаю проведения такого типа торжеств должны были даваться многочисленные балы, которых ко дню написания отчета Плантамур насчитал 24. Сразу после упомянутого выше ужина, 23 февраля 1699 г., празднество украсила итальянская комедия (к сожалению, ее название секретарь Степни не указал). На следующий день состоялся показ фейерверков, а 25 февраля приглашенные гости удалились в Ораниенбург, где все торжества и закончились [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 117–118v; Spens, p. 161].

Следующий документ Филиппа Плантамура, посвященный придворному церемониалу, – рапорт, описывающий торжества по поводу второй годовщины коронации бранденбургского курфюрста прусским королем под именем Фридриха I. Событие началось 18 января 1703 г. произнесением двух проповедей и богослужением в дворцовой часовне. Благодарственные церковные службы состоялись также в других церквях Берлина. Затем Фридрих I вместе с королевой Софией-Шарлоттой в сопровождении княгинь и князей королевского дома – «de la Maison Royale» – участвовал в изобильной трапезе [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 333]¹⁵. Несмотря на столь торжественный момент, за обедом вспыхнул спор о рангах между курляндской вдовствующей княгиней Елизаветой-Софией и некой «madame la Margave» в связи с занимаемыми за столом местами, поэтому, по свидетельству Плантамура, обе долго не приступали к еде. Непосредственно перед пиршеством, как и во время его, было произведено несколько пушечных выстрелов. Француз на службе английского посла отметил также, что весь двор был этот день невообразимо красив: «extrêmement magnifique ce jour là». Вечером же весь Берлин засиял необычайной иллюминацией [NA London. SP Prussia. 90/1. K. 333–333v] (см. ил. на цв. вклейке).

19 января юбилейные торжества начались с церковной церемонии с участием «chevalier de l'Ordre» – кавалеров ордена. Речь здесь, очевидно, идет о торжествах, связанных с учрежденным 17 января 1701 г. орденом Черного Орла, который был сначала задуман как рыцарский. В часовне установили специальный трон, на который сел король как «chef de l'Ordre», сопровождаемый с обеих сторон кавалерами ордена, стоявшими у своих сидений. Все были одеты в церемониальные одежды, которые состояли из красной бархатной пелерины, подшитой голубой тафтой, со звездой на правом плече. В центре этой звезды располагался черный орел, окруженный латинскими словами «Suum cuique». Король же был в пелерине голубого цвета, подшитой

¹⁵ Копия этого рапорта находится в [BL. Add MS 22193. K. 100–101v] и она короче оригинала, который в целом занимает листы с 333 до 337. Копия адресована Томасу Уэнтворту, 3-му барону Рэби. Донесение об этих торжествах также см. в [Journal d'Amsterdam, vol. 1, p. 88–92] и в [Mercure historique et politique, p. 156–163], но описание это начинается лишь с 19 января. Оба печатных донесения об анализируемой церемонии немного отличаются от той, которую выслал Плантамур. Разница в том, что секретарь посла употреблял иногда другие слова, описывающие то, что происходило при берлинском дворе. Его донесение также более обширно, чем то, которое можно найти в названных бюллетенях.

красной тафтой, а на голове – в черной бархатной или кожаной шапке, украшенной белыми перьями. Его куртку украшала большая золотая цепь с черными орлами и буквами F и R, означавшими «Fridericus Rex». Дополнительно прусский монарх носил голубой крест, форма которого была близка мальтийскому, также с буквами F и R посередине, по бокам которого располагались черные орлы [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 333v–334].

На возвышении возле короля стояли не названный по имени оберкамергер (скорее всего Иоганн-Казимир Кольбе фон Вартенберг) и канцлер ордена. Согласно описанию Плантамура, рядом с ними находился ящик с печатями, а за ними стоял казначей ордена Штоский (Schtoscius), имени которого не названо. Министр Генрих-Рюдигер фон Ильген, не названный секретарь ордена, а также церемониймейстер Иоганн фон Бессерер находились в отдалении, в середине часовни, одетые в свои обычные наряды, на которые были наброшены красные бархатные пелерины с двойной тафтой оранжевого цвета [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 334; Keenan, p. 70].

Напротив короля стояли два человека – князь Леопольд I Ангальт-Дессауский и «le grand maréchal» в роли военных герольдов, которые должны были надеть на монарха цепь и затем снять ее. Она была надета на Фридриха I лишь в тот момент, когда он подошел вместе со своей свитой к герольдам, разумеется, при соответствующем аккомпанементе барабанов и труб. «Mr Ursinus»¹⁶, которому Фридрих I недавно поручил функции епископа, произнес длинную молитву, прося Бога о благословении во время всей церемонии. Затем секретарь ордена зачитал его устав и принципы функционирования и в первый раз использовал название – орден Черного Орла, которое до этих пор официально не употреблялось. До этого момента, по словам Плантамура, учреждаемую организацию называли «le Grande Ordre» [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 334–334v].

Плантамур отметил в своем донесении, что все подробности устава ему не удалось расслышать, а публично, в печатном виде, он еще не был доступен; это указывает на его личное присутствие при проведении торжества. Самым важным, по мнению француза, был тот факт, что кавалеров ордена должно быть не более 30, за исключением князей правящего дома (Гогенцоллернов), а окончательное принятие решения в вопросе возведения в кавалерское достоинство оставалось за монархом. Секретарь Степни заметил также, что исходя из того, что он услышал, никто не должен сам искать этой чести; присвоение кавалерства зависело только и исключительно от воли короля. Лица, достойные такой награды, должны были отличаться особыми чертами, как-то справедливостью, честностью и заботой о вдовах и детях [Ibid. P. 334v–335].

¹⁶ Речь здесь идет, вероятно, о протестантском епископе Вениамине Урсинусе (von Bär) [Tschackert].

После окончания чтения устава ордена церемониймейстер Иоганн фон Бессерер оставил свое место и подошел ближе к королю. Затем приступили к церемонии посвящения нового рыцаря ордена, которым становился князь Леопольд I. Он был подведен к трону, возле которого уже находились «le prince royal» и маркграф Филипп-Вильгельм фон Бранденбург-Шведтский. Там кандидат должен был опуститься на колени перед канцлером ордена, который объявил ему намерение монарха принять его в орден и одарить орденом знаком. Князю надлежало поклясться на уставе, держа на нем два пальца и повторяя соответствующую формулу за министром Генрихом-Рюдигером фон Ильгеном. Казначей ордена затем передал орденомский знак канцлеру, а тот – королю. Наконец Фридрих I украсил знаком ордена нового члена, посвящая его в рыцари ордена. Король, завершая торжество, поцеловал князя в левую щеку, а тот монарха – в руку. После этого акта Леопольд I встал и пошел на указанное ему церемониймейстером место среди других кавалеров ордена [NA London. SP Prussia. 90/1. P. 334v–335]¹⁷.

Подобным образом поступили и с «le grande marechal», которого к королю сопровождали два других рыцаря ордена. Наблюдавший эти события заметил, что у Фридриха I и «les Princes» перья на головных уборах располагались по-разному, что должно было отличать их от остальных присутствующих. У короля они находились на шапке впереди, а у остальных – по левой ее стороне, ближе к уху [Ibid. P. 335–335v].

Торжество закончил благодарственной молитвой епископ Вениамин Урсинус, благословив вновь принятых кавалеров. После этого акта все присутствующие вместе с королем один за другим бросили по несколько золотых монет в специальную чашу для подаваний. Затем все покинули часовню и удалились в апартаменты Фридриха I. Плантамур отметил также, что во время праздника не звучала музыка.

Вечером состоялся торжественный ужин. В зале, где это происходило, установили два стола: один – для короля и кавалеров ордена, а второй – посередине, за ним остальные гости располагались в соответствии со своим рангом. Фридрих I пил за здоровье присутствующих, а они в ответ – за короля под аккомпанемент барабанов, труб и пушечных выстрелов. Подытоживая донесение, Плантамур нашел обозреваемые торжества необычайно великолепными и изобильными [Ibid. P. 335v–336].

Наконец, проанализируем еще один рапорт Плантамур – описание придворного торжества 31 марта 1703 г., посвященного бракосочетанию княжны курляндской Елизаветы-Софии, дочери Фридриха-Казимира Кеттлера и маркграфини Маргариты Бранденбург-Байрейтской, с маркграфом Кристианом-Эрнстом Бранденбург-Байрейтским [BL. Add MS 22193. P. 112–113]. Эта цере-

¹⁷ В своем описании Плантамур опустил факт повторения слов присяги Леопольдом I, см.: [Journal d'Amsterdam, 1703, vol. 1, p. 91].

мония, о которой секретарь английского посла упомянул лишь поверхностно, произошла в присутствии всего двора и не названной по имени принцессы из дома Гогенцоллернов, которая только что вернулась с королевой Софией-Шарлоттой из Ганновера. Монархиня лично принимала участие в торжественном бракосочетании вместе с «la Princesse sa fille, mais elle fut obligée de se placer après la jeune Princesse de Curlande» («с принцессой, своей дочерью, которая была вынуждена встать вслед за юной принцессой Курляндской») [BL. Add MS 22193. P. 112–113]. К сожалению, в этом случае Плантамур, вероятно, допустил ошибку. В действительности у Софии-Шарлотты было два сына: один, Фредерик-Август, умер во младенчестве, а другой позже стал прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I, да и сама София-Шарлотта была единственной дочерью, следовательно, у нее не было родных сестер. А самая старшая дочь новобрачного Кристиана-Эбергардина¹⁸ в то время уже была (с 20 января 1693 г.) женой Августа I Веттина, следовательно, и ее следует исключить как возможной лицо, описанное секретарем посла Степни в качестве безымянной принцессы [Staszewski, p. 33]. К сожалению, я не в состоянии выяснить, кого на самом деле имел в виду Филипп Плантамур.

Француз на английской службе не описал самой церемонии бракосочетания, хотя записал, что в то время, когда епископ благословил молодую чету, раздались многочисленные пушечные выстрелы, что может свидетельствовать о его личном участии в этом событии. Вечером состоялся торжественный ужин, на котором маркграф Кристиан-Эрнст фон Бранденбург-Байрейтский вместе с женой Елизаветой-Софией сидели ближе всех к королевской паре. Похоже, это вызвало определенное недовольство остальных присутствовавших на торжествах членов семьи Гогенцоллернов, потому что уже 21 января состоялась жеребьевка, которая должна была решить спор о том, кто будет сидеть вблизи Фридриха I и Софии-Шарлотты. Видимо, такие действия были вызваны дискуссией, связанной с выяснением иерархического статуса Кристиана-Эрнста и сводных братьев прусского короля (Филиппа-Вильгельма, Альбрехта-Фридриха и Кристиана-Людвига), которая разрешалась в споре о местах у монаршего стола. Это было последнее упоминание Плантамура о торжестве; следующая часть депеши посвящена уже военным и политическим делам, касающимся продолжавшейся в Западной Европе войны за испанское наследство [BL. Add MS 22193. K. 112–112v].

Из представленного выше материала складывается интересная картина торжеств, описанных глазами секретаря английского посла Филиппа Плантамура. Эти картины не имеют формализованного характера или выработанной схемы донесения, их автор просто пересказывал то, что видел или то, о чем ему пришлось услышать от непосредственных участников событий, поэтому они более или менее

¹⁸ Дочь от второго брака маркграфа Кристиана-Эрнста.

точные. В его донесениях упоминаются исключительно берлинские церемонии. Иногда описанию события, свидетелем которого он был, посвящен целый рапорт, в котором подробно изображается то, что он мог наблюдать. Такие донесения изобилуют точными сведениями, касающимися убранства лиц, принимавших участие в торжествах. Секретарь Степни порой выражал также собственные эмоции, и тогда, подытоживая рапорт, касающийся такого события, употреблял слова «magnifique» или «extrêmement magnifique». Анализируемые донесения являются важным источником в исследованиях обычаев, церемониала и торжеств берлинского двора на рубеже XVII–XVIII вв., а подробные описания Филиппа Плантамюра демонстрируют нам пышность и значение этих мероприятий в контексте их пропагандистского и политико-общественного измерения.

Рассказ о придворных церемониях и торжествах не был, разумеется, делом исключительным и практиковался не только английским дипломатическим представительством в Берлине. Подобные донесения мы можем также встретить в рапортах других послов, примером чего могут быть отчеты Джорджа Степни из Вены, где он пребывал с января 1703 г., а также из Санкт-Петербурга и Российского государства авторства Чарльза Уитворта, который был назначен послом в Россию в 1704 г. Последний с необычайной тщательностью описывал в своих донесениях не только военные события происходившего в Центрально-Восточной Европе конфликта, но был также внимательным наблюдателем церемониальных торжеств русского двора, о которых упоминал в посылавшихся в Англию донесениях, чего, вероятно, и требовал Лондон. Самым важным заданием Уитворта были, однако, вопросы, связанные с функционированием Московской компании и урегулированием торговых отношений между обоими государствами¹⁹.

Список литературы

- BL. Add MS 22193, 28902, 28913, 28914.
Cook Ch., Stevenson J. British Historical Facts 1688–1760. L. : Palgrave Macmillan, 1988. 264 p.
 Hauptstaatsarchiv Dresden. Geheimes Kabinett. Loc. 03582/01.
 Journal d'Amsterdam, contenant divers mémoires touchant... Amsterdam : Chez Nicolas Chevalier Marchand Libraire, proche le Vieux Heeren Longement, 1703. Vol. 1. 385 p.
 Journals of the House of Commons from November 16th 1699 in the Eleventh Year of the Reign of King William the Third to May 25th 1702 in the First Year of the Reign Queen Anne. Vol. 13. L. : Re-printed by Order of House of Commons, 1803. 970 p.
Keenan P. St Petersburg and the Russian Court. 1703–1761. L. : Palgrave Macmillan, 2013. 256 p.
Kugeler H. R. I. 'Le Parfait Ambassadeur'. The Theory and Practice of Diplomacy in the Century following the Peace of Westphalia. Submitted for the degree of D. Phil at the University of Oxford. Oxford : [S. n.], 2006. 328 p.

¹⁹ Рапорты Чарльза Уитворта находятся в The National Archives in London и в The British Library. Составил он также интересное описание России 1710 г. [Whitworth].

Mercurus historicus et politicus. Haga : Chez Henri van Bulderen, Marchand Libraire, dans le Pooten, à l'Enseigne de Mezeray, 1703. 658 p.

NA London SP Prussia 90/1 – The National Archives in London (Kew). State Papers Foreign SP Prussia 90/1.

Poten B. von. Philipp Wilhelm // Allgemeine Deutsche Biographie : [website]. Bd. 25. 1887. S. 761–762. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd120182815.html> (accessed: 07.11.2019).

Sharp T. Pleasure and Ambition. The Life, Loves and Wars of Augustus the Strong 1670–1707. L. ; N. Y. : I. B. Tauris, 2001. 280 p.

Spens S. George Stepney 1663–1707. Diplomat and Poet. Cambridge : James Clarke, 1997. 414 p.

Staszewski J. August II Mocny. Wrocław : Ossolineum, 1998. 311 s.

Tschackert P. Ursinus Benjamin // Allgemeine Deutsche Biographie : [website]. Bd. 39. 1895. S. 365–366. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd120374102.html> (accessed: 07.11.2019).

Whitworth Ch. An Account of Russia as it Was in the Year 1710. Strawberry-Hill : [S. n.], 1758. 161 p.

References

BL. Add MS 22193, 28902, 28913, 28914.

Cook, Ch., Stevenson, J. (1988). *British Historical Facts 1688–1760*. L., Palgrave Macmillan. 264 p.

Hauptstaatsarchiv Dresden. Geheimes Kabinett. Loc. 03582/01.

Journal d'Amsterdam, contenant divers mémoires touchant... (1703). Amsterdam, Chez Nicolas Chevalier Marchand Libraire, proche le Vieux Heeren Longement. Vol. 1. 385 p.

Journals of the House of Commons from November 16th 1699 in the Eleventh Year of the Reign of King William the Third to May 25th 1702 in the First Year of the Reign Queen Anne. (1803). Vol. 13. L., Re-printed by Order of House of Commons. 970 p.

Keenan, P. (2013). *St Petersburg and the Russian Court. 1703–1761*. L., Palgrave Macmillan. 256 p.

Kugeler, H. R. I. (2006). 'Le Parfait Ambassadeur'. *The Theory and Practice of Diplomacy in the Century Following the Peace of Westphalia*. Submitted for the degree of D. Phil at the University of Oxford. Oxford, S. n. 328 p.

Mercurus historicus et politicus. (1703). Haga, Chez Henri van Bulderen, Marchand Libraire, dans le Pooten, à l'Enseigne de Mezeray. 658 p.

NA London SP Prussia 90/1 – The National Archives in London (Kew). State Papers Foreign SP Prussia 90/1.

Poten, B. von. (1887). Philipp Wilhelm. In *Allgemeine Deutsche Biographie* [website]. Bd. 25, S. 761–762. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd120182815.html> (accessed: 07.11.2019).

Sharp, T. (2001). *Pleasure and Ambition. The Life, Loves and Wars of Augustus the Strong 1670–1707*. L., N. Y., I. B. Tauris. 280 p.

Spens, S. (1997). *George Stepney 1663–1707. Diplomat and Poet*. Cambridge, James Clarke. 414 p.

Staszewski, J. (1998). *August II Mocny*. Wrocław, Ossolineum. 311 p.

Tschackert, P. (1895). Ursinus Benjamin. In *Allgemeine Deutsche Biographie* [website]. Bd. 39, S. 365–366. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd120374102.html> (accessed: 07.11.2019).

Whitworth, Ch. (1758). *An Account of Russia as it Was in the Year 1710*. Strawberry-Hill, S. n. 161 p.

The article was submitted on 20.01.2020

**ТОРЖЕСТВА ПРИ ЕВРОПЕЙСКИХ ДВОРАХ
В СООБЩЕНИЯХ «САРМАТСКИХ»
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ***

Филип Воляньский

Вроцлавский университет,
Вроцлав, Польша

**CELEBRATIONS AT EUROPEAN COURTS
AS VIEWED BY “SARMATIAN” TRAVELLERS**

Filip Wolański

University of Wrocław,
Wrocław, Poland

This article considers the way inhabitants of the Polish-Lithuanian Commonwealth perceived European court ceremonies as reflected in their travel notes. More particularly, the author analyses texts of the eighteenth century, where the ceremonies described are treated as some of the most important elements of symbolic communication between the authorities and society. Eighteenth-century travelogues provide a comprehensive idea of contacts with royal courts and social elites (political but also cultural and even academic), which does not comply with the stereotypical image of such situations. Starting with the late seventeenth century, court culture mostly relied on French models, which is why the article presents ceremonies at the court of Versailles described by travellers from the nobility, clergy, and from a woman's perspective. The author also describes ceremonies and etiquette of the imperial court in Vienna, as well as the very specific ceremonial of the Roman court. The latter was characterised by the participation of the Pope. The analysis relies on intercultural communication research methods.

Keywords: court ceremonies; travel notes; intercultural communication; history of Polish culture of the 18th century; 18th-century European culture.

* *Citation:* Wolański, F. (2020). Celebrations at European Courts as Viewed by “Sarmatian” Travellers. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1230–1240. DOI 10.15826/qr.2020.4.524.

Цитирование: Wolański F. Celebrations at European Courts as Viewed by “Sarmatian” Travellers // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1230–1240. DOI 10.15826/qr.2020.4.524 / Воляньский Ф. Торжества при европейских дворах в сообщениях «сарматских» путешественников // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1230–1240. DOI 10.15826/qr.2020.4.524.

Рассматривается проблема восприятия жителями Речи Посполитой, оставившими после себя путевые заметки, церемоний и придворных торжеств, функционировавших в европейской культуре. Анализируются реляции XVIII в., а описываемые торжества трактуются как один из важных элементов символической коммуникации власти и общества. Из дорожных дневников XVIII в. возникает целостная картина контактов с монаршими дворами и общественными элитами (не только политическими, но также культурными и даже научными), которая не вписывается в стереотипные представления о подобных ситуациях. С конца XVII в. придворная культура развивалась под влиянием прежде всего французских образцов. Поэтому в статье показаны церемонии при версальском дворе, описанные путешествующими представителями шляхты, духовенства и даже женщинами. В то же время описаны церемонии и этикет императорского двора в Вене, а также очень специфический церемониал, которого придерживались в Риме. В последнем случае исследуется характер торжества с участием папы римского. При проведении анализа использовались методы исследования межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: придворные церемонии; реляции путешественников; межкультурная коммуникация; история культуры Польши XVIII в.; европейская культура XVIII в.

В европейской культуре раннего Нового времени церемонии и придворные торжества были одним из наиболее значимых элементов ритуальной коммуникации. Функционирование тогдашнего государства невозможно представить без этих зрелищ, имеющих отношение к власти. События, связанные с правителем и его окружением (или, говоря шире, двором), маркировали существование иерархически организованного сословного общества, а также артикулировали позиции монархов и связанных с ними элит. Вместе с тем, они способствовали формированию общественных связей (символических и реальных), которые были следствием существовавших тогда общественных отношений [Rothenbuler, s. 73–92]. Поэтому их необходимо рассматривать как интегральный элемент общественной коммуникации того времени, функционирующей в рамках данной культуры, а также процесса, обусловленного определенными культурными кодами и практиками.

С конца XVII в. придворная культура развивалась на основе прежде всего французских образцов. Их влияние было особенно сильным при дворах немецких государств, хотя достигало также территории Восточной Европы. В Речи Посполитой чрезвычайно оживленные связи с французской культурой существовали на протяжении всего XVII в. Особенно они усилились в период правления Яна III Собеского, когда польский король оказался связан с Францией также политически [Fabiani, s. 13–17; Serewański]¹. В саксонскую эпоху, которая охватывает период правления

¹ В первой половине XVII в. важную роль в контактах с придворной французской культурой сыграл приезд Марии-Людвиги Гонзаги – жены сначала Владислава IV Вазы, а позже Яна-Казимира.

династии Веттинов в Польше, становится значимым влияние немецкой придворной культуры, и прежде всего саксонской. Однако в данном случае следует учитывать роль французского влияния на немецкие княжеские дворы. Это особенно ярко прослеживается в Саксонии в период правления Августа II и Августа III, представлявших саксонскую династию Веттинов [Staszewski, 1989, s. 64–94; Staszewski, 1998, s. 11–23].

Анализируя значение придворных торжеств в Речи Посполитой, необходимо учитывать ее специфику – господство здесь политической идеологии шляхты практически превращало это государство в республику. Следует не забывать, что в «сарматской» (старопольской) культуре церемониальные практики и торжества, связанные с функционированием королевского двора, в XVIII в. не достигли настолько сложной формы, как в странах Западной Европы. Шляхта высоко ценила политический строй Речи Посполитой и связанные с ним собственные привилегии. Слишком нарочитая концентрация внимания на особе монарха или агрессивное экспонирование его власти могли интерпретироваться как выражение опасных стремлений короля к усилению своих позиций или даже абсолютистских амбиций [Grześkowiak-Krwawicz, 2003; Grześkowiak-Krwawicz, 2018, s. 173–215].

Представления жителей Речи Посполитой о сфере властных полномочий монарха или о способе функционирования дворов правителей вступали в сильное противоречие с реальностью во время зарубежных путешествий. Опыт старопольских путешественников, вызванный контактами с реалиями общественной жизни в других европейских странах, можно считать разновидностью встречи с явлением различия, понимаемым как антропологическая категория. Подобный опыт можно также вписать в характерный для этого случая процесс межкультурной коммуникации, когда своя система ценностей и представлений (например, об общественном порядке) вступает в конфронтацию с чужой или отличающейся от собственной культурой и ее аксиологией [Mikułowski-Pomorski, s. 361–369]. Результатом такого опыта становилось взаимодействие во время путешествий с культурно чуждым окружением, что приводило к адаптации к его реалиям (конечно же, в тех пределах, которые были возможны и необходимы в ходе вояжа). Наблюдение за торжествами, связанными с функционированием двора, нужно трактовать как контакт с особенной формой манифестации чужой культуры в ее элитарном, но также глубоко символическом смысле.

Со страниц старопольских дорожных реляций XVIII в. встает образ контактов с дворами монархов и общественными элитами (не только политическими, но также культурными и даже научными), который не соответствует стереотипным представлениям о подобных ситуациях². Чрезвычайно важным фактором, который играл

² На первый взгляд, такие ситуации можно ассоциировать с официальными торжествами, важными публичными событиями. Но подобные реляции, хотя и присутствуют в старопольских травелогах, составляют очевидное меньшинство.

определяющую роль в подобном опыте, был общественный статус путешественника. Не подлежит сомнению, что жители Речи Посполитой, оставившие сообщения о своих поездках [Przestrogi i nauki dla dzieci]³, принадлежали к узко понимаемой элите тогдашнего общества [Dziechcińska, 1991, s. 69–105; Dziechcińska, 1988]. Тем не менее, в данной группе наблюдаются существенные отличия, связанные с общественным происхождением, образованием, целями путешествия и даже полом тех лиц, которые писали свои дневники.

Совсем разный характер носили контакты с зарубежными придворными реалиями священников (а многие из них были монахами) [Wolański, 2011] и молодых магнатов, совершавших образовательные поездки. Примером священника, посетившего французский королевский двор, может быть реформат⁴ Протасий Неверани, который в 1740 г. пересек Францию по дороге на генеральный капитул своего ордена в испанском Вальядолиде [Neverani]. В то же время иные акценты в изложении впечатлений о своем пребывании в схожей ситуации расставляет Казимир-Нестор Сапега, оказавшийся в Версале во время своего образовательного вояжа в 1773–1776 гг. В нашем распоряжении есть также женские реляции, в частности, Феофилы-Констанции Моравской из Радзивиллов, представительницы одного из влиятельнейших родов Речи Посполитой, путешествовавшей по Европе в 1773–1774 гг. [Morawska z Radziwiłłów]. Ее мотивации и ее оценки увиденного имели свои особенности, обусловленные не только принадлежностью к высшей польско-литовской знати, но и гендерным аспектом. Например, Моравская не скрывала того, что очень рассчитывала увидеть короля Франции. Не будет преувеличением сказать: она посетила Версаль именно для того, чтобы удовлетворить свое любопытство. В реляции Моравской красочно описывается публичный ужин Людовика XV и его семьи (включая дофина), в котором она участвовала в октябре 1773 г. Комментируя эту придворную практику, она написала, что король «часто ест публично, стремясь тем самым угодить интересующимся иностранцам» и своим подданным. Ей мешал переполненный людьми зал, в котором происходила церемония публичного ужина королевской семьи. Зато она была вполне довольна местом, которое ей определили, – очень близко от стола, за которым сидел государь.

Моравская была внимательной наблюдательницей и зафиксировала много мелких деталей, касающихся короля и его семьи. По ее мнению, Людовик XV выглядел на 60 лет, но казался очень здоровым,

³ Руководители монашеских конгрегаций предписывали собратьям, собирающимся в дорогу, составлять отчеты о своем путешествии. Рекомендации о необходимости ведения дневника можно также найти в инструкциях об образовании, подготовленных родителями для детей, которые выезжали за границу для обучения. Наконец, рекомендовалось составлять донесения об официальных визитах (например, посольств).

⁴ Реформаты в данном случае – название в Речи Посполитой одного из течений обсервантской ветви ордена св. Франциска.

импонируя Моравской своей энергией и бодростью. Его дочерей (Аделаиду, Софию и Викторию) она хвалила за красоту, хотя и подчеркивала, что те тучные. Путешественница, как и многие другие подобные ей мемуаристы, удивлялась красоте и стилю Марии-Антуанетты. Интересно, что Моравская поневоле акцентировала внимание на том, насколько рутинной была эта придворная церемония для королевской семьи. В частности, она вспоминала о спокойствии, царившем во время ужина; о немногословии короля, сосредоточенного на исполнении своей роли; о похожем поведении других членов двора. Путешественница, привыкшая к характерным в ее культурной среде обычаям, критиковала качество и стиль сервиза и кушаний, которые подавались королевской семье. Писала о них как о самых обычных, подчеркивая тем самым рутинный характер события, в котором она принимала участие [Morawska z Radziwiłłów, s. 71–72].

Совсем в другом положении оказался Протасий Неверани, который также выбрался в Версаль из Парижа. Однако этот монах, как и положено францисканцу, проделал весь путь пешком, не пользуясь услугами почты или нанятых извозчиков. Прибыв на место, Неверани воспользовался в Версале гостеприимством и помощью польского священника Антония Лабишевского, духовника королевы Франции Марии Лещинской [Encyklopedia wiedzy o jezuitach, s. 383]⁵. Лабишевский показал Неверани королевский дворец, который монах по размерам (вместе с садами) сравнил с Замостьем. Он, однако, не имел шанса увидеть короля в ситуациях, которые были составной частью ежедневного этикета, пояснив, что ни одному монаху нельзя приблизиться к королю, даже если кто-то достойный поручится, что монах не замышляет ничего дурного. «Когда же монахи внезапно встретят короля, или когда упроят его дать аудиенцию, – уточнял дальше Неверани, – то должны встать вдалеке и, отбросив плащ, руки держать на груди сложенными крест-накрест; этот закон действует с тех пор, как доминиканец убил короля Генриха Валуа» [Neverani, s. 207–208]⁶.

Неверани вспоминал, что ему все же посчастливилось увидеть Людовика XV, который возвращался с охоты [Ibid., s. 207]. Реформат также смог встретиться с королевой Марией Лещинской. Он и сопровождавшие его в путешествии монахи были представлены ей отцом Лабишевским. Эта правительница, которая была известна своей религиозностью, граничащей с фанатизмом, щедро одарила польских реформатов. Каждый из них получил по 75 франков, что в сумме составило 600. Эта милостыня позволила священникам профинансировать дальнейшее путешествие до самой Испании. Благодарный Неверани хвалит королеву, подчеркивая, что она

⁵ Антоний Лабишевский (ум. в 1748 г.) – духовник сначала Станислава Лещинского, а позже его дочери Марии. Вопреки распространенному мнению, он не был иезуитом.

⁶ П. Неверани имеет в виду Жака Клемана – доминиканца, который совершил покушение на Генриха III Валуа.

приняла их «с большой доброжелательностью и очень приветливым лицом», добавляя также, что «было нам там хорошо благодаря ее величеству королеве и его милости о. Лабишевскому» [Neverani, s. 208]. Здесь необходимо заметить, что описанная практика, хотя и была особенной с точки зрения монаха, применялась повсеместно по отношению к польским священникам, которым удавалось предстать перед лицом королевы.

Стоит упомянуть еще одну репликацию, где говорится об этикете, обязательном во время версальских церемоний. Речь идет о сообщении Францишека-Ксаверия Богуша, который посетил Версаль весной 1778 г. Богуш был экс-иезуитом, епархиальным священником, визитатором школ Комиссии национальной эдукации⁷ в Речи Посполитой, типичным интеллектуалом эпохи Просвещения [Encyklopedia wiedzy o jezuitach, s. 54–55]. Священник присутствовал на частном и публичном обедах Людовика XVI. Как и Моравская, он обращал внимание на подробности церемонии, но особенно интересовался ее практическими аспектами. Будучи знатоком театра и оперы, Богуш хвалил музыкальное сопровождение обедов и качество хлеба. Интересно, что на него также не произвела хорошего впечатления сервировка королевского стола, священника также удивила скромность поданной еды. Это интересная особенность мнения Богуша: как человек Просвещения он преимущественно хаял придворную роскошь. Однако, будучи рационалистом, он также старался понять причины проведения значимых публичных торжеств (в том числе придворных). Структура его рассказа в конечном итоге обуславливалась спецификой всего дневника, который информировал прежде всего о вопросах, связанных с естественными и техническими науками, а также о контактах с людьми, занимающимися исследовательской деятельностью или связанными с научной мыслью эпохи Просвещения.

Определенную конкуренцию французскому двору составлял императорский двор в Вене. В «Истории моего века и людей, с которыми я жил», написанной знаменитым поэтом Францишек Карпиньским, содержится подробное описание торжеств, организованных габсбургским двором в связи с выездом во Францию Марии-Антуанетты, которая должна была стать женой Людовика XVI. Описывая обед в честь эрцгерцогини, Карпиньский подчеркивал, что пришел заранее с целью «насмотреться на величие и этикет императорского двора» еще в процессе сервировки стола. Он с удивлением заметил, что камергер, раскладывая салфетки с монограммами Марии-Терезии, «прежде чем положить на стол, сначала поклонился этим буквам, поцеловал, и лишь потом клал» [Karpiński, s. 69].

⁷ Эдукационная комиссия (Komisja Edukacji Narodowej; Komisja nad Edukacją Młodzi Szlacheckiej Dozór Maja) – руководящий орган системы просвещения в Речи Посполитой (1773–1794), условный аналог министерства просвещения. – Прим. ред.

Карпиньский подчеркивал, что генералы подавали золотые блюда, а за столом, имеющем форму буквы «П», сидели только ближайшие члены императорской семьи (всего восемь человек). Карпиньский был поражен постным меню императорского обеда, что обуславливалось «строгим католицизмом» императрицы. Особенно удивил его император Иосиф, который ограничился тем, что съел рака и булку [Karpinski, s. 69–70]. Карпиньский не называет целей публичного торжества, которое безусловно было призвано экспонировать значение императорского двора и показать семейное единство Габсбургов в момент бракосочетания Марии-Антуанетты с дофином. Для поляка наблюдение за данным явлением было редкостной возможностью присмотреться к императрице Марии-Терезии и императору Иосифу II. Невзирая на литературную конвенцию нарратива Карпиньского, его очарование описываемой ситуацией, кажется, все-таки было искренним.

Он также описывал торжества, организованные на следующий день в связи с выездом Марии-Антуанетты, которая покидала Вену между рядами вооруженных солдат. Карпиньский заметил:

...Когда она (как говорят) в зале попрощалась с матерью, там также присутствовали император, ее братья и сестры. Попрощавшись, никто из них, однако, даже в другую комнату не вышел ее провести, чтобы не унизиться – ведь она пошла замуж за дофина, а они были императорским семейством. И чтобы забыть саму природу ради пустого этикета! [Karpinski, s. 69–70].

Карпиньский не скрывал своего возмущения отношением семьи к эрцгерцогине, что обуславливалось принятой им повествовательной конвенцией. Этот сюжет его реляции по форме близок к литературному описанию, ретранслирующему услышанную от кого-то информацию, придающую ей дополнительный драматизм, необходимый для наделения сцены соответствующей эмоциональной нагрузкой. В данном случае автор осуждает этикет, диктат которого исключал нормальные семейные отношения между ближайшими родственниками (в том числе матерью и дочерью или братом и сестрой).

На фоне описанных придворных практик интересно будет рассмотреть реляции польских священников об их контактах с римским папой (как правителем) и его окружением, которое можно считать разновидностью двора [Rok, 2011; Rok, 2010; Wolański, 2005]. Примером описания, касающегося ватиканских реалий, является донесение реформата Ремигия Завадского о его пребывании в Риме во время генерального капитула его монашеской конгрегации в 1750 г. [Szteinke]. Папа римский тогда участвовал в выборе нового генерала ордена, свидетелем чего был монах. Излагая свои наблюдения, польский францисканец писал:

Почти в девять часов по нашему времени мы услышали звон колоколов нашего костела, на основании чего догадались, что приходит его святейшество Бенедикт XIV из семьи Ламбертини, любезнейший председатель нашего генерального капитула. Итак, вошел его святейшество и сел на свой трон посреди костела, от земли поднятый на четыре ступени, установленный и прекрасно приспособленный для него прямо перед большим алтарем. Мы все, делегаты, стали на колени, низко склонив головы, и получили благословение от папы римского.

Церемония выборов была очень сильно сакрализирована благодаря присутствию понтифика. Но к этому обязывала и сама процедура. Например, перед голосованием каждый делегат приносил присягу, что сделает честный и тщательно обдуманый выбор, после чего, «поцеловав распятие и открытый на каноне служебник, а также отдав честь коленопреклонением, бросал бюллетень в урну» [Diariusz rodzący Remigiusza Zawadzkiego, s. 149–150].

После голосования члены счетной комиссии ордена присягали, что будут вести честный подсчет голосов перед тронном римского папы. Следует заметить, что, в отличие от описаний церемоний при светских дворах, в реляции Завадского из Ватикана доминирует информация о формальных процедурах события. Неудивительно, что в данном случае была старательно представлена католическая литургия со всеми ее особенностями, обусловленными характером торжества во время генерального капитула ордена. Реформат записывал свои впечатления с мыслью о том, что они будут своего рода отчетом для собратьев в Речи Посполитой. Поэтому Завадский стремился передать как можно больше подробностей. Необходимо также добавить, что к подобной манере изложения путешественников обязывала старопольская культурная традиция, которая живо присутствовала в этом жанре литературы XVIII в. [Wolański, 2001].

Проблематика, связанная с местом придворных церемоний в культуре Европы, требует дальнейшего исследования. На наш взгляд, методологическая рефлексия исторических наук ныне предлагает очень широкий спектр методов для потенциального анализа. Рассмотрение этого явления в перспективе межкультурной коммуникации может помочь раскрыть новые аспекты контактов жителей Речи Посполитой и близкой им Западной Европы. В XVIII в. способ восприятия взаимоотношений со странами Запада чрезвычайно сильно зависел от социального происхождения и, например, образования. Специфические черты культуры общества Речи Посполитой интересно отражаются в зеркале дорожных реляций, авторы которых были любознательны к окружающему миру и способны к самостоятельной рефлексии по отношению к нему, но при этом оставались верными собственной аксиологии.

Список литературы

Diariusz podróży Remigiusza Zawadzkiego pielgrzymującego do Rzymu na kapitułę generalną (1750) / red. M. Chachaj, M. Czapińska, A. Szeinke, B. Rok. Kraków ; Wrocław : Wydawnictwo Księgarnia Akademicka, 2014. 184 s.

Dziechcińska H. O staropolskich dziennikach podróży. Warszawa : Instytut Badań Literackich Polska Akademia Nauk, 1991. 121 s.

Dziechcińska H. Podróż – jej miejsce w świadomości społecznej // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. 1988. Vol. 33. S. 27–52.

Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564–1995 / red. L. Grzebień. Kraków : WAM, 2004. 882 s.

Fabiani B. Warszawski dwór Ludwika Marii. Warszawa : PIW, 1976. 150 s.

Grześkowiak-Krwawicz A. Dyskurs polityczny Rzeczypospolitej Obojga Narodów : Pojęcia i idee. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2018. 451 s.

Grześkowiak-Krwawicz A. Czy król był potrzebny w Republice? Polscy pisarze polityczni wieku XVIII o miejscu i roli monarchy w Rzeczypospolitej : Zarys problematyki // Dwór a kraj. Między centrum a peryferiami władzy / red. R. Skowron. Kraków : Nowa Galicja, 2003. S. 467–484.

Karpiński F. Historii mego wieku i ludzi, z którymi żyłem / red. R. Sobol. Warszawa : PIW, 1987. 296 s.

Mikulowski-Pomorski J. Jak narody porozumiewają się ze sobą w komunikacji międzykulturowej i komunikowaniu medialnym. Kraków : Wydawnictwo Prac Naukowych Universitas, 2006. 404 s.

Morawska z Radziwiłłów T. K. Diariusz podróży 1773–1774 / red. B. Rok. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. 259 s.

Neverani P. Diariusz drogi Hiszpańskiej (1740) // Europejskie drogi staropolskich peregrynantów. Relacje Teofila Szemberga, Protazego Neveraniego i Franciszka Bielińskiego / red. B. Rok, F. Wolański, D. Piwowarczyk, T. Babnis. Kraków : Wydawnictwo Księgarnia Akademicka, 2018. S. 167–323.

Przestrogi i nauki dla dzieci. Instrukcje edukacyjne (XVIII w.) / red. M. E. Kowalczyk, D. Żołędź-Strzelczyk. Wrocław : Chronikon, 2017. 463 s.

Rok B. Staropolscy duchowni na szlakach turystycznych Europy w XVIII w. // Społeczny wymiar turystyki / red. E. Kościak. Wrocław : Gajt, 2011. S. 9–23.

Rok B. Europejskie relacje podróżnicze franciszkanów polskich XVIII w., – poszukiwanie sacrum, odnajdywanie profanum // Kościół w Polsce. Dzieje i kultura. 2010. T. 9. S. 245–264.

Rothenbuler E. W. Komunikacja rytualna. Od rozmowy codziennej do ceremonii medialnej. Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2003. 206 s.

Serewański M. Kształtowanie się stronnictwa profrancuskiego na dworze polskim w wiekach XVI i XVII // Dwór a kraj. Między centrum a peryferiami władzy / red. R. Skowron. Kraków : Nowa Galicja, 2003. S. 219–233.

Staszewski J. August II Mocny. Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Ossolineum, 1998. 316 s.

Staszewski J. August III Sas. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk ; Łódź : Ossolineum, 1989. 306 s.

Szeinke A. Podróż Remigiusza Zawadzkiego OFM (1703–1775) na kapitułę generalną do Rzymu w 1750 r. // Rzeczpospolita między okcydentalizmem a orientalizacją. Przestrzeń wyobrażeń / red. F. Wolański, R. Kołodziej. Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2009. S. 87–96.

Wolański F. Realia podróży zakonnych peregrynantów w świetle staropolskich narracji – poszukiwanie realiów europejskich. Konfrontacja krajów Zachodu z kulturą Rzeczypospolitej w XVIII r. // Staropolski ogląd świata. Tożsamość i odmienność / red. B. Rok, F. Wolański. Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2011. S. 140–163.

Wolański F. Administracja państwowa w oczach duchownych podróżujących po Europie i państwie tureckim w XVIII w. // Klasztor w państwie średniowiecznym i nowożytnym / red. M. Derwicha, A. Pobóg-Lenartowicz. Wrocław ; Opole ; Warszawa : DiG, 2005. S. 505–510.

Wolański F. Zadanie peregrynanta w czasie podróży w świetle osiemnastowiecznych instrukcji // *Viae historiae. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Lechowi Tyszkiewiczowi w siedemdziesiąt rocznicę urodzin* / red. M. Goliński, S. Rosik. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2001. S. 494–499.

References

Chachaj, M., Czapińska, M., Szeinke, A., Rok, B. (Eds.). (2014). *Diariusz podróży Remigiusza Zawadzkiego pielgrzymującego do Rzymu na kapitułę generalną (1750)*. Kraków, Wrocław, Wydawnictwo Księgarnia Akademicka. 184 p.

Dziechcińska, H. (1988). Podróż – jej miejsce w świadomości społecznej. In *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. Vol. 33, pp. 27–52.

Dziechcińska, H. (1991). *O staropolskich dziennikach podróży*. Warszawa, Instytut Badań Literackich Polska Akademia Nauk. 121 p.

Fabiani, B. (1976). *Warszawski dwór Ludwiki Marii*. Warszawa, PIW. 150 p.

Grzebień, L. (Ed.). (2004). *Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564–1995*. Kraków, WAM. 882 p.

Grześkowiak-Krwawicz, A. (2003). Czy król był potrzebny w Republice? Polscy pisarze polityczni wieku XVIII o miejscu i roli monarchy w Rzeczypospolitej. Zarys problematyki. In Skowron, R. (Ed.). *Dwór a kraj. Między centrum a peryferiami władzy*. Kraków, Nowa Galicja, pp. 467–484.

Grześkowiak-Krwawicz, A. (2018). *Dyskurs polityczny Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Pojęcia i idee*. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. 451 p.

Karpiński, F. (1987). *Historii mego wieku i ludzi, z którymi żyłem* / ed. by R. Sobol. Warszawa, PIW. 296 p.

Kowalczyk, M. E., Żołądź-Strzelczyk, D. (2017). *Przestrogi i nauki dla dzieci. Instrukcje edukacyjne (XVIII w.)*. Wrocław, Chronikon. 463 p.

Mikułowski-Pomorski, J. (2006). *Jak narody porozumiewają się ze sobą w komunikacji międzykulturowej i komunikowaniu medialnym*. Kraków, Wydawnictwo Prac Naukowych Universitas. 404 p.

Morawska z Radziwiłłów, T. K. (2002). *Diariusz podróży 1773–1774* / ed. by B. Rok. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. 259 p.

Neverani, P. (2018). Diariusz drogi Hiszpańskiej (1740). In Rok, B., Wolański, F., Piwowarczyk, D., Babis, T. (Eds.). *Europejskie drogi staropolskich peregrynantów. Relacje Teofila Szemberga, Protazego Neveraniego i Franciszka Bielińskiego*. Kraków, Wydawnictwo Księgarnia Akademicka, pp. 167–323.

Rok, B. (2010). Europejskie relacje podróżnicze franciszkanów polskich XVIII w., – poszukiwanie sacrum, odnajdywanie profanum. In *Kościół w Polsce. Dzieje i kultura*. T. 9, pp. 245–264.

Rok, B. (2011). Staropolscy duchowni na szlakach turystycznych Europy w XVIII w. In Kościak, E. (Ed.). *Spoleczny wymiar turystyki*. Wrocław, Gajt, pp. 9–23.

Rothenbuler, E. W. (2003). *Komunikacja rytualna. Od rozmowy codziennej do ceremonii medialnej*. Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. 206 p.

Serewański, M. (2003). Kształtowanie się stronnictwa profrancuskiego na dworze polskim w wiekach XVI i XVII. In Skowron, R. (Ed.). *Dwór a kraj. Między centrum a peryferiami władzy*. Kraków, Nowa Galicja, pp. 219–233.

Staszewski, J. (1989). *August III Sas*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, Ossolineum. 306 p.

Staszewski, J. (1998). *August II Mocny*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Ossolineum. 316 p.

Szeinke, A. (2009). Podróż Remigiusza Zawadzkiego OFM (1703–1775) na kapitułę generalną do Rzymu w 1750 r. In Wolański, F., Kołodziej, R. (Eds.). *Rzeczpospolita między okcydentalizmem a orientalizacją. Przestrzeń wyobrażeń*. Toruń, Wydawnictwo Adam Marszałek, pp. 87–96.

Wolański, F. (2001). Zadanie peregrynanta w czasie podróży w świetle osiemnastowiecznych instrukcji. In Goliński, M., Rosik, S. (Eds.). *Viae historiae. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Lechowi Tyszkiewiczowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, pp. 494–499.

Wolański, F. (2005). Administracja państwowa w oczach duchownych podróżujących po Europie i państwie tureckim w XVIII w. In Derwicha, M., Pobóg-Lenartowicz, A. (Eds.). *Klasztor w państwie średniowiecznym i nowożytnym*. Wrocław, Opole, Warszawa, DiG, pp. 505–510.

Wolański, F. (2011). Realia podróży zakonnych peregrynantów w świetle staropolskich narracji – poszukiwanie realiów europejskich. Konfrontacja krajów Zachodu z kulturą Rzeczypospolitej w XVIII w. In Rok, B., Wolański, F. (Eds.). *Staropolski ogląd świata. Tożsamość i odmienność*. Toruń, Wydawnictwo Adam Marszałek, pp. 140–163.

The article was submitted on 15.01.2020

**ПРИДВОРНЫЕ КОРОЛЕВСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ
И ИХ РЕЦЕПЦИЯ В ПРАЗДНИЧНОЙ ЖИЗНИ
РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ***

Томаш Цесельский

Опольский университет,
Ополе, Польша

**CELEBRATIONS AT THE ROYAL COURT
AND THEIR RECEPTION IN THE FESTIVE LIFE
OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH**

Tomasz Ciesielski

Opole University,
Opole, Poland

The author traces the transition of the royal court of the Polish-Lithuanian Commonwealth to the Western European model of court ceremonies, which lasted for almost two centuries, from the sixteenth to the eighteenth centuries. Initially, they followed the ceremonial models of the House of Habsburg and, starting in the 1640s, the French ceremonial, refined at the Versailles of Louis XIV. Meant to extol the monarch in the eyes of subjects, such ceremonies became widespread under kings of the House of Vasa, Michał Korybut Wiśniowiecki, Jan III Sobieski, and the House of Wettin. Many etiquette elements and ceremonial patterns were borrowed and adapted to the needs of the wealthy Polish and Lithuanian nobility, who followed the example of the royal court in Krakow and Warsaw. The author concludes that the borrowed cultural models had a significant influence on the everyday life of residences and palaces and on the theatricalisation of private aristocratic ceremonies, which was reflected in the way nobles dressed, moved, the style of music they played, and in illumination and the use of fireworks. Balls grew considerably more important; in the eighteenth century, opera and

* *Citation:* Ciesielski, T. (2020). Celebrations at the Royal Court and Their Reception in the Festive Life of the Polish-Lithuanian Commonwealth. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1241–1254. DOI 10.15826/qr.2020.4.525.

Цитирование: Ciesielski T. Celebrations at the Royal Court and Their Reception in the Festive Life of the Polish-Lithuanian Commonwealth // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1241–1254. DOI 10.15826/qr.2020.4.525 / Цесельский Т. Придворные королевские церемонии и их рецепция в праздничной жизни Речи Посполитой // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1241–1254. DOI 10.15826/qr.2020.4.525.

play productions attracted more interest. These elements are the most significant borrowings from the ceremonial practices of the Western European and local royal courts of the Warsaw-Dresden House of Wettin. However, the ceremonial culture of the Polish-Lithuanian aristocracy retained a number of traditional elements, which is especially noticeable in the organisation of weddings, funerals, and religious rituals. The author maintains that in magnate and aristocratic courts, they followed a ceremonial pattern which united elements of both traditional and new types of ceremonies. A similar tendency was characteristic of Russia, where in the eighteenth century, traditional customs were integrated into a new system of organising celebrations borrowed from Western Europe while retaining a number of unique elements.

Keywords: history of Polish culture; court ceremonies; coronation; funerals; weddings; palace and park complexes.

Автор прослеживает процесс перехода королевского двора Речи Посполитой к модели организации придворных церемоний по западноевропейскому образцу, длившийся почти два столетия (с XVI по XVIII в.). Первоначально они были созданы по аналогии дворов правителей династии Габсбургов, а с 1640-х гг. – французских церемоний, доведенных до совершенства при версальском дворе Людовика XIV. Направленные на восхваление монарха в глазах подданных, они получили распространение при дворах королей династии Васа, Михаила-Корибута Вишневецкого, Яна III Собеского и двух монархов династии Веттинов. Множество этикетных элементов и схемы организации придворных церемоний оказались востребованы и приспособлены магнатами и богатым польско-литовским шляхетством, для которых королевский двор в Кракове и Варшаве стал образцом. Автор приходит к выводу о том, что заимствованные культурные модели оказали очень сильное влияние на повседневную жизнь в резиденциях и дворцах, а также на театрализацию частных церемоний знати, проявившуюся в манере одеваться, в движениях, жестах, в стиле исполнявшейся музыки, в иллюминации и фейерверках. Все большее значение приобретали балы, а в XVIII в. – постановки опер и театральных пьес. В этих элементах наиболее отчетливо видны заимствования из практики королевских западноевропейских и местных дворов XVIII в. варшавско-дрезденской династии Веттинов. Тем не менее, в церемониальной культуре польско-литовской знати были сохранены некоторые из традиционных элементов, что особенно заметно в организации свадеб, похорон, а также в религиозных обрядах. Автор утверждает, что в Речи Посполитой при магнатских и шляхетских дворах была создана собственная схема празднования важных семейных торжеств, соединившая в себе элементы как традиционных, так и новых видов церемоний. Аналогичный процесс имел место и в России, где в XVIII в. традиционные обычаи также оказались интегрированы в новую систему организации праздников, заимствованную из Западной Европы, при сохранении ряда самобытных черт.

Ключевые слова: история культуры Польши XVII и XVIII вв.; придворные церемонии; коронация; похороны; свадьбы; дворцово-парковые комплексы.

Государственные праздники, годовщины событий культурной, политической, социально-экономической, церковной истории играют значительную роль в современном мире. Они нацелены на формирование и укрепление государственной и национальной идентичности, служат укреплению имиджа власти, нередко несут пропагандистскую нагрузку. Неудивительно, что их внешнему оформлению, ритуализации придается большое значение. Повторяемые из года в год, а иногда, в зависимости от традиции и текущих потребностей, по несколько раз в году, такие празднования прочно входят в политическую, культурно-просветительскую и общественную жизнь, социальную практику.

Такого типа торжества, инспирируемые церковным литургическим церемониалом, сохраняли на польских землях на протяжении нескольких веков случайный характер, организовывались по ситуации, в связи с коронациями и похоронами властителей, бракосочетаниями членов правящей семьи или визитами коронованных глав. Торжества эти были связаны с особой правителя и его семейным кругом, как с самым узким, так и с целой династией. Связь подданных с монархом основана была на ленных отношениях, а позднее – на принципе абсолютной власти, что не вполне соответствовало действительности в Польском государстве, в котором короли с XV в. избирались шляхтой. Однако это не мешало постепенному присвоению западноевропейских элементов этикета и придворного церемониала, которые сформировались под влиянием бургундской модели и в первой половине XVI в. были приняты французским и венским дворами, главным образом испанскими Габсбургами [Hofmann, p. 49–73; Taracha, s. 104–105; Solnon, p. 174–185].

Габсбургская монархия была первой, в которой такие церемониальные формы стали формально регламентированными благодаря правилам придворного церемониала, изданным в 1547 г. Карлом I (Карлом V), а потом Филиппом II в 1562 и 1579 гг., они окончательно утвердили их, придав церемониалу при мадридском дворе обязательный характер [Tende, s. 36–37]. Они стали цикличными, вписанными в контекст монументальной (дворцовой и парковой) и окказиональной архитектуры, и благодаря богатой иллюминации и музыке, вниманию к инсценировочным деталям (участию военной свиты, нарядам, жестам, словам) сделали важным элементом поддержания авторитета монаршей власти.

В Польше факторами, способствовавшими быстрой адаптации испанских эталонов через австрийских Габсбургов, были супружества Казимира IV Ягеллончика и первых Васа с австрийскими принцессами, существовавший при польском дворе со Средневековья регламентированный праздничный религиозный церемониал, а также коронационные и погребальные церемонии монархов (*Ordo coronandi regnis Poloniae* 1434 г. и его модификация начала XVI в., погребальный церемониал 1548 г.) [Kutrzeba, s. 149–164; Dalewski, s. 37–60; Borkowska, 1986, s. 135–159; Borkowska, 1999, s. 61–84].

В начале XVI в. в Польском королевстве начали появляться новые формы церемониальных торжеств, например, обычай разбрасывать или раздавать монеты и специальные медали. Первоначально он был связан с королевским церемониалом (коронациями, бракосочетаниями, похоронами, торжественными выездами), позже практиковался и во время магнатских выездов и семейных торжеств, сохраняясь до XVIII в. [Panfil]. В период короткого правления Генриха Валуа (1573–1574) в Польше распространились популярные в странах Западной Европы церемониальные выезды монархов, сопровождавшиеся роскошным архитектурным и художественным обрамлением, военной свитой, пушечными залпами и фейерверками [Ceremonial Entries, p. 37–295]. Постоянный характер имело возникшее в XVI в. и роскошно оформлявшееся празднование годовщин коронации монарха. Частный характер сохраняли семейные праздники правящих родов, такие как именины короля и королевы, рождения их детей и т. п. Они отмечались в кругу, состоящем из наиболее доверенных придворных, но в пышной обстановке. Очевидно, что организаторы празднеств при дворе Ягеллонов и первых избранных королей следовали габсбургским образцам, а в середине XVII в. модель стал усвоенный уже многими европейскими дворами французский церемониал, глубоко укоренившийся в барочной эстетике, согласно которому торжества должны быть «роскошью, возведенною в ранг искусства» [Alewyn, s. 14; Kodzik, s. 26].

Процесс принятия французских эталонов начался в Речи Посполитой благодаря королеве Людовике-Марии в конце правления Владислава IV и во времена Яна-Казимира и стал полностью доминирующим при Яне III Собеском [Tende, s. 39–46]. Модель придворной жизни и организации публичных празднеств был доведена до совершенства в правление Веттинов (1697–1763). Касалось это главным образом самых важных публичных выступлений короля. Кроме акта коронации, который проводился согласно обязательному *ordo coronandi* с большой роскошью даже в военное время (17 января 1734 г.), и сопутствующего ему погребального торжества прежнего повелителя, особое значение придавалось выездам монархов и аудиенциям, предоставляемым послам других коронованных особ. Юбилейные торжества при веттинском дворе приобрели характер публичных праздников. Но это были не единственные придворные торжества; ряд из них, относящийся к частным событиям жизни правящего дома, в силу своей значимости носил «пограничный» частно-публичный характер. Таковыми были дни рождения и именины членов самого близкого семейного круга короля, а также европейских правящих семей, с которыми Веттины имели родственные или политические связи (их празднование происходило только в месте пребывания монаршего двора) [BC. Nr 2740, s. 249, 645, 647–652, 683; KP. 1731. No. 56, 61, 63; 1746. No. 513; Staszewski, 1986, s. 77; Ciesielski, 2014, s. 24–30].

Для непосредственных участников торжества, то есть приглашенных придворных и высших сановников, в закрытых пространствах монарших резиденций давали пиры, балы, организовывали театральные представления, подвижные игры и охоту. Обязательным элементом празднований были торжественные обеды и ужины. В правление Августа II значительную роль при этом играл алкоголь, но во времена Августа III главное значение приобрели качество и изысканность подаваемых блюд. Алкоголя подавали немного – столько, сколько надо было для подчеркивания вкуса блюд и улучшения пищеварения. Завершали трапезу богато украшенные кондитерские изделия. Неудивительно, что пиры, организованные польско-саксонским двором, стали образцом самого высокого качества; это нашло отражение даже в поговорке: «Ел, как у польского короля» [Staszewski, 2010, s. 183, 263–265, Ciesielski, 2014, s. 31–32].

Важным элементом торжества были балы, которые начинались в послеобеденные часы и продолжались до поздних вечерних часов в богато украшенных и ярко освещенных залах. Когда церковный календарь или другие обстоятельства препятствовали организации бала, его заменял более спокойный раут. Театральные зрелища были при королевско-княжеском дворе постоянным элементом юбилейных торжеств, особенно это касалось дней рождения и именин династии. В репертуаре доминировали итальянские комедии и оперы, особенно часто в 1739–1763 гг. ставились произведения Иоганна-Адольфа Хасе [КР. 1748. No. 720; 1749. No. 635, 692, 698; 1750. No. 743, 750; 1751. No. 796; 1753. No. 53. 1759. No. 32; Staszewski, 2010, s. 78; Żórawska-Witkowska, s. 213–230].

* * *

Устройство разного вида семейных торжеств с XVI в. составляло важный элемент жизни не только магнатских и шляхетских дворов, но и мещан. Самой давней была традиция организовывавшихся с большим размахом погребальных мероприятий. Они были очень схожи с королевским ритуалом, в особенности при похоронах представителей знатных родов, гордившихся давними рыцарскими традициями. Происходили они чаще всего при отправлении католической литургии, но пышность и торжественность католических траурных церемоний импонировали и протестантам и были восприняты ими. Существенную роль в погребальной обрядности играли также светские обычаи, которые проистекали из традиций «как славянских похорон, так и античных обрядов» [Chróścicki, 1974, s. 257]. Из новых гораздо сильнее, чем западноевропейские, проявлялись оригинальные «сарматские» элементы, подчеркивавшие рыцарские традиции рода. К таковым относились разламывание военной амуниции, въезд в костел и падение с коня лица, представляющего покойного, несение лишних носилок, введение коней или военное сопровождение.

Они составляли важный элемент зрелища, насквозь театрального, для которого привлекался многочисленный круг плакальщиков: семья, друзья и дворовые люди, белое и черное духовенство. К похоронному оформлению относились ценные наряды, в которые одевали покойных, гробы и саркофаги, портреты и гербы, изображенные на серебряных пластинах, богато украшенные катаfalки и так называемый *castrum doloris*¹ во главе. Погребальные торжества продолжались часто по нескольку дней, а их кульминацией становились поминальные пиршества [AGAD (Archiwum Radziwillowskie). Dz. VI. Nr 80a, s. 1283–1285; BPP. Nr 26, s. 9–10; KP. 1739. No. 116; Chróścicki, 1974, s. 43–94, 208–256; Ciesielski, 2012, s. 519–531; Żeromska-Ciesielska, 2004, s. 191–194].

Торжества, связанные с помолвками и бракосочетаниями, также организовывались с проведением христианской литургии, но при этом имели свои корни в славянской дохристианской традиции. Проистекавшие из нее светские обычаи были настолько сильны, что долго не ощущалось какой-либо необходимости обогащать их элементами, позаимствованными из церемониала королевского двора. Главным событием праздника, кроме самого акта бракосочетания в храме, был свадебный пир, который начинался в послеобеденное время (в четвертом или пятом часу) и продолжался до поздней ночи. Сопровождали его танцы, которые открывали старейшие участники пира. В конце XVII в. свадебный бал стал приобретать новые черты, сближавшие его с придворным торжеством. В первую очередь это касалось танцев: кроме традиционных, часто народных – гоненного и полонеза, – на свадьбах знати стали танцевать модные на Западе и при дворе гальярду, менуэт, гавот, кадрили и англес. Свадебные торжества в домах магнатов и шляхты длились по нескольку дней. Примером могут служить две свадьбы князя Михаила-Казимира Радзивилла. Первая с княжной Франциской-Урсулой Вишневецкой началась в середине дня 22 апреля 1726 г. с исповеди и получения благословения молодыми. Сам акт венчания состоялся среди ночи, что не препятствовало тому, что сразу после него начались великолепные церемониальные танцы и показ фейерверков, продолжавшиеся до рассвета 23 апреля. Приемы и балы по случаю бракосочетания продолжались до 27 апреля, то есть пять дней [AGAD (Archiwum Radziwillowskie). Dz. VI. Nr 80a, s. 200–201]. Вторая свадьба в январе 1754 г. с Анной из рода Мыцельских прошла в менее значительной оправе, но была похожа на первую по схеме, и хотя на ней был организован только один обед с балом, торжество продолжалась четыре дня [Ibid., s. 1944–1945].

¹ «Castrum doloris» (лат. – замок скорби; в русской традиции с начала XVIII в. – «печальная зала») – особым образом убранный церемониальный покой для прощания с усопшим монархом, членами правящей династии или представителями знати. Под «castrum doloris» могли понимать и богато украшенный постамент для гроба под балдахин, и сень как род шатра, который несли во главе похоронной процессии.

Свадьбы в магнатских и шляхетских дворах уподоблялись аналогичному церемониалу монарших дворов в меньшей степени, чем празднование других семейных торжеств. Бывали, однако, и отступления от этого. Таким был возникший при королевском дворе Васа в середине XVII в. и распространившийся в магнатских дворах в XVIII в. обычай организации бракосочетаний дворских и доверенных слуг. При этом в торжествах участвовали не только организаторы, то есть феодал с супругой, но и приглашенные гости из лучших шляхетских родов [AGAD (Archiwum Radziwillowskie). Dz. VI. Nr 80a, s. 111, 1134, 1230, 1261, 1433–1434; BPP 26, с. 89; Fabiani, s. 114].

Благодаря заимствованию элементов придворного церемониала свадебные празднества польско-литовской аристократии походили на проводимые знатью соседних стран, в том числе и России. Показательной в этом отношении являлась свадьба великого гетмана коронного Франциска-Ксаверия Браницкого с Александрой-Екатериной Энгельгардт, племянницей князя Григория Потемкина, придворной дамой Екатерины II, которая состоялась 23/12 ноября 1781 г. в Санкт-Петербурге. Она отличалась по проведению от аналогичных торжеств, организованных в Речи Посполитой, лишь православной литургией и тем, что самым важным участником празднества была русская императрица, которая лично позаботилась о соответствующей организации свадебной церемонии [APL (Zbior Bartoszewiczów). Nr 265].

В польских шляхетских дворах относительно скромно праздновали рождения детей, что было связано с высокой смертностью новорожденных. В связи с этим первым настоящим семейным торжеством шляхтича было крещение, в котором доминировали религиозные элементы. Однако при этом не обходилось без праздничного обеда, после которого организовывали танцы и фейерверки [BPP. Nr 26, s. 14, 57; AGAD (Archiwum Radziwillowskie). Dz. VI. Nr 80a, s. 1139, 1251, 1421; KP. 1731. No. 54, 59, 61, 66. 1732. No. 196, 115, 126, 127; Żeromska-Ciesielska, 2001, s. 65–74]. В дальнейшем именины в перечне значимых событий человека имели большее значение, чем день рождения. Но это не было строгим правилом. Названный уже ранее князь Михаил-Казимир Радзивилл некоторые дни рождения праздновал скромно и набожно, а в других случаях задавал пиры с балами и танцами до поздней ночи. Такие развлечения были почти обязательным элементом его именинных празднеств, если только он не пребывал в поездках. На пирах и балах князь «торжественно» угощал приглашенных родственников и окрестную шляхту («граждан»). Впрочем, надо справедливости ради заметить, что Михаил-Казимир с неменьшим усердием организовывал празднества для своих жен и детей. Обычно их именины начинались с утреннего пения «Te Deum Laudamus», а продолжались обедом и ужином, вкушаемыми под пущечные залпы и «янычарскую» музыку с танцами даже во время поста, как это было в 1754 г. [AGAD (Archiwum Radziwillowskie). Dz. VI. Nr 80a, s. 204, 1130, 1191, 1233, 1252, 1328, 1370, 1387, 1415, 1432, 1590].

Подобно Михаилу-Казимиру, дни рождения и именины праздновали и другие Радзивиллы, а также Браницкие, Любомирские, Чарторыйские, Понятовские, Сапегы – иными словами, представители почти всех магнатских и шляхетских родов [BPP. Nr 26, s. 2–3, 8–9, 19–20, 74, 77; Hieronima Floriana Radziwiłła diariusz i pisma różne, s. 150; Tende, s. 53–54; Popiołek, s. 96–108]. Обязательными элементами таких торжеств были иллюминации и фейерверки, игры, бой колоколов, пушечные залпы и стрельба из другого огнестрельного оружия, а главное – балы и пиры. На последних на столах появлялись все виды мяса, из которых приготавливали затейливые блюда, неожиданные по вкусу и по исключительному способу их подачи. В XVIII в. все большее значение начали придавать роскошным кондитерским изделиям. Алкоголь подавали в значительных количествах и разных видов, главным образом вина (венгерское, итальянское, французское и рейнское), водку, реже – традиционное в Короне пиво, а в Литве – сытный мед. Многочисленные тосты провозглашались в соответствии с придворным этикетом: в первую очередь за здоровье монарха, новобрачных или виновника торжества, позднее переходя к близкому семейному кругу и патронам. Алкоголь очень часто употребляли чрезмерно, но того требовала традиция [Tende, s. 267–270; Kitowicz, s. 234–236]. В этом празднества при магнатских, и тем более шляхетских дворах отличались от застолий королевского двора, при котором, особенно во времена правления Августа III и Станислава-Августа, алкоголь употребляли в небольших количествах.

Наиболее утонченными развлечениями в XVIII в., явно в подражание королевскому двору, считались музыкальные концерты, театральные и оперные представления. Их постановки обходились, однако, недешево, и только богатейшие магнаты могли себе это позволить. К ним относились князья Радзивиллы и Чарторыйские. Михаил-Казимир и его брат Иероним-Флориан построили в своих резиденциях в Несвиже и Белой специальные театральные и музыкальные здания со зрительными залами, сценическими подмостками, авансценой и кулисами. Три поколения Радзивиллов имели собственные капеллы, театральные труппы и оркестры [BPP. Nr 26, s. 6–98; Bienkowska, s. 172–182].

Оба Радзивилла следовали тогдашней моде, которая велела перестраивать или заново возводить резиденции таким образом, чтобы они могли располагать соответствующим пространством для проведения самых разных торжеств как семейного, так и публичного характера. На протяжении нескольких веков необходимым элементом усадебной застройки был большой зал, располагавшийся, как правило, в бельэтаже. По-разному называемый, он выполнял несколько функций – бального, обеденного, театрального зала, а также места чествований владельцев резиденции. В нем приветствовали гостей и организовывали богатые приемы. В XVIII в. одного такого зала уже было недостаточно, необходимы были другие презентационные по-

мещения: передняя, подъезд, вестибюль перед большим залом или парадные палаты, а также картинная галерея с портретами членов рода. В некоторых дворцах пробовали совмещать практичность интерьеров с представительскими функциями королевских резиденций (особенно это касалось Бурбонов и Веттинов): этому учили трактаты того времени, посвященные придворному церемониалу и архитектуре резиденций. Можно перечислить ряд дворцов, в которых организация интерьеров была подчинена правилам придворного церемониала и была приспособлена для парадных торжеств (например, Кристинополь, Ляховцы, Ланьцут, Ридзин, Струнье, Теофилеполь или Вишневец). Существенное значение соответствующей планировке интерьеров придавали Радзивиллы, что нашло выражение в перестройке Ольки и Несвижа или в самом дерзновенном, но неосуществленном проекте преобразования дворца в Белой [Bernatowicz, s. 274–292; Betlej, s. 166–231].

Кроме самого дворца или замка и двора, важную роль играло окружающее их пространство, тоже приспособленное для церемониальных нужд. Это в первую очередь касалось парков, чья барочная планировка обогащалась такими архитектурными элементами, как пирамиды, колонны, обелиски, фонтаны, алтари, банкетные и фейерверочные павильоны. Пригодными для презентационных целей оказывались и фортификационные объекты, хотя и потерявшие в XVIII в. свое военное значение, но подчеркивавшие блеск и военную славу рода. Более того, их могли использовать как элементы сценического пространства. Из башен и барбаканов давались пушечные залпы и запускались фейерверки, с них можно было наблюдать за инсценировками морских сражений, например, представляемых в Несвиже в пойме р. Уши [Bernatowicz, s. 202]. При самых дерзновенных воплощениях приспособляли для церемониальных нужд не только дворцово-парковые ансамбли, но и всю окружающую их местность, даже целый город. Ян-Клеменс Браницкий, например, не только видоизменил Белосток с окрестностями, но и перепланировал дороги таким образом, чтобы экспонировать с них свою великолепную резиденцию и сделать въезд и выезд из города наиболее эффектными [Pałac Branickich w Białymstoku, s. 91–101].

При приеме гостей для многих из сановников важна была возможность воссоздания королевского церемониала. Некоторые из них устраивали из приемов полуофициальные аудиенции в сопровождении дворских и частной милиции, экипированной по образцу регулярных солдат. По свидетельствам современников, многие из магнатов выступали перед администраторами, служащими и арендаторами имений почти как удельные повелители, принимая от них во время публичных аудиенций полагающиеся чинши² и доходы,

² Чинш – в Речи Посполитой оброк (деньгами), платившийся с земли или дома, отданных в чужое продолжительное владение.

а в крайнем случае и ленное преклонение. Такой церемониал существовал в XVIII в. при дворах Александра-Августа Чарторыйского, Франца-Салезия Потоцкого, Станислава Любомирского, Станислава Свидзинского, Антония-Варнавы и Юзефа-Александра Яблоновских [Betlej, s. 231–247; Bernatowicz, s. 271].

Многие магнаты и зажиточные шляхтичи старались и выезды за пределы своей резиденции превращать в церемониальные торжества по образцу королевских. Совершались они в сопровождении войска или по крайней мере дворской милиции, приглашенных министров, сенаторов и сановников Речи Посполитой и окрестной шляхты. При организации таких процессий города, в которые они въезжали, украшались праздничными объектами, в том числе триумфальными арками; фасады домов убирали тканями и зеленью, организовывали залпы огнестрельного оружия и задавали пиры; с течением времени стали популярны фейерверки и иллюминации [КР. 1730. No. 17. 1732. No. 132. 1745. No. 425. 1757. No. 45; Bernatowicz, s. 195, 271; Chroscicki, 2004, s. 81; Betlej, s. 126–128].

В XVIII в. к группе публичных торжеств, организованных магнатами и шляхтой, присоединились коронации образов и скульптур, признанных чудодейственными, а также переносы святых реликвий. За столетие их насчитывается 28, оплаченных магнатскими родами Цетнеров, Яблоновских, Любомирских, Огинских, Радзивиллов, Сапег, Собеских, Тышкевичей, а большей частью Потоцких. Это были необычайно дорогостоящие предприятия, так как, кроме самих торжеств, расходов требовали процесс признания изображения чудодейственным, получение папского согласия на коронацию, исполнение короны и ее освящение в Риме, соответствующие наряды для коронованного изображения и украшение святыни. К этому нужно было добавить столь характерные для церемониальных въездов и актов коронации королей триумфальные ворота, украшенные образами, гербовыми картушами, символами Девы Марии и позолоченными архитектурными деталями. Коронационные торжества такого рода продолжались, как правило, несколько дней, а участвовало в них от нескольких тысяч до 200 тысяч человек (как на Ясной Горе в 1717 г.), в первую очередь духовенство и наиболее важные гости с епископами и сенаторами во главе, музыкальные капеллы и осуществлявшие почетное сопровождение военные отряды и дворская милиция. При этом почти непрерывно звучала музыка, а пушечные и ружейные залпы гремели в начале, в конце торжества и в его наиболее кульминационные моменты. Разумеется, наиважнейшими элементами празднеств были мессы и сам акт коронации изображений, после которого, как и на монарших коронациях, разбрасывали специальные медальоны, так называемые «коронатки». В рамках таких торжеств присутствовали и другие характерные для светских придворных мероприятий элементы – пиры с тостами и фейерверки [Ciesielski, 2004, s. 193–211].

Подытоживая, следует констатировать, что в XVII и в первых десятилетиях XVIII в. под влиянием королевских дворов (как польского, и так зарубежных), в магнатских и шляхетских дворах Речи Посполитой возникли и укоренились новые формы организации церемоний и празднеств. Это было связано как с поисками шляхетским сословием новых средств для подчеркивания своего равного статуса с королями, так и с демонстрацией превосходства над простонародьем, удовлетворения тщеславия и честолюбия шляхты (ил. 1–3 на цв. вклейке). Если же для этих целей у кого-то из шляхтичей не хватало средств, то они находили необходимое при магнатских дворах, пополняя круг клиентелы. В результате к середине XVIII в. (по всей видимости, исключительно при дворах богатейших магнатов, притязавших на статус владетельных государей своих латифундий) кодифицировался дворский церемониал. Его строгие формы возникли по большей мере в результате адаптации образцов королевского церемониала. Однако значительным оставалось также влияние «сарматской» традиции, которая особенно сильно отражалась в религиозных и частных элементах празднеств.

Определенная унификация придворных церемоний, происходившая по всей Европе со второй половины XVII в., главным образом под влиянием французского эталона, известная польским магнатам и шляхте, позволяла им сравнивать организацию придворных и публичных торжеств, проходивших в других странах. Одной из них была Россия, которая после реформ Петра приняла церемониал императорского двора, основанный на западноевропейских образцах, сохранив при этом элементы традиционного, известного с XVI в. своим размахом. Вследствие этого торжества, проводимые в Петербурге или Москве, часто восхищали приезжих поляков и литовцев, что видно, к примеру, в описаниях празднеств, устраивавшихся ежегодно с 1709 г. в ознаменование Полтавской битвы, императорских коронаций и именин. С другой стороны, если было необходимо, они умели включаться в организацию таких празднеств. Прибывший в январе 1743 г. в Петербург посол Игнаций Огинский организовал в начале апреля, во время первой годовщины коронации Елизаветы Петровны, иллюминацию, которая, как он хвалился коронному канцлеру, была «лучшая во всем Петербурге... со значительными издержками выставлена» [AGAD (Archiwum Koronne Warszawskie). Dz. Rosyjski. Nr 57f. No 6. K. 1v]. В дальнейшем польско-литовская шляхта, перейдя в конце XVIII в. под царский скипетр, легко приспособилась к церемониалу русского двора. В то же время царские власти долго допускали культивирование местного церемониала с «сарматскими» корнями в имениях польской аристократии и зажиточной шляхты.

Список литературы

AGAD (Archiwum Radziwillowskie). Dz. VI. Nr 80a; Dz XXXIV. Nr 111; (Archiwum Koronne Warszawskie). Dz. Rosyjski. Nr 57f. No 6.

Alewyn R. Das große Welttheater. Die Epoche der höfischen Feste. München : C. H. Beck, 1989. 139 S.

APL (Zbior Bartoszewiczow). Nr 265.

BC – Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Nr 2740.

Bernatowicz T. Mitra i buława. Królewskie ambicje książąt w sztuce Rzeczypospolitej szlacheckiej (1697–1763). Warszawa : Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2011. 558 s.

BPP – Biblioteka Polska w Paryżu. Nr 26.

Ceremonial Entries in Early Modern Europe. The Iconography of Power / ed. by J. R. Mulryne, M. I. Aliverti and A. M. Testverde. Dorchester : Ashgate, 2015. 391 p.

Chróścicki J. A. Pompa funebris. Z dziejów kultury staropolskiej. Warszawa : PWN, 1974. 369 s.

Ciesielski T. Koronacje cudownych obrazów w osiemnastowiecznej Rzeczypospolitej // Cywilizacja prowincji Rzeczypospolitej szlacheckiej / red. A. Jankowski, A. Klonder. Bydgoszcz : Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2004. S. 195–212.

Ciesielski T. Podróże eksportacyjne w czasach saskich // Samotrzcęć, w kompanii czy z orszakiem? / red. M. Saczyńska, W. Wólkiewicz. Warszawa : Wydawnictwo Instytutu Archeologii i Etnologii PAN, 2012. S. 515–532.

Ciesielski T. Anniversary Celebrations in Saxony and Poland during the Reign of Augustus II and Augustus III // Anniversary Celebrations in Poland and Silesia / ed. by T. Ciesielski. Opole ; Zabrze ; Tarnowskie Góry : Inforteditions, 2014. P. 23–39.

Dalewski Z. Ceremoniał koronacyjny królów polskich w XV i początkach XVI wieku // Kwartalnik Historyczny. 1995. Vol. 102. No. 3–4. S. 37–60.

Fabiani B. Warszawski dwór Ludwika Marii. Warszawa : PIW, 1976. 150 s.

Hieronima Floriana Radziwiłła diariusz i pisma różne / red. M. Brzezina. Warszawa : Energeia, 1998. 264 s.

Hofmann C. Das spanische Hofzeremoniell von 1500–1700. Frankfurt a/M ; Bern : Verlag Peter Lang, 1985. 315 S.

Kitowic J. Opis obyczajów za panowania Augusta III / oprac. M. Dernałowicz, Z. Gołński. Warszawa : PIW, 1985. 434 s.

Kodzic J. Ceremoniał polskiego dworu królewskiego w XVII wieku z perspektywy niemieckich uczonych. Warszawa : Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2015. 264 s. KP – Kurier Polski. 1729–1760.

Kutrzeba S. Źródła polskiego ceremoniału koronacyjnego // Przegląd Historyczny. 1911. T. 12. Nr. 2. S. 149–164.

Pałac Branickich w Białymstoku / red. K. Łopatecki, W. Walczak. Białystok : Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy, 2012. Cz. 1. Inwentarze z XVII i XVIII stulecie. Part 1. 295 s.

Panfil T. Numizmaty w polskim ceremoniale dworskim XVI–XVII wieku // Studia nad sztuką renesansu i baroku. T. 9. Ceremoniał i obyczaj w XVI–XVIII wieku / red. J. Lileyko, I. Rolska-Boruch. Lublin : Towarzystwo Naukowe KUL, 2008. S. 149–164.

Popiołek B. Szlachcic się żeni. Publiczny odbiór prywatnych ceremonii w pierwszej połowie XVIII w. // Sapientia ars vivendi putanda est. Wokół polityki i kultury / red. A. Perłowski, F. Wolański, B. Rok. Kraków ; Wrocław : Księgarnia Akademicka, 2019. S. 93–113.

Solnon J.-F. La cour de France. Paris : Perrin, 2014. 866 p.

Staszewski J. Polacy w osiemnastowiecznym Dreźnie. Wrocław : Ossolineum, 1986. 183 s.

Staszewski J. August III Sas. Wrocław : Ossolineum, 2010. 336 s.

Taracha C. Ceremoniał i etykieta na dworze hiszpańskich Burbonów w XVIII w. // Studia nad sztuką renesansu i baroku. T. 9. Ceremoniał i obyczaj w XVI–XVIII wieku / red. J. Lileyko, I. Rolska-Boruch. Lublin : Towarzystwo Naukowe KUL, 2008. S. 101–111.

Tende G. de. Relacja historyczna o Polsce / przekład i red. T. Falkowski, wstęp M. Forycki. Warszawa : Muzeum Pałac w Wilanowie, 2013. 301 s.

Żeromska-Ciesielska M. Narodziny i chrzciny. Próba charakterystyki fragmentu obyczajowości czasów saskich // Wesela, chrzciny i pogrzeby w XVI–XVIII wieku. Kultura życia i śmierci / red. H. Suchojad. Warszawa : Naukowe Semper, 2001. S. 65–74.

Żeromska-Ciesielska M. Religijność i obrzędowość świecka rodziny szlacheckiej na przykładzie domów Zawiszów i Szymków // *Cywilizacja prowincji Rzeczypospolitej szlacheckiej* / red. A. Jankowski, A. Klonder. Bydgoszcz : Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2004. S. 177–194.

Żórawska-Witkowska A. Muzyka na polskim dworze Augusta III w Warszawie. Cz. 1. Lublin : Muzyczne Polihymnia, 2012. 602 s.

References

AGAD (Archiwum Radziwiłłowskie). Dz. VI. Nr 80a; Dz XXXIV. Nr 111; (Archiwum Koronne Warszawskie). Dz. Rosyjski. Nr 57f. No 6.

Alewyn, R. (1989). *Das große Welttheater. Die Epoche der höfischen Feste*. München, C. H. Beck. 139 S.

APL (Zbior Bartoszewiczow). Nr 265.

BC – Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Nr 2740.

Bernatowicz, T. (2011). *Mitra i buława. Królewskie ambicje księząt w sztuce Rzeczypospolitej szlacheckiej (1697–1763)*. Warszawa, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. 558 p. BPP – Biblioteka Polska w Paryżu. Nr 26.

Brzezina, M. (Ed.). (1998). *Hieronima Floriana Radziwiłła diariusz i pisma różne*. Warszawa, Energeia. 264 p.

Chróścicki, J. A. (1974). *Pompa funebris. Z dziejów kultury staropolskiej*. Warszawa, PWN. 369 p.

Ciesielski, T. (2004). Koronacje cudownych obrazów w osiemnastowiecznej Rzeczypospolitej. In Jankowski, A., Klonder, A. (Eds.). *Cywilizacja prowincji Rzeczypospolitej szlacheckiej*. Bydgoszcz, Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, pp. 195–212.

Ciesielski, T. (2012). Podróże eksportacyjne w czasach saskich. In Saczyńska, M., Wólkiewicz, W. (Eds.). *Samotrzeć, w kompanii czy z orszakami?* Warszawa, Wydawnictwo Instytutu Archeologii i Etnologii PAN, pp. 515–532.

Ciesielski, T. (2014). Anniversary Celebrations in Saxony and Poland during the Reign of Augustus II and Augustus III. In Ciesielski, T. (Ed.). *Anniversary Celebrations in Poland and Silesia*. Opole, Zabrze, Tarnowskie Góry, Inforteditions, pp. 23–39.

Dalewski, Z. (1995). Ceremoniał koronacyjny królów polskich w XV i początkach XVI wieku. In *Kwartalnik Historyczny*. Vol. 102. No. 3–4, pp. 37–60.

Fabiani, B. (1976). *Warszawski dwór Ludwika Marii*. Warszawa, PIW. 150 p.

Hofmann, C. (1985). *Das spanische Hofzeremoniell von 1500–1700*. Frankfurt a/M, Bern, Verlag Peter Lang. 315 S.

Kitowic, J. (1985). *Opis obyczajów za panowania Augusta III* / oprac. M. Dernałowicz, Z. Goliński. Warszawa, PIW. 434 p.

Kodzik, J. (2015). *Ceremoniał polskiego dworu królewskiego w XVII wieku z perspektywy niemieckich uczonych*. Warszawa, Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie. 264 p. KP – *Kurier Polski*. 1729–1760.

Kutrzeba, S. (1911). Źródła polskiego ceremoniału koronacyjnego. In *Przegląd Historyczny*. T. 12. Nr. 2, pp. 149–164.

Łopatecki, K., Walczak, W. (Eds.). (2012). *Pałac Branickich w Białymstoku*. Białystok, Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy. Cz. 1. Inwentarze z XVII i XVIII stulecie. Part 1. 295 p.

Mulryne, J. R., Aliverti, M. I., Testverde, A. M. (Eds.). (2015). *Ceremonial Entries in Early Modern Europe. The Iconography of Power*. Dorchester, Ashgate. 391 p.

Panfil, T. (2008). Numizmaty w polskim ceremoniale dworskim XVI–XVII wieku. In Lileyko, J., Rolska-Boruch, I. (Eds.). *Studia nad sztuką renesansu i baroku. T. 9. Ceremoniał i obyczaj w XVI–XVIII wieku*. Lublin, Towarzystwo Naukowe KUL, pp. 149–164.

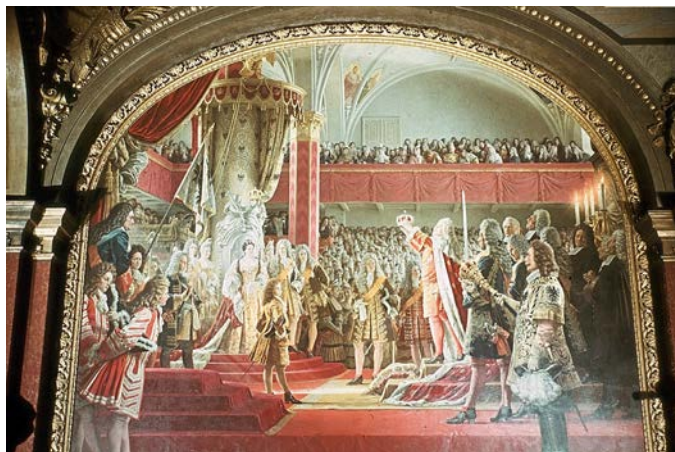
Popiołek, B. (2019). Szlachcic się żeni. Publiczny odbiór prywatnych ceremonii w pierwszej połowie XVIII w. In Perłakowski, A., Wolański, F., Rok, B. (Eds.). *Sapientia ars vivendi putanda est. Wokół polityki i kultury*. Kraków, Wrocław, Księgarnia Akademicka, pp. 93–113.

- Solnon, J.-F. (2014). *La cour de France*. Paris, Perrin. 866 p.
- Staszewski, J. (1986). *Polacy w osiemnastowiecznym Dreźnie*. Wrocław, Ossolineum. 183 p.
- Staszewski, J. (2010). *August III Sas*. Wrocław, Ossolineum. 336 p.
- Taracha, C. (2008). Ceremoniał i etykieta na dworze hiszpańskich Burbonów w XVIII w.. In Lileyko, J., Rolska-Boruch, I. (Eds.). *Studia nad sztuką renesansu i baroku. T. 9. Ceremoniał i obyczaj w XVI–XVIII wieku*. Lublin, Towarzystwo Naukowe KUL, pp. 101–111.
- Tende, G. de. (2013). *Relacja historyczna o Polsce /* przekład i red. T. Falkowski, wstęp M. Forycki. Warszawa, Muzeum Pałac w Wilanowie. 301 p.
- Żeromska-Ciesielska, M. (2001). Narodziny i chrzciny. Próba charakterystyki fragmentu obyczajowości czasów saskich. In Suchojad, H. (Ed.). *Wesela, chrzciny i pogrzeby w XVI–XVIII wieku. Kultura życia i śmierci*. Warszawa, Naukowe Semper, pp. 65–74.
- Żeromska-Ciesielska, M. (2004). Religijność i obrzędowość świecka rodziny szlacheckiej na przykładzie domów Zawiszów i Szyrmów. In Jankowski, A., Klonder, A. (Eds.). *Cywilizacja prowincji Rzeczypospolitej szlacheckiej*. Bydgoszcz, Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, pp. 177–194.
- Żórawska-Witkowska, A. (2012). *Muzyka na polskim dworze Augusta III w Warszawie*. Cz. 1. Lublin, Muzyczne Polihymnia. 602 p.

The article was submitted on 10.01.2020

Иллюстрации к статье:
Мариуш Савицкий. Торжества при берлинском дворе
в донесениях секретаря английского посла Филиппа Плантамюра

Illustration for the article:
Mariusz Savicki. Celebrations at the Berlin Court as Reported by Secretary
of the English Ambassador Philip Plantamour

А. фон Вернер. Коронация Фридриха I Прусского. 1883–1887

A. von Werner. Coronation of Frederick I of Prussia. 1883–1887

Иллюстрации к статье:
Томаш Цесельский. Придворные королевские церемонии
и их рецепция в праздничной жизни Речи Посполитой

Illustration for the article:
Tomasz Ciesielski. Celebrations at the Royal Court and Their Reception
in the Festive Life of the Polish-Lithuanian Commonwealth

1. К. Шлегель. Полонез под открытым небом. 2-я половина XIX в.

K. Szlegel. Open Air Polonaise. 2nd half of 19th century

2. Я. Хельминский. Покидая замок. 1884
J. Chelminski. Leaving the Castle. 1884

3. Я. Хельминский. Поездка эlegantных господ в экипаже. 1883
J. Chelminski. Carriage Ride of an Elegant Society. 1883

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ЦЕРЕМОНИАЛ ПРИ ДВОРЕ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ*

Елена Смилянская

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE DIPLOMATIC CEREMONIAL AT THE COURT OF CATHERINE II

Elena Smilyanskaya

National Research University Higher School of Economics,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Referring to relevant approaches to the study of diplomatic culture and the semiotics of gestures, this article examines the significance of kissing the sovereign's hands in diplomatic ceremonies in western Europe, and, more particularly, in Britain and Russia. Confusion and disagreement over the meaning of this gesture could become a major stumbling block in the evolution of Anglo-Russian relations at the very moment when there was a willingness to become closer owing to the expanding sphere of mutual political interests. With the arrival of the British ambassador Charles Cathcart and his wife in Russia in 1768, the ceremony of the first audience of the ambassador and (especially) the ambassadress with the sovereign was the subject of intense negotiations in the highest echelons of power. The discussion focused on the act of kissing the sovereign's hands. A gesture

* *Citation*: Smilyanskaya, E. (2020). The Diplomatic Ceremonial at the Court of Catherine II. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1255–1273. DOI 10.15826/qr.2020.4.526.

Цитирование: Smilyanskaya E. The Diplomatic Ceremonial at the Court of Catherine II // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1255–1273. DOI 10.15826/qr.2020.4.526 / Смилянская Е. Дипломатический церемониал при дворе Екатерины Второй // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1255–1273. DOI 10.15826/qr.2020.4.526.

that in Russia had long been considered a sign of the monarch's mercy towards the ambassador of another Christian state might seem an acknowledgement of subordination or submission to the Scottish Lord Cathcart. The tradition had no parallel in the diplomatic ceremonies of other European courts. Why did the Russian government, which sought to match diplomatic ceremonies at the court with Western European protocols, not compromise when it came to this formality? How did the key persons of the story – Cathcart and Count Nikita Panin – evaluate the possible consequences of not carrying out the required ceremonial protocols? What concessions and violations were the two sides prepared for in these disputes over ceremony in the name of “high politics”? Referring to archival materials from the National Archives of the United Kingdom, the personal papers of the Cathcart family kept in the National Library of Scotland, and several published dispatches of British representatives in Russia, the author studies the reflections of Lord and Lady Cathcart on their introduction to Empress Catherine II. The analysis leads the author to conclude that Catherine II perceived the kissing of the sovereign's hands as an indispensable prerequisite for starting any diplomatic mission and as a historically established gesture that demonstrated the grandeur of the crown. Negotiations over the act of hand-kissing in 1768 showed that this ceremonial detail was not a mere formality but could become the key factor in the success of an ambassador's mission.

Keywords: Catherine II; European diplomacy; Russo-British relations; diplomatic ceremonial; Russian court; kissing hands in European history.

В русле актуальных направлений изучения дипломатической культуры и семиотики жеста в статье рассматривается значение целования руки правителя в дипломатическом церемониале и ставится вопрос о семантике жеста целования руки на Западе, прежде всего в Британии, и в России. Вопрос о значении в дипломатическом церемониале российского двора жеста целования руки императрицы мог стать камнем преткновения в развитии российско-британских отношений в 1768 г., в период, когда две империи выражали большую заинтересованность в сближении и расширении политического взаимодействия. С прибытием в Россию британского посла Чарльза Каткарта с супругой церемониал первой аудиенции посла, и в особенности аудиенции «посольши», стал предметом оживленных переговоров на самом высоком уровне. Принятый столетиями в России жест милости монарха к послу христианской державы в понимании шотландского пэра лорда Каткарта мог быть воспринят иначе – как признание подчинения, и к тому же как жест, не имеющий аналогов в дипломатическом церемониале прочих дворов Европы. Почему Россия, стремившаяся к унификации своего дипломатического церемониала с западноевропейским, в обсуждении обычая целования руки не пошла на компромисс? Как расценивали возможные последствия неисполнения требований церемониала посол Каткерт и граф Н. И. Панин? На какие уступки и нарушения стороны готовы были пойти в церемониальных спорах во имя «большой» политики? Рефлексия лорда и леди Каткерт

относительно представления Екатерине II исследуется на основании архивных материалов Национальных архивов Великобритании, личных бумаг лорда и леди Каткарт из Шотландской национальной библиотеки, а также частично опубликованных депеш британских представителей в России. Проведенное исследование позволяет заключить, что в 1768 г. Екатерина II рассматривала целование руки правителя России как непременное условие для начала любой дипломатической миссии христианского государства, как жест, утвердившийся исторически и демонстрирующий величие короны. Обсуждение жеста целования руки в 1768 г. показало, что любая деталь церемониала являлась не только условностью, но могла стать условием для реализации большой политической миссии.

Ключевые слова: Екатерина II; европейская дипломатия; российско-британские отношения; дипломатический церемониал; российский двор; целование руки.

Целование руки составляет обычай,
утвердившийся здесь [в России] с незапамятных
времен, и вовсе не рассматривается в том смысле,
который придается ему у нас [в Британии]...

Из реляции британского посла в России лорда Каткарта. 1768

Многочисленные исследования, посвященные роли дипломатического церемониала и становлению особой *дипломатической культуры* в Европе Нового времени, показывают, что унификация этого церемониала в европейских странах XVIII в. не исключала сохранения каждым двором собственных этикетных норм, а растущее влияние в международных отношениях французского церемониального образца и французского языка – признания в дипломатии и иных символических и лингвистических правил. Как бы ни казалось Московское царство из Лондона, Парижа, Вены или Мадрида царством «восточным», периферией «цивилизованного» мира, в Москве не только следили за соблюдением в посольском обряде достоинства своего государя-самодержца, но и готовы были воспринимать правила и новации западного дипломатического этикета [Hennings; Юзефович; Scott, 2007]. С петровского времени, и это превосходно показало исследование О. Г. Агеевой, принятие условностей дипломатического церемониала Западной Европы ясно осознавалось как важная составляющая успеха международной политики, а то, сколь придирчиво анализировался посольский обычай различных христианских держав при выработке российского «Церемониала по приему европейских послов первого ранга» 1744 г. (и при внесении в него изменений при Петре III и при Екатерине II), показывает, что Россия вполне успешно в век Просвещения освоила дипломатическую культуру Запада [Агеева, с. 65, 66].

Между тем, детальный анализ норм дипломатического церемониала отдельных держав и общих принципов этикета XVIII в. редко соединяется с изучением *смыслов, которые вкладывали в предписываемые жесты и правила коммуникации участники церемонии* (дипломаты и принимающие их правители), с исследованием того, как они расценивали последствия неисполнения требований церемониала, на какие компромиссы и нарушения стороны готовы были пойти в церемониальных спорах во имя большой политики.

Казус с представлением Екатерине II в 1768 г. британского посла Чарльза Каткарта и его супруги-«посольши» отчасти позволяет приоткрыть закулисные церемониальной игры дипломатического театра и говорить о связи церемониала и международной политики.

В 1767 – начале 1768 г. Британия и Россия, уже несколько лет обсуждавшие возможности заключения союзного договора и укрепления Северной системы [Scott, 1976], решаются на усиление взаимного дипломатического представительства и на назначение послами 1-го ранга весьма влиятельных, хотя и не имевших до того дипломатического опыта фигур – с российской стороны в Лондон был назначен граф И. Г. Чернышев, брат главы Военной коллегии, сам шеф галерной эскадры и близкое доверенное лицо императрицы, а с британской стороны в Петербург должен был прибыть один «из шестнадцати перов шотландских», кавалер «древейшаго и изящнейшаго ордена Терна» (так переведено в России, на самом деле – ордена Чертополоха), первый комиссар полиции в Шотландии и генерал-поручик британской армии лорд Чарльз Каткарт (Cathcart).

Отъезд послов задержался до лета 1768 г., что объяснялось вполне уважительной причиной: посол Каткарт отбывал в Россию со своим семейством, а его жена леди Джейн (урожденная Гамильтон) была беременна, беременность соединялась со слабым здоровьем, и до разрешения от бремени Каткарты покинуть Англию не могли. Не спешил и И. Г. Чернышев со своим семейством, обстоятельно собираясь в посольство и, вероятно, не желая опередить своего визави Каткарта во вступлении в дела.

С момента отъезда из России в мае 1767 г. посланника Джорджа Маркартни (Macartney) прошел год, в это время в Петербурге всеми делами британской миссии распоряжался секретарь посольства Генри Ширли (Henry Shirley), присылавший в Лондон весьма подробные депеши о состоянии российских дел. Только в июне 1768 г. в Санкт-Петербург прибыл новый секретарь британской миссии Льюис де Визм (Lewis de Visme), который готовил вместе с Ширли приезд нового чрезвычайного и полномочного посла лорда Каткарта с семейством.

Лето 1768 г. оказалось весьма благоприятным для российско-британских отношений. Екатерина ждала, что Британия как извечный сильнейший соперник Франции сможет сдержать французское влияние на Швецию и Данию, обеспечив стабильность на Балтике, займет доброжелательную к России позицию в польском вопросе

и в возможной войне с Османской империей. Представляется очевидным, что отправка в Британию именно И. Г. Чернышева, занятого до его посольства делами флота и вернувшегося из посольства в 1769 г. вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, была связана с подготовкой режима благоприятствования при прохождении мимо берегов Британии российского флота Первой архипелагской экспедиции [подробнее см.: Смилянская И. М., Велижев М. Б., Смилянская Е. Б., с. 59–62, 97; «Русская верность, честь и отвага» Джона Элфинстона; Anderson].

Были и иные признаки, которые позволяли современникам говорить об интересе, а порой и симпатии императрицы к Британии и британцам [Кросс; Смилянская]. Особое расположение императрицы к англичанам на языке дипломатического этикета выразилось уже в июле 1768 г. в беспрецедентной милости к присланному за несколько недель до лорда Каткарта новому секретарю британского посольства де Визму: его представляют императрице и принимают в Петергофе, где он играет с Екатериной в карты и удивляется, что ему, иностранному посланнику третьего ранга, без верительной грамоты (которую должен был представить только лорд Каткарт) оказан такой небывалый почет [ТНА. SP 91/79. F. 133].

Каткарты прибыли в Кронштадт 3/14 августа 1768 г. на фрегате «Твид», специально отправленном с ними, их шестью чадами и домочадцами, с воспитателем их детей Уильямом Ричардсоном и большим багажом. В это же время в Лондон наконец отправилось семейство Чернышевых.

Согласно церемониалу, первый визит иностранный посол должен был нанести канцлеру, и 5/16 августа Каткарт впервые встретился с графом Н. И. Паниным. Собеседники явно понравились друг другу: лорд назвал прием у Панина «наилюбезнейшим» (*as cordial as possible*), и собеседники договорились об аудиенции с представлением нового посла императрице на текущей неделе [Ibid. F. 149]. Далее послу предстояло встретиться с церемониймейстером двора и сопровождавшей его свитой, отправиться в императорской карете на общую аудиенцию, вручить в аудиенц-зале императрице верительную грамоту, представить «секретаря и дворян посольства», которые при этом допускались к целованию императорской руки, после чего следовали представления наследнику и членам императорской фамилии [ПСЗ-1, т. 12, с. 65–70; Агеева, с. 216–228]. Этот порядок, однако, был нарушен по инициативе самой императрицы Екатерины, выказавшей явное нетерпение по поводу предстоящего знакомства с новым чрезвычайным и полномочным послом британской короны (ее ожидания в будущем действительно оправдаются, а Каткарт войдет в узкий круг собеседников императрицы и не раз испытает ее дружеское расположение).

Первая встреча Екатерины II с новым британским послом могла состояться даже до прибытия его фрегата в Кронштадт. Отправленный в Кронштадт на встречу Каткарту его соотечественник С. К. Фрейг,

уже четыре года как состоявший на русской службе, сообщил послу, что императрица на яхте с небольшой эскадрой была в западной части залива и высматривала его фрегат «Твид», однако, к своему разочарованию, приняла за него другое судно. Каткарт узнал, что Екатерина II собиралась послать за ним шлюпку и пригласить к себе на яхту, но “she would be glad to see him not as Empress, but as a lady who desires to begin an acquaintance with him”. Каткарт рассчитывал, что его королю Георгу III сообщат об этих “early dispositions in the Empress to honor and distinguish His minister” [TNA. SP 91/79. F. 147 v.; NLS. MD. 12686/5/20]. Это же подтвердил в реляции еще от 20/31 июля 1768 г. секретарь британского посольства Ширли, добавив, что императрица столь нетерпеливо ожидает Каткарта, что отправила на предполагаемый «Твид» барона Черкасова, “who talks very good English” [TNA. SP 91/79. F. 179]. Однако в то время, когда императрица надеялась на частную встречу с лордом-послом, его фрегат сел на мель в финских шхерах и едва избежал крушения.

Желание императрицы как можно скорее познакомиться с британским послом повлияло и на то, что всего за два дня до церемонии официального представления на аудиенции во дворце Каткарт был приглашен на торжественную закладку Исаакиевского собора, состоявшуюся 8/19 августа 1768 г. После подробно описанной им церемонии, сопровождавшейся молебном, посол имел и первую беседу с императрицей [СИРИО, т. 12, с. 349–351]. Подобному заметному нарушению церемониального порядка было найдено объяснение, подчеркивавшее особый «семейный» статус российско-британских отношений (Каткарт участвовал в закладке первых камней собора как «ambassadeur de famille»).

Официальная аудиенция британского посла с вручением верительной грамоты состоялась в воскресенье 10/21 августа, и послу было выказано расположение и императрицы, и наследника [TNA. SP 91/79. F. 180]. Никаких отступлений от принятого церемониала допущено не было, разве что британский посол оправдывался перед своим королем, что представлял свою речь не на родном английском языке (тогда императрица говорила бы по-русски), а на французском, как то предложила императрица [Ibid. F. 159 v.], впрочем, выбор французского как языка дипломатического общения ко второй половине XVIII в. стал нормой.

Однако в полной мере войти в жизнь петербургского двора и начать выполнение своей важной политической миссии послу помешали трудности церемониального характера. Для их преодоления были потрачены многочасовые усилия лорда Каткарта и главы Коллегии иностранных дел графа Панина, их секретарей, курьеров, перевозивших сообщения между Петербургом и Лондоном, британского государственного секретаря лорда Уэймута и, возможно, потребовались санкции Георга III и Екатерины II. По сути, дальнейшее пребывание в Российской империи британского посла зависело от представления

при дворе его супруги леди Джейн Каткарт, точнее, от одного этикетного жеста – *целования «посольшей» руки российской императрицы*.

Судя по дипломатическим реляциям за август-сентябрь 1768 г. (а за этот период в Лондон были отправлены десять донесений), обсуждение вопроса представления «посольши» составило значительную часть дипломатической переписки лорда Каткарта с государственным секретарем по Северной Европе.

Итак, 11/22 августа, на следующий день после аудиенции и представления императрице, состоялась длинная беседа британского посла с графом Паниным, два часа которой были посвящены церемониалу представления леди Джейн (!). Каткарту указали на церемониал 1744 г., чтобы он понял, что своим отказом соблюдать его последовательность «заслужил бы осуждение за то, что привез сюда» жену, что на будущее королю придется «предписывать своим послам оставлять жен в Англии, или женам их в случае, если им не понравится это условие, оставаться дома» и не появляться в свете [СИРИО, т. 12, с. 345, 347]. Эти аргументы, судя по всему, впечатлили лорда, так что назавтра в депеше (от 12/23 августа) он сообщал в Лондон, что склонен следовать требованию российского двора, чтобы его супруга во время представления поцеловала руку императрице.

Как объяснял британский посол свою позицию в этом вопросе? Во-первых, он ссылался на *древность* этого обычая; во-вторых, на особую связанную с православным церковным ритуалом семантику этого жеста; наконец, на особенности российского этикета:

Целование руки составляет обычай, утвердившийся здесь с незапамятных времен и вовсе не рассматривается в том смысле, который придается ему у нас, так как я видел, что императрица целовала руку всему духовенству, целовавшему ее руку в прошлую Пятницу, и все придворные дамы сначала целуют друг другу руку и уже после того раскланиваются, и, следовательно, это принадлежность этикета [Там же, с. 346].

Далее Каткарт упоминал и прецеденты, когда шведская «посольша» графиня Седеръельм (Cederhielm) целовала руку Екатерине, тогда как супруга испанского посланника *не поцеловала руку только «из желания ее двора оскорбить императрицу»* [Там же]. Наконец, в завершение своего пространного донесения Каткарт сообщал, что, хотя от послов и прочих министров требуется целовать руку императрицы только один раз при представлении, те охотно целуют руку Екатерине всякий раз, когда она выходит в приемные залы [Там же, с. 347]. Словом, после беседы с Н. И. Паниным британский посол, сам уже целовавший руку императрице во время приемной аудиенции, был готов к исполнению этого требования при представлении своей супруги, если от этой малости зависел успех его миссии, однако не прочь был все-таки заручиться на этот счет и разрешением своего правительства.

Через три дня 15/26 августа лорд Каткарт снова составляет послание в Лондон, сообщая о своих «мыслях и намерениях» относительно представления леди Каткарт. Он пишет, что ему прислали российский «Церемониал...» 1744 г. и перевели его; изучив этот документ, он пришел к выводу, что целование руки не упоминается в этом акте, но с этим обычаем “being an ancient and invariable usage which all who are presented comply with”. Тут же Каткарт отметил, как просто ведет себя во время этой церемонии императрица: ему даже показалось, когда его представляли, что она и не предлагала ему руку для поцелуя и даже как будто не ожидала целования, и, если бы это не было столь важным условием, само целование могло бы выпасть из его памяти [TNA. SP 91/79. F. 183–183 v.]. Эти замечания посла со всей очевидностью должны были подготовить адресата его депеши государственного секретаря лорда Уэймута к признанию незначительности этой статьи церемониала, которую, отметим, в разговоре с Н. И. Паниным сам Каткарт назвал «важным и щекотливым вопросом» [СИРИО, т. 12, с. 353]. Щекотливость состояла прежде всего в том, что английский двор не мог потребовать ради «симметрии», чтобы российская «посольша» (в данном случае графиня Чернышева) поцеловала руку королеве, так как такой жест отсутствовал в британском дипломатическом этикете.

В результате переговоров Каткарт попросил Панина закрепить документально, чтобы не только его супруга, но впредь ни одна *ambassadrice* не была бы представлена императрице без целования руки, и что королевская *ambassadrice* (то есть супруга британского посла) займет в придворной иерархии наивысшее место, уступив первенство только обергофмейстерине. И эта просьба Каткарта российским двором была принята.

Видимо, не желая показать, что рад итогам переговоров, Каткарт еще немного потянул с согласием, вновь уверяя, что такое деликатное дело он не может решать самостоятельно, не получив точного дозволения короля, что он должен получить согласие и самой леди Каткарт, “to whom... this question had by no means been indifferent, as she is not only peeress of Great Britain, but immediately descended from the united houses of Hamilton and Douglas, the most illustrious of the country” [TNA. SP 91/79. F. 185 v. –186]. Однако лорд Каткарт был доволен и полученной «Декларацией Министра Российской империи британскому послу Каткарту по случаю представления госпожи *ambassadrice*» [Ibid. F. 202], и тем, что не без затруднений получил от Панина уверение, что госпоже «посольше» придется поцеловать руку императрицы только однажды во время первой частной аудиенции. В конечном итоге обе стороны остались довольны друг другом, и успех в разрешении церемониальной проблемы закрепил вполне доверительные отношения британского дипломата и главы Коллегии иностранных дел на все без малого четыре года пребывания Каткарта в России. Каткарт выразился об этом так: “We parted the best friends imaginable”

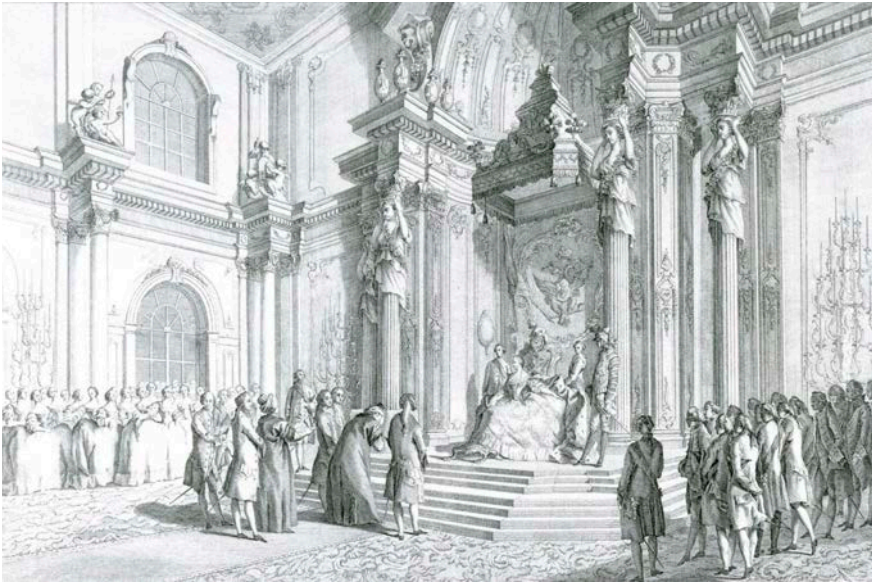
[ТНА. SP 91/79. F. 188–188 v.]. Как выяснилось в дальнейшем, положительного ответа из Лондона посол дожидаться не стал, вероятно, давно имея соответствующие полномочия признавать за российским двором право на церемониальные различия.

Все перипетии, связанные с представлением супруги британского посла в 1768 г., могут показаться малопримечательными, если бы они не выявили существенных различий в понимании значения *целования руки* в культурах России и Британии.

В средневековой Европе целование руки, как и ноги сюзерена, рассматривалось как *знак преклонения и приветствия* младшим старшего; исследователи считают этот обычай, имеющий древнее происхождение, заимствованным из Византии и рано вошедшим в церемониалы королевства Бургундии, Испании и империи Габсбургов [Ньюроп, с. 90; Hofmann-Randall]. В империи Габсбургов и Неполитанском королевстве церемониал целования руки членам императорской/королевской фамилии существовал долее, чем в других странах Запада; в Священной Римской империи он был отменен лишь при Иосифе II [Corfield, p. 12; Frötschel, p. 166].

Пожалование к руке в России рассматривалось прежде всего как *особая милость* властителя к своим подданным или к иноземным послам христианских держав [ср.: Юзефович, с. 185–187]. Не случайно лорд Каткерт писал в Лондон: «русским весьма трудно понять, чтобы в целовании руки при здешнем дворе, где оно так давно в обычае, усматривалось что-либо неприличное или унижительное (improper and humiliating), хотя оно и не принято при дворах тех послов, которые так охотно на него соглашаются (выделено мною. – Е. С.)» [СИРИО, т. 12, с. 347].

По мнению известного востоковеда Н. И. Веселовского, в посольский церемониал Московского царства древний обычай целования руки правителя пришел с Востока через Орду и входил в набор этикетных жестов, имевших целью *воздать честь* государю [Веселовский, с. 1, 3; Байбурин, Топорков, с. 54]. Вместе с тем в Москве этой чести/милости могли удостоиться только христиане, что, кажется, оставалось неизменным и в позднейшем церемониале приема восточных послов, которых целованием руки не жаловали, но возлагали руку им на голову [Юзефович, с. 188–189]. Из известий XVI в. самое, кажется, раннее относится к маю 1514 г., когда великим князем Василием III был принят в Москве первый османский посол Камал Феодорит, и «князь велики звал Камала к себе в руце. И Камал, пришед, целовал великого князя в руку. И князь велики велел ему сести близко себя на скамье». Камал Феодорит в грамоте назван греком (хотя, по иным данным, он уже принял ислам), поэтому ему была оказана честь целования руки, как и совместной трапезы с великим князем [СИРИО, т. 95, с. 96; Юзефович, с. 188]. Принятый тем же Василием III, Сигизмунд Герберштейн писал: «Говорят, что, *подавая руку* послу римской веры, государь считает, что подает ее человеку оскверненному и нечистому, а потому, отпустив его, тотчас моет руки»

А. Казачинский. Прием турецкого посольства 14 октября 1764 г. в аудиенц-камере Невской анфилады Зимнего дворца. Гравюра. 1794

A. Kozachinsky. Catherine the Great Receives Ottoman Ambassadors on October 14, 1764 in the Neva Gallery of the Winter Palace. Engraving. 1794

(правда, напрямую о *целовании* руки Герберштейн не пишет, между тем гонцы и посланники низкого ранга могли допускаться только к пожатию царской руки) [Герберштейн, т. 1, с. 551]. В российском церемониале приема западных посольств в XVII в. обычай целования руки правителю Московии оставался [см.: Hennings, p. 115; Юзефович, с. 185–191]. И позднее при всем стремлении придать российскому дипломатическому церемониалу, все еще казавшемуся на Западе «восточным», новые черты, замеченные Петром в Европе еще во время Великого посольства, целование руки правителя из российского церемониала исключено не было [Корб, с. 89; Агеева, с. 138; Hennings, p. 209]. В конце петровского царствования обычай подводить послов для целования монаршей руки сохранялся неизменным. В России, идя к трону, каждый дипломат делал три поклона, затем, поцеловав руку царю, кланялся три раза и еще трижды кланялся, отходя от трона [Агеева, с. 170].

Однако при Петре появились и первые протесты западных дипломатов, касавшиеся принятой в России «милости» целования государственной руки. Отказывались целовать руку Петру I датский посланник и посол британского величества, ссылаясь на то, что такого обычая нет при дворах всей Европы [Hennings, p. 234]. И примечательно, что в 1710 г. Петр согласился на требование британского посла Чарльза Уитворта (Whitworth), и на приемной аудиенции посол царскую руку не целовал [подробнее см.: Агеева, с. 153–155, Hennings, p. 234].

С наступлением женских царствований в Российской империи, казалось бы, у церемониала целования императорской руки для западноевропейских дипломатов появились новые вполне соответствующие куртуазной культуре оправдания, и примечательно, что сведений о серьезных скандалах с отказом от целования руки императрицы или регентши до конца елизаветинского царствования в источниках не обнаруживается. Да и российский дипломатический церемониал в женские царствования, казалось бы, переставал быть для Европы уникальным: так, в посольском церемониале в Священной Римской империи после представления императору дипломата провожали для целования руки ее императорского величества [Rousset de Missy, p. 479]. Напомним, что и британский посол Ч. Каткарт в 1768 г. сам готов был целовать руку *даме* – Екатерине II, смущало его лишь не принятое при западных дворах целование женщиной-посольшей руки женщины-правительницы.

В 1744 г., когда Елизаветой Петровной был подтвержден разработанный в церемониальном ведомстве двора и в Коллегии иностранных дел первый законодательный акт о церемониале приема иностранных послов первого ранга, в нем, как и в европейских образцах, на которые он опирался [Агеева, с. 188–197], отсутствовало указание на обряд целования руки правителя самим послом при первой публичной аудиенции и вручении верительных грамот. Не было такого указания и в части, касающейся *приема посольши*, что также соответствовало западным образцам: согласно подробному описанию прав и церемониалов для супругов послов при разных дворах Европы, составленному Ф.-К. фон Мозером в середине XVIII в., на Западе не было принято, чтобы госпожа *Ambassadrice* целовала руку правителям и правительницам, а поцелуй в щеку или лоб она могла принимать как приветственный жест со стороны встречающей ее правящей особы [Moser].

Однако в церемониальной практике российского двора при Елизавете послы и редкие прибывавшие в Россию их супруги, когда их «милостиво жаловали к руке», продолжали целовать протянутую им руку императрицы. Лишь в 1760 и 1761 гг. из-за того, что жены двух бурбонских посланников, французского Бретейя и испанского Альмадовара, отказались целовать руку великой княгини Екатерины Алексеевны (руку императрицы Елизаветы они целовали), возник дипломатический скандал, для его разрешения от Коллегии иностранных дел потребовали собрать сведения обо всех случаях, когда «посольши» целовали руку членам императорской фамилии [Бильбасов, с. 447–451; Агеева, с. 661–663]. Вероятно, с этим конфликтом было связано повеление только что вступившего на престол Петра III «о нецеловании рук от чужестранных министров ее величеству... для избежания всяческих споров» [Агеева, с. 244]. И, хотя повеление Петра Федоровича не было соблюдено, после этих явно унижавших Екатерину жестов вопрос о целовании руки, по-видимому, приобрел для нее принципиальное значение. И вот уже через четыре дня после

переворота 2 июля 1762 г. императрица жаловала к руке приехавших для поздравления представителей дипломатического корпуса, включая и консула Британии [Агеева, с. 246]. Через месяц возник вопрос посла Священной Римской империи графа Мерси о том, что, раз при венском дворе послы не целуют руку императрице Марии-Терезии, то послу его империи в Санкт-Петербурге тоже целовать руку императрице не следует. Но апробированный Екатериной II ответ канцлера Воронцова был однозначен: «при здешнем дворе сие обыкновение от древних времен всегда непременно наблюдалось, и в том никогда отмены сделано не будет» [СИРИО, т. 48, с. 37].

Возможно, здесь и кроется объяснение тому, что в описанной выше ситуации 1768 г. ни Н. И. Панин, ни императрица, весьма заинтересованные в укреплении сотрудничества с Британией, не желали пойти на уступки британской *Ambassadrice* в части, касающейся целования руки, как и впредь требовали от *всех прочих посольств* исполнения этой части церемониала («*que pour remplir le droit de l'égalité on promet et assure que ni à présent ni à l'avenir aucune Ambassadrice d'aucune Cour souveraine ne pourra et ne sera autrement présentée et reçue de l'Impératrice*»).

Итак, если в России на протяжении веков пожалование к руке рассматривалось как особая милость государя и государыни, а отказ от целования руки мог расцениваться как оскорбление, то опасное для судьбы их дипломатических миссий сопротивление Ч. Уитворта в 1710 г. и Ч. Каткарта в 1768 г. в этом вопросе говорит о принципиально ином понимании британскими дипломатами этого символического жеста. Очевидно, что в XVIII в. для британцев такая форма выражения приветствия и почтительности казалась неприемлемой или по меньшей мере неприятной по целому ряду причин.

Ближайшим аналогом церемониального «пожалования к руке» шотландским и английским протестантам века Просвещения могло казаться целование руки священнослужителя в католической и православной церковной традиции. В церковном ритуале и католиков, и православных целование руки священнослужителя имеет древнее происхождение и сходное символическое объяснение – почитание Всевышнего: священнослужитель рукой благословляет и именем Божиим дарует благодать, совершая таинства; прикасающийся губами к его руке мысленно целует невидимую руку Спасителя. Но британские дипломаты, принадлежавшие к англиканской церкви или другим протестантским религиозным деноминациям (в которых целование руки духовного пастыря не принято) в XVIII в., скорее всего, разделяли антикатолические настроения, усилившиеся после восстания шотландских якобитов. Напоминало ли им целование руки правителя ритуалы католицизма или малопонятного греческого православия, можно лишь догадываться. Но косвенно это подтверждает удивление, с которым посол Каткарт наблюдал за молебном при закладке Исаакиевского собора 8/19 августа 1768 г. В своей депеше в Лондон он сообщал:

Я никогда не видел такого торжественного и великолепного зрелища, но не должен забыть упомянуть *о весьма удивительном обстоятельстве*: все духовенство по чинам подходило к Императрице и целовало ей руку, а она, в свою очередь, в то же время целовала их руки (выделено мною. – Е. С.) [СИРИО, т. 12, с. 351].

Нежелание англичан участвовать в церемониале целования руки правителя могло быть связано и с архетипическим пониманием этого жеста как жеста *преклонения и подчинения*, что они как представители и подданные своего монарха не готовы были демонстрировать чужому правителю. Но в XVIII в. церемониальный жест мог вызывать отторжение и по иной причине, связанной со значительными различиями в культурах Британии и России в отношении к тактильным контактам, к нарушению границ «телесного суверенитета» индивида.

Знакомый с Каткартами контр-адмирал российского флота шотландец Джон Элфинстон писал в это же время:

Обычай русских долго целоваться и обниматься, встречаясь после расставания, а также по самым пустым поводам, для англичанина выглядит *отвратительным* (выделено мною. – Е. С.) [«Русская верность, честь и отвага» Джона Элфинстона, с. 318].

Удивлялась такому обычаю и леди Каткорт, когда, освоившись в светском обществе Санкт-Петербурга, стала записывать впечатления о России. На страницах своего «Memoranda of Russia» она несколько раз возвращается к теме поцелуев:

I observe the ladies here are much kinder in their meeting of one another than in England or in France, kissing one another upon the mouth, the cheeks would suffer not only at meeting... but very frequently in the course of their conversations together like children;

The ladies kiss one another at all meetings, first one another's hand and then their faces, but the ceremony with their men friends is still more singular for these having kissed the ladies hand or glove she in return kisses them on the cheek as I kiss a child;

I may also take note in this place, that the men kiss one another upon each cheek every time they meet [NLS. MD. 12686/5/20].

Несколько позднее о том, что вместо «наших [то есть английских] поклонов и реверансов» в России мужчина при встрече с дамой целует ей руку, а дама целует его в лоб, с удивлением писала и Марта Вильмот [Вильмот, с. 234].

Возможно, поражаясь и даже порицая обычаи русских светских дам и кавалеров целоваться не только во время приветствия, но и радуясь удачно сказанному слову, англичанки XVIII в. позабыли, что и их нацию за два столетия до того тоже отличала любовь к подобным церемониям. Так, Кристофер Ньюроп приводит сообщения Эразма Роттердам-

ского о том, что в начале XVI в. в Англии «куда ни придешь, везде тебя целуют. Уезжаешь – также целуют... Целуют и при встрече, и при прощании. Везде и всюду целуют» [Ньюроп, с. 112–113; см. также: Tegg, p. 148–157; Frijhoff, p. 225]. Однако в следующие века пуритане значительно изменили манеры британцев, и в XVIII в., как отмечает в новейшем исследовании Пенелопа Корфилд, даже целование руки стало казаться подозрительно «иностранным», нарушающим британский обычай сохранения “another person’s body space” [Corfield, p. 12–15].

Между тем, в рассмотренном выше случае с представлением четы британского посла Екатерине II Каткарты во имя интересов политики двух держав сумели отказаться от архетипов, предрассудков и предпочтений своих соотечественников. И, хотя аудиенция леди Каткарт произошла только через месяц после принятия условий российского церемониала, ее отложили не из-за упорства родовой англичанки, а из-за ее болезни: «comme tout les étrangers», она трудно привыкала к неводской воде и долго акклиматизировалась в Петербурге (записи августа-сентября 1768 г.) [NLS. MD. 12686/5/20]. Она готова была попроситься с жизнью и в своем интимном дневнике посвятила болезни и беспокойству о своей увядающей внешности (по ее мнению, недостойной супруги английского посла – «le caractère de l’ambassadrice d’Angleterre») много больше места, чем описанию аудиенции при дворе (запись за сентябрь 1768 г.) [Ibid.].

Эта «частная аудиенция» состоялась наконец в понедельник 15/26 сентября 1768 г. после обеда перед куртагом. Представляла леди Каткарт обер-гофмейстерина Анна Карловна Воронцова в тронном зале, после представления леди поцеловала руку Екатерины II, а императрица в ответ поцеловала «посольшу» в щеку. Лорд Каткарт в депеше сообщал об этом так:

Her Imperial Majesty saluted her in the same instant that she kissed her hand and was pleased herself to introduce her to the Grand Duke saying: *Madame, voici mon fils* [СИРИО, т. 12, с. 364; Агеева, с. 277–278].

Сама леди лишь скупно упомянула об аудиенции, хотя обычно в дневниковых записях не была скована в выражении своих чувств. Вероятно, она посчитала возможным встать над условностями, так вначале смущавшими ее супруга. Она сетовала лишь на то, что в последовавшем за аудиенцией круговороте светской жизни ей не хватало времени взяться за перо и уединиться в своем кабинете:

Je ai été initiée à la cour, présentée à l’Impératrice, dans les circles, des bals, des assemblées, visites payées, visites rendues, festins donnés; Loupée à la Cour après les bals, comédie a pris une autre soirée, enfin toutes ces choses ne finissent point, encore à la maison marchande de Pélétine, marchand de mode, couturière, friseur, tout cela me dévore mes précieux instants et je néglige ce qui est plus essentiel, hélas! (запись 23 сентября / 4 октября 1768 г.) [NLS. MD. 12686/5/20].

В конце сентября Петербург, в особенности двор, на три дня погрузился в различные увеселения: праздновали день коронации Екатерины и день рождения наследника Павла Петровича [ср.: «Русская верность, честь и отвага» Джона Элфинстона, с. 153–155]. В эти дни Каткарты давали большой обед в своей резиденции, посещали оперу, вместе с императрицей навещали Смольный; в день 16-летия великого князя Павла Петровича они впервые вывели в свет свою 14-летнюю дочь Джейн, танцевавшую с великим князем на балу (запись от 23 сентября / 4 октября 1768 г.) [NLS. MD. 12686/5/20]. Леди Каткерт в дальнейшем стала заметной фигурой при дворе Екатерины II, участницей многих событий придворной и городской жизни Петербурга; в этот город и его обитателей она внимательно всматривалась, заводила знакомства и оставила серию интересных описаний [подробнее об этом см.: Смилянская]. Но важно подчеркнуть и то, что с принятием церемониала по случаю представления «посольши» Каткерт в дипломатической культуре России все чаще появляются «женские роли». Как и на Западе, в России супруги послов постепенно становятся заметными фигурами, выполняющими не только этикетное представительство [ср.: Allen].

Еще в августе лорд Каткерт, согласовав церемониал целования руки, выразил Н. И. Панину надежду на то, что со временем ему случится разбирать вместе с главой коллегии иностранных дел *«вопросы гораздо большей важности, но с той же легкостью и доверчивостью»* (выделено мною. – Е. С.) [СИРИО, т. 12, С. 354].

Действительно, когда церемониальные дела и праздничные мероприятия закончились, наступила та серьезная дипломатическая работа, которая ознаменовалась редкой близостью в истории двух держав. 29 сентября / 10 октября были сформулированы «Мнения Русского двора относительно союза с Великобританией», союза, который так заключить и не удалось, но многолетние переговоры о нем определяли барометр российско-британских отношений в конце 1760-х и в 1770-е гг. [Родзинская; Anderson; Scott, 2001; Соколов; Лабутина].

Казус 1768 г. с представлением британской посольской четы императрице Екатерине II оказался примечательным в истории российской дипломатической культуры. Он показал, что императрица была весьма настойчива в вопросе оказания иностранным послом и его супругой почести российской короне *через целование руки правительницы*, без этого церемониального жеста представление не могло состояться и впредь, что было зафиксировано в особой декларации от 19/30 августа 1768 г. Там, где даже Петр I допустил исключение, Екатерина II настояла на своем. Представление леди Каткерт стало важным прецедентом, на который в дальнейшем ссылались иностранные дипломаты в России, прибывая ко двору со своими семействами, завязывая широкие связи, привнося в светскую жизнь Петербурга дополнительные черты космополитизма. Наконец, напряженное обсуждение церемониального жеста в 1768 г. лишний раз показало, что любая деталь церемониала может считаться не только условностью, но и стать *условием* для реализации большой политической миссии.

Список литературы

- АВПРИ. Ф. 35/6 (Сношения России с Англией). Д. 566. Сообщения английского посла Каткарта Н. И. Панину. 1768 г.
- Агеева О. Г.* Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М. : Новый хронограф, 2012. 936 с.
- Байбуриной А. К., Топорков А. Л.* У истоков этикета : этногр. очерки. Л. : Наука, 1990. 165 с.
- Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Берлин : Изд. Фридриха Готтгейнера, 1900. Т. 1. Екатерина до воцарения, 1729–1762. X, 659 с.
- Веселовский Н. И.* Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб. : Тип. Б. М. Вольфа, 1911. [2], 19 с.
- Герберштейн С.* Записки о Московии : в 2 т. М. : Памятники ист. мысли, 2008. Т. 1. Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А. В. Назаренко. 774 с.
- Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московское царство // Рождение империи. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 25–257.
- Кросс Э.* Британцы в Петербурге: XVIII век / авториз. пер. с англ. Ю. и Н. Беспятовых. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. 526 с.
- Лабуткина Т. Л.* Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб. : Алетей, 2019. 458 с.
- Нюрон К.* О поцелуях : Культурно-исторический очерк / пер. с дат. А. и П. Ганзен. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1898. [4], IV, 140 с.
- ПСЗ-1. Т. 12.
- Родзинская И. Ю.* Русско-английские отношения 60-х – 70-х гг. XVIII в. (1762–1775) : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 1967. 414 с.
- «Русская верность, честь и отвага» Джона Элфинстона: повествование о службе Екатерине II и об Архипелагской экспедиции Российского флота / пер. с англ., исслед. и коммент. Е. Смилянкой и Ю. Лейкина. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 603 с.
- СИРИО. Т. 12. XXVII, 499 с.; Т. 19. XXVII, 547 с.; Т. 48. [6], LI, 660 с.; Т. 95. 10, XX, 766 с., 110 стб.
- Смилянская Е. Б.* Англофилия Екатерины II и «исключительное посольство» лорда Каткарта в Санкт-Петербург в 1768–1772 гг. // J. of Modern Russian History and Historiography. 2019. No. 12 (1). P. 224–244. DOI 10.1163/22102388-01201009.
- Смилянская И. М., Велижев М. Б., Смилянская Е. Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М. : Индрик, 2011. 838 с.
- Соколов А. Б.* Навстречу друг другу : Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1992. 300 с.
- Юзефович Л. А.* Путь посла: русский посольский обычай, обиход, этикет, церемониал : конец XV – первая половина XVII в. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 340 с.
- Allen G.* The Rise of the Ambassador: English Ambassadorial Wives and Early Modern Diplomatic Culture // Historical J. Vol. 62. 2019. Iss. 3. P. 617–638. DOI 10.1017/S0018246X1800016X.
- Allgor C.* “A Republican in a Monarchy”: Louisa Catherine Adams in Russia // Diplomatic History. Vol. 21. 1997. Iss. 1. P. 15–43. DOI 10.1111/1467-7709.00049.
- Anderson M. S.* Great Britain and Russo-Turkish War of 1768–74 // English Historical Rev. Vol. 19. 1954. № 270. P. 39–58.
- Belsey H.* Gainsborough’s Beautiful Mrs Graham. Edinburgh : National Gallery of Scotland, 2003. 61 p.
- Corfield P.* From Hat Honour to the Handshake: Changing Styles of Communication in the Eighteenth Century // Hats Off, Gentlemen! Changing Arts of Communication in the Eighteenth Century. Arts de communiquer au dix-huitième siècle / ed. by P. J. Corfield and L. Hannan. Paris : Honoré Champion, 2017. P. 11–30.

Frijhoff W. The Kiss Sacred and Profane: Reflections on a Crosscultural Confrontation // A Cultural History of Gestures: From Antiquity to the Present. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1991. P. 210–236.

Frötschel R. Der Handkuss in den Zeremonialprotokollen des Wiener Hofes (1652–1787). Wien, 2009 // Universitätsbibliothek Wien : [website]. URL: http://othes.univie.ac.at/4065/1/2009-03-24_8806237.pdf (accessed: 05.05.2020).

Hennings J. Russia and Courtly Europe. Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2016. XI, 297 p.

Hofmann-Randall Ch. Die Herkunft und Tradierung des Burgundischen Hofzeremoniells // Zeremoniell als höfische Ästhetik in Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Hrsg. von J. J. Berns, T. Rahn. Tübingen : De Gruyter, 1995. S. 150–156. DOI 10.1515/9783110239638.

Maxtone-Graham M. E. The Beautiful Mrs. Graham and the Cathcart Circle. L. : Houghton Mifflin Company, 1928. 322 p.

Moser F. K. von. L'ambassadrice et ses droits. Berlin : De Bourdeaux, 1754. [4], 184 p. NLS MD – NLS. Manuscript Division. Acc. 12686. A5 (Cathcart J. Memoranda of Russia, 1768–1771).

Richardson W. Anecdotes of the Russian Empire: In a Series of Letters, Written, a Few Years Ago, from St Petersburg. L. : W. Strahan and T. Cadell, 1784. XVI, 478 p.

Roussel de Missy J. de Dumont. Le ceremonial diplomatique des cours de l'Europe, ou Collection des actes, memoires et relations... Et en général tout ce qui a rapport au Cérémonial [et] à l'Etiquette. Amsterdam ; La Haye : Chez les Janssons à Waesberge, Wetstein & Smith, & Z. Chatelain, 1739. 988 p.

Scott H. M. Great Britain, Poland and the Russian Alliance, 1763–1767 // *Historical J.* Vol. 19. 1976. No. 1. P. 53–74. DOI 10.1017/S0018246X00018306.

Scott H. The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001. XV, 285 p.

Scott H. M. Diplomatic Culture in Old Regime Europe // *Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century.* Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. P. 58–85.

Tegg W. Meetings and Greetings: The Salutations, Obeisances and Courtesies of Nations. L. : William Tegg & Co, 1877. 296 p.

TNA. SP. Dos. 91/79.

References

Ageeva, O. G. (2012). *Diplomaticheskii tseremonial imperatorskoi Rossii. XVIII vek* [Diplomatic Ceremonial in Imperial Russia. 18th Century]. Moscow, Novyi khronograf. 936 p.

Allen, G. (2019). The Rise of the Ambassador: English Ambassadorial Wives and Early Modern Diplomatic Culture. In *Historical J.* Vol. 62. Iss. 3, pp. 617–638. DOI 10.1017/S0018246X1800016X.

Allgor, C. (1997). “A Republican in a Monarchy”: Louisa Catherine Adams in Russia. In *Diplomatic History.* Vol. 21. Iss. 1, pp. 15–43. DOI 10.1111/1467-7709.00049.

Anderson, M. S. (1954). Great Britain and Russo-Turkish War of 1768–74. In *English Historical Rev.* Vol. 19. No. 270, pp. 39–58.

AVPRI [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 35/6 (Snosheniya Rossii s Angliei). Dos. 566. Soobshcheniya angliiskogo posla Katkarta N. I. Paninu. 1768 g.

Baiburin, A. K., Toporkov, A. L. (1990). *U istokov etiketa. Etnograficheskie ocherki* [At the Origins of Etiquette. Ethnographical Essays]. Leningrad, Nauka. 165 p.

Belsey, H. (2003). *Gainsborough's Beautiful Mrs. Graham.* Edinburgh, National Gallery of Scotland. 61 p.

Bil'basov, V. A. (1900). *Istoriya Ekateriny II* [The Story of Catherine II]. Berlin, Izdanie Fridrikha Gottgeinera. Vol. 1. Ekaterina do votsareniya, 1729–1762. X, 659 p.

Corfield, P. (2017). From Hat Honour to the Handshake: Changing Styles of Communication in the Eighteenth Century. In Corfield, P. J., Hannan, L. (Eds.). *Hats Off, Gentlemen! Changing Arts of Communication in the Eighteenth Century. Arts de comuniquer au dix-huitième siècle.* Paris, Honoré Champion, pp. 11–30.

Cross, A. (2005). *Britantsy v Peterburge: XVIII vek* [By the Banks of the Neva] / transl. by Yu. and N. Bespyatykh. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 526 p.

[Elphinstone] (2020). “*Russkaya vernost', chest' i otvaga*” *Dzhona Elfinstona: povestvovanie o sluzhbe Ekaterine II i ob Arkhipelagskoi ekspeditsii Rossiiskogo flota* [Russian Faith, Honour & Courage by John Elphinstone: A Narrative on His Service to Catherine the Great and about the Archipelago Expedition of the Russian Fleet] / transl., introduction and annotations by E. Smilianskaya and J. Leikin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 603 p.

Frijhoff, W. (1991). The Kiss Sacred and Profane: Reflections on a Crosscultural Confrontation. In *A Cultural History of Gestures: From Antiquity to the Present*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 210–236.

Frötschel, R. (2009). Der Handkuss in den Zeremonialprotokollen des Wiener Hofes (1652–1787). Wien. In *Universitätsbibliothek Wien* [website]. URL: http://othes.univie.ac.at/4065/1/2009-03-24_8806237.pdf (accessed: 05.05.2020).

Hennings, J. (2016). *Russia and Courtly Europe. Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. XI, 297 p.

Herberstein, S. von. (2008). *Zapiski o Moskovii v 2 t.* [Notes on Muscovite Russia. 2 Vols.]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. Vol. 1. Latinskii i nemetskii teksty, russkie perevody s latinskogo A. I. Maleina i A. V. Nazarenko, s rannenovoverkhnemetskogo A. V. Nazarenko. 774 p.

Hofmann-Randall, Ch. (1995). Die Herkunft und Tradierung des Burgundischen Hofzeremoniells. In Berns, J. J., Rahn, T. (Hrsg.). *Zeremoniell als höfische Ästhetik in Spätmittelalter und Früher Neuzeit*. Tübingen, De Gruyter, S. 150–156. DOI 10.1515/9783110239638.

Korb, J. G. (1997). Dnevnik puteshestviya v Moskovskoe tsarstvo [Diary of the Journey to the Tsardom of Muscovy]. In *Rozhdenie imperii*. Moscow, Fond Sergeya Dubova, pp. 25–257.

Labutina, T. L. (2019). *Britanskie diplomaty i Ekaterina II. Dialog i protivostoyanie* [British Diplomats and Catherine II. Dialogue and Confrontation]. St Petersburg, Aleteiya. 458 p.

Maxtone-Graham, M. E. (1928). *The Beautiful Mrs. Graham and the Cathcart Circle*. L., Houghton Mifflin Company. 322 p.

Moser, F. K. von. (1754). *L'ambassadrice et ses droits*. Berlin, De Bourdeaux. [4], 184 p. NLS MD – NLS Manuscript Division. Acc. 12686. A5 (Cathcart, J. Memoranda of Russia, 1768–1771).

Nyrop, K. (1898). *O potseluyakh. Kul'turno-istoricheskii ocherk* [On Kissing: A Cultural-Historical Sketch]. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. [4], IV, 140 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 12.

Richardson, W. (1784). *Anecdotes of the Russian Empire: In a Series of Letters, Written, a Few Years Ago, from St Petersburg*. L., W. Strahan and T. Cadell. XVI, 478 p.

Rodzinskaya, I. Yu. (1967). *Russko-angliiskie otnosheniya 60-kh – 70-kh gg. XVIII v. (1762–1775)* [Russo-English Relations in the 1760s – 1770s (1762–1775)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 414 p.

Rousset de Missy, J. de Dumont. (1739). *Le ceremonial diplomatique des cours de l'Europe, ou Collection des actes, memoires et relations... Et en général tout ce qui a rapport au Cérémonial [et] à l'Étiquette*. Amsterdam, La Haye, Chez les Janssons à Waesberge, Wetstein & Smith, & Z. Chatelain. 988 p.

Scott, H. M. (1976). Great Britain, Poland and the Russian Alliance, 1763–1767. In *Historical J.* Vol. 19. No. 1, pp. 53–74. DOI 10.1017/S0018246X00018306.

Scott, H. (2001). *The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. XV, 285 p.

Scott, H. M. (2007). Diplomatic Culture in Old Regime Europe. In *Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 58–85.

SIRIO [Collection of the Russian Imperial Historic Society]. Vol. 12. XXVII, 499 p. Vol. 19. XXVII, 547 p.; Vol. 48. [6], LI, 660 p.; Vol. 95. 10, XX, 766 p., 110 columns.

Smilyanskaya, E. B. (2019). Anglofiliya Ekateriny II i "isklyuchitel'noe posol'stvo" lopda Katkarta v Sankt-Peterburg v 1768–1772 gg. [Catherine II's Anglophilia and Lord Cathcart's "Extraordinary Embassy" in St Petersburg, 1768–1772]. In *J. of Modern Russian History and Historiography*. Vol. 12 (1), pp. 224–244. DOI 10.1163/22102388-01201009.

Smilyanskaya, I. M., Velizhev, M. B., Smilyanskaya, E. B. (2011). *Rossiya v Sredizemnomor'e. Arkhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoi* [Russia in the Mediterranean. Archipelago Expedition of Catherine the Great]. Moscow, Indrik. 838 p.

Sokolov, A. B. (1992). *Navstrechu drug drugu. Rossiya i Angliya v XVI–XVIII vv.* [Towards Each Other. Russia and England in the 16th–18th Centuries]. Yaroslavl', Verkhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo. 300 p.

Tegg, W. (1877). *Meetings and Greetings: The Salutations, Obeisances and Courtesies of Nations*. L., William Tegg & Co. 296 p.

TNA. SP. Dos. 91/79.

Veselovskii, N. I. (1911). *Tatarskoe vliyanie na russkii posol'skii tseremonial v moskovskii period russkoi istorii* [Tartar Influence on the Russian Ambassadorial Ceremonial in the Muscovite Period of Russian History]. St Petersburg, Tipografiya B. M. Vol'fa. [2], 19 p.

Yuzefovich, L. A. (2011). *Put' posla: russkii posol'skii obychai, obikhod, etiket, tseremonial. Konets XV – pervaya polovina XVII v.* [The Path of an Ambassador: Russian Embassy Custom, Everyday Life, Etiquette, Ceremonial. Late 15th – First Half of the 17th Centuries]. St Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha. 340 p.

The article was submitted on 09.06.2020

CLASS IDEAS AND PRACTICES BETWEEN THE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

DOI 10.15826/qr.2020.4.527
УДК 94(470)”18” + 316.77 + 342.843

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ГРУППОВАЯ СОЛИДАРНОСТЬ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО*

Дмитрий Тимофеев

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

ELECTORAL CONFLICTS AND GROUP SOLIDARITY OF THE RUSSIAN NOBILITY IN THE REIGN OF ALEXANDER I

Dmitry Timofeev

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The study of the history of electoral conflicts focuses on the identification of conditions in the formation of group solidarity in Russian noble assemblies in the first quarter of the nineteenth century. The author refers to a collection of public speeches, complaints, and petitions filed by representatives of the nobility, the reports and internal memoranda of governors, and the reactions to them by governing authorities in the form of ministerial resolutions, senate orders, and decrees kept in the funds of the Russian State Historical Archive. The author carries out comparative analysis of the content and direction of arguments expressed by the participants and reveals the presence of co-existing discourses on the “spirit” and “letter of the law”, “common good”, the possibility of violating the established

* *Citation*: Timofeev, D. (2020). Electoral Conflicts and Group Solidarity of the Russian Nobility in the Reign of Alexander I. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1274–1291. DOI 10.15826/qr.2020.4.527.

Цитирование: Timofeev D. Electoral Conflicts and Group Solidarity of the Russian Nobility in the Reign of Alexander I // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1274–1291. DOI 10.15826/qr.2020.4.527 / Тимофеев Д. Электоральные конфликты и групповая солидарность российского дворянства в царствование Александра Первого // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1274–1291. DOI 10.15826/qr.2020.4.527.

procedure for holding elections, the priority of collective opinion, and the right of the noble assembly to disagree with the decisions of the provincial authorities. The author also studies the circumstances which caused conflicts to appear. This demonstrates that there were two key factors determining the arguments used in conflicts and the character of group solidarity. First, there were the ideal behaviour patterns for noblemen disseminated by the supreme power, which demanded that opinions be “impartial”. Second, there was electoral competition and the clientelist model of recruiting supporters of candidates for elective offices. In such a situation, electors conspired or filed a complaint to the Minister of Internal Affairs about the deprivation of elected candidates or refusal to confirm them in office by the governor. On certain occasions, such protests were accompanied by drawing up documents not stipulated by the procedure, claims about the priority of general opinion, and insubordination of the noble assembly to the power of the governor. The author concludes that electoral conflicts in noble assemblies had a considerable communicative influence on the power structures of various levels, forcing them to react to group solidarity and arguments about the priority of collective decisions over the opinion of a representative of the provincial authorities. All of this makes it possible to argue that in the first quarter of the nineteenth century, Russia was part of the all-European process of the formation of public institutions.

Keywords: Russia in the first quarter of the 19th century, power and property; social dialogue; communicative practice; public sphere; electoral conflict; nobility elections.

Исследование истории электоральных конфликтов направлено на выявление условий и способов формирования групповой солидарности в дворянских собраниях России первой четверти XIX в. В работе использован комплекс сохранившихся в фондах РГИА публичных выступлений, жалоб и прошений представителей дворянских собраний, отчетов и докладных записок губернаторов, а также ответной реакции правительственных структур в форме министерских резолюций, сенатских предписаний и указов. Сравнительный анализ содержания и направленности высказываемых участниками конфликтного взаимодействия аргументов выявил наличие одновременно существовавших дискурсов о «духе» и «букве» закона, «общей пользе», возможности нарушения установленного порядка проведения выборов, приоритетности коллективного мнения и праве дворянского собрания выражать несогласие с решениями губернских властей. Изучение обстоятельств возникновения конфликтов показало, что важными факторами, определявшими аргументацию и способ проявления групповой солидарности, были, с одной стороны, транслируемые верховной властью идеальные образцы поведения дворянина, предписывающие «беспристрастно» выражать свое мнение, а, с другой – электоральная конкуренция и клиентелистская модель рекрутирования сторонников кандидатов на выборные должности. В сложившихся условиях групповая солидарность выражалась в предварительном сговоре выборщиков или в форме «жалобы» министру внутренних дел на решения губернатора об отстранении/неутверждении в должностях уже избранных

кандидатов. В некоторых случаях такие протесты сопровождалось составлением не предусмотренных процедурой документов, заявлениями о приоритетности «общего мнения» и неподчиненности дворянского собрания власти губернатора. Автор констатирует, что электоральные конфликты в дворянских собраниях оказывали заметное коммуникативное воздействие на властные структуры различного уровня, вынуждая реагировать на проявления групповой солидарности и аргументы о приоритетности коллективного решения над мнением представителя губернской администрации. Все это позволило сформулировать вывод о включенности России первой четверти XIX в. в общеевропейский процесс формирования институтов «публичной сферы».

Ключевые слова: Россия в первой четверти XIX в.; власть и общество; социальный диалог; коммуникативная практика; публичная сфера; электоральный конфликт; дворянские выборы.

Одной из тенденций в историографии общественно-политической мысли Нового времени является отказ от поиска в текстах исторических персонажей внутренне непротиворечивых политических представлений, которые позволили бы безоговорочно причислить их к сторонникам определенной политической идеологии [Российский либерализм; Тимофеев]. Признание того, что в общественном сознании одновременно сосуществовали различные способы осмысления одних и тех же социально-политических и экономических принципов, актуализировало интерес исследователей к истории дискурсивных/коммуникативных практик, выявлению способов публичной аргументации современников изучаемого периода времени [Кембриджская школа].

В России последней трети XVIII – первой половины XIX в. развитие периодической печати, появление разнообразных вольных, официальных и благотворительных обществ, литературных салонов и кружков постепенно расширили круг возможностей индивида публично высказывать свою позицию по различным вопросам. Этому способствовали и созываемые для проведения баллотировки на выборные должности дворянские собрания. Несовершенство процедуры подготовки к выборам, неутверждение результатов голосования губернатором, отстранение от должности уже избранных кандидатов – все это способствовало появлению не предусмотренных процедурой публичных заявлений о несогласии с включением или исключением какого-либо дворянина из избирательных списков, составлению как индивидуальных, так и коллективных прошений, адресованных министру внутренних дел или императору.

В рамках настоящего исследования обращение к социально-коммуникативным аспектам электоральных конфликтов направлено на выявление аргументов их участников и реконструкцию процесса формирования представлений о значимости и способах проявления

групповой солидарности российского дворянства. Сопоставление комплекса архивных дел, отражающих аргументацию участников конфликтов между конкурирующими за выборное место группами дворян, дворянскими обществами и губернскими властями, выявило несколько моделей поведения и способов обоснования важности коллективного мнения.

Одной из форм открытого выражения несогласия с происходившим в процессе подготовки, проведения и подведения итогов голосования были публичные выступления, авторы которых акцентировали внимание на существенных нарушениях процедуры составления избирательных списков и требовали устранения противоречия между формально-юридическими установками, «духом закона» и сложившейся практикой проведения выборов. Ярким примером публичного заявления о несоответствии реального положения и установленного законом порядка является «голос» воронежского помещика штабс-капитана П. С. Шеншина. После прочтения в собрании 10 января 1810 г. текст его выступления был представлен губернскому предводителю дворянства и содержал ряд принципиально важных аргументов против проведения голосования. Автор утверждал, что избирательные списки были составлены с нарушением «высочайше дарованной дворянству грамоты»: к выборам были допущены дворяне, «не имеющие в уезде недвижимого имени», «не владеющие собственным своим, а принадлежащим отцам, матерям и женам их имением», «владельцы людей без земли»; дворяне, имеющие право «присутствовать в собрании при выборе и баллотировании», но не представившие свидетельства о внесении их рода в дворянскую книгу Воронежской губернии. Для большей убедительности своих слов П. С. Шеншин использовал обширные цитаты из текста «Жалованной грамоты дворянству» (ст. 62, 63, 69, 72, 90) [РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а, 1810. Кн. 6. Д. 165. Л. 1⁶–1⁶ об.].

Следует отметить, что подобная апелляция к «букве закона» достаточно часто использовалась в качестве неопровержимого подтверждения справедливости высказываемых суждений. Однако П. С. Шеншин не ограничился только цитированием текста «жалованной грамоты». Для усиления эмоционального воздействия на аудиторию им были использованы несколько риторических приемов. Так, объясняя мотивы своего выступления фразой «сии вышеописанные высочайшей грамоты дарованные узаконения почитаю обязанностью моею соблюсти в точности», автор высказывал уверенность, что все собравшиеся испытывают то же чувство:

Я мыслю, что никто из благородного дворянства не попротивуречит мне в том, что всякой закон есть правило, по которому мы должны поступать, что высочайше дарованная дворянству грамота есть закон, по которому обязаны мы производить выборы чиновников в должности [Там же. Л. 1⁶ об.].

Все это, по его мнению, является достаточным основанием для публичного объявления приказа о немедленном удалении из собрания дворян, не имеющих права участвовать в выборах. Второй аргумент, публичное опровержение которого было невозможно, – напоминание о состоявшейся за день до голосования процедуре приведения участников собрания к присяге¹. Это обстоятельство, по словам автора, усиливает противоречие между данным дворянином обязательством и выявленными нарушениями:

Вчерашний день мы дали Богу клятву, чтоб нам производить сии выборы беспристрастно, но имеет ли беспристрастие сие соблюстись, если не будут соблюдены постановления сей высокой грамоты.

И наконец, в качестве дополнительного аргумента, подтверждающего обоснованность высказанных претензий, использовалось упоминание о публичном провозглашенном призыве губернатора Воронежской губернии «при сих выборах непременно сохранить правила той грамоты и все о сем предмете высочайшие узаконения» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а, 1810. Кн. 6. Д. 165. Л. 1⁶ об.].

При этом П. С. Шеншин гипотетически допускал, что некоторые участники могли высказать контраргументы, оправдывавшие вынужденные «отступления» при формировании избирательных списков. Не озвучивая содержание подобных контраргументов, он советовал всем тем, кто считали в сложившихся условиях возможным допустить частичные нарушения закона,

...подойти к Зерцалу, на столе у господ губернского и уездного предводителей стоящему, и прочесть изображенные на нем в бозе почивающего государя нашего Петра Великого слова: «Всуде законы писать, когда их не хранить, или ими играть как в карты, прибирая масть к масти» [Там же. Л. 1⁶ об.].

В такой форме автор применяет еще один важный риторический прием – обращение к мнению исторического деятеля, авторитет которого публично невозможно отрицать. С начала XIX в. практически любая ссылка на высказывание Петра I или Екатерины II, вне зависимости от того, было оно реальным или являлось результатом позднейшей мифологизации образа императора, становилась безусловным аргументом в публичной дискуссии. В завершение своей речи П. С. Шеншин в ультимативной форме озвучивает принятое им на основании всех обозначенных ранее аргументов решение:

¹ После официального объявления разрешения на открытие дворянского собрания все его участники направлялись в городской собор для совершения молебна за здоровье императора и слушания наставления священника о важности предстоящего голосования. После этой процедуры дворяне приносили присягу «на беспристрастный выбор», см.: [Куприянов, с. 325–326].

Руководствуясь вышеизъясненными узаконениями, соблюдая справедливость и присягу, объявляю почтеннейшему дворянскому сословию, что при сих выборах ни к чему не могу приступить, если хотя малое что будет сделано в отмену изданных на оное узаконений [Там же. Л. 1⁶ об.].

Таким образом, он публично объявлял об отказе участвовать в баллотировке кандидатов на выборные должности.

Проведенный анализ «голоса» Н. С. Шеншина позволяет сделать несколько важных для понимания мировоззрения поместного дворянства первой половины XIX в. обобщений. Наиболее значимые и действенные аргументы выстраивались посредством установления взаимосвязей между концептами «закон», «беспристрастие», «обязанность», «подписание начальства», «честность пред собой и Богом». Все они органично сочетались с идеологией безусловной поддержки российским дворянством намерений Петра I и Екатерины II по формированию ответственного отношения российского подданного к «службе на благо Отечества». Однако автор не просто заявляет о приверженности идеальной модели поведения дворянина, но и публично отказывается совершать действия, которые этой модели противоречат. В этой связи важно выявить не только способ аргументации отказа от участия в выборах, но и то, на какой результат он рассчитывал. Маловероятным представляется, что Н. С. Шеншин был уверен в незамедлительном исправлении всех указанных недостатков, так как в этом случае выборы просто бы не состоялись в силу недостаточного количества кандидатов. Более того, сроки проведения выборов устанавливались министром внутренних дел с периодичностью один раз в три года и не могли быть перенесены по решению собрания, председателя дворянства и даже губернатора. В этих обстоятельствах для него важен был не столько практический результат, сколько возможность публично продемонстрировать свою личную позицию, показать пример того, как должен вести себя дворянин, стремящийся исполнить свой гражданский долг². Такая демонстрация возможности противопоставления индивида сложившейся практике принятия не соответствующих «букве и духу закона» решений полностью соответствовала провозглашаемому в тексте присяги обещаниям дворянина избегать «пристрастия», «собственной корысти», помнить о «пользе и благе всего Отечества».

Важным фактором, способствовавшим появлению сознательной установки на публичную демонстрацию приверженности «букве закона», «общему благу», «общественной пользе», личной ответственности и готовности к «общественному служению», были «наставления» и «приветственные речи» при открытии дворянских собраний. В некоторых случаях тексты таких выступлений становились до-

² В материалах дела есть упоминание о реакции участников дворянского собрания на заявление Н. С. Шеншина: некоторые дворяне предположили, что он желал сам избраться на должность в «милицию», но не был включен в список кандидатов.

ступными широкой читательской аудитории. Например, в «Вестнике Европы» за 1809 г. читателям был представлен текст речи, произнесенной В. Полетикой в дворянском собрании Полтавской губернии. На протяжении всего выступления автор высказывал уверенность в том, что собравшиеся в дворянском собрании признают взаимосвязь частной и общей пользы. Для него как человека, неоднократно участвовавшего в выборах, очевидно, что в сознании «человека общественного», к которым, безусловно, относятся представители дворянства, подобная взаимосвязанность является устойчивым осознанным элементом мировоззрения. В этой связи В. Полетика отмечал:

...уже третий раз имею удовольствие читать на лицах ваших то, что вы ищите собственного благополучия в общем всех, что в совести, законе и благомыслии находите вы и теперь первые для себя правила [Речь, произнесенная в Полтаве, с. 262].

Логическим следствием признания естественной взаимосвязи частного и общественного, по словам автора, является понимание важности активного участия дворянства в процедуре избрания и последующего «служения» на выборных должностях. Рассуждая о «непреложном долге общественного человека», он призывает собравшихся дворян помнить о том, что «богатый и бедный, сильный и слабый, всякий праздный гражданин вреден» [Там же, с. 263]. На этом фоне активное участие публично объявлялась желательной моделью поведения дворянина на выборах.

Наряду с уверенностью в стремлении участников дворянского собрания действовать во имя «общего блага», в речи В. Полетики были изложены также и прагматичные аргументы, которые должны были показать необходимость заинтересованного отношения дворян к выборной процедуре. Первый из их условно можно назвать аргументом *ответственного группового (солидарного) представительства*, то есть представительства не абстрактных групп, объединенных лишь общинностью «состояния» или места жительства на территории уезда/губернии, а конкретных людей, с которыми многие были лично знакомы. Используя образные сравнения, В. Полетика задавал риторический вопрос:

Сравнитесь ли вы с бессмысленными животными, позабудете ли братьев своих, отсутствующих иверяющих здесь свою честь, свою безопасность и свое спокойствие вашему беспристрастию, вашей благонамеренности и разборчивости, и с ними вместе Отечество? [Там же].

В такой формулировке ответ и для автора, и для слушателей был очевиден, так как любой дворянин должен был быть способен осознавать ответственность за совершаемые им действия. Второй аргумент, используемый для усиления первого, – напоминание о том, что созыв дворянских собраний и возложенная на них обязанность выбирать

чиновников происходят по воле императора, который рассчитывает на искреннее и деятельное участие дворянина:

Верховная власть призывает вас опять к отечественному служению. <...> Сколь скоро общественное служение перестает быть первым делом граждан, сколь скоро любят они служить одним богатством своим, а не лицами; тогда государство, поддерживаемое не сынами своими, а наемниками, близко уже к своему падению [Речь, произнесенная в Полтаве, с. 263–264].

В данном случае процедура баллотирования на выборные должности преподносилась как реальная возможность проявить «общую волю» неравнодушных к судьбе отечества граждан, которые могут выразить свое мнение вне зависимости от чинов или материального положения конкретного индивида. Установленное законом равенство права дворянина выражать свое мнение является гарантией принятия справедливых и всесторонне продуманных решений: «В сем благородном собрании своем вы излагаете общую волю всех – волю всегда справедливую и полезную!» [Там же, с. 264].

Завершая обоснование важности *группового мнения*, автор переходит от абстрактных утверждений и призывов к наставлениям по выполнению главной задачи дворянского собрания – определению чиновников на выборные административные и судебные должности. Для него принципиально важными качествами потенциальных кандидатов были «просвещение», «нравственность», «прямотушие», способность к «состраданию» и «защите слабых». Наличие у избранных большинством голосов кандидатов таких качеств, по мнению Полетики, необходимо и непосредственным участникам собрания, и всем тем, кто проживает на территории губернии.

Ориентиром же для тех, кто будут избраны судьями, по мнению В. Полетики, должны быть юридические принципы, сформулированные в произведениях известных европейских мыслителей: «Пусть не выпускают из рук своих просвещеннейших законописателей Рейналя и Бентама и черпают в них наставления к благоденствию людей» [Там же, с. 266]. В таком контексте подчеркивалась близость теоретических оснований правовой системы России и развитых стран Европы, знание которых поможет принимать законные и справедливые решения по защите имущественных прав, личного достоинства отдельных граждан и безопасности общества в целом.

Сопоставление аналогичных выступлению В. Полетики текстов показало, что в публичном пространстве («речи» в дворянских собраниях, публикации в журналах, официальные наставления представителей губернской администрации, указы о созыве собрания и т. п.) неоднократно предлагался образ неравнодушного образованного дворянина, который стремится быть «полезным Отечеству» и активно участвует в избирательной процедуре, неукоснительно соблюдая все законы и предписания верховной власти. Такая модель поведения отчасти

соответствовала сформированному еще во второй половине XVIII в. представлению дворянина о «службе» и «чести» [Марасинова].

Однако публичная демонстрация приверженности дворянина «честно и беспристрастно» участвовать в работе дворянских собраний не означала повсеместного распространения данной модели поведения на практике. Напротив, анализ содержания разнообразных жалоб «о беспорядках при проведении выборов» позволил выявить множество случаев целенаправленного нарушения предписываемого образца поведения. Нарушение принципа «беспристрастия» зафиксировано, например, в представлении министру внутренних дел от смоленского гражданского губернатора С. С. Апраксина 18 мая 1805 г. Автор сообщал, что главная причина, предопределявшая невозможность проявления избранными кандидатами «должного беспристрастия и справедливости», – подкуп выборщиков кандидатами, претендующими на место судьи или исправника:

Дворянин, желающий быть избранным или желающий избрать кого-либо к занятию важного поста в своем уезде, прежде отъезда в губернский город составляет партию. Глава, начальствующий оною, имея в виду не общие, а собственные свои виды, побуждение и пользу, назначает наперед, кого им избрать и кого отвергнуть должно. Иногда бывает таковых партий в одном уезде две или три. Каждая старается по возможности себя усилить числом, привлекая для умножения избирательных балов самобеднейших дворян, провоз которых до губернского города, содержание их во все продолжение выборов и своз до дома остается обыкновенно на счет приглашающих [РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. 1805. Кн. 22. Д. 8. Л. 167—167 об.].

Аргументируя свое негативное отношение к возникновению «партий», С. С. Апраксин акцентировал внимание не только на несоответствии поведения участников предвыборного сговора идеалу бескорыстного общественного служения. По его мнению, причиняемый «вред обществу» имел экономические и правовые последствия, так как избранные в результате предварительных договоренностей чиновники неизбежно становились зависимыми от тех, кто их поддержал, а следовательно, они не могли честно исполнять свои служебные обязанности. Именно поэтому электоральные «партии» рассматривались как недопустимая форма самоорганизации местного дворянства, основанная на расчете получить протекцию при решении судебных тяжб или, напротив, затягивания процесса рассмотрения дел о долгах, недоимках или штрафах. Для искоренения негативных последствий «пристрастного» избрания чиновников С. С. Апраксин просил министра представить императору предложение о необходимости упразднения выборности земского исправника и уездного судьи и введения практики назначения на эти должности чиновников от «короны» [Там же. Л. 168].

Предварительный подкуп избирателей и иные способы привлечения голосов за конкретного кандидата формально не являлись нару-

шением действующего законодательства. Мелкопоместное дворянство рассматривало подобную практику как вполне допустимый способ уменьшить расходы на исполнение общественных обязанностей. Для большинства же «начальников губерний», в отличие от смоленского губернатора Апраксина, предварительные договоренности участников служили своеобразной гарантией участия достаточного для проведения голосования на все вакантные должности количества дворян.

В общем виде на фоне растущей рационализации электорального поведения [Куприянов, с. 384] и заметного материального неравенства дворянства выборы способствовали периодическому воспроизводству клиентелистской модели отношений³. Небогатый дворянин и его условный покровитель объединяли усилия для достижения конкретной цели – избрания кандидатов на должности служащих уездного суда, земского суда, совестного суда, уездного и губернского предводителя дворянства. Помимо возможности оказывать влияние на ход рассмотрения судебных исков, выборные от дворян входили в состав квартирных комиссий, а предводители дворянства участвовали в процедуре «раскладки» рекрутской повинности по помещичьим имениям и в назначении опеки [ПСЗ-1, т. 20, № 14509, с. 416; т. 30, № 23114, с. 344]. Все эти функции позволяли решать множество частных, но очень значимых для конкретного дворянина вопросов.

В России первой четверти XIX в. электоральный клиентелизм в зависимости от того, кто был инициатором вовлечения местных дворян в группу поддержки кандидата, мог быть как кратковременным, так и достаточно длительным процессом. В первом случае инициатором был состоятельный кандидат, который, получив желаемую должность, мог не обращаться к своим сторонникам из числа «самобеднейших крестьян» как минимум до следующих выборов либо помогать им в решении незначительных вопросов эпизодически. Второй же сценарий, если организаторами участия «сторонников» оказывались влиятельные персоны, заинтересованные иметь на должности предводителя дворянства, судьи или стряпчего «своего человека», подразумевал готовность внимательно слушать и исполнять пожелания своих покровителей на протяжении длительного периода времени. При этом, вне зависимости от продолжительности, возникавшие таким образом клиентские взаимоотношения не имели политической направленности.

В работах дореволюционных историков образование патерналистских, утилитарно ориентированных «партий» получило негативную оценку как свидетельство «необразованности провинциального дворянства» и непонимания им важности для дальнейшего политического развития страны отстаивания сословных интересов посредством укрепления независимости дворянских собраний [Корф, с. 350, 355; Романович-Славатинский, с. 433]. Однако, на мой взгляд, в условиях территориальной и материальной разобщенности дворянского сосло-

³ О характерных признаках и условиях возникновения данной модели см.: [Эйзенштадт, Ронигер, с. 6–40].

вия именно прагматические цели становились катализатором процесса группообразования вне границ соседских отношений дворян одного уезда. В процессе конкуренции за возможность оказывать влияние на решение частных вопросов постепенно созревало понимание важности *групповой солидарности*, которая особенно заметно проявлялось в случае возникновения электоральных конфликтов между дворянским собранием, предводителем дворянства и губернскими властями.

Формальное обстоятельство для начала таких конфликтов – неутверждение губернатором результатов голосования на выборах в дворянских собраниях. Как правило, одна из сторон, желая объяснить свою позицию и доказать ее обоснованность, незамедлительно сообщала о произошедшем министру внутренних дел. С этого момента противостояние приобретало форму борьбы аргументаций, которые должны были убедить коронные власти в обоснованности действий участников противостояния.

Подобный сценарий отчетливо прослеживается, например, в деле по жалобе дворянского собрания Казанской губернии на действия вице-губернатора Ф. П. Гурьева, направленной весной 1815 г. министру внутренних дел О. П. Козодавлеву⁴. Основные положения жалобы были практически дословно воспроизведены в рапорте министра Сенату. Все три пункта выдвигавшихся против вице-губернатора обвинений были связаны с проявлением *«неуважения» к коллективному мнению* дворянского собрания. Во-первых, он «настоятельно требовал возобновления выборов, не уважив просьбы дворянства об отсрочке оных до возвращения ополчения»⁵. Аргументируя перенос выборов на более поздний срок необходимостью дожидаться возвращения дворян из ополчения, авторы жалобы писали, что данная мера позволит «места, от выборов зависящие, наполнить достойными чиновниками», что безусловно совпадало с официально заявленными целями созыва дворянского собрания. Во-вторых, А. Ф. Гурьев «промедлил» с утверждением на должности уже избранных собрания кандидатов: уездного и губернского предводителя – на шесть дней, а остальных – на срок от 23 до 25 дней. Третьим и самым весомым аргументом дворянства против вице-губернатора стало его «несправедливое» решение об отказе в утверждении на должности 24 дворян, «кои имели полные права на выборы» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а (1814). Кн. 91. Д. 252. Л. 293 об. –294]. В такой формулировке апелляция к справедливости в сочетании с упоминанием права дворянства на избрание «достойных кандидатов» подчеркивала приоритетность коллективного мнения перед решением одного чиновника, который, как и любой индивид в отдельности, мог быть пристрастным.

⁴ Этот случай был не единственным примером противостояния дворянства и власти в Казанской губернии [Бикташева, с. 71–84].

⁵ Опасения дворян подтвердились: после завершения баллотировки «осталось еще 30 мест по выборам, незамещенным по причине недостатка дворян» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а, 1814. Кн. 91. Д. 252. Л. 293].

В объяснительной записке министру внутренних дел, составленной в форме ответов на высказанные в его адрес претензии, А. Ф. Гурьев не отрицал право дворян губернии избирать «достойных чиновников». Но для него принципиальное значение имело не абстрактное рассуждение о справедливости или заявление о правах дворянства участвовать в определении чиновников на должности, не общий «дух закона», трактуемый современниками как совокупность принципов, позволяющих отступить от формальных требований закона, если это способствует выполнению его главного назначения. Объясняя свое решение, А. Ф. Гурьев, по сути, излагает ту же позицию, которая отчетливо прослеживается в анализируемых выше публичных выступлениях Н. С. Шеншина и В. Полетики – важны не только «дух», но и «буква закона». В рамках данной системы аргументов он подробно излагал причины неутверждения уже избранных дворян: два человека были ранее отстранены от должностей по подозрению во взяточках, два оштрафованы; один «предан суду за беспечность и нерадение в производстве следствия»; один «замечен уголовною палатой в упущении и послаблении виновных»; один «замечен в нетрезвом поведении и буйных поступках, публично оказанных им»; один кандидат был моложе 25 лет, а остальные 17 не имели собственного имения или не были записаны в дворянскую родословную книгу [РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а (1814). Кн. 91. Д. 252. Л. 295]. Очевидно, что формально вице-губернатор действовал в строгом соответствии с законом. Как минимум четыре обозначенных основания для отказа свидетельствовали о существенных нарушениях баллотировавшихся кандидатов на прежнем месте службы, что ставило под сомнение их способность «беспристрастно» исполнять обязанности на выборных должностях. Но и такие с формальной точки зрения неопровержимые аргументы не остановили наиболее активных участников дворянского собрания. Настаивая на необходимости отмены решения А. Ф. Гурьева, они, в свою очередь, по каждому кандидату представили письменные объяснения, общий смысл которых сводился к констатации недоказанности их виновности [Там же. Л. 295–297].

Приведенный пример наглядно показывает, каким образом происходило формирование в ходе электоральных конфликтов дискурса о справедливости и законности принимавшихся местными властями решений, значимости коллективного мнения и возможности его отстаивания посредством обращения к чиновникам общероссийского уровня. В отдельных случаях противостояние дворянского общества и губернатора доходило до провозглашения автономности дворянского самоуправления, а следовательно, его независимости от местной власти.

Показателем актуальности вопроса о роли группового мнения в ходе электоральных конфликтов было составление дворянскими собраниями не предусмотренных законом «самовольных постановлений». Так, в ходе проведения Н. И. Огаревым сенаторской ревизии Саратовской губернии выяснилось, что в ходе выборов 14 января

1825 г. предводители Камышинского и Царицынского уезда «с наличными благородными дворянами» составили «самопроизвольный акт», в котором сообщалось:

...по совершенному неимению в обоих наших уездах из наличных свободных дворян, на баллотирование право имеющих, по известной нам способности, честному служению и хорошему поведению избрали мы жительствующих в наших городах Камышине и Царицыне дворян, не имеющих в округе онаго деревень, ни поместьев, а только одни в городах дома и при них услуги [РГИА. Ф. 1557. Оп. 1. Д. 88. Л. 14–14 об.]

Осознавая незаконность избрания, участники голосования считали принципиально важным зафиксировать «общее мнение дворянства» не обычным протоколом, а отдельным актом, который мог быть дополнительным аргументом при неутверждении данного решения губернатором.

К явному противостоянию дворянства и губернских властей привело составление в январе 1811 г. «самопроизвольного акта» в Олонецкой губернии. В общем виде сценарий возникновения конфликта был таким же, как и в большинстве подобных случаев. По результатам проверки губернатором В. Ф. Мертенсом избирательных списков выяснилось, что из 44 участников собрания только семь человек были записаны в дворянскую родословную книгу, то есть формально 37 депутатов, в том числе и избранный на должность губернского предводителя дворянства надворный советник Тяполков, не имели права голоса. Одновременно с этим оказалось, что к выборам были «допущены такие дворяне и чиновники, которые состояли под судом и по оному не оправданы» [РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1811. Д. 293. Л. 29, 38]. Основываясь на изложенных фактах, губернатор не утвердил уже избранных кандидатов на выборные должности. Недовольные таким решением дворяне отправили домой к губернатору «депутацию», в состав которой входили бывший и только что избранный предводители дворянства, а также губернский прокурор. После отказа губернатора утвердить результаты выборов на квартире предводителя дворянства были составлены два протокола, содержание которых не было доведено до сведения губернатора. Более того, на требование доставить копии этих документов, по словам губернатора, предводитель дворянства заявил:

Поелику собрание ни в каком случае не подвержено в движениях своих и делах ответу, то и он ничего более донести мне не может, как ровно и доставить мне требуемые копии, не имея от дворянского собрания поручения [Там же. Л. 37].

Адресованное лично губернатору Мертенсу, подобное заявление демонстрировало результат размышлений местного дворянства о пределах власти губернатора во взаимоотношениях с дворянским

собранием. По логике предводителя дворянства, если в соответствии с законом губернатор не имел права присутствовать при голосовании в дворянском собрании, то он и не должен был вмешиваться в принятие любых решений благородным дворянством. Правовой основой такого рода аргументации могли быть два указа от 16 августа 1802 г., определявших ответственность губернаторов за превышение установленных законом полномочий [ПСЗ-1, т. 27, № 20372, с. 221–222; № 20374, с. 223–226]. Можно предположить, что составленные дворянами протоколы изначально были адресованы не губернатору как одному из заинтересованных субъектов конфликта, а имперским властям, которые могли оказать на него решающее воздействие.

К сожалению, составленные дворянами протоколы впоследствии были уничтожены, и о их содержании нам известно только по оценочному суждению в указе Правительствующего сената от 30 апреля 1811 г. При описании беспорядков на выборах сообщалось:

Собрание... составило два протокола, наполненные выражениями непристойными на счет установленной законами власти и неприличными образом мыслей благородного сословия и рассуждениями, дух неповиновения обнаруживающими [РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1811. Д. 293. Л. 38 об.]

Этим же указом от должностей были «отрешены» и подвергнуты «надлежащим по закону взысканиям» советник губернского правления (бывший ранее губернским предводителем дворянства) Киприянов, избранный дворянским предводителем Тяпалков, губернский прокурор Львов, а также все подписавшие самовольно составленные протоколы.

* * *

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать ряд принципиально важных обобщений. Существенным фактором, способствовавшим осознанию участниками дворянских собраний необходимости внутригрупповой консолидации, была *электоральная конкуренция*, которая возникала в результате стремления кандидатов (или их покровителей) на выборные должности получить доступ к судебно-административным ресурсам для достижения экономических и карьерно-статусных целей. Однако уровень электоральной конкуренции, а следовательно, и понимания значимости групповой солидарности в различных губерниях мог существенно отличаться вследствие целого ряда объективных и субъективных причин. В данном контексте было бы ошибочным предполагать наличие общей тенденции в отношении дворянства к выборам даже для тех российских губерний, где существовала практика их проведения⁶.

⁶ В губерниях с небольшим количеством дворян служащие местных судов и администрации назначались «коронной властью».

В одних регионах наиболее значимой причиной, определявшей низкую конкурентность избирательного процесса, был недостаток кандидатов для определения на выборные должности. Не менее значимым обстоятельством, снижавшим уровень электоральной конкуренции, было уклонение некоторых дворян от участия в выборах, а иногда и от последующего исполнения обязанностей на выборных должностях [Корф, с. 447–448, 312–332, 354–355; Романович-Славатинский, с. 494–495, 497]. В ряде местностей такое поведение дворян вынуждало губернаторов обращаться с прошениями назначать на выборные должности чиновников от короны. Реагируя на подобные обращения, верховная власть неоднократно объявляла о недопустимости безответственного отношения к «общественной службе» [ПСЗ-1, т. 27, № 20381, с. 228, № 20734, с. 570; т. 30, № 23538, с. 878–881].

Но одновременно с губерниями, где в силу недостатка «достойных для участия» дворян выборы проводились без заметной конкуренции, были и губернии, в которых борьба за возможность занять выборную должность приводила к формированию электорального клиентелизма и различным нарушениям процедуры голосования. Подобные действия свидетельствуют о существовании реального соперничества, так как патронам бессмысленно было финансировать участие групп поддержки кандидатов в случае, если фактической конкуренции на выборах не было, и они не приносили ожидаемых результатов [Гилев, с. 30, 38]. Доминирование же примитивных способов «вербовки» выборщиков объясняется не только бедностью части уездного дворянства, для представителей которой поездка на две-три недели в губернский город была слишком дорогим путешествием. В условиях, когда процедура голосования не предусматривала выступлений кандидатов с какими бы то ни было заявлениями, предложениями или программами, так как в случае избрания круг их должностных обязанностей был заранее определен, отличия одного кандидата от другого могли состоять в признаваемых обществом личных качествах и опыте «службы по военной или гражданской части».

Все это на фоне несформированности политического языка в России обуславливало положение, при котором аргументация справедливости требований участников электоральных конфликтов сводилась чаще всего к прямому цитированию юридических норм, апелляции к авторитету Петра I, Екатерины II, Александра I. При аргументации важности коллективно принятого решения ключевыми оказывались понятия «честь», «беспристрастие», «справедливость», «дух закона», «обязанность», «непреложный долг», «общественное служение», «общее благо», «польза Отечества», «общее мнение», «право выбора», «обида всему дворянству», которые концептуально апеллировали к идеальной модели поведения дворянина. Свообразие сложившихся способов аргументации состояло в том, что сама эта модель поведения транслировалась верховной властью посредством законодательных актов, и она же становилась основанием для

обоснования важности коллективного выбора дворянских собраний в случае возникновения принципиальных разногласий между губернатором и частью дворянства. Действенным способом показать значимость коллективно принятого решения было утверждение, что дворянское собрание посредством выборных процедур способно безошибочно и объективно определить достойных кандидатов на административные и судебные должности, а, следовательно, оно помогает монарху и способствует достижению «общего блага». С этих позиций в случае, если процедура избрания была проведена с нарушениями установленных правил, возможно было перенести смысловой акцент на значимость не только «буквы», но главным образом «духа закона», который предписывал не отдавать предпочтение формальным мелочам, а уважать «общее мнение» дворянского собрания губернии. В общем виде возникавшие в первой четверти XIX в. электоральные конфликты имели не идеологический, а персонифицированный и ситуативный характер, обусловленный личными взаимоотношениями между претендентами на должность и позицией губернатора. При этом обе конфликтующие стороны единственным справедливым и беспристрастным арбитром в спорах между губернской администрацией и дворянами считали имперскую администрацию во главе с российским монархом. Подобная установка была обусловлена не только традиционными патерналистскими моделями поведения, но, пусть и не всегда последовательными, действиями имперской власти по юридической регламентации и защите дворянских собраний от произвола губернаторов [Романович-Славатинский, с. 440–446].

Таким образом, язык самоописания действий дворян, не согласных с решением губернских властей, хотя и не имел ярко выраженной оппозиционной направленности, отражал зарождение основополагающего элемента, без которого перспектива формирования институтов гражданского общества не может быть реализована, – это осознание важности коллективной солидарности и готовности отстаивать принятое решение даже в том случае, если это сопровождается конфликтом с местной администрацией.

Сопоставление конкретно-исторических проявлений процесса становления и структурных изменений «публичной сферы» стран Европы [Хабермас] с особенностями институциональной организации публичных коммуникативных практик российского дворянства первой четверти XIX в., на мой взгляд, дает основание утверждать о возникновении в России основных элементов публичной сферы. Появление в столичных и крупных губернских городах разнообразных клубов, кружков, литературных салонов, благотворительных, «вольных» и «официальных» обществ постепенно сформировало сеть коммуникативных центров, способствовавших публичному обсуждению как повседневных, так и общественно-значимых для данного сообщества вопросов. В этой системе коммуникаций периодически собиравшиеся дворянские собрания, даже с учетом обозна-

ченных выше различий в моделях электорального поведения местного дворянства, были одним из элементов публичной сферы и играли важную роль в формировании и воспроизводстве представлений о значимости общественного мнения и о допустимых формах проявления групповой солидарности. При этом, вне зависимости от характера конечного результата по конкретным делам, электоральные конфликты создавали ситуацию, при которой губернаторы, министр внутренних дел, сенаторы и члены Государственного совета вынуждены были реагировать на донесения о беспорядках на выборах, вступать в переписку и выстраивать свою аргументацию принимаемых решений. Таким образом, даже в условиях ограниченности функций дворянского собрания наиболее активная часть местного дворянства могла оказывать коммуникативное воздействие на властные структуры различного уровня. В тех губерниях, где выборы сопровождались проявлениями групповой солидарности, осуществление обратной связи со структурами местной и высшей имперской администрации становилось дополнительным стимулом для поиска аргументов, позволяющих показать, что право выбора дворянина – это не только установленная верховной властью форма проявления общественной службы, но и его право отстаивать личное мнение.

Список литературы

- Бикташева А. Н.* Губернатор как жертва конфронтации коронной власти, губернского дворянства и «локального» общества (первая половина XIX века) // История и историческая память. 2012. Вып. 5. С. 71–84.
- Гилев А.* Черные кошки в темных комнатах: исследование политического патронажа в общественных и гуманитарных науках // Патрон-клиентские отношения в истории и современности : хрестоматия. М. : Полит. энцикл., 2016. С. 6–40.
- Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атанашев, М. Велижев. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 628 с.
- Корф С. А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1906. VIII, 720 с.
- Куприянов А. И.* Выборы в русской провинции, 1775–1861 гг. М. : Центр гуманитар. инициатив ; СПб. : [Б. и.], 2017. 400 с.
- Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам переписки). М. : РОССПЭН, 1999. 299 с. ПСЗ-1. Т. 20, 27, 30.
- РГИА. Ф. 1284. Оп. 3, 1805. Кн. 22. Д. 8; Оп. 4а, 1810. Кн. 6. Д. 165; Оп. 4а. 1814. Кн. 91. Д. 252; Ф. 1286. Оп. 2. 1811. Д. 293; Ф. 1557. Оп. 1. Д. 88.
- Речь, произнесенная в Полтаве маршалом Малороссийской Полтавской губернии Роменского повета Василием Поветикою в собрании дворянства сей губернии 11 января 1809 года // Вестн. Европы. 1809. № 4. С. 262–266.
- Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1870. 562 с.
- Российский либерализм: идеи и люди : в 2 т. / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. М. : Новое изд-во, 2018. Т. 1. XVIII–XIX века. 680 с.
- Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск : Пирс, 2006. 200 с.
- Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества / пер с нем. В. В. Иванова. М. : Весь мир, 2017. 344 с.
- Эйзенштадт Ш. Н., Ронизер Л.* Патрон-клиентские отношения как модель структурирования социального обмена // Патрон-клиентские отношения в истории и современности : хрестоматия. М. : Полит. энцикл., 2016. С. 366–414.

References

Atnashev, T., Velizhev, M. (Eds.). (2018). *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 628 p.

Biktasheva, A. N. (2012). Gubernator kak zhertva konfrontatsii koronnoi vlasti, gubernskogo dvoryanstva i "lokal'nogo" obshchestva (pervaya polovina XIX veka) [The Governor as a Victim of Confrontation between Crown Power, the Provincial Nobility, and "Local" Society (First Half of the 19th Century)]. In *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*. Iss. 5, pp. 71–84.

Eisenstadt, S., Roniger, L. (2016). Patron-klientskie otnosheniya kak model' strukturirovaniya sotsial'nogo obmena [Patron-Client Relations as a Model for Structuring Social Exchange]. In *Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti. Khrestomatiya*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, pp. 366–414.

Gilev, A. (2016). Chernye koshki v temnykh komnatakh: issledovanie politicheskogo patronazha v obshchestvennykh i gumanitarnykh naukakh [Black Cats in Dark Rooms: A Study of Political Patronage in the Social Sciences and the Humanities]. In *Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti. Khrestomatiya*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, pp. 6–40.

Habermas, J. (2017). *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: issledovanie otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: A Study on the Category of Bourgeois Society] / transl. by V.V. Ivanov. Moscow, Ves' mir. 344 p.

Kara-Murza, A. A. (Ed.). (2018). *Rossiiskii liberalizm: idei i lyudi v 2 t.* [Russian Liberalism: Ideas and People. 2 Vols.]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. Vol. 1. XVIII–XIX veka. 680 p.

Korf, S. A. (1906). *Dvoryanstvo i ego soslovnnoe upravlenie za stoletie 1762–1855 godov* [The Nobility and Its Class Management over a Century, 1762–1855]. St Petersburg, Tipografiya Trenke i Fyusno. VIII, 720 p.

Kupriyanov, A. I. (2017). *Vybory v russkoi provintsii, 1775–1861 gg.* [Elections in the Russian Province, 1775–1861]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, St Petersburg, S. n. 400 p.

Marasynova, E. N. (1999). *Psikhologiya elity rossiiskogo dvoryanstva poslednei treti XVIII veka (po materialam perepiski)* [The Psychology of the Elite of the Russian Nobility in the Last Third of the 18th Century (Based on Correspondence)]. Moscow, ROSSPEN. 299 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 20, 27, 30.

Rech', proiznesennaya v Poltave marshalom Malorossiiskoi Poltavskoi gubernii Romenskogo poveta Vasiliem Poletikoyu v sobranii dvoryanstva sei gubernii 11 yanvarya 1809 goda [A Speech Delivered in Poltava by Vasily Poletika, Marshal of the Little Russian Poltava Province of Romny County in a Meeting of the Nobility of the Province on 11 January 1809]. (1809). In *Vestnik Evropy*. No. 4, pp. 262–266.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1284. List 3, 1805. Book 22. Dos. 8; List 4a, 1810. Book 6. Dos. 165; List. 4a, 1814. Book 91. Dos. 252; Stock 1286. List 2, 1811. Dos. 293; Stock 1557. List 1, Dos. 88.

Romanovich-Slavatinskii, A. V. (1870). *Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otneny krepostnogo prava* [The Nobility in Russia from the Early 18th Century to the Abolition of Serfdom]. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. 562 p.

Timofeev, D. V. (2006). *Evropeiskie idei v Rossii: vospriyatie liberalizma pravitel'svennoi elitoi v pervoi chetverti XIX veka* [European Ideas in Russia: the Perception of Liberalism by the Government Elite in the First Quarter of the 19th Century]. Chelyabinsk, Pirs. 200 p.

The article was submitted on 25.04.2020

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КРЕПОСТНЫХ В ПРОШЕНИЯХ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ ПЕРВОМУ*

Ерофей Моряков

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

THE REGIONAL IDENTITY OF SERFS IN THEIR PETITIONS TO EMPEROR PAUL I**

Yerofei Moriakov

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

This article studies serf ideas about their regions at the turn of the nineteenth century. Paul I's reforms changed Russian realities, especially affecting serfs, who became true imperial subjects and found new hope that landlord oppression was going to decrease. Although serf complaints about their masters remained formally prohibited, Paul himself examined more than a hundred during his reign. The author aims to reveal how serfs described their regions in petitions. In this article, serf regional identity in eighteenth-century Russia is examined for the first time. The study refers to published and unpublished materials from the Russian State Archive of Ancient Acts and the Russian State Historical Archive, which contain legal proceedings on serf petitions filed to Paul I in 1797. That year saw a phenomenal increase in peasant unrest, as well as in serf petitions to the monarch. Entire communities often took part in drafting complaints. This study uses methods from regional history, including the analysis of mental maps, ideas about the region, and territorial identity. The author studies the structure of addresses in petitions, serf ideas about the administrative and territorial structure of the Russian Empire, and their reaction to Paul I's provincial reform. The author also analyses how peasants described the world outside of their place of residence, developed their regional identity, and constructed collective memory.

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г. Автор выражает благодарность Е. М. Болтуновой, Е. Б. Смилянкой за ценные советы при обсуждении статьи.

** Citation: Moriakov, Ye. (2020). The Regional Identity of Serfs in Their Petitions to Emperor Paul I. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1292–1306. DOI 10.15826/qr.2020.4.528.

Цитирование: Moriakov Ye. The Regional Identity of Serfs in Their Petitions to Emperor Paul I // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1292–1306. DOI 10.15826/qr.2020.4.528 / Моряков Е. Региональная идентичность крепостных в прошениях императору Павлу Первому // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1292–1306. DOI 10.15826/qr.2020.4.528.

Additionally, the author identifies seven complaints whose authors were worried about the fate of their region. They represented the interests of historical regions and not administrative-territorial units. The author concludes that serfs considered themselves residents of a unified space meant for everyone under the rule of the emperor, not just for an autonomous estate.

Keywords: Paul I; serfdom; complaints; regional history; regions; identity.

Исследуются представления крепостных о своем регионе на рубеже XVIII–XIX вв. Реформы Павла I изменили реалии российской действительности, особенно повлияв на крепостных, которые стали настоящими имперскими подданными и прониклись новыми надеждами на уменьшение помещичьего гнета. Несмотря на то что жалобы крепостных против помещиков формально оставались под запретом, Павел I рассмотрел более ста таких жалоб за время своего правления. Цель статьи – выявить, как крепостные представляли в петициях свой регион. Впервые анализируется региональная идентичность российских крепостных в XVIII в. В качестве материалов использованы малоизвестные опубликованные и неопубликованные документы из фондов РГАДА и РГИА, содержащие делопроизводство по прошениям крепостных Павлу I. Подсчитано, что на 1797 г. пришелся всплеск не только крестьянских волнений, но также подач крепостными петиций монарху. В составлении жалоб часто принимала участие вся община. При работе с источниками используются методология региональной истории, анализ ментальных карт, представлений о регионе и территориальной идентичности. Изучены структура адресов петиций, представления крестьян об административно-территориальном устройстве Российской империи, их реакция на губернскую реформу Павла I. Анализируется, как именно крестьяне описывали внешний по отношению к их месту обитания мир, конструировали региональную идентичность и выстраивали коллективную память. Авторы семи жалоб беспокоились за судьбу своего региона в целом, представляли интересы исторических областей, а не административно-территориальных единиц. Делается вывод, что авторы петиций считали себя жителями не только автономной вотчины, но единого для всех пространства Российской империи.

Ключевые слова: Павел I; крепостное право; жалобы; региональная история; представления о регионе; идентичность.

В работе, посвященной картографии Московского царства XVII столетия и восприятию пространства его жителями, Валери Кивельсон отмечает, что крепостные воспринимали себя как часть определенного наполненного смыслом пространства внутри империи, подданными царя. Взаимодействуя с властями, они непременно «сообщали о том, из какой они деревни, с не меньшим постоянством, чем сообщали имя землевладельца, которому принадлежала их деревня». Только холопы обычно не упоминали географические названия при

самоидентификации [Кивельсон, с. 29, 30, 255, 270, 279, 281]. Справедливы ли эти выводы для рубежа XVIII–XIX вв.? Как крепостные представляли свой регион, какие локации наносили на «ментальные карты», как конструировали территориальную идентичность в своих прошениях императору Павлу I [см.: Репина, с. 33–71, 268–276]¹?

Период правления императора, совпавший с рубежом XVIII–XIX вв., важен для историков крестьянства по ряду обстоятельств. Начиная со вступления Елизаветы Петровны на престол в 1741 г., «пашенные крестьяне» не приводились к присяге, но в ноябре 1796 г. крепостные присягнули Павлу I наряду с прочими подданными: многие осознали, что подчиняются не только своему господину, но и государю [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 126; Д. 2985. Ч. 2. Л. 30; РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 50. Л. 8 об.; ПСЗ-1, т. 11, № 8474 (1741, 25 ноября), с. 538; Трифильев, с. 119, 303–307]. Воздействие на крепостных имели и указы 27 ноября и 12 декабря 1796 г. о жалобах на закрепощение и подаче прошений не более чем от одного человека. Они могли быть восприняты как дозволение крепостным подавать просьбы монарху [ПСЗ-1, т. 24, № 17583 (1796, 27 нояб.), с. 16–20; ПСЗ-1, т. 24, № 17636 (1796, 12 дек.), с. 232; РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 5–6, 124–126, 146 об.; Трифильев, с. 307–310]. Наряду с другими павловскими нововведениями эти меры, усилив надежды крестьян на правителя, подняли крестьян на широкие выступления: за первый год правления Павла известно о 278 волнениях в 32 губерниях России [Трифилев, с. 284–289]. 5 апреля 1797 г., отчасти в ответ на волнения и сопутствующие им жалобы, был издан «Манифест о трехдневной барщине», фактически запретивший отправлять крепостных на барщину по воскресеньям [Артоболевский, с. 63, 105–121]. Указом 12 декабря 1796 г. «О новом разделении государства на губернии» Павел I переименовал наместничества в губернии, сократил их число с 50 до 41 и одной области, изменил границы регионов, укрупнил или упразднил ряд административных единиц [ПСЗ-1, т. 24, № 17634 (1796, 12 дек.), с. 229–230; Куанчалева].

При Павле I де-юре оставался в силе 13-й пункт 2-й главы Соборного уложения, запрещавший крепостным жаловаться на помещиков по каким бы то ни было поводам, кроме как о преступлениях против государственного строя. Эту норму повторял указ Екатерины II от 22 августа 1767 г. [ПСЗ-1, т. 18, № 12966 (1767, 22 авг.), с. 334–336]. Тогда, вплоть до Пугачевского восстания и губернской реформы, суды и государыня вовсе перестали рассматривать жалобы крепостных на помещиков [Madariaga]. Неудивительно поэтому, что по отношению к представителям других российских страт крепостные подавали жалобы значительно реже. Для сравнения: лишь три прошения из 1920, поступивших в канцелярии кабинет-секретарей А. М. Грибовского и Д. П. Трощинского в 1795–1796 гг., были поданы Екатерине II от крепостных, а 66 –

¹ В рамках настоящей работы понятия «жалоба», «прошение», «петиция» используются как синонимы.

от крестьян других состояний [Кислягина]. Павел I рассмотрел за свое правление более ста таких прошений, хотя за утруждение монарха «недельными жалобами» крепостных могли ждать ссылка в Сибирь или отправка в рекруты [см.: РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 581. Л. 17–20].

Жалобы крепостных Павлу I, а также рапорты о подавлении волнений с информацией об отправке крестьянами петиций сохранились в фонде Тайной экспедиции (РГАДА, ф. 7), а также фонде Канцелярии генерал-прокурора Сената (РГИА, ф. 1374). Крестьянские жалобы были частично опубликованы в сборнике «Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.» под редакцией С. Н. Валка [Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.]. Настоящее исследование построено на материалах 101 дела по жалобам Павлу I за 1797 г. Важно отметить, что в них сохранились 72 рукописных петиции².

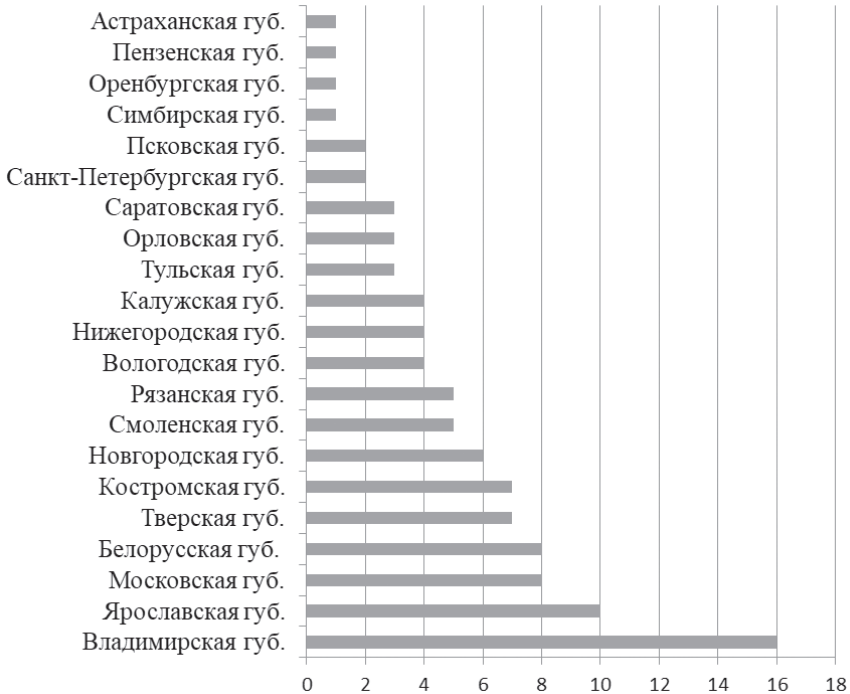
Около 80 % из выявленных жалоб были поданы от крестьянского мира, тогда как остальные – от индивидов. 93 % из прошений составляли крестьяне, и лишь около 7 % – дворовые, служащие в господском доме, то есть в своих жалобах крепостные представляли коллектив, хотя подписаться под жалобой должен был лишь один (согласно указу от 12 декабря 1796 г.). 100 % прошений подавали мужчины в связи с подчиненным статусом крестьянок по отношению к семье, общине, помещику. Подготовив содержание петиции, крепостные выбирали от одного до трех ходяков, которым полагалось доставить просьбу до императорской резиденции. Из-за всей ответственности задачи, равно как и в связи с низкой грамотностью, крепостные иногда прибегали к помощи сторонних лиц: жалобу составляли и/или «прикладывали к ней руку» крестьяне соседних помещиков, городские жители, купцы, дьячки и т. п. [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 180–181 об., 289, 304; Ч. 2. Л. 13–15, 107, 168 об. –169, 184; Трифильев, с. 142–143, 200]. По итогам разбирательств лишь в семи случаях из 101 решения были вынесены в пользу крестьян, и только четверем помещикам были назначены наказания.

Собранные материалы позволяют выявить частоту поднимавшихся в петициях проблем, о которых крестьяне жаловались императору. Авторы 64 из 72 рукописных петиций пишут о разорении или голоде; 55 – о тяжелом оброке и принудительном труде; 41 – о побоях, убийствах, угрозе убийств; 26 – о захвате крестьянского движимого и недвижимого имущества; 16 – о рекрутчине (о вымогательстве денег за невыдачу в рекруты, о продаже в рекруты); 10 – о разлучении семей переводами крестьян в дворовые и на фабрики; 9 – об изнасилованиях; 7 – о незаконном закрепощении. Очень часто крепостные пишут

² По моим подсчетам, за 1797 г. императору от крепостных было подано не менее 122 жалоб, тогда как за другие годы павловского правления известно не более десяти прошений. В этом году крепостные обращались к монарху значительно чаще, чем в 1768–1825 гг. [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1–2; 2918. Ч. 1–2; 2984, 2997, 3015, 3019, 3064, 3121, 3567; РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 50, 430, 581, 742; Оп. 2. Д. 887, 1072, 1189; Оп. 3. Д. 1959, 2132, 2593, 2595, 2611, 2630; Оп. 6. Д. 30; Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.; Трифильев; Павлов-Сильванский, т. 2; Абрамова, с. 53–58].

о трудностях после перехода к новому владельцу, в 13 петициях упомянуто, что авторы были прежде свободными.

Составителями петиций чаще были жители центральных областей империи, тогда как из половины регионов просителей не было вовсе. Представленная ниже диаграмма демонстрирует, как распределяются по губерниям Российской империи известные нам крестьянские жалобы (рис. 1).

1. Количество жалоб крепостных Павлу I за 1797 г.

Сост. по: РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 1-346; Д. 2985. Ч. 2. Л. 1-201 об.; Д. 2918.

Ч. 1. Л. 1-331; Д. 2918. Ч. 2. Л. 1-402; Д. 3015. Л. 1-20; Д. 3019. Л. 1-29; Д. 3064.

Л. 1-16; Д. 3567. Л. 1-9.

Распределение петиций по регионам отчасти коррелирует с данными о крестьянских волнениях 1797 г. Волнения вспыхивали главным образом в январе³, а жалобы монарху подавались весной-летом 1797 г. Будучи недовольны итогами открытого неповиновения поме-

³ Е. П. Трифильев приводит данные из донесений губернаторов за ноябрь 1796 – ноябрь 1797 г., согласно которым за тот период в России прошло 278 крестьянских волнений, 56 из них во Владимирской губернии, 41 – в Белорусской, 41 – в Тверской, 33 – в Орловской, 16 – в Псковской, 12 – в Костромской. 139 волнений прошли в январе, и 46 – в мае. 29 января 1797 г. Павел I издал указ о подчинении крепостных своим помещикам, после чего бунтов стало меньше [Трифилев, с. 284-289].

щикам, которое жестоко подавлялось [Де-Пуле], крепостные решили апеллировать ко власти монарха. Вместе с тем, выбор весны-лета для подачи прошений может объясняться лучшими условиями для дальней дороги.

Иерархия в указании адреса: помещичий крестьянин vs житель округа

На основе анализа 65 жалоб Павлу I за 1797 г., в которых есть адресная строка, можно сделать выводы об особенностях самоидентификации крепостных. Я установил, насколько крепостные знали о затронувших их изменениях по губернской реформе Павла I, к какому региону они приписывали свою деревню, на какие позиции в адресе просители ставили помещика и свой регион. Для адреса при указании места жительства не было определенных речевых формул. И хотя структура прошений была предложена в указе Павла I о титуле [ПСЗ-1, т. 24, № 17635 (1796, 12 дек.), с. 231], крестьяне ей не следовали.

В «Учреждении для управления губерний» 1775 г. Екатерины II появилась двойственность административной лексики: в России были введены наместничества, хотя повсеместно в официальных документах как синоним использовали термин «губерния» [ПСЗ-1, т. 20, № 14392 (1775, 7 нояб.), гл. 1, с. 231 и далее]. 12 декабря 1796 г. Павел I разделил страну на губернии, после чего термин «наместничество» не использовался в законодательстве [ПСЗ-1, т. 24, № 17634 (1796, 12 дек.), с. 229-230]. Однако в 26 из 55 крестьянских петиций, написанных в большинстве своем после апреля 1797 г., авторы продолжали называть свои регионы наместничествами.

Реформа Екатерины II создавала и другую двойственность. 16-19-й пункты 1-й главы «Учреждения...» были посвящены «уездам или округам», в которых учреждаются «уездные или окружные» суды [ПСЗ-1, т. 20, № 14392 (1775, 7 нояб.), гл. 1, с. 232]. Эти термины использовались как синонимы для описания одних и тех же регионов, на что редко указывали историки [см.: Крестьянское движение в России в 1796-1825 гг., с. 771; Куприянов, с. 234 и далее]. В павловском законодательстве упоминались уже только уезды, и двойственность наименований была устранена. Однако в адресной части прошений термин «округа» встречался в 40 из 59 случаев, тогда как в остальных адресах представлены «уезды». «Округа» часто встречались и в делопроизводственной переписке. Это понятие, обозначавшее в широком смысле любую окрестность, к 1797 г. стало привычным и прочно закрепилось на ментальных картах жителей России [Даль, т. 2, стб. 1727-1728, «Округлить»; Готье, т. 1, с. 104].

В середине 1797 г. крестьяне все еще не знали, продолжал ли существовать их уезд после реформы, или он был упразднен. В десяти адресных строках после губерний указаны ликвидированные Павлом I уезды: Александровский, Калязинский, Суражский, Сергачский, Лушский, Никитский, Плесский, Перевозский. В каждом случае они

названы округами [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 86, 125, 144, 340; Ч. 2. Л. 15, 19, 21, 96, 104, 105]. Резонно предположить, что «округу» как более широкий термин авторы выбирали здесь из-за сомнений в пореформенном статусе региона. То, что крестьяне еще не успели ознакомиться с новыми реалиями административно-территориального устройства, подтверждает и анализ карт из атласов Российской империи за 1792 и 1800 гг. Лишь в одном случае мы видим, что проситель из упраздненного Павлом I уезда указал в прошении административную единицу, к которой была приписана его деревня после реформы⁴.

После указания своих уездов/округ авторы петиций иногда упоминали микрорегионы, потерявшие актуальность для государственного управления к концу XVIII в.: стан, треть, область, шесть волостей, а также две округи. Крепостные А. А. Обалдуевой из села Благовещенского и деревни Погорелки на юге Варнавинского уезда Костромской губернии представились жителями «Ветлужской волости». Имелся в виду вовсе не Ветлужский уезд, образованный в 1778 г. (упомянутые деревни находились далеко на юго-западе от него). Речь шла об исторической Ветлужской волости. Она была передана в 1661 г. Макарьево-Унженскому монастырю и в середине XVIII в. включала села Баки и Холкино, близкие упомянутым выше деревням. Крестьяне П. И. Черевина, в свою очередь, указали в адресе «Белозерский уезд Чаронскую округу», очевидно, памятуя о Чарондской округе XVII в. и Чарондском уезде, существовавшем до 1775 г. Вместе с тем, для именованя помещичьих земель в петициях широко использовалась категория «вотчина». В трех адресах вотчинам подобраны такие названия, как «вотчина Усвят», «Анинская вотчина» или же обширная «Калининская вотчина», к которой относились десять белозерских деревень [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 32, 41, 122, 127, 144, 321, 342; Ч. 2. Л. 99-100; Д. 2918. Ч. 2. Л. 64; Российский атлас, 1800; Диев, с. 7-8].

В десяти из 65 жалоб в адресной строке крепостные пропускали губернию: они представлялись напрямую жителями деревень Мышкинского, Рыбинского, Вологодского, Переяславль-Залесского уездов, Суздальской, Александровской, Варнавинской или Клинской округ, Комарицкой волости, сельца близ г. Александрова. Во всех случаях, кроме одного, просители не упоминали своей губернии и в содержании жалоб. Хотя крестьяне редко посещали губернские города [Швейковская, с. 226, 251-253, 344], они знали о крупных центрах поблизости, что свидетельствует о пропуске названия губернии при обращении к императору как об осознанном решении. С одной стороны, крестьяне могли бояться допустить ошибку в связи с переменами

⁴ В июне жалобу написали крестьяне вотчины И. И. Михеева из «Владимирской губернии *Переяславской округи* села Успенского». До реформы это село числилось в Александровском уезде, после реформы Александровский уезд вошел в состав Переяславского [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 58; Российский атлас, 1792; Российский атлас, 1800].

по губернской реформе; с другой – такой пропуск мог определяться особой идентичностью жителей Центральной России, чьи территории были ядром при становлении Московского царства. Возможно, начиная петицию словами «*Вашего* города Александра сельца Гришина», они рассчитывали напомнить правителю о важности их города для царской династии [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 41, 75, 91, 99, 180 об., 274, 341; Ч. 2. Л. 21, 109, 180].

Понятия «регион» и «владелец» занимали в формуляре петиции разные позиции и имели разную значимость. Может показаться, что крепостные должны были представляться перед монархом в первую очередь как люди определенного помещика, но все обстояло иначе. В 57 адресах прошений присутствуют как регион, так и помещик. В 11 из них присутствует очередность «губерния и уезд – помещик – деревня». Такой порядок соответствовал устройству России, где помещик мог владеть несколькими деревнями, в связи с чем логично было указывать сначала уезд, потом помещика, а затем деревню⁵. 32 крестьянина-челобитчика (56 %) в адресе сначала упомянули место жительства, и только потом – помещика. В большинстве жалоб не только название губернии и уезда, но даже название деревни предшествовали имени ее владельца, в адресах семи прошений подданные упомянули только регион.

Податели жалоб могли вкладывать особый смысл в адресную часть прошений, где указывали собственное имя, место жительства и владельца. Известно, что начертание имени, подпись имели в сознании многих магическую природу. Крестьяне относились с особенной настороженностью к приложению рук, даче расписок и удостоверений [Егоров, с. 136–139]. Закономерно предположить, что указание имени помещика во вторую очередь или отсутствие указания могли свидетельствовать об отношении авторов к душевладельцу. Согласно распространенным патерналистским представлениям крепостных, хорошие господа должны были с ними обходиться «как отцы с детьми». Ответчики-помещики этому образу не соответствовали, что нашло отражение в словах крестьян: «Он нам видно, что *не господин*, а разоритель всему народу (здесь и далее курсив мой. – Е. М.)» [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 145 об. –146, 324]. Важно отметить, что большинство крепостных в 1797 г. не просили монарха об освобождении: мне известно только шесть прошений о воле.

В формуляре жалоб крепостных на помещиков адрес просителя несет важную информацию. Об округах в жалобах писали чаще, чем об уездах, что может объясняться не только удобством этого термина для крестьян, но также их сомнениями в статусе края после губерн-

⁵ Крестьяне могли начать жалобу следующим образом: «Проят Клинской округи вотчины господина прапорщика Николая Васильевича Плахова сельца Логина и деревни Баранцовой крестьянин Дементий Кузмин со крестьяны, а о чем мое прошение, о том следуют пункты» [Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг., с. 101].

ских реформ. На рубеже XVIII-XIX вв., когда Павел I начал принимать меры по улучшению положения крепостных, по-прежнему на их ментальных картах присутствовали деревня, близлежащая округа и помещичья вотчина, хотя крепостные, видимо, начали сильнее осознавать принадлежность деревни к единому пространству страны и свое подданство императору.

Репрезентация региона в содержании прошений

Содержание прошений позволяет понять, каким крепостные видели пространство империи. Жанровые особенности петиций во многом определяли то, как в них был представлен регион: пространство за пределами помещичьей вотчины могло описываться как место работы, торговли людьми, судебного производства. Авторы жаловались, что помещик отправлял их трудиться на знакомого священника в Чухлому [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 321 об.], поставлять на подводах «вино», хлеб, овес, лен и другие господские припасы за пределы вотчины [Там же. Ч. 1. Л. 58, 125 об., 222-222 об., 344; Ч. 2. Л. 105; Д. 2918. Ч. 1. Л. 254 об. -255]. Сообщали о вывозе односельчан на продажу «прочим господам» в Москву, Владимир или Раненбург. Авторы жалоб упоминали продажу крепостных в период рекрутского набора, что считалось преступлением [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 146 об., 186, 331, 344 об.; Ч. 2. Л. 19-19 об., 38, 106-106 об., 160, 177-177 об., 183-183 об; ПСЗ-1, т. 17, № 12748 (1766, 29 сент.), с. 998-1000. Ч. 1. П. 1, 8]. О своих петициях в суды уездного и губернского уровней крепостные упоминали редко. Но случалось, что рассказ о неудачных попытках добиться справедливости на местах предварял прошение к императору [см.: РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 41 об., 318 об.; Ч. 2. Л. 100]. Авторы прошений старались объяснить причину обращения к Павлу I, особенно если делали это повторно, ведь их могли обвинить в «недельном утруждении» монарха.

Иногда обращение к правителю разрасталось и складывалось в горестный травелог, когда крестьяне описывали отдельные этапы своего пути до монаршего престола. До подачи прошения и в период его рассмотрения ходоки скитались «где день и где ночь, не имея пищи дневной, кроме милостыни», пытались найти подработку, тяжело переживали разлуку с семьей, над которой нависала угроза мести со стороны помещика [Там же. Ч. 1. Л. 124 об., 180 об.-182, 228-229; Ч. 2. Л. 7]. Осознание крестьянами рискованности их обращения к монарху приводило к сомнениям во всем предприятии. В двух петициях за 1797 г., а также в одной жалобе за 1799 г., повествующей о событиях 1797 г., крестьяне сообщили, что уже было отправлены к монарху с петицией, но после «обробели», подать жалобу «не осмелились» и вернулись в деревню. Крепостные страшались не только наказания от помещиков: один проситель слышал, что подателей жалоб царю наказывают кнутом [Там же. Ч. 1. Л. 124 об., 181, 228-228 об.; Ч. 2. Л. 108-108 об.]. Рассказывая

о своем пути до канцелярии императора, автор петиции, в отличие от героя литературного травелога, предстает участником, а не наблюдателем событий [Аксенова, с. 171, 174]. Проситель не ставил цели рассказать об увиденном в Санкт-Петербурге, Гатчине, Павловске, Москве, в других городах и деревнях, в своем нарративе он сообщал обычно лишь о перенесенных им и его семьей физических и нравственных страданиях.

В редких жалобах можно найти и «локальный текст», привязывающий повествование к конкретному региону [Башмакофф, с. 577-579]. Коллективная рефлексия о характере территории обнаруживается лишь в жалобах крестьян из Белорусской губернии и Комарицкой волости.

Орловские крепостные княжны Н. П. Голицыной в январе 1797 г. обратились к императору следующим образом: «просят всей Комарицкой волости крестьяне, прежде бывшие во владении... Ушакова, а ныне состоящие за... Голицыной» [Крестьянское движение в России в 1796-1825 гг., с. 107]. Почему авторы подали жалобу от Комарицкой волости в целом, при том что они жаловались на условия в конкретном имении? Комарицкая дворцовая волость с XVI в., будучи пограничным регионом, подчинялась непосредственно Москве. Комарицкие, как считалось, отличались бунтарским характером и свободолобием. В XVII в. тяглых людей здесь переводили в драгуны [Мартемьянов; Новосельский]. С начала XVIII в. многие земли края стали раздавать дворянам, что означало их исключение из состава дворцовой волости. Однако жители продолжали называть территории Севского уезда Комарицкой волостью. Крепостные Голицыной упомянули А. И. Ушакова, которому при вступлении на престол Анны Иоанновны выделили здесь 500 дворов. Среди них «из-за денной и ночной работы вовсе беспрестанной» при барыне остались лишь 238 дворов. Крестьяне посетовали, как им тяжело сочетать фабричный труд с полевыми работами, тогда как за последние 20 лет управитель вотчины построил четыре винокуренных завода. Коллективная память о воле и последующей раздаче в частные руки, а также тяжелый заводской труд объединяли крепостных с соседями по округе. Вероятно, именно поэтому они подали прошение от всего региона и в его заключении указали, что представляют «пред лицо» монарха выборных, а именно «сих несчастных и под игом страждующих рабов от нашей волости трех человек» [Крестьянское движение в России в 1796-1825 гг., с. 107-109].

Петиции белорусских крестьян дают основания говорить, что их авторы конструировали свою региональную идентичность. Составители шести жалоб происходили из территории, которая до 1772 г. была частью Витебского воеводства в составе Великого княжества Литовского в Речи Посполитой. После эти земли присоединили к России, а 12 декабря 1796 г. в результате объединения Могилевского и Полоцкого наместничеств здесь была образована Белорусская

губерния. Все прошения, кроме одного, коллективные. В адресной части крепостные указывали упраздненное Павлом I Полоцкое наместничество, хотя в содержании прошений определяли себя как жители Белорусского края. Крестьяне конца XVIII в. использовали слово «белорусский» в применении как к региону, так и к этносу. Просители рассматривали российский и белорусский народы как близкие. Лишь один автор назвал монарха «отцом многолюдного белорусского христианского народа», в то время как в трех случаях к правителю обратились как к защитнику одновременно «белоросейского и росейского» народов, а в двух – как к отцу «многолюдного российского народа христианского» или «всероссийского христианского народа» [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 124 об., 126 об., 128, 145 об., 147, 342 об.].

Историки указывают, что первые достоверные сведения об этнической идентичности населения Белоруссии появляются только в «приходских списках» середины XIX в., при составлении которых жители востока края определяли себя «белорусами», а запада – «литвинами» [Терешкович, с. 202–205]. Также известно, что во второй половине XIX в. белорусские крестьяне зачастую уклонялись от вопроса об этнической принадлежности, упрямо определяя себя здешними («тутэйшими») [Токть, с. 225–226]. Напротив, в выявленных прошениях крепостные использовали понятие «народ» при характеристике монарха как защитника определенных народов, белорусского и русского. Этим белорусские петиции отличаются от других жалоб в выборке, где понятие «народ» используется реже и в значении «люди».

По материалам прошений можно установить, к какому периоду времени крепостные относили формирование Белорусского края. Две группы крестьян указали, что их регион соединили в Белорусский край (присоединили) уже после 1772 г., то есть край был образован в Российской империи. Жители деревни Лужанки Суражской округи писали о «присоединении *от Польши в Белорусский край под державу*» императора, тогда как крепостные деревни Боброва Городокского уезда упомянули, что были «соединены в 1772 году *из Польши в Белорусский край под державу*» царя [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 125, 127]. С другой стороны, крестьяне вотчины Ф. П. Рысинского из Себежского уезда попросили у Павла I «отеческого покровительства и защиты *по разорению нашего беларускаго края* в первом, как мы досталися от Польши в казну» [Там же. Л. 146]. Тем самым, у крестьян существовало два видения ситуации: их земли были соединены в Белорусский край после присоединения к России, или же Белоруссия как целостный регион появилась еще в Речи Посполитой⁶.

⁶ Второе видение разделял также крестьянин Василий Говоровский «из Могилевского наместничества Оршанского уезда», который в 1798 г. в жалобе Павлу I указывал, что «белоруски краи присоединены к Россииской державе» [РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 1072. Л. 1–3].

В прошениях присутствует идея о разорении «нашего» Белорусского края [РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1. Л. 123, 146, 342 об.] или, по крайней мере, отдельных белорусских деревень после присоединения региона к России [Там же. Л. 125, 127]. Крестьяне, кажется, выстраивали коллективную идентичность на основе памяти о Польше, сетуя на утрату благополучия после 1772 г. Но, как и авторы из Центральной России, они ничем не выказывали стремления к воле. Разделяя патриархальные воззрения, они сравнивали прошлых хороших господ с нынешними, в обоих случаях имея в виду российских помещиков: А. А. Вяземского предпочитали Д. А. Зубову, Н. М. Панина и Д. И. Фонвизина – Ф. П. Рысинскому, П. Бакунина – М. Бакунину [Там же. Л. 145 об., 146, 342].

Содержание петиций редко выходило за рамки повествования о внутренних проблемах одной отдельно взятой вотчины. Однако в жалобах мог появляться нарратив о тяготах и опасностях, связанных с выступлением против помещика и поиском защиты у власть предержащих. Только в 10 % рукописных петиций крепостные выражали беспокойство за судьбу всей волости или даже целого края.

Исследование адресной строки и содержания жалоб крепостных Павлу I позволило выявить, как крепостные представляли свой регион вскоре после широкомасштабных волнений рубежа 1796–1797 гг., после новой губернской реформы. Крепостные на рубеже XVIII и XIX вв. воспринимали себя как подданные царя, жители единого пространства империи, чему способствовала и политика Павла I.

Список литературы

- Абрамова И. Л.* Политика самодержавия в отношении частновладельческих крестьян в 1796–1801 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1989. № 4. С. 47–59.
- Аксенова М. В.* Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3. С. 170–176. DOI 10.29025/2079-6021-2018-3(31)-170-176.
- Артоболевский А. А.* Манифест о трехдневной барщине Павла I: предпосылки появления и условия реализации : дис. ... канд. ист. наук. Пенза : [Б. и.], 2006. 181 с.
- Башмакофф Н.* Локальный текст, голос памяти и поэтика пространства // История и повествование / под ред. Г. В. Обатнина и П. Песонена. М. : Новое лит. обозрение, 2006. С. 576–591.
- Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II : в 2 т. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Севко, 1913. Т. 1. 492 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд. СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1905. Т. 2. 2030 стб.
- Де-Пуле М. Ф.* Крестьянские волнения 1796–1798 гг. // Рус. архив. 1869. Вып. 3. Стб. 525–577.
- Диев М. Я.* Старинные волости и станы в Костромской стороне : материалы для историко-географического словаря Костромской губернии. М. : Печатня А. Снегиревой, 1909. 84 с.
- Егоров А. К.* Крестьянские волнения первой половины XIX века в контексте социально-политических и религиозных представлений русского крестьянства : дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск : [Б. и.], 2006. 177 с.
- Кивельсон В.* Картографии царства : Земля и ее значения в России XVII века. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 360 с.

Кислягина Л. Г. Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. / под ред. Н. Б. Голиковой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 175–189.

Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. : сб. док. / под ред. С. Н. Валка. М. : Изд-во соц.-эк. лит., 1961. 1048 с.

Куанчалеева Л. Ш. Губернская реформа в России на рубеже XVIII–XIX вв. // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 1. С. 212–216.

Куприянов А. И. Выборные практики дворянства Московской губернии в конце XVIII – начале XIX века // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / под ред. О. Глаголевой и И. Ширле. М. : Новое лит. обозрение, 2012. С. 228–266.

Мартемьянов Т. А. Правда о «Комарицкой» и «Барыне» // Ист. вестн. 1900. Т. 82. С. 161–176.

Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII в. // Вопросы сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России / под ред. В. К. Япунского. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 65–80.

Павлов-Сильванский Н. П. Волнения крепостных при Павле I // Н. П. Павлов-Сильванский. Соч. : в 3 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. Т. 2. Очерки по русской истории XVIII–XIX вв. С. 154–187.

ПСЗ-1. Собр. 1. Т. 11, 17, 18, 20, 24.

РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 1–2; 2918. Ч. 1–2; 2984, 2997, 3015, 3019, 3064, 3121, 3567.

РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 50, 430, 581, 742; Оп. 2. Д. 887, 1072, 1189; Оп. 3. Д. 1959, 2132, 2593, 2595, 2611, 2630; Оп. 6. Д. 30.

Репина Л. П. Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога. М. : Аквилон, 2017. 560 с.

Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества империю разделяющий / сост. А. М. Вильдбрехт. СПб. : Тип. горн. училища, 1792. 45 л.

Российский атлас, из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию империю разделяющий / сост. А. М. Вильдбрехт. СПб. : Геогр. деп. Императ. Акад. наук, 1800. 43 л.

Терешкович П. Пограничье как судьба: метаморфозы идентичности в восточноевропейском пограничье // *Ab Imperio*. 2009. № 1. С. 191–226. DOI 10.1353/imp.2009.0084.

Токть С. Белорусская идентичность в XIX ст. // *Перекрестки*. 2007. № 3–4. С. 202–230.

Трифилев Е. П. Очерки из истории крепостного права в России. Царствование императора Павла I. Харьков : Печ. дело, 1904. IV, 361 с.

Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М. : Индрик, 2012. 368 с.

Madariaga I. Catherine II and the Serfs: A Reconsideration of Some Problems // *Slavonic and East European Rev.* Vol. 52. 1974. № 126. P. 47–54.

References

Abramova, I. L. (1989). *Politika samoderzhaviya v otnoshenii chastnovladel'cheskikh krest'yan v 1796-1801 gg.* [The Autocracy's Policy Towards Serfs, 1796-1801]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. No. 4, pp. 47–59.

Aksenova, M. V. (2018). *Travelog: puteshestvie zhanra i zhanr puteshestvii* [Travelogue: The Travel of Genre and the Genre of Travel]. In *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. No. 3, pp. 170–176. DOI 10.29025/2079-6021-2018-3(31)-170-176.

Artobolevskii, A. A. (2006). *Manifest o trekhdnevnoi barshchine Pavla I: predposylki povoyleniya i usloviya realizatsii* [The Manifesto of Three-Day Statute Labour of Paul I:

Prerequisites for Emergence and Conditions for Implementation]. Dis. ... kand. ist. nauk. Penza, S. n. 181 p.

Bashmakoff, N. (2006). Lokal'nyi tekst, golos pamyati i poetika prostranstva [Local Text, Voice of Memory, and the Poetics of Space]. In Obatnin, G. V., Pesonen, P. (Eds.). *Istoriya i povestvovanie*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 576–591.

Dahl, V. I. (1905). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. 4 Vols.]. 3rd Ed. St Petersburg, Moscow, Tovarishchestvo M. O. Wol'fa. Vol. 2. 2030 columns.

De-Pule, M. F. (1869). Krest'yanskie volneniya 1796–1798 gg. [Peasant Unrest in 1796–1798]. In *Russkii arkhiv*. Iss. 3, columns 525–577.

Diev, M. Ya. (1909). *Starinnye volosti i stany v Kostromskoi storone: materialy dlya istoriko-geograficheskogo slovara Kostromskoi gubernii* [Old Volosts and Outposts in Kostroma Region: Materials for a Historical and Geographical Dictionary of Kostroma Province]. Moscow, Pechatnya A. Snegirevoi. 84 p.

Egorov, A. K. (2006). *Krest'yanskie volneniya pervoi poloviny XIX veka v kontekste sotsial'no-politicheskikh i religioznykh predstavlenii russkogo krest'yanstva* [Peasant Unrest in the First Half of the 19th Century in the Context of Socio-Political and Religious Representations of the Russian Peasantry]. Dis. ... kand. ist. nauk. Petrozavodsk, S. n. 177 p.

Gauthier, Yu. V. (1913). *Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Ekateriny II v 2 t.* [The History of Regional Governance in Russia from Peter I to Catherine II. 2 Vols.]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko. Vol. 1. 492 p.

Kislyagina, L. G. (1991). Kantselyariya stats-sekretarei pri Ekaterine II [The Chancery of State Secretaries under Catherine II]. In Golikova, N. B. (Ed.). *Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVI–XVIII vv.* Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 175–189.

Kivelson, V. (2012). *Kartografii tsarstva. Zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka* [Cartographies of Tsardom: Land and Its Significance in 17th-Century Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 360 p.

Kuanchaleeva, L. Sh. (2012). Gubernskaya reforma v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vv. [The Province Reform in Russia at the Turn of the 19th Century]. In *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. No. 1, pp. 212–216.

Kupriyanov, A. I. (2012). Vyborye praktiki dvoryanstva Moskovskoi gubernii v kontse XVIII – nachale XIX veka [The Electoral Practices of the Moscow Provincial Nobility in the Late 18th and Early 19th Centuries]. In Glagoleva, O., Shirle, I. (Eds.). *Dvoryanstvo, vlast' i obshchestvo v provintsial'noi Rossii XVIII veka*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 228–266.

Madariaga, I. (1974). Catherine II and the Serfs: A Reconsideration of Some Problems. In *Slavonic and East European Rev.* Vol. 52. No. 126, pp. 47–54.

Martem'yanov, T. A. (1900). Pravda o “Komaritskoi” i “Baryne” [The Truth about Komaritskaya and Barynya]. In *Istoricheskii vestnik*. Vol. 82, pp. 161–176.

Novosel'skii, A. A. (1961). Dvortsovye krest'yane Komaritskoi volosti vo vtoroi polovine XVII v. [Palace Peasants in Komaritskaya Volost in the Second Half of the 17th Century]. In Yatsunskii, V. K. (Ed.). *Voprosy sel'skogo khozyaistva, krest'yanstva i revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 65–80.

Pavlov-Sil'vanskii, N. P. (1910). Volneniya krepostnykh pri Pavle I [Peasant Unrest under Paul I]. In Pavlov-Sil'vanskii, N. P. *Sochineniya v 3 t.* St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 2. Ocherki po russkoi istorii XVIII–XIX vv., pp. 154–187.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 11, 17, 18, 20, 24.

Repina, L. P. (2017). *Rekonstruktsii mirovoi i regional'noi istorii: ot universalizma k modelyam mezkul'turnogo dialoga* [Reconstructions of World and Regional History: From Universalism Towards Models of Intercultural Dialogue]. Moscow, Akvilon. 560 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 7. Dos. 2985. Part 1–2; 2918. Part 1–2; 2984, 2997, 3015, 3019, 3064, 3121, 3567.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1374. List 1. Dos. 50, 430, 581, 742; List 2. Dos. 887, 1072, 1189; List 3. Dos. 1959, 2132, 2593, 2595, 2611, 2630; List 6. Dos. 30.

Shveikovskaya, E. N. (2012). *Russkii krest'yanin v dome i mire: severnaya derevnya kontsa XVI – nachala XVIII veka* [Russian Peasant at Home and in a Village Community: The Northern Village between the Late 16th and Early 18th Centuries]. Moscow, Indrik. 368 p.

Tereshkovich, P. (2009). Pogranich'e kak sud'ba: metamorfozy identichnosti v vostochnoevropeskom pogranich'e [Borderlands as Fate: Metamorphoses of Ethnicity in East European Borders]. In *Ab Imperio*. No. 1, pp. 191–226. DOI 10.1353/imp.2009.0084.

Tokt', S. (2007). Belorusskaya identichnost' v XIX st. [Belarusian Identity in the 19th Century]. In *Perekrestki*. No. 3–4, pp. 202–230.

Trifil'ev, E. P. (1904). *Ocherki iz istorii krepostnogo prava v Rossii. Tsarstvovanie imperatora Pavla I* [Essays on the History of Serfdom in Russia. The Reign of Emperor Paul I]. Kharkov, Pechatnoe delo. IV, 361 p.

Valk, S. N. (Ed.). (1961). *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1796–1825 gg. Sbornik dokumentov* [The Peasant Movement in Russia, 1796–1825. Collection of Documents]. Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury. 1048 p.

Vil'dbrekht, A. M. (Ed.). (1792). *Rossiiskii atlas, iz soroka chetyrekh kart sostoyashchii i na sorok dva namestnichestva imperiyu razdelyayushchii* [Atlas of the Russian Empire, Consisting of 44 Maps, Dividing the Empire into 42 Viceroyalties]. St Petersburg, Tipografiya gornogo uchilishcha. 45 p.

Vil'dbrekht, A. M. (Ed.). (1800). *Rossiiskii atlas, iz soroka trekh kart sostoyashchii i na sorok odnu guberniyu imperiyu razdelyayushchii* [Atlas of the Russian Empire, Consisting of 43 Maps, Dividing the Empire into 41 Provinces]. St Petersburg, Geograficheskii departament Imperatorskoi Akademii nauk. 43 p.

The article was submitted on 21.04.2020

В ПОИСКАХ «СВОЕГО МЕСТА»: КРЕСТЬЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ*

Галина Алишина

Томский государственный университет,
Томск, Россия

IN SEARCH OF “A PLACE OF ONE’S OWN”: PEASANT COLONISATION IN TOMSK PROVINCE

Galina Alishina

Tomsk State University
Tomsk, Russia

This article examines various practices of settlement (collectively termed *водворения* in Russian historical sources) used by peasants looking to live in Siberia between the late nineteenth and early twentieth centuries. The question of where exactly to settle in Siberia was of vital importance to peasants, as making the wrong decision could undermine their wellbeing and force them to return. The government introduced special regulations concerning the allotment of places for migrants: peasants could either found a new village or join an existing one (so-called old resident (Rus. *старожильческие*) villages). The regulations had both advantages and disadvantages, and the difficulties that were often encountered in the process of settlement, as well as other factors, brought about semi-illegal and illegal practices in solving the problem. The search for an appropriate place to live was complicated by a number of issues, including the lack of land in areas most suitable for living in Siberia, unauthorised settlements, and corruption among local officials. These issues provided fertile ground for conflicts and for violations of established rules. The article examines these aspects of peasant settlement and the relations that formed as a result. The understanding of challenges that peasants faced in the region will ensure an accurate evaluation of large-scale peasant settlement beyond the Urals during the period in question. The study is based

* Статья подготовлена в рамках научного проекта № 8.1.27.2018, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

** Citation: Alishina, G. (2020). In Search of “a Place of One’s Own”: Peasant Colonisation in Tomsk Province. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1307–1320. DOI 10.15826/qr.2020.4.529.

Цитирование: Alishina G. In Search of “a Place of One’s Own”: Peasant Colonisation in Tomsk Province // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1307–1320. DOI 10.15826/qr.2020.4.529 / Алишина Г. В поисках «своего места»: крестьянская колонизация в Томской губернии // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1307–1320. DOI 10.15826/qr.2020.4.529.

on the historical-genetic method and the institutional approach, which are used to reveal settlement practices. The author concludes that there was a variety of ways in which decisions on settlement in particular places were taken, determining the reasons behind the emergence of semi-illegal and illegal solutions.

Keywords: Siberia in the late 19th – early 20th centuries; peasant migrants; migration; Tomsk province.

Раскрываются практики определения места жительства (в исторических источниках – «водворения»), сложившиеся среди крестьян-переселенцев в Сибири (конец XIX – начало XX в.). Вопрос о месте поселения имел большое значение, от его решения напрямую зависело благополучие крестьян-колонизаторов. Неудачно выбранное место жительства ставило под угрозу успех переселения и могло стать причиной возвращения крестьян назад. Правительством были установлены правила отведения мест для переселенцев, предполагавшие два ключевых сценария: образование нового переселенческого поселка или причисление к уже существующему поселению старожилов. Установленные законом варианты водворения имели для крестьян-новоселов как положительные, так и отрицательные последствия. Трудности в реализации установленных правил, а также другие обстоятельства приводили к формированию полу- и незаконных практик в решении этого вопроса. Поиск хорошего участка осложнялся целым рядом факторов, в числе которых были исчерпание земельного фонда в наиболее пригодных для заселения частях Сибири, самовольные стихийные переселения, коррумпированность местных чиновников и пр. Все это служило благодатной почвой для различных нарушений установленных правил, злоупотреблений и конфликтов. Понимание и учет трудностей, с которыми столкнулись на своем пути сибирские переселенцы, повысят точность оценки массового крестьянского переселения за Урал. В основе исследования лежат историко-генетический метод и институциональный подход, позволившие выявить переселенческие практики. В результате было установлено разнообразие вариантов водворения крестьян-переселенцев в Сибири, а также определены причины и факторы, которые привели к появлению различных полу- и незаконных практик определения места поселения.

Ключевые слова: история Сибири конца XIX – начала XX в.; крестьяне-переселенцы; миграция; Томская губерния.

Массовое крестьянское переселение за Урал, происходившее в конце XIX – начале XX в., стало серьезным испытанием и вызовом для властей и населения Азиатской России. Представление о «бескрайних просторах Сибири» оказалось ошибочным. Удобных для переселения и при этом свободных земель в регионе было меньше, чем желающих на них обосноваться. Это усложнило поземельные отношения и привело к возникновению серьезных противоречий в среде сибирского насе-

ления, состоявшего из новоселов, старожилов и инородцев. Разумеется, в законодательстве был регламентирован порядок водворения (отведения места) и землеустройства (упорядочивания землепользования) переселенцев, время от времени вводились запреты и устанавливались ограничения. Однако реальные ситуации и условия, складывавшиеся на местах, зачастую не вписывались в нормативные рамки. Переселенцы вырабатывали различные практики, носящие полу-, а то и вовсе незаконный характер, чтобы решать возникавшие перед ними задачи, первостепенными из которых были водворение и последующее землеустройство. Именно от их решения во многом зависела дальнейшая судьба переселенческих хозяйств [Чуркин, с. 20].

Выявление и оценка практик водворения, к которым прибегали крестьяне-колонизаторы, затруднены объективными обстоятельствами, особенно когда речь идет о полу- и незаконных способах определения места жительства. Очень сложно подсчитать, как часто переселенцы к ним прибегали (не все подобные случаи были зафиксированы), а также сравнить показатели по уездам или губерниям. В сохранившихся источниках очевидцы событий (крестьяне, чиновники, исследователи) зачастую не называют точных цифр, давая лишь субъективную оценку масштабам и последствиям реализуемых практик. Изучение законных способов водворения также встречает на своем пути препятствия. Правильный учет «приселения» крестьян-колонизаторов в старожильческие общества был установлен в Томской губернии только с 1907 г., в других губерниях Сибири хозяйства переселенцев, приселившихся к старожилам, и вовсе не были включены в статистические исследования в начале XX в. [Переселенцы, с. 3].

Актуально определить, к каким практикам водворения прибегали крестьяне-переселенцы с учетом возможного многообразия выбора, а также описать механизмы их реализации. Для решения поставленных проблем были привлечены как опубликованные (сборники статистических сведений, периодическая печать и проч.), так и неопубликованные (архивные материалы) исторические источники, часть из которых введена в научный оборот впервые. Выявление трудностей, с которыми сталкивались переселенцы при водворении, и способов их преодоления повысит объективность оценки массового крестьянского переселенческого движения за Урал в конце XIX – начале XX в. Это позволит внести коррективы в подсчет затрат, которые несли переселенцы в процессе обустройства на новом месте, точнее определить риски и объяснить причины хозяйственных успехов или неудач.

Изучать крестьянское переселение за Урал начали еще его современники [Кауфман; Кузнецов; Минко]. Научный интерес к проблеме наблюдался и в советский период. При изучении колонизации Азиатской России рядом ученых много внимания уделялось землеустройству крестьян-переселенцев на сибирских землях [Горюшкин; Тихонов; Тюкавкин; Татарникова; Шиловский] и поземельным отношениям, сложившимся в регионе в позднимперский период

[Дорофеев; Шевченко]. Однако эти авторы лишь косвенно затрагивают в своих исследованиях вопрос о сложившихся практиках водворения крестьян-переселенцев, недостаточно учитывая важный этап переселения – выбор места и условий для постоянного проживания.

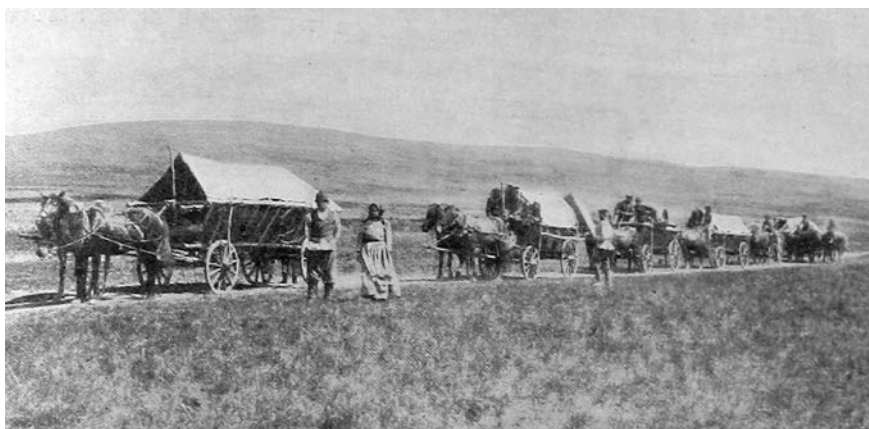
Томская губерния являлась основным регионом крестьянской колонизации в конце XIX – начале XX в. На ее территории в разные годы оседало от трети до половины ходоков и переселенцев, пришедших из-за Урала [Сибирская жизнь. 1907. 23 июня; РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 759. Л. 21 и др.]. Семь уездов губернии составляли Томский переселенческий район, который был образован в 1906 г. Самой большой популярностью у переселенцев пользовался Барнаульский уезд: в 1907 г. в нем одном поселилось больше переселенцев, чем во всей Приморской области, а ведь она занимала второе место среди областей и губерний Азиатской России (после Томской) по числу пришедших крестьян-колонизаторов [Минко, с. 37–38].

Переселенческая политика российских властей нашла свое закрепление в различных нормативно-правовых актах, в которых регламентировался и порядок водворения сибирских новоселов. Согласно закону, водворению крестьян-переселенцев должна была предшествовать разведка, осуществлением которой занимались представители крестьян – ходоки (групповые и одиночные), которые выбирали места для поселения доверителей (ил. 1, 2). Желая осесть на новом

1. Группа ходоков // Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом : в 3 т. / под ред. И. И. Тхоржевского. СПб. : Изд. Переселенч. управления гл. управления землеустройства и земледелия, 1914. Т. 1. С. 474

A Group of "Khodoks" // Tkhorzhevskii, I. I. (Ed.). (1914). Aziatskya Rossiya. Ludi i poryadki za Uralom (1914) v 3 t. [Asian Russia. People and Ways beyond the Urals. 3 Vols.]. St Petersburg, Izdanie Pereselencheskogo upravleniya glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya. Vol. 1, p. 474

2. Переселенцы на пути к своим участкам // Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом : в 3 т. / под ред. И. И. Тхоржевского. СПб. : Изд. Переселенч. управления гл. управления землеустройства и земледелия, 1914. Т. 1. С. 479

Settlers on their way to their plots // Tkhorzhevskii, I. I. (Ed.). (1914). *Aziatskaya Rossiya. Ludi i poryadki za Uralom* (1914) v 3 t. [Asian Russia. People and Ways beyond the Urals. 3 Vols.]. St Petersburg, Izdanie Pereselencheskogo upravleniya glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya. Vol. 1, p. 479

месте, сибирские переселенцы могли действовать двумя путями, указанными во «Временных правилах о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев» от 6 июня 1904 г.: во-первых, зачислиться на свободные земли и, соблюдая требования, образовать собственное селение (переселенческий поселок) и отдельное сельское общество (при условии, что поселок состоит не менее чем из десяти дворов); во-вторых, поселиться в уже существующем населенном пункте и причислиться к старожильческому крестьянскому обществу, на что последнее должно было дать согласие [ПСЗ-1, № 24701].

Образование собственного переселенческого поселка означало для его жителей хозяйственную независимость, им не надо было адаптироваться к уже устоявшейся жизни старожильческого селения, мириться с возможным произволом «местных», чужими правилами и порядками. Кроме того, не нужно было платить старожилам за приемный приговор. Также заметно упрощался процесс социокультурной адаптации, поскольку переселенческие поселки зачастую образовывали выходцы из одной губернии, а то и вовсе из одного населенного пункта.

Однако переселенцам приходилось ждать, пока местные чиновники выделяют для них участки, и вообще зависеть от расторопности и порядочности представителей власти. Новообразованные поселки по понятным причинам не обладали развитой инфраструктурой, часто имели неудобное расположение (участки отводили вдали от населенных пунктов и путей сообщения), и обустройство на новых землях растягивалось на несколько лет [Татарникова, с. 158, 160]. Запас свободных и при этом привлекательных для переселенцев земель, как уже было

отмечено, оказался не безграничен. Местные чиновники либо предлагали переселенцам не лучшие варианты, либо рекомендовали им идти дальше на восток в поисках еще не занятого пространства. Но на такой шаг соглашались далеко не все: одни просто оставались без средств, другие были настойчивы в своем желании закрепиться на «удобной земле» или были уверены в своем праве селиться там, где захотят.

Причисление переселенцев к старожильческим обществам было распространенной практикой. В Томской губернии за период с 1907 по 1912 г. среди старожилов водворилось около 34 % семей переселенцев [Переселенцы, с. 2–3]. Такое решение вопроса о водворении занимало обычно меньше времени и привлекало переселенцев тем, что они приходили в уже налаженную в хозяйственном отношении среду. Новоселы легче находили посторонний заработок, который позволял продержаться первое время, и могли рассчитывать на оперативную помощь в случае нужды [Ходаческое движение, с. 14]. Это повышало шансы колонизаторов на успешную хозяйственную адаптацию.

Осуществление этого варианта затруднялось нежеланием старожильческих обществ принимать в свои ряды пришлый контингент [Ф. 391. Оп. 5. Д. 807. Л. 31, 52–52 об., 64–64 об.]. Распространено мнение, что это было связано с захватническим способом землепользования сибирских старожилов и их опасениями по поводу земельного утеснения [Дорофеев, с. 96; Шевченко, с. 283]. Несомненной преградой была и высокая плата, которую старожилы устанавливали за свое согласие на причисление. Переселенцы сталкивались «с весьма тягостным укоренившимся в Сибири обычаем взимания обществами за принятие в свою среду “вступных денег”» [РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 723. Л. 3]. В Томской губернии размер платы до 1906 г. колебался в пределах 40–60 руб., а с 1907 по 1912 г. – в пределах 100–200 руб. с одного земельного душевного надела [Переселенцы, с. 2].

Старожилы не всегда отличались порядочностью по отношению к новоселам. Одним из наиболее распространенных способов обмана переселенцев была продажа домов по завышенной цене с обещанием, что тот, кто их купит, будет причислен к сельскому обществу. Эта практика служила примером конфликта нормы обычного права и официального законодательства. С позиций обычного права продажа сельским обществом дома воспринималась новоселом как согласие на принятие его в данное общество, но официальное законодательство подобного не предусматривало [Дорофеев, с. 96–97].

Существенно затруднить адаптацию переселенцев могли социокультурные различия между старожилами и новоселами. Например, был риск возникновения религиозных разночтений. Переселяясь за Урал, крестьяне сталкивались с непривычным для них отношением к религии. Старожилы вели менее интенсивную религиозную образцовую жизнь, а также попадали под влияние старообрядческих авторитетов и представителей религиозных сект, не принадлежавших православию [Чуркин, с. 24–25].

Местные крестьянские начальники имели право не утвердить приговор сельского схода старожильческого селения о принятии в свой состав новых членов по причине недостаточной обеспеченности населенного пункта землей. Обеспеченными же в этом отношении считались лишь те селения, которые имели свыше 15 десятин удобной земли на каждую наличную мужскую душу. По мнению чиновника того времени главноуправляющего землеустройством и земледелием Б. А. Васильчикова, указанный порядок, получив распространение, ставил множество переселенцев в тяжелое положение и не соответствовал государственной переселенческой политике. В своем письме в Министерство внутренних дел он предлагал предоставить решение вопроса о приселении самим обществам [РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 723. Л. 3 об. –4 об.]. Благодаря этой инициативе уже в феврале 1908 г. земский отдел МВД разослал соответствующие разъяснения по губерниям [Там же. Л. 6–7].

В разъяснениях, подписанных министром внутренних дел П. А. Столыпиным, в числе прочего проговаривалась позиция центральных властей: «приселение к старожилым обществам, насколько оно совершается собственными усилиями и средствами переселенцев, является одною из наиболее целесообразных форм переселения» [Там же. Л. 6 об.]. В то же время сибирские чиновники, основываясь на длительных наблюдениях за водворением и дальнейшим устройством переселенцев, считали, что «результаты приселения выходцев из Европейской России к старожильческим поселкам крайне неблагоприятны. Поэтому надлежит оказывать на переселенцев воздействие с целью образования ими самостоятельных населенных пунктов» [Чуркин, с. 24–25]. Все это свидетельствует о неоднозначности тех вариантов водворения, которые предлагались переселенцам по установленным правилам.

Перечисленные проблемы, с которыми сталкивались переселенцы при своем водворении по легальным сценариям, усугублялись самовольностью переселения некоторых крестьян и увеличением потока переселенцев.

По подсчетам Д. Н. Беянина, из 443 147 переселенцев, проследовавших в Томскую губернию в 1896–1905 гг., проходные свидетельства имели только 276 462 чел., а за 1906–1909 гг. туда самовольно прибыли 362 625 чел. (особенно много таких переселенцев было в Барнаульском уезде²) [Беянин, с. 5–6]. По причине нелегальности своего переселения они могли рассчитывать на земельное обеспечение только при наличии свободных долей, ссудные мероприятия правительства касались их в исключительных случаях, льготы на данную категорию лиц также практически не распространялись. По оценкам исследователей, это были потенциальные неудачники, чьи жизненные перспек-

² По данным на начало 1911 г., 67,49 % неустроенных переселенцев Томской губернии проживали в Барнаульском уезде [Беянин, с. 6].

тивы были весьма ограничены, а шансы на успешное переселение малы [Чуркин, с. 26–27]. Однако позиция властей относительно самовольных переселенцев не была однозначной. Известно немало случаев, когда чиновники вставали на их сторону в спорных ситуациях или специально выделяли для их водворения земельные участки [Белянин, с. 7–8]. В результате участие в переселении этого контингента порождало массу трудностей при водворении и землеустройстве как их самих, так и крестьян, переселявшихся на законных основаниях.

Наплыв переселенцев в результате аграрной реформы 1906 г. также осложнил ситуацию с их водворением и землеустройством. Особенно это касалось традиционных районов оседания крестьян из Европейской России, и прежде всего Алтайского округа. Он располагался на территориях Барнаульского, Бийского, Змеиногорского и Томского уездов, принадлежал императорской семье, управлялся кабинетом его императорского величества и считался одной из лучших для переселения частей Томской губернии.

В брошюре, изданной Управлением Алтайского округа, высказывалось негодование по поводу поведения ходоков. Хотя их предупреждали, что вблизи железной дороги свободных участков нет, и нужно ехать в Иркутскую и Енисейскую губернии, они «тем не менее слезают с поезда в облюбованном ими Алтае и идут выбирать себе чужие земли, ссылаясь на то, что они переселяются “по распоряжению правительства”. Отказ в отводе выбранной земли переселенцы считают незаконным стеснением» [К вопросу о землеустройстве, с. 13–14]. Представление переселенцев о порядке водворения на самом деле не всегда соответствовало действительности. В одном из крестьянских прошений на имя главноуправляющего земледелием и землеустройством утверждалось: «когда мы ехали из России в 1907 г. по железной Сибирской дороге, тогда же говорили нам г. переселенческие начальники... что поезжайте в какую хотите деревню, купите избу, и живите, и пусть вас причислят» [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 807. Л. 1].

Ограниченность в выборе путей решения вопроса о водворении и возросшая конкуренция между переселенцами и местными жителями за землю логично приводили к порождению неформальных (полу- или незаконных) практик.

Некоторые «непричисленные» переселенцы соглашались на проживание в старожильческом поселке без приемных приговоров, а также «без обычных общественных и сельскохозяйственных прав» в качестве «полетовщиков» или временно проживающих [Сибирская жизнь. 1906. 2 мая], с которых старожилы, как правило, брали большую плату в виде денег и натуральных повинностей [Белянин, с. 6]. Для одних это было временным решением вопроса о водворении, пока подыскивался пригодный для заселения участок, а для других – шансом законно остаться в старожильческом поселке в ходе землеустройства. Дело в том, что в районах, где еще не были завершены землеустроительные работы, «полетовщики» имели право на получение

надела в населенном пункте, где проживали, даже без приемного приговора от старожилов, при условии, что они создали самостоятельное земледельческое хозяйство. Поэтому переселенцы стремились стать «полетовщиками» в Барнаульском уезде Томской губернии, где землеустроительные работы еще не были завершены [Белянин, с. 6].

В источниках описаны ситуации, когда переселенцы, получив приемный приговор, не выплачивали старожилам обещанные деньги. Выселить обманщиков и отменить приемный приговор было нельзя, старожилам лишь оставалось взыскивать неуплаченную сумму судебным порядком [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 807. Л. 123–123 об.].

В удобных для поселения местах, где все надельные доли были уже заняты, практиковалась незаконная спекуляция землей. Обустроившиеся переселенцы продавали выделенный государством участок другим переселенцам, хотя они не являлись собственниками земли и не имели на это права. Продавец выдавал покупателю заявление об отказе от своих прав на надельные доли, написанное на имя чиновника, заведующего водворением переселенцев. На основании этого документа покупатель водворялся на приобретенном участке. Подобные сделки могли происходить с ведома местных властей [Сборник статистических сведений, с. 146–147].

Часть переселенцев (особенно самовольных) предпочитала осесть в обжитых местах, невзирая на то, что эти земли уже были кем-то заняты, что приводило к захвату чужих земельных участков и угодий [Шевченко, с. 284]. В Алтайском округе дело доходило до того, что «крестьяне выставляли охрану, чтобы не допустить самовольного захвата ими (переселенцами. – Г. А.) земель» [К вопросу о землеустройстве, с. 10]. Захватам подвергались не только участки местных жителей. Переселенцы самовольно селились на казенно-оброчных или кабинетских землях, а затем начинали ходатайствовать об образовании из уже занятых ими земель переселенческого участка, на что некоторые получали согласие властей [Белянин, с. 8]. Даже сами переселенцы жаловались властям на захват их угодий другими переселенцами [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 37. Л. 40–40 об., 134–135].

Некоторые «захватчики» действовали хитрее: они любыми способами брали земельные участки в аренду, основательно там обустроившись, подсаживали своих родных и знакомых, а потом подавали прошения о наделении их этой землей как крепких хозяев [К вопросу о землеустройстве, с. 14]. Известны случаи, когда местные чиновники вставали на сторону захватчиков-переселенцев, ссылаясь на то, что они заняли не используемый старожилами участок и обзавелись хозяйством [РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 311. Л. 98].

О злободневности проблемы самовольного захвата земель свидетельствует тот факт, что она была затронута в проекте аграрной программы для Сибири у «октябристов» Томска. Они включили в свою программу положение о необходимости предотвращения захвата переселенцами земель местных крестьян [Харусь, с. 183].

Поселиться на удобном участке можно было при содействии коррумпированных представителей власти. Чиновники, выборные сельские уполномоченные и старосты, волостные старшины, писари вымогали взятки у переселенцев при получении участка под заселение, за их водворение в старожильческие общины, за выдаваемую ссуду и т. п. [Шевченко, с. 286].

Показательной в этом плане являлась ситуация, сложившаяся в Кулундинской степи (в западной части Барнаульского уезда), обнаруженная и расследованная властями в 1913-1914 гг. Крестьяне-переселенцы, желавшие поселиться на участках в первом и втором Кулундинских подрайонах Томского переселенческого района, получали в местной канцелярии переселенческого чиновника отказ на просьбу о зачислении. Потом «добрые люди» подсказывали им обратиться к посреднику, который мог поспособствовать в решении подобных вопросов. Последний, взяв с крестьян-переселенцев деньги за свои услуги, через какое-то время доставал им разрешения на зачисление, подписанные тем же переселенческим чиновником [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 107. Л. 2-3, 17-18].

Описание «кулундинских порядков», данное крестьянами-переселенцами, наталкивало на мысль о сговоре неких частных лиц, которые выступали посредниками при решении вопросов о зачислении переселенцев на участки, и местных чиновников, ответственных за организацию переселенческого процесса. Участие в этом преступном сговоре посредников, не являвшихся должностными лицами, было оправдано, поскольку их нельзя было привлечь к ответственности. Об этом докладывал в Переселенческое управление заведующий землеустройством и переселением в Томском переселенческом районе, ссылаясь на уже имевшийся прецедент, когда попытка привлечения к суду подобного посредника не увенчалась успехом [Там же. Л. 5-6].

Дознание, порученное чиновнику особых поручений Переселенческого управления, показало широчайший размах злоупотреблений в Кулундинской степи. Как было сказано в справке, составленной по итогам этого расследования, «обирание кулундинских переселенцев за все решительно вошло в систему» [Там же. Д. 104. Л. 136]. Сферы влияния посредников были разграничены территориально: так, в Ореховской волости плата за зачисление на земельные участки вносилась священнику Лисицкому; в Орловской волости торговал долями волостной старшина Яков Реймер («немецкий бог»); из Добровольской волости и отчасти из Богословской извлекал доходы староста Петр Акунченко; был замешан в злоупотреблениях и письмоводитель заведующего подрайоном Машура [Там же. Л. 134 об.].

Водворение и передворение переселенцев в Кулунде находились почти всецело в руках письмоводителей переселенческих чиновников, должностных лиц сельского управления и других посредников, которые вымогали с переселенцев денежные вознаграждения за свои труды и по своему усмотрению решали вопросы их землеустрой-

ства. Это обстоятельство накладывало отпечаток на переселенческие практики водворения, вынуждая крестьян-колонизаторов подстраиваться под обстоятельства и нести дополнительные расходы, что необходимо учитывать при оценке «затратности» переселения. Произвол чиновников, предоставляя колонизаторам возможность поселиться на удобном участке за дополнительную плату, являлся для них фактором риска. Нечистые на руку чиновники могли и после водворения тянуть из переселенцев деньги, а то и вовсе согнать их с уже обжитых участков [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 104. Л. 4–4 об.].

Описанные неформальные практики водворения, к которым по собственной инициативе или вынужденно прибегали переселенцы, существенно усложняли и без того непростые поземельные отношения в регионе. Между новоселами и местными жителями при решении вопросов о водворении и дальнейшем землеустройстве возникали конфликты, вызванные взаимными претензиями. Крестьяне-сибиряки жаловались на наглость переселенцев, которые «чувствуют себя хозяевами положения» [Сибирская жизнь. 1909. 21 окт.]. Раздражал старожилов и факт передачи новоселам угодий, которыми они привыкли пользоваться сами³. По схожим причинам возникло противостояние между переселенцами и аборигенным населением («инородцами»). Местные жители и местные власти тоже не всегда отличались гостеприимством. Современники отмечали, что они «допускают по отношению переселенцев всевозможные насилия и самоуправство» [ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 889. Л. 1]. Конфликты влияли на успешность адаптации. Некоторых переселенцев это провоцировало на то, чтобы снова двинуться в путь в надежде на лучшие условия на новом месте, а то и вовсе вернуться обратно [подробнее см.: Алишина].

Выявленное многообразие переселенческих практик водворения вряд ли исчерпывается приведенными примерами. Сложно оценить степень их распространенности и однозначно говорить об их типичности или уникальности. Описанные в статье практики фигурируют в нескольких независимых друг от друга источниках, но это лишь косвенно свидетельствует об их рутинизированности. Тем не менее, можно уверенно утверждать, что крестьяне-колонизаторы имели выбор и могли различными способами решать вопрос об определении места жительства. Набор вариантов сокращался для самовольных переселенцев, а также уменьшался из-за высокой конкуренции за удобные земельные участки.

Эти обстоятельства приводили к появлению неформальных практик. Материалы Томской губернии показывают, что переселенцы, решая вопрос о месте дальнейшего поселения, пользовались лазейками в законах, соглашались на кабальные условия, нарушали заключенные договоры, захватывали чужие земли, давали взятки и пр. Нельзя не отметить роль представителей власти в возникновении по-

³ В газете «Сибирская жизнь» описано столкновение из-за леса, который отвели переселенцам, но старожилы продолжали считать его своим. В итоге несколько человек получили тяжелые ранения [Сибирская жизнь, 1914, 15 марта].

добных способов водворения. Некоторые из них проявляли лояльность по отношению к самовольным захватам чужой земли, действуя из лучших побуждений, но создавая тем самым опасный прецедент, а другие выстраивали масштабные коррупционные схемы, втягивая в них переселенцев. Позицию центральных и местных властей в вопросе о порядке водворения новоселов нельзя назвать согласованной и однозначной. Оценки различных сценариев противоречили друг другу, а «ручное управление» при решении конкретных ситуаций могло запутать переселенцев окончательно.

Сложно решить, были ли выявленные практики водворения типичными для всех губерний и областей Азиатской России. Возможно, часть из них была характерна только для Томской губернии, поскольку она пользовалась у переселенцев популярностью и конкуренция за удобные земельные участки была здесь особенно высокой. Но даже в этом случае с выявленными практиками столкнулось значительное число колонизаторов, и без их учета картина массового крестьянского переселения за Урал в конце XIX – начале XX в. будет неполной.

Список литературы

Алишина Г. Н. Старожилы, «инородцы» и новоселы Азиатской России в конце XIX – начале XX в.: факторы конфликтности // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов Четвертой регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск : Параллель, 2010. С. 86–91.

Белянин Д. Н. Мероприятия правительства по устройству «непричисленных» переселенцев Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2011. № 4 (16). С. 5–10.

ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 889.

Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск : Наука, 1976. 342 с.

Дорофеев М. В. Поземельные отношения крестьян (переселенцы и старожилы на Алтае в 1880-х гг.) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2009. № 322. С. 95–98.

К вопросу о землеустройстве на Алтае и земельной политике Кабинета Его Величества : (По поводу статьи в журнале «Дальневосточное обозрение» – 1911 г., № 15). Барнаул : Типолит. Упр. Алтай. округа, 1912. 25 с.

Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии : По данным произведенного в 1894 г. по поручению г. Томского губернатора подворного исследования. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1896. 341 с.

Кузнецов В. Экономические результаты переселения в Сибирь и Степной край // Вопросы колонизации. СПб. : А. В. Успенский, 1908. Вып. 2. С. 69–83.

Минко Н. Переселенческое движение в 1907 г. // Вопросы колонизации. СПб. : А. В. Успенский, 1908. Вып. 3. С. 1–47.

Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири : материалы стат.-экон. исслед., собр. и разработ. под рук. и ред. В. Я. Нагнибеда. Томск : [Б. и.], 1927. 615 с.

ПСЗ-1. Т. 24.

РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 311, 723, 759; Оп. 5. Д. 37, 104, 107, 807.

Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский : материалы по исследованию переселенческих хозяйств, собр. и разработ. под рук. и ред. В. Я. Нагнибеда. Вып. 1. Томск : [Б. и.], 1913. 281 + 30 + 29 с.

- Сибирская жизнь. 1906, 1907, 1909, 1914.
- Татарникова А. И. Переселенческие поселки в Западной Сибири конца имперского периода: численность, социальная инфраструктура, санитарное состояние // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 417. С. 155–162. DOI 10.17223/15617793/417/22.
- Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. (по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики). М. : Наука, 1978. 215 с.
- Тюкавкин В. Г. Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX века. Иркутск : Иркутск. гос. пед. ин-т, 1961. 27 с.
- Харусь О. А. Переселенческий вопрос в общественно-политических практиках либералов Сибири в начале XX века // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. / отв. ред. М. К. Чуркин. Вып. 14. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2017. С. 182–188.
- Ходаческое движение, водворение переселенцев и связанные с ним мероприятия в Азиатской России в 1909 году (по отчетным данным заведующих переселенческими районами) // Вопросы колонизации. СПб. : А. В. Успенский, 1909. № 7. С. 3–33.
- Чуркин М. К. Адаптивная ситуация, барьеры и стратегии поведения переселенцев черноземного центра Европейской России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сиб. ист. исслед. 2013. № 1. С. 18–30.
- Шевченко В. Н. Столыпинская аграрная реформа и нарастание социальной напряженности в сибирской деревне // Вестн. Красноярск. гос. аграрного ун-та. 2014. № 6. С. 283–287.
- Шиловский М. В. Отводные записки как источник по истории землеустройства в Томской губернии начала XX века // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2012. № 2 (18). С. 49–53.

References

- Alishina, G. N. (2010). Starozhily, “inorodtsy” i novosely Aziatskoi Rossii v kontse XIX – nachale XX v.: faktory konfliktnosti [Starozhily, ‘Inorodtsy’, and Novosely in the Asian Part of Russia between the Late 19th and Early 20th Centuries: Factors of Conflict]. In *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy. Sbornik materialov Chetvertoi regional'noi molodezhnoi nauchnoi konferentsii*. Novosibirsk, Parallel', pp. 86–91.
- Belyanin, D. N. (2011). Meropriyatiya pravitel'stva po ustroystvu “neprichislennykh” pereselentsev Zapadnoi Sibiri na rubezhe XIX–XX vv. [Government Measures to Help ‘Neprichislennye’ Citizens Settle in Western Siberia at the Turn of the 20th Century]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 4 (16), pp. 5–10.
- Churkin, M. K. (2013). Adaptivnaya situatsiya, bar'ery i strategii povedeniya pereselentsev chernozemnogo tsentra Evropeiskoi Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Adaptation and Strategies of New Settlers in the Areas of Fertile Soil in the European Part of Russia between the Second Half of the 19th and the Early 20th Centuries]. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 18–30.
- Dorofeev, M. V. (2009). Pozemel'nye otnosheniya krest'yan (pereselentsy i starozhily na Altai v 1880-kh gg.) [Peasants and Land (New Settlers and Local Residents in the Altai in the 1880s)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 322, pp. 95–98.
- ГААК [State Archive of Altai Region]. Stock 3. List 1. Dos. 889.
- Goryushkin, L. M. (1976). *Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917)* [Agricultural Relations in Siberia during the Period of Imperialism (1900–1917)]. Novosibirsk, Nauka. 342 p.
- K voprosu o zemleustroystve na Altai i zemel'noi politike Kabineta Ego Velichestva. (Po povodu stat'i v zhurnale “Dal'nevostochnoe obozrenie” – 1911 g., No. 15)* [On Land Management in the Altai and the Land Policy of the Cabinet of His Majesty (Regarding the Article in the Journal *Dal'nevostochnoe Obozrenie*, 1911, No. 15)]. (1912). Barnaul, Tipolitografiya Upravleniya Altaiskogo okruga. 25 p.
- Kaufman, A. A. (1896). *Khozyaistvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoi gubernii. Po dannym proizvedennogo v 1894 g. po porucheniyu g. Tomskogo gubernatora, podvornogo issledovaniya* [The Economic Situation of New Settlers in Tomsk Province. Based on the Survey of Households Conducted in 1894, Commissioned by the Tomsk Governor]. St Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i Co. 341 p.

Kharus', O. A. (2017). Pereselencheskii vopros v obshchestvenno-politicheskikh praktikakh liberalov Sibiri v nachale XX veka [The Settlement Question in the Socio-Political Practices of Liberals in Siberia in the Early 20th Century]. In Churkin, M. K. (Ed.). *Voprosy istorii Sibiri. Sbornik nauchnykh statei*. Iss. 14. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 182–188.

Khodacheskoe dvizhenie, vodvorenie pereselentsev i svyazannye s nim meropriyatiya v Aziatskoi Rossii v 1909 godu (po otchetnym dannym zaveduyushchikh pereselencheskimi raionami) [The Settlement Movement, Practices of Settlement and Associated Measures Taken in the Asian Part of Russia in 1909 (Based on the Reports Issued by Heads of Administrative Areas for New Settlers)]. (1909). In *Voprosy kolonizatsii*. No. 7, pp. 3–33.

Kuznetsov, V. (1908). Ekonomicheskie rezul'taty pereseleniya v Sibir' i Stepnoi krai [Economic Implications of Resettlement in Siberia and the Steppe Region]. In *Voprosy kolonizatsii*. St Petersburg, A. V. Uspenskii. Iss. 2, pp. 69–83.

Minko, N. (1908). Pereselencheskoe dvizhenie v 1907 g. [The Resettlement Movement in 1907]. In *Voprosy kolonizatsii*. St Petersburg, A. V. Uspenskii. Iss.3, pp. 1–47.

Pereselentsy, priselivshiesya k starozhilam i starozhilyi Altaisko-Tomskoi chasti Sibiri: materialy statistiko-ekonomicheskogo issledovaniya, sobrannye i razrabotannye pod rukovodstvom i redaktsiei V. Ya. Nagnibeda [Migrants Who Settled with Old Siberians and the Old Siberians of the Altai-Tomsk Part of Siberia: Materials of Statistical and Economic Research Collected and Developed under the Leadership and Editorship of V. Ya. Nagnibeda]. (1927). Tomsk, S. n. 615 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 24.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 391. List 3. Dos. 311, 723, 759; List 5. Dos. 37, 104, 107, 807.

Sbornik statisticheskikh svedenii ob ekonomicheskopolozhenii pereselentsev v Tomskoi gubernii. Uezdy Barnaul'skii, Kainskii, Tomskii i Mariinskii. Materialy po issledovaniyu pereselencheskikh khozyaistv, sobrannye i rasrabotannye pod rukovodstvom i redaktsiei V. Ya. Nagnibeda. [Collection of Statistical Data on the Economic Situation of Immigrants in Tomsk Province. Barnaul, Kainsk, Tomsk and Mariinsk Uyezds: Materials on the Study of Resettlement Farms, Collected and Developed under the Leadership and Editorship of V. Ya. Nagnibeda]. (1913). Tomsk, S. n. 281 + 30 + 29 p.

Shevchenko, V. N. (2014). Stolypinskaya agrarnaya reforma i narastanie sotsial'noi napryazhennosti v sibirskoi derevne [The Stolypin Agricultural Reform and the Rise of Social Tensions in the Siberian Village]. In *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. No. 6, pp. 283–287.

Shilovskii, M. V. (2012). Otvodnye zapiski kak istochnik po istorii zemleustroistva v Tomskoi gubernii nachala XX veka [*Otvodnye Zapiski* as a Source on the History of Land Management in Tomsk Province in the Early 20th Century]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 2 (18), pp. 49–53.

Sibirskaya zhizn' [Siberian Life]. 1906, 1907, 1909, 1914.

Tatarnikova, A. I. (2017). Pereselencheskie poselki v Zapadnoi Sibiri kontsa imperskogo perioda: chislennost', sotsial'naya infrastruktura, sanitarnoe sostoyanie [New Settler Villages in Western Siberia at the End of the Imperial Period: Population, Social Infrastructure, and Health Issues]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 417, pp. 155–162. DOI 10.17223/15617793/417/22.

Tikhonov, B. V. (1978). *Pereseleniya v Rossii vo vtoroi polovine XIX v. (po materialam perepisi 1897 g. i pasportnoi statistiki)* [Population Resettlement in Russia in the Second Half of the 19th Century (Based on the 1897 Census and Passport Statistics)]. Moscow, Nauka. 215 p.

Tyukavkin, V. G. (1961). *Sotsial'no-ekonomicheskie predposylki pereseleniya krest'yan v Sibir' v nachale XX veka* [Social and Economic Factors in Peasant Resettlement to Siberia in the Early 20th Century]. Irkutsk, Irkutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. 27 p.

The article was submitted on 15.11.2019

ЧИГИРИНСКИЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ В ПОИСКАХ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПРАВДЫ*

Виктор Мауль

Тюменский индустриальный университет,
филиал в Нижневартовске,
Нижневартовск, Россия

CHIGIRIN FREETHINKERS IN SEARCH OF THE PEASANT TRUTH

Viktor Maul

Tyumen Industrial University,
Nizhnevartovsk Branch,
Nizhnevartovsk, Russia

This article examines one of the most important events in the lives of S. Shutenko and F. Chepurnoy, two ordinary peasants of Chigirin uyezd, Kiev province, in the nineteenth century. The Chigirin freethinkers' drama was connected with peasant unrest in left-bank Ukraine between the 1870s and 1880s. A number of comprehensive works have turned to their biographies (B. G. Litval and D. P. Poida). In this article, the peasants' views are analysed through the prism of their tragic lives and dreams about the peasant truth, which resulted in their exile to Siberia. They served their first exile together in Yenisei province from 1882 to 1887. Chepurnoy served another exile in Irkutsk province from 1895 to 1900. There is little information about Shutenko's later life. The research refers to unpublished archival documents from the funds of the State Archive of the Russian Federation and the state archives of Irkutsk, Tomsk and Krasnoyarsk. The author mostly focuses on judicial and investigation materials, as well as official correspondence between different state bodies. Also, the author refers to the memoirs of such revolutionaries as L. G. Deutsch and V. D. Debogory-Mokriyevich, both of whom were involved in peasant unrest in Chigirin. The reason for peasant unrest was discontent with the agrarian reforms in former state properties in right-bank Ukraine. Peasants perceived the agrarian reforms through the prism of their traditional worldview. They did not doubt the good intentions of the tsar, who

* *Citation*: Maul, V. (2020). Chigirin Freethinkers in Search of the Peasant Truth. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1321–1334. DOI 10.15826/qr.2020.4.530.

Цитирование: Maul V. Chigirin Freethinkers in Search of the Peasant Truth // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1321–1334. DOI 10.15826/qr.2020.4.530 / Мауль В. Чигиринские вольнодумцы в поисках крестьянской правды // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1321–1334. DOI 10.15826/qr.2020.4.530.

granted the true peasant will. They treated the content of the agrarian reforms as treason on the part of officials and landowners, who they blamed for distorting the tsar's will. The intentions themselves seemed to comply with peasants' interests. As a result of peasant unrest, the religious teaching of Stundism gained in popularity. The article demonstrates how Stundism significantly influenced peasant estimation of agrarian changes on state properties in the southwestern part of the Russian Empire. The author concludes that Shutenko and Chepurnoy's tragic destinies may be viewed as a result of peasant unrest in the post-reform Ukrainian village.

Keywords: Right-bank Ukraine; peasant psychology; post-reform village; Stundism; freethinkers; Siberia; administrative exile.

Статья посвящена изучению важнейших событий из жизни двух обычных крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии в XIX в. С. К. Шутенко и Ф. А. Чепурного. Жизненная драма чигиринских вольнодумцев была связана с крестьянскими волнениями на Правобережной Украине в 1870–1880-е гг. Фрагментарно к событиям их биографий обращались авторы нескольких обобщающих сочинений (Б. Г. Литвак и Д. П. Пойда). В статье взгляды крестьян анализируются в ракурсе их трагической судьбы и мечты о крестьянской правде, обернувшихся для них ссылкой в Сибирь. Первую ссылку (с 1882 по 1887) они отбывали в Енисейской губернии. Вторая ссылка в Иркутскую губернию (с 1895 по 1900) затронула Ф. Чепурного. Сведения источников о дальнейших испытаниях С. К. Шутенко малоинформативны. Источниками для научного анализа стали неопубликованные архивные документы из фондов ГАРФ и государственных архивов Иркутской, Томской областей и Красноярского края. Среди них преобладают судебно-следственные материалы и официальная переписка различных государственных органов. Также используются мемуары революционеров, таких как Л. Г. Дейч и В. Д. Дебогорий-Мокриевич, причастных к крестьянским волнениям в Чигиринском уезде. Причиной крестьянских волнений стало недовольство аграрными реформами в бывших казенных имениях Правобережной Украины. Земельные перемены были восприняты крестьянами в рамках традиционного мировоззрения. Они не сомневались в добрых намерениях правящего царя, который даровал настоящую крестьянскую волю. Не устраивавшее их содержание аграрных реформ сельские жители считали результатом «измены» со стороны чиновников и землевладельцев, которых обвиняли в искажении волеизъявления царя. Сами эти намерения представлялись соответствующими интересам крестьян. В обстановке крестьянского недовольства популярность получило религиозное учение штундизма. В статье показано, как штундизм во многом повлиял на общую оценку крестьянами аграрных перемен в казенных имениях Юго-Западного края Российской империи. Делается вывод, что трагическую судьбу Шутенко и Чепурного можно рассматривать как результат крестьянских настроений в пореформенной украинской деревне.

Ключевые слова: Правобережная Украина; крестьянская психология; пореформенная деревня; штундизм; вольнодумцы; Сибирь; административная ссылка.

Исследования последних лет показали, что изучение, «казалось бы, ничем не примечательных “простых”, “рядовых” людей» прошлого способно наполнить дополнительным смыслом и «пролить свет» на многие не известные ранее аспекты былых событий [Репина, с. 289–290]. В этот познавательный тренд вполне укладываются нелегкие судьбы неграмотных крестьян Степана Карповича Шутенко и Феодосия Анисимовича Чепурного из деревни Погорельцы и села Мордва Шабельницкой волости Чигиринского уезда Киевской губернии, находившихся в эпицентре пореформенных народных волнений и их последствий. В рассмотрении ключевых эпизодов жизненной драмы двух «маленьких» личностей состоит цель данной работы, основанной на анализе документов пяти архивов Российской Федерации. Типично для истории народного протеста среди них преобладают материалы делопроизводства государственных учреждений (фонды Иркутского, Енисейского и Томского губернских правлений) и судебно-следственные материалы (фонды Департамента полиции, 3-го Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, Особого присутствия Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообщениях). О своеобразии и особенностях анализа таких источников давно известно из общих и специальных работ [см., например: Усенко].

Историография крестьянских волнений в Чигиринском уезде в 1870-е гг. немногочисленна и фрагментарна [Литвак, 1991, с. 206–210; Пойда, с. 196–234 и др.], хотя в последние годы появились публикации, позволяющие рассчитывать на эвристический прирост знаний о событиях, вызвавших бурный общественный резонанс [Терехова]. В то же время, несмотря на большой пласт трудов об особенностях мировоззрения российского крестьянства в целом и восприятия ими условий и последствий реформы 1861 г. (В. А. Александров, В. В. Безгин, Дж. Блюм, С. Д. Домников, И. И. Игнатович П. А. Зайончковский, Л. Г. Захарова, А. И. Клибанов, Т. С. Мамсик, Б. Н. Миронов, С. А. Нефедов, Л. Н. Пушкарев, П. Г. Рындзюнский, Д. Филд, В. А. Федоров, С. Хок, К. В. Чистов, З. К. Янель и др.), надо согласиться с мнением И. А. Христофорова, что, по сути дела, «из поля зрения исследователей выпал другой важный вопрос: каким образом опыт отмены крепостного права повлиял на дальнейшую судьбу казенных крестьян?» [Христофоров, с. 93].

К этой категории крестьян относились Шутенко и Чепурный, чьи взгляды в условиях пореформенных перемен претерпели серьезную эволюцию – от традиционных православно-монархических убеждений до отрицания важнейших постулатов православной веры, необходимости духовенства, государственных институтов и даже самого царя. Неординарные поступки и мысли нередко выделяли их на фоне «протестующей толпы», за что каждому пришлось заплатить высокую цену. На основании высочайшего повеления от 15 сентября 1882 г. по обвинению в государственном преступлении им в админи-

стративном порядке назначили ссылку в селе Частоостровском Енисейской губернии [ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1799. Л. 1–1 об., 2].

Несколькими годами ранее провал «хождения в народ» побудил революционеров-бакуинцев из кружка «южных бунтарей» (И. В. Бохановский, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович) испробовать альтернативный рецепт поднять крестьянскую Россию на бунт [Мауль, 2017б; Пелевин]. Местом действия был выбран Чигиринский уезд, где на протяжении 1870-х гг. не затихали аграрные волнения из-за несогласия бывших казенных крестьян подписывать люстрационные акты земельного размежевания «на целое общество или подворно». Не приемля имущественного неравенства и считая справедливым подушное распределение наделов, деревенская беднота выступила с апологией уравнительного землепользования. Стремление губернских властей навязать новые узаконения привело не только к расколу сельского мира на враждующие партии «душевиков» и «актовиков» («участковых»), но и к нарастанию социального противостояния вообще. Конфликт усугублялся злоупотреблениями чиновников люстрационных комиссий и местной администрации, действия которых, по мнению крестьян, искажали настоящую волю государя [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). Д. 144. Л. 13 об.; Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 109–110].

В 1877 г. упомянутые революционеры, выдавая себя за «царских комиссаров», предъявили чигиринцам подложные грамоты от имени венценосца и убедили около тысячи монархически настроенных селян, будто он повелел объединиться в «Тайную дружину», вооружаться и готовиться к грядущему выступлению, чтобы «свергнуть с себя дворянское иго и освободиться от тяжких угнетений и непосильных поборов» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1877 г.). Д. 262. Ч. 1. Л. 38]. Самозванческая мистификация была разоблачена полицией, основная часть дружинников, узнав об обмане, явилась с повинной.

Шутенко и Чепурный, еще не успевшие узнать о приговоре за участие в предыдущих беспорядках, снова в числе первых вошли в состав подпольной организации, пока энергичные меры правоохранителей не положили этому конец. Шутенко арестовали 6 июня 1877 г. при «попытке видаться с коммисарами», Чепурному поначалу повезло больше. Он бежал «через сделанный им пролом крыши, когда дом его окружили полицейские служители», и был задержан лишь 27 марта 1878 г. [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 100 об.]. По итогам дознания и суда в январе 1881 г. главных крестьянских вожаков (Е. А. Олейника, И. И. Пискового, Л. А. Тененика, К. И. Прудкого) приговорили к ссылке в более и менее отдаленные местности Сибири [Там же. Л. 108–108 об.]. Относительно Шутенко с Чепурным была установлена меньшая степень вины – они действительно «состояли в числе старост сообщества», предоставляли свои дома «для привода дружинников к присяге, уговаривали многих лиц записаться в дружину, собирали сходки» [Там же. Л. 127]. Но так как они не знали «о подложности употребляемых ими грамот и манифестов» и не сомневались

«в подлинности “Царских бумаг” и в правоте самого дела, будто бы предпринятого по высочайшей воле Государя Императора» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 124 об.], было решено наказанию их «не подвергать, сделав им строгое внушение» [Там же. Л. 130 об. –131].

Отпущенные из-под стражи, они, казалось, могли вернуться к домашним заботам о «пропитании семейств – состоящих у Шутенко из восьми и у Чепурного из шести душ» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1799. Л. 9–9 об.]. Пережитые тяготы не прошли даром, но, по словам «царского комиссара» Дейча, внесли «кое-какое возбуждение как в среду крестьян, так и в общество». Он уверял, что по крайней мере некоторые бывшие члены «Тайной дружины» «по возвращении в свои села и деревни стали распространять среди односельчан штундизм, а в обществе усиленно начали поговаривать о конституции» [Дейч, 1921, с. 79]. В дальнейшем с его оценкой соглашались советские историки в тех случаях, когда обращались к чигиринской теме. Д. П. Пойда считал, что многие чигиринцы «до конца своей жизни были агитаторами и пропагандистами революционных идей среди крестьянства, передавая их потомству» [Пойда, с. 230]. Думается, что ситуацию более продуктивно рассматривать не в русле ультра-революционной демагогии, а в контексте имманентного крестьянам традиционного сознания. На такую мысль наводят многочисленные слухи монархической окраски, дошедшие в источниках разного происхождения, – это публикации тогдашней киевской прессы, живо реагировавшей на происходившие события, рапорты местных полицейских чинов, сообщения киевских жандармов, высокопоставленного губернского начальства и, с другой стороны, мемуары революционных деятелей. Они позволяют получить представление о характере слухов, в 1870-е гг. имевших хождение среди жителей Чигиринского уезда: о споре между царем и министром по поводу крестьянских нужд [Дейч, 1922, с. 14–15]; о разрезанной надвое царской записке, половинка которой была вручена крестьянскому ходатаю для идентификации [Там же, с. 13]; о какой-то бумаге, «по коей уже три года как следует крестьянам земля на души», но местные чиновники ее скрывают [Материалы, с. 33]; о том, что «народ будут даром брать на парад, щоб ихалы в Киев дывиться, як будут казнить губернатора и двух мировых за то, що обижают народ»; о распоряжении «лупить на ногах и руках шкуры тех панов, которые уговаривают ныне крестьян повиноваться правительству» [Чигиринское дело].

Многочисленные исследования показывают, что психологической основой появления подобных слухов служило противоречие между оптимистическими ожиданиями населения и не совпадающим с ними объективным положением. Отличаясь красочными нюансами, каждый из слухов видел в монархе заступника, который «самолично приедет» или пришлет доверенного помощника, чтобы разобраться с крестьянскими обидами и обидчиками [Андрянов, Левашов, Хлопьев; Дубинин, Толстых; Егоров; Побережников].

В Чигиринском уезде из уст в уста передавалась людская молва о скором визите «надежного генерала» [Дейч, 1922, с. 15], какого-то царского чиновника [Материали, с. 238], «обер-прокурора святейшего синода графа Толстого» [Чигиринское дело]; даже поговаривали, «будто бы на днях прибудет в Чигиринский уезд Государь Наследник Цесаревич» по их делу [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). Д. 144. Л. 12 об.]. Умозрительно стратифицируя общественную реальность на «своих» и «чужих», подобные слухи априорно подразумевали царя защитником крестьянской правды, как она мыслилась рядовыми чигиринцами. Им всем, вместе взятым, противостояли «изменники» в лице чиновников, панов и попов [Литвак, 1989, с. 186–187; Мауль, 20176, с. 225–226; Мирошниченко, с. 75–77; Побережников, с. 20]. При господстве в провинциальной глубинке устной культуры переданная соседом или услышанная на сходке актуальная новость воспринималась с доверием, а в рассказчиках слухов видели носителей высококого сакрального знания. Среди них, например, рассказы крестьянки Настасьи Лихошерстой, проповедовавшей, «что скоро явится в Адамовку начальство» и «начнет рубить всем участковым головы» [Чигиринское дело]. Ее слушатели уверовали, «что она послана от Бога», и пришли в волнение [Материали, с. 169].

В атмосфере массового недовольства прозвучало ошеломляющее и подтверждавшее обоснованность крестьянских опасений известие, что «добрый царь» 1 марта 1881 г. был убит «господами». После восхождения на трон «панского» ставленника оставалось либо склонить голову перед всеильными победителями, либо с жертвенной готовностью продолжать вековечную борьбу Добра и Зла. После того как силы правопорядка очистили чигиринскую деревню от наиболее явных «смутьянов», наступило время людей «второго плана», подобных Шутенко и Чепурному, которые стали настоящими крестьянскими вольнодумцами. Незадолго до того они познакомились с проповедью всеобщего равенства, имущественного раздела и соблюдения не на словах, а на деле принципов христианской нравственности в учении штундизма. Эпицентром этого религиозного движения протестантского толка с 1860-х гг. была Херсонская губерния, куда чигиринцы ежегодно уходили на заработки для пополнения своих скудных доходов [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). Д. 144. Л. 20 об. –21]. Штундистский постулат личного спасения как следствия «покаяния в грехах и обращения на путь праведности» [Дик, с. 111] облегчал мысленное самоопределение в сложившейся в украинской деревне тревожной обстановке, завоевывая новых последователей. Колебание умов охватило в том числе Чигиринский уезд, где приходские священники оказались не на должной высоте православного благочестия, к тому же компрометировали себя, поддерживая правительственных землемеров.

Опыт участия в крестьянских волнениях способствовал превращению Шутенко с Чепурным в активных борцов за народную правду,

которая в «массовом сознании села» отождествлялась со справедливостью и «обосновывалась всеми его мировоззренческими авторитетами: и традицией... и пантеизмом... и христианством... и авторитетом царя ("Где царь, там и правда"), и авторитетом разума» [Мирошниченко, с. 56]. За свою активную позицию им периодически на короткий срок приходилось вновь оказываться за решеткой (1880, 1881, 1882). По показаниям очевидцев, они, «соблюдая полную осторожность», знакомили крестьян с завораживающей историей «о существовании страны, где земля распределяется между всеми поровну, и выражали желание, чтобы такой порядок был введен и в России» [Деятели революционного движения в России, ст. 1936].

Как во многих подобных случаях, проигрывая борьбу за влияние на паству, ведомство могущественного К. П. Победоносцева преувеличивало опасность штундизма, придавая ему политическую окраску, а в борьбе с ним рассчитывало на поддержку светских властей. Уже в 1880-е гг. обер-прокурор заметил, что крестьяне, совратившись в «лжеучение штунды», «порицали православную церковь и таинства и кощунствовали над св. иконами» [Всепопданнейший отчет, с. 118]. Посетив Волинскую и Киевскую губернии, он мог понять, что в малороссийской деревне созрел социальный протест в религиозной оболочке, и пытался превентивно пресечь его полицейскими репрессиями. Итог закономерен: в апреле 1882 г. Шутенко и Чепурный стали фигурантами громкого дела о «распространении ложных слухов и политической неблагонадежности» [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 252. Д. 1. Л. 255]. Им вменяли в вину, что «неправильным толкованием Священного Писания» они будто бы внушали «крестьянам социалистические воззрения, высказывая при этом порицание существующего государственного строя». По сведениям киевского губернатора, они рассказывали о скором «разделе земли на общины, которые будут обрабатывать землю сообща, и собранное с земли будет составлять общее достояние, которым будут пользоваться все одинаково, что правительства не будет, а народ будет управляться сам, что духовенство будет упразднено, в церковь ходить будет не обязательно, и другие рассуждения, имеющие политическую зловердную цель» [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77 (3-е делопроизводство, 1881 г.). Д. 751. Л. 1–1 об.]. На допросе Шутенко признался, что об этом он, «будучи в тюрьме, слышал от содержащихся с ним арестантов» [Пойда, с. 232].

Для наказания власть воспользовалась административным порядком, определив им ссылку на пять лет в Енисейскую губернию. Суровые условия подконтрольного жительства не могли прийти по душе потомкам запорожской вольницы. Шутенко в прошении на имя генерал-губернатора Восточной Сибири признавал, что таковое положение «для меня, больного шестидесятилетнего старика, очень трудно» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1799. Л. 13]. Плохое самочувствие арестанта подтверждается обращением к врачебной помощи в июле 1885 г., для чего с разрешения окружного исправника ему пришлось

на три дня отлучаться в Красноярск [ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1799. Л. 11]. Незавидным было материальное положение обоих крестьян, особенно Шутенко. Если Чепурный прежде «сам лично имел 15 десятин», а потому, собственно, «и не желал иного передела» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 85], то его бедствующему соратнику оставалось уповать, чтобы «кто-нибудь доложил государю, как нас, выразивших желание получить по душевому наделу, обидели» [Там же. Л. 261 об.; Мауль, 2017б, с. 231, 236]. Решая вопрос «о выдаче им по болезненному состоянию и неспособности к труду денежного от казны пособия» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1799. Л. 6], власти убедились, что на родине у тех, «хотя и осталось имущество, заключающееся в домах с усадьбами и полевых наделах, но таковое решительно не приносит никакого дохода», а в основном «служит обеспечением к платежу казенных и других повинностей» [Там же. Л. 8–8 об.]. Рассчитывать, как бывало с другими узниками, на вспомоществование родственников не приходилось.

В таких нелегких условиях проходила их ссылка, срок которой закончился 15 сентября 1887 г. Поскольку обратный путь обещал быть непростым и долгим, о нем следовало позаботиться загодя. Уже 3 февраля они обратились к начальству «с покорнейшей просьбой» о выдаче «путевых пособий» «на возврат на родину, а если это окажется невозможным», то в крайнем случае просили отправить их по этапу «в начале июля месяца сего 1887 года» [Там же. Л. 13, 14]. Столь ранние сроки обуславливались желанием успеть в Томск до закрытия речной навигации, ибо «в противном случае, – по объяснениям Чепурного, – мне придется или зимовать в Томской пересыльной тюрьме, или отправляться зимним этапом, что для меня, человека старого и тяжело больного, положительно невозможно» [Там же. Л. 14]. Следуя букве закона, губернские чиновники оставили без внимания крестьянские резоны и вполне ожидаемо предпочли второй из названных вариантов. Но пешеэтапный маршрут от Красноярска до Томска в соответствии с расписанием, утвержденным главным инспектором пересылки арестантов, занимал 31 день [ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 964. Л. 24–24 об.]. Предполагалось отправить «названных лиц» домой «с таким расчетом, чтобы они ко времени окончания срока надзора были в г. Ачинске» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1799. Л. 15]. Для этого окружному исправнику поручалось доставить обоих к 1 сентября в Красноярск «в пересыльную казарму для отправления их по этапу» [Там же. Л. 16]. Установленные отправные даты не оставляли крестьянам шансов без задержек попасть на родину. По договору Главного тюремного управления с купцом 1-й гильдии У. С. Курбатовым о перевозке политических арестантов по рекам Западной Сибири, последний пароходный рейс из Тюмени должен был начинаться около 12 сентября и после недельного пути и двухдневной стоянки в Томске отправляться обратно [ГАТО. Ф. 3. Оп. 37. Д. 173. Л. 2, 8 об. –9]. Между тем, Шутенко и Чепурный даже при самом оптимистичном раскладе не могли добраться до Томска раньше первых чисел октября.

Вернувшись домой в 1888 г., они не стали искать покоя в обычной деревенской рутине, к чему, казалось, располагали почтенный возраст, недавние тяготы, заботы о хозяйстве, и тем более – негласный надзор полиции. Их показная бравада демонстрировала, что урок не пошел впрок. Они словно согласились со своим земляком Макаром Астапенко, что «вторая Сибирь в Чигиринском уезде» [Пойда, с. 232], и действовали исходя из этого смелого умозаключения. Участие в крестьянских беспорядках, штундистские симпатии, общение с реальными противниками самодержавия из числа революционных народников в тюрьмах, на пересылках и в ссылке [Мауль, 2017а, с. 110] подтачивали прочность врожденных православно-монархических взглядов. Постепенно зрело более прагматичное понимание мира в противовес традиционному иррационализму. Закалившись в испытаниях, Шутенко и Чепурный по возвращению возобновили «просветительскую» карьеру на селе. Их рассуждения, в которых штундистские идеи равенства и общности имущества эклектично переплелись с обрывками революционных премудростей, известны из материалов, хранящихся в фонде канцелярии киевского, подольского и волынского генерал-губернатора: «Евангелие – пустая выдумка, что все сотворено природой, что нужно образовать одно общество и действовать вместе. Царя и правительство нужно уничтожить, тогда завладеем всеми богатствами и землями, устроим суды и никому не будем подчиняться» [Пойда, с. 232–233]. Заметим, это были не просто прежние «ложные слухи», но куда более зрелые в идейном отношении доказательства того, что в пореформенный период «зарождался длительный процесс эрозии крестьянской веры в царя» [Литвак, 1991, с. 210]. Вполне прогнозируемой оказалась реакция властей на рецидивные деяния Шутенко и Чепурного, но отныне пути бывших сотоварищей разошлись и не пересекались по крайней мере до начала XX в.

О дальнейших превратностях первого из них имеется немного сведений. В 1890 г. «по распоряжению киевского генерал-губернатора» ему было «воспрещено жительство в Киевской губернии за распространение штундизма», и он поселился в Елизаветграде Херсонской губернии, однако в марте 1894 г. «был еще раз арестован и привлечен к дознанию» киевской жандармерии «за распространение ложных слухов», после чего его следы теряются [Деятели революционного движения в России, ст. 2064].

Что касается Чепурного, то весной 1895 г. с учетом былых «заслуг» за «государственное преступление» (штундизм и «ложные слухи») его в административном порядке выслали «на жительство под гласный надзор полиции в отдаленнейшие местности Восточной Сибири сроком на пять лет» [ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2090. Л. 1]. К тому времени социально-экономическое положение Чигиринского уезда было не самым благополучным, многие жители «из-за малоземелья и перенаселенности» решались «переселяться на восток страны, на необжитые земли» [Орленко Н. С., Орленко Н. Н., с. 3]. Общие невзгоды

не обошли стороной и семью Чепурного. По его собственной оценке, дома «крестьянское хозяйство совсем раззарено неурожаем последних лет» [ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4604. Л. 43–43 об.]. Да и физически он чувствовал себя как «совершенно дряхлый старик, достигший 65-ти летнего возраста и страдающий сильной отдышкой, ревматизмом и катаром желудка» [Там же. Л. 10]. По большому счету, для него ссылка оказывалась билетом в один конец, ибо на родине ему нечего было терять. Об этом косвенно говорит факт о «добровольно следующей за ним» жене Ульяне – «старухе стольких же лет», которая едва ли от хорошей жизни отправилась вслед за мужем [Там же. Л. 7, 10].

11 октября 1895 г. Чепурный «в партии с Ангарского тракта» прибыл в Иркутск и в тюрьме дожидаясь решения своей участи [ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2090. Л. 2]. Только в декабре последовало указание, что арестант «подлежит водворению в Киренский округ» [ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4604. Л. 7 об.]. На этом основании «пунктом его жительства» определили село Чечуйское, куда их с женой предполагалось отправить «в общей партии политических ссыльных, следующих в Приленский край и Якутскую область» [Там же. Л. 7 об. –8]. В иркутской ссылке его ждали новые испытания. Для начала он едва не лишился необходимой в Сибири зимней одежды, выданной в январе 1895 г. при отправке из Киева [Там же. Л. 26]. На этапной станции в Нижнеудинске смотритель тюремного замка по недосмотру «забыл передать» ее конвою [Там же. Л. 6]. Понадобилась двухмесячная бюрократическая волокита, чтобы «тюки с вещами» 15 декабря были «сполна получены в г. Иркутске» [Там же. Л. 24]. За три дня до того Чепурный решил хлопотать о замене места жительства на окружной центр ввиду невозможности «обойтись без медицинской помощи», тогда как в Киренске они с супругой «могли пользоваться помощью врача» [Там же. Л. 10]. Проявив внимание к «болезненному состоянию здоровья его и жены», губернатор пошел навстречу просьбе крестьянина [Там же. Л. 11 об. –12], но Чепурный отправился по этапу до получения благоприятного известия. Уже с дороги, за неимением собственных средств и ввиду неспособности «по дряхлости своей к физическому труду» [Там же. Л. 18], он передал прошение о денежном пособии от казны [Там же. Л. 13]. Поддержанная Киренским окружным исправником, эта просьба была удовлетворена в установленном законом порядке, обеспечив Чепурного на «все время ссылки» единственным источником существования «в размере 228 рублей в год» [ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 14. Л. 9]. Назначенная сумма соответствовала денежному содержанию нетрудоспособных и неимущих семейных ссыльных государственных преступников [ПСЗ-3, с. 87].

Согласно полицейскому донесению, в пункт назначения «Феодосий Анисимов Чепурных с женою Ульяною... прибыл 27 минувшего декабря» [ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4604. Л. 15]. После этого началась размеренная суровая сибирская жизнь ссыльнопоселенца, который по причине «старческого возраста и болезненного состояния» был не в силах «зарабатывать себе средства к существованию своим соб-

ственным трудом» [ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4604. Л. 19]. Учитывая, что со временем из официальных бумаг исчезают упоминания о жене Чепурного, с высокой степенью вероятности можно полагать, что где-то в эти годы он стал вдовцом. Потеря супруги лишала смысла возвращение назад, где, скорее всего, его никто не ждал. В этом случае понятно, почему по окончании 30 ноября 1899 г. срока надзора Чепурный «изъявил желание остаться на жительство в г. Киренске до навигации будущего года» [Там же. Л. 35]. А когда пришла пора собираться в обратный путь, просил за отсутствием денег отправить его «до Иркутска на казенный счет» или выдать «пособие на дорогу» [Там же. Л. 43–43 об.]. Но 25 января 1900 г. иркутский военный генерал-губернатор «означенное ходатайство названного поднадзорного изволил отклонить» [Там же. Л. 42]. Между тем в мае месяце Департаментом полиции Чепурному было разрешено «жительство в Киевской губернии» [Там же. Л. 44] с причислением «к крестьянскому обществу дер. Погорельцы» [Там же. Л. 28], о чем он узнал только в середине лета [Там же. Л. 45]. И без того сложная дилемма (оставаться нельзя – ехать не на что) становилась буквально неразрешимой в связи с запретом на проживание не где-нибудь в столичных губерниях или на родине, как было принято в таких случаях, а «в городах Иркутске и Красноярске с их уездами в течение трех лет» [Там же. Л. 29]. Впрочем, петербургские стражи порядка тоже выразили обеспокоенность по поводу его гипотетического появления в столице, поэтому просили иркутских чиновников напомнить поднадзорному, что ему в силу циркуляра Департамента полиции «от 19 февраля 1882 г. за № 1109 воспрещено жительство в С. Петербурге на будущее время» [Там же. Л. 27]. К сожалению, отсутствие информации не позволяет выяснить, насколько быстро и успешно Чепурный смог добраться до дома.

Затянувшуюся на десятилетия жизненную драму Шутенко и Чепурного едва ли можно считать эксклюзивной, но точно и не типовой в масштабе большой истории. Их личности интересны и важны сами по себе, а не только в виде частных проекций общей картины старинного быта. История их злоключений позволяет глубже вникнуть в умонастроения украинской пореформенной деревни, отчаянно бурлившей слухами, мечтавшей о справедливых переменах, а потому иной раз готовой впасть в соблазн циничных мистификаций революционных агитаторов, все это время безнадежно ждавшей, когда «добрый царь» реальными делами явит свою симпатию народу, и постепенно разочаровывавшейся в его благих намерениях. В таком смысле трагическую судьбу и эволюцию взглядов Шутенко и Чепурного можно рассматривать как микрокосм крестьянских настроений и их оценки аграрных и других преобразований в казенных имениях Правобережной Украины. Несмотря на навязываемую сверху идею государственной целесообразности, сельская беднота на протяжении пореформенного периода, страдая, надеясь и борясь, стремилась к своей настоящей крестьянской правде.

Список литературы

- Андрянов В. И., Левашов В. К., Хлопьев А. Т.* «Слухи» как социальный феномен // Социол. исслед. 1993. № 1. С. 82–88.
- Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1885 год. СПб. : Синод. тип., 1887. 406 с. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4604; Ф. 91. Оп. 1. Д. 2090.
- ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1799.
- ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 14.
- ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77 (3-е делопроизводство, 1881 г.). Д. 751; Оп. 252. Д. 1; Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). Д. 144; Ф. 109 (3-я экспедиция, 1877 г.). Д. 262. Ч. 1; Ф. 112. Оп. 1. Д. 477.
- ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 964; Оп. 37. Д. 173.
- Дейч Л. Г.* Заговор среди крестьян Чигиринского уезда // Сборник материалов и статей / ред. журн. «Исторический архив». Вып. 1. М. : Госиздат, 1921. С. 73–79.
- Дейч Л. Г.* За полвека. М. : Задруга, 1922. Т. 1. Ч. 1. 127 с.
- Деятели революционного движения в России : Библиографический словарь. Т. 2. Вып. 4. М. : Изд-во Всес. о-ва полит. каторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. 2156 ст.
- Дик Й.* Суть главных религиозных конфликтов в России во второй половине XIX века : взгляд изнутри // Вопросы германской истории : Немцы Украины и России в конфликтах и компромиссах XIX–XX веков : сб. ст. Днепрпетровск : Пороги, 2007. С. 108–118.
- Дубинин Б. В., Толстых А. В.* Слухи как социально-психологический феномен // Вопр. психологии. 1993. № 3. С. 77–81.
- Егоров А. К.* Слухи как объект исторического исследования // Уч. зап. Петрозаводск. гос. ун-та. 2015. № 3 (148). Т. 2. С. 7–10.
- Литвак Б. Г.* Крестьянское движение в России 1775–1904 гг. История и методика изучения источников. М. : Наука, 1989. 256 с.
- Литвак Б. Г.* Переворот 1861 года в России : почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М. : Политиздат, 1991. 302 с.
- Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 р. р.) / за ред. К. Гребенкіна. Харків : Видання Центрального архівного управління УСРР, 1934. 440 с.
- Мауль В. Я.* Вожаки «Чигиринского заговора» в кольце революционного окружения // История, философия, педагогика, психология, право : сб. ст. Рязань : Созвездие, 2017а. С. 107–113.
- Мауль В.* «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017б. № 1. С. 221–240. DOI 10.15826/qr.2017.1.220.
- Мирошниченко П. Я.* Культура русского и украинского крестьянства конца эпохи феодализма (1760–1861 гг.). Донецк : Изд-во ДонГИИИИ, 1999. 244 с.
- Орленко Н. С., Орленко Н. Н.* Хутор Новочигиринский : История возникновения и первые жители. [Б. м.] : Изд. решения, 2018. 36 с.
- Пелевин Ю. А.* Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Рос. ист. 2014. № 1. С. 130–150.
- Побережников И. В.* Слухи в социальной истории : типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв.). Екатеринбург : Банк культур. информации, 1995. 58 с.
- Пойда Д. П.* Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепрпетровск : Обл. изд-во, 1960. 488 с. ПСЗ-3. Т. 2.
- Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и социологическая практика. М. : Кругъ, 2011. 560 с.
- Терехова С. А.* «Чигиринский заговор» в современной российской историографии // Народники в истории России. Вып. 3. Воронеж : Истоки, 2019. С. 7–16.
- Усенко О. Г.* Примерная стратегия интерпретации следственных материалов по делам о государственных преступлениях в России XVII–XVIII вв. // Народ и власть :

исторические источники и методы исследования : материалы XVI науч. конф., Москва, 30–31 янв. 2004 г. М. : РГГУ, 2004. С. 366–369.

Христофоров И. А. Между частным и казенным : крестьянская реформа в государственной деревне, либеральная доктрина и споры о собственности // Рос. ист. 2011. № 2. С. 93–109.

Чигиринское дело : (По официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 97. 16 авг.

References

Andriyanov, V. I., Levashov, V. K., Khlop'ev, A. T. (1993). "Slukhi" kak sotsial'nyi fenomen ["Rumours" as a Social Phenomenon]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 82–88.

Chigirinskoe delo. (Po ofitsial'nym istochnikam) [The Chigirin Case. (According to Official Sources)]. (1877). In *Kievlyanin*. No. 97. August, 16.

Deutsch, L. G. (1921). Zagovor sredi krest'yan Chigirinskogo uезда [A Conspiracy among the Peasants of Chigirin District]. In *Sbornik materialov i statei / redaktsiya zhurnala "Istoricheskii arkhiv"*. Iss. 1. Moscow, Gosizdat, pp. 73–79.

Deutsch, L. G. (1922). *Za polveka* [Within Half a Century]. Moscow, Zadruga. Vol. 1. Part 1. 127 p.

Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Biobibliograficheskii slovar' [Figures of the Revolutionary Movement in Russia. Bibliographic Dictionary]. (1932). Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva politicheskikh katorzhan i ssyl'noy poselentsev. Vol. 2. Iss. 4. 2156 columns.

Dick, I. (2007). Sut' glavnykh religioznykh konfliktov v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka: vzglyad iznutri [The Essence of the Main Religious Conflicts in Russia in the Second Half of the 19th Century: A Look from Inside]. In *Voprosy germanskoi istorii : Nemtsy Ukrainy i Rossii v konfliktakh i kompromissakh XIX–XX vekov. Sbornik statei*. Dnepropetrovsk, Porogi, pp. 108–118.

Dubinina, B. V., Tolstykh, A. V. (1993). Slukhi kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Rumours as a Socio-Psychological Phenomenon]. In *Voprosy psikhologii*. No. 3, pp. 77–81.

Egorov, A. K. (2015). Slukhi kak ob'ekt istoricheskogo issledovaniya [Rumours as an Object of Historical Research]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (148). Vol. 2, pp. 7–10.

GAIO [State Archive of Irkutsk Region]. Stock 32. List 1. Dos. 4604; Stock 91. List 1. Dos. 2090.

GAKK [State Archive of Krasnoyarsk Region]. Stock 595. List 63. Dos. 1799.

GANIIO [State Archive of New Story of Irkutsk Region]. Stock 300. List 1. Dos. 14.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 102. List 77 (3-e deloproizvodstvo, 1881 g.). Dos. 751; List 252. Dos. 1; Stock 109 (3-ya ekspeditsiya, 1875 g.). Dos. 144; Stock 109 (3-ya ekspeditsiya, 1877 g.). Dos. 262. Part 1; Stock 112. List 1. Dos. 477.

GATO [State Archive of Tomsk Region]. Stock 3. List 4. Dos. 964; List 37. Dos. 173.

Grebenkin, K. (Ed.). (1934). *Materiali do istorii selyan'skikh revolyutsiinikh rukhiv na Chigirinschchiny (1875–1879 r. r.)* [Materials for the History of the Peasant Revolutionary Movement in Chigirin (1875–1879)]. Kharkiv. Vidannya Tsentral'nogo arkhivnogo upravlinnya USRR. 440 p.

Khristoforov, I. A. (2011). Mezhdru chastnym i kazennym: krest'yanskaya reforma v gosudarstvennoy derevne, liberal'naya doktrina i spory o sobstvennosti [Between the Private and the Public: Peasant Reform in the State Village, Liberal Doctrine, and Property Disputes]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2. pp. 93–109.

Litvak, B. G. (1989). *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii 1775–1904 gg. Istoriya i metodika izucheniya istochnikov* [The Peasant Movement in Russia, 1775–1904. History and Methods of Studying Sources]. Moscow, Nauka. 256 p.

Litvak, B. G. (1991). *Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas' reformatorskaya al'ternativa* [The 1861 Revolution in Russia: Why the Reform Alternative Was Never Realised]. Moscow, Politizdat. 302 p.

Maul, V. (2017b). “Chigirinskii zagovor” i krest’yanskaya psikhologiya [The Chigirin Conspiracy and Peasant Psychology]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 1, p. 221–240. DOI 10.15826/qr.2017.1.220.

Maul, V. Ya. (2017a). Vozhaki “Chigirinskogo zagovora” v kol'tse revolyutsionnogo okruzheniya [Leaders of the “Chigirin Conspiracy” in the Circle of the Revolutionary Environment]. In *Istoriya, filosofiya, pedagogika, psikhologiya, parvo. Sbornik statei*. Ryazan', Sozvezdie, pp. 107–113.

Miroshnichenko, P. Ya. (1999). *Kul'tura russkogo i ukrainskogo krest'yanstva kontsa epokhi feodalizma (1760–1861 gg.)* [The Culture of the Russian and Ukrainian Peasantry at the End of the Feudal Era (1760–1861)]. Donetsk, Izdatel'stvo Donetskogo gosudarstvennogo instituta iskusstvennogo intellekta. 244 p.

Orlenko, N. S., Orlenko, N. N. (2018). *Khutor Novochigirinovskii. Istoriya vznikhoveniya i pervye zhiteli* [Novochigirinovsky Khutor. The History of Its Origin and First Residents]. S. l., Izdatel'skie resheniya. 36 p.

Pelevin, Yu. A. (2014). Yuzhnye buntari i “Chigirinskii zagovor” [Southern Rebels and the “Chigirin Conspiracy”]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 1. pp. 130–150.

Poberezhnikov, I. V. (1995). *Slukhi v sotsial'noi istorii: tipologiya i funktsii (po materialam vostochnykh regionov Rossii XVIII–XIX vv.)* [Rumours in Social History: Typology and Functions (Based on the Materials of the Eastern Regions of Russia of the 18th–19th Centuries)]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 58 p.

Poida, D. P. (1960). *Krest'yanskoe dvizhenie na Pravoberezhnoi Ukraine v poreformnyi period (1866–1900 gg.)* [The Peasant Movement in Right-Bank Ukraine in the Post-Reform Period (1866–1900)]. Dnepropetrovsk, Oblastnoe izdatel'stvo. 488 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 3. Vol. 2.

Repina, L. P. (2001). *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i sotsiologicheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of the 21st Century: Social Theories and Historiographic Practice]. Moscow, Krug”. 560 p.

Terekhova, S. A. (2019). “Chigirinskii zagovor” v sovremennoi rossiiskoi istoriografii [The “Chigirin Conspiracy” in Modern Russian Historiography]. In *Narodniki v istorii Rossii*. Iss. 3. Voronezh, Istoki, pp. 7–16.

Usenko, O. G. (2004). Primernaya strategiya interpretatsii sledstvennykh materialov po delam o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii XVII–XVIII vv. [An Approximate Strategy for the Interpretation of Investigative Materials on Cases of State Crimes in Russia in the 17th–18th Centuries]. In *Narod i vlast': istoricheskie istochniki i metody issledovaniya. Materialy XVI nauchnoi konferentsii, Moskva, 30–31 yanvarya 2004 g.* Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 366–369.

Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Svyateishago sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnago ispovedaniya za 1885 god [The Most Substantial Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Department of the Orthodox Denomination for 1885]. (1887). St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. 406 p.

The article was submitted on 06.02.2020

**ДОНСКИЕ КАЗАКИ НА КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ:
ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ
И ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННОКОВ***

Амиран Урушадзе

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

**DON COSSACKS IN THE CAUCASIAN WAR:
PECULIARITIES OF MILITARY SERVICE
AND CONTEMPORARY ASSESSMENT**

Amiran Urushadze

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

This article analyses the peculiarities of the military service of Don Cossacks in the Caucasus during the Caucasian War (1801–1864). The key problem is to determine the reasons for the decline in the combat effectiveness of Cossack regiments and the spread of negative assessments of their service. The author refers both to published historical evidence such as memoirs of participants in the Caucasian War and to archival documents not previously introduced into scholarly circulation. The temporary service of the Don Cossack regiments on the empire's southern outskirts prevented their adaptation to "Caucasian methods of war", as well as local climatic conditions. Another factor that did not allow the Don Cossacks to show their best qualities was the fragmentation of regiments into small groups for convoy duty. The annexation of the Caucasus was a great test for the Don Cossacks. Government resettlement by decree caused the uprising of 1792–1794, which managed to defend the traditional principles of resettlement (voluntarily and by lot) but did not stop Don Cossack colonisation of the Terek and Kuban. The Don Cossack regiments,

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Южного федерального университета.

**Citation: Urushadze, A. (2020). Don Cossacks in the Caucasian War: Peculiarities of Military Service and Contemporary Assessment. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1335–1350. DOI 10.15826/qr.2020.4.531.

Цитирование: Urushadze A. Don Cossacks in the Caucasian War: Peculiarities of Military Service and Contemporary Assessment // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1335–1350. DOI 10.15826/qr.2020.4.531 / Урушадзе А. Донские казаки на Кавказской войне: особенности военной службы и оценки современников // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1335–1350. DOI 10.15826/qr.2020.4.531.

which went to the Caucasus every three years, experienced serious difficulties in adapting to regional conditions of war and peace. The failures of the Don Cossacks in the Caucasian War accelerated the discussion about reforming the organisation of the Cossack army, from creating a permanent headquarters for the Don Cossack regiments in the Caucasus to holding military exercises for Cossacks.

Keywords: Caucasian war; Russian Empire; Don Cossacks; Military service; Caucasus.

Представлен анализ особенностей военной службы донских казаков на Кавказе в период Кавказской войны (1801–1864). Ключевой проблемой является выяснение причин снижения боеспособности казачьих полков и распространения среди современников негативных оценок их службы. Статья основана как на опубликованных исторических свидетельствах, представленных мемуарами участников Кавказской войны, так и на архивных документах, ранее не введенных в научный оборот. Временная служба донских казачьих полков на южных окраинах империи препятствовала их адаптации к «кавказскому образу войны», а также к местным климатическим условиям. Еще одним фактором, не позволившим донским казакам проявить свои лучшие качества, была раздробленность полков на небольшие группы для конвойной службы. Присоединение Кавказа было большим испытанием для донских казаков. Правительственное переселение по указу вызвало восстание 1792–1794 гг., участники которого сумели отстоять традиционные принципы переселения – добровольно и по жребию, но не остановили колонизацию донских казаков Терека и Кубани. Полки донских казаков, которые каждые три года отправлялись на Кавказ, испытывали серьезные трудности в адаптации к региональным условиям войны и мира. Неудачи донских казаков в Кавказской войне ускорили дискуссию о реформе организации донского казачьего войска, которая включала в себя различные аспекты, от организации постоянного штаба донских казачьих полков на Кавказе до проведения учений.

Ключевые слова: Кавказская война; Российская империя; донские казаки; военная служба; Кавказ.

Присоединение Кавказа стало большим испытанием для донских казаков. Донские полки, отправлявшиеся на Кавказ каждые три года, испытывали серьезные сложности в адаптации к региональным условиям войны и мира. Неудачи донцов в Кавказской войне ускорили обсуждение реформы организации казачьего войска, которая включала разные аспекты, от организации постоянных штабов донских полков на Кавказе до строевой подготовки.

В 1842 г. на Кавказ с ревизией прибыл военный министр князь А. И. Чернышев. Он хотел выяснить, почему провалилась административная реформа барона П. В. Гана. Однако министру был поручен и военный обзор края, в ходе которого А. И. Чернышев проводил полуофициальные встречи с офицерами регулярных и казачьих полков,

которые служили на Кавказе, воевали с непокорными горцами [Архив князя Чернышева, с. 255]. Во время обеда с командованием Кавказского линейного казачьего войска А. И. Чернышев, высоко отозвавшись о верной службе казаков-линейцев, добавил: «Одно только мне неприятно, что мои донцы от вас отстали» [Краснов, 1861, с. 145].

Военный министр был прекрасно знаком с боевыми качествами донских казаков. В конце 1812 г. А. И. Чернышев занимал должность начальника штаба Летучего казачьего корпуса М. И. Платова. В ходе заграничного похода 1813–1814 гг. А. И. Чернышев командовал кавалерийским отрядом, основную часть которого составляли донские полки [Меннинг, с. 79]. С 1819 г. А. И. Чернышев играл главную роль в деятельности Комитета об устройстве донского казачьего войска, который был призван модернизировать судебно-административное устройство донцов [Карасев].

Военный министр действительно имел все основания считать донцов «своими». Вполне понятно и то, что неудачная служба донских казаков на Кавказе вызывала у А. И. Чернышева неприятные чувства. Именно глава военного ведомства был главным поклонником донского казачества среди высшей российской бюрократии. А. И. Чернышев неизменно высоко оценивал боевые качества донцов, в которых после громких успехов Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода 1813–1814 гг. никто не сомневался. Но Кавказская война основательно испортила безупречную репутацию донского казачества. Донцы неожиданно превратились в аутсайдеров Отдельного кавказского корпуса (с 1857 г. – Кавказской армии). Кавказские неудачи донцов анализировались на страницах периодической печати, прежде всего в журнале «Военный сборник».

Историография участия донского казачества в войнах Российской империи XVIII – начала XX в. обширна [Безотосный; Сапожников; Рыжкова], но службе донцов именно на Кавказе посвящено всего несколько работ. Прежде всего это статья казачьего публициста и историка И. И. Краснова «Донцы на Кавказе», опубликованная еще в 1861 г. В этой работе автор попытался объяснить причины неудач донских казаков на Кавказе тем, что их использовали как вспомогательные отряды, а характер их службы на южной окраине империи был сменным [Краснов, 1861]. Основные положения работы И. И. Краснова остаются актуальными и сегодня, о чем свидетельствуют ссылки на статью в новейших исследованиях, посвященных административному управлению, войсковой экономике и военной службе донского казачества [Волвенко, с. 67–69]. В монографии А. В. Захаревича подробно исследуется боевое участие донцов в войне на Кавказе в короткий период 1801–1804 гг. [Захаревич]. В научно-популярной биографии Я. П. Бакланова, написанной историком-казаковедом А. В. Венковым, нашли отражение преимущественно события, напрямую связанные с жизнью и службой «грозы Кавказа» [Венков].

Таким образом, в исторической литературе отсутствует специальное комплексное исследование участия донских казаков в Кавказской

войне. В предлагаемой статье проанализированы особенности военной службы донских казачьих полков на Кавказе в контексте оценок современников – командиров российских войск на кавказской линии, историков и публицистов.

Борьба за традиции

После закубанского похода А. В. Суворова в 1783 г., который завершился разгромом ногайцев и утверждением российской границы по реке Кубань, Войско Донское обязано было регулярно отправлять сюда полки на пограничную службу. По итогам Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Стамбул признал Кубань в качестве границы, а также обещал «употребить всю власть и способы» для предотвращения набегов черкесов на российскую территорию [Договоры России с Востоком, с. 45]. Несмотря на обещания турок, российская администрация предприняла и другие меры, чтобы обеспечить безопасность южных рубежей империи. В январе 1792 г. командующий российскими войсками на Кавказской линии генерал И. В. Гудович отправил в Санкт-Петербург обстоятельный доклад, в котором предусматривал сооружение новых укреплений и устройство казачьих станиц на Кубани. Проект И. В. Гудовича предполагал поселение на Кавказе казаков трех войск – Донского, Волжского и Хоперского [Пронштейн, с. 325]. Но императрица Екатерина II решила иначе: согласно именному указу И. В. Гудовичу, переселение на Кубань волжских и хоперских казаков было «не признано полезным». Новые станицы должны были заселяться исключительно донцами с расчетом, что в каждую из запланированных к устройству 12 станиц необходимо было поселить по 200 семей (в Усть-Лабинскую – 400 семей). Для экономии времени и средств правительство полагало удобным оставить на Кубани шесть донских полков, находившихся под командованием И. В. Гудовича, и переселить к казакам семьи [ПСЗ-1, т. 23, с. 305]. Тем самым правительство игнорировало донские обычаи и традицию отправления донских казаков на заселение пограничных территорий. И на службу, и на поселение казаки отправлялись «по жеребу и по очереди», то есть в соответствии с жеребьевкой и порядком очереди. У трех из шести донских полков, стоявших в 1792 г. на Кубани, истекал трехлетний срок службы, казаки ожидали очередной смены и возвращения домой.

Известие о превращении трехлетней службы в постоянное поселение вызвало справедливое возмущение среди донцов. Казаки атаманского полка Поздеева отказались рубить лес и строить дома, открыто протестуя против решения правительства. Вскоре волнения перекинулись и на другие донские полки. Вожаком движения стал Н. И. Белогорохов, которому Е. Д. Фелицын дал такую характеристику: «человек решительного характера, дерзкий, готовый на самое отважное рискованное предприятие и обладавший способностью подчинять своему влиянию других» [Фелицын, с. 8]. 20 мая 1792 г. Н. И. Белогорохов увел с Кубани на Дон 778 казаков. Донское войсковое правительство с тру-

дом, но смогло локализовать восстание, и уже летом следующего года главные мятежники были показательно наказаны в крепости Дмитрия Ростовского. Экзекуции подверглись по двое представителей от каждой донской станицы [Пронштейн, с. 329]. Н. И. Белогорохов получил 50 ударов плетью и был сослан на каторгу в Нерчинск.

Расправа над восставшими не решила проблему организации переселения донских казаков на Кубань. Осенью 1793 г. в станицы направились чиновники войскового правительства для вручения местным начальникам грамот на переселение и сбора списков казаков-переселенцев. Но многие станицы дали правительственным эмиссарам отпор. Так, полковник Степан Леонов вынужден был спастись от казаков Семикаракорской станицы, которые, «подняв шум, кричали, чтоб грамоту не принять и не читать да из казаков на поселение не дать, выговаривая при том... ему, Леонову, поди ты сам на Кубань, а мы туда итти не желаем» [ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 165. Л. 5]. Схожим образом события разворачивались в Пятиизбянской, Есауловской, Кобылянской, Голубинской, Сиротинской, Мигулинской, Каменской, Верхнекурмоярской и других станицах [Золотов, Пронштейн, с. 132–135]. Станичные атаманы, не в силах унять недовольных казаков, складывали полномочия, сдавали восставшим инсигнии атаманской власти – станичную печать и насеку. На их места избирались казаки из числа недовольных переселенческим произволом [Наш край, с. 105].

В октябре-ноябре 1793 г. бунтовали 50 казачьих станиц. Энергичными решительными действиями атаману А. И. Иловайскому и войсковому правительству удалось к январю 1794 г. замирить большую часть бунташных станиц. Несломленными остались только пять станиц-соседок: Есауловская, Кобылянская, Пятиизбянская (родина Н. И. Белогорохова), Нижнечирская и Верхнечирская. Для подавления восстания были вызваны регулярные войска под командованием генерала князя А. П. Щербатова. 24 февраля 1794 г. правительственные войска взяли Есауловскую станицу – центр мятежа. После падения «столицы» казаки четырех других станиц прекратили сопротивляться. Есаул Иван Рубцов, возглавлявший мятеж, получил 251 удар плетью, после чего его заклеямили. Вскоре он потерял сознание и умер. Главные сообщниками Рубцова были объявлены 146 казаков, из них пятерых (по одному из каждой станицы) били кнутом и отправили в Нерчинск, еще десятерых (по два из каждой станицы) обратили в крепостное рабство, каждого десятого сослали в Сибирь, а всех остальных отправили с Дона на далекую чужбину – на Оренбургскую линию [Юдин, с. 184].

Несмотря на поражение восстания Белогорохова – Рубцова и жестокую расправу с мятежными казаками, последующие переселения донцов на Кавказ проводились в соответствии с традициями. В этом отношении показательна организация переселения донских казаков на р. Сунжу в 1845–1846 гг. Всего переселялось шесть урядничьих и 300 казачьих семейств, но при этом допускалось увеличение числа переселенцев за счет добровольцев. В переселенцы отбирались

только «довольно зажиточные казаки», которые имели дом, две пары волов, три лошади и не менее десяти голов рогатого скота [ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 544. Л. 4]. Назначение на поселение проводилось исключительно двумя способами: вызовом «охотников», то есть добровольцев, и жребием. Допускался добровольный обмен в переселение, но только при условии, что переселявшийся также должен был соответствовать критериям зажиточности [Там же. Л. 5]. Переселенцы получили материальную помощь администрации, а также на пять лет освобождались от походной службы и всех земских повинностей. Казаки обязаны были только защищать свои станицы в случае набега горцев [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 320. Л. 74]. Донцы стали частью вновь формирувавшегося Сунженского казачьего полка, которым командовал майор Н. П. Слепцов, вскоре приобретший своими действиями против Малой Чечни громкую славу [Слепцов, с. 156].

Авангард колонизации

Казаки считались универсальным колонизационным инструментом присвоения пространства. Они могли не только заселить новую территорию, но и защитить ее самостоятельно, без поддержки регулярной армии. Империя успешно расширяла границы и вместе с тем экономила казенные средства. Поэтому не случайно в первой половине XIX в. появлялись проекты сплошной казачьей колонизации Северного Кавказа.

В «Записке о Кавказском крае» подпоручика М. Лофицкого предлагалось на всем пространстве северного склона Большого Кавказского хребта – от Черного до Каспийского морей – создать Кавказское казачье войско, которое должно было состоять из донских казачьих полков, переселенцев из малоземельных губерний и отставных солдат. Усилить новое казачье войско М. Лофицкий предполагал пехотным легионом из «солдат, набранных в разные времена в Кавказской губернии и служащих ныне в разных полках» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Разд. 1817. Д. 1933].

В бумагах Д. А. Милютина, датированных 1840 г., есть упоминание о проекте генерала Халанского, который состоял в том, «чтобы обратить все население Кавказской области в казачье сословие, т. е. образовать из всей Кавказской области одно целое, наподобие войска Донского» [РГБ. Ф. 169. Карт. 18. Ед. хр. 16. Л. 5].

Полностью эти программы реализованы не были, но некоторые их элементы заметны в колонизационной политике на южной окраине государства Романовых. В середине – второй половине XIX в. российское правительство проводило активную политику переселения донских и азовских казаков, усиливая Кавказскую линию. По сведениям И. И. Краснова, в 1846–1864 гг. на Лабу и Терек было переселено 2811 семейств, или около 10 тыс. человек [Краснов, 1882, с. 126]. В 1863 г. из Северного Причерноморья в Прикубанье переселили не менее 400 семейств казаков Азовского казачьего войска [ГАРО. Ф. 301. Оп. 13. Д. 161. Л. 1–2].

Постоянное взаимодействие с казаками Кавказского линейного войска, а также с горским населением позволило переселенцам адап-

тироваться на чужих берегах Терека, Сунжи, Кубани и Лабы. А донские полки, отправлявшиеся на Кавказ в очередную трехгодичную службу, такого опыта обживания в регионе не имели. Временный характер их службы имел значительные последствия, непосредственно влиявшие на боевую эффективность донских полков.

Особая война

В мемуарной литературе общим местом является признание нетипичности войны, которую вела Российская империя на Кавказе [Мемуары графа де Рошешуара, с. 340–341]. По формулировке В. В. Лапина, «европейские основы стратегии оказались совершенно неприемлемыми на Северном Кавказе» [Лапин, с. 187]. Со временем в рядах Отдельного кавказского корпуса сложилась военная субкультура «настоящих кавказцев», которые и составили «воинственный народ, создаваемый Россией и противопоставляемый воинственным народам Кавказа для защиты России» [Ответ кавказского офицера, с. 545–546]. Однако донские казаки, служившие в регионе временно, в порядке очередности, не стали частью этого «воинственного народа». Они гибли на Кавказе, но эти потери и лишения оставались бесславными. Кавказская война нанесла сильный удар по боевой репутации донского казачества.

Один из ветеранов Кавказской войны и блестящий мемуарист Г. И. Филипсон отмечал: «донцы не пользовались уважением горцев; но я всегда был уверен, что в том виноваты исключительно начальники, не умеющие употреблять этих казаков» [Воспоминания Григория Ивановича Филипсона, 1884, вып. 1–2, с. 334–335]. В качестве примера успешной службы донцов на Кавказе Г. И. Филипсон указывал на полк Немчинова, который служил в Анапе в 1842–1845 гг. и принимал участие в многочисленных походах против горцев. «Я уверен, что то же самое можно сделать с каждым донским полком; нужно только постепенно и осторожно развивать в них боевой дух, а не пускать их в первый же раз в такое дело, где бы они обожглись», – писал Г. И. Филипсон. Несмотря на признание высокого боевого потенциала донцов, мемуарист, завершая свои размышления о службе донских казаков на Кавказе, отметил: «в мое время донские казаки были только неопытны, офицеры же сверх того были необразованны, склонны к пьянству и к незаконной наживе на счет своих же подчиненных» [Там же, с. 335].

Оценку Г. И. Филипсона трудно считать предвзятой, несмотря на многочисленные ироничные замечания о донских казаках и их начальстве, которыми полны его воспоминания [Воспоминания Григория Ивановича Филипсона, 1883, вып. 5–6, с. 136]. Сведения о слабой подготовке и пьянстве донских офицеров известны и по другим источникам, в частности, из переписки кавказского наместника М. С. Воронцова и донского наказного атамана М. Г. Хомутова. В письме от 17 марта 1852 г. М. С. Воронцов раздраженно отмечал:

В донские казачьи полки, командруемые на Кавказ, назначаются и присылаются офицеры даже в чине есаула, неодобрительного поведения, которым не только не может быть поручена никакая команда, но которые, оставаясь в должности при штаб-квартирах, производят беспорядки и служат только отягощением для полковых командиров [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 445. Л. 7].

К письму наместника был приложен список казаков, признанных неисправимыми в своем пьянстве и отправленных обратно на Дон. В нем было шесть сотников, семь есаулов и два хорунжих.

В ответном послании М. Г. Хомутов изложил причины такого широкого распространения пьянства среди офицеров Войска Донского. Наказной атаман указал на социальное расслоение внутри донского казачьего сообщества как на исходную причину офицерских пороков. Богатые и образованные казаки устраивались на службу в гвардию, прежде всего в казачий Атаманский его императорского высочества наследника полк, или в артиллерию и штабы. Бедным и необразованным казакам оставалась одна дорога – полевые полки, которые регулярно снаряжались для несения службы на Кавказе. На службе эти офицеры испытывали постоянные лишения и материальную нужду. Часть своего жалованья они отправляли на Дон семьям, а оставшегося содержания не хватало на достойное офицера существование. Поэтому многие донцы-офицеры «находили себе стол в общем котле со своими подчиненными» [Там же. Л. 10]. Это приводило казаков к фрустрации, психологическому надлому. М. Г. Хомутов так описывал их состояние:

Офицер от постоянного влияния на него недостатков, не в силах будучи бороться с ними, упадает в духе и забывает обязанность своего звания, а от забвения ему остается один шаг к пороку и к уничтожению всех добрых правил и всех достоинств, требуемых от офицера [Там же].

Полковые командиры пытались исправить поведение своих офицеров, но чаще всего эти попытки оставались безрезультатными. Запивших жалели и не отдавали в военный суд, а просто ждали окончания трехлетнего срока службы в надежде больше никогда не повстречаться с несчастным пьяницей. После того как цикл служебной очереди донских казаков совершал свой оборот, эти же «недостаточные» казаки-офицеры, обязанные 25-летним сроком службы, вновь отправлялись на Кавказ, теперь уже в составе других полков, и история повторялась.

Еще одной причиной неизбежности дурного поведения среди офицеров-донцов М. Г. Хомутов считал то, что на Дону все мужское казачье население было призвано на военную службу. Он писал кавказскому наместнику:

Я часто думаю – если бы на все дворянство какой-нибудь губернии, например, Московской, более других образованной, подобно Войску Донскому, надеть шарфы и эполеты и заставить их служить, то сколько бы среди онаго оказалось недостойным носить звание офицера [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 445. Л. 11].

Причины порочного поведения казачьих офицеров, которые выделил М. Г. Хомутов, можно условно назвать социальными. Действительно, трудное материальное положение донцов-офицеров являлось подходящей атмосферой для развития глубокой психологической депрессии, а вслед за ней и различных видов порочного поведения. «Недостаточные» были среди донских казаков и раньше, но именно на Кавказе донцы впадали в особенно тяжелое морально-психологическое состояние. Доказательством этого являются случаи дезертирства и суицида или его попыток, которые стали заметным явлением службы донцов на южной окраине Российской империи.

В этом отношении показательна резонансная история казака Андрея Двойнова, служившего на Кумыкской линии. 1 марта 1847 г. Двойнов, будучи пьян, ускакал к чеченцам, попутно украв лошадь своего урядника. В горах казак оказался в плену и был определен слугой в одну из чеченских семей. Вместе с другим русским пленником Двойнов бежал из плена, но не стал возвращаться на службу. Некоторое время он скрывался, но вскоре был задержан казачьим разъездом и доставлен в крепость Внезапную. По решению военного суда Двойнова признали виновным в побеге «без всяких побудительных причин» и «утрате не принадлежащей ему лошади». 30 сентября 1848 г. казака расстреляли перед гарнизоном Внезапной. В марте 1849 г. приказ о расстреле казака зачитывался во всех донских станицах при «полных общественных сборах». Атаман М. Г. Хомутов писал:

Каждый из слушателей разделит со мною чувство огорчения, произведенное гнусным и оскорбительным для чести всего войска поступком Двойнова, и что все служащие почтут священным долгом, обычную верностию, усердием и новыми примерами блистательной храбрости загладить и заставить забыть пятно, положенное на них бывшим собратом, заблудшимся и недостойным имени донского казака [ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 385. Л. 34].

Эмоциональность и категоричность приказа, видимо, должны были мобилизовать казаков, воздействовать на боевой дух полков, ожидавших своей очереди в кавказскую службу.

По имеющимся источникам видно, что в донских полках на Кавказской линии тяготы службы стали приводить к самоубийству или покушениям на него. В 1845 г. застрелился казак Зотовской станицы Родион Тюрин, служивший в 5-м Донском казачьем полку [Там же. Д. 524. Л. 19 об.]. Урядник того же полка казак Аксайской станицы Иван Ковалев находился с 8 октября 1846 г. под следствием «за намерение посягнуть на жизнь свою» [Там же. Л. 69 об.].

Что могло стать причиной дезертирства и суицида среди донцов, служивших на Кавказе, кроме социальных факторов и тяжелого материального состояния казаков?

Как уже было отмечено, казаки в основном были совершенно не подготовлены к службе на Кавказе. Как писал И. И. Краснов:

Донские полки, как известно, приходят на Кавказ на три года. Полки эти составляются по большей части из половины малолетков, нигде еще не бывших на службе; другая половина хотя и состоит из старых казаков, но служивших в иных странах, если же и на Кавказе, то чрезвычайно редко в том месте, куда они снова прибыли служить, а на Кавказе каждая местность имеет свои особенности [Краснов, 1861, с. 139].

Отправляемые на Кавказ донцы не всегда имели достаточное вооружение и снаряжение. Вооружение казаков, переселяемых на Сунжу в 1846 г. после проверки командованием Кавказской линии, было признано неисправным. Атаман М. Г. Власов был вынужден оправдываться перед начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса генералом П. Е. Коцебу. Донское начальство объясняло неудовлетворительное состояние вооружения донцов тем, что видело переселяемых «более земледельцами, нежели воинами, которые в первое время должны находиться под военною защитою, и заботилось наиболее о том, чтобы переселенцы явились на Сунжу со всеми средствами новой оседлости» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 320. Л. 271].

Отсутствие опыта Кавказской войны у казаков, а в особенности у их офицеров, было поводом раздробить донские полки по различным постам Кавказской линии, где донцы были подчинены офицерам Кавказского линейного казачьего войска. Донцы оказывались на Кавказе аутсайдерами, служба которых была рутинной. Генерал А. П. Хрещатицкий, занимавший в 1859–1879 гг. должность походного атамана донских казачьих полков при Кавказской армии, отмечал в докладной записке начальнику главного штаба армии генералу А. П. Карцову, что «большая часть донских полков, служащих в здешнем крае, несут обязанность охранения границ, частью – конвоирования почт и при местных полицейских властях» [Там же. Оп. 2. Д. 493. Л. 9].

Служба донских казаков была лишена всякого престижа, а сами донцы превратились в своеобразных чернорабочих Кавказской линии. При этом донцы, сопровождавшие почту и продовольственные колонны, зачастую оказывались на обратном пути без надежного прикрытия. Это приводило к их неудачным стычкам с превосходящими числом отрядами горцев. Донцы гибли целыми конвойными командами [ГАКК. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–16] и часто оказывались в плену [ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 385. Л. 2–15].

Большие потери донцов негативно сказывались на их боевой репутации. Как отметил в воспоминаниях ветеран Кавказской войны казак-линеец А. Шпаковский, «донцы стоят вообще во мнении горцев

невысоко, всякий новоприбывший на линию полк нес значительные потери от незнания новичками местности, образа войны и уловок неприятеля» [Шпаковский, с. 209]. В отзыве А. Шпаковского отсутствует упоминание об основной причине больших потерь донцов на Кавказе.

Большие потери и их причины

Война Российской империи на Кавказе схожа по структуре потерь с военными экспедициями европейских держав в Африке и Азии. Наиболее смертоносными оказывались не пули или клинки, а климат и эпидемии. В исследовании известного американского историка Ф. Куртина приводятся данные о подобных потерях англичан в Индии и французов в Алжире, которые достигали 80 % от общего числа погибших солдат и офицеров европейских армий [Curtin, p. 81].

Сведения о составе российских войск на Кавказе и их потерях были собраны военным историком А. Л. Гизетти, труды которого, опубликованные на рубеже XIX–XX вв., остаются наиболее авторитетными и информативными справочниками по истории Кавказской войны [Гизетти, 1896; Гизетти, 1901]. В «Сборнике сведений о потерях Кавказских войск» представлены данные о боевых потерях русской армии в Кавказской войне, русско-турецких и русско-персидских войнах XIX в., закаспийских походах отрядов Кавказской армии. Два приложения включают сведения об убитых генералах и командирах отдельных частей, а также о погибших штаб- и обер-офицерах и чиновниках. Подсчеты А. Л. Гизетти производил на основе официальных документов. Согласно его данным, за годы Кавказской войны, хронологию которой он ограничивает 1801–1864 гг., русская армия потеряла убитыми – 804 офицера, 24 143 нижних чина, ранеными – 3 154 офицера и 61 971 нижний чин, пленными – 92 офицера и 5 915 нижних чинов [Гизетти, 1901, с. II]. А. Л. Гизетти отмечал, что к этим потерям необходимо прибавлять втрое большую цифру, которую составили умершие от болезней в гарнизонах Кавказской линии, прежде всего на Черноморской береговой линии [Там же, с. III].

Показательные данные о структуре потерь российской армии на Кавказе представлены в «Годовых рапортах о прибыти и убыти людей и лошадей в Отдельном Кавказском корпусе». Эти сводки составлялись ежегодно и отличаются детальностью. В 1834 г. в сражениях с горцами погибло 134 рядовых, в то время как от болезней умерло 5 897. В следующем 1835 г. в боях Отдельный Кавказский корпус потерял 126 рядовых, а различные заболевания унесли жизни 6 084 солдат [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 346. Л. 2–4].

По данным И. И. Краснова, в 1836–1864 гг. донское казачество потеряло на Кавказе убитыми и умершими от ран 1 763 человека, жертвами болезней за этот же период стали более 16 тыс. казаков [Краснов, 1882, с. 126]. Информативным источником для оценки потерь донцов в Кавказской войне являются «Списки о прибытии полков на Дон», которые составлялись по итогам трехлетнего

очередного срока службы на южной окраине Российской империи. Напротив фамилий погибших казаков указывались обстоятельства их смерти. Судя по этим данным, соотношение боевых и небоевых (болезни и эпидемии) потерь примерно равнялось 1 : 15 [ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 524. Л. 24–27], то есть на одного казака, погибшего в схватке с горцами, приходилось 15 умерших от болезней в лазаретах Тифлиса, Ставрополя, Георгиевска и Эривани. Как отметил И. И. Краснов, «донские полки по прибытии своем на Кавказ заболевают сотнями» [Краснов, 1861, с. 140].

В то время как донские казаки погибали в мелких стычках с горцами на Кавказской линии и массово умирали в лазаретах, казачьи линейцы приобрели громкую славу непревзойденных наездников, мастеров джигитовки. Донцы с их гроздкими пиками представляли в этом отношении полную противоположность линейцам. Мнение о превосходстве линейных казаков над донскими было широко распространено на Кавказе [И. К., с. 73].

Таким образом, причинами депрессивного состояния донских казаков в условиях Кавказской войны следует считать дробление полков по различным укреплениям и постам Кавказской линии, тяжелое материальное положение офицеров и отсутствие опыта войны с горцами, высокую смертность от различных болезней. Дополнительным фактором, отягчавшим морально-психологический фон в донских казачьих полках, являлось повышенное внимание местного начальства к успехам линейного казачества.

Борьба за реформу

В 1840-е гг. появляется проект постоянных штабов донских полков на Кавказе. Предполагалось, что штабы будут нести постоянную службу, и это позволит опытным офицерам передавать навыки «кавказского способа войны» новичкам. Тот же принцип планировалось применить и в отношении состава донских полков, обновляя их на треть ежегодно. Наблюдая за службой ветеранов, новобранцы должны были легче адаптироваться к войне с горцами. Проект получил одобрение военного министра А. И. Чернышева, но встретил решительное сопротивление наказного атамана М. Г. Власова, по мнению которого новый порядок нарушал традиционные принципы службы донских казаков. Опасения М. Г. Власова были не напрасны: в среде донского казачества распространились слухи о том, что учреждение постоянных полковых штабов на Кавказе является предвестием нового массового переселения сюда казаков [Краснов, 1861, с. 141].

Проект остался лишь проектом, но его обсуждение продолжилось, расколов донцов на противников и сторонников реформы. Среди последних был особенно заметен И. И. Краснов, который в статье, опубликованной в журнале «Военный сборник», описал многочисленные преимущества новой организации казачьей службы на Кавказе и заметил: «этим одним способом мы избавились бы от тех

напрасных кровавых жертв, которые постоянно платили горцам» [Краснов, 1861, с. 142].

Эффективность непрерывной службы донских офицеров на Кавказе получила практическое подтверждение на примере Я. П. Бакланова. Будучи в 1847 г. майором, он получил в командование Донской казачий полк № 20. Через три года полк вернулся на Дон, но Я. П. Бакланов по личному ходатайству наместника М. С. Воронцова остался на Кавказе и стал командиром Донского полка № 17, который пришел на смену полка № 20 [Моя боевая жизнь, с. 8]. За годы, проведенные в постоянных столкновениях с горцами, Я. П. Бакланов приобрел большой опыт в войне на Кавказе, под его командой донские полки успешно противостояли набегам мюридов Шамиля. В 1845–1853 гг. баклановские донцы отбили у горцев 12 тыс. голов рогатого скота и 40 тыс. овец. Сам Я. П. Бакланов отмечал в воспоминаниях:

Имея вернейших лазутчиков и платя им хорошие деньги, я всегда был вовремя предупрежден о движении горцев; напал с моим полком и уничтожил так, что горцы к исходу 1853 г. прекратили свои налеты на наши пределы [Там же, с. 8–9].

Казаки Я. П. Бакланова доказали, что при умелом командовании донцы не уступают линейцам. В конце 1850-х гг. обсуждение проекта о постоянных штабах донских полков на Кавказской линии возобновляется. Его итогом стало утверждение в 1860 г. «Правил о третней смене служащих на Кавказской линии донских полков». И. И. Краснов писал об этом в пафосно-патетическом стиле: «Встретим же радостно новый порядок смены донских полков как зарю возрождения их к лучшему» [Краснов, 1861, с. 158].

Реформа явно запоздала, Кавказская война заканчивалась. Насколько эффективна была новая организация службы донских казаков на Кавказе, так и не было выяснено. Регулярные наряды на кавказскую службу прекратились после завершения Кавказской войны в 1864 г. К 1870 г. численность донских казаков на внешней службе, то есть за пределами Области Войска Донского, сократилась до 15 тыс. человек [Краснов, 1882, с. 127].

* * *

Присоединение Кавказа стало большим испытанием для донских казаков. Правительственное переселение по указу вызвало восстание 1792–1794 гг., которое сумело отстоять его традиционные принципы – добровольно и по жеребьевке, но не остановило донскую казачью колонизацию Терека и Кубани. Донские полки, отправлявшиеся на Кавказ каждые три года, испытывали серьезные сложности в адаптации к региональным условиям войны и мира. Неудачи донцов в Кавказской войне ускорили обсуждение реформы организации казачьего

войска, которая включала разные аспекты, от организации постоянных штабов донских полков на Кавказе до строевой подготовки.

Список литературы

- Архив князя А. И. Чернышева // СИРИО. Т. 122. 720 с.
- Безотосный В. М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году : Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М. : РОССПЭН, 1999. 190 с.
- Венков А. В.* Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. М. : Вече, 2018. 448 с.
- Волвенко А. А.* Донское казачество позднейимперской эпохи. Земля. Служба. Власть : Вторая половина XIX в. – начало XX в. М. : Центрполиграф, 2018. 223 с.
- Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Рус. архив. 1883. Вып. 5–6. С. 73–201; 1884. Вып. 1–2. С. 331–390.
- ГАКК. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1.
- ГАРО. Ф. 301. Оп. 13. Д. 161; Ф. 341. Оп. 1. Д. 165, 385, 524, 544.
- Гизетти А. Л.* Хроника Кавказских войск. Тифлис : Тип. канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1896. 600 с.
- Гизетти А. Л.* Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае, 1801–1885 гг. Тифлис : Тип. Я. И. Либермана, 1901. [4], IV, 222 с.
- Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб. : Тип. О. М. Бакста, 1869. 220 с.
- Захаревич А. В.* Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны (1801–1804 гг.). Ростов н/Д : Изд-во РГПУ, 2005. 302 с.
- Золотов В. А., Пронитейн А. П.* За землю, за волю... Из истории народных движений на Дону. Ростов н/Д : Ростов. книж. изд-во, 1974. 308 с.
- И. К.* Обучение молодых казаков в Донском войске // Военный сборник. 1865. № 1. С. 68–80.
- Карасев А. А.* Чернышев на Дону (1819–1823 гг.) // Донские областные ведомости. 1903. 18 сент. С. 2–3; 19 сент. С. 2–3; 20 сент. С. 2–3.
- Краснов И. И.* Донцы на Кавказе. Учреждение на Кавказе постоянных штабов донских казачьих полков // Военный сборник. 1861. № 9. С. 137–158.
- Краснов Н.* Прошедшее и настоящее донских казаков // Военный сборник. 1882. № 11. С. 108–127.
- Латин В. В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб. : Европ. дом, 2008. 400 с.
- Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I : (Революция, Реставрация, Империя) // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб. : Звезда, 2002. С. 339–350.
- Меннин Б. А. И.* Чернышев: русский Ликург // Русский сборник : исследования по истории России XIX–XX вв. Т. 7. Военная политика императора Николая I. М. : Модест Колеров, 2009. С. 75–112.
- Моя боевая жизнь : (Записки Войска Донского генерал-лейтенанта Якова Петрова Бакланова, написанные собственной его рукой) // Русская старина. 1871. Т. 3. № 1. С. 1–16.
- Наш край. Документы по истории Донской области : в 2 т. Ростов н/Д : Гос. архив Ростов. обл., 1963. Т. 1. XVIII – начало XX в. 520 с.
- Ответ кавказского офицера на обвинения Н. Н. Муравьева // Русская старина. 1872. Т. 6. Вып. 7–12. С. 545–547.
- Пронитейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1961. 375 с. ПСЗ-1. Т. 23.
- РГБ. Ф. 169. Карт. 18. Ед. хр. 16.
- РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 346, 493; Оп. 3. Д. 320, 445.
- РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Разд. 1817. Д. 1933.
- Рыжкова Н. В.* Донское казачество в войнах начала XX века. М. : Вече, 2015. 384 с.

Сажеников А. И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2012. 548 с.

Слепцов (из воспоминаний князя Дондукова-Корсакова) // *Старина и новизна*. Кн. 5. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1902. С. 155–160.

Фелицын Е. Д. Побег с Кубани трех донских полков в 1792 году, бунт на Дону и поселение станиц, вошедших в состав Кубанского конного полка. Екатеринодар : Тип. А. П. Стасhevского, 1895. 250 с.

Шпаковский А. Записки старого казака // *Военный сборник*. 1870. № 7. С. 187–222.

Юдин П. К истории пугачевщины // *Рус. архив*. 1896. № 5. С. 161–184.

Curtin Ph. D. *Death by Migration: Europe's Encounter with the Tropical World in the Nineteenth Century*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1989. 271 p.

References

Архив князя А. И. Чернышева [Archive of Prince A. I. Chernyshev]. (1905). In *SIRIO*. Vol. 122. 255 p.

Bezotosnyi, V. M. (1999). *Donskoi generalitet i ataman Platov v 1812 godu. Maloizvestnye i neizvestnye fakty na fone znamenitykh sobytii* [Don Generals and Ataman Platov in 1812. Little-Known and Unknown Facts against the Background of Famous Events]. Moscow, ROSSPEN. 190 p.

Curtin, Ph., D. (1989). *Death by Migration: Europe's Encounter with the Tropical World in the Nineteenth Century*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 271 p.

Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovye [Russia's Treaties with the East. Political and Commercial]. (1869). St Petersburg, Tipografiya O. M. Baksta. 220 p.

Felitsyn, E. D. (1895). *Pobeg s Kubani trekh donskikh polkov v 1792 godu, bunt na Donu i poselenie stanits, voshedshikh v sostav Kubanskogo konnogo polka* [Escape from Kuban of Three Don Regiments in 1792, the Riot on the Don and the Settlement of Villages, Which Became Part of the Kuban Cavalry Regiment]. Yekaterinodar, Tipografiya A. P. Stashevskogo. 250 p.

ГАКК [State Archive of Krasnodar Region]. Stock 363. List 1. Dos.1.

ГАРО [State Archive of Rostov Region]. Stock 301. List 13. Dos. 161; Stock 341. List 1. Dos. 165, 385, 524, 544.

Gizetti, A. L. (1896). *Khronika Kavkazskikh voisk* [A Chronicle of the Caucasian Troops]. Tiflis, Tipografiya kantselyarii glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze. 600 p.

Gizetti, A. L. (1901). *Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya vojn Kavkazsko-gorskoj, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae, 1801–1885 gg.* [A Collection of Information on the Losses of Caucasian Troops during the Wars of the Caucasus, Persian, Turkish, and Transcaspiian Regions, 1801–1885]. Tiflis, Tipografiya Ya. I. Libermana. [4], IV, 222 p.

I. K. (1865). Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske [Training of Young Cossacks in the Don Army]. In *Voennyi sbornik*. No. 1, pp. 68–80.

Karasev, A. A. (1903). Chernyshev na Donu (1819–1823 gg.) [Chernyshev on the Don (1819–1823)]. In *Donskie oblastnye vedomosti*. 18 Sept., pp. 2–3; 19 Sept., pp. 2–3; 20 Sept., pp. 2–3.

Krasnov, I. I. (1861). Dontsy na Kavkaze. Uchrezhdenie na Kavkaze postoyannykh shtabov donskikh kazach'ikh polkov [Don Cossacks in the Caucasus. Establishment of the Permanent Staff of Don Cossack Regiments in the Caucasus]. In *Voennyi sbornik*. No. 9, pp. 137–158.

Krasnov, N. (1882). Proshedshee i nastoyashchee donskikh kazakov [Past and Present of the Don Cossacks]. In *Voennyi sbornik*. No. 11, pp. 108–127.

Lapin, V. V. (2008). *Armiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII–XIX vv.* [The Russian Army in the Caucasian War of the 18th–19th Centuries]. St Petersburg, Evropeiskii dom. 400 p.

Мемуары графа de Rosheshuara, ад'ютанта императора Александра I. (Revolyutsiya, Restavratsiya, Imperiya) [Memoirs of Count de Rochechouart, Aide-de-camp to Emperor Alexander I. (Revolution, Restoration, Empire)]. (2002). In *Kavkazskaya voina: istoki i nachalo. 1770–1820 gody*. St Petersburg, Zvezda, pp. 339–350.

Menning, B. (2009). A. I. Chernyshev: russkii Likurg [A. I. Chernyshev: A Russian Lycurgus]. In *Russkii sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii XIX–XX vv.* Vol. 7. Voennaya politika imperatora Nikolaya I. Moscow, Modest Kolerov, pp. 75–112.

Moya boevaya zhizn'. (Zapiski Voiska Donskogo general-leitenanta Yakova Petrova Baklanova, napisannye sobstvennoi ego rukoi) [My Combat Life. (Notes of the Don Army Lieutenant General Yakov Petrov Baklanov, Written by His Own Hand)]. (1871). In *Russkaya starina*. Vol. 3. No. 1, pp. 1–16.

Nash kraj. Dokumenty po istorii Donskoi oblasti v 2 t. [Our Region. Documents on the History of Don Region. 2 Vols.]. (1963). Rostov-on-Don, Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti. Vol. 1. XVIII – nachalo XX v. 520 p.

Otvet kavkazskogo ofitsera na obvineniya N. N. Murav'eva [The Response of the Caucasian Officer to the Accusations of N. N. Muravyov]. (1872). In *Russkaya starina*. Vol. 6. Iss. 7–12, pp. 545–547.

Pronshstein, A. P. (1961). *Zemlya Donskaya v XVIII veke* [The Don Land in the 18th Century]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. 375 p. *PSZ* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 23.

RGB [Russian State Library]. Stock 169. List 18. Dos. 16.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1409. List 1. Part 1817. Dos. 1933.

RGVIA [Russian State Military Historical Archive]. Stock 14719. List 2. Dos. 346, 493; List 3. Dos. 320, 445.

Ryzhkova, N. V. (2015). *Donskoe kazachestvo v voynakh nachala XX veka* [Don Cossacks in the Wars of the Early 20th Century]. Moscow, Veche. 384 p.

Sapozhnikov, A. I. (2012). *Voisko Donskoe v Otechestvennoi voine 1812 goda* [The Don Army in the Patriotic War of 1812]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 548 p.

Shpakovskii, A. (1870). *Zapiski starogo kazaka* [Notes of an Old Cossack]. In *Voennyi sbornik*. No. 7, pp. 187–221.

Sleptsov (iz vospominanii knyazyza Dondukova-Korsakova) [Sleptsov (from the Memoirs of Prince Dondukov-Korsakov)]. (1902). In *Starina i novizna*. Book 5. St Petersburg, Tipografiya M. Stasyulevicha, pp. 155–160.

Venkov, A. V. (2018). *Groza Kavkaza. Zhizn' i podvigi generala Baklanova* [The Storm of the Caucasus. The Life and Exploits of General Baklanov]. Moscow, Veche. 448 p.

Volvenko, A. A. (2018). *Donskoe kazachestvo pozdneimperskoi epokhi. Zemlya. Sluzhba. Vlast'. Vtoraya polovina XIX v. – nachalo XX v.* [Don Cossacks of the Late Imperial Era. Earth. Service. Power. Second Half of the 19th Century – Early 20th Century.]. Moscow, Tsentrpoligraf. 223 p.

Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona [Memories of Grigory Ivanovich Philipson]. (1883–1884). In *Russkii arkhiv*. 1883. Iss. 5–6, pp. 241–356. 1884. Iss. 1–2, pp. 331–390.

Yudin, P. (1896). *K istorii pugachevshchiny* [On the History of the Pugachev Rebellion]. In *Russkii arkhiv*. No. 5, pp. 161–184.

Zakharevich, A. V. (2005). *Donskie kazaki v boyakh s gortsami na Severnom Kavkaze na nachal'noi faze oboronitel'nogo perioda Kavkazskoi voiny (1801–1804 gg.)* [Don Cossacks in the Battles with Highlanders in the North Caucasus in the Initial Phase of the Defensive Period of the Caucasian War (1801–1804)]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 302 p.

Zolotov, V. A., Pronshstein, A. P. (1974). *Za zemlyu, za volyu... Iz istorii narodnykh dvizhenii na Donu* [For Land, for Freedom... From the History of Popular Movements on the Don]. Rostov-on-Don, Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 308 p.

The article was submitted on 13.10.2019

Origines

Origines

**ЧТОБЫ НАПРАСНОЙ ВОЛОКИТЫ НЕ БЫЛО:
ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВАСИЛИЯ ТАТИЩЕВА
ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ СУДОПРОИЗВОДСТВА***

Алевтина Сафронова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**TO AVOID UNNECESSARY RED TAPE:
VASILY TATISHCHEV'S PROPOSALS
ON STREAMLINING COURT PROCEEDINGS**

Alevtina Safronova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Vasily Tatishchev is known not only as an outstanding statesman, but also as a scientist who stood at the origin of many sciences. He gained fame as a legal scholar, an expert on the legislation of foreign countries and his homeland. Unlike any of his contemporaries, he reflected on the role of laws in the development of a country, formulated requirements for their content, raised the question of their codification, took the initiative to draft bills, and identified and prepared important legislative documents for publication. The previously unknown document presented in this article makes it possible to talk about Tatishchev's attempt on behalf of the state to resolve another important issue, the remuneration of judges and clerical officers by introducing payments dependent on the total amount of the claim, the volume of prepared court documents, and their varieties. The author proves Tatishchev's authorship in the development of such proposals, explaining the reasons for their appearance in terms of the upcoming reform of the plant management system based on bills developed by Tatishchev between 1734 and 1735: these were meant to regulate the relationship between the state

* *Citation*: Safronova, A. (2020). *To Avoid Unnecessary Red Tape: Vasily Tatishchev's Proposals on Streamlining Court Proceedings*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1353–1366. DOI 10.15826/qr.2020.4.532.

Цитирование: Safronova, A. *To Avoid Unnecessary Red Tape: Vasily Tatishchev's Proposals on Streamlining Court Proceedings* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1353–1366. DOI 10.15826/qr.2020.4.532 / Сафронова А. *Чтобы напрасной волокиты не было: предложения Василия Татищева об упорядочении судопроизводства* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1353–1366. DOI 10.15826/qr.2020.4.532.

and owners of private factories and the powers of the crown administration in state enterprises. The document adds to the existing idea of Tatishchev as a connoisseur of Russian legislation, his deep understanding of problems connected with the activities of judicial institutions, and his attempt to introduce remuneration principles enshrined in Swedish and German legislation into Russian legal practice. The implementation of these proposals would help expedite the adoption of judicial decisions and guarantee judges and clerical servants decent pay. The significance of the proposals formulated by Tatishchev cannot be over-emphasised: there was hardly anyone else in Russia who was capable of offering a whole system of monetary compensation for those involved in organising court trials and drawing up documents, demonstrating deep detailed knowledge of judicial documentation.

Keywords: Vasily Tatishchev; jurisprudence; courts; remuneration of labour; Urals.

В. Н. Татищев вошел в историю не только как выдающийся государственный деятель и ученый, стоявший у истоков многих наук. Он получил известность и как знаток законодательства зарубежных стран и своего Отечества. Татищев размышлял о роли законов, формулировал требования к их содержанию, поднимал вопрос об их кодификации, разрабатывал законопроекты, выявил и подготовил к публикации тексты важнейших законодательных памятников. Представленный в публикации документ, ранее неизвестный, позволяет говорить о стремлении Татищева от имени государства урегулировать важный вопрос – оплату труда судей и канцелярских служащих судебных учреждений путем введения акциденций в зависимости от общей суммы иска, объема подготовленных судебных документов, их разновидностей. В статье обосновывается авторство Татищева в разработке этих предложений, раскрываются причины их появления, связанные с предстоящим реформированием системы управления заводами на основе разрабатывавшихся Татищевым в 1734–1735 гг. законопроектов, регулировавших взаимоотношения государства и владельцев частных заводов, полномочия коронной администрации казенных предприятий. Документ дополняет представления о Татищеве как знатоке российского законодательства, свидетельствует о глубоком понимании им современных проблем деятельности судебных учреждений, о попытке внедрить в практику российских судов принципы оплаты труда, закрепленные в законодательстве Швеции и Германии. Претворение в жизнь этих предложений способствовало бы ускорению принятия судебных решений, стало бы гарантией достойной оплаты труда судей и канцелярских служащих. Значение предложений, сформулированных Татищевым, трудно переоценить: вряд ли нашелся бы в России кто-либо еще, способный так тщательно, в деталях, проявив глубокие познания состава судебной документации, предложить целую систему денежной компенсации за труд специалистов, производивших суд и готовивших документы.

Ключевые слова: В. Н. Татищев; правоведение; суды; оплата труда; горнозаводской Урал.

В. Н. Татищев был не только выдающимся государственным деятелем России первой половины XVIII в., но и выдающимся ученым. Уже в XIX в. его имя стали отмечать «в числе первоначальных создателей русской науки. Математик, естествоиспытатель, горный инженер, географ, этнограф, историк и археолог, лингвист, юрист, политик и публицист и вместе с тем просвещенный политический деятель и талантливый администратор», – писал о нем в 1887 г. профессор Казанского университета Д. А. Корсаков [Корсаков, с. 566]. Как справедливо отмечал С. О. Шмидт, «Татищев признан одним из самых выдающихся и разносторонних деятелей XVIII века – “века Просвещения”. <...> У истоков многих современных наук имя Василия Никитича Татищева» [Шмидт, с. 453, 455]. Благодаря приобретению и изучению литературы, в том числе по вопросам законодательства, Татищев овладел глубокими познаниями в этой области, знал важнейшие законодательные акты древности, средневековой Европы, не говоря о законах российских, начиная с основания Русского государства, кончая современными.

Татищев разделял взгляды Петра I на важность знания и исполнения принятых законодательных актов, обосновывал необходимость для страны четких, разумных законов. В «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах», начатом в 1733 г., Татищев рассмотрел вопрос о различиях между законами Божественными и государственными, раскрыл порядок принятия последних, изложил требования к формулировке законодательных норм. Большое значение он придавал знанию законодательства для правильного ведения дел, включая судебные. Анализируя примеры действия законов в Греции и Риме, специальное внимание Татищев уделил истории законодательства в России [Татищев, 1979, с. 72–73, 125–128]. Узнав, что по инициативе Академии наук готовится новое издание Соборного уложения 1649 г.¹, Татищев высказал ряд важных мыслей об этом законодательном акте, сформулировал существенные замечания относительно текста этого важнейшего документа, применявшегося в судопроизводстве всех гражданских государственных учреждений России, внес ряд важных предложений по дополнению и совершенствованию его норм [Татищев, 1990, с. 246; см. подробнее: Сафронова, с. 235–239].

Татищев не раз выступал в роли инициатора и разработчика важнейших законодательных актов своего времени [Татищев, 1990, с. 52]. В фонде Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов обнаружен неизвестный исследователям протокол заседания членов канцелярии от 12 декабря 1734 г., оформивший предложения В. Н. Татищева «с товарищи» (в документе – «мнение») о необходимости введения четких критериев оплаты труда судей и канцелярских

¹ Издание «Уложения» на немецком языке числится в каталоге его библиотеки под № 35 как «Struvens Allgemeines russisches Land Recht. Danzig, 1723» [Астраханский, с. 21].

служащих [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 423–426]. На заседании присутствовали Татищев, советник А. Хрущов и ассессор И. Рудаковский. Настоящим автором этих предложений являлся Татищев, только он мог предварительно составить документ, озвученный на заседании: слишком много в нем было информации, которая могла исходить от Татищева как главы канцелярии.

Причины появления предложений В. Н. Татищева о введении оплаты труда судей и канцелярских служителей за счет акциденций изложены в протоколе кратко: это необходимость отразить при разработке Горного устава вопросы, касающиеся споров между владельцами заводов и их мастеровыми людьми, а также спорных вопросов, которые возникали в среде самих заводчиков (на Урале действовало уже 25 частных заводов при 16 казенных). Заметим, именно инструкцией 1734 г. Татищеву прямо предписывалось: «в случившихся между промышленниками распрях по указам правильной и непродолжительной суд и расправу чинить» [ПСЗ-1, т. 9, № 6559, п. 18]. Вторая непосредственная причина – предстоящее появление в Екатеринбурге Конторы судебных и земских дел.

Татищев задумал выделить из состава Канцелярии Главного заводов правления судебные и земские дела через месяц после приема дел у де Геннина. На заседании канцелярии 9 ноября 1734 г. было оформлено решение об этом, подписанное В. Татищевым, А. Хрущовым, И. Рудаковским и К. Гордеевым. Раскрывались мотивы этого решения: 1) согласно первой же выписке о счетах прежних лет «доходит до розыска»; 2) «за множеством судебных дел в Канцелярии Главного правления заводов в нужнейших делах не без помешательства»; 3) по указу Сената от 24 апреля 1734 г. предписано у судебных дел быть особому судье. Поэтому решили: «ради судебных и розыскных дел быть особой конторе и приказу, там же быть земским, крепостным и полицмейстерским делам». Главным судьей быть майору Миклашевскому, «при нем для безгласных казенных и партикулярных дел быть адвокатом обретающемуся ныне на заводе Верх-Исецком Елизару Назарьеву, для смотрения полиции полицмейстером быть поручику Семену Сикорскому» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 212 об.].

Юрисдикция Екатеринбургской земской конторы, появившейся в 1723 г., была уточнена в 1725–1726 гг., и она стала вести все судебные дела приписных к заводам крестьян согласно присланному указу Берг-коллегии и определению Сибирского обер-бергамта на этот указ от 27 ноября 1725 г.: «всех приписных крестьян ко всем заводам по силе оного указа судом и расправою между себя и кто на них будет бить челом, быть ведомым в земской». В январе 1726 г. на просьбу конторы, судить ли ей мастеровых и разночинцев, она получила ответ обер-бергамта, что поскольку управители, приписные крестьяне и в рудных делах всякого рода люди ведомы в Берг-коллегии, ясно, что мастеровые нигде, кроме Берг-коллегии, суди-

мы быть не могут, «ибо оные нужнейшие есть при заводах, нежели крестьяне, понеже от работы их к дальнему суду яко из Екатеринбург в Тоболеск и в протчие места отсылать невозможно, и ведомо есть, что большая часть мастеровых людей взяты ис приписных крестьян». Поэтому «земская контора всуе о том имеет сумнение и посланных дел из заводской канторы о мастеровых людех и колодников не принимает». Разночинцев же предписывалось судить в конторе лишь по делам, касающимся горнозаводских тем [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 22 об.]. При этом напоминалось, что по указу обер-бергамта от 16 декабря 1725 г., «ежели кто из мастеровых подлежит вечной ссылке или смертной казне, о таких доносить обер-бергамту должно» [Там же].

Как показал Э. А. Пензин, 7 июня 1727 г. В. И. Геннин, слушая указ Верховного тайного совета от 15 марта этого года о ликвидации надворных судов в России и института камериров и комиссаров, вынес решение о реформировании органов управления заводами. Камерир Степан Неелов, глава земской конторы, был назначен членом обер-бергамта в качестве асессора, которому поручались «все прежние земские и судные дела, и иметь попечение о крестьянах». 9 июня Геннин предписал «земскую и заводскую конторы, тако ж и судное дело сообщить к обер-бергамту», в нем создать четыре повытья: горное, заводское, земское и судное [Пензин, с. 136].

Татищев «с товарищи» 9 ноября 1734 г. решили вывести земские и судные дела из структурного подразделения канцелярии, чтобы разгрузить работу этого учреждения. Контора судных и земских дел начала действовать с 1 января 1735 г., ей были переданы законодательные документы для решения дел: «Уложение, указы, и уставы, и другие правы...» [Сафронова, с. 226]. В это же время Татищев приступил к разработке Заводского устава, регламентирующего действия должностных лиц администрации казенных заводов Урала. В главе 2 «О должности и власти Советника», пункте 7 «О акциденциях», предусматривалось их деление между членами правления «по пропорции» [Заводской устав Татищева, кн. 3, с. 335]. Главу 4 Татищев посвятил «должности, власти и преимуществе Главного Земского судии или воеводе Екатеринбургского ведомства» [Там же, с. 337–349]. В его ведении – «суд над всеми приписными к заводам слободами и над всеми жителями и управителями заводскими... в делах персональных и земских, то есть в долгах, брани, увечье, грабеже и тому подобных распрях». Ему «все обретающиеся в заводском ведении земские судии, управители и сослужители подчинены». При этом предписывалось: «мастеров же, подмастерьев и действительных или определенных учеников и работников, которые под ведением горных и заводских правителей состоят, также всех управителей, начальников, *промышленников, прикащиков и их служителей в делах горных и заводских судить главному Судие* (курсив автора. – А. С.), и в те дела ему, Земскому Судие, не вступать, разве от Главного

Заводского Правления особливо какое дело ему под суд прислано будет» [Заводской устав Татищева, кн. 3, с. 337–338; о полномочиях земского судьи см.: Сафронова, Порунов, с. 288–311].

Татищев задумал подразделить подсудность жителей слобод и мастеровых людей между высшими должностными лицами и оформить передачу суда над промышленниками, их приказчиками и служителями канцелярии, которую возглавлял. Исследователям, занимающимся историей судебных учреждений горнозаводского Урала, необходимо выяснить, произошло ли на практике это подразделение (о подсудности заводчиков с их приближенными после последующей передачи частных заводов в ведение Коммерц-коллегии речи идти уже не могло). В контексте новой системы судебных учреждений, которая должна была формироваться, и следует рассматривать предложения о введении нового порядка оплаты труда судей и канцелярских служащих при них.

Из протокола от 12 декабря 1734 г. следует, что Татищев решил применить на горнозаводском Урале принципы судопроизводства Саксонии и Швеции. Он пояснил, что в этих странах размеры оплаты труда зависят от «великости исков и множества письма», называются припарками или акциденциями и делятся между судьей и приказным служителем «по равномерности чинов». Татищев обосновал необходимость введения такого порядка при уральских заводах.

Наряду со знанием общей практики судопроизводства в зарубежных странах Татищев продемонстрировал в этом документе свои познания и по истории оплаты судебного делопроизводства в России. Он упомянул о «первом Уложении от царя Ивана Васильевича», согласно которому «такие акциденции или припарки судьям и приказным служителем положены были, и по Уложению Ивана Васильевича судьям припарки и приказным положены были по частям, с числа иска и з достоинства дела...»

Речь идет о разных уложениях – Судебнике Ивана III 1497 г. и Судебнике Ивана IV 1550 г. Информация о Судебнике 1497 г.² была изложена С. Герберштейном в «Записках о Московии», изданных в Базеле (в 1556 г. на латинском, в 1557 г. – и на немецком языке). В библиотеке Татищева сочинение Герберштейна не числилось, он выписал его для казенной библиотеки Екатеринбурга, и оно пришло из столицы лишь в декабре 1737 г., когда Татищев находился в Самаре. В январе 1739 г. Татищев просил перевести с латинского языка одну из трех книг, в том числе «Герберштейнову», не зная, что пришло издание на немецком 1557 г. [Сафронова, с. 282, 534]. Поскольку об этом Судебнике Татищев упоминал в декабре 1734 г., значит, он имел выписки из труда Герберштейна, сделанные им до приезда в Екатеринбург из издания на немецком, которым хорошо владел [Herberstein].

² Древнерусский текст «Уложения» был обнаружен П. М. Строевым в 1817 г.

Герберштейн передал содержание первых статей Судебника Ивана III под названием «Установления, сделанные великим князем Иоанном Васильевичем в 7006 году [от сотворения мира]»: «Если виновный будет осужден на один рубль, то пусть заплатит судье два алтына, а нотарию восемь денег». Далее приводились данные о размерах оплаты в случае примирения сторон до поединка, на месте поединка, в случае победы одной из сторон, по причине пожара, убийства друга, грабежа или кражи [Герберштейн, с. 255].

Текст Судебника 1550 г. Татищев обнаружил в 1734 г. до приезда на Урал и преподнес Анне Иоанновне «яко вещь дивную», а копию передал в Академию наук, как он сообщал в предисловии к подготовленной публикации, но текст этого документа с комментариями Татищева увидел свет лишь в 1768 г. [Судебник]. То есть в 1734 г. этот Судебник был известен, по сути, лишь Татищеву, располагавшему собственной копией документа.

Татищев сведущ об изменениях Судебника 1550 г. в правление Бориса Годунова, что Соборное уложение «обстоятельно» вопроса об оплате не касается, а указ Петра I о создании крепостной конторы 1700 г. ввел уплату денег надсмотрщикам за подпись, а писцам – за число страниц; что в 1715 г. с судебных дел положено иметь на приказные расходы и служителям «с правого» – по 3, «с виноватого» – по 10 коп. с рубля. В этом весь Татищев: он пытается на основе истории законодательства обосновать необходимость введения со стороны государства четкой регламентации оплаты труда судей и канцелярских служащих.

Будучи хорошо знакомым с практикой решения судебных дел, он выделил три причины сбора малых сумм судебных пошлин: чтобы вообще не платить, челобитчики мирятся в суде; затягивают процесс, чтобы «оттянуть» уплату; при малой сумме иска, при наличии множества выписок плата выходит мизерной. Татищев выразил озабоченность тем, что жалованье в судах не положено, но как это должно происходить, «не определено», что порождает отказ подьячих решать частные дела под прикрытием важных государственных или требовать «не надлежащего». Татищев ссылается и на вину челобитчиков в затягивании дел: не желая платить пошлин, они «жалуются на волокиту» или, дав деньги добровольно, сообщают, «якобы у них вытеснено», а приказных за это наказывают. Все это порождает нежелание заниматься судебными делами³.

На заседании членов уральского начальства Татищев выступает инициатором совершенствования существующей судебной практики и предлагает внести изменения, которые будут способствовать уско-

³ Отсутствие у служителей судного поветья Сибирского обер-бергамта постоянного жалованья и позволение им штатами 1729 г. оставлять по 2 коп. с рубля от взятых доимочных денег, делить их между собой подтверждают сложное материальное положение этих служителей, а просьбы о переводе их в другие структурные подразделения – нежелание трудиться у судебных дел [Бородина, с. 7].

рению принятия судебных решений и большей заинтересованности судей и приказных слугителей, дадут гарантии достойной оплаты их труда, увязанной со сложностью дела и его объемом.

Оформленные по правилам коллежского делопроизводства предложения решено было направить в Сенат – высший судебный орган Российской империи – для одобрения. Возможно, Татищев надеялся и на появление законодательного акта, которым эти наработки могли быть введены на территории всей России. До мая 1735 г. – времени отсылки восьми глав Заводского устава в центр – ответа Сената еще не поступало.

Если сравнить данные об отчислениях в пользу судей и лиц при них, имевшие место в предшествующих законодательных актах, и предложения, сформулированные Татищевым, следует признать, что нововведения были продуманы до мельчайших деталей. Татищев, не любивший употреблять иностранные термины, вместо слова «акциденции» использует русское «припарки».

Конкретные суммы взимания «припарок» судьями были тщательно расписаны: за подачу челобитной, слушание допроса, улик, выписок по делу; за слушания свидетелей, подписи протокола с решением по делу; за подпись всякой справки, за проведение допроса виновного в застенке, досмотра «бою и ран». Особо оговаривались двойное жалованье за каждый день и оплата проезда, полагавшиеся судьям за выезд «для допроса или досмотра». Подробно расписывались суммы оплаты труда канцелярских служащих за подготовку каждого документа. Не был забыт и рассыльщик, которому полагались определенные суммы за доставку людей в суд с оплатой прогонов при дальних поездках. Также были учтены труд архивариуса, усилия секретаря и протоколиста, предусмотрена особая плата за подготовку описи судебного дела, за переплет дела, внесение его в реестр и т. п.

Четко формулировались требования, касающиеся оформления самого документа (письмо чистое, непространное, не менее 28 строк на листе, соблюдение размера полей в 1/12 листа), переписка испорченного документа на гербовой бумаге за счет виновного, допустившего ошибку.

Татищев предложил отчислять определенные суммы и на повседневные расходы судебных учреждений: в Екатеринбурге на «Судную канцелярию» от пошлинных и крепостных сборов – по 100 руб., в земских конторах в дистриктах – по 30 руб., остальные суммы отсылать в Сибирскую губернию⁴.

⁴ Протокол от 12 декабря 1734 г. позволяет увидеть ошибку, появившуюся при публикации текста Заводского устава. В главе, посвященной полномочиям судьи, в п. 43 читаем: «О акциденциях оному судие представлено в Сенат декабря 4 дня 1737 г.» [Заводской устав Татищева, кн. 6, с. 339]. Ошибка допущена двойная: речь могла идти о 14 декабря 1734 г., так как работа над уставом была завершена Татищевым в мае 1735 г., а 4 декабря 1734 г. «мнения» об акциденциях еще не существовало.

При публикации сплошной текст документа разделен на абзацы, расставлены знаки препинания, при этом сохранена орфография оригинала; слова, добавленные публикатором, приведены в квадратных скобках.

**1734, декабря 12. – Предложение начальника уральских заводов
В. Н. Татищева «с товарищи» о введении оплаты труда судей
и канцелярских служителей за счет акциденций в зависимости
от сумм иска, объема и разновидностей судебной документации**

(Л. 423) 1734 г., декабря 12 дня, по указу Е. И. В. в Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов действительный статский советник господин Татищев и прочие члены, рассуждая о содержании казенных и заводчиков заводов и о учреждении в делах доброго порядка и вида, что хотя в инструкции за подписанием Е. И. В. собственной руки, данной ему, действительному статскому советнику Татищеву, по 18-у пункту повелевается к каждому заводу для содержания щетов и правильных поступков определить особых шихтмейстеров, дав им инструкции, применяясь ко Учреждению саксонских и шведских заводов, да по тому ж пункту повелевается для решения между партикулярными промышленниками и мастерами, распрях в делах, принадлежащих до заводов, сочинить Устав, к которому для совета созвать самих промышленников и прикащиков, и оной Устав для разсмотрения и определения прислать к Е. И. В.

А понеже в Саксонии и Швеции во всех судах для удовольствования за труды судей и канцелярских служителей, а для уменьшения казенного жалованья и чтоб челобитчиком в делах их за труд отягчения и напрасной волокиты не было, определены по разсмотрению великости исков // (л. 423 об.) и множества письма надлежащие деньги, которыя имянуют для разности от пошлин Государем, яко вышним судия[м] принадлежащих, акциденции, то есть припарки, и оные как судьям, так и приказным служителям делят по равномерности чинов. И по тому Е. И. В. указу для сочинения означенного Устава партикулярные заводчики и прикащики съехались и сочинять начали здесь. И какие дела и примеры здесь имеются, также из Саксонского Горного устава приличное будет, то немедленно пошлется к Е. И. В.

А понеже здесь и земские управители, которые за роскладку работ, наряд работников с приписных слобод в зачет за работы и за збор не заработанных подушных [денег] жалованье получают от заводов, а при том едва не столько ж труда их в судех почитают, за которое им от заводов надлежащаго жалованья бес позволительного указа прибавить опасно, понеже в губерниях над оставшими за припискою слободами суд имеют в городех воеводы без жалованья, а ежели жалованье судьям и подьячим довольное определить, то на сделанные при заводах товары цена над меру возвысится.

И хотя в первом Уложении от царя Ивана Васильевича¹ такие акциденции или припарки судьям и приказным служителям положены были, и по Уложению Ивана Васильевича¹¹ судьям припарки и приказным положены были

по частям, с числа иска и з достоинства // (л. 424) дела, токмо оное Уложение во время царя Бориса Годунова уничтожено, во Уложенье же 7 157 году^{III} ничего о том обстоятельно не положено. В 1700 году указом блаженные и вечно достойныя памяти Е. И. В. Петра Великого при сочинении крепостной канторы надсмотрщикам за подписки, а писцам со страницы положены были деньги^{IV}.

В 1715 году с судных дел положено имать на приказные расходы и служителем: с правого – по три, с виноватого – по десяти копеек с рубля^V. Но понеже оные многим были в трудность, ибо челобитчики иногда и в великих деньгах, вошед в суд да осмотрясь, не хотя судей утруждать и в убытки входить, тотчас помирились, а с них те гривенные деньги и прежде допросов противу Уложенья правила.

Другие, видя вину свою и по многом утруждении судей не хотя платить надлежащаго, ябедническими прилоги^{VI}, дальними отстрочками и переносами суды на несколько лет оттягали и тем судящих достойной мзды лишали.

Третье некоторые малым иском стольких судей утруждают, что справок, выписок, помет и тому подобнаго более, нежели по многотысящному делу, приносят, а когда дело решится, то за труд оной тридцать или сорок копеек токмо придет.

И для того указами те деньги отставлены, а у крепостных дел за письмо и за подписку хотя и поныне берутся, да ими не делятся, и жалованья во всех // (л. 424 об.) судебных местах давать не велено, а повелено питаться от дел. Токмо какое то пропитание быть имеет, того точно указом не определено, ис которо-го происходит, что приказные служители, взяв за работу или требуя не надлежащаго, под покрытием государственных дел челобитчиков оставляют или, не видя себе никакова ис того прибытка, после обеда о тех трудиться не хотят, представляя, что они к тому по Регламенту Государственному не обязаны.

Також иногда и челобитчики, не хотя и надлежащаго дать, жалуются на волокиту или, дав малое что добровольно, потом бьют челом, якобы у них вытеснено, по которым здесь некоторые приказные служители, яко за лихоимство, наказываны. И для того здесь к судным делам никто охоты не имеет, да и от жалоб оных в Канцелярии заводского правления происходит напрасное утруждение и в нужнейших делах помешательство.

Сверх того, хотя во всех канцеляриях на приказные расходы определено некоторое число ис пошлинных и других канцелярских сборов, [а здесь губернская канцелярия как в судные канцелярии, так в крепостную кантору ничего на приказной расход не определяет, и збираемые во оных пошлинные и прочие деньги требует, чтоб посылать к ним, которые до сего времени посыланы к ним сполна, на содержание же канцелярии судьи принуждены были брать с челобитчиков или свои держать].

Того ради согласно ПРИГОВОРИЛИ: о том послать в Правительствующий Сенат доношение со мнением, // (л. 425) а во мнении написать:

1) дабы судьям земским за труд, принадлежащей к заводской помощи, жалованье давать по окладом тех мест половинное, а за судные дела для избежания от судей и челобитчиков жалоб положить припарки частию на число иска, частию – по множеству письма, и оные делить обретающимся в том суде судьям и прочим служителем, а имянно: судьям от челобитной – де-

сять копеек, от слушания всякого дела, допроса, улики, выписки и прочаго – со страницы по две [копейки], от словесного суда – то ж, что и с челобитной, – десять, от допроса словеснаго от ответчика – десять.

За свидетелей [от] каждого – пять [копеек], от решительного протокола – дватцать пять, от всякой судейской подписки, яко справка сыскная и прочее, что ему должно подписать, кроме протокола, – пять; в застенке от всего допроса – десять, досмотр бою и ран – десять копеек.

Ежели судья понужден будет куда для допроса или досмотра ехать, то повинно ему подводы по рангу и прогоны по Плакату^{VII} заплатить. И по ево рангу за всякой день жалованья вдвое.

Приказным служителем [давать] от всякой челобитной: за записку в роспись и дневальную книгу – десять копеек; за сыскную и повестку [в суд] – три, разсылщику хоженое по Уложению – пять, за дальнюю посылку – прогоны по Плакату. По поставке ответчика [дать] от записки – две, билет^{VIII} – три [копейки]; копия с челобитной, за страницу, – одна [копейка], запрос и улика, // (л. 425 об.) с черного и белого, от страницы – одна, выписку делать, за белую страницу – две копейки; а ежели указы в выписке пропишет, то за оное не платить, понеже указы имеются печатные.

Свидетелей допросы и очные ставки – против допроса ответчикова, с пытошных речей от белой страницы – две копейки, за досмотр и записку бою и ран – пять копеек. Кто приведет татя или разбойника, с приводчика ничего не брать, а брать с приведенного по указу. За выпись и список з дела, кто просить будет, от белой страницы против выписки – две копейки.

Ежели старые дела из архивы брать, архиварию за страницу особно [дать] две копейки, от приговора секретарю и протоколисту – пять копеек, от переплета решеного дела, описи и внесения в реэстр, с тетрати, – пять копеек. Сверх сего по решению всякого иска взять с виноватого по три копейки с рубля.

Опись дела повинно сочинить прежде слушания, чтоб истец и ответчик по высмотрении выписки и оное подписали, дабы впредь в приправках причин к спору не было.

Страница же разумеется обыкновенной бумаги, какая везде употребляется, письмо имеет [быть] чистое, внятное, но не пространное, а имянно: на странице не меньше дватцати восьми строк, меж статей места порозжаго не оставлять, но писать под строку. Поля оставлять от обреза // (л. 426) и от шва двенадцатая доля широты всей страницы, а ежели подьячей опискою или другим случаем бумагу гербовую испортит или, выписку сочиня неправильно, принужден будет переписывать, то должен бумагу от себя купить.

2) Чтоб на росход оных судных мест определено было из пошлиннаго и крепостнаго сбора здесь, в Судной канцелярии, по сту, в дистриктах – по тритцати рублей в год, а достальное отсылать в губернию.

В. Татищев, Андрей Хрущов, Игнатей Рудаковский.

Подлинник

[ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 423–426].

Примечания

- ^I Имеется в виду Судебник 1497 г. Ивана III.
- ^{II} Имеется в виду Судебник 1550 г. Ивана IV.
- ^{III} Соборное уложение 1649 г.
- ^{IV} Этот именной указ в ПСЗ отсутствует. В боярском приговоре от 30 апреля 1701 г. конкретизировались эти суммы. См.: [ПСЗ-1, т. 4, № 1850].
- ^V Татищев имеет в виду именной указ от 28 января 1715 г. «О жалованье Губернаторам, Вице-Губернаторам и прочим чинам и о взимании на Канцелярии от решения Гражданских дел пошлин». См.: [ПСЗ-1, т. 5, № 2879].
- ^{VI} Клевета, придумки. См.: [Даль, т. 4, с. 421].
- ^{VII} Имеется в виду «Плакат о зборе подушном и протчем» от 24 июня 1724 г., п. 7) [Российское законодательство, т. 4, с. 205].
- ^{VIII} Билет – документ с указанием даты и времени явки в суд.

Список литературы

- Астраханский В. С.* Каталог Екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева 1737 г. // Памятники культуры : Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : ежегодник. 1980. Л.: Наука, 1981. С. 12–37.
- Бородина Е. В.* Судебное повытье главного органа управления промышленностью на Урале в 1730-е – начале 1740-х гг.: штаты и организация делопроизводства // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 4 (24). Вып. 7. С. 4–10.
- ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194, 215.
- Герберштейн С.* Записки о Московии : в 2 т. М. : Памятники ист. мысли, 2008. Т. 1. 776 с.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. Т. 3. 555 с.
- Заводской устав Татищева // Горный журнал. 1831. Кн. 1. С. 1–22; Кн. 2. С. 174–197; Кн. 3. С. 332–349; Кн. 5. С. 163–179; Кн. 6. С. 331–344; Кн. 7. С. 1–14; Кн. 8. С. 145–157; Кн. 9. С. 315–328; Кн. 10. С. 1–16.
- Корсаков Д. А.* В. Н. Татищев. 1686–1750 // Русская старина. 1887. № 6. С. 563–590.
- Пензин Э. А.* Протоколы Сибирского обербергамта (1723–1734) как исторический источник // Историография и источниковедение. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1976. С. 126–139.
- ПСЗ-1. Т. 4, 5, 9.
- Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. М. : Юрилич. лит., 1984–1994. Т. 4. 512 с.
- Сафронова А. М.* В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 552 с.
- Сафронова А. М., Порунов М. В.* Документирование деятельности коронной администрации в Заводском уставе В. Н. Татищева 1735 г. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 15. С. 288–311.
- Судебник государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича, и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. М. : Имп. ун-т, 1768. [4], 138, [14] с.
- Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л. : Наука, 1979. 464 с.

- Татищев В. Н.* Записки. Письма. 1717–1750 гг. М. : Наука, 1990. 440 с.
- Шмидт С. О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М. : РГГУ, 1997. 612 с.
- Herberstein S. von.* Moscoviter wunderbare Historien... Basel : Brillinger & Russinger, 1567. 246 S.

References

- Astrakhanskii, V. S. (1980). Katalog Ekaterinburgskoi biblioteki V. N. Tatishcheva 1737 g. [Catalogue of the Yekaterinburg Library of V. N. Tatishchev, 1737]. In *Pamyatniki kul'tury. Noveye otkrytiya. Pis'mennost'*. *Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik*. Leningrad, Nauka, pp. 12–37.
- Borodina, E. V. (2018). Sudebnoe povyt'e glavnogo organa upravleniya promyshlennost'yu na Urale v 1730-e – nachale 1740-kh gg.: shtaty i organizatsiya delo-proizvodstva [Judicial Retribution of the Main Industrial Management Body in the Urals between the 1730s and Early 1740s: Staff and Organisation of Office Work]. In *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. No. 4 (24). Iss. 7, pp. 4–10.
- Dahl, V. (1956). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. 4 Vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. Vol. 3. 555 p.
- GASO* [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 24. List 12. Dos. 194, 215.
- Herberstein, S. (2008). *Zapiski o Moskovii v 2 t.* [Notes about Muscovy. 2 Vols.]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. Vol. 1. 776 p.
- Herberstein, S. von. (1567). *Moscoviter wunderbare Historien...* Basel, Brillinger & Russinger. 246 S.
- Korsakov, D. A. (1887). V. N. Tatishchev. 1686–1750 [V. N. Tatishchev. 1686–1750]. In *Russkaya starina*. No. 6, pp. 563–590.
- Penzin, E. A. (1976). Protokoly Sibirskogo oberbergamta (1723–1734) kak istoricheskii istochnik [Protocols of the Siberian Oberbergamt (1723–1734) as a Historical Source]. In *Istoriografiya i istochnikovedenie*. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 126–139.
- PSZ* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 4, 5, 9.
- Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. v 9 t.* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. 9 Vols.]. (1984–1994). Moscow, Yuridicheskaya literatura. Vol. 4. 512 p.
- Safronova, A. M., Porunov, M. V. (2015). Dokumentirovanie deyatelnosti koronnoi administratsii v Zavodskom ustave V. N. Tatishcheva 1735 g. [Documentation of the Activities of the Crown Administration in the Factory Charter of V. N. Tatishchev, 1735]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Iss. 15, pp. 288–311.
- Safronova, A. M. (2012). *V. N. Tatishchev i biblioteki rannego Ekaterinburga: opyt istoricheskoi rekonstruktsii* [V. N. Tatishchev and Libraries of Early Yekaterinburg: An Attempt at Historical Reconstruction]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 552 p.
- Schmidt, S. O. (1997). *Put' istorika. Izbrannye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii* [The Way of the Historian. Selected Works on Source Studies and Historiography]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 612 p.
- Sudebnik gosudarya tsarya i velikago knyazya Ioanna Vasil'evicha, i nekotorye sego gosudarya i blizhnikh ego preemnikov ukazy, sobrannye i primechaniyami iz "yasnennye pokoinym tainym sovetnikom i astrakhanskim gubernatorom Vasil'em Nikitichem Tatishchevym* [Judicial Code of the Sovereign of the Tsar and Grand Duke Ioann Vasilievich, and Some of the Sovereign and His Close Successors' Decrees, Collected and Explained by the Late Privy Councillor and Astrakhan Governor Vasily Nikitich Tatishchev]. (1768). Moscow, Imperatorskii universitet. [4], 138, [14] p.

Tatishchev, V. N. (1979). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Nauka. 464 p.

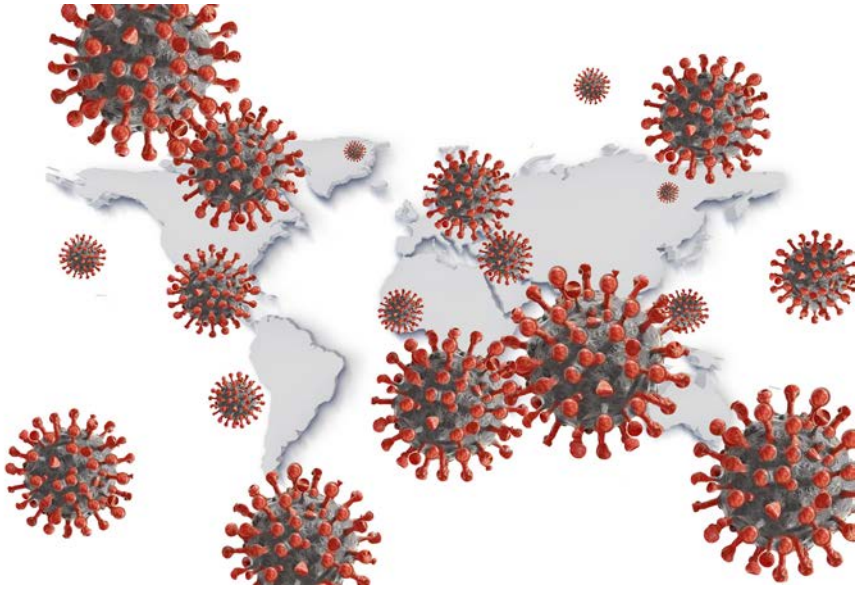
Tatishchev, V. N. (1990). *Zapiski. Pis'ma. 1717–1750 gg.* [Notes. Letters. 1717–1750]. Moscow, Nauka. 440 p.

Zavodskoi ustav Tatishcheva [Tatishchev's Factory Charter]. (1831). In *Gornyi zhurnal*. Book 1, pp. 1–22; Book 2, pp. 174–197; Book 3, pp. 332–349; Book 5, pp. 163–179; Book 6, pp. 331–344; Book 7, pp. 1–14; Book 8, pp. 145–157; Book 9, pp. 315–328; Book 10, pp. 1–16.

The article was submitted on 04.04.2020

Dialogus

Dialogus

**COVID-19:
КАТАСТРОФА В ЯЗЫКОВОМ ИЗМЕРЕНИИ
РАЗНЫХ СТРАН***

**COVID-19:
A DISASTER IN THE LINGUISTIC DIMENSION
OF DIFFERENT COUNTRIES**

Covid-19 is highly relevant in 2020; among other things, it is attracting new global socio-communicative and linguistic research. Scholars are addressing the linguistic response to the social and psychological situation in different countries in the era of coronavirus. Thus, the Editorial Board has created a forum for specialists to communicate (in writing), one which makes it possible to provide information about their sources on Covid-19 and illustrate theoretical materials. The participants chose to analyse different aspects of language during the pandemic; medical terminology and its relevant vocabulary were the same for all countries. The conversation goes beyond the scope of linguistics, as it is important for the researchers to characterise measures taken by governments to combat Covid-19 and the public's reaction to them as reflected through language. Additionally, the authors focus on spontaneous linguistic responses to the pandemic in the form of language games, metaphors, and references to historical memory of combatting disasters. The pandemic has also caused long-standing forms of speech communication to change. Researchers from different European countries have taken part: *Arto Mustajoki* (University of Helsinki, Finland); National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia), *Nadezjda Zorikhina Nilsson* (Stockholm University, Sweden), *Rafael Guzman Tirado* (University of Granada, Spain), *Anna Tous-Roviroso* and *Daria Dergacheva* (Autonomous University of Barcelona, Spain). The conversation was moderated by *Irina Vepreva* and *Tatiana Itskovich* (Ural Federal University Yekaterinburg, Russia).
Keywords: pandemic; Covid-19; speech communication; media; language reality.

Тема Covid-19, актуальная для этого года, обретает новые грани как исследовательская проблема мирового масштаба в социокоммуникативном и лингвистическом аспектах. Исследователи обращаются к проблеме язы-

* *Citation:* Mustajoki, A., Zorikhina Nilsson, N., Tous-Roviroso, A., Guzman Tirado, R., Dergacheva, D., Vepreva, I., Itskovich, T. (Part.). (2020). Covid-19: A Disaster in the Linguistic Dimension of Different Countries. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1369–1390. DOI 10.15826/qr.2020.4.533.

Цитирование: Covid-19: A Disaster in the Linguistic Dimension of Different Countries / A. Mustajoki, N. Zorikhina Nilsson, A. Tous-Roviroso, R. Guzman Tirado, D. Dergacheva, I. Vepreva, T. Itskovich // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1369–1390. DOI 10.15826/qr.2020.4.533 / Covid-19: катастрофа в языковом измерении разных стран / А. Мустайоки, Н. Зорихина-Нильссон, А. Тус-Ровиросо, Р. Гусман Тирадо, Д. Дергачева, И. Вепрева, Т. Ицкович // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1369–1390. DOI 10.15826/qr.2020.4.533.

© Мустайоки А., Зорихина-Нильссон Н., Гусман Тирадо Р., Тус-Ровиросо А., Дергачева Д., Вепрева И., Ицкович Т., 2020

кового реагирования на социально-психологическую обстановку, сложившуюся в разных странах в эпоху коронавируса. Объективные обстоятельства современного общения заставляют научное сообщество искать новый формат обсуждения насущных проблем. Предложенная редколлегией журнала форма письменного диалога позволяет как привести информацию об источниках высказываний о коронавирусе, так и подкрепить теоретические положения ссылками на научные изыскания. Участники дискуссии выбрали различные аспекты анализа языкового существования в период пандемии. В поле наблюдений были включены вопросы, связанные с лексиконом дискурса пандемии, который носит глобальный характер: медицинская терминология и актуальная лексика оказались общими для всех стран. Разговор выходит за рамки лингвистического обзора, поскольку важно было охарактеризовать действия правительства по борьбе с коронавирусом и общественную реакцию на эти действия, отраженную в языковых явлениях. В стороне не осталось обсуждение стихийно складывающейся языковой реакции на пандемию, выраженной в фактах языковой игры и метафоры, а также обращения к исторической памяти народа о противостоянии бедствиям. Пандемия оказала влияние и на устоявшиеся формы речевой коммуникации. В обсуждении приняли участие исследователи из разных стран Европы: *Арто Мустайоки* (А. М.; Хельсинкский университет, Финляндия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия)¹, *Надежда Зорихина-Нильссон* (Н. З.-Н.; Стокгольмский университет, Швеция), *Рафаэль Гусман Тирадо* (Р. Г.-Т.; Гранадский университет, Испания), *Анна Тоус-Ровироза, Дарья Дергачева* (А. Т.-Р., Д. Д.; Свободный университет Барселоны, Испания). Модераторами обсуждения стали *Ирина Вепрева* и *Татьяна Ицкович* (И. В., Т. И.; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)².

Ключевые слова: пандемия; Covid-19; речевая коммуникация; средства массовой информации; языковая реальность.

И. В. Язык, как чуткий барометр, реагирующий на внелингвистические факторы, фиксирует сложившуюся в мире ситуацию, связанную с пандемией коронавируса. 22 сентября 2020 г. на заседании сессии Генеральной Ассамблеи генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш уподобил пандемию всаднику апокалипсиса. «Мы столкнулись одновременно с эпохальным кризисом здравоохранения и крупнейшей экономической катастрофой... а также с новыми угрозами правам человека», – подчеркнул он [Генсек ООН назвал пандемию коронавируса «пятым всадником апокалипсиса»]. Дискурс пандемии оценивает современное состояние общественно-пространства в терминах опасностей и угроз. Языковая фикса-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

² Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006. Выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

ция этой коннотации позволяет составить представление об общем социально-психологическом фоне текущего времени.

В ходе диалога постараемся представить широкомасштабную картину языковой реальности разных стран в эпоху пандемии. Первый вопрос, который поставим на обсуждение, это взаимодействие власти и населения, реагирование властей на положение дел.

А. М. В Финляндию коронавирус пришел чуть позже, чем в страны Южной и Центральной Европы. Первые экстремальные меры против его распространения были приняты в середине марта: были закрыты школы, введены ограничения в работе ресторанов, запрещены посещения больниц и домов престарелых, проведение крупных мероприятий и т. п. В конце марта на полтора месяца изолировали южную провинцию Уусимаа, в которой находится Хельсинки, от других частей страны, поскольку основная масса заболевавших оказалась там.

Кризис, вызванный мировой пандемией, изменил не только ежедневную жизнь людей, но и их представления о мире и базовых ценностях, о том, что могут и должны сделать правительство и парламент в сложившейся ситуации. Народ поддержал жесткую политику властей, многие выступали даже за большее ужесточение мер по борьбе с коронавирусом.

Особую роль в борьбе с пандемией сыграли молодые женщины, входящие в состав правительства, – премьер-министр и четыре министра коалиционного правительства. Эта пятерка женщин (*naisviisikko*) начала работать с лета 2019 г. и сразу встретила с таким грозным врагом. Многие финны внимательно следили не только за ходом распространения эпидемии, но и за тем, как правительство справляется с ситуацией. В течение первых трех месяцев министры ежедневно выступали по телевизору, объясняя общую ситуацию и принятые стратегии. Основная информация давалась в Интернете на многих языках: кроме финского, шведского и английского, в частности, сообщения шли на русском и сомали.

И. В. В сентябре 2020 г. представитель ВОЗ Дэвид Набарро назвал Швецию образцом правильной борьбы с ковидом-19. По его словам, «в Швеции правительство оказалось способно довериться обществу, а общество смогло довериться правительству» [В ВОЗ поставили в пример стратегию Швеции по коронавирусу]. Так ли это?

Н. З.-Н. В Швеции, в отличие от большинства стран мира, не были приняты жесткие меры по введению ограничений в период продолжающейся коронавирусной пандемии. Первые случаи заражения были официально отмечены в конце января 2020 г. С 12 марта был введен запрет на проведение массовых мероприятий, превышающих количество участников в 500 чел., а позднее, в конце месяца, эта циф-

ра была снижена до 50. В середине марта все высшие учебные заведения и старшекласники перешли на дистанционные формы обучения, однако детские сады и школы до девятого класса включительно продолжали и продолжают работать как обычно. Магазины и рестораны не были закрыты, но везде было рекомендовано соблюдать социальную дистанцию.

Основной целью шведской стратегии было замедлить распространение коронавируса и уменьшить нагрузку на больницы и другие медицинские учреждения. Население должно было с полной ответственностью подойти к рекомендациям властей и добровольно следовать им: оставаться дома при малейших симптомах болезни, мыть руки и соблюдать дистанцию. Всеобщий масочный режим в Швеции введен не был.

Отказ от жестких мер, полного карантина, локдауна вызвал повышенный интерес к Швеции не только у ближайших стран-соседей, но и во всем мире. Вне Швеции, в частности в России, шведская стратегия по борьбе с коронавирусной инфекцией получила название «шведского эксперимента», особого «шведского пути» (РИА «Новости». 15.05.2020), а экономический термин «шведская модель» приобрел новое наполнение, обозначая шведскую линию по борьбе с ковидом (Новая газета. 02.04.2020).

В начале мая количество умерших от ковид-19 приблизилось к 3 тыс. чел., причем, согласно официальной статистике, трое из четверых старше 70 лет жили в домах престарелых или получали муниципальную помощь на дому (Svenska Dagbladet. 06.05.2020). Комментируя эти цифры на очередной ежедневной пресс-конференции, главный эпидемиолог Швеции Андерс Тегнелл констатировал, что страна достигла «ужасающе большого числа» умерших от коронавируса (*”ett förskräckligt stort antal”*), однако никаких новых дополнительных рекомендаций или требований к действиям работающих в сфере ухода за престарелыми не появилось. «Мы верим в действие принимаемых мер и, возможно, еще больше будем подчеркивать их важность. В основе своей они касаются базальных принципов охраны здоровья, остановки распространения вируса и прекращения работы в случае болезни. Мы также дополнительно разработали руководство по улучшению методов работы по предотвращению распространения инфекции», – отвечал на критику А. Тегнелл (Ibid.).

В самой Швеции выбранная стратегия с самого начала пользовалась почти всеобщей поддержкой. Чувство сплоченности перед общей угрозой здоровью всей нации, а также доверие к действиям властей, защищающих своей стратегией общедемократические ценности, свободу передвижения, породили особый тип патриотизма. В шведском языке появилось новое слово, обозначающее это понятие, – *folkhälsonationalism* (букв. folk (народ) + häls- (корень 'здоров'-) + o + *nationalism* (национализм) (Svenska Dagbladet. 27.03.2020). К этому

слову-концепту добавились и его синонимы *coronanationalism* («коронанационализм») и *coronapatriotism* («коронапатриотизм»). Сторонники выбранной линии борьбы с пандемией, основанной на принципе добровольности и на осознании взаимозависимости своего и коллективного блага, стали называться *coronapatrioter* («коронапатриоты») (Dagens Nyheter. 14.05.2020), а противники официальной стратегии в дискуссиях о правильности выбранного пути стали относиться к *coronaopposition* («коронаоппозиции») (Svenska Dagbladet. 01.08.2020). Тот, кто не следует советам и рекомендациям властей и экспертов, должен испытывать стыд. К уже известному новому композиту-концепту *flygskam* ('стыд от полетов', 'летать стыдно') со вторым корнем *skam* («стыд») добавился еще один – *coronaskam* (букв. 'коронастыд'; стыд от невыполнения рекомендаций по борьбе с коронавирусом).

По мере того, как показатели смертности от коронавируса росли на протяжении марта-апреля, почти всеобщее одобрение выбранной стратегии стало сменяться все возрастающей критикой. В течение нескольких дней в апреле в стране был зарегистрирован самый высокий показатель смертности – более ста умерших от коронавируса за день. Доверие к действиям «Управления по охране здоровья населения» (*Folkhälsomyndigheten*, далее – УОЗН) за период с апреля по июнь снизилось от 69 до 57 % (Dagens Nyheter. 01.07.2020). В начале июля оппозиция потребовала создания комиссии по расследованию действий правительства, региональных и местных властей в борьбе с коронавирусной инфекцией, которая в феврале 2022 г. должна будет представить итоговый отчет. В апреле Швеция прошла пик смертности: количество случаев заражения и гибели значительно снизилось в течение лета 2020 г. То, как ситуация будет развиваться дальше, покажет будущее, однако, как иронически отметила журналист центральной газеты Эрика Трейс, комментируя большое количество умерших, «было бы наивным верить в то, что это не повлияет на взгляды людей на наше ранее так восхвалявшееся немного самодовольное сине-желтое строение на окраине Европы» (Svenska Dagbladet. 31.07.2020).

И. В. Известно, что сфера государственной системы – это область жесткого социального контроля, при этом эвфемизация в языке является стратегией уклонения от истины, создания необходимого общественного мнения. На начальном этапе пандемии российское правительство в попытках снизить уровень тревожности ввело в общественный лексикон лексему *каникулы* наряду со словом *карантин*. Речь шла о *налоговых* и *ипотечных каникулах*, о *внеочередных каникулах школьников*. Психологи через СМИ давали советы: *Исключите на время из своей речи такие понятия, как самоизоляция, карантин, ограничения, вирус и т. д. Замените их более приятными словами: каникулы, длинные выходные, отпуск, спокойный отдых* (Губернские ведомости (Южно-Сахалинск). 02.04.2020).

Новый эвфемизм, с одной стороны, был понят буквально: в первые выходные нерабочей недели многие выезжали за город, жарили шашлыки, гуляли в парках, беседовали на лавочках. С другой – эвфемистическая мистификация породила новоизобретенное ироническое слово *карантикулы*: *Объявленные президентом нерабочие дни народ уже окрестил карантикулами – одновременно и карантинном, и каникулами* (Коммерсантъ. 21.04.2020). Наблюдается расширение сочетаемости лексемы *каникулы*: *предприятия уходят на вынужденные каникулы; российский футбол не хотел уходить на принудительные каникулы; в вузе введены «технические каникулы»*.

Н. З.-Н. Интересно рассмотреть официальный дискурс – язык текстов, устных и письменных, который используют шведское правительство, местные органы власти и представители здравоохранения при общении с нацией. В информации о пандемии коронавируса, публикуемой на официальном сайте УОЗН, при обращении к организациям и индивидуальным лицам сообщается о том, что для сдерживания пандемии применяются как правила, привязанные к шведскому законодательству (*legalt bindande regler*), так и рекомендации властей (*myndighetsrekommendationer*).

Приведу ряд ключевых слов, с помощью которых выражается речевая функция побуждения в официальном языке. Они обозначают:

– Запрещение. Например, *förbud* (запрет): *förbud mot allmänna sammankomster med fler än 50 personer, besök på äldreboenden och trängsel på restauranger* («запрет на публичные встречи и собрания более чем в 50 человек, на посещение домов престарелых и на тесное скопление людей (букв. – толчею) в ресторанах»); *inreseförbud* («запрет на въезд»); *tillfälligt inreseförbud till Sverige till och med den 31 augusti* («временный запрет на въезд в Швецию до 31 августа»).

– Совет, предостережение. К ключевым словам относятся существительные *råd* («совет»), *rekommendation* («рекомендация») и *avrådan* (букв. ‘от-совет’; совет воздержаться от чего-л., предостережение), глаголы *rekommendera* («рекомендовать») и *avråda* (букв. ‘отсоветовать’; ‘советовать не делать что-л.’, ‘предостерегать’). Слова *rekommendation* («рекомендация») и *råd* («совет») употребляются, как правило, синонимически. Так, в кратком информационном листке на русском языке на сайте УОЗН эти рекомендации перечисляются списком под названием «Семь простых советов, как защитить себя и других».

Интересен также выбор конструкции, в которой формулируется отношение УОЗН к ношению защитных масок: *Folkhälsomyndigheten avstår från att rekommendera allmänheten munskydd* (УОЗН, букв. ‘**воздерживается** рекомендовать общественности’ защитные маски). Выбор глагола с отрицанием *rekommenderar inte* («не рекомендует») обозначил бы более четкую позицию властей в вопросе, который не-

однократно обсуждался как специалистами, так и в шведских СМИ, разделив участников дискуссии на сторонников и противников ношения масок.

– Побуждение, просьба. Отдельно можно выделить глагол *upprmana*, обозначающий побуждение. Как правило, это сильное побуждение, которое может исходить от говорящего с позиции власти, хотя последнее не всегда обязательно [Svensk ordbok]. На русский язык этот глагол переводится словами следующего синонимического ряда: *призывать/призвать, побуждать/побудить, уговаривать, убедить*. Интересно отметить, что ситуация побуждения в официальном регистре, в которой используется этот глагол, на русском языке оформляется, как правило, глаголом *просить*, то есть речевым актом просьбы. Ср.: *de resande upprmanas att...* («пассажиров [убедительно] просят» + inf., «к пассажирам [убедительная] просьба» + inf.) [Marklund-Sharapova et al.]. Глагол *upprmana* («призывать», «убедительно просить») можно, например, встретить на сайте УОЗН в обращении к лицам, находящимся в группе риска, и к пожилым людям: *Särskilda riskgrupper, inklusive personer som är 70 år och äldre, upprmanas att undvika nära kontakter med andra och att undvika platser där många människor samlas* («**Убедительно просим** лиц, относящихся к особым группам риска, включая людей в возрасте 70 лет и старше, избегать близких контактов с другими, а также посещения мест, где собирается много людей»).

В шведской стратегии борьбы с пандемией присутствуют не только общие побуждения, советы и рекомендации, но и запреты и связанные с ними требования соблюдать правила, предписания, привязанные к законодательству. Вторжение официального языка в každодневную жизнь, его постоянное экспонирование на пресс-конференциях УОЗН, в языке шведских СМИ породили вполне обоснованную неуверенность в законодательной и – шире – юридической силе предлагаемых действий, в особенности тех, которые называются словами, имеющими обычные значения в шведском лексиконе. Язык властей неоднократно подвергался критике за его нечеткость. «Когда представители органов власти обращаются к нам со словами *upprmana* (“призывать”, “просить”), *vädja* (“взывать”, “умолять”), *rekommendera* (“рекомендовать”), что все эти слова значат на самом деле?» – спрашивают журналисты шведского телевидения (Sveriges Television. 04.04.2020). Ответ специалистов, врача Анны Нергорд и преподавателя шведского языка Стокгольмского университета Лены Линд Палицки, однозначен – слово *rekommendation* («рекомендация») является самым сильным, которое органы власти могут использовать, не имея опоры в законе или даже в законопроекте (Ibid.).

В ситуации пандемии, когда совет и рекомендация даются государственными органами, имеющими безусловный авторитет для исполнителя, происходит прагматическое усиление признака обяза-

тельности выполнения действия: *рекомендации* (*rekommendationer*) приравниваются к *требованию* (*krav*), при котором «в идеале ожидается беспрекословное исполнение Слушающим воли Говорящего» [Функциональный синтаксис русского языка, с. 260]. На сайте УОЗН речь идет о возможности для родственников посещать своих близких в домах престарелых в том случае, если родственники смогут показать результаты тестов на наличие у них антител: *Men på provsvaren framgår inte om testen gjorts enligt FHM: s rekommendationer – ett krav för att få komma in på boenden* («Но из результатов не следует, сделаны ли тесты согласно **рекомендациям** УОЗН – **требованию** для посещения этих домов», Svenska Dagbladet. 16.07.2020).

Обращают на себя внимание и конструкции, в которых в официальном стиле употребляются слова синонимического ряда «совет». Советы и рекомендации *отменяют* (*håva, upphåva; lyfta, lyfta av, букв. 'снять'*) так же, как правила и законы. Так, в июне УОЗН отменило свою рекомендацию о дистанционном обучении для учеников 10-го класса и старше: *I juni lyfte Folkhälsomyndigheten sin rekommendation om distansundervisning i gymnasiet...* (Dagens Nyheter. 19.06.2020), а с 31 июля МИД отменил рекомендацию воздержаться от посещения еще нескольких стран: *...häver Utrikesdepartementet sin reseavrådan för ytterligare länder.* (Dagens Nyheter. 30.07.2020). Советы могут так же, как и законы, прекратить свое действие: *Sedan den 13 juni gäller inte längre avrådan från resor inom Sverige* («С 13 июня рекомендация/совет воздержаться от поездок по Швеции больше не действует») [Regeringskansliet].

Жители Швеции и иностранцы, планирующие туда свои поездки, должны быть внимательны к практическому толкованию обычных шведских слов *råd, rekommendation, avrådan* («совет» и «рекомендация») различными организациями: они также оказываются в плену официального шведского языка, который посредством лексико-семантической сочетаемости включает эти слова в ассоциативный ряд со словами, относящимися к законодательству. Нарушение законов ведет к судебной ответственности, что не распространяется на невыполнение рекомендаций и советов, однако конструкции самого языка говорят об обратном, поэтому критика нечеткости языка властей представляется более чем обоснованной.

A. T.-R., D. D. At the beginning of Covid-19, there was six weeks of full lockdown in Spain, which was the strictest in Europe; in March 2020, the Spanish government launched a campaign aimed to inform and sensitise the country's population with respect to the new phenomenon of the pandemic. On 15 March 2020, all the major Spanish newspapers were published with the same first page cover: *Este Virus Lo Paramos Unidos* ("United, we will stop this virus").

It is not a novelty for the Spanish government to use hashtags in their campaigns. Both political parties – the far-right Vox, who has been especially active in these terms, and the socialist coalition government in power (PSOE and Unidas Podemos) – have used them extensively beforehand (e. g. #PedroSánchezPresidente; or #investidurasanchez and #EspañaExiste, to name a few [Ortega]). The campaign with the hashtag #EsteVirusLoParamosUnidos was initially a press campaign: it appeared in the most popular Spanish and Catalan newspapers (*El País*, *El Mundo*, *ABC*, *La Razón*, *La Vanguardia*, and *El Periódico*, among others), as well as in some newspapers from other Spanish-speaking countries in Latin America, such as Argentina, Peru, Puerto Rico, and Mexico.

The campaign was initiated by the Sanitary Ministry of Spain. The “Kitchen” advertising agency was responsible for its creation and implementation, and the campaign used both traditional sources (mass media, posters) as well as digital ones, including its own website, *Facebook*, *Telegram*, *YouTube*, and *Twitter*. According to the newspaper *El Confidencial*, the cost of the campaign was 4.5 million euros.

A team of researchers from the Autonomous University of Barcelona have gathered data from Spanish Twitter when the epidemic was at its peak: 30 March – 2 April 2020. The number of deaths from Covid-19 during this period reached 950 a day on 2 April, according to RTVE [RTVE].

The official press conferences covering the Covid-19 pandemic in Spain often used combat-loaded or military rhetoric, aiming to hit ‘contra el coronavirus’, or ‘against the coronavirus’, and this strategy has already been criticised by some scholars [Costa-Sánchez, López-García]. As López-García (2020, 9) [López-García] states, “The war-like language and the presence of [military] uniforms on the news and during press conferences clearly showed the government’s intention: this is war”. According to these authors, the military metaphors were supposed to play well due to the fact that the armed forces have a better public image than the government or politicians. In this research, using automated text analysis, we looked at whether this also happened on Twitter.

Automated text analysis comes from the field of computational linguistics and refers to a set of techniques that use the power of artificial intelligence to answer social science questions [Carley; Weber; Humphreys, Jen-Hui Wang]. The language that we analyse in this research interests us as a construct (in our case – military-like rhetoric): computers were used to measure such constructs, provide systematic comparisons and sometimes find patterns that neither human researchers nor subjects of the research can detect [Humphreys, Jen-Hui Wang]. We used the Netlytic online service to gather data [Gruzd, Tsyganova] and WordStat software to perform computational content analysis [Davi et al.]. The analyses were based on data sets of publicly available tweets with the hashtag collected between 31 March and 4 April 2020. The sample included a total of 398,523 tweets in four data sets. With the help of WordStat, we investigated the

frequency of word usage and the co-occurrences of words in the tweets (that is, when the analysed words repeatedly appear together in the same paragraphs).

И. В. Борьба с пандемией не могла не отразиться на пополнении словарного запаса языков. Кроме того, происходит актуализация узусных слов и выражений, используемых в речевой коммуникации, связанной с коронавирусом. Здесь мы наблюдаем много общего между разными языками, что требует обсуждения.

Р. Г. Т. Испанский язык не является исключением из этого правила. Такие слова, как *pandemia* («пандемия»), *epidemia* («эпидемия»), *cuarentena* («карантин»), *confinación* («ограничительные меры») или *coronavirus* («коронавирус»), являются самыми высокочастотными среди всех вводимых в поисковую строку браузера в Интернете. С большой степенью вероятности можно утверждать, что слово *coronavirus* прочно вошло в наш лексикон. Всем стала известна этимология слова: номинация возникла на основе сходства контуров вируса с солнечной короной. Это общее название, взятое из латыни и зафиксированное в словарях медицинских терминов.

Кроме этого термина, пандемия породила много слов, которые, скорей всего, будут зафиксированы в словаре испанского языка. Их фиксация будет зависеть от решения Королевской академии (RAE). Ее отчет показывает, что онлайн-словарь получил с начала пандемии до конца мая более 100 млн запросов по поводу самых востребованных слов: это *cuarentena* («карантин»), *pandemia* («пандемия»), *confinamiento* («ограничительные меры»), *contingencia* («непредвиденные обстоятельства»), *moratoria* («мораторий»), которые в интернет-поиске встречаются рядом с медицинскими терминами *asintomático* («бессимптомный»), *contagio* («заражение»), *intubación* («интубация»). Рядом с этой лексикой идут другие, более конкретные слова, такие как *máscara* («маска»), *médico* («врач»), а также слова с негативной и позитивной коннотацией: *inocuo* («безобидный»), *solidaridad* («солидарность»), *esperanza* («надежда»), *altruismo* («альтруизм») или *resistencia* («сопротивление»).

В испаноговорящем мире, состав которого в настоящее время насчитывает почти полмиллиарда человек, за состояние и судьбу языка отвечают так называемые академии языка. В каждой испаноговорящей стране имеется одна академия. В Испании эту роль выполняет Испанская королевская академия (RAE), основанная в 1713 г. Она среагировала с редкой быстротой на сложившуюся ситуацию и дала несколько советов, как использовать все термины, связанные с вирусной пневмонией. ВОЗ предложила сокращение COVID-19 («коронавирус» + «болезнь» + [20]19). Ученые советуют говорить не о ковиде-19, а о КОВИДЕ-19. Аббревиатура COVID-19, называющая

заболевание, вызванное SARS-CoV-2, обычно используется в мужском роде (COVID-19) под влиянием единиц, номинирующих ряд коронавирусов и других вирусных заболеваний. Узуальное использование формы женского рода (la COVIDARUM-19) объясняется тем, что *enfermedad* («болезнь», англ. 'disease') является ядром аббревиатуры (CORonaVirus Disease).

Королевская академия советует писать единицу прописными буквами, поскольку это «недавно созданная аббревиатура, еще не лексикализованная» [RAE], хотя, если она станет общим названием болезни, ее следует писать строчными буквами. Она также уточнила, что «коронавирус» пишется одним словом и с начальным регистром, если он используется в качестве общего названия вируса или заболевания, но возможна и форма множественного числа существительного – *коронавирусы*. Академики RAE также подчеркивают избыточность словосочетания *глобальная пандемия*, поскольку сам термин *пандемия* уже определяет масштабность распространения болезни.

Термин *коронавирус* пока не обнаружен в последнем обновлении *Diccionario de la Lengua Española* (DLE), но уже предложен для последующего включения.

А. М. Для финского языка свойственна легкость составления сложных слов. Активное распространение получили такие слова, как *koronaepidemia* («эпидемия»), *koronapandemia* («пандемия»), *koronavirus* («вирус») и *koronakriisi* («кризис»). Эти единицы могут употребляться и без первой части (*epidemia*, *pandemia*, *virus*, *kriisi*) с таким же значением. Из них слово *pandemia* встречалось редко, практически только в самом начале, когда ВОЗ объявила, что эпидемия стала пандемией. К тому же само слово *korona* может иметь значение «кризис» или «эпидемия».

В финском языке слово *korona* не имеет значения головного убора монарха (это по-фински *kruunu*), зато обозначает игру, похожую на бильярд, которая лет 30–50 назад в Финляндии была весьма популярной. Удивительно, но во время карантина люди стали снова играть в нее.

Как показано в работах [Мустайоки, Стексова; Viimaranta, Mustajoki], роль агенса легко приобретают нестандартные субъекты. Это касается и слова *korona*. При употреблении оно обозначает не сам вирус, а ситуацию, вызванную им. Некоторые примеры: *Korona aiheuttaa lähivuosina yhden prosenttiyksikön korotuspaineen eläkemaksuihin* («Корона вызывает потребность повысить пенсии на один процент»); *Korona tekee meistä pyhimyksiä tai paholaisia* («Корона делает из нас святых и дьяволов»); *Korona tekee ison loven erityisestі nuorten naisten talouteen* («Корона делает большие дыры, особенно в бюджете молодых женщин»).

Эпидемия породила десятки других новых слов с первой частью *korona*. Многие из них – нейтральные слова официальной речи, встре-

чающиеся также в обиходном общении: *koronarokote* («вакцина»), *koronakuolema* («смерть»), *koronaongelma* («проблема»), *koronatesti* («тест»), *koronatilastot* («статистика»), *koronatieidot* («данные»), *koronakaranteeni* («карантин»), *koronalääke* («лекарство»), *koronamaski* («маска»), *koronatilanne* («ситуация»), *koronapotilas* («пациент»), *koronastrategia* («стратегия»), *koronalähde* («источник» [заражения]), *koronapiikki* или *koronahuippu* (пик числа заболевших вирусом). Появились слова, обозначающие «коронное время» (*korona-aika*): *koronakevät* («весна»), *koronakesä* («лето»), *koronakuukausi* («первый месяц»). Если в коммуне появилось первое заражение от вируса, она стала *koronapitäjä*, если человек убежал из Хельсинки в провинцию, стараясь избежать «короны», он стал *koronapakolainen* («беженец»).

Негативные последствия, непропорциональные регуляционные меры или неправильную, по мнению говорящего, информацию характеризуют словами *koronapaniikki* («паника»), *koronahysteria* («истерия»), *koronavalhe* («ложь»), *koronaskandaali* («скандал»), *koronapelko* («страх», «боязнь»), *koronasotku* («беспорядок», «неразбериха»). Резко жаргонное слово *koronakusetus* встречается только в соцмедиа. Оно обозначает «блеф», «фальшь», «фуфло», имеется в виду, что вся история с коронавирусом – это большой обман властей, которые реализуют свои тайные замыслы.

В некоторых сложных словах содержатся достаточно широкие понятия, например, *koronavelka* обозначает государственный заем, который берется для покрытия расходов, вызванных пандемией; *koronatuki* – государственная поддержка, которая оказывается фирмам и организациям. Слово *koronakuri* (досл. ‘коронная дисциплина’) означает соблюдение инструкций властей. Интересно описательное слово, которое встречается как в соцмедиа, так и в более официальных текстах, – *koronalinko* (или *viruslinko*). Вторая часть слова *linko* в прямом значении имеет в русском языке три эквивалента: *праща*, *сушилка белья с центрифугой* и *центрифуга*. Метафорическое употребление слова дает представление о человеке или месте, эффективно распространяющих вирус вокруг себя. Сам человек – *supertartuttuja*, своего рода «суперзаражатель».

В финском языке возможны сложные слова, состоящие из трех и более частей, например, *koronavirustartuntarypäs* звучит по-фински вполне нормально. Кроме элементов «корона» и «вирус», в слове содержатся еще два – *tartunta* («заражение») и *rypäs* («пучок»). В итоге формируется значение: совокупность (группа) людей, внутри которой особенно много заражений коронавирусом.

Н. З.-Н. Пандемия коронавируса актуализировала в шведском языке менее частотные слова и словосочетания, которые раньше употреблялись большей частью в научном стиле. Приведу несколько примеров.

Одной из основных мер по борьбе с пандемией в Швеции является стабилизация роста количества зараженных, выведение его на плато, отсюда все понимают, что важным оказывается *выровнять кривую роста* (*plana/platta ut kurvan*). Приобретение *стадного иммунитета* (*flockimmunitet*) никогда не являлось конечной целью шведской стратегии – целью, которой необходимо достичь любой ценой, как неоднократно заявлялось в ряде зарубежных СМИ, это лишь идеальный сценарий развития пандемии. Так как *заражение* коронавирусом происходит *воздушно-капельным путем* (*droppsmitta*), то важно соблюдать *социальную дистанцию* (*social distansering*). По поводу слова *социальный*, этой кальки с английского языка (*ср. англ. 'social distancing'*), высказывались различные точки зрения. Так, ведущая рубрику «Шведский язык» в газете *Svenska Dagbladet* Лина Линд Палицки считает, что наиболее подходящим словосочетанием в данном случае является *физическая дистанция / физическое расстояние* (*fysisk avstånd*). По ее мнению, сейчас шведы общительны (*sociala*), как никогда прежде, хотя и без физического контакта (*Svenska Dagbladet*. 23.03.2020). Точное расстояние социальной дистанции по-прежнему является предметом обсуждения, однако в шведский язык прочно вошло слово *tvåmetersregeln* («правило двух метров»), которое говорит само за себя.

Кратко остановлюсь на новых словах, которые появились в шведском языке в связи с пандемией коронавируса. Безусловно, главными являются слова, называющие сам вирус и вызываемую им болезнь. Медицинскими терминами, обозначающими вирус и болезнь, являются *SARS-coronavirus-2* и *covid-19*, последний термин часто используется в языке шведских СМИ с цифрой и без нее: *avlider av covid-19* («скончаться от ковид-19»), *bekräftade covid-19-fall* («подтвержденные случаи заражения ковид-19»). В обычном употреблении часто используется просто *coronavirus* («коронавирус») или разговорная форма *corona* («корона»).

Обращает на себя внимание и огромное количество новых слов, образованных методом словосложения, первым компонентом которых являются *covid* и *corona*: *covidsjuk/coronasjuk* («больной ковидом/коронной»), *coviddrabbad/coronadrabbad* («пораженный ковидом/коронной»), *covidspridning/coronaspridning* («распространение ковида/короны»). Композиты с первой частью *corona* наиболее частотны. Предпочтительную сочетаемость первых частей многих композитов еще предстоит исследовать, однако уже сейчас можно предположить, что нейтральный и более разговорный вариант с первой частью *corona* имеет более широкую сочетаемость в шведском языке. Ср. еще: *coronaavstånd* (расстояние при общении в период короны, социальная дистанция), *coronaoffer* («жертва короны»), *coronatider* («времена короны»), *coronaläget* («ситуация с короной»), *coronahälsning* (приветствие на расстоянии без пожатия руки), *coronapaket* («антикризисный пакет мер»).

Новым словом является композит *tegnelleffekten* («эффект Тегнелла»), первая часть которого включает фамилию главного эпидемиолога Швеции Андерса Тегнелла. За этим словом стоит эффект его популярности, возникший в результате его каждодневных выступлений на пресс-конференциях УОЗН, передававшихся по шведскому телевидению. Спокойный, ровный и даже скучный тон чиновника, его независимость от мнения других и критики извне, упорство в отстаивании шведской стратегии в борьбе с коронавирусом вызывали и вызывают симпатию многих шведов и доверие к действиям экспертов и властей; несмотря на признание ряда ошибок, доверие к нему как эксперту и представителю власти продолжает сохраняться.

Новые сложные слова образуются и в результате контаминации – соединения двух слов или их частей друг с другом с устранением части одного или обоих слов. Будучи особым приемом словообразовательной игры, контаминация придает слову шуточный оттенок. Так, слово *corontän* образовалось путем соединения первой части слова *coron-a* и второй части слова *karan-tän*, а слово *hemestra* («проводить отпуск в своей стране, дома») полностью включило в себя слово *hem* («дом»), при этом глагол *semestra* («проводить отпуск») сохранился почти полностью, потеряв лишь первую букву *s*.

Р. Г. Т. Социальные сети Испании стали колыбелью появления неологизмов. Некоторые возникали как мемы, другие – из-за отсутствия термина, который мог бы описать ситуацию или чувство соответствующим образом. В результате мы встречаем в испанском языке *coronacrisis* («коронакризис»), *macrivirus* («макривирус»), *aplusazo* («большие аплодисменты»), *cuarentenear* («проводить карантин»), *coronials* («корониалов» – поколение, которое рождается во время карантина).

Назову другие юмористические преобразования: *coronaburro* («корона-ослик») и иронический призыв к *al confinamiento* («конфиттинг» – предсказуемое увеличение веса при отсутствии физических упражнений и наличии лишних калорий). Для номинации людей, оскорбляющих тех, кто ходит по улице, не выясняя причин передвижения, – *balconazis* («балкон-наци»). Также появились такие термины, как *infodemia* и *desinfodemia*, испанизированные версии английских *infodemic* и *desifodemic*, *covidiot* («ковидиот») и некоторые другие выражения.

Помимо *conspiranoias* (заговоров), еще одного актуализированного слова, пандемия заставила наши СМИ говорить о *casos* (случаях), которые могут быть *confirmados* (подтверждены) или *sospechosos* (подозрительны), о *curva epidémica* (эпидемических кривых), *curvas descendentes* (нисходящих кривых), *vigilancia e información epidemiológica* (надзоре и эпидемиологической информации), *factores y grupos de riesgo* (факторах и группах риска) *distanciamiento social obligatorio* (обязательной социальной дистанции). Несколько позже в медицинском лексиконе появляются другие слова и термины, такие как *tasa de morbilidad* («уро-

вень заболеваемости»), *tasa de mortalidad* («уровень смертности»), *prevalencia* («распространенность»), *incidencia* («заболеваемость») и *letalidad* («летальность»). Продуктивны и математические термины: *algoritmo* (алгоритм), с помощью которого вычисляются и прогнозируются *picos* (пики), *tasas de duplicación* («показатели удвоения»).

Появляется тревожная лексика, напоминающая о концлагере: *permiso para conducir* («пропуск»), *permiso para circular* («разрешение на передвижение»), *guetto* («гетто»), *aislamiento* («изоляция»). Возникают постапокалиптические единицы: *nueva normalidad* («новая нормальность»), *postpandemia* («постпандемия»). Наряду с этими лексемами присутствует определенная тяга к словам ободрения, к словам, которые обеспечивают безопасность.

A. T.-R., D. D. Through analysing the words with the highest frequencies and their co-occurrences, we have found that military-like rhetoric was present in Twitter posts around the campaign. As is visible from the word cloud above and the graph below, words such as '*lucha*' (fight), '*esfuerzo*' (strain), '*juntos*' (together), '*apoyo*' (support), '*proteger*' (to protect), '*crisis*' (crisis), '*alarma*' (alarm), and '*gobierno*' (government) are all used as much as medical words – '*mascarillas*' (masks), '*sanitaria*' (sanitary), '*salud*' (health), and '*esenciales*' (essential products and jobs).

An analysis which looks at the co-occurrences of words in the dataset, shows that the military-like rhetoric is often used together. If a cluster of words has one military-related word, it will necessarily have others. Among those there are: '*cuervos*' (corps), '*seguridad*' (security), '*fuerzas*' (forces), '*base*' (base), '*ejercitoaire*' (air force), '*luchar*' (to fight). Further, we find '*national*' (national), '*policia*' (police), '*lucha*' (fight), '*ejercitotierra*' (the army), '*operacionbalmis*' (Operation Balmis, an army operation)³, '*somos tu ejercito*' (we are your army), '*medido*' (measured or quantified) and '*permiso*' (permit). In another cluster of words, we see '*emergencia*' (emergency), '*crisis*' (crisis), '*sabotaje*' (sabotage), '*directo*' (forthright), '*rendimos*' (we are surrounding) and once again '*alarma*' (alarm) and '*medidas*' (measures). Among the most used in connection with the campaign, we also find '*proteccion*' (protection), '*estado de alarma*' (state of alarm), '*fuerza*' (force, power), '*frente*' (against), '*pandemia*' (pandemic), '*presidente*' (president), and '*solidaridad*' (solidarity).

In the last clusters of words, we see '*agentes*' (agents), '*subordinados*' (subordinates), '*civiles*' (civilianz), '*guardias*' (guards), '*para servir y proteger*' (to serve and protect), '*unida*' (united), '*solidaria*' (solidarity), '*venceremos*' (we will overcome), '*esfuerzo*' (effort), and '*gobierno*' (government) once again.

The strictness of the lockdown rules in Spain, which prohibited residents from leaving their houses even for exercise or non-essential

³ The mission of the armed forces in this health crisis has been named Operation Balmis as a tribute to the humanitarian expedition led by Francisco Javier de Balmis against smallpox in 1803.

jobs, and forced the country's children to stay at home for six full weeks, has raised questions about the 'fairness' of such measures [Kassam]. The media and social networks questioned the difference between being confined in a house with a garden or a big terrace and a tiny flat, thus highlighting inequalities present in Spanish society [Petlier, Minder]. Some psychologists even compare lockdown to a 'prison' for these children, and there is evidence that the Spanish youth suffered even more psychological damage than those in Italy [Orgilés et al.]. However, in war-time rhetoric, when one is at war, everyone is supposedly equal and united in the urge to 'combat' the enemy, so there should be less discontent with the rules and less disobedience. '*La lucha*' (the fight) against the coronavirus, it turned out, was being defined as one with a beginning and an end, so that the '*sacrificios*' (sacrifices) that society had to suffer would not be in vain but instead lead to a supposed common good.

Some journalists have also pointed out that during Franco's dictatorship 75 years ago, a decree on infectious diseases used the same rhetoric and measures [Peral] proposed by the current government. In his *Myth of the Blitz*, Angus Calder (1991) claims that in the 1980s, Thatcher and the opposing Labour Party referred to a collective war memory that was not connected to the war in question. This public discourse, however, excluded marginal (albeit important) groups and constructed a very narrow, politically manipulative, and nostalgic collective memory instead [Calder, p. 27]. The same rather superficial reference to WWII is often used now in Putin's Russia in collective memory constructs.

During this period of the pandemic, as our analysis has confirmed, the communication strategy of the Spanish government on Twitter clearly consisted of prioritising the armed forces and the Spanish administration. The analysis showed that military-like rhetoric was also used on Twitter by various actors.

However, as it became clear by August 2020, when we were finishing the article, Covid-19 is not an enemy which can be easily defeated. Now, when the sanitary experts warn about the possibility of a second strict confinement, psychologists agree that the reserve of 'resilience' of Spaniards is exhausted [Kassam].

Further research should involve a comparison of the political communication strategies of various governments in social networks during the pandemic crisis, looking both at word usage, the choice of speakers, and the effects it has on citizens, according to media reports.

А. М. Хочу обратить внимание на актуализацию слова *riskiryhmä* («группа риска»), которое наполнилось новым содержанием. В самом начале пандемии министры подчеркивали, что надо особо заботиться о людях, входящих в группу риска. В эту группу вошли *perussairaat* (люди, болеющие какими-либо хроническими болезнями) и *ikäihmiset* (пожилые люди), поскольку опыт других стран показал, что для них риск умереть от коронавируса намного выше, чем для здоровых мо-

лодых людей. Пожилым людям дали впервые в истории Финляндии точное определение: это те, кому 70 лет и больше. Для граждан группы риска ввели более жесткие ограничения, чем для остального населения. Таким образом, в стране появилось две категории людей: пожилые и «нормальные».

И. В. А мне хотелось бы подчеркнуть, что в ситуации социального напряжения ярко проявляется присущий русской лингвокультуре словоцентризм: активизируются креативные операции как с планом выражения, так и с планом содержания словесных знаков, актуальных для текущего времени. Языковая игра является одним из способов адаптации к психологически трудному периоду в жизни общества. Велик пласт окказиональной лексики, иронически передающей состояние общества: *коронавирые*, «*Безумие*» (комедийный веб-сериал режиссера А. Молочникова), *карантец*, *ковидло*, *макаронновирус* и *гречкохайп* (нездоровый ажиотаж, связанный с массовой закупкой макарон и гречки), *маскобесье*, *вируспруденция*, *карантэ* (умение владеть собой в самоизоляции), *расхламинго* (популярное домашнее занятие, связанное с уборкой в доме во время вынужденного карантинного безделья), *вжоперти* (фонетическое сближение с узуальной единицей *взаперти*). Появились номинации людей с их отношением к пандемии: *коронапофигисты*, *ковигисты*, *карантье* (владелец собаки, сдающий ее в аренду для прогулок), *голомордые*. В основе образования окказиональных единиц часто лежит принцип обыгрывания фоносемантических сближений.

Стрессовое состояние общества отражает и метафорическое употребление коронавирусного лексикона: *У нас больше эпидемия истерики и эпидемия страха, чем эпидемия коронавируса* (Комсомольская правда. 16.04.2020); *На фоне растерянности и полного коронавируса головного мозга в обществе остается место добрым делам* (Костромские ведомости. 24.03.2020).

Источник метафоры – обычно военная терминология: *Владимир Путин сравнил нашествие коронавируса с половцами и печенегами, терзавшими Россию, и пообещал победить эту заразу* (Московский комсомолец. 09.04.2020); *Сводки с фронтов мировой войны против коронавируса* (Липецкая газета. 15.04.2020); *Нынешнюю пандемию нередко называют войной без выстрелов* (Российская газета. 23.03.2020). И в этой войне героями-защитниками являются медики: *Мы не устаем восхищаться самоотверженностью врачей, работающих в больницах, приспособленных под борьбу с коронавирусом. Мы сравниваем их с бойцами на передовой. Но как долго могут продержаться на передовой бойцы?* (Коммерсантъ. 15.05.2020); *В связи с пандемией COVID-19 в мировых СМИ на первой странице «сводки с антивирусных фронтов»* (Областная газета (Екатеринбург). 14.04.2020).

Пандемия коронавируса выступила катализатором достаточно неожиданных процессов в отдельных сферах речевого общения. Кроме известного перехода школ и вузов на дистанционное обучение, изменились и устоявшиеся формы религиозной коммуникации.

Т. И. До пандемии богослужение осуществлялось в пространстве храма в реальном времени. Сейчас богослужебная коммуникация стала дистантной, опосредованной. Целый ряд богослужебных жанров начали функционировать в онлайн-режиме достаточно безболезненно, например, молитвы: молебен, панихида, лития, вечерня и литургия.

В то же время относительно многих других жанров и их перевода в режим онлайн возникли богословские споры. Речь идет не просто о совместной молитве, но об участии в таинствах церкви, которые всегда осуществлялись в реальном времени и пространстве. Вопрос об онлайн-причастии, исповеди, соборовании остается открытым. Во время перечисленных таинств священнослужитель не просто совершает молитву, но и осуществляет ряд действий с сакральными предметами и участниками таинств. Опыт совершения этих таинств онлайн вызывает неоднозначную реакцию канонического большинства [Системные проблемы православия].

Понятие «приход» стало утрачивать сему «близкое пространство», так как совершить совместную молитву стало возможным, находясь за пределами храма. Более того, молящиеся получили возможность выбирать разные храмы, переключаться во время богослужения с одного храма на другой, виртуально присутствовать на богослужениях в знаковых местах, в местах паломничества, например, в известных монастырях. Онлайн-богослужение привело к расширению сакрального пространства: видеокамеры, установленные в алтаре, позволили мирянам увидеть и услышать прежде скрытое от них действо.

Наблюдается изменение текста канонических жанров, в частности, литургии. Святейший патриарх Кирилл утвердил так называемую молитву от коронавируса [Молитвенные прошения]. Литургия как составной жанр представляет собой зафиксированный текст, изменяемые части которого канонически регламентированы. Внесение в текст литургии молитвы «о вредоносном поветрии» стало новшеством, которое вызывает тревогу и требует богословского обоснования [Соколовски, с. 26].

Отметим также факт делегирования полномочий от священника мирянам, которые находятся в другом, нецерковном пространстве. Так, патриарх Кирилл разрешил мирянам самостоятельно освящать снесь на Пасху, что ранее было прерогативой священнослужителей.

Процессы, происходящие сегодня в религиозной коммуникации и обусловленные экстралингвистическими факторами, развиваются одновременно по нескольким направлениям: коммуникативно-

прагматическому, жанровому, языковому. Думается, что изменения носят поступательный и необратимый характер.

И. В. Подведем итоги. Участники дискуссии – ученые-лингвисты стран, в которых оценка сложившейся ситуации различна: это Швеция, отказавшаяся вводить жесткие карантинные меры и выбравшая свой путь борьбы с вирусом, Испания – одна из стран, наиболее пострадавшая от пандемии, Финляндия, серьезно подошедшая к проблеме государственного регулирования во время эпидемии, и Россия, которая ввела карантинные меры задолго до появления пика заболеваемости. Но все страны объединяет общий лексикон дискурса пандемии: это медицинская терминология и актуальная лексика, напрямую отражающая аспекты сложившегося положения дел. Участники дискуссии выбрали различные аспекты анализа языкового существования в период пандемии. Интересным оказался юридический аспект проблемы, а также факты проявления языковой игры, реализующей терапевтическую функцию языкового сопротивления страшной реальности, и метафоры, подчеркивающей «военный» характер периода пандемии.

Список литературы

В ВОЗ поставили в пример стратегию Швеции по коронавирусу // Газета.ru : [сайт]. 2020. 1 сент. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/09/01/n_14874302.shtml (дата обращения: 12.09.2020).

Генсек ООН назвал пандемию коронавируса «пятым всадником апокалипсиса» // Аврора : информ. агентство : [сайт]. 2020. 22 сент. URL: <https://aurora.network/articles/163-zajavlenija/84022-gensek-oon-nazval-pandemiju-koronavirusa-pjatymsadnikom-apokalipsisa> (дата обращения: 12.09.2020).

Молитвенные прошения в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции // Русская православная церковь : офиц. сайт Московского патриархата. 2020. 21 марта. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5610433.html> (дата обращения: 20.09.2020).

Мустайоки А., Стеклова Т. И. Наблюдения над нестандартными субъектами: что могут делать наука, политика и экономика? // Сибирский филологический журнал. 2008. № 2. С. 193–208.

Системные проблемы православия: анализ, осмысление, поиск решений : материалы первого семинара / сост. С. В. Чапнин. М. : Проект «Соборность», 2020. 104 с.

Соколовски А. Молитва Церкви в период пандемии: новое осмысление реальности // Системные проблемы православия: анализ, осмысление, поиск решений : материалы первого семинара / сост. С. В. Чапнин. М. : Проект «Соборность», 2020. С. 21–26.

Функциональный синтаксис русского языка : учебник для вузов / А. Мустайоки, З. К. Сабитова, Т. В. Парменова, Л. А. Бирюлин. М. : Юрайт, 2019. 728 с.

Calder A. The Myth of the Blitz. L. : Pimlico, 1992. 302 p.

Carley K. Network Text Analysis: The Network Position of Concepts // Text Analysis for the Social Sciences: Methods for Drawing Statistical Inferences from Texts and Transcripts / ed. by C. W. Roberts. N. Y. : Lawrence Erlbaum, 1997. P. 112–136.

Costa-Sánchez C., López-García X. Comunicación y crisis del coronavirus en España. Primeras lecciones // El profesional de la información. Vol. 29. 2020. № 3. E290304. DOI 10.3145/epi.2020.may.04.

Davi A., Houghton D., Nasr N. et al. A Review of Two Text-Mining Packages: SAS TextMining and WordStat // *Am. Statistician*. Vol. 59. 2005. № 1. P. 89–103. DOI 10.2307/27643624.

Gruzd A., Tsyganova K. Politically Polarized Online Groups and Their Social Structures Formed Around the 2013–2014 Crisis in Ukraine // *Internet, Policy and Politics (IPP) Conference : Crowdsourcing for Politics and Policy*. University of Oxford, UK, September 25–26, 2014. URL: http://blogs.oxi.ox.ac.uk/ipp-conference/sites/ipp/files/documents/IPP2014_Gruzd.pdf (accessed: 25.08.2020).

Humphreys A., Jen-Hui Wang R. Automated Text Analysis for Consumer Research // *J. of Consumer Research*. Vol. 44. 2018. Iss. 6. P. 1274–1306. DOI 10.1093/jcr/ucx104.

Kassam A. Spain Warned of Dire Impact of Second Coronavirus Lockdown // *The Guardian*: [website]. 25 August 2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/aug/25/spain-warned-of-dire-impact-of-second-coronavirus-lockdown> (accessed: 25.08.2020).

López-García G. Vigilar y castigar: el papel de militares, policías y guardias civiles en la comunicación de la crisis del Covid-19 en España // *El profesional de la información*. Vol. 29. 2020. № 3. E290311. DOI 10.3145/epi.2020.may.11.

Marklund-Sharapova E. et al. Norstedts stora ryska ordbok : rysk-svensk, svensk-rysk : [144.000 ord och fraser]. Stockholm : Norstedt, 2006. 1200 p.

Orgilés M., Morales A., Delvecchio E. et al. Immediate Psychological Effects of the COVID-19 Quarantine in Youth from Italy and Spain // *PsyArXiv*. 2020. April 21. DOI 10.31234/osf.io/5bpfz.

Ortega E. Los hashtags políticos que han triunfado en Twitter en enero : Vox publicita su mensaje mientras Podemos y PSOE abandonan el activismo digital // *Business Insider* : [website]. 1 Febr. 2020. URL: <https://www.businessinsider.es/hashtags-politicos-populares-durante-mes-enero-espana-570743> (accessed: 27.08.2020).

Peral M. Franco se adelantó a Sánchez: previó un “carné de inmunidad” y plazas para «aislamiento» forzoso // *El Español* : [website]. 12 Apr. 2020. URL: https://www.elespanol.com/espana/tribunales/20200412/franco-adelanto-sanchez-previo-inmunidad-aislamiento-forzoso/481702417_0.html (accessed: 28.08.2020).

Petlier E., Minder R. In Spain, a Call to ‘Free Our Children’ from Coronavirus Confinement // *The New York Times* : [website]. 18 Apr. 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/18/world/europe/spain-children-lockdown-coronavirus.html> (accessed: 30.08.2020).

RAE – Crisis del COVID-19: sobre la escritura de coronavirus // *RAE* : [website]. 18 March 2020. URL: <https://www.rae.es/noticias/crisis-del-covid-19-sobre-la-escritura-de-coronavirus> (accessed: 30.08.2020).

Regeringskansliet : [website]. URL: <https://www.regeringen.se> (accessed: 17.09.2020).

RTVE – Los contagios siguen subiendo en España: Sanidad suma 23.572 casos y 83 muertos desde el Viernes // *RTVE* : [website]. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20200831/curva-contagios-muertes-coronavirus-espana-dia-dia/2010514.shtml> (accessed: 16.08.2020).

Svensk ordbok : [100.000 ord och fraser]. 3rd Ed. / ed. A. Abelin. Stockholm : Norstedts, 1999. 1512 p.

Viimaranta J., Mustajoki A. What Can Science, Religion, Politics, Culture and the Economy Do? A Corpus Study of Metonymical Conceptualization Combined with Personification // *Scando-Slavica*. Vol. 66. 2020. Iss. 1. P. 71–85. DOI 10.1080/00806765.2020.1741025.

Weber K. A Toolkit for Analyzing Corporate Cultural Toolkits // *Poetics*. 2005. № 33. P. 227–252. DOI 10.1016/j.poetic.2005.09.011.

References

Abelin, A. (Ed.). (1999). *Svensk ordbok [100.000 ord och fraser]*. 3rd Ed. Stockholm, Norstedts. 1512 p.

- Calder, A. (1992). *The Myth of the Blitz*. L., Pimlico. 302 p.
- Carley, K. (1997). Network Text Analysis: The Network Position of Concepts. In Roberts, C. W. (Ed.). *Text Analysis for the Social Sciences: Methods for Drawing Statistical Inferences from Texts and Transcripts*. N. Y., Lawrence Erlbaum, pp. 112–136.
- Chapnin, S. V. (Ed.). (2020). *Sistemnye problemy pravoslaviya: analiz, osmyslenie, poisk reshenii* [Systemic Problems of Orthodoxy: Analysis, Comprehension, Search for Solutions]. Moscow, Proekt “Sobornost”. 104 p.
- Costa-Sánchez, C., López-García, X. (2020). Comunicación y crisis del coronavirus en España. Primeras lecciones. In *El profesional de la información*. Vol. 29. No. 3. E290304. DOI 10.3145/epi.2020.may.04.
- Davi, A., Houghton, D., Nasr, N. et al. (2005). A Review of Two Text-Mining Packages: SAS TextMining and WordStat. In *Am. Statistician*. Vol. 59. No. 1, pp. 89–103. DOI 10.2307/27643624.
- Gensek OON nazval pandemiyu koronavirusa “pyatym vsadnikom apokalipsisa” [UN Secretary General Calls Coronavirus Pandemic “Fifth Horseman of the Apocalypse”]. (2020). In *Aurora. Informatsionnoe agentstvo* [website]. 22 Sept. URL: <https://aurora.network/articles/163-zajavleniya/84022-gensek-oon-nazval-pandemiju-koronavirusa-pjatytm-vsadnikom-apokalipsisa> (accessed: 12.09.2020).
- Gruzd, A., Tsyganova, K. (2014). Politically Polarized Online Groups and Their Social Structures Formed around the 2013–2014 Crisis in Ukraine. In *Internet, Policy and Politics (IPP) Conference. Crowdsourcing for Politics and Policy*. University of Oxford, UK, September 25–26, 2014. URL: http://blogs.oii.ox.ac.uk/ipp-conference/sites/ipp/files/documents/IPP2014_Gruzd.pdf (accessed: 25.08.2020).
- Humphreys, A., Jen-Hui Wang, R. (2018). Automated Text Analysis for Consumer Research. In *J. of Consumer Research*. Vol. 44. Iss. 6, pp. 1274–1306. DOI 10.1093/jcr/ucx104.
- Kassam, A. (2020). Spain Warned of Dire Impact of Second Coronavirus Lockdown. In *The Guardian* [website]. 25 Aug. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/aug/25/spain-warned-of-dire-impact-of-second-coronavirus-lockdown> (accessed: 25.08.2020).
- López-García, G. (2020). Vigilar y castigar: el papel de militares, policías y guardias civiles en la comunicación de la crisis del Covid-19 en España. In *El profesional de la información*. Vol. 29. No. 3. E290311. DOI 10.3145/epi.2020.may.11.
- Marklund-Sharapova, E. et al. (2006). *Norstedts stora ryska ordbok: rysk-svensk, svensk-rysk [144.000 ord och fraser]*. Stockholm, Norstedt. 1200 p.
- Molitvennye prosheniya v svyazi s ugrozoi rasprostraneniya koronavirusnoi infektsii [Prayer Requests in Connection with the Threat of the Spread of the Coronavirus Infection]. (2020) In *Russkaya pravoslavnaya tserkov'* [official website]. 21 March. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5610433.html> (accessed: 20.09.2020).
- Mustajoki, A., Sabitova, Z. K., Parmenova, T. V., Biryulin, L. A. (2019). *Funksional'nyi sintaksis russkogo yazyka. Uchebnyk dlya vuzov* [Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow, Yurait. 728 p.
- Mustajoki, A., Steksova, T. I. (2008). Nablyudeniya nad nestandartnym sub'ektami: chto mogut delat' nauka, politika i ekonomika? [Observations on Non-Standard Subjects: What Can Science, Politics, and the Economy do?]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 193–208.
- Orgilés, M., Morales, A., Delvecchio, E. et al. (2020). Immediate Psychological Effects of the COVID-19 Quarantine in Youth from Italy and Spain. In *PsyArXiv*. 2020. Apr. 21. DOI 10.31234/osf.io/5bpfz.
- Ortega, E. (2020). Los hashtags políticos que han triunfado en Twitter en enero. Vox publicita su mensaje mientras Podemos y PSOE abandonan el activismo digital. In *Business Insider* [website]. 1 Febr. URL: <https://www.businessinsider.es/hashtags-politicos-populares-durante-mes-enero-espana-570743> (accessed: 27.08.2020).
- Peral, M. (2020). Franco se adelantó a Sánchez: previó un “carné de inmunidad” y plazas para «aislamiento» forzoso. In *El Español* [website]. 12 Apr. URL: https://www.elespanol.com/espana/tribunales/20200412/franco-adelanto-sanchez-previo-inmunidad-aislamiento-forzoso/481702417_0.html (accessed: 28.08.2020).

Petlier, E., Minder, R. (2020). In Spain, a Call to 'Free Our Children' From Coronavirus Confinement. In *The New York Times* [website]. 18 April. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/18/world/europe/spain-children-lockdown-coronavirus.html> (accessed: 30.08.2020).

RAE – Crisis del COVID-19: sobre la escritura de coronavirus. (2020). In *RAE* [website]. 18 March. URL: <https://www.rae.es/noticias/crisis-del-covid-19-sobre-la-escritura-de-coronavirus> (accessed: 30.08.2020).

Regeringskansliet [website]. (2020). URL: <https://www.regeringen.se> (accessed: 17.09.2020).

RTVE – Los contagios siguen subiendo en España: Sanidad suma 23.572 casos y 83 muertos desde el Viernes (2020). In *RTVE* [website]. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20200831/curva-contagios-muertes-coronavirus-espana-dia-dia/2010514.shtml> (accessed: 16.08.2020).

Sokolovski, A. (2020). Molitva Tserkvi v period pandemii: novoe osmyslenie real'nosti [Prayer of the Church during the Pandemic: A New Understanding of Reality]. In Chapnin, S. V. (Ed.). *Sistemnye problemy pravoslaviya: analiz, osmyslenie, poisk reshenii*. Moscow, Proekt "Sobornost'", pp. 21–26.

V VOZ postavili v primer strategiyu Shvetsii po koronavirusu [WHO Cites Sweden's Coronavirus Strategy as an Example]. (2020). In *Gazeta.ru* [website]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/09/01/n_14874302.shtml (accessed: 12.09.2020).

Viimaranta, J., Mustajoki, A. (2020). What Can Science, Religion, Politics, Culture and the Economy Do? A Corpus Study of Metonymical Conceptualization Combined with Personification. In *Scando-Slavica*. Vol. 66. Iss. 1, pp. 71–85. DOI 10.1080/00806765.2020.1741025.

Weber, K. (2005). A Toolkit for Analyzing Corporate Cultural Toolkits. In *Poetics*. No. 33, pp. 227–252. DOI 10.1016/j.poetic.2005.09.011.

The article was submitted on 25.09.2020

Disputatio

Б. Чориков. Смерть Петра Великого. Гравюра XIX в.
B. Chorikov. The Death of Peter the Great. 19th century engraving

СМЕРТЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО: НЕИЗБЕЖНЫЙ ФИНАЛ ИЛИ ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА?*

Алексей Морохин

Нижегородский государственный университет,
Нижний Новгород, Россия

THE DEATH OF PETER THE GREAT: AN INEVITABLE END OR A MEDICAL ERROR?

Alexey Morokhin

Nizhny Novgorod State University,
Nizhny Novgorod, Russia

The disease and death of the first Russian emperor have repeatedly attracted historians' attention, but issues related to the treatment of Peter I have not been adequately reflected in historical studies. The source base of this work consists of published sources: testimonies of contemporaries, both Russians and foreigners, letters of Peter I to Empress Catherine, and unpublished materials kept in the Russian State Archive of Ancient Acts (both official and private). These materials make it possible to largely reconstruct the treatment of Peter I carried out by I. L. Blumentrost, an archiater and court physician, and L. L. Blumentrost, his brother. The two brothers were supporters of treating the tsar, who had long suffered from "urine constipation", with mineral water. To this end, they encouraged numerous royal trips to Olonets and Ugodsky Zavod. At the same time, as the head of the Medical Department, I. L. Blumentrost ignored the opinions of other doctors involved in the treatment of the tsar, such as those of the famous Moscow doctor N. Bidloo. Following the exacerbation of Peter I's disease in the second half of January 1725, Blumentrost decided to involve a number of other doctors residing in St Petersburg and Moscow. However, they failed to save him. Some well-known European leading lights of medicine, such as Boerhave, indirectly acknowledged the fallacy of the treatment methods used by the Blumentrost brothers. The author concludes that in the public consciousness of a number of

* *Citation*: Morokhin, A. (2020). The Death of Peter the Great: An Inevitable End or a Medical Error? In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1393–1405. DOI 10.15826/qr.2020.4.534.

Цитирование: Морохин А. The Death of Peter the Great: An Inevitable End or a Medical Error? // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1393–1405. DOI 10.15826/qr.2020.4.534 / Морохин А. Смерть Петра Великого: неизбежный финал или врачебная ошибка? // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1393–1405. DOI 10.15826/qr.2020.4.534.

representatives of the Russian ruling elite, Peter I's death was the Blumentrost brothers' fault, which largely contributed to their disgrace in the early 1730s.

Keywords: Peter I; the Blumentrost brothers; 18th-century treatment methods; mineral water; disease; emperor's death.

Болезнь и смерть первого российского императора неоднократно привлекали внимание историков, однако вопросы, связанные с методикой лечения Петра I, не нашли должного отражения в исторических исследованиях. Источниковую базу работы составили как опубликованные материалы – свидетельства современников (россиян и иностранцев, письма Петра I к царице Екатерине Алексеевне), так и неопубликованные, хранящиеся в РГАДА (официально-документального и личного характера). Материалы позволяют в значительной степени реконструировать события, связанные с лечением Петра I в последний период его жизни, которым руководил архиатер и лейб-медик И. Л. Блюментрост, активно привлекавший к этому процессу своего брата Л. Л. Блюментроста, тоже лейб-медика. Оба брата были сторонниками лечения царя, долгое время страдавшего от «урины запору», минеральными водами. С этой целью они поддерживали многочисленные царские поездки для пользования минеральными водами на Олонец и на Угодские заводы. При этом И. Л. Блюментрост, будучи руководителем медицинского ведомства России, игнорировал мнения других врачей, привлекавшихся к лечению царя, в частности, соображения известного московского доктора Н. Бидлоо. После обострения болезни Петра I во второй половине января 1725 г. И. Л. Блюментрост принимает решение привлечь к более активному участию в решении этой проблемы ряд других медиков, проживавших в Петербурге и Москве. Однако спасти Петра I не удалось. Известные европейские светила медицины, такие как Г. Буергаве, косвенно признали ошибочность методов лечения царя, применявшихся Блюментростами. Делается вывод, что смерть Петра I в общественном сознании ряда представителей правящей элиты России ставилась в вину Блюментростам, что во многом способствовало их опале в начале 1730-х гг.

Ключевые слова: Петр I; Блюментросты; лечение в XVIII в.; минеральные воды; болезнь; смерть императора.

Болезнь и смерть Петра I уже не одно столетие привлекают исследователей, стремящихся объяснить его раннюю гибель. К началу 1720-х гг. царь, никогда не обладавший богатырским здоровьем, страдал целым букетом хронических болезней, включая сердечно-сосудистые заболевания, проблемы с нервной системой, нарушения деятельности желудочно-кишечного тракта и воспалительные процессы мочеполовой системы. Недуги Петра I стали заметно проявляться к 1711 г., когда царь впервые отправился на лечение целебными водами в Карлсбад, после чего он неоднократно посещал медицин-

ские курорты в Европе и России. Петр I хворал в конце 1715 г., затем серьезно заболел во время путешествия по Европе в начале 1717 г., когда испытал обострение запущенного геморроя, заставившего его более 40 дней серьезно лечиться и находиться на грани жизни и смерти [Редин, Серов, с. 479–480, 487–490]. С годами царя все больше начинали беспокоить проблемы с задержкой мочеиспускания, усилившиеся в 1723–1724 гг. и в итоге приведшие к его кончине в январе 1725 г. Очевидцы событий января 1725 г. прямо называют причиной смерти Петра I «болезнь урины запор» [Походный журнал 1725 года, с. 3; Прокопович, с. 4; Фонтенель, с. 274]. Современные историки медицины также считают, что заболеванием, которое привело царя-реформатора к смерти, являлся «уросепсис в сочетании с острой почечной недостаточностью, осложненной уремией вследствие обструкции мочевых путей» [Зимин, Смирнов и др., с. 92; Яковлев, Аникин, Трохачев, с. 59–60].

Исследователи достаточно подробно реконструировали ход болезни царя в 1724 – начале 1725 г. [Возгрин, с. 52–66], но при этом мало внимания уделяли именно методике лечения Петра I, разработанной в то время.

Лечением Петра I руководил архиатер и лейб-медик И. Л. Блюментрост (1676–1756), который, судя по отзывам современников, находился у царя в «большой милости» и пользовался его полным доверием [Юность державы, с. 56]. Ему активно помогал младший брат и еще один царский врач Л. Л. Блюментрост (1692–1755), который, как известно, еще в конце 1715 – начале 1716 г. составил описание болезни монарха для того, чтобы «сообщить его известнейшим медикам в Европе... и узнать их мнение по сему предмету» [Чистович, с. С1]. К 1724 г., времени очередного обострения болезни Петра I, царь уже неоднократно практиковал употребление минеральных вод как на европейских курортах, так и в России. Эта устойчивая практика, видимо, считалась и самим монархом, и пользовавшимися его Блюментростами самым эффективным способом лечения мучившего Петра I «урины запору». У одного из лейб-медиков, Л. Л. Блюментроста, на предпочтение именно этой формы терапии имелись свои причины. Именно он в октябре 1717 г. по приказу Петра I ездил в Карелию, на Олонец, где и занимался изучением целебных минеральных вод, которые стали именовать марциальными (то есть железистыми – от имени бога войны Марса). Изучив целебные качества вод, Л. Л. Блюментрост принимал участие в разработке подробных правил для их употребления и даже составил «Описание Олонецких минеральных вод» [см.: Широкова, Собисевич, с. 657–658]. Видимо, с подачи лейб-медика царь и обратил особое внимание на это месторождение целебных вод, которое он неоднократно посещал.

Известно, что в феврале 1724 г. Петр I отправился на Олонец принимать курс лечения марциальными водами, где и находился до 17 марта [Походный журнал 1724 года, с. 4]. Затем празднества

по поводу состоявшейся в мае коронации его супруги Екатерины Алексеевны вновь расстроили его здоровье, и с весны 1724 г. болезнь обострилась. Наблюдавший Петра I в эти дни 1724 г. В. А. Нащокин позднее вспоминал:

...Тогда его императорское величество, как мне довольно случилось видеть его величество в Москве, весьма от болезни слаб был, хотя деятельно участвовал во всех без исключения церемониях [Империя после Петра, с. 236].

После этого царь направился на Угодские заводы (Малоярославский уезд), где был найден новый источник целебных вод. При этом Л. Л. Блюментрост, видимо, сопровождал Петра I в этой поездке, так как в послании к царице Екатерине Алексеевне от 4 июня 1724 г. император отметил: «Оную воду лутче нашли, неже о ней чаели, о чом пространнее писал дохтор (Л. Л. Блюментрост. – А. М.) к брату своему (архиатеру И. Л. Блюментросту. – А. М.)». Своими впечатлениями от лечения Петр I делился в письме к жене от 7 июня 1724 г.: «Объявляю вам, что воды, слава Богу, действуют изрядно, а особливо урину гонят не менее олонецких; только опетит не такой, аднакож есть». Через два дня он вновь вернулся к этой теме, сообщив жене: «а мне гораздо лутче от вод стала, и надеюсь с помощью божиею избыть болезнь» [Письма, с. 143–144].

Лечением минеральными водами лейб-медики не ограничились: весной 1724 г. И. Л. Блюментростом были проведены консультации с другими известными врачами России для принятия решения о дальнейших методах лечения Петра I. Известно, что И. Л. Блюментрост советовался по этому вопросу с лейб-хирургом Я. Хови, наблюдавшим царя с 1704 г. [Летенкова, с. 101–102]. Определенные консультации были проведены и с английским врачом У. Горном. Видимо, тогда же запрашивалось мнение и другого известного медика – Н. Бидлоо, проживавшего в Москве. Однако итоги этих консилиумов остаются неизвестными. Но практика приема царем минеральных вод сохранилась и после его возвращения с Угодских заводов. Тогда было решено доставлять воду из марциальных источников в Петербург. Для этой цели на Олонец был отправлен курьер С. Чеботарев, который почти месяц отправлял воду в бутылках и бочонках сухим и водным путем [Павленко, с. 285]. Саксонский дипломат И. Лефорт отметил 9 сентября, что Петр I начал пить олонецкие воды, которые ему привозят «каждый день свежие курьерами» [Дипломатические документы, с. 384]. Эту же информацию через несколько дней привел в своей депеше в Париж и Ж. Кампредон:

Царь все еще страдает задержанием мочи. Он, правда, из-за этой болезни не лежит, но она все же мешает ему заниматься делами. С тех пор, как он стал пить олонецкие воды, поспешно привезенные сюда на почто-

вых, у него началось обильное извержение слизи. Уверяют, будто болезнь эта ничтожная, но лица, наиболее близко стоящие к Его Царскому Величеству и с которыми я поддерживаю постоянные сношения, опасаются ее последствий [Дипломатическая переписка, с. 287–288].

Разговоры о эффективности лечения болезни Петра I минеральными водами были распространены и в окружении царя. Камер-юнкер герцога Карла Фридриха Голштинского Ф. В. Берхгольц отметил в своем дневнике под 17 сентября 1724 г.:

Камергер императрицы Балк уверял, что император теперь совсем оправился и только по неотступным просьбам врачей не будет еще несколько дней выходить из комнаты, что болезнь его величества давно бы уж прошла, если б он захотел побережся как следует. Когда речь у нас зашла об олоонецких водах, камергер сказал, что они удивительно были бы полезны государю, если б он только при употреблении их щадил себя и соблюдал надлежащую диету в пище; но что для него это дело почти невозможное, потому что он решительно не может обойтись без холодного кушанья в особенности и некоторых других вещей. Его величество будто бы еще вчера говорил, что зимою непременно поедет опять в Олонец и будет пользоваться тамошними водами. Балк рассказывал нам о разных случаях, показавших необыкновенное действие этих вод [Юность державы, с. 252].

Однако способ лечения царского недуга минеральными водами поддерживался далеко не всеми врачами. Последовательным противником этой терапии являлся, например, доктор Н. Бидлоо. Прусский посланник в России Г. Мардефельд 23 сентября сообщал в Берлин:

Царь... пьет олоонецкую воду, которую старый доктор Бидлоо не одобряет, а лейб-медики, оба Блюментроста, советуют. Говорят, будто у царя несколько раз повторилось задержание мочи, что ему причиняло сильные страдания [Донесения прусского королевского посланника, с. 249].

Тем не менее, данный способ лечения Петра I оставался доминирующим, не считая употребления им неких «лекарств», о которых также сохранились свидетельства современников [Юность державы, с. 244]. Надо полагать, практика лечения царя осталась прежней, а мнение доктора Н. Бидлоо было проигнорировано. Здесь, видимо, сыграли определенную роль такие качества И. Л. Блюментроста – руководителя медицинского ведомства, как авторитарность и упрямство, которые нередко приводили его к конфликтам с коллегами. Например, в 1716 г., еще не будучи архиатером, И. Л. Блюментрост руководил лечением страдавшей катаром желудка любимой сестры Петра I царевны Натальи Алексеевны. Болезнь царевны лейб-медик объяснял тем, что она во время поста ежедневно употребляла в большом количестве пищу «из свежих трав» и рыбу. Сначала у больной «кашель зачался, и большая часть тонкая мокрота, однако ж между тем иногда и густа

шла, отчего некоторые лекарства мы учредили, которые бы остроту лимфе уняли и к выплевыванию вспомогали». Это лекарство представляло собой микстуру, приготовленную из «усладительных порошков», свежего миндального масла, «сыропов» и «некоторых трав». Однако приготовленное медиками лекарство царевна «мало употребляла», и в результате через три дня, 12 июня «вдруг пришла жестокая болезнь... так что в руках у служителей своих несколько раз обмирала, и при том на низ заперло, чего ради велел я клистир поставить». Вскоре Наталья Алексеевна почувствовала себя лучше, и И. Л. Блюментрост предложил ей «некакие травы к животу привязать, но она весьма не хотела и отговаривалась, что сие прежде сего чинила». Затем боли в области желудка вновь усилились, и царевна «всеми образы проискивала, как бы быть рвоте, ибо силою палцы и перья в гортань клала и теплую воду пила», что ей, однако, не помогло.

После этого И. Л. Блюментрост, по его собственному признанию, «устрашился» и собрал консилиум медиков, на котором смог предложить только очередное кровопускание, идея которого, однако, не была поддержана другими врачами. Даваемые больной лекарства не помогали, ее «всегда вырывало з желчью, и всегда весьма горячо было». Затем «рвота унялась», и медики даже подумали о начале выздоровления царевны, но вскоре «потеряли... свою надежду», так как больная «изволила начать жаловатца холодом и потом холодной пот получила, что знак антонова огня (гангрены. – А. М.) был, и оной пот пребыл даже до самого окончания жизни Ея высочества». Вскоре больная потеряла сознание и 18 июня 1716 г. умерла. При вскрытии тела медики обнаружили «великое разволочение в пупе и кишки, которые из живота были точию кожею покрыты... а внутреннее в брuxe весьма антоновым огнем зажено, калом наполнено» [РГАДА Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 28. Л. 100–102]. Конфликт И. Л. Блюментроста с другими медиками, о котором он сам упоминал в отчете о лечении скончавшейся царевны, не сказался на его карьере. Что же касается отношений архиатера с Н. Бидлоо, то конфликты между ними были регулярными, и окружающие, надо полагать, к ним привыкли [Морохин, с. 54–58].

Лечить монарха было непросто, так как Петр I, привыкший к деятельной и активной жизни, не мог смириться с тем, что болезнь вырывала его из ее привычного темпа. В конце 1724 г. царь совершил несколько поездок. Примечательно, что в эти же дни Петр I продолжал периодически употреблять рекомендованные Блюментростами минеральные воды, что может свидетельствовать о не совсем хорошем самочувствии. 16 декабря 1724 г. Ж. Кампредон отметил: «В настоящее время Царь пьет выписанные ему из Пирмонта воды...» [Дипломатическая переписка, с. 366].

Наступившие рождественские праздники сопровождались весельем и обильным употреблением алкоголя. Иностранные наблюдатели отмечали, что в эти дни Петр I «без перерыва разъезжает себе по наиболее именитым домам в сопровождении двухсот персон,

с певчими, которые распевают на разные лады и угощаются на счет посещаемых лиц» [Дипломатическая переписка, с. 386]. Однако употребление алкоголя, видимо, привело к новому обострению болезни. И. Лефорт 3 февраля отметил: «Говорят, что попойка, бывшая при выборе князя папы, много способствовала Его (Петра I. – А. М.) болезни» [Дипломатические документы, с. 397–398, 402; Брикнер, с. 123]. Более подробную информацию приводил в своем донесении Кампредон, который сообщал 23 января 1725 г.:

Вся прошлая неделя посвящена была избранию нового потешного папы, причем соблюдались почти все церемонии конклава, в котором Царь пробыл всю ночь с пятницы на субботу [Дипломатическая переписка, с. 406].

Ф. Вильбуа отметил, что на церемонии царь выпил несколько стаканов водки, несмотря на увещевания медиков, что и привело к обострению болезни [Вильбуа, с. 195–196]. Уже 17 января походный журнал зафиксировал, что Петр I «заболел и никуда ездить не изволил» [Походный журнал 1725 года, с. 1–2, 59]. Общее руководство лечением продолжал осуществлять И. Л. Блюментрост, при котором находились лекарь (по другим сведениям – гоф-хирург) Х. Паульсон и аптекарь Липгольд «для составления клистиров и для беспрестанных припарок» царю [Штелин, с. 73]. В те дни царя пытались лечить и другими лекарствами, в числе которых упоминаются «бальзамические травы». Кроме того, к низу живота больного был прикреплен пластырь [Дипломатическая переписка, с. 418, 415].

Обострение болезни в январе 1725 г. было настолько сильным, что И. Л. Блюментрост принял решение привлечь к лечению царя и других врачей. С момента ухудшения здоровья царя глава медицинского ведомства запрашивал письменного совета о методах лечения у европейских медицинских светил Г. Буергаве и Э. Шталя, отправив им описание болезни Петра I [Рихтер, с. 92]. 19 января было предписано срочно выслать из Москвы в Петербург «с величайшим поспешанием» доктора Г. Поликоло. 23 января туда же, но уже за другим медиком (Н. Бидлоо) был отправлен капрал Преображенского полка Никита Данилов. Наконец, 25 января в Ревель за доктором Бурхетом был отправлен лекарь Ордорф [РГАДА Ф. 396. Оп. 2. № 1104. Л. 23, 27]. Дабы не терять время, было решено собрать консилиум из медиков, находившихся на тот момент в Петербурге. Феофан Прокопович оставил свидетельство о том, что врачи,

...сколько их на тот час обреталось в Санктпетербурге, кроме единого подагрою удержанного, на совет созванные, между собою рассуждали, есть ли какая в больном теле, також и в искусстве их надежда здравия; и хотя отчаяния знаков никаких не показывали, однако не тайно было, что совета и надежды всякой лишены стали [Прокопович, с. 5].

Одним из тех, кто пытался помочь больному царю, был итальянский врач А. И. Азарити, который приехал в Россию в 1721 г., служил профессором анатомии в Медико-хирургическом училище и имел репутацию неплохого хирурга [Рихтер, с. 171–173; Чистович, с. LXVII–LXIX]. Ж. Кампредон 30 января (19-го по старому стилю) сообщал, что накануне

...в ночь с ним (Петром I. – А. М.) опять сделался припадок задержания мочи, сопровождавшийся лихорадкой и сильными острыми болями. Вчера утром боли несколько утихли, но Царь все-таки призвал к себе одного итальянского доктора, приятеля моего, с которым пожелал посоветоваться наедине, в присутствии только переводчика. Доктора этого призвали так поспешно с приказанием, немедля ни минуты, явиться к Царю, что я перепугался тем более, что до сих пор прочие врачи не допускали его до особы Монарха, о котором рассказывали, будто у него опухоль в нижней части живота и множество других болезненных явлений, казавшихся опасными. Однако вечером этот доктор итальянец приехал ко мне и успокоил меня. Он сказал, что, хотя ему и приказано держать все в тайне, но из дружбы ко мне и зная, какое участие я принимаю в здоровье Царя, он не скроет от меня истину. Он исследовал Монарха, и, по его словам, наложенный ему на нижнюю часть живота пластырь служит лишь размягчающим средством для облегчения мочеиспускания. Задержание является следствием застарелой венерической болезни, от которой в мочевом канале образовалось несколько небольших язв. Все это нисколько не опасно, и как только острые боли пройдут – а это должно случиться в несколько дней – он, доктор, надеется совершенно вылечить Монарха, если только он разрешит ему призвать на помощь одного французского хирурга. Хирург этот служит у меня и в самом деле обладает секретом вылечивать без всякого риска, посредством одной испарины и скорбута, и самые застарелые венерические болезни. Он многих лечил здесь, и с замечательным успехом.

Через несколько дней Азарити вновь уверил французского дипломата, что «крепкий организм Царя вполне поборет болезнь, если только Монарх будет следовать его советам» [Дипломатическая переписка, с. 415, 418]. А. И. Азарити предложил выпустить накопившуюся мочу, а затем лечить «внутреннюю язвину, образовавшуюся у шейки мочевого канала». Поначалу И. Л. Блюментрост отверг эту версию, но затем из-за дальнейшего ухудшения состояния здоровья царя был вынужден признать верным способ лечения, который предложил итальянский врач.

Тогда и было принято решение провести операцию, которая представляла собой катетеризацию мочевого пузыря. Провел ее 25 января другой медик – иностранец, проживавший в Петербурге, гоф-хирург У. Горн, трудившийся в Петербургском госпитале. Горн, по некоторым данным, не имел докторской степени, но, несмотря на это, видимо,

был неплохим хирургом, в связи с чем в 1717 г. и был принят на российскую службу «для показания лекарям операций бандажей, а временем и в хирургии» с жалованием 250 рублей в год. В 1719 г. он числился уже «первым надворным лекарем» с жалованием 400 рублей в год [Чистович, с. XLVI]. Ж. Кампредон описал эту процедуру так:

...Задержание мочи возобновилось с страшными болями, и Царь был при смерти. Врачи, заметив, что урина издает очень сильный дурной запах, решили употребить щелочные соли и с помощью их извлечь урину, которая, как они предполагали, свернулась и испортилась в мочевом пузыре. Вчера они сделали Царю эту операцию и извлекли два фунта урины с страшным гнилостным запахом и смешанной с небольшими частицами какого-то сгнившего органического вещества, которое врачи признают кусочками оболочки мочевого пузыря. Однако после операции Царь немного заснул, и весь остаток дня надеялись на улучшение, но в ночь с ним делались несколько раз обмороки. Сегодня (25 января по старому стилю – А. М.) часов в 9 утра он попросил есть; ему подали овсянки, но едва он проглотил несколько глотков, как его схватил сильный пароксизм лихорадки, сопровождавшийся судорогами, от которых он не мог говорить и оставался в безчувственном состоянии до полудня... [Дипломатическая переписка, с. 420–421].

Информацией о проведении Петру I операции обладал и саксонский дипломат И. Лефорт. 3 февраля 1725 г. он отметил: «Вчера прибегли к помощи инструмента, чтобы спустить мочу и гной». Через несколько дней, 10 февраля, он привел и новые подробности хирургического вмешательства:

Когда Горн, знаменитый хирург, 15 лет служивший в госпиталях Франции, был призван для операции зондом, все полагали, что причиной задержки мочи был камень, но он доказал, что это вовсе не камень, а большое количество материи, которую операция заставила вытечь, и что эта едкая материя, разъедаясь, образовала нарывы в мочевом пузыре, закрывавшие проход для мочи. И так как эти нарывы были очень воспалены, то это походило на антонов огонь, и было уже поздно делать надрезы, которые могли раньше спасти жизнь Царю [Дипломатические документы, с. 398–399].

Во время операции, проведенной Горном, «вышло урины с пивной стакан». Горну помогали Паульсон и аптекарь Дипгольд, которые держали царя за руки [Штелин, с. 75]. Примечательно, что в день операции, 25 января, Петр I еще смог подписать письмо к прусскому королю Фридриху Вильгельму I, в котором просил прислать в Россию придворного медика Сталя, «дабы он сам немедленно сюды ко мне приехал» [РГАДА Ф.142. Оп. 3. № 226. Л. 1]. Однако медики оказались бессильны, и в ночь с 28 на 29 января 1725 г. император скончался в страшных мучениях.

Уже после смерти Петра I Ж. Кампредон в одной из своих депеш возложил вину за его смерть на лейб-медиков И. Л. и Л. Л. Блюментростов, заново описав весь ход событий во второй половине января 1725 г.:

Так как Монарх был столь же нетерпелив, сколько и деятелен, то врачи его, господа Блюментросты, при первых припадках прописывали ему лишь слабые, временно облегчающие средства. Очень возможно, что невежество, в котором нельзя не заподозрить этих врачей, было главной причиной той легкости, с какой Царь сам относился к своей болезни, воображая, будто всегда несколько облегчавшие его минеральные воды могут вполне уничтожить внутренний яд. Между тем опыт доказал, что они, напротив, приносили вред, особенно потому, что Царь последовательно принимал олонецкие и пирмонтские воды зимою, в самые сильные морозы. Вследствие всего этого Монарх все прихварывал с самого возвращения своего из Ладogi... В ночь с 20 на 21 января с ним сделался жестокий припадок задержания мочи. Ему дали обычные употребляемые в таких случаях лекарства и через несколько дней объявили, что всякая опасность прошла. Однако ж призвали на совет нескольких врачей и, между прочим, некоего весьма сведущего итальянца по имени Азарити. Когда ему объяснили причину болезни Царя, он признал ее излечимой, если последуют предлагаемому им способу лечения. А именно: извлекут из мочевого пузыря застоявшуюся и гниющую в нем урину, чем предупредится воспаление, а затем посредством лекарства, пользу которого врач этот многократно изведal на опыте, примутся за излечение язвочек, покрывающих, по общему мнению врачей, шейку мочевого пузыря. Блюментросты отвергли сначала совет, поданный не ими, и продолжали свое паллятивное лечение, так что до утра субботы 3 числа того месяца положение Царя нисколько не улучшилось. К вечеру этого дня ему стало хуже, а ночью с ним сделались такие судороги, что все думали, что он не перенесет их. За судорогами последовал сильный понос, а в воскресенье утром заметили, что урина издает сильный гнилостный запах. Итальянский врач обратил на это внимание прочих врачей и снова стал настаивать на необходимости извлечь урину из мочевого пузыря. Тем не менее, это отложили до следующего дня; и только в десять часов утра хирург, англичанин по имени Горн, удачно сделал эту операцию. Извлечено было до четырех фунтов урины, но уже страшно вонючей и с примесью частиц сгнившего мяса и оболочки пузыря. Однако Царь все же почувствовал облегчение. Он проспал несколько часов, и по городу разнесся слух, что всякая опасность миновала. Ночь с понедельника на вторник прошла довольно спокойно, но часов в десять утра, когда Царь попросил поесть и проглотил несколько ложек поданной ему овсянки, с ним тут же сделался сильный параксизм лихорадки. Тогда то все поняли, что у него начался антонов огонь и что, следовательно, нет более никакой надежды. Ни один из врачей не осмеливался сообщить это известие Царице. Но когда Толстой спросил Азарити, тот сказал ему, что если

для блага государства нужно принять какие-нибудь меры, то пора приступить к ним, ибо Царю недолго уж остается жить [Дипломатическая переписка, с. 435–436].

Известный голландский врач Г. Бургаве впоследствии косвенно признал неправоту И. Л. Блюментроста, когда, прочитав описание болезни и смерти царя, воскликнул, что «правильное лечение обошлось бы в копейки, а жизнь больного была бы спасена». Под правильным лечением медик подразумевал использование такого лекарства, как колхицин [Возгрин, с. 63; Штелин, с. 82].

Таким образом, способы лечения Петра I в 1724 – начале 1725 г., практиковавшиеся придворными медиками Блюментростами, не разделялись не только рядом известных российских врачей, но и крупными специалистами Европы. В итоге в общественном сознании правящей элиты стала укрепляться мысль о профнепригодности Блюментростов, которая во многом способствовала опале лейб-медиков в начале 1730-х гг.

Список литературы

Брикнер А. Г. Императрица Екатерина. 1725–1727 гг. : По документам венского архива // Вестн. Европы. 1894. № 1. С. 121–148.

Вильбуа Ф. Рассказы о российском дворе // Вопр. истории. 1991. № 12. С. 192–206.

Возгрин В. Е. Год 1725 : Документальная хроника. СПб. : ЛИК, 2007. 264 с.

Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе, Кампредона, с французским двором и французским посланником при Оттоманской Порте, маркизом де Бонаком, с 1723 по март месяц 1725 г. // СИРИО. Т. 52. 485 с.

Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // СИРИО. Т. 3. 553 с.

Донесения прусского королевского посланника при русском дворе барона Густава фон-Мардефельда и ответы ему короля Фридриха Вильгельма (годы с 1721 по 1730) // СИРИО. Т. 15. 655 с.

Зимин И. В., Смирнов А. В., Аль-Шукри С. Х., Лукичев Б. Г. Последняя болезнь и смерть Петра Великого // Нефрология. 2003. Т. 7. № 2. С. 88–92.

Империя после Петра. М. : Фонд Сергея Дубова, 1998. 576 с.

Летенкова О. Э. Ян Хови – первый хирург российского флота : Материалы к биографии // Историография и источниковедение отечественной истории : сб. науч. ст. Вып. 3. СПб. : ООО «Техника», 2003. С. 89–104.

Морохин А. В. «От Академии отказать и президентом более не быть» : Борьба придворных медиков в 1720–1730-е годы // Родина. 2009. № 2. С. 54–58.

Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М. : Мысль, 1994. 397 с.

Письма русских государей и других особ царского семейства : в 5 ч. М. : Тип. С. Орлова, 1861. Ч. 1. 166 с.

Походный журнал 1724 года. СПб. : [Б. и.], 1855. 50 с.

Походный журнал 1725 года. СПб. : [Б. и.], 1855. 68 с.

Прокопович Ф. Краткая повесть о смерти Петра Великого. СПб. : Тип. И. Глазунова, 1831. 120 с.

Редин Д., Серов Д. Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П. П. Шафирова князю А. Д. Меншикову (1716–1717) // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 2. С. 471–502. DOI 10.15826/qr.2017.2.229.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 28; Ф. 142. Оп. 3. № 226; Ф. 396. Оп. 2. № 1104.

Рихтер В. История медицины в России : в 3 т. М. : Университет. тип., 1820. Т. 3. 112 с.

Фонтенель. Похвальное слово царю Петру I // Мезин С. А. Петр I во Франции. СПб. : Европ. дом, 2015. С. 261–276.

Чистович Я. История первых медицинских школ в России. СПб. : Тип. Я. Грея, 1883. VI, 662, CCCLXX с.

Широкова В. А., Собисевич А. В. Марциальные воды : История первой отечественной водолечебницы // Современные проблемы геологии, геофизики и геоэкологии Северного Кавказа. Т. 5. Грозный : Грознен. рабочий, 2016. С. 657–660.

Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом : в 3 ч. М. : Тип. Решетникова, 1830. Ч. 2. 179 с.

Юность державы. М. : Фонд Сергея Дубова, 2000. 520 с.

Яковлев Г. М., Аникин И. А., Трохачев С. Ю. Материалы к истории болезни Петра Великого // Воен.-мед. журн. 1990. № 12. С. 57–60.

References

Brückner, A. G. (1894). Imperatritsa Ekaterina. 1725–1727 gg. Po dokumentam venskogo arkhiva [Empress Catherine. 1725–1727. According to Documents from the Vienna Archive]. In *Vestnik Evropy*. No.1, pp. 121–148.

Chistovich, Ya. (1883). *Istoriya pervykh meditsinskikh shkol v Rossii*. [The History of the First Medical Schools in Russia]. St Petersburg, Tipografiya Y. Greya. VI, 662, CCCLXX p.

Diplomaticeskaya perepiska frantsuzskogo polnomochnogo ministra pri russkom dvore, Kampredona, s frantsuzskim dvorom i frantsuzskim poslannikom pri Ottomanskoj Porte, markizom de Bonakom, s 1723 po mart mesyats 1725 g. [Diplomatic Correspondence of Campredon, French Ambassador Plenipotentiary at the Russian Court with the French Court, and Marquis de Bonnac, French Ambassador at the Ottoman Porte, between 1723 and March 1725]. (1886). In *SIRIO*. Vol. 52. 485 p.

Diplomaticheskie dokumenty, otnosyashchiesya k istorii Rossii v XVIII stoletii [Diplomatic Documents Related to the History of Russia in the 18th Century]. (1868). In *SIRIO*. Vol. 3. 553 p.

Doneseniya prusskogo korolevskogo poslannika pri russkom dvore barona Gustava fon-Mardefel'da i otvety emu korolya Fridrikha Vil'gel'ma (gody s 1721 po 1730) [Reports of the Prussian Royal Envoy to the Russian Court, Baron Gustav von Mardefeld, and Responses from King Friedrich Wilhelm (from 1721 to 1730)]. (1875). In *SIRIO*. Vol. 15. 655 p.

Fontenelle. (2015). Pokhval'noe slovo tsaryu Petru I [High Praise for Tsar Peter I]. In Mезин, S. A. *Petr I vo Frantsii*. St Petersburg, Evropeiskii dom, pp. 261–276.

Imperiya posle Petra [The Empire after Peter]. (1998). Moscow, Fond Sergeya Dubova. 576 p.

Letenkova, O. E. (2003). Yan Khovi – pervyi khirurg rossiiskogo flota. Materialy k biografii. [Jan Howie – the First Surgeon of the Russian Navy. Materials for a Biography]. In *Istoriografiya i istochnikovedenie otechestvennoi istorii. Sbornik nauchnykh statei*. Iss. 3. St Petersburg, OOO “Tekhnika”, pp. 89–104.

Morokhin, A. V. (2009). “Ot Akademii otkazat' i prezidentom bolee ne byt'». Bor'ba pridvornykh medikov v 1720–1730-e gody [To Exclude from the Academy and to Be President No More. The Struggle of Court Physicians in the 1720s and 1730s]. In *Rodina*. No. 2, pp. 54–58.

Pavlenko, N. I. (1994). *Ptentsy gnezda Petrova* [Nestlings of Peter's Nest]. Moscow, Mysl'. 397 p.

Pis'ma russkikh gosudarei i drugikh osob tsarskogo semeistva v 5 ch. [Letters of Russian Monarchs and Other Members of the Royal Family. 5 Parts]. (1861). Moscow, Tipografiya S. Orlova. Part 1. 166 p.

Pokhodnyi zhurnal 1724 goda [Route Journal of 1724]. (1855). St Petersburg, S. n. 50 p.

Pokhodnyi zhurnal 1725 goda [Route Journal of 1725]. (1855). St Petersburg, S. n. 68 p.
Prokopovich, F. (1831). *Kratkaya povest' o smerti Petra Velikogo* [A Short Story about the Death of Peter the Great]. St Petersburg, Tipografiya I. Glazunova. 120 p.

Redin, D., Serov, D. (2017). Vtoroe puteshestvie Petra Pervogo v Evropu v pis'makh barona P. P. Shafirova knyazyu A. D. Menshikovu (1716–1717) [Peter the Great's Second Voyage to Europe in the Letters of Baron P. P. Shafirov to Prince A. D. Menshikov (1716–1717)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 2, pp. 471–502. DOI 10.15826/qr.2017.2.229.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 9. Department 3. Book 28; Stock 142. List 3. No. 226; Stock 396. List 2. No. 1104.

Richter, V. (1820). *Istoriya meditsiny v Rossii v 3 t.* [History of Medicine in Russia. 3 Parts]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Vol. 3. 112 p.

Shirokova, V. A., Sobisevich, A. V. (2016). Martsial'nye vody. Istoriya pervoi otechestvennoi vodolechebnitsy [Martsialnye Vody. The History of the First Russian Hydrotherapy]. In *Sovremennye problemy geologii, geofiziki i geoekologii Severnogo Kavkaza*. Vol. 5. Grozny, Groznenskii rabochii, pp. 657–660.

Stäehlin, J. (1830). *Podlinnye anekdoty o Petre Velikom v 3 ch.* [Authentic Anecdotes about Peter the Great. 3 Parts]. Moscow, Tipografiya Reshetnikova. Part 2. 179 p.

Villebois, F. (1991). Rasskazy o rossiiskom dvore [Stories about the Russian Court]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 192–206.

Vozgrin, V. E. (2007). *God 1725. Dokumental'naya khronika* [1725. Documentary Chronicle]. St Petersburg, LIK. 264 p.

Yakovlev, G. M., Anikin, I. A., Trokhachev, S. Yu. (1990). Materialy k istorii bolezni Petra Velikogo [Materials for the Clinical Record of Peter the Great]. In *Voенno-meditsinskii zhurnal*. No. 12, pp. 57–60.

Yunost' derzhavy [The Youth of the State]. (2000). Moscow, Fond Sergeya Dubova. 520 p.

Zimin, I. V., Smirnov, A. V., Al'-Shukri, S. Kh., Lukichev, B. G. (2003) Poslednyaya bolezni' i smert' Petra Velikogo [The Last Illness and Death of Peter the Great]. In *Nefrologiya*. Vol. 7. No. 2, pp. 88–92.

The article was submitted on 01.08.2019

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАНКОВСКОГО СИНДИКАТА КАК БИРЖЕВОГО «КРАСНОГО КРЕСТА»*

Павел Лизунов

Северный (Арктический) федеральный университет,
Северодвинск, Россия

Владимир Морозан

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

THE ESTABLISHMENT AND ACTIVITIES OF A BANKING SYNDICATE: THE “RED CROSS” STOCK EXCHANGE

Pavel Lizunov

Northern Arctic Federal University,
Severodvinsk, Russia

Vladimir Morozan

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article considers the activity of the syndicate also known as the “Red Cross” stock exchange. The authors study a unique case in Russia’s economic life where the State Bank established a syndicate based on the leading credit facilities of the empire in order to regulate the stock market. The study refers to archival materials from the Russian State Historical Archive, more particularly, business documents of the central office of the State Bank, the St Petersburg branch of the Bank, and the special Credit Chancellery. The authors employ traditional research methods, providing an objective systematic analysis of certain historical processes in the Russian economy and

* *Citation:* Lizunov, P., Morozan, V. (2020). The Establishment and Activities of a Banking Syndicate: The “Red Cross” Stock Exchange. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1406–1421. DOI 10.15826/qr.2020.4.535.

Цитирование: Lizunov P., Morozan V. The Establishment and Activities of a Banking Syndicate: The “Red Cross” Stock Exchange // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1406–1421. DOI 10.15826/qr.2020.4.535 / Лизунов П., Морозан В. Организация и деятельность банковского синдиката как биржевого «Красного креста» // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1406–1421. DOI 10.15826/qr.2020.4.535.

society. According to the government and St Petersburg bankers, the syndicate that appeared at the very start of the economic crisis of 1890 and 1903 was supposed to mitigate the negative consequences of the crisis for certain industrial enterprises and banks. The paper considers the first period of its existence from 1899 to 1911. Established at the initiative of Minister of Finance S. Yu. Witte and made up of the largest banks and banking houses, the syndicate was directly controlled by the State Bank, which provided it with resources for operations on the capital stock exchange. Operated by the country's main bank, the syndicate enjoyed a certain amount of freedom, which allowed it buy dividend bonds. It is noteworthy that allocating the necessary funds for these exchange operations, the State Bank secured itself against potential losses, as all potential risks were to be managed by the banking union. Obviously, it was these conditions between the State Bank and the syndicate that enabled the latter to operate with some independence, pursuing its own commercial interests. The authors conclude that its operations at the exchange were conditioned by its own idea of the importance of certain dividend bonds for the stock exchange, which was reflected in the securities it bought. The syndicate's operations on the St Petersburg Stock Exchange were contradictory, as its decisions were not always successful. However, it managed to avoid considerable losses and finished its operations with a profit in 1911.

Keywords: St Petersburg Exchange; commercial banks; bank syndicate; stock market; economic crisis.

Статья посвящена деятельности синдиката, известного также под названием биржевого «Красного креста». Рассматривается уникальный для экономической жизни России случай создания усилиями Государственного банка синдиката из ведущих кредитных учреждений империи для регулирования рынка ценных бумаг. В основу исследования легли архивные материалы из фондов РГИА, в частности, делопроизводственные документы Центрального управления Государственного банка и Санкт-Петербургской конторы того же банка, Особой канцелярии по кредитной части. Авторы обратились к традиционным методам научной работы, дав объективный системный анализ конкретно-исторических процессов в российской экономике и обществе отмеченного периода. Возникший в самом начале экономического кризиса 1899–1903 гг., банковский синдикат, по мнению правительства и петербургских банкиров, должен был смягчить негативное влияние кризиса на положение дел ряда промышленных предприятий и банков. В работе описан первый период его существования с 1899 по 1911 г. Созданный по инициативе министра финансов С. Ю. Витте, синдикат из крупнейших столичных банков и банкирских домов действовал под непосредственным контролем Государственного банка, который и выделял необходимые денежные ресурсы для операций на столичной бирже. При этом синдикат имел определенную степень

свободы, что позволяло ему скупать на фондовой бирже интересные ему дивидендные бумаги. Примечательно то, что, выделяя необходимые оборотные средства на биржевые операции синдиката, Государственный банк практически оградил себя от возможных потерь, переложив все риски на участников этого банковского объединения. Очевидно, именно эти условия договора между Государственным банком и синдикатом позволили последнему действовать с определенной долей самостоятельности, преследуя в основном свои коммерческие интересы. Сделан вывод о том, что его операции на фондовом рынке диктовались собственными представлениями о важности тех или иных дивидендных бумаг для фондового рынка, что и отразилось на выборе приобретаемых ценностей. Операции синдиката на Санкт-Петербургской бирже носили противоречивый характер, удаchi чередовались с просчетами, но в целом ему удалось избежать серьезных потерь, закончив свою деятельность в 1911 г. с прибылью.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская биржа; коммерческие банки; банковский синдикат; фондовый рынок; экономический кризис.

В отечественной историографии основательно разработана тема кредитной политики государства [Левин; Боровой; Гиндин, 1927; Гиндин, 1948; Бовыкин, Петров; Петров], рассмотрены различные отрасли банковской деятельности [Ананьич; История Банка России; Кредит и банки в России; Лебедев; Проскуракова; Саломатина]. При этом остаются направления, которые освещены крайне слабо или вовсе не исследованы. К ним можно отнести роль кредитных заведений на фондовом рынке страны, рассмотренную лишь частично в нескольких публикациях [Лизунов; Бородкин, Коновалова]. Фактически нет специальных работ, рассматривающих возникающие с конца XIX – начала XX в. объединения отдельных коммерческих банков с целью реализации на бирже ценных бумаг или для стабилизации фондового рынка.

К последним годам XIX столетия Россия подошла с ощутимыми достижениями в экономическом развитии. За все пореформенные годы объем ее промышленного производства увеличился в семь с лишним раз, оставив по этим показателям позади Германию, Францию и Англию. Сформировались банковская система и относительно разветвленная биржевая сеть. Вместе с тем конец XIX – начало XX в. для России оказались омрачены тяжелейшим экономическим кризисом 1899–1903 гг., перешедшим в длительную депрессию, продолжавшуюся вплоть до 1909 г.

Следует отметить, что 1899 г. начался на бирже неплохо, но оживление продолжалось лишь до первых чисел февраля, когда стало наблюдаться резкое падение всех ценных бумаг, усиливавшееся с каждым месяцем. Осенью 1899 г. в России разразился экономический кризис, начало которого положили банкротства известных миллио-

неров П. П. фон Дервиза и С. И. Мамонтова. Для многих эти фигуры, как отмечал известный историк В. И. Бовыкин, были олицетворением богатства и процветания [Бовыкин, с. 128].

Министерство финансов в начале кризиса не спешило принимать решительные действия для поддержки рынка ценных бумаг, считая, что банки сами справятся с возникшими проблемами. Однако вскоре возникли проблемы у других предприятий. Затруднения переживали Восточное общество товарных складов, Александровский сталелитейный, Невский и Сормовский железодельные заводы, Первое общество подъездных путей, Общество Приморской Петербургско-Сестрорецкой железной дороги, общество «Кавказ и Меркурий», Брянский рельсопрокатный завод и многие другие предприятия [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 296. Л. 32–37].

Ввиду сложившегося положения министр финансов С. Ю. Витте обратился к императору в августе 1899 г. с докладом об оказании указанному обществу финансовой поддержки. В нем было отмечено, что Восточному обществу предстояли платежи в общей сумме 8 047 404 руб. наличных средств, на оплату которых у него имелись всего лишь 2 089 000 руб., таким образом, недоставало 5 958 404 руб. Для покрытия означенной суммы Витте предлагал приобрести в портфель Государственного банка у Восточного общества его облигации по цене 90 % от номинальной суммы в 4 491 250 руб. Остальные недостающие средства примерно в 1,9 млн руб. он полагал покрыть за счет займа обществу из Государственного банка под соло-векселя [РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 368. Л. 46]. Таким образом, Министерство финансов попыталось не только спасти от краха Восточное общество, но и избежать дальнейшего ухудшения фондового рынка.

С начала осени 1899 г. Петербургская фондовая биржа погрузилась в оцепенение, операции с ценными бумагами сократились до минимума. Биржевые бюллетени, публикуемые в прессе, выглядели весьма уныло и безрадостно. Изо дня в день сообщалось, что настроение биржи «твердое» и «тихое». «Твердо» – то есть никто не продает, «тихо» – никто не покупает. Пресса писала:

Мы переживаем кризис, развитию которого не предвидится конца... бюллетени приносят с каждым днем все новые и новые понижения самых солидных ценностей [Новости, 1900, 12 мая].

На бирже с каждым днем становится все хуже и хуже, положение приобретает положительно угрожающий характер [Промышленный мир, 1900, 4 июня, с. 573].

Интересное описание состояния Санкт-Петербургской биржи принадлежит управляющему столичной конторы Государственного банка А. Р. Вернандеру:

Слабое настроение биржи, продолжавшееся все последнее время, к концу настоящего декабря (1899 г.) пошло как будто на разрешение, и биржа под влиянием улучшения денежного рынка на Западе стала проявлять частичное оживление. Однако оживление это было слишком еще незначительно и недолговременно, и общий характер месяца остался малодейственным как на дивидендном, так и на фондовом рынках [РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 32. Л. 50].

Дефицит денежных средств на столичной бирже достиг своего апогея 23 сентября 1899 г., ставшего очередным «черным днем» для Санкт-Петербургской биржи. Однако предпринятые Государственным банком усиленные меры позволили ослабить напряжение к концу года. В частности, 20 октября 1899 г. по инициативе министра финансов Витте в целях противодействия необоснованному падению цен дивидендных бумаг, обращающихся на Санкт-Петербургской фондовой бирже, был образован синдикат из 15 крупнейших банков и банкирских домов. В официальных документах он получил название «Синдикат 20 октября 1899 г.», «промышленный», «интервенционный» или «банковский синдикат». В прессе его часто называли банковским или биржевым «Красным крестом». Его создание было вызвано разразившимся в 1899 г. экономическим кризисом в России, желанием ослабить его последствия, стабилизировать ситуацию на фондовом рынке, поддержать солидные промышленные предприятия и банки.

Примечательно, что изменение условий на денежном рынке Санкт-Петербурга в 1899 г. привело к переоценке как фондовых, так и дивидендных бумаг. При этом фонды поднимались незначительно, да и то не все. Например, 4 % рента ушла вверх на 1,5 %, а 4,5 % вкладные листы земельных банков потеряли около 3,5 %. Наиболее ощутимые потери понесли дивидендные ценности. По словам управляющего Санкт-Петербургской конторы Государственного банка Вернандера, эти бумаги, «теряя от переоценки из повышенного процента примерно из 7 %, проигрывали в цене сверх того от поселившегося недоверия к устойчивости промышленных предприятий, отразившегося неравномерно на различных ценностях этой категории» [РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 32. Л. 50]. Потери дивидендных бумаг колебались от 20 до 30 и даже до 50 % к их ценам в начале года. Только на нефтяные бумаги в 1899 г. наблюдался рост, поскольку эта отрасль еще продолжала динамично развиваться при высокой цене на нефтяные продукты.

Ситуация, сложившаяся на фондовом рынке, требовала реакции со стороны государства. 5 ноября 1899 г. Витте во всеподданнейшем докладе «О противодействии случайному падению цен дивидендных бумаг» сообщал:

За последнее время на С.-Петербургской бирже были неоднократные случаи резкого падения цен некоторых дивидендных бумаг,

обусловленные не столько действительным ухудшением в положении соответствующих предприятий, сколько предложением сравнительно небольших партий таких бумаг, не находивших, тем не менее, помещения ввиду удрученного состояния биржи и стесненного положения денежного рынка. В целях противодействия этим нежелательным явлениям, последствием которых бывают не только серьезные убытки отдельных лиц, но в значительной степени подрывается и доверие к самим предприятиям и даже целым отраслям промышленности, по моей инициативе образован синдикат из главных петербургских банков и банкиров с капиталом 5 550 000 руб. для поддержания и урегулирования в надлежащих случаях цен бумаг таких предприятий, жизнеспособность коих не вызывает сомнений.

Предложение министра финансов было «высочайше утверждено» [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 313. Л. 12–12 об., 42].

Согласно своему уставу (ст. 168), Государственный банк имел лишь право «приобретать и продавать за свой счет государственные и гарантированные правительством ценные бумаги» [Устав, с. 46]. Допускались покупка и продажа иных биржевых инструментов, в частности, бумаг частных коммерческих учреждений. Однако с созданием банковского синдиката Государственный банк вышел за рамки уставных правил, действуя на бирже силами посредников, что не предусматривалось уставом. В связи с этими обстоятельствами министру финансов потребовалось высочайшее разрешение на проведение этой операции.

В образованный синдикат вошли 15 крупнейших российских коммерческих банков и банкирских домов².

Из доклада министра финансов следовало, что у участников синдиката не было свободных средств для проведения отмеченной операции. Витте писал:

При этом ввиду отсутствия вообще в настоящее время у означенных банков и банкиров свободных средств потребные для операции синдиката суммы будут авансированы в пределах действительной надобности,

² Доли участия отдельных банков были распределены следующим образом: 1. Волжско-Камский коммерческий банк (500 тыс. руб.). 2. Русский для внешней торговли банк (500 тыс. руб.). 3. Санкт-Петербургский международный коммерческий банк (500 тыс. руб.). 4. Санкт-Петербургский учетный и ссудный банк (500 тыс. руб.). 5. Санкт-Петербургский частный коммерческий банк (500 тыс. руб.). 6. Коммерческий банк в Варшаве (300 тыс. руб.). 7. Русский торгово-промышленный коммерческий банк (300 тыс. руб.). 8. Сибирский торговый банк (300 тыс. руб.). 9. Русско-Китайский банк (250 тыс. руб.). 10. Санкт-Петербургско-Азовский коммерческий банк (250 тыс. руб.). 11. Санкт-Петербургско-Московский коммерческий банк (100 тыс. руб.). 12. «Г. Вавельберг», банкирский дом (500 тыс. руб.). 13. «Э. М. Мейер и К», банкирский дом (500 тыс. руб.). 14. «И. В. Юнкер и К», банкирский дом (250 тыс. руб.). 15. «Лампе и К», банкирский дом (100 тыс. руб.). Означенные суммы выражали собой лишь доли участия членов синдиката. Сами же суммы, необходимые для биржевых операций, авансировались Государственным банком по мере необходимости.

но не свыше, однако, указанных 5 550 000 руб. Государственным банком [РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1004. Л. 14].

По этой причине при распределении прибылей или убытков интересы Государственного банка были наиболее защищенными. Если операции синдиката ликвидировались с прибылью, то из нее прежде всего отчислялись 6 % в пользу Государственного банка по расчету действительного пользования капиталом. Из оставшейся части прибыли еще 50 % отчислялись в его пользу, и лишь оставшаяся половина делилась между участниками синдиката пропорционально доле участия каждого. Если операции ликвидировались с убытком, то проценты в пользу Государственного банка за пользование капиталом не начислялись, а сумма убытков возмещалась ему членами синдиката пропорционально долям их участия.

Заведование операциями синдиката сосредоточивалось в ведении особого комитета, в который вошли представители Международного, Волжско-Камского, Учетного и ссудного, Русского для внешней торговли банков и банкирского дома «Г. Вавельберг». Председателем комитета являлся управляющий Государственным банком [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 324. Л. 10 об.]. Решения комитета принимались большинством из четырех голосов против двух и при неизменном условии, что с мнением большинства был согласен управляющий Государственным банком. Решение комитета имело обязательную силу для всех участников синдиката и не могло быть оспорено. Заседания комитета созывались по мере надобности управляющим. На заседания членов синдиката приглашались также представители банков, не входившие в его состав, например, «Лионского кредита», Северного банка, Русско-Китайского банка, Соединенного банка, Центрального общества взаимного кредита, Общества взаимного кредита Санкт-Петербургского уезда, банкирского дома «Бр. Рябушинские» и др. Синдикат создавался с целью «противодействия неосновательному колебанию цен дивидендных бумаг, обусловленному не столько действительным ухудшениям в положении соответствующих предприятий, сколько сравнительно небольших партий таких бумаг, не находящихся, тем не менее, помещения в виду удрученного состояния биржи и стесненного положения денежного рынка» [РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1004. Л. 40].

Первоначально срок действия синдиката определялся до 1 июня 1900 г. [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 324. Л. 10 об.; Д. 313. Л. 1 об.]. Однако в конце марта 1900 г. произошел крах петербургского торгового дома «Паллизен» [ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 5304, 5312, 5317; Ф. 243. Оп. 1. Д. 339, 729, 772, 773]. Эта фирма, названная газетой «Промышленный мир» «столпом и украшением разных отраслей российской промышленности», неожиданно для многих прекра-

тила свои платежи [Промышленный мир, 1900, 26 марта, с. 439]. Весной 1901 г. произошел крах харьковского банкира и промышленника А. К. Алчевского. Не найдя другого выхода, он бросился под поезд. После его смерти в делах коммерческих предприятий Алчевского были обнаружены серьезные финансовые проблемы, которые и вынудили его принять решение о самоубийстве [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 296. Л. 50].

Пошатнулись дела банкирского дома Л. С. Полякова [Там же. Л. 62–64]. В весьма затруднительном положении оказались и связанные с ним некоторые частные коммерческие учреждения: Московский международный торговый, Орловский коммерческий и Южно-Русский промышленный банки [Там же. Л. 57–61].

В связи с сохранявшимся «угнетенным настроением биржи» 22 мая 1900 г. банки и банкирские дома, вошедшие в синдикат, решили продлить его действие еще на шесть месяцев, с 1 июня по 1 декабря. А через две недели, 6 июня, банковский синдикат «ввиду израсходования» всей выделенной суммы постановил увеличить капитал до 8025 000 руб. и продлить свою деятельность еще на три месяца, до 1 марта 1901 г. [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 296. Л. 42–42 об.; Ф. 588. Оп. 2. Д. 1004. Л. 14, 16].

10 февраля 1901 г. на имя управляющего Государственным банком Э. Д. Плеске поступили два конфиденциальных письма от управляющего Санкт-Петербургской конторой Московского купеческого банка коммерции советника И. А. Исаева, человека вполне осведомленного и компетентного. В своих записках он высказал свое мнение о недостатках синдиката и свои предложения о его устройстве [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 296. Л. 18–21]. Несмотря на опасения, что они могут произвести «тяжелое впечатление» на Плеске, он все же «взял на себя смелость написать... чистую правду». По мнению Исаева, при устройстве банковского синдиката не было выработано никакой системы, вследствие этого во главе дела очутились несколько лиц, которые решали, какие бумаги завтра нужно будет поддержать и купить на бирже. Исполняли подобные поручения на бирже банкирский дом «Г. Вавельберг» через своего управляющего О. С. Берсона и Учетный и ссудный банк через доверенного банка Ю. И. Рамсейера. «Эти господа, – утверждал Исаев, – вечером же сообщали некоторым маклерам и спекулянтам, что завтра будут поддерживать такие-то бумаги, которые они и скупали рано, до биржи». В начале биржевого собрания они бездействовали, но в конце начинали усиленно искать бумаги, повысив их стоимость на 5–10 руб., по которым они покупались синдикатом. В результате покупавшие утром наживались, остальные же терпели убытки. Чтобы остановить падение бумаг и успокоить публику, Исаев предлагал усилить роль Государственного банка в синдикате и увеличить размеры капитала от 10 до 21 млн руб. [Там же].

К середине февраля 1901 г. синдикат приобрел 10647 акций Русского для внешней торговли (1068), Русско-Китайского (75), Торгово-Промышленного коммерческого (5835), Санкт-Петербургского международного (2056), Учетного и ссудного (545) и Частного банков (1068); 6817 акций Александровского сталелитейного завода (100), Брянского (720), Донецко-Юрьевского (1247), Никополь-Мариупольского (576), «Сормово» (2284), Коломенского (208), Мальцевского (131), Путиловского (815), «Гартман» (440), «Буэ» (80), Санкт-Петербургского металлического завода (130), Московского металлического завода (86); 3697 акций и паев Бакинского общества (1258), Каспийского товарищества (35), товариществ «Манташев и К^о» (2247), «Бр. Нобель» паи (35), «Бр. Нобель» акции (122), всего 21 116 бумаг. Их биржевая стоимость на 15 февраля 1901 г. составляла 5 433 524 руб., синдикату они обошлись в 6 522 652 руб., убыток составил 1 089 127 руб. [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 324. Л. 3].

Во всеподданнейшем докладе «О результатах разрешенной Государственному банку в 1900 г. операции покупки негарантированных бумаг» Витте сообщал об итогах операции приобретения дивидендных ценностей в течение 1900 и 1901 гг. [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 296. Л. 73–74]. На покупку бумаг было затрачено в 1900 г. 2 145 197 руб., в 1901 г. – 684 018 руб., всего 2 829 215 руб. Выручено от продажи бумаг в 1900 г. 722 349 руб., в 1901 г. – 380 450 руб., всего 1 102 799 руб.

Осталось непроданных бумаг на сумму 440 590 руб., их стоимость Государственный банк определял в 360 976 руб. В их число входили 305 акций Брянских заводов (95 565 руб.), 1175 акций Донецко-Юрьевского общества (313 656 руб.), 250 акций Александровского завода (31 368 руб.). Из этих бумаг акции Брянского завода стоили в то время около 110 руб., что было значительно ниже цены, по которой они приобретались (357–231½ руб.), и дальнейшего их подъема в ближайшее время не ожидалось. Дело Донецко-Юрьевского завода находилось в администрации, и, хотя дела предприятия улучшились, все же цена его акций была очень низкой по сравнению с той, по которой акции покупались (95 руб. против 318–225 руб.). Что касается акций Александровского завода, то никакой цены на бирже они не имели [Там же].

Если бы оставшиеся нереализованными бумаги были проданы по существующим ценам, то выручка за них составила бы 145 тыс. руб., и таким образом чистый убыток по операции выразился бы в сумме (361 тыс. – 145 тыс. = 216 тыс. руб.). Министр финансов признал необходимость того, чтобы затрату в сумме 361 тыс. руб. покрыть из прибылей банка за 1903 г. и сами бумаги до их реализации зачислить на балансовый счет Государственного банка [Там же. Л. 73–75].

17 февраля 1901 г. банки, вошедшие в синдикат, постановили продлить его деятельность еще на один год, с 1 марта 1901 г. по 1 марта

1902 г. Указанную в дополнительном договоре сумму капитала синдиката 8 025 тыс. руб. увеличить до 10 031 250 руб. с соответственным увеличением долей участия в синдикате каждого из банков.

Действия синдиката продлевались еще дважды до 1903 г., когда ввиду улучшившегося положения денежного рынка его капитал с 1 марта 1903 г. был сокращен до первоначальной суммы 5 550 тыс. руб. [РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1004. Л. 40]. Однако тревожные известия с Дальнего Востока о возможности военного конфликта с Японией вновь вызвали колебания курсов дивидендных бумаг на бирже и, как следствие, разговоры о необходимости восстановления деятельности биржевого «Красного креста» [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 296. Л. 76].

Начало Русско-японской войны и первые неудачи русской армии сразу же отразились на фондовой бирже [Записка В. Н. Коковцова, с. 52]. Падение ценностей, начавшееся с государственных фондов и ипотечных бумаг, происходило порывисто, скачками. Так, государственная рента к 28 января опустилась с 99,5 до 93 %, выигрышные займы и некоторые дивидендные бумаги понизились еще более, а колебания их были значительно резче.

29 января 1904 г. Министерство финансов выступило с разъяснениями ситуации с падением цен, в которой обвинило биржевую спекуляцию на понижение. 30 января управляющий министерством Э. Д. Плеске для поддержания курсов ценных бумаг предложил возобновить деятельность банковского синдиката [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 296. Л. 76; Ф. 588. Оп. 2. Д. 1004. Л. 23–23 об.].

Очередной синдикатский договор был заключен 26 февраля 1904 г. С 1 марта 1904 г. капитал синдиката вновь был увеличен до 8 025 тыс. руб., а со 2 декабря 1905 г. – до 10 031 250 руб. [РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1004. Л. 40]. В докладе от 2 декабря 1905 г. министр финансов В. Н. Коковцов доводил до сведения Николая II:

Ныне ввиду затраты уже большей части... суммы 8 025 000 руб., а также дальнейшего значительного понижения цен дивидендных бумаг за последнее время и продолжающегося нервного настроения биржи, члены синдиката признали необходимым увеличить размер капитала синдиката с 8 025 000 руб. до 10 031 250 руб. [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 296. Л. 80–80 об.].

Для получения сумм, необходимых синдикату для его операций, авансировавшихся Государственным банком, министр финансов каждый раз «испрашивал» соответствующего «высочайшего повеления». Синдикат действовал на основании периодически возобновлявшихся договоров [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 296. Л. 42–42 об., 48–49 об., 76; Д. 324. Л. 1–2; Ф. 587. Оп. 56. Д. 313. Л. 3, 6; Д. 350. Л. 6–8]. В результате правительственных мер удалось избежать паники на Санкт-Петербургской бирже. Вскоре биржа вернулась к более спокойному состоянию и реальной оценке состояния экономического положения страны.

В дальнейшем деятельность синдиката продлевалась еще 21 февраля 1906 г., затем 19 февраля 1905 г., 27 февраля 1907 г., 26 февраля 1908 г., 28 февраля 1909 г.

Революционные события 1905 г. также сказались на фондовом рынке. Социальные потрясения в стране вызвали на бирже значительные понижения курсов ценных бумаг, особенно это коснулось государственных фондов. В докладе министра финансов Коковцова отмечалось, что неоднократные случаи резкого падения цен процентных бумаг «обуславливались не столь крупным предложением ценностей, сколь полным отсутствием покупателей – вследствие чего предложение сравнительно небольшой партии нередко приводило к значительному понижению курсов» [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 296. Л. 81–81 об.]. Более всего министра беспокоило то, что «подобное явление наблюдается и по отношению к главной из наших государственных бумаг – 4 % ренте», что заметно отражается на заграничных ценах всех русских фондов. Чтобы ослабить это влияние, Коковцов предложил образовать второй банковский синдикат с капиталом в 5 млн руб. для поддержания и урегулирования цены только 4 % государственной ренты сроком на один год. Доля участия Госбанка составила 2,5 млн руб., остальные 2,5 млн руб. распределились поровну по 500 тыс. руб. между пятью коммерческими банками: Волжско-Камским, Международным, Русским для внешней торговли, Азовско-Донским и Учетным и ссудным. При этом ввиду отсутствия у банков свободных средств, необходимых для операций второго синдиката, суммы также авансировались из Государственного банка [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 296. Л. 81–81 об.].

На бирже до минимума сократились размеры биржевого оборота и учетно-ссудных операций в кредитных учреждениях, совершенно прекратился выпуск частных ценных бумаг, резко уменьшилось количество посетителей биржевых собраний.

В связи понижением цен на Санкт-Петербургской бирже государственного 5 % займа 1906 г. с целью противодействия этому явлению был образован третий синдикат, состоявший из Международного и Учетно-ссудного банков во главе с Государственным банком. Сумма покупок определялась в 4,5 млн руб., доли участия были разделены по $\frac{1}{3}$ на каждый банк [РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 350. Л. 10–10 об.].

Меры по созданию биржевого «Красного креста» хоть и ослабили напряженность на фондовом рынке, но полностью изменить ситуацию не могли. Биржевой крах 1899 г. явился началом промышленного кризиса 1900–1903 гг., и никакие правительственные меры не могли предотвратить грядущие экономические и финансовые потрясения.

С 20 октября 1899 по 1 марта 1907 г. в портфель синдиката были приобретены бумаги 30 промышленных предприятий и банков (табл. 1).

Таблица 1

**Суммы прибыли и убытков, полученные синдикатом
от приобретенных на бирже ценных бумаг в период с 1899 по 1907 г.**

Наименование бумаг (акции, паи)	Прибыль (в руб.)	Убыток (в руб.)
Русского для внешней торговли банка	251 829,82	–
Международного банка	409 858,89	–
Частного банка	–	63 052,50
Русско-Китайского банка	5 212,38	–
Учетного и ссудного банка	78 714,48	–
Торгово-промышленного банка	322 429,60	–
Азовско-Донского банка	6 411,89	–
Волжско-Камского банка	8 781,11	–
Рижского коммерческого банка	165,62	–
Александровского завода	–	18 560,90
«Сормово»	120 102,37	–
Донецко-Юрьевского завода	–	128 688,55
Брянского рельсового завода	–	103 761,58
Петербургского металлического завода	–	2 207,68
«Гартман»	34 367,06	–
Никополь-Мариупольского завода	–	16 130,97
«Буэ» / Русского паровозостроительного общества	30 297,18	–
Путиловского завода	60 772,29	–
Московского металлического завода	–	20 043,90
Коломенского вагоностроительного завода	32 494,85	–
Мальцевского завода	7 106,43	–
Балтийского вагоностроительного завода	3 347,34	–
«Манташев и К ^о »	–	192 347,92
Каспийского товарищества	–	21 393,13
Бакинского нефтяного общества	–	228 021,15
«Бр. Нобель», акции	13 127,84	–
«Бр. Нобель», паи	34 333,46	–
Брянского каменноугольного общества	3 844,26	–
Северного стеклопромышленного общества	–	442,13
Юго-Восточной железной дороги	1 125,98	–
<i>Итого</i>	<i>1 424 447,83</i>	<i>714 650,40</i>

Источник: РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1004. Л. 49.

На состоявшемся 4 марта 1910 г. заседании представителей банков и банкиров, принимавших участие в синдикате, управляющий Государственным банком А. В. Коншин сделал заявление о желательности прекращения его деятельности ввиду того, что обстоятельства, вызвавшие его образование в 1899 г., «ныне миновали». Выслушав Коншина и принимая во внимание, что к тому времени в портфеле синдиката имелись нереализованными лишь акции частного Коммерческого банка, участники синдиката постановили ограничить действия синдиката реализацией остатка и считать синдикат прекратившим свое действие со времени ликвидации остатка [РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1004. Л. 127].

Окончательно «Синдикат 20 октября 1899 г.» прекратил свое существование 26 апреля 1911 г. В число членов комитета этой организации в отмеченное время входили: А. Ф. Мухин – от Волжско-Камского коммерческого банка; А. Ф. Рафалович – от Русского для внешней торговли банка; А. И. Вышнеградский – от Санкт-Петербургского международного коммерческого банка; Я. И. Утин – от Санкт-Петербургского учетного и ссудного банка; О. С. Берсон – от банкирского дома «Г. Вавельберг». За все время существования синдиката по осуществленным им операциям был подготовлен отчет по движению сумм, а также по полученной прибыли и убыткам (табл. 2 и 3).

Таблица 2

Движение сумм по счету синдиката (в руб.)

Год / период	Куплено процентных бумаг на сумму	Продано процентных бумаг на сумму	Остаток затрат
1899	1 975 642	118 191	1 875 450
1900	7 264 643	2 818 588	6 303 505
1901	1 739 102	1 154 927	6 887 680
1902	229 359	1 596 776	5 511 263
1903	35	4 693 485	817 813
1904	2 106 629	1 298 740	1 625 702
1905	8 841 357	5 196 686	5 270 373
1906	3 342 403	7 510 183	1 102 593
01.01–01.03.1907	—	1 732 390	—
01.03.1907–01.03.1908	4 779 592	2 189 153	2 613 854
01.03.1908–01.03.1909	1 346 391	3 131 203	785 53
01.03.1909–01.03.1910	294 259	855 913	263 391
01.03.1901–26.04.1911	74 340	347 268	—
<i>Получено прибыли</i>	658 817	32 643 509	32 643 509

Источник: РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1004. Л. 128–129, 205–206.

Таблица 3

Счет прибыли и убытка по операциям синдиката

	Прибыль	Убыток
По акциям частных коммерческих банков	1 219 559	219 365
По акциям металлургических предприятий	336 437	289 393
По акциям и паям нефтепромышленных предприятий	47 461	441 762
По акциям разных предприятий	6 322	442
<i>Всего</i>	<i>1 609 780</i>	<i>950 963</i>
<i>Прибыль</i>	<i>658 817</i>	

Источник: РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1004. Л. 128–129, 205–206.

Как отмечалось выше, синдикат был обязан оплачивать Государственному банку соответствующие проценты за пользование его капиталом. За время с 1899 по 1907 г. эти отчисления составили 1 823 184 руб. [РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1004. Л. 41, 48]. В 1910 г. сумма процентов составляла 500 тыс. руб., а в 1911–158 817 руб. [Там же. Л. 128, 205].

Подводя итоги деятельности банковского синдиката, отметим, что при относительно скромных финансовых приобретениях от операций на фондовом рынке его значение было весьма весомым. Созданный усилиями Министерства финансов и ведущими банками столицы, синдикат сыграл немаловажную роль в стабилизации курса ценных бумаг крупнейших промышленных предприятий и банков империи. Благодаря финансовой помощи правительства, оказанной ему из средств Государственного банка, синдикату удалось скупить на фондовом рынке столицы солидный пакет дивидендных бумаг, что позволило избежать неоправданного падения их курсовой стоимости. Несомненно, его члены преследовали свои коммерческие интересы, реализуя цели и задачи этого банковского объединения. Однако в целом их роль оказала положительное воздействие на общее состояние фондового рынка. Без финансовой интервенции правительства посредством банковского синдиката положение фондового рынка могло оказаться куда драматичнее.

Список литературы

Ананьич Б. В. Банкирские дома в России, 1860–1914 г.: очерки истории частного предпринимательства. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2006. 293 с.

Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. – 1908 г. М.: Наука, 1984. 287 с.

Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. М.: Перспектива, 1994. 352 с.

Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.). М.: Госфиниздат, 1958. 288 с.

- Бородкин Л. И., Коновалова А. В.* Российский фондовый рынок в начале XX в.: факторы курсовой динамики. СПб. : Алетейя, 2010. 296 с.
- Гиндин И. Ф.* Банки и промышленность в России (до 1917 г.): К вопросу о финансовом капитале в России. М. ; Л. : Промиздат, 1927. 208 с.
- Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки : Из истории фин. капитала в России. М. : Госфиниздат, 1948. 454 с.
- Записка В. Н. Коковцова в комитет финансов от 17 марта 1904 г. // Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. М. ; Л. : Моск. рабочий, 1926. 400 с.
- Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Б. В. Ананьич, М. И. Арефьева, С. Г. Беляев и др. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 667 с.
- Лебедев С. К.* С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М. : РОССПЭН, 2003. 528 с.
- Левин И. И.* Акционерные коммерческие банки в России. Пг. : Тип. Т-ва Пгтр. печ. пр-ва И. Р. Белопольского и К^о, 1917. Т. 1. 301 с.
- Лизунов П. В.* Санкт-Петербургская биржа и рынок ценных бумаг в России (1703–1917 гг.). СПб. : Блиц, 2004. 576 с.
- Новости. 1900. 12 мая.
- Петров Ю. А.* Коммерческие банки Москвы, конец XIX в. – 1914 г. М. : РОССПЭН, 1998. 367 с.
- Промышленный мир. 1900. 26 марта; 4 июня.
- Проскуракова Н. А.* Земельные банки Российской империи. М. : РОССПЭН, 2002. 517 с.
- РГИА. Ф. 583. Оп. 19. Д. 95; Ф. 587. Оп. 56. Д. 296, 313, 324, 350; Ф. 588. Оп. 2. Д. 32, 368, 1004.
- Саломатина С. А.* Коммерческие банки в России: динамика и структура операций 1864–1917 гг. М. : РОССПЭН, 2004. 304 с.
- Устав Государственного банка. СПб. : Д. В. Чичинадзе, 1894. 56 с.
- ЦГИА СПб. Ф. 243. Оп. 1. Д. 339, 729, 772, 773; Ф. 852. Оп. 1. Д. 5304, 5312, 5317.

References

- Anan'ich, B. V. (2006). *Bankirskie doma v Rossii, 1860–1914 g.: ocherki istorii chastnogo predprinimatel'stva* [Banking Houses in Russia, 1860–1914: Essays on the History of Private Enterprise]. Moscow, ROSSPEN. 293 p.
- Anan'ich, B. V., Aref'eva, M. I., Belyaev, S. G. et al. (2005). *Kredit i banki v Rossii do nachala XX veka: Sankt-Peterburg i Moskva* [Credit and Banks in Russia before the Early 20th Century: St Petersburg and Moscow]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 667 p.
- Borodkin, L. I., Konvalova, A.V. (2010). *Rossiiskii fondovyi rynek v nachale XX v.: faktory kursovoi dinamiki*. [The Russian Stock Market at the Beginning of the 20th Century: Exchange Rate Dynamics Factors]. St Petersburg, Aleteiya. 296 p.
- Borovoi, S. Ya. (1958). *Kredit i banki Rossii (seredina XVII v. – 1861 g.)* [Credit and Banks of Russia. (Mid-17th Century – 1861)]. Moscow, Gosfinizdat. 288 p.
- Vovykin, V. I. (1984). *Formirovanie finansovogo kapitala v Rossii. Konets XIX v. – 1908 g.* [The Formation of Financial Capital in Russia. The Late 19th Century – 1908]. Moscow, Nauka. 287 p.
- Vovykin, V. I., Petrov, Yu. A. (1994). *Kommercheskie banki Rossiiskoi imperii*. [Commercial Banks of the Russian Empire]. Moscow, Perspektiva. 352 p.
- Gindin, I. F. (1927). *Banki i promyshlennost' v Rossii (do 1917 g.). K voprosu o finansovom kapitale v Rossii* [Banks and Industry in Russia (before 1917). On the Issue of Financial Capital in Russia]. Moscow, Leningrad, Promizdat. 208 p.
- Gindin, I. F. (1948). *Russkie kommercheskie banki. Iz istorii fin. kapitala v Rossii* [Russian Commercial Banks: From the History of Financial Capital in Russia]. Moscow, Gosfinizdat. 454 p.

Lebedev, S. K. (2003). *S.-Peterburgskii Mezhdunarodnyi kommercheskii bank vo vtoroi polovine XIX veka: evropeiskie i russkie svyazi* [St Petersburg International Commercial Bank in the Second Half of the 19th Century: European and Russian Relations]. Moscow, ROSSPEN. 528 p.

Levin, I. I. (1917). *Aktsionernye kommercheskie banki v Rossii* [Joint-Stock Commercial Banks in Russia]. Petrograd, Tipogrfiya Tovarishchestva Petrogradskogo pechatnogo proizvodstva I. R. Belopol'skogo i Co. Vol. 1. 301 p.

Lizunov, P. V. (2004). *Sankt-Peterburgskaya birzha i rynek tsennykh bumag v Rossii (1703 – 1917 gg.)* [St Petersburg Exchange and Securities Market in Russia (1703–1917)]. St Petersburg, Blits. 576 p.

Novosti [Novosti]. (1900). 12 May.

Petrov, Yu. A. (1998). *Kommercheskie banki Moskvy, konets XIX v. – 1914 g.* [Commercial Banks of Moscow, Late 19th Century – 1914]. Moscow. ROSSPEN, 367 p.

Promyshlennyi mir [Promyshlennyi Mir]. (1900). 26 March; 4 June.

Proskuryakova, N. A. (2002). *Zemel'nye banki Rossiiskoi imperii* [Land Banks of the Russian Empire]. Moscow. ROSSPEN. 517 p.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 583. List 19. Dos. 95; Stock 587. List 56. Dos. 296, 313, 324, 350; Stock 588. List 2. Dos. 32, 368, 1004.

Salomatina, S. A. (2004). *Kommercheskie banki v Rossii: dinamika i struktura operatsii 1864–1917 gg.* [Commercial Banks in Russia: Dynamics and Structure of Operations 1864–1917]. Moscow. ROSSPEN. 304 p.

TsGIA SPb. [Central State Historical Archive of St Petersburg]. Stock 243. List 1. Dos. 339, 729, 772, 773; Stock 852. List 1. Dos. 5304, 5312, 5317.

Ustav Gosudarstvennogo banka [State Bank Charter]. (1894). St Petersburg, D. V. Chichinadze. 56 p.

Zapiska V. N. Kokovtsova v komitet finansov ot 17 marta 1904 g. [Note by V. N. Kokovtsov to the Finance Committee as of March 17, 1904]. (1926). In *Russkie finansy i evropeiskaya birzha v 1904–1906 gg.* Moscow, St Petersburg, Moskovskii rabochii. 400 p.

The article was submitted on 22.10.2019

ЦЕЛОСТНОСТЬ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВ В МИРЕ ПРОБЛЕМНОЙ СУВЕРЕННОСТИ*

Сергей Маркедонов

Игорь Окунев

МГИМО Университет,
Москва, Россия

STATE INTEGRITY AND SELF-DETERMINATION IN A WORLD OF PROBLEMATIC SOVEREIGNTY

Sergey Markedonov

Igor Okunev

MGIMO University,
Moscow, Russia

This article analyses the phenomenon of states with problematic sovereignty, which has arisen in recent decades, primarily in the former Yugoslavia and the USSR (but not only). The existing model of the world order, in which only UN member countries are recognised as participants in international relations, does not reflect a real picture of the world. At the beginning of the study, the authors examine theoretical approaches (A. Yannis, A. Tsutsiev, A. Sebentsov, V. Kolosov) to typologising entities with problematic sovereignty and territorial principles of national self-determination (i. e. the realisation of the right to self-determination) as well as re-conceptualising sovereignty approaches (J. Agnew and N. Dobronravina). Next, the authors describe how these topics are embedded in the logic of the developing crisis of relations between Russia and the West and lead to a diplomacy of double standards. It is especially emphasised that at different periods and depending on the political state of affairs, both sides in the present-day confrontation supported separatist projects and the preservation of territorial integrity and state unity. This results from contradictions in the system of international law, vague criteria for recognising newly formed independent states, and

* Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921–01–05.

** *Citation:* Markedonov, S., Okunev, I. (2020). State Integrity and Self-Determination in a World of Problematic Sovereignty. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1422–1436. DOI 10.15826/qr.2020.4.536.

Цитирование: Markedonov S., Okunev I. State Integrity and Self-Determination in a World of Problematic Sovereignty // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1422–1436. DOI 10.15826/qr.2020.4.536 / Маркедонов С., Окунев И. Целостность и самоопределение государств в мире проблемной суверенности // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1422–1436. DOI 10.15826/qr.2020.4.536.

attempts to use conflicts instrumentally to realise strategic interests. According to the authors, a way out of this impasse could be an agreement between the West and Russia on some general rules of the game, including clearer criteria for the recognition of new states, the legality/illegality of secession, and the preservation of territorial integrity, as well as possible procedures for transition to a new status. However, this is unlikely to happen without reaching a comprehensive compromise or *modus vivendi* between the main stakeholders. The result of the article is a demonstration on the theoretical and applied levels that in the modern system of international relations, the concept of “territoriality” has become more complicated as a basic characteristic of the state. It now requires new legal and diplomatic approaches to resolve the contradiction between the principles of territorial integrity and the right of nations to self-determination. These new approaches should be developed by the expert community in the course of an unbiased analysis of the contemporary architecture of international relations.

Keywords: sovereignty; territorial integrity; self-determination; unrecognised states; separatism; ethno-political conflicts.

Рассматривается феномен государств с проблемной суверенностью, которые возникли в последние десятилетия, в первую очередь на территории бывших Югославии и СССР (но не только). Существующая модель мирового порядка, в котором фактически участниками международных отношений признаются только страны – члены ООН, не отражает реально сложившуюся картину мира. В исследовании рассматриваются теоретические подходы к типологизации образований с проблемной суверенностью и территориальным принципам национального самоопределения, то есть реализации права на самоопределение (А. Яннис, А. Цуциев, А. Себенцов, В. Колосов), а также взгляды на реконцептуализацию суверенитета (Д. Эгню, Н. Добронравин). Дан анализ того, как данные сюжеты развиваются в логике нарастающей конфронтации между Россией и Западом и приводят к дипломатии двойных стандартов. Особо подчеркивается, что обе стороны сегодняшней конфронтации в разные периоды и в зависимости от соображений политической конъюнктуры поддерживали и сепаратистские проекты, и принципы сохранения территориальной целостности и государственного единства. Этому способствуют и противоречия в системе международного права, и размытые критерии признания вновь образовавшихся независимых государств, а также попытки инструментального использования конфликтов для реализации стратегических интересов ведущих мировых держав. Выходом из имеющейся тупиковой ситуации, по мнению авторов, могли бы быть договоренности между Западом и Россией о неких общих правилах игры, которые включали бы более четкие критерии правомерности/неправомерности сецессии и сохранения территориальной целостности, а также возможные процедуры перехода к новому статусу. Однако без достижения если не всеобъемлющего компромисса, то определенного *modus vivendi* между заинтересованными сторонами это маловероятно. Итогом работы является демонстрация на теоретическом и прикладном уровнях того факта, что в современной системе международных отношений произошло значительное усложнение поня-

тия «территориальность» как базовой характеристики государства. В этой связи оно требует новых правовых и дипломатических подходов к разрешению противоречий между принципами территориальной целостности и правом наций на самоопределение. Эти новые подходы должно выработать экспертное сообщество в ходе непредвзятого анализа актуальной архитектуры международных отношений.

Ключевые слова: суверенитет; территориальная целостность; самоопределение; сепаратизм; этнополитические конфликты.

Территориальность в современных международных отношениях

Современный мир характеризуется наличием двух противоречивых тенденций – глобализации и дезинтеграции. С одной стороны, в мире все быстрее снимаются барьеры и границы для товаров и услуг, с другой, в разных частях планеты усиливаются сепаратистские настроения в пользу новых политических границ – от Шотландии и Каталонии до Иракского Курдистана и Бутенвиля в Океании, что нередко сопровождается гражданскими и этнополитическими конфликтами. В результате этого явления в нашем мире параллельно с существующей системой суверенных государств сложилась целая «вторая лига» непризнанных или частично признанных образований (а также проблемных (failed) стран, не способных контролировать свою территорию [Yannis; Себенцов, Колосов]. Наиболее точным было бы, по всей вероятности, отнесение такой группы стран к категории государств с проблемным суверенитетом [Цуциев]. Все этой с особой остротой вновь ставит старый вопрос о соотношении принципов территориальной целостности и права народов на самоопределение. Цель данной статьи – показать, что в современной системе международных отношений произошло усложнение понятия «территориальность» как базовой характеристики государства, которое требует новых правовых и дипломатических подходов к разрешению этого противоречия.

Нами разработана типология государств с проблемной суверенностью, позволяющая по-новому оценить территориальный фактор в процессах национально-государственного строительства, и обращено внимание на ограниченность существующих аналитических подходов к пониманию их роли в мировой политике. В нашем исследовании государства с проблемной суверенностью рассматриваются не только как участники этнополитических конфликтов, но и как устойчивые политические среды, обладающие собственной легитимностью и властными институтами, формирующие особую идентичность.

Статья представляет собой междисциплинарное исследование на стыке политической географии, регионоведения, этнополитологии и международных отношений. Эта фокусировка определяет теоретико-методологические рамки нашего исследования, основанного на синтезе различных парадигм. В рассмотрении борьбы за суверенитет (трактуемый как сохранение территориального единства

и, напротив, как сецессия, то есть достижение своей особой государственной суверенности) мы в самом общем виде опираемся на конструктивистскую традицию [Wendt; Kratochwil]. Наработки постпозитивистской школы международных исследований показывают, что в современных мировых процессах размывается принцип акторности, а теория рационального выбора не в полной мере может объяснять поведение национальных элит [Васкез; Сох]. Весьма продуктивны выводы представителей теории «критической геополитики», противопоставляющих классическое стабильное понимание суверенитета новому, динамическому [Agnew].

В современной политологии и теории международных отношений доминирует старая «территориальная» парадигма мироустройства, предполагающая, что мир разделен на протяженные в пространстве объекты (в первую очередь национальные государства, но также империи (в прошлом), сферы влияния и т. д.) [Бусыгина, Окунев, с. 106]. Территория воспринимается как наиболее ценный ресурс государства, значение которого со временем сакрализуется [Себенцов, Колосов]. Этот тезис хорошо иллюстрируется российско-японскими переговорами, в которых обе стороны явно готовы идти навстречу, но найти взаимоприемлемое решение пока не удается. Причина заключается главным образом в том, что в современной политике доминирует представление о «неделимости суверенитета», то есть о том, что территория может принадлежать либо целиком одному государству, либо целиком и полностью другому [Окунев, 2019]. На самом деле это положение ошибочно: в мировой истории есть множество примеров смешанного суверенитета, позволяющего реализовывать национальные интересы двух народов на одной и той же территории.

По всей видимости, мы живем в эпоху проблемной территориальности, то есть размывания устаревшего представления об архитектуре международных отношений, и становимся свидетелями формирования отдельного уровня мировой политики – сети небольших, но активных игроков, которые, с одной стороны, слабее суверенных государств в части внешнего признания своей государственности, но, с другой, существенно сильнее региональных автономий в части реализаций права проживающего на данной территории народа на самоопределение [Добронравин].

Для такой новой группы игроков на мировой арене дипломатическому и экспертному сообществу придется найти место в картине современных международных отношений.

Территория как признак государственности: государства с проблемной суверенностью

Различия между государствами на современной политической карте мира столь значительны, что порой даже кажется, что нельзя говорить об их видовом единстве (сравним, например, США, Южный Судан и Ватикан) [Jessor]. Поэтому попробуем выделить минималь-

ный набор признаков, объединяющих все страны мира. Часто в таком перечне можно встретить территорию, население, единые политическую и экономическую системы, международное признание, способность перераспределения общественных благ и обеспечения правопорядка и безопасности и пр. Одной из самых известных юридических попыток поставить точку в данном споре является Конвенция Монтевидео 1933 г. [Convention on Rights and Duties of States]. И хотя многие видные теоретики и практики международного права – такие, например, как член Комиссии ООН по международному праву Ян Браунли [Brownlie] и профессор Малькольм Шоу [Shaw], рассматривали принципы Конвенции Монтевидео как «существенные», но «не единственные и не непреложные», именно этим определением государства руководствовалась, например, Арбитражная комиссия по бывшей Югославии, названная также «комиссией Бадинтера» [Маркедонов, 2018].

Первым признаком Конвенции Монтевидео – *постоянным населением* – как это ни странно звучит, можно пренебречь. На самом деле государству не обязательно иметь собственное население, тем более постоянное. Это убедительно доказывают специфические страны-юрисдикции организаций (Ватикан, Мальтийский орден). Данные образования являются местом регистрации могущественных организаций (Римско-католическая церковь, Суверенный иерусалимский военно-монашеский орден госпитальеров им. св. Иоанна, Родоса и Мальты), созданными для того, чтобы они могли устанавливать собственные правила, не завися от других государств, на территории которых они находятся.

Второй признак является, по всей видимости, необходимым, если мы говорим о Вестфальской системе международных отношений, закрепившей именно за территориальными политическими системами исключительное *право участия в международных делах*. Однако этот признак требует уточнения. Государство не может менять территорию, переезжая с места на место, как люди, организации или даже города, оно произрастает из определенной территории и должно сохранять с этой территорией связь. Утрата даже части своей исконной территории приводит к кризису государственности, а ее полная потеря – к исчезновению государства, благодаря чему вопрос об исконных землях является одним из ключевых для процессов государственного строительства. Данный признак – принадлежность по происхождению к определенной территории – называется *автохтонностью*¹.

Третий и четвертый признаки Конвенции Монтевидео можно свести к понятию *суверенности*, которое и обозначает способность

¹ Автохтонность государства не стоит путать с автохтонностью народа. Племена и даже целые народы под воздействием различных причин часто меняли место жительства. В прошлые эпохи существовали и кочевые государства (Тюркский каганат VI в. или Монгольская империя XIII в.), но даже в них при перемещении центра управления государством и подвижности границ идея исконной территории сохранялась.

определенной власти устанавливать некие правила на определенной территории и для некоего населения (внутренний суверенитет), а также вступать в равноправные отношения с другими государствами (внешний суверенитет). Последнее не обязательно должно выражаться в дипломатическом признании, например, не признанный Россией Тайвань активно взаимодействует с РФ через Тайбэйско-Московскую координационную комиссию по экономическому и культурному сотрудничеству, де-факто исполняющую функции посольства.

По наличию автохтонности и суверенности государства можно разбить на отдельные типы. Суверенные, полноценные государства обладают автохтонностью, внутренним и внешним суверенитетом. Страны, у которых есть проблемы с внутренним суверенитетом, называются в научной литературе несостоявшимися [Brooks], а в случае, если они не обладают автохтонностью, они являются лишь правительствами в изгнании, которые только декларируют свой контроль за территориями. Государства, испытывающие проблемы с внешним суверенитетом, являются непризнанными, а в случае, если они также не обладают автохтонностью, повстанческими.

Традиционный подход к суверенности опирается на вестфальское понимание суверенитета, при котором мир состоит из суверенных государств, полностью контролирующих свою территорию. Несмотря на то, что, очевидно, такого никогда не было, последователи данного подхода продолжают считать полный суверенитет необходимым организующим принципом государства, естественным свойством политической власти. При таком подходе государственные образования понимаются как однородные системы, лишенные пространственных различий, олицетворяющие в своей политике некие единые внутренние тенденции и действующие в роли акторов мировой политики, сражающихся друг с другом за выживание.

При другом подходе, субъектном, государство следует считать не источником власти, а производным от процессов, имеющих место на территории данной страны, при которых власть и народ соединяются внешней и внутренней легитимностью и образуют единую гражданскую общность. Государства в этом случае становятся одними из субъектов международных отношений, в систему которых они встраиваются через свою внешнюю политику. Таким образом, второй подход позволяет нам увидеть новое измерение суверенности как дискурсивного пространственно обусловленного явления.

Право нации на самоопределение: территориальные основания

Традиционно выделяется два ведущих территориальных основания формирования государственности: формирование общей идентичности и маркирование ментальных границ сообщества через осознание угроз безопасности, или осознание общности «Мы» и актуализация общности «Другие» [Окунев, 2014]. Если формирование общей идентичности является внутренней основой формирования

государственности, то в качестве внешней выступает угроза безопасности, точнее, ее дискурс, формирующий образ «Других», на противопоставлении себя которым и возникает нация [Eriksen].

Исходя из описанных принципов должны формироваться исключительно гомогенные нации, основанные на понимании своей общности (в первую очередь территориальной) и инаковости по отношению к внешним силам. Между тем, в реальности трудно себе представить государство, которое не отличали бы гетерогенность и неравномерное развитие. В случае с США или Италией мы говорим о различиях между индустриальным Севером и аграрным Югом. В Германии или на Украине речь идет о дифференциации (политической, экономической, языковой или электоральной) по линии Запад – Восток. В случае же Франции или Англии фиксируются различия между более продвинутыми районами вокруг столичных мегаполисов и менее развитыми окраинными территориями. Эти линии размежевания могут затрагивать как социально-экономическую сферу, так и межконфессиональные отношения, электоральное поведение.

В логике двух механизмов государственного строительства периферия, развивая свою локальную идентичность и противопоставляя себя центру, будет стремиться к обособлению (вплоть до отделения). В ряде случаев так и произошло – от Нидерландов, приняв католицизм, отделились фламандцы, Чехия, начавшая радикальные рыночные преобразования, разошлась со Словакией, настроенной на постепенные структурные реформы. Если мысленно продлить действие двух приведенных механизмов до бесконечности, то процесс дробления политической карты мира и расщепления наций будет идти непрерывно, чего, тем не менее, в таком масштабе не наблюдается.

Наличие в каждой стране стойких антагонистических центр-периферических отношений наводит на мысль о возможности третьего механизма государственного строительства. Согласно критической теории внутреннего «Другого», процесс межрегиональной дифференциации внутри государства через создание и поддержание внутренних ментальных границ между центром и периферией является механизмом, позволяющим выявлять территории, нуждающиеся в поддержке для сохранения соответствия национальным нормам, и, соответственно, поддержания государственности. С точки зрения К. Джонсона и А. Коулмана, «указание центром на экономически и культурно более слабый регион объединяет оставшуюся часть этого государства за счет создания мифа, демонстрирующего величие национальных идеалов и опасность уклонения от них» [Джонсон, Коулман].

Именно теория внутреннего «Другого» объясняет, почему большинство территорий с проблемной суверенностью сложилось в результате распада Югославии и Советского Союза [Geldenhuis]. Внутри этих образований существовали необходимые для строительства политической нации линии оппозиции – сербов с албанцами или хорватами, грузин с абхазами и осетинами, армян с азербайджанцами

и т. д. В рамках больших образований они сглаживались более сильными общими центроостремительными силами, однако при падении центральной власти обострились и привели к появлению множества очагов напряжения. Первая волна такого национального строительства пришлась на начало 1990-х гг., вторая разразилась в 2008–2014 гг. в ходе углубления противоречий между Россией и Западом.

Россия и Запад: ситуативный выбор принципов территориальной целостности

Украинский политический кризис, отягощенный изменением статуса Крыма и вооруженным противостоянием в Донбассе, вызвал к жизни самое глубокое противостояние между Россией и Западом (США и Европейским союзом) за весь период после окончания холодной войны. Между тем, нельзя не заметить, что и до этой конфронтации отношения между Москвой, с одной стороны, и Вашингтоном и Брюсселем, с другой, существовали и ранее. Более того, они становились наиболее острыми и ожесточенными в те периоды, когда в фокусе дискуссий и споров оказывались проблемы национального самоопределения и территориальной целостности. Так было с Косово («косовский прецедент») и Чечней в 1998–1999 гг. и с признанием независимости Абхазии и Южной Осетии в 2008 г., с референдумом в Крыму и различной интерпретацией его итогов в 2014 г. При этом позиции России и Запада по вопросу о выборе наилучшего способа разрешения того или иного этнополитического кризиса никогда не отличались универсальностью и следованием каким-то одним критериям. США и их союзники всячески поддерживали и продвигали одностороннее провозглашение независимости бывшего автономного края Сербии Косово, но осуждали унилатерализм российской стороны, которая пошла на признание независимости бывших автономий в составе Грузинской ССР и присоединение автономной Республики Крым и Севастополя к РФ.

По схожему алгоритму во многом действовала и Москва. В ноябре 1999 г. Б. Н. Ельцин на саммите ОБСЕ в Стамбуле обращал свой пафос на так называемых «объективных критиков» России и осуждал внешнюю поддержку чеченской сецессии [Стамбульский саммит ОБСЕ]. В январе 2006 г. В. В. Путин заявлял о возможности применения прецедента самоопределения Косова для абхазов и южных осетин [Стенограмма пресс-конференции президента России Владимира Путина]. Через два с половиной года после этого независимость двух бывших автономий Грузинской ССР была признана РФ.

Категорически не приемля односторонних действий косовских албанцев и не признавая независимость бывшего автономного края Сербии, Москва, тем не менее, регулярно апеллирует к прецеденту на Балканах [Обращение Президента Российской Федерации], который Запад рассматривает как «уникальный случай».

Таким образом, Вашингтон, Брюссель и Москва поочередно побывали и сторонниками сецессии и «ревизионизма», и защитниками

статус-кво и территориальной целостности против сепаратистских устремлений. И Запад, и Россия обвиняют друг друга в использовании так называемых двойных стандартов. Но в действительности каждая из сторон заботится не столько о соблюдении неких идеальных правил, сколько решает конкретный политический «пазл» для продвижения своих интересов, попутно заботясь о его последующей легитимации. Принципы международного права используются по большей части ситуативно.

В итоге мы получаем две параллельные не пересекающиеся политико-правовые реальности. В одной существуют независимые государства Абхазия, Южная Осетия, Косово (хотя количество их признаний и несопоставимо), осуществляющие дипломатическое общение с теми, кто официально поддержал их самоопределение, а в другой есть «оккупированные» и «отторгнутые» территории (что автоматически низводит национальные движения за сецессию до положения «марионеток» крупных игроков). Есть два субъекта РФ, «воссоединившиеся» с Родиной и пришедшие в «родную гавань», а есть территория независимой Украины, подвергшаяся «аннексии» соседней страны, проводящей «имперскую политику». На фоне растущего недоверия сторон друг к другу и нежелания искать компромиссы никто не даст гарантию того, где и как будет использован инструмент поддержки или, напротив, сдерживания сецессии. При том, что и на Балканах, и на постсоветском пространстве сегодня есть немало точек, в которых принцип территориальной целостности сталкивается с борьбой за самоопределение.

Сецессия и нерушимость границ: сдержки и противовесы

75-летие конференций в Ялте и Потсдаме в 2020 г., а также 45-летие подписания Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе стали поводом для широкой дискуссии об эффективности нынешней системы миропорядка. Но вопрос о нерушимости границ и состоятельности многосоставных государств является одним из краеугольных камней любой системы международных отношений.

В этом контексте нельзя не отметить, что массовое появление в начале 1990-х гг. непризнанных образований на территории распавшихся государств – Советского Союза и Югославии (своеобразный «мировой рекорд», по словам британского эксперта Томаса де Ваала [Де Ваал]) – явилось в первую очередь последствием системного кризиса ялтинско-потсдамского мироустройства, которое базировалось на противоречии между зафиксированными во всех основополагающих декларациях и пактах ООН принципами территориальной целостности и нерушимости послевоенных границ, с одной стороны, и правом на самоопределение – с другой.

В результате оба полюса международной системы *volens nolens* способствовали укреплению этнического сепаратизма, используя его в различных обстоятельствах как инструмент для реализации своих внешнеполитических целей.

После того как была завершена Первая мировая война (когда были реализованы «14 пунктов Вудро Вильсона» и политическая программа большевиков по «самоопределению вплоть до отделения»), не было такого количества организованных по этническому принципу стран, как после завершения холодной войны. По справедливому замечанию болгарского политолога Ивана Крастева, «Европа любит думать о себе как о стабильном континенте, но в действительности здесь за два десятилетия начиная с 1989 года было создано и разрушено больше государств, чем в любом регионе мира в любое время. Даже чем в Африке в период деколонизации 1960-х годов. 15 новых государств появились на месте СССР, 7 – на месте бывшей Югославии, и 2 – на месте Чехословакии. Вдобавок к этому 4 “непризнанные республики” и еще другие, кто хотел бы пойти по их пути» [Крастев].

С момента приобретения независимости новые суверенные государства на просторах бывшего Советского Союза и Югославии осуществляли явную или скрытую конвертацию принципа территориальной целостности в принцип права наций на самоопределение [Токарев]. Но, обретя это право, многие из них уже в своем новом качестве и новых границах тут же заявили о своем «единстве и неделимости», зачастую без должного учета позиций автономных образований в их составе. Подобная смена вех привела к этнополитическим конфликтам, перешедшим в некоторых регионах (особенно в Закавказье и на Балканах) в «горячую фазу» [Маркедонов, 2006].

Расплывчатые контуры мироустройства.

Поиск единых правил

После существенной ревизии ялтинско-потсдамского мироустройства контуры нового миропорядка оказались весьма расплывчаты. Следовательно, размыты и критерии признания/непризнания как таковые [Маркедонов, 2018]. Отсюда и использование не столько правовых стандартов, сколько политической целесообразности в процессе признания. Более того, Международный суд ООН оказался не в состоянии обеспечить четкие указания в отношении последствий успешной практики сессии в своем консультативном заключении по поводу законности Декларации о независимости Косово. Его основным правовым аргументом стал тезис о том, что «международное право в целом не содержит какого-либо применимого запрещения деклараций независимости» [Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo].

Но именно в соответствии с данной логикой лидеры других этнонациональных движений и де-факто образований стали выстраивать обоснования для своего признания [Решение МС ООН по Косово усилит позиции Абхазии]. На руку им играет имеющаяся правовая неопределенность в сочетании с односторонними действиями западных стран в случае с Косово. Модель, при которой максималистские планки во взаимоотношениях с «материнским образованием»

(отделение как самоцель) получают солидную внешнюю поддержку, показала на примере отдельно взятого автономного края слишком большую эффективность, чтобы ее могли не увидеть или проигнорировать другие игроки.

И апелляции к прецеденту и практическому опыту Косово, постоянно используемые Москвой, возникают всякий раз неспроста. Как правило, сторонники «уникальности» косовского самоопределения апеллируют к тому, что, в отличие от кейсов Абхазии, Южной Осетии или Крыма, оно было реализовано под международным контролем и наблюдением. Между тем, признавая обоснованность приводимой аргументации, необходимо иметь в виду, что в данном случае речь идет не только и не столько об ооновском формате, но и о военном вмешательстве блока НАТО, о политическом давлении США и их союзников по ЕС на руководство Сербии. И смягчение позиций Белграда (вплоть до де-факто признания нынешнего состояния) – результат не принятия неких правовых решений, а сложившихся внешнеполитических реалий [Harzl]. Впрочем, и «косовский прецедент» стал следствием того, что процессы распада Югославии и Советского Союза в значительной степени проходили не в соответствии с правовыми установлениями, а в политической сфере.

Российские действия в Крыму были восприняты в США и ЕС как опасное проявление «ревизионизма» [Toal]. Однако нельзя не увидеть в действиях Москвы в период после 2014 г. во многом схожие алгоритмы, апробированные ранее Вашингтоном и Брюсселем на Балканах и в Закавказье. Но если для США эти регионы, по оценке Ю. Румера, Р. Сокольски и П. Стронски, имеют значение, но не жизненно важны, то для России (имеющей 70 % инфраструктуры своего Черноморского флота в Крыму) ситуация на Украине (да и в любой другой постсоветской стране) – важнейший приоритет внешней политики и безопасности [Rumer, Sokolsky, Stronski].

По справедливому замечанию политолога-международника Ф. А. Лукьянова, модель отношений России и Запада, развивавшаяся после 1991 г. (но сформированная еще в период перестройки), исчерпала себя. В этой модели Москва, несмотря на все свои несогласия с теми или иными шагами США и ЕС, пыталась не выходить за рамки западного внешнеполитического дискурса [Лукьянов]. Даже в августе 2008 г. во время «пятидневной войны» в Закавказье отношения не пришли к многолетним санкциям и отказу от партнерства по проблемам европейской безопасности [Никитин]. Однако это не заставило Запад рассматривать Россию в качестве равноправного партнера. Предельно идеологизированный взгляд на российские интересы, ставка на «новые демократии», декларировавшие свою приверженность прозападному выбору, способствовали нарастанию двусторонних проблем, которые не были открыты украинским кризисом. События в Киеве, Крыму и на Донбассе в 2014 г. лишь ускорили реакцию, начатую более ранними противоречиями по Кавказу и Балканам.

Выходом из этой тупиковой ситуации могли бы быть договоренности между Западом и Россией о неких общих правилах игры, которые включали бы более четкие критерии признания новых государств, правомерности/неправомерности сецессии, сохранения территориальной целостности, а также возможные процедуры перехода к новому статусу. Однако без достижения если не всеобъемлющего компромисса, то определенного *modus vivendi* между заинтересованными сторонами это маловероятно.

И все же если на дипломатическом уровне движение к компромиссам и выработке общего политико-правового языка пока кажется маловероятным, на экспертном такая дискуссия должна идти. Невозможно воспринимать мир согласно логике противоречивого международного права, видящего государствами фактически только членов ООН, невозможно анализировать международные процессы так, будто в реальности не существует, как минимум, более десяти образований, успешно поддерживающих свою внутреннюю стабильность, но не имеющих признания извне. Соответственно, нужен новый подход к территориальному принципу структуры международных отношений, к акторам мировой политической арены и базовым международно-правовым принципам, позволяющим разрешить дилемму между территориальной целостностью и правом народа на самоопределение.

Список литературы

Бусыгина И. М., Окунев И. Ю. Пространственное распределение силы и стратегии государств, или Что и как объясняет геополитика // *Полис. Полит. исслед.* 2014. № 2. С. 106–123.

Васкес Дж. А. Постпозитивистское течение: реконструирование научного подхода и теории международных отношений в эпоху критики классического рационализма // *Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. К. Буса, С. Смита.* М. : Гардарики, 2002. С. 226–250.

Де Ваал Т. Угрозы безопасности на Южном Кавказе // *Вестн. Европы.* 2002. № 7–8. С. 35–38.

Джонсон К., Коулман А. Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // *Культурная и гуманитарная география.* Т. 1. 2012. № 2. С. 107–125.

Добронравин Н. А. Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. СПб. : Изд-во ЕУ СПб., 2011. 56 с.

Крастев И. Иван Крастев о российских страхах и европейском порядке : интервью с И. Крастевым : [интервью брал С. М. Маркедонов] // *Caucasus Times* : [сайт]. 9 дек. 2010. URL: <http://caucasustimes.com/ru/ivan-krastev-o-rossijskih-strahah-i-ev/> (дата обращения: 25.02.2020).

Лукьянов Ф. А. Апология недосказанности // *Рос. газ.* : [сайт]. 2014. 23 дек. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/23/lukianov.html> (дата обращения: 25.02.2020).

Маркедонов С. М. Земля и воля // *Россия в глобальной политике.* 2006. № 1. С. 30–40.

Маркедонов С. М. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // *Вестн. РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения.* 2018. № 1 (11). С. 25–40. DOI 10.28995/2073-6339-2018-1-24-40.

Никитин А. И. Международное вмешательство в современные конфликты. Миротворческая политика ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО и ОДКБ. Москва, июнь 2017 : докл. междунар. дискусс. клуба «Валдай». С. 18–20 // *Валдай* : [сайт]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/16442> (дата обращения: 25.02.2020).

Обращение Президента Российской Федерации от 18.03.2014 г. // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 25.02.2020).

Окунев И. Ю. Межрегиональная дифференциация как основа формирования российской государственности // *Полития*. 2014. № 2. С. 70–83.

Окунев И. Ю. Было бы желание : Десять способов решения неразрешимого территориального спора // Россия в глобальной политике. 2019. № 2. С. 136–154.

Решение МС ООН по Косово усилит позиции Абхазии, заявил премьер страны // РИА Новости : [сайт]. 2010. 23 июля. URL: <http://ria.ru/politics/20100723/257739398.html> (дата обращения: 25.02.2020).

Себенцов А. Б., Колосов В. А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // *Полис*. Полит. исслед. 2012. № 2. С. 31–46.

Стамбульский саммит ОБСЕ. Выступление Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина 18 ноября 1999 года // МИД России : [сайт]. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/2b52bc67d48fb95643257e4500435ef7/30d93b83134c77aac3256886004d1ff5 (дата обращения: 25.02.2020).

Стенограмма пресс-конференции президента России Владимира Путина для российских и иностранных журналистов. 31 января 2006 года // Президент России : [сайт]. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/01/31/1310_type63380type63381tyre82634_100848.shtml (дата обращения: 25.02.2020).

Токарев А. А. Влияние государственности на эволюцию политических режимов Грузии и Украины в 1991–2014 годах. М. : МГИМО Ун-т, 2015. 310 с.

Цуцнев А. А. Территории проблемного суверенитета // *Научные тетради Института Восточной Европы*. Вып. 1. Непризнанные государства. М. : Территория будущего, 2006. С. 15–30.

Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo // International Court of Justice : [website]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/141/16010.pdf> (accessed: 25.02.2020).

Agnew J. Geopolitics: Re-visioning World Politics. 2nd Ed. L. : Routledge, 2003. 168 p.
Brooks R. E. Failed States, or the State as Failure? // *Univ. of Chicago Law Rev.* Vol. 72. 2005. № 4. P. 1159–1196.

Brownlie I. Principles of Public International Law. 5th Ed. Oxford : Oxford Univ. Press, 1998. 792 p.

Convention on Rights and Duties of States (inter-American). Dec. 26, 1933 // Yale Law School. Lillian Goldman Law Library : [website]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam03.asp (accessed: 25.02.2020).

Cox R. W. On Thinking about Future World Order // *Theory of International Relations*. Vol. 3. Approaches to International Relations: Constructivism / ed. by S. Chan, C. Moore. L. : Thousand Oaks ; N. Delhi : Sage Publ., 2006. P. 20–38.

Eriksen T. H. We and Us: Two Modes of Group Identification // *J. of Peace Research*. Vol. 32. 1995. № 4. P. 427–436. DOI 10.1177/0022343395032004004.

Geldenhuis D. Contested States in World Politics. L. : Palgrave Macmillan, 2009. 295 p.

Harzl B. Nationalism and Politics of the Past: The Cases of Kosovo and Abkhazia // *Rev. of Central and East European Law*. 2011. № 36 (2). P. 53–77. DOI 10.1163/092598811X12960354394722.

Jessop B. The State. Past, Present and Future. Cambridge : Polity, 2016. 303 p.

Kratochwil F. V. Rules, Norms, and Decisions: On the Conditions of Practical and Legal Reasoning in International Relations and Domestic Affairs. Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1989. 317 p.

Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. U.S. Policy toward the South Caucasus: Take Three. Washington : Carnegie Endowment for Intern. Peace, 2017. 44 p.

Shaw M. N. International Law. 4th Ed. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1997. 939 p.

Toal G. Near Abroad: Putin, the West and the Contest over Ukraine and the Caucasus. Oxford : Oxford Univ. Press, 2017. 387 p.

Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // *Am. Political Science Rev.* Vol. 88. 1994. № 2. P. 384–396. DOI 10.2307/2944711.

Yannis A. Concept of Suspended Sovereignty in International Law and Its Implications in International Politics // *Europ. J. of Intern. Law*. 2002. № 13 (5). P. 13–35. DOI 10.1093/ejil/13.5.1037.

References

Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo. (N. d.). In *International Court of Justice* [website]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/141/16010.pdf> (accessed: 25.02.2020).

Agnew, J. (2003). *Geopolitics: Re-Visioning World Politics*. 2nd Ed. L., Routledge. 168 p.

Brooks, R. E. (2005). Failed States, or the State as Failure? In *Univ. of Chicago Law Rev.* Vol. 72. No. 4, pp. 1159–1196.

Brownlie, I. (1998). *Principles of Public International Law*. 5th Ed. Oxford, Oxford Univ. Press. 792 p.

Busygina, I. M., Okunev, I. Yu. (2014). Prostranstvennoe raspredelenie sily i strategii gosudarstv, ili Chto i kak ob'yasnyaet geopolitika [Spatial Distribution of Power and Strategies of States, or What and How Geopolitics Explains]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 106–123.

Convention on Rights and Duties of States (Inter-American). December 26. (1933). In *Yale Law School. Lillian Goldman Law Library* [website]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam03.asp (accessed: 25.02.2020).

Cox, R. W. (2006). On Thinking about Future World Order. In Chan, S., Moore, C. (Eds.). *Theory of International Relations*. Vol. 3. Approaches to International Relations: Constructivism. L., Thousand Oaks, N. Delhi, Sage Publ., pp. 20–38.

De Waal, T. (2002). Ugrozy bezopasnosti na Yuzhnom Kavkaze [Security Threats in the South Caucasus]. In *Vestnik Evropy*. No. 7–8, pp. 35–38.

Dobronravina, N. A. (2011). *Nepriznannye gosudarstva v "seroi zone" mirovoi politiki: osnovy vyzhivaniya i pravila suverenizatsii* [Unrecognised States in the "Grey Zone" of Global Politics: Grounds of Survival and Rules for Acquiring Sovereignty]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 56 p.

Eriksen, T. H. (1995). We and Us: Two Modes of Group Identification. In *J. of Peace Research*. Vol. 32. No. 4, pp. 427–436. DOI 10.1177/0022343395032004004.

Geldenhuis, D. (2009). *Contested States in World Politics*. L., Palgrave Macmillan. 295 p.

Harzl, B. (2011). Nationalism and Politics of the Past: The Cases of Kosovo and Abkhazia. In *Rev. of Central and East European Law*. No. 36 (2), pp. 53–77. DOI 10.1163/092598811X12960354394722.

Jessop, B. (2016). *The State. Past, Present and Future*. Cambridge, Polity. 303 p.

Johnson, K., Coleman, A. (2012). Vnutrennii "Drugoi": dialekticheskie vzaimosvyazi mezhdru konstruirovaniem regional'nykh i natsional'nykh identichnosti [The Internal Other: Exploring the Dialectical Relationship between Regional Exclusion and the Construction of National Identity]. In *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*. Vol. 1. No. 2, pp. 107–125.

Krastev, I. (2010). Ivan Krastev o rossiiskikh strakhakh i evropeiskom poryadke [Ivan Krastev on Russian Fears and European Order] / interview by S. M. Markedonov. In *Caucasus Times* [website]. 9 Dec. URL: <http://caucasustimes.com/ru/ivan-krastev-o-rossijskih-strahah-i-ev/> (accessed: 25.02.2020).

Kratochwil, F. V. (1989). *Rules, Norms, and Decisions: On the Conditions of Practical and Legal Reasoning in International Relations and Domestic Affairs*. Cambridge, N. Y., Cambridge Univ. Press. 317 p.

Luk'yanov, F. A. (2014). Apologiya nedoskazannosti [The Apologia of Understatement]. In *Rossiiskaya gazeta* [website]. 23 Dec. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/23/lukianov.html> (accessed: 25.02.2020).

Markedonov, S. M. (2006). Zemlya i volya [Land and Will]. In *Rossiya v global'noi politike*. No. 1, pp. 30–40.

Markedonov, S. M. (2018). De-facto gosudarstva: politicheskii fenomen postsvetskogo prostranstva [De-Facto States: A Political Phenomenon of Post-Soviet Space]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 1 (11), pp. 25–40. DOI 10.28995/2073-6339-2018-1-24-40.

Nikitin, A. I. (2017). *Mezhdunarodnoe vmeshatel'stvo v sovremennye konflikty. Mirotvorcheskaya politika OON, OBSE, ES, NATO i ODKB [International Intervention in Modern Conflicts. The UN, OSCE, EU, NATO, and CSTO Peacekeeping Policy]*. Moscow, June 2017. Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai", pp. 18–20. In *Valdai* [website]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/16442> (accessed: 25.02.2020).

Obrashchenie prezidenta Rossiiskoi Federatsii [Address of the President of the Russian Federation]. (2014). In *Prezident Rossii* [website]. 18 March. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (accessed: 25.02.2020).

Okunev, I. Yu. (2014). *Mezhregional'naya differentsiatsiya kak osnova formirovaniya rossiiskoi gosudarstvennosti [Interregional Differentiation as a Basis for Russian Statehood]*. In *Politiya*. No. 2, pp. 70–83.

Okunev, I. Yu. (2019). *Bylo by zhelanie. Desyat' sposobov resheniya nerazreshimogo territorial'nogo spora [When There Is a Will, There Is a Way. Ten Ways of Settling an Insoluble Territorial Dispute]*. In *Rossiya v global'noi politike*. No. 2, pp. 136–154.

Reshenie MS OON po Kosovo usilit pozitsii Abkhazii, zayavil prem'er strany [The International Court of Justice's Decision Will Strengthen the Abkhazian Position, States the Prime Minister of the Country]. (2010). In *RIA Novosti* [website]. 23 Yuly. URL: <http://ria.ru/politics/20100723/257739398.html> (accessed: 25.02.2020).

Rumer, E., Sokolsky, R., Stronski, P. (2017). *U.S. Policy toward the South Caucasus: Take Three*. Washington, Carnegie Endowment for Intern. Peace. 44 p.

Sebentsov, A. B., Kolosov, V. A. (2012). *Fenomen nekontroliruemykh territorii v sovremenom mire [The Phenomenon of Uncontrolled Territories in the Contemporary World]*. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 31–46.

Shaw, M. N. (1997). *International Law*. 4th Ed. N. Y., Cambridge Univ. Press. 939 p.

Sambul'skii summit OBSE. Vystyplenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii B. N. El'tsina [The OSCE Summit in Istanbul. Speech of President of the Russian Federation B. N. Yeltsin]. (1999). In *MID Rossii*. 18 Nov. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/2b52bc67d48fb95643257e4500435ef7/30d93b83134c77aac3256886004d1ff5 (accessed: 25.02.2020).

Stenogramma press-konferentsii prezidenta Rossii Vladimira Putina dlya rossiiskikh i inostrannykh zhurnalistov [The Verbatim of Russian President Vladimir Putin's Press Conference for Russian and Foreign Journalists]. (2006). In *Prezident Rossii* [website]. January 31. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/01/31/1310_type63380type63381type82634_100848.shtml (accessed: 25.02.2020).

Toal, G. (2017). *Near Abroad: Putin, the West and the Contest over Ukraine and the Caucasus*. Oxford, Oxford Univ. Press. 387 p.

Tsutsiev, A. A. (2006). *Territorii problemnogo suvereniteta [Territories of Problematic Sovereignty]*. In *Nauchne tetradi Instituta Vostochnoi Evropy*. Iss. 1. Nepriznannyye gosudarstva. Moscow, Territoriya budushchego, pp. 15–30.

Tokarev, A. A. (2015). *Vliyanie gosudarstvennosti na evolutsiyu politicheskikh rezhimov Gruzii i Ukrainy v 1991–2014 godakh [The Influence of Statehood on the Evolution of Political Regimes in Georgia and Ukraine between 1991 and 2014]*. Moscow, MGIMO Universitet. 310 p.

Vasquez, J. A. (2002). *Postpozitivistskoe techenie: rekonstruirovaniye nauchnogo podkhoda i teorii mezhdunarodnykh otnoshenii v epokhu kritiki klassicheskogo ratsionalizma [The Post-Positivist Debate: Reconstructing Scientific Enquiry and International Relations Theory after Enlightenment's Fall]*. In Booth, K., Smith, S. (Eds.). *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii na rubezhe stoletii*. Moscow, Gardariki, pp. 226–250.

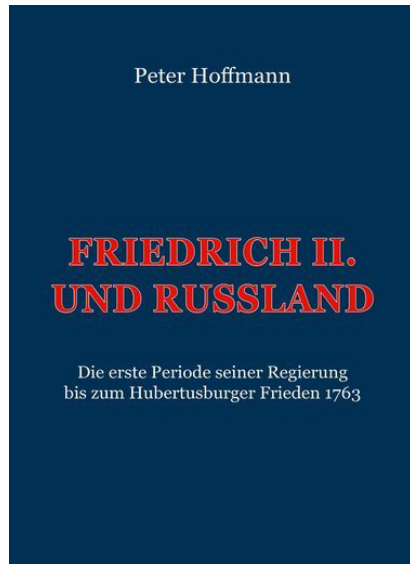
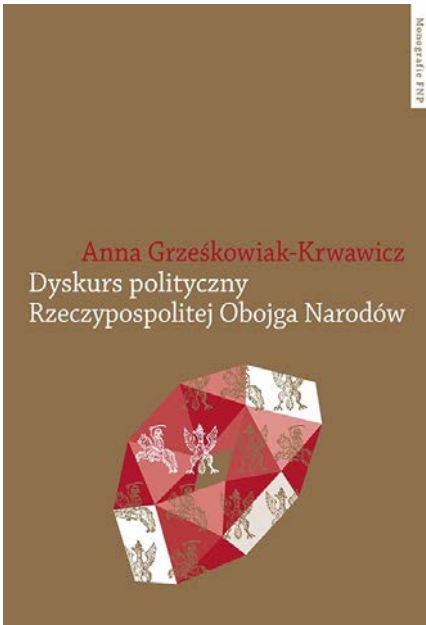
Wendt, A. (1994). *Collective Identity Formation and the International State*. In *Am. Political Science Rev.* Vol. 88. No. 2, pp. 384–396. DOI 10.2307/2944711.

Yannis, A. (2002). *Concept of Suspended Sovereignty in International Law and Its Implications in International Politics*. In *European J. of Intern. Law*. No. 13 (5), pp. 13–35. DOI 10.1093/ejil/13.5.1037.

The article was submitted on 02.12.2019

Controversiae
et recensiones

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ:
МЕТОДОЛОГИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ***

Рец. на: Grześkowiak-Krwawicz A. Dyskurs polityczny Rzeczypospolitej Obojga Narodów: pojęcia i idee. – Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2018. – 451 s.

Томаш Амброзяк

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**THE POLITICAL DISCOURSE
OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH:
METHODOLOGY AND RESEARCH PROSPECTS**

Rev. of: Grześkowiak-Krwawicz, A. (2018). Dyskurs polityczny Rzeczypospolitej Obojga Narodów: pojęcia i idee. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. 451 p.

Tomasz Ambroziak

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This review analyses *The Political Discourse of the Polish-Lithuanian Commonwealth: Terms and Ideas*, a monograph written by Anna Grześkowiak-Krwawicz. The work describes the main concepts of the Polish-Lithuanian Commonwealth's political language between 1569 and 1795. The study is mostly based on political literature, i. e. theoretical treatises and works devoted to relevant issues of the political life of the state. The author makes an attempt to create her own methodological approach, which consists of describing the political discourse of the Polish-Lithuanian Commonwealth by analysing its basic concepts, i. e. "Polish-Lithuanian Commonwealth", "law", "freedom", "forma mixta" and "separation of powers", "consent", "virtue", "patriotism", and "ancientry". The scholar notes the

* *Citation:* Ambroziak, T. (2020). The Political Discourse of the Polish-Lithuanian Commonwealth: Methodology and Research Prospects. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1439–1449. DOI 10.15826/qr.2020.4.537.

Цитирование: Ambroziak T. The Political Discourse of the Polish-Lithuanian Commonwealth: Methodology and Research Prospects // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1439–1449. DOI 10.15826/qr.2020.4.537 / Амброзяк Т. Политический дискурс Речи Посполитой: методология и исследовательские перспективы // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1439–1449. DOI 10.15826/qr.2020.4.537.

small role that the concepts of “sovereignty”, “state”, and “property” played in political discourse. The reviewer compliments the wide range of literature used by the author and the high level of generalisations, due to which the work is a successful attempt at synthesising existing historiographic knowledge. At the same time, the reviewer points out further prospects for studying the issue: the application of a comparative approach, consideration of the context of ancient thought, analysis of differences in the political language in various parts of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the evolution of political discourse, as well as a significant expansion of the research base.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth; political discourse; political literature; political culture; axiology.

В рецензии представлен анализ монографии Анны Гжеськовьяк-Крвавич «Dyskurs polityczny Rzeczypospolitej Obojga Narodów: pojęcia i idee» («Политический дискурс Речи Посполитой Обоих Народов: понятия и идеи»). В этой книге охарактеризованы главные понятия политического языка Речи Посполитой в 1569–1795 гг. Исследование основано на политической литературе – теоретических трактатах и сочинениях, затрагивающих актуальные вопросы политической жизни государства. Автором предпринята попытка создания собственного методологического подхода, заключающегося в описании политического дискурса Речи Посполитой при помощи анализа его основных понятий: «Речь Посполитая», «право», «свобода», «forma mixta» и «разделение властей», «согласие», «добродетель», «патриотизм», «давность». Отмечено, что понятия «суверенитет», «государство» и «собственность» играли небольшую роль в политическом дискурсе. Рецензентом высоко оцениваются широкий круг использованной автором литературы и уровень обобщений, благодаря чему рассматриваемая работа является удачным синтезом существующих в историографии наработок по данной проблематике. Указано на дальнейшие перспективы изучения данной проблематики, среди которых применение компаративистского подхода, рассмотрение контекста античной мысли, проблемы своеобразия политического языка в различных частях Речи Посполитой и эволюции политического дискурса, а также существенное расширение источниковой базы исследования.

Ключевые слова: Речь Посполитая; политический дискурс; политическая литература; политическая культура; аксиология.

Исследования политического языка раннего Нового времени не только являются интересной частью историографии, но и крайне востребованы и актуальны. Работа А. Гжеськовьяк-Крвавич «Политический дискурс Речи Посполитой обоих народов: понятия и идеи» состоит из введения, девяти глав, списка использованных источников и литературы, а также именного указателя [Grześkowiak-Krwawicz]. Первая глава («Речь Посполитая») посвящена изучению понятия, являющегося переводом латинского термина «res publica». Реше-

ние о том, чтобы исследование польско-литовского дискурса начать с размышлений именно об этом термине, принадлежащем, по словам Э. Бем-Висьневской, «к ключевым политическим понятиям старопольской эпохи», представляется вполне обоснованным. Гжезьковьяк-Крвавич справедливо указывает на многозначность этого термина и существенные проблемы в его интерпретации. Однако с мнением, что характеристика его десигнагов является «попыткой систематизации, навязанной современными нам критериями», которая для участников политического дискурса XVI–XVIII вв. «была бы чем-то искусственным, ненужным и, как кажется, не до конца понятным» (s. 32–33)¹, можно согласиться лишь частично. Подобное замечание можно сделать в отношении любого другого рассматриваемого автором термина и всех языковедческих исследований вообще, поскольку большинство пользователей любого языка, в том числе и современных, в своей ежедневной языковой практике не обращают внимание на подобные проблемы.

Во второй главе («Право») автор рассматривает не столько значение этого термина, сколько способ функционирования топики права в политическом дискурсе Речи Посполитой: роль права в мировоззрении его участников, идею регулирования правом политического и государственного организма, функцию формирования поведения, взглядов и даже характера граждан, а также защиты свободы. Последний рассматриваемый Гжезьковьяк-Крвавич аспект права плавно ведет к третьей главе, посвященной понятию свободы, являющемуся, по выражению автора, «скрепой» или «душой» всего дискурса (s. 139). Исследователь рассматривает взаимосвязь свободы и власти, а также свободы и возможности участия в политической жизни страны, утверждая, что убеждение о том, что именно наличие свободы отличает политический строй собственной страны от остальных, не являлось специфически польским, но было характерным и для других европейских государств того времени.

Иной характер имеет четвертая глава – «От *forma mixta* к разделению властей». В ней рассматривается отражение в политическом дискурсе идеальных принципов государственного устройства Речи Посполитой. Рассуждения касаются скорее некоего общего конструкта, но не конкретных идей или тем более терминов, встречаемых в политических дискуссиях эпохи, – по признанию самого автора, помещенные в заглавии определения в самом дискурсе используются довольно редко. Внимание в основном уделено проблеме того, как в политической практике понималась смешанная форма правления и как проявлялись ее элементы.

Следующая глава («Согласие – *concordia*») посвящена роли идеи согласия в политических дискуссиях в Речи Посполитой. Автор разде-

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

ляет два аспекта идеи, выражаемые латинскими терминами *concordia* и *consensus*, сосредоточившись преимущественно на изучении первого. Отмечается, что значение понятия «согласие» для мировоззрения шляхетского народа было меньше, чем значение идей, рассмотренных в предыдущих главах. Однако, на мой взгляд, подобное разделение вызывает некоторые сомнения, поскольку определение того, какой из этих двух аспектов в практике имели в виду участники политического дискурса, представляется весьма затруднительным, тем более что тот аспект понятия «согласие», который автор обозначает при помощи термина *consensus*, являлся основой функционирования политической системы государства, прежде всего главного органа власти – сейма.

В шестой главе «Добродетель есть польза для Речи Посполитой» рассмотрен комплекс поведенческих установок и обычаев участников политического процесса, для которых определение «добродетель» является скорее своего рода обобщающим понятием. Автор задумывается над формированием образца гражданина, а также рассматривает декларируемую участниками дискурса роль этики в политической деятельности. Гжеськовяк-Крвавич утверждает, что с течением времени позитивный образ полного добродетелей гражданина был вытеснен нарративом об отсутствии или упадке добродетели в политической жизни страны.

Продолжением этих рассуждений является седьмая глава «*Amor patriae* – патриотизм», в которой автор выделила одну из самых высоко оцениваемых, по ее мнению, добродетелей – любовь к отечеству. Автор вполне справедливо обращает внимание на проблему десигната термина «отечество» – являлась ли им вся Речь Посполитая, определенная ее провинция (Польская Корона или Великое княжество Литовское) или даже более мелкая административная единица – собственное воеводство, земля или повет. Существенную часть данной главы составляют также размышления о том, какие обязанности накладывала на участников дискурса любовь к отечеству.

В восьмой главе «Давность» рассмотрено отношение участников политического дискурса к прошлому и его наследию. Автор не только определяет место прошлого в способе мышления шляхты, но и изучает функции, которые выполняло обращение к прошлому в политической жизни Речи Посполитой, в том числе легитимизацию тех или иных действий. Недоверие к новым элементам политической действительности автор объясняет опасением потерять присущую миру гармонию, страхом перед вытекающими из этого хаосом и анархией. Стоит согласиться, что это отнюдь не означало неразумного протеста против любых изменений, часто проводившихся под лозунгом восстановления давних обычаев.

Девятая глава «В завершение поговорим об отсутствующих. Собственность» посвящена определению тех важных понятий, которые полностью или в заметной степени отсутствовали в политическом дискурсе Речи Посполитой. Среди них автор назвала «суверени-

тет», «государство» (в значении безличной политически-правовой конструкции, существующей вне общества и составляющих его индивидуумов), и прежде всего собственность. Причиной небольшого значения, которое последнее понятие играло в дискурсе, исследователь назвала сословный характер государства, в котором политические права принадлежали данному лицу не на основе имущества, но по факту принадлежности к шляхте. Дополнительным поводом для этой ситуации автор считает формирование дискурса под влиянием стоической и христианской систем ценностей, не приветствующих приобретение материальных благ.

Последнюю часть каждой главы автор посвятила краткому изучению эволюции рассматриваемых понятий. Однако ее рассуждения в существенной степени касаются лишь тех изменений, которые происходили в политическом дискурсе Речи Посполитой во второй половине XVIII в. Стоит при этом высказать сожаление, что ею не предпринята попытка подвести итог собственным размышлениям.

Хронологические рамки исследования определены автором на основе факторов политического характера – они соответствуют периоду существования Речи Посполитой Обоих Народов (1569–1795). Стоит согласиться, что верхний хронологический рубеж не вызывает сомнений, хотя автор уточняет, что в действительности в своем исследовании она ограничилась не 1795, а 1792 г., являющимся, по ее мнению, «*de facto* (хотя еще не *de iure*) концом существования» Речи Посполитой (s. 29). Намного менее очевидным представляется нижний хронологический рубеж – заключение в 1569 г. Люблинской унии и учреждение в ее итоге совместного польско-литовского государства. Автор не решилась перенести эту границу на более ранний период. Целесообразность подобного решения была бы обусловлена характером польского политического дискурса, на формирование которого, как представляется, намного большее влияние оказали другие факторы, нежели Люблинская уния: формирование парламентской системы в Польше (конец XV – первая половина XVI в.) и Великом княжестве Литовском (первая и вторая треть XVI в.), рост влияния шляхты, в частности экзекуционистское движение, эпоха Возрождения, распространение книгопечатания и т. п. Необходимость обращения к более ранним источникам, в том числе текстам целого ряда авторов 40–60-х гг. XVI в. (А. Фрича-Моджевского [Modrzewski], В. Гослицкого [Goslicii], А. Ротундуса [Rotundus] или С. Ожеховского [Orzechowski, 1972; Orzechowski, 1984]), отметила даже сама Гжеськовьяк-Крвавич, учтя их в исследовании. Представляется, что любая точная дата будет иметь в данной ситуации лишь формальный характер, и лучше было бы ограничиться менее конкретной формулировкой, например, первой половиной XVI в.

Источниковой базой проведенного А. Гжеськовьяк-Крвавич исследования является политическая литература Речи Посполитой. В основном это сочинения, затрагивающие актуальные вопросы политической жизни государства, но, кроме того, трактаты теоретического характе-

ра. Автор обратилась также к другим видам источников: конституциям сеймов и III Литовскому статуту, проповедям Петра Скарги и сеймовым речам, однако эти обращения имеют лишь единичный характер.

Использованные источники в основном делятся на две группы – это либо изданные источники, либо старопечатные книги, часть из которых находится в свободном доступе. Однако не все они (даже упомянутые в ссылках) указаны в списке литературы (например, многократно цитируемые сочинения А. Фрича-Моджевского [Modrzewski]). В исследовании, за исключением нескольких единиц, хранящихся в Библиотеке Чарторыйских в Кракове, Библиотеке Польской академии наук в Кракове, Курникской библиотеке Польской академии наук и Национальной библиотеке в Варшаве, не привлекались рукописные и архивные материалы.

Использованная автором источниковая база исследования довольно гомогенна, что имеет свои преимущества, но вне внимания автора остался огромный разнородный массив материала, что порождает вопрос о репрезентативности полученных выводов. Рассмотрение, хотя бы выборочное, других видов источников (сеймовых и сеймиковых речей, дневников сеймов, сеймиковых актов, использованного в парламентской практике делопроизводства коронной и литовской канцелярий и т. д.) обогатило бы понимание как внутреннего содержания использованного материала, так и его контекста. Это особенно важно для выявления значения, которое скрывалось за фразами, риторическими фигурами и терминами, употребляемыми авторами изучаемых сочинений в связи с конкретными политическими задачами. Спорным является решение о практическом исключении сеймовых и сеймиковых речей, многие из которых не только тиражировались (даже в рукописном виде) для решения тех же задач, что и сочинения публицистического характера, но иногда изначально для этого и создавались, обретая привычную для политической практики шляхты форму речей для широкого распространения.

Ключевым является вопрос применяемой исследователем методологии. Автор уделяет этой проблеме внимание во введении к своей работе, совмещая размышления методологического характера с обзором историографии (s. 19). В ее рассуждениях представлены характеристики двух школ: Кембриджской школы истории понятий и немецкой *Begriffsgeschichte*. Однако данный обзор довольно краток, и перечислены лишь отдельные работы основателей школ. Стоит сожалеть, что она не попыталась более подробно указать на использованную этими школами методологию и на свое отношение к ней. Имеются лишь отдельные замечания, касающиеся различий между подходом немецкой и Кембриджской школ и собственными поисками автора (s. 14).

Обзор исследований по политическому языку Речи Посполитой в раннее Новое время имеет характер краткого перечисления работ

по данной проблематике. Высказанная Гжеськовьяк-Крвавич критика того, что «политический язык, или шире – политический дискурс Речи Посполитой Обоих Народов оставался вне внимания историков» (в отличие от филологов и языковедов – с. 10), все же сильно преувеличена. В качестве исключения автор указывает на работы Р. Буттервика [Butterwick; Butterwick-Pawlikowski]. Однако здесь можно привести ряд других авторов, на труды которых автор ссылается в дальнейшем [Opaliński; Wisner; Romaniuk; Padalinski], и на исследования историков, не использованные ею [Olszewski; Mazur; Галубовіч; Ambroziak; Амброзьяк]. Конечно же, они ни в коей мере не исчерпывают данную тему, но благодаря им в историографии уже имеются довольно серьезные наработки, во многом основанные – что следует подчеркнуть – не только на изданном, но и на рукописном источнике-материале.

Вопрос использованной в этих исследованиях методологии мало затронут автором. Мы встречаем лишь отдельное замечание, помещенное при этом в ссылке, что работы Э. Бем-Висьневской, основанные на статистических подсчетах частотности употребления лексем [Bem-Wiśniewska], «вызывают определенные сомнения методологического характера» (s. 10–11, ссылка 10). Несомненно, автор имеет право на другой методологический подход, но не уточняет, какие именно сомнения вызывает указанная методология, тем более что исследования последней нашли своих последователей [Mazur; Галубовіч; Ambroziak; Амброзьяк].

При этом автор недостаточно четко охарактеризовала свою методологию, несмотря на озвученное намерение «создать собственный подход, соответствующий предмету и цели исследования», который заключается в «попытке понять и описать политический дискурс Первой Речи Посполитой при помощи анализа его основных понятий» (s. 14). Сам исследуемый дискурс автор определяет «как способ или способы публично высказываться на темы, касающиеся вопросов политической общности», добавляя в ссылке, что она пользуется этой упрощенной дефиницией «с полной преднамеренностью» (s. 18, ссылка 25). Подобная упрощенность все же оказалась чрезмерной, поскольку читатель так и не понимает, в чем именно заключается способ понимания дискурса, каковы его особенности, и является ли дискурсом любое публичное высказывание. Анализ, как указывает исследователь, заключается в исследовании «не только значения определенных терминов политического языка изучаемого периода, но также содержащейся в них концепции политической действительности». Устанавливая связь «понятий и идей», автор рассматривает контекст и сетку понятий для употребляемых терминов, что тем более важно, так как источниковый материал, являющийся основой исследования Гжеськовьяк-Крвавич, литература политического характера, имеет своей главной целью решение актуальных политических задач. Употребляемая в источниках терминология чаще являлась

не столько итогом глубоких размышлений их создателей, сколько одним из средств авторской риторики убеждения.

Изучаемые Гжеськовяк-Крвавич понятия и идеи имеют аксиологическую составляющую. Все описываемые автором термины или группы терминов рассматривались шляхтой как бесспорные целевые установки. Это довольно очевидно как для таких понятий, как «Речь Посполитая», «право», «свобода», «отечество», так и при рассмотрении описываемой автором в четвертой главе идеи смешанной формы правления. В рецензируемой работе исследуемые автором понятия и идеи вырастают до уровня *главных ценностей*, декларируемых в политическом дискурсе польско-литовского государства.

Рецензируемая работа является своего рода синтезом, подведением итогов предшествовавшей историографии. Благодаря широкому кругу использованной литературы и высокому уровню обобщений – даже если в случае отдельных вопросов можно представить себе иной подход к решению поставленных задач – труд Гжеськовяк-Крвавич является отправной точкой для обозначения дальнейших исследовательских перспектив. Их важной частью становятся размышления компаративистского характера, особенно в случае политических трактатов, в той или иной степени включенных в общие европейские дискуссии. Важным представляется то, каким образом при всех различиях политического устройства в разных странах тогдашней Европы те идеи, понятия и ценности, которые в польском дискурсе изучает Гжеськовяк-Крвавич, функционировали в других государствах. Возникает закономерный вопрос о сходствах и различиях польского способа мышления о государстве, власти и политическом процессе со способами мышления в других странах. Подобный аспект ведет к иному вопросу: действительно ли польская политическая культура (и, следовательно, польский политический дискурс), как это представлялось давнейшей исторической науке, коренным образом отличались от общеевропейских?

Дальнейшие исследования могут быть связаны с контекстом античной мысли. Гжеськовяк-Крвавич вполне справедливо при изучении польско-литовского дискурса обращает внимание на концепции античных авторов. Это очень важно, поскольку польская, как и общеевропейская политическая мысль и терминология, оставались под влиянием античной традиции и идеалов Римской империи. Интереснейшим является вопрос рецепции античной мысли в польской традиции – имеем ли мы дело с попыткой подстраивания польско-литовского государственного строя и политической действительности к античным образцам, или же под слоем античных фигур кроются совершенно иные идеи и ценности, лишь облаченные в античные формы.

Подобной детальной разработки требует ряд других проблем, касающихся политического дискурса Речи Посполитой, часть из которых обозначила сама исследовательница. Это, например, проблема различий политического языка в разных частях государства: важнейшей здесь становится дифференциация Польской Короны и Велико-

го княжества Литовского, но нельзя не упомянуть и другие регионы, такие как русские воеводства Короны или Королевскую Пруссию.

Лишь отчасти упомянута автором проблема сужения десигната понятий «речь посполитая» или «отечество». Автор обращается к «территориальному ключу» в ее решении, задавая вопрос о применении этих терминов не к целому государству, но лишь к определенной его части. Важно отметить, что рассмотрение проблемы может происходить с учетом того, что одним из возможных десигнатов термина «речь посполитая» являлась «шляхта как общность» [Bem-Wiśniewska, s. 169–170; Амброзьяк, с. 56–57]. Возможно сужение этого десигната к «шляхте одного определенного воеводства, земли или повета», а тем самым исключения из понятия общности шляхты других земель или поветов. Еще одно направление дальнейших исследований – детальный анализ политической терминологии различных групп источников – делопроизводства, речей политических деятелей (на сеймах и сеймиках), сеймиковых актов, переписки и т. п., основанный на широкой источниковой базе, что могло бы подтвердить или опровергнуть ряд гипотез, высказываемых в современной науке.

Перспективна задача изучения эволюции политического дискурса Речи Посполитой на протяжении XVI–XVIII вв. Автор обращает внимание на данную проблему, однако ее рассуждения имеют характер скорее определенных зарисовок, чем исчерпывающего анализа, хотя факт подобной эволюции кажется довольно очевидным для XVI и XVIII вв., так же, как отличались описываемые идеи и ценности в период Реформации, Контрреформации и Просвещения. Особенно быстрые и существенные изменения происходили в период правления Станислава Августа Понятовского (1764–1795), в частности во время Четырехлетнего сейма (1788–1792) и восстания Тадеуша Костюшко (1794).

Можно констатировать, что в монографии представлено начало пути к разрешению этой проблемы, и согласиться с Анной Гжеськовьяк-Крвавич, что ее работа – «лишь разведка, попытка предварительно начертить важную исследовательскую проблематику» (с. 28), при этом попытка вполне удачная. Предпринятое автором исследование не может не учитываться в дальнейшем при описании политической культуры польско-литовской Речи Посполитой.

Список литературы

Амброзьяк Т. Понятийный аппарат сеймиковых источников конца XVI – первой половины XVII века как проявление политической культуры шляхты Великого княжества Литовского // Славяноведение. 2016. № 2. С. 51–63.

Галубович В. Спроба семантичнага аналізу паняццяў: ВКЛ – Рэч Паспалітая – Айчына – народ (па матэрыялах соймакавай дакументацыі полацкай шляхты першай паловы XVII ст.) // Герольд-Litherland. 2006. № 17. С. 23–26.

Ambroziak T. Rzeczpospolita w litewskich instrukcjach sejmikowych w latach 1587–1648. Próba analizy terminologicznej // Czasopismo Prawno-Historyczne. T. 65. 2013. Z. 2. S. 191–214.

- Bem-Wiśniewska E.* Funkcjonowanie nazwy Polska w języku czasów nowożytnych. Warszawa : DiG, 1998. 242 s.
- Butterwick R.* Political Discourses of the Polish Revolution, 1788–1792 // *English Historical Rev.* Vol. 120. 2005. No. 487. P. 695–731.
- Butterwick-Pawlikowski R.* Koncepcja narodu w polskim dyskursie końca XVIII wieku. Rozważania nad Konstytucją 3 maja // *O ziemię naszą, nie waszą. Ideowe aspekty procesów narodotwórczych w Europie Środkowej i Wschodniej* / red. Ł. Adamski. Warszawa : Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2017. S. 135–151.
- Goslicii L.* De optimo senatore libri duo. Venetiis : Apud Iordanum Zilettum, 1568. 83 p.
- Grześkowiak-Krwawicz A.* Dyskurs polityczny Rzeczypospolitej Obojga Narodów : pojęcia i idee. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2018. 451 s.
- Mazur K.* W stronę integracji z Koroną: sejmiki Wołynia i Ukrainy w latach 1569–1648. Warszawa : Neriton, 2006. 465 s.
- Modrzewski A. F.* O poprawie Rzeczypospolitej : księgi czwore / oprac. M. Korolko. Piotrków Trybunalski : Naukowe Wydawnictwo Piotrkowskie, 2003. 486 s.
- Olszewski H.* Rzeczpospolita. Przyczynek do dziejów ideologii polityczno-prawnej w dawnej Polsce // *Olszewski H.* Sejm w dawnej Rzeczypospolitej: ustrój i idee : w 2 t. Poznań : Printer, 2002. T. 2. Studia i rozprawy. S. 7–16.
- Opaliński E.* Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587–1652: system parlamentarny a społeczeństwo obywatelskie. Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 1995. 344 s.
- Orzechowski S.* Wybór pism / wyd. J. Starnawski. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1972. 641 s.
- Orzechowski S.* Polityka Królestwa Polskiego na kształt Arystotelesowych Polityk wypisana i na świat dla dobra pospolitego trzema księgami wydana / wyd. J. Starnawski. Przemysł : [Krajowa Agencja Wydawnicza w Rzeszowie], 1984. 142 s.
- Padalinski U.* Stanowisko szlachty Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec instytucji sejmiku walnego w końcu XVI wieku // *Kultura parlamentarna epoki staropolskiej* / red. A. Stroynowski. Warszawa : DiG, 2013. 504 s.
- Romaniuk P. P.* Pojęcie „Rzeczpospolita Litewska” w ruchu republikańskim na przełomie XVII i XVIII wieku // *Barok*. T. 13. 2006. Z. 1 (25). S. 31–40.
- Rotundus A.* Rozmowa Polaka z Litwinem // *Stanisława Orzechowskiego i Augustyna Rotundusa debata o Rzeczypospolitej* / wyd. K. Koehler. Kraków : Wyższa Szkoła Filozoficzno-Pedagogiczna „Ignatianum” : WAM, 2009. 284 s.
- Wisner H.* Rzeczypospolite szlachty litewskiej (schyłek wieku XVI – pierwsza połowa XVII wieku) // *Barok*. T. 13. 2006. Z. 1 (25). S. 17–29.

References

- Ambroziak, T. (2013). Rzeczpospolita w litewskich instrukcjach sejmikowych w latach 1587–1648. Próba analizy terminologicznej. In *Czasopismo Prawno-Historyczne*. T. 65. Z. 2, pp. 191–214.
- Ambrozyak, T. (2016). Ponyatiinyi apparat seimikovykh istochnikov kontsa XVI – pervoi poloviny XVII veka kak proyavlenie politicheskoi kul'tury shlyakhty Velikogo knyazhestva Litovskogo [The Conceptual Apparatus of Diet Sources of the Late 16th – First Half of the 17th Centuries as a Manifestation of the Political Culture of the Gentry of the Grand Duchy of Lithuania]. In *Slavyanovedenie*. No. 2, pp. 51–63.
- Bem-Wiśniewska, E. (1998). *Funkcjonowanie nazwy Polska w języku czasów nowożytnych*. Warszawa, DiG. 242 p.
- Butterwick, R. (2005). Political Discourses of the Polish Revolution, 1788–1792. In *English Historical Rev.* Vol. 120. No. 487, pp. 695–731.
- Butterwick-Pawlikowski, R. (2017). Koncepcja narodu w polskim dyskursie końca XVIII wieku. Rozważania nad Konstytucją 3 maja. In Adamski, Ł. (Ed.). *O ziemię naszą, nie waszą. Ideowe aspekty procesów narodotwórczych w Europie Środkowej i Wschodniej*. Warszawa, Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, pp. 135–151.

Galubovich, V. (2006). Sproba semantyczna analiza panyatstsyaŭ: VKL – Rech Paspalitaya – Aichyna – narod (pa materyyalakh soimikavai dakumentatsyi polatskai shlyakhty pershai palovy XVII ct.) [An Attempt at a Semantic Analysis of Concepts: GDL – Commonwealth – Fatherland – Nation (with Reference to Diet Documentation of the Polotsk Gentry of the First Half of the 17th Century)]. In *Gerol'd-Litherland*. No. 17, pp. 23–26.

Goslicii, L. (1568). *De optimo senatore libri duo*. Venetiis, Apud Iordanum Zilettum. 83 p.
Grześkowiak-Krwawicz, A. (2018). *Dyskurs polityczny Rzeczypospolitej Obojga Narodów : pojęcia i idee*. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. 451 s.

Mazur, K. (2006). *W stronę integracji z Koroną: sejmiki Wołynia i Ukrainy w latach 1569–1648*. Warszawa, Neriton. 465 p.

Modrzewski, A. F. (2003). *O poprawie Rzeczypospolitej : księgi czwore* / ed. by M. Korolko. Piotrków Trybunalski, Naukowe Wydawnictwo Piotrkowskie. 486 p.

Olszewski, H. (2002). Rzeczpospolita. Przyczynek do dziejów ideologii polityczno-prawnej w dawnej Polsce. In Olszewski, H. *Sejm w dawnej Rzeczypospolitej: ustrój i idee w 2 t.* Poznań, Printer. T. 2. Studia i rozprawy, pp. 7–16.

Opaliński, E. (1995). *Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587–1652: system parlamentarny a społeczeństwo obywatelskie*. Warszawa, Wydawnictwo Sejmowe. 344 p.
Orzechowski, S. (1972). *Wybór pism* / ed. by J. Starnawski. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 641 p.

Orzechowski, S. (1984). *Polityka Królestwa Polskiego na kształt Arystotelesowych Polityk wypisana i na świat dla dobra pospolitego trzema knihami wydana* / ed. by J. Starnawski. Przemyśl, [Krajowa Agencja Wydawnicza w Rzeszowie]. 142 p.

Padalinski, U. (2013). Stanowisko szlachty Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec instytucji sejmku walnego w końcu XVI wieku. In Stroynowski, A (Ed.) *Kultura parlamentarna epoki staropolskiej*. Warszawa, DiG. 504 p.

Romaniuk, P. P. (2006). Pojęcie „Rzeczpospolita Litewska” w ruchu republikańskim na przełomie XVII i XVIII wieku. In *Barok*. T. 13. Z. 1 (25), pp. 31–40.

Rotundus, A. (2009). Rozmowa Polaka z Litwinem. In *Stanisława Orzechowskiego i Augustyna Rotundusa debata o Rzeczypospolitej* / ed. by K. Koehler. Kraków, Wyższa Szkoła Filozoficzno-Pedagogiczna „Ignatianum”, WAM. 284 p.

Wisner, H. (2006). Rzeczpospolite szlachty litewskiej (schyłek wieku XVI – pierwsza połowa XVII wieku). In *Barok*. T. 13. Z. 1 (25), pp. 17–29.

The article was submitted on 01.06.2020

ADMINISTRATIVE POLICY OR ADMINISTRATIVE DREAMS?*

Rev. of: Vasilyev, D. V. (2018). *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noi Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The Burden of the Empire. The Administrative Policy of Russia in Central Asia. Second Half of the 19th Century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 638 p.

Roman Pochekaev

National Research University
Higher School of Economics,
St Petersburg, Russia

In his monograph *The Burden of the Empire. The Administrative Policy of Russia in Central Asia. Second Half of the 19th Century*, D. V. Vasilyev analyses imperial Russian policy in the region, focusing on the administration of the steppe provinces and Russian Turkestan between 1865 and 1891. This approach allows the author to observe the evolution of views of the central and regional authorities responsible for the administration of these regions and compare broader imperial policy. The monograph is innovative, as it provides a parallel examination of Russian policy in the steppe provinces and in Russian Turkestan, with the author analysing draft regulations in chronological order. The measures taken to adapt the administrative system in both regions are considered at specific stages of their development. Vasilyev refers to new archival materials, which should be of interest both to researchers of the imperial Russian policy in Central Asia and specialists in the administrative and legal history of the Russian state. Careful and comprehensive analysis of the sources offers the reader an informed perspective on these documents and makes it possible to trace specific aspects and changes in imperial policy.

Keywords: Russian Empire; Central Asia; Kazakhstan; Turkestan; administrative reforms; imperial legislation; regional legal projects.

В монографии Д. В. Васильева «Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в.» (М., 2018) автор анализирует имперскую политику в регионе путем характеристики

* The review is financially supported by a grant of the Russian Science Foundation (project 19-18-00162) in the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

** *Citation:* Pochekaev, R. (2020). Administrative Policy or Administrative Dreams? In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1450–1460. DOI 10.15826/qr.2020.4.538.

Цитирование: Pochekaev R. Administrative Policy or Administrative Dreams? // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1450–1460. DOI 10.15826/qr.2020.4.538.

проектов положений об управлении степными областями и Русским Туркестаном, разработанных с 1865 по 1891 г. Подобный подход позволяет ему проследить эволюцию взглядов российских центральных и региональных властей по поводу управления указанных регионов, при этом сравнивая административную политику имперской администрации в них. Новизной монографии является параллельное рассмотрение изменений российской политики в обоих регионах за счет анализа проектов положений об их управлении в хронологическом порядке, то есть на определенном этапе анализируются меры по изменению системы управления и степных областей, и Русского Туркестана. Автором книги введены в научный оборот новые архивные материалы, которые представляют интерес как для исследователей российской имперской политики в Центральной Азии, так и для специалистов по истории отечественного государства и права. Всеаспектный анализ положений об управлении степными областями и Русским Туркестаном формирует у читателя полное представление об этих документах и позволяет им в дальнейшем обратиться к более подробному изучению отдельных направлений российской политики в этих регионах.

Ключевые слова: Российская империя; Центральная Азия; Казахстан; Туркестан; административные реформы; имперское законодательство; региональные законопроекты.

The study of the history of Kazakhstan (designated, in turn, as the Kazakh Steppe, then Steppe provinces and, finally, the Steppe Governor-Generalship) and Turkestan as parts of the Russian Empire began during the joining of these regions to its imperial domain. There was practically oriented research on these territories carried out during the imperial period. Subsequently, Soviet scholars prioritized the condemnation of the “colonial” policy of the Russian imperial authorities in the Central Asia. Today, the goals and approaches connected to the study of these regions during imperial period has changed substantially from these past preoccupations.

In connection with active integration processes currently taking place within the Eurasian area, including the strengthening of ties between Russia and the post-Soviet republics of Central Asia, understanding the historical experience of states and their regional interactions becomes more and more significant. The imperial period, in particular, is one of the most important for study, in the view of the lessons it might offer present day actors keen to avoid repeating past mistakes, while working towards the establishment and further development of bi-lateral relations. The importance of the Central Asian region on the international scene also assures interest in this subject-matter extends not only to Russia and the republics of Central Asia, but to other countries beyond their borders too.

Thus, it is no wonder that during the first decades of the 21st century scholars pursued research across a multitude of fundamentally different aspects of history of Kazakhstan as a part of the Russian Empire: including, the political [Акимбеков; Темиргалиев], international and diplomatic

[Noda], the modernization of Kazakh society [Быков], and specific features of Russian reforms in the Kazakh Small Horde [Избасарова]. Similarly, the history of Russian Turkestan has been studied in detail: scholars have paid attention to the military dimensions of joining the region to the empire [Глущенко]¹, administrative transformations in the region [Крупенкин], economic policy [Алимджанов], the development of social relations in the region under Russian rule [Morrison, 2008; Sahadeo], the role of Islam and Shari'a in Turkestan during the imperial period [Мухамедов; Sartori], and specific features of the status of the region at the beginning of the 20th century [Котюкова; Шушкова].

Due to this wealth of research, one might expect that yet another book devoted to Russian imperial policy in Kazakhstan and Turkestan could not hope to make any significant contribution to the pre-existing scholarship. Nevertheless, the monograph under review deserves attention, as it stands apart from other works devoted to Russian Central Asia during imperial period for a number of reasons.

Firstly, the author observes the evolution of Russian administrative policy both in Steppe provinces and in Turkestan; scholars previously focused on one or another region. Almost the only book where authors paid attention to Kazakhstan as well as Turkestan is the collective work "Central Asia as a part of the Russian Empire" [Центральная Азия], though it remains only a general survey written by a number of authors with differing views and, consequently, cannot be considered a complete monograph study.

By contrast, the work of D. V. Vasilyev [Васильев, 2018] offers just such a complete and comprehensive study, while enjoying a singular perspective and uniform methodological approach. The author seriously examines Russian administrative policy both in Kazakhstan and in the Russian Turkestan on the basis of his long familiarization with the history of both regions during the imperial period: study of imperial policy in the Turkestan formed the basis of his candidate thesis [Васильев, 1999], and his subsequent study of Russian policy in the Kazakh Steppe was at the centre of his doctoral research [Васильев, 2016] The reviewed monograph also continues directly the research of two previous books by the author: "Russia and the Kazakh Steppe" and "The Outpost of the Empire" [Васильев, 2014; Васильев, 2015].

Secondly, Vasilyev, in his new work, ambitiously attempts to observe the main stages of Russian administrative policy in Kazakhstan and Turkestan during the second half of the 19th century based on all accessible draft legislation related to the administration of these regions, including those implemented as well as those that remained at the level of draft proposals. The scope of the book is, thus, impressive: the author analyzed, in detail, more than twenty legislative proposals developed by central and regional authorities and a series of documents devoted to discussions surrounding these proposals. The majority of the analyzed documents remain in the archives, and are being used for the first time.

¹ The new book on this subject is coming soon [Morrison, 2020].

The author analyzes each of the above-mentioned legal proposals individually, sometimes even at the level of item-by-item commentary. In terms of content, Vasilyev's study offers an up to date interpretation and contextualization of the analyzed documents. That modern all-aspects interpretation of the pedestrian and sometimes incomprehensible imperial official language allows the reader to gain an authentic view of their essence. Analysis of each new document is accompanied by comparison with previously considered examples.

Such an approach might make for an easier the reading of the broader book. However, the author does show "mercy" to readers, as he deals with complex categories of imperial administrative practice and legal regulation. Moreover, the book is unlikely to be accessible to those unfamiliar of the author's two previous works, in which Vasilyev first outlined his approach and began to introduce readers to the specific field of his research and his particular writing style.

The aims of the author required him to restrict his research to just the analysis and interpretation of the aforementioned legal proposals. That is why we can don't find in the reviewed book, in contrast to "Russia and the Kazakh Steppe", a lot of lively and expressive characteristics of Russian imperial statesmen or specific features of their professional relationships². However, such an approach does not mean that the author deals with some abstract documents, categories and facts: at times he supplements his general study with appropriate personal details. For instance, he mentions the known confrontation between N. A. Kryzhanovskiy, the Orenburg Governor-General, and M. G. Chernyaev, the first Military Governor of Turkestan Province (p. 43)³, the attempt of Kryzhanovskiy at his "own PR" (p. 122), a brief but expressive characterization of D. I. Romanovskiy, successor of Chernyaev (p. 88), and of K. P. von Kaufman, the first Turkestan Governor-General (148), and the intricate relations between Ministry of Finance and Military Ministry of the Russian Empire, which substantially influenced the fate of legal proposals developed by regional administrations under the control of the Military Ministry (p. 292, 327–328). The "boring" content of analyzed legal documents is, thus, "livened up" by the author's descriptions of the development process for such projects, the comments of their authors (such as the accompanying notices of Kaufman to his proposals on the administration of the Turkestan Region of 1871 and 1873), information on discussion of regional proposals by central authorities, especially by inter-departmental commissions, etc.

The analysis of legal acts is constantly subjected to criticism as their authors focus on "idealized" and "desirable" administrative and legal relations instead of practical ones. But D. V. Vasilyev succeeds in analyzing legal proposals within the context of real relations between different state authorities

² D. V. Vasilyev mentions in the introduction of the reviewed book that he purposefully refuses of many aspects which could be a subject for another fundamental research (p. 5).

³ Here and further references to the reviewed work are in parentheses with page numbers.

(down to the level of military governors and even heads of districts/*uezds*), and describes the problems related to the realization and implementation of statutes and their subsequent influence on the life and activity of individuals. The most significant example is the fate of a certain D. Aiderkin, Kazakh chief of the *volost'* in the Akmolinsk Province, who protested against some innovations in power symbols for chiefs of *volosts*, which was provided by the "Temporal Statute on administration of Ural'sk, Turgay, Akmolinsk and Semipalatinsk provinces" of 1868. Aiderkin was arrested and exiled by order of N. P. Okol'nichiy, Akmolinsk Military Governor, but the case resonated with the authorities, and the positions of I. S. Unkovskiy, Yaroslavl' governor, A. P. Khrushchov, Governor-General of the Western Siberia, and governing body of Ministry of Internal Affairs were advanced (p. 180–190). What a pity that such detailed archival materials related to other participants (and victims) of Russian administrative reforms in the Central Asia have yet to be discovered in the archives!

As Vasilyev's study continues, the title of the book, "Burden of the Empire" gains further significance. During the imperial period, Russian Turkestan was often considered a "financial burden", i. e. an unprofitable region within the Empire [see in details: Стеткевич]. However, in the view of Vasilyev, the region is better understood as a "legal burden", due to the long-term failure of the imperial state authorities to elaborate universal legal regulations that could provide the effective development of Turkestan and upgrade its economic, social, cultural level (p. 17). The analysis of legal proposals and supplementary materials allows the author to clarify reasons for this failure, as well as the necessity of renewing previously implemented legal acts connected with the problems of their practical realization. As a result, D. V. Vasilyev succeeds in covering all aspects of the Russian administrative policy in Kazakhstan and Turkestan during the chosen period of time.

At the same time, some moments in the book deserve further consideration. The stated goal of author was "to present the direction of Russian imperial policy related to Turkestan and Steppe regions" (p. 5). And the "parallel" study of the imperial administrative power in Kazakhstan and Turkestan, as was mentioned above, was intended to be a novelty of the study. In fact, the author "challenges" the previous historiography, where imperial policy in Kazakhstan was examined separately from that related to Turkestan. Vasilyev rejects such a division and analyses legal proposals related to both regions in chronological order. Such approach allows him to reveal their similarity and differences.

Nevertheless, it appears that the traditional "divided" study of Russian policy in Kazakhstan and Turkestan was not born of the shortcomings of previous scholarship. The circumstances of joining of both regions to the Russian Empire, their ethnic structure, way of life, cultural, religious, political and legal traditions were actually quite different. And that caused different approaches in their administrations, as well as their study.

Furthermore, the longer existence of the Kazakh Steppe – Steppe provinces – and Steppe Region in the Russian Empire required less activity

on the part of central and regional authorities to transform its administrative system, and the structure of the reviewed book reflects this reality: some chapters (1, 4, 5, 6) are entirely devoted to reforms in Turkestan. This disparity might be explained by a number of reforms pursued in Kazakhstan during earlier periods, including the “court reform” of O. A. Igel’strom in the 1780s–1790s, the reform of M. M. Speranskiy, Governor-General of the Siberia, in the Kazakh Middle Horde (1822), and of P. K. Essen, Orenburg Military Governor, in the Small Horde (1824), the adoption of the statute “On the administration of the Kyrgyz⁴ of Siberian jurisdiction” (1838), and “On the administration of the Kyrgyz of Orenburg jurisdiction” (1844). The first project related to Kazakhstan analyzed by D. V. Vasilyev is the above mentioned “Temporal Statute on the administration of the Ural’sk, Turgay, Akmolinsk and Semipalatinsk provinces” of 1868, which was the final legal act fixed to the status of Kazakhs in the Russian Empire and the specific features of Russian administrative policy in the region. As for Turkestan, its territory was formed only between 1865–1884, so there were a lot of reasons for legislative activity of its regional administration as well as central authorities, and their proposals were more contradictory.

Moreover, there were specific territories in each region that had their own traditions of power and social relations. D. V. Vasilyev in “Russian and the Kazakh Steppe” emphasized substantial differences between Russian administration in Great, Middle, Little Hordes and Bukei Khanate (Inner Horde). And the analysis of the legal project of the second half of the 19th century proves that this difference was maintained in the later period: the Statute of 1868 covers four Kazakh provinces, but the first two of them remained under the jurisdiction of the Orenburg Governor-Generalship and the other two were under the control of the Western Siberian authorities (p. 167). It is no wonder then that in 1871 two separate proposals for the administration of the Steppe provinces were developed: one for the Akmolinsk and Semipalatinsk provinces and another for the Ural’sk and Turgay provinces (ch. 3). Even the last Statute on administration for Kazakhs analyzed in the book, the so-called “Steppe Statute” of 1891 covered five Kazakh provinces (Akmolinsk, Semipalatinsk, Semirech’e, Ural’sk and Turgay), but only the first three of them were incorporated into the newly formed Steppe Governor-Generalship, while the other two were handed over to the direct jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs (p. 547).

The same situation occurred in the Turkestan Region, which was also joined to the Russian Empire over an extended period of time. Initially its territories included only the Syrdaria and Semirech’e provinces – which was fixed by the “Project of the administration of the Syrdaria and Semirech’e provinces” of 1867⁵. Due to the military campaigns of K. P. von Kaufman, new territorial units were joined to the region: Zeravshan Mili-

⁴ “Kyrgyz” was an official name of Kazakhs until 1925.

⁵ It’s interesting that although this document was only a “project”, it remained the only legal act for Turkestan which was officially recognized by central imperial authorities until 1886.

tary District (later – Samarqand Province) from 1868, Ili Province (Kuldja District) in 1871–1881, Amudaria Military District from 1873, Fergana Province from 1876, and the proposal of 1867 could not be automatically expanded to cover them. As a result, four or five different statutes were issued and de-facto implemented under Kaufman's rule (1867–1882) – and a special chapter (5) of the reviewed book is devoted to this situation. Of course, regional authorities during the development of their own legal prioritized the specific features of their own provinces, which explains why the legal commissions of three provinces (Syrdaria, Semirech'e and Fergana) presented incompatible positions during the development of the proposal on the administration of Turkestan initiated by Kaufman in 1881 (p. 377–408).

Kaufman himself tried more than once to unify the administrative system of the Turkestan Region, and his projects of 1871 and 1873, described by D. V. Vasilyev in detail in chapters 3 and 4, evidence those efforts. Although central authorities continually criticized his proposals, it seems that their position was advantageous for the Turkestan Governor-General: for a long time he promoted the project of 1867 (approved by the central authorities) for the Syrdaria and Semirech'e provinces exclusively, while other provinces and districts were governed de-facto on the basis of his own proposals (in particular of 1873).

Thus, it is no wonder that the majority of legal proposals analyzed by Vasilyev remained unimplemented. That is why the results of legislative activities described by the author can be characterized not as “administrative policy”, but as “administrative dreams”.

Moreover, the author aims to “to present the direction of the Russian imperial policy” in chosen regions, but his analysis, in fact, proves that there was an absence of any such consistent direction: the routine appearance of new legal projects is evidence of the unsuccessful attempts of the authorities to form and realize such direction. The author himself complains of the failure of the ruling circles of the Russian Empire to establish a united act for Turkestan over the course of 20 years: from the capture of Tashkent in 1865 to the battle of Kushka in 1885.

D. V. Vasilyev more than once gives detailed attention to the above-mentioned Inner Horde and even devotes chapter 9 to it. But the question of whether this Horde was part of the broader Central Asian region remains unanswered. It is possible that the author included his characterization of Russian administrative policy in the Inner Horde because it was temporarily under the jurisdiction of Orenburg authorities (p. 114), besides which its rulers and populations were ethnically connected with the Kazakh Little Horde (p. 580), as the Inner Horde separated from it at the beginning of the 19th century. However, we should remember that, since its foundation, and with regards to territorial and administrative considerations, the Inner Horde was under the jurisdiction of the Astrakhan authorities and returned to their control in the last quarter of the 19th century, as Vasilyev himself mentions (p. 596).

While the author describes Russian administrative policy in the Inner Horde, he doesn't pay attention to the Trans-Caspian Province⁶ and Western Pamir which, in fact, was the last acquisition of the Russian Empire in Central Asia. This suggests that a study of Russian policy towards these territories could substantially widen and supplement the author's study of the region.

It is worth noting that the bibliography is not exhaustive in its engagement with existing scholarship, despite the size of the study and the number of topics under consideration. Of course, reasoning from the goal of the work, the author pays more attention to primary sources, i. e. legal projects of 1865–1891 and supplementary documents, which is reflected in the wide list of archival materials referenced in the bibliography. Besides these sources, the author deploys the works of “key” authors of relevant secondary works: E. V. Bezikonnaya, N. E. Bekmakhanova, S. N. Brezhneva, A. Yu. Bykov, G. B. Izbasarova, S. I. Koval'skaya, Yu. A. Lysenko, E. A. Pravilova, O. G. Pugovkina, B. S. Suleimenov, S. K. Uderbayeva, etc.

Still, it is strange that the author doesn't include in this list the classic works of N. A. Khal'fin or R. A. Pierce, as well as the research of the above-cited, modern scholars, T. V. Kotyukova, A. Morrison, Sh. B. Mukhamedov, J. Sahaeo, and M. Ye. Shushkova. Though some of the interpretations made by these authors remain questionable, taking into account their works might have helped the author avoid needlessly detailed descriptive elements related to some aspects of the work, which at time drift into mere polemics.

Similarly, it is not clear why the author did not take into account the works devoted to study of specific regions which were examined in the course of this study, in particular, the books and articles of S. Z. Zimanov (Inner Horde), S. Gorshenina, J. Noda, I. C. Y. Hsü (Ili Province), T. G. Tukhtametov (Amudaria Military District), etc. With its wide survey of the problems surrounding the integration of the traditional nomadic court of Turkestan (*sud biyev*) into the imperial court system, the recent doctoral thesis of A. L. Saliev is also an obvious omission.

Nevertheless, these remarks are subjective and, of course, in no way diminish the scientific value of the reviewed book. Firstly, there is no doubt that D. V. Vasilyev succeeds in clarifying the basic phases of Central Asian administrative policy of the Russian Empire during the second half of the 19th century. It is interesting that the projects at the end of 1860s and towards the close of the 1880–1890s were implemented in Kazakhstan and Turkestan, while the proposals of 1870–1880-s remained unimplemented. Secondly, Vasilyev's study proves that reforms in Russian-controlled Central Asia were not episodic and spontaneous: legal proposals were established and discussed routinely and consistently at the central and regional

⁶ D. V. Vasilyev acknowledges that Trans-Caspian Province “remained outside the territorial limits of the book” (p. 6), besides, now he pays attention to study the history of this region [Васильев, 2019; Васильев, 2020].

levels. Furthermore, it was not always the opinion of central ruling circles which prevailed, as they continued to take into account the positions and preferences of regional authorities. Finally, this book could just as ably provide the casual reader with a “guidebook” of legal projects of the given period, while also allowing scholars to use specific documents or an aspect of its detailed research as the basis of their own interpretation of the region and its history.

Список литературы

- Акимбеков С. М.* Казахстан в Российской империи. Алматы : Ин-т азиат. исслед., 2018. 562 с.
- Алимджанов Б. А.* Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX в.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2016. 177 с.
- Быков А. Ю.* Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX века). Барнаул : Азбука, 2003. 168 с.
- Васильев Д. В.* Становление и развитие системы управления Туркестанского края, 1865–1886 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 1999. 290 с.
- Васильев Д. В.* Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М. : Полит. энцикл., 2014. 470 с.
- Васильев Д. В.* Форпост империи : Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М. : ИБП, 2015. 302 с.
- Васильев Д. В.* Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII – первая половина XIX в.) : дис. ... докт. ист. наук. Самара : [Б. и.], 2016. 655 с.
- Васильев Д. В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М. : Полит. энцикл., 2018. 638 с.
- Васильев Д. В.* Цели и задачи Российской империи в Закаспийском крае при создании новой системы управления // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. : сб. науч. тр. междунар. семинара. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. М. : ОнтоПринт, 2019. С. 282–290.
- Васильев Д. В.* Дуализм российской администрации на восточном берегу Каспийского моря // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.: История. Т. 65. 2020. № 1. С. 85–107. DOI 10.21638/11701/spbu02.2020.105.
- Глуценко Е. А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М. : Центрполиграф, 2010. 575 с.
- Избасарова Г. Б.* Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века. М. : Press-Book.ru, 2018. 484 с.
- Котюкова Т. В.* Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М. : Науч.-полит. кн., 2016. 391 с.
- Крупенкин Е. Н.* Туркестан в составе Российской империи (1865–1917 гг.): от военно-административного управления к гражданско-административному : дис. ... канд. ист. наук. Томск : [Б. и.], 2018. 190 с.
- Мухамедов Ш. Б.* Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917). Ташкент : Vactria Press, 2013. 256 с.
- Стеткевич А.* Убыточен ли Туркестан для России. СПб. : Типолит. Р. Голике, 1899. 19 с.
- Темирғалиев Р.* Казахи и Россия. М. : Междунар. отношения, 2013. 352 с.
- Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М. : Новое лит. обозрение, 2008. 464 с.
- Шушкова М. Е.* Организация управления Туркестаном в начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2015. 292 с.

Morrison A. S. *Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2008. XXX, 364 p.

Morrison A. S. *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2020. 480 p.

Noda J. *The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian International Relations during the Eighteenth and Nineteenth Centuries*. Leiden ; Boston : Brill, 2016. XX, 350 p.

Sahadeo J. *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923*. Bloomington ; Indianapolis : Indiana Univ. Press, 2007. XIV, 316 p.

Sartori P. *Visions of Justice: Shari'a and Cultural Change in Russian Central Asia*. Leiden ; Boston : Brill, 2017. XVI, 392 p.

References

Abashin, S. N., Arapov, D. Yu., Bekmakhanova, N. E. (Eds.). (2008). *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii* [Central Asia as Part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 464 p.

Akimbekov, S. M. (2018). *Kazakhstan v Rossiiskoi imperii* [Kazakhstan as Part of the Russian Empire]. Almaty, Institut aziatskikh issledovaniy. 562 p.

Alimdzhanov, B. A. (2016). *Ekonomicheskaya politika Rossiiskoi imperii v Turkestanskom general-gubernatorstve (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Economic Policy in the Turkestan General-Governorship (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Dis. ... kand. ist. nauk. St Petersburg, S. n. 177 p.

Bykov, A. Yu. (2003). *Istoki modernizatsii Kazakhstana (Problema sedentarizatsii v rossiiskoi politike XVIII – nachala XX veka)* [Origins of Kazakhstan's Modernisation (The Problem of Sedentarisation in Russian Policy of the 18th – Early 20th Centuries)]. Barnaul, Azbuka. 168 p.

Glushchenko, E. A. (2010). *Rossiya v Srednei Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya* [Russia in Central Asia. Conquests and Reorganisations]. Moscow, Tsentrpoligraf. 575 p.

Izbasarova, G. B. (2018). *Kazakhskaya step' Orenburgskogo vedomstva v imperskikh proektakh i praktikakh pervoi poloviny XIX veka* [The Kazakh Steppe of the Orenburg Domain in Imperial Projects and Practices of the First Half of the 19th Century]. Moscow, Press-Book.ru. 484 p.

Kotyukova, T. V. (2016). *Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy* [Outskirts under Special Provision... Turkestan on the Eve of a Drama]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga. 391 p.

Krupenkin, E. N. (2018). *Turkestan v sostave Rossiiskoi imperii (1865–1917 gg.): ot voenno-administrativnogo upravleniya k grazhdansko-administrativnomu* [Turkestan as Part of the Russian Empire (1865–1917): From Military-Administrative Rule to Civil-Administrative Rule]. Dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, S. n. 190 p.

Morrison, A. S. (2008). *Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India*. Oxford, Oxford Univ. Press. XXX, 364 p.

Morrison, A. S. (2020). *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 480 p.

Mukhamedov, Sh. B. (2013). *Istoriko-istochnikovedcheskii analiz gosudarstvennogo regulirovaniya islama Rossiiskoi imperiei v Turkestane (1864–1917)* [Historical and Source Analysis of the State Regulation of Islam in Turkestan (1864–1917)]. Tashkent, Bactria Press. 256 p.

Noda, J. (2016). *The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian International Relations during the Eighteenth and Nineteenth Centuries*. Leiden, Boston, Brill. XX, 350 p.

Sahadeo, J. (2007). *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923*. Bloomington, Indianapolis, Indiana Univ. Press. XIV, 316 p.

Sartori, P. (2017). *Visions of Justice: Shari'a and Cultural Change in Russian Central Asia*. Leiden, Boston, Brill. XVI, 392 p.

Shushkova, M. E. (2015). *Organizatsiya upravleniya Turkestanom v nachale XX veka* [The Organisation of Turkestan Administration in the Early 20th Century]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 292 p.

Stetkevich, A. (1899). *Ubytochen li Turkestan dlya Rossii* [Is Turkestan Unprofitable for Russia?]. St Petersburg, Tipolitografiya R. Golike. 19 p.

Temirgaliev, R. (2013). *Kazakhi i Rossiya* [Kazakhs and Russia]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 352 p.

Vasilyev, D. V. (1999). *Stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya Turkestanskogo kraja, 1865–1886 gg.* [Formation and Development of the Administrative System of Turkestan Region, 1865–1886]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 290 p.

Vasilyev, D. V. (2014). *Rossiya i Kazakhskaya step': administrativnaya politika i status okrainy. XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Russia and Kazakh Steppe: The Administrative Policy and Status of a Remote Region. 18th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 470 p.

Vasilyev, D. V. (2015). *Forpost imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noi Azii. Seredina XIX veka* [Outpost of Empire. The Administrative Policy of Russia in Central Asia. The Mid-19th Century]. Moscow, IBP. 302 p.

Vasilyev, D. V. (2016). *Organizatsiya administrativnogo upravleniya v Kazakhskoi stepi: gosudarstvennaya politika i regional'nye praktiki (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [The Organisation of Administrative Control in the Kazakh Steppe: State Policy and Regional Practices (18th Century – First Half of 19th Centuries)]. Dis. ... dokt. ist. nauk. Samara, S. n. 655 p.

Vasilyev, D. V. (2018). *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noi Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The Burden of Empire. The Administrative Policy of Russia in Central Asia. Second Half of the 19th Century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 638 p.

Vasilyev, D. V. (2019). *Tseli i zadachi Rossiiskoi imperii v Zakaspiiskom krae pri sozdanii novoi sistemy upravleniya* [Goals and Objectives of the Russian Empire in the Trans-Caspian Region in View of the Development of the New Administrative System]. In *Tsentral'naya Aziya na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv. Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnogo seminara. Alma-Ata, 19–23 avgusta 2019 g.* Moscow, OntoPrint, pp. 282–290.

Vasilyev, D. V. (2020). *Dualizm rossiiskoi administratsii na vostochnom beregu Kaspiiskogo morya* [The Dualism of Russian Administration on the Eastern Caspian Coast]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya Istoriya*. Vol. 65. No. 1, pp. 85–107. DOI 10.21638/11701/spbu02.2020.105.

The article was submitted on 25.12.2019

СОВРЕМЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О КОРОЛЕ ПРУССИИ ФРИДРИХЕ II И О РОССИИ*

Рец. на кн.: *Hoffmann P.* Friedrich II. und Russland. Die erste Periode seiner Regierung bis zum Hubertusburger Frieden 1763. – Berlin : Verlagsgemeinschaft NORA, 2019. – 226 S.

Хартмут Рюсс

Вестфальский университет имени Вильгельма,
Мюнстер, Германия

A MODERN STUDY OF KING FREDERICK II OF PRUSSIA AND RUSSIA

Rev. of: Hoffmann, P. (2019). *Friedrich II. und Russland. Die erste Periode seiner Regierung bis zum Hubertusburger Frieden 1763*. Berlin, Verlagsgemeinschaft NORA. 226 S.

Hartmut Rüß

Westfälische Wilhelms-Universität,
Münster, Germany

This review analyses the latest monograph of a German expert on the eighteenth-century history of German-Russian relations. Peter Hoffman has conducted a comprehensive historical analysis of Prussian-Russian relations and conflicts during the reign of Frederick II, paying special attention to the image of Russia in Frederick's eyes and, thereby, in the eyes of part of the German elite. The reviewer focuses on the most acute aspects and moments of these relations as they are dissected and presented by Hoffman: from the nature of Frederick's attempts to establish personal ties with the rulers of Russia to his revelations about Russia as the most dangerous country for Prussia. The reviewer demonstrates Hoffman's "empathy for the Russians" and the associated danger of a "one-sided" view on the protagonists: on the one hand, there is Prussia and King Frederick, who is prone to persistently "false assessments" of Russia, and on the other hand, there

* Citation: Rüß, H. (2020). A Modern Study of King Frederick II of Prussia and Russia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1461–1471. DOI 10.15826/qr.2020.4.539.

Цитирование: Rüß H. A Modern Study of King Frederick II of Prussia and Russia // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1461–1471. DOI 10.15826/qr.2020.4.539 / Рюсс Х. Современное исследование о короле Пруссии Фридрихе II и о России // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1461–1471. DOI 10.15826/qr.2020.4.539.

is “open-mindedness” that was “generally characteristic of Russian diplomacy”. According to the reviewer, the author generally provides too little concrete factual material and too often requires the reader to know the sources and literature he refers to in order to defend these judgments.

Keywords: Peter Hofmann; Frederick II of Prussia; Russia and Germany; international relations.

В рецензии дан анализ новой монографии по истории немецко-российских отношений XVIII в. Показано, что немецкий специалист Петер Хофман провел комплексный исторический анализ прусско-российских связей и конфликтов в правление Фридриха II, особое внимание уделил образу России (точнее – эволюции этого образа) в глазах Фридриха и частично, тем самым, в глазах части немецкой элиты того времени. Рецензент делает акцент на наиболее проблемных аспектах и моментах этих отношений в том виде, как они препарированы и презентованы Хофманом, – от попыток Фридриха установить личные связи с правителями России до его откровений о России как о наиболее опасной для Пруссии стране. Высоко оценивая монографию, рецензент обнаруживает у Хофмана «сопереживание русскому» и связанную с этим опасность одностороннего взгляда на протагонистов: тут Пруссия и ее король Фридрих, склонный к устойчиво «ложным оценкам» России, а там «широта взгляда», которая будто бы была «вообще характерна для дипломатии России». Для защиты этих суждений, как бы они ни были применены, считает рецензент, автор в целом предоставляет слишком мало конкретного фактологического материала и слишком часто требует от читателя знания источников и литературы.

Ключевые слова: Питер Хофман; Фридрих II Прусский; Россия и Германия; международные отношения.

В войне с Россией было бы слишком много риска,
но никакого... выигрыша.

Фридрих Вильгельм I Прусский. 1740

Автор монографии [Hoffmann, 2019] – заметное исключение в нынешнем сообществе немецких историков, изучающих Восточную Европу. Причем не только из-за своей публикаторской деятельности и почтенного возраста, но и в силу необычной биографии.

Примкнувший с воодушевлением к национал-социалистам в юности и семнадцатилетним добровольно вступивший в 1942 г. в войска СС, после войны он преобразился в убежденного марксиста-ленинца во вновь созданном государстве ГДР и активного члена Общества советско-немецкой дружбы. Хотя Петеру Хофману, глубоко убежденному в идеологической правильно-

сти социалистического пути (в отличие от социально-рыночного и демократического пути ФРГ), было тогда отказано (с указанием на его «фашистское» прошлое) как в членстве в СЕПГ, так и в руководящей работе в научной отрасли ГДР. Поэтому, несмотря на незаурядные научные достижения, он никогда не поднимался выше должности научного сотрудника Академии наук ГДР, что, с другой стороны, дало ему возможность сосредоточить всю свою энергию на науке¹. Основной упор Хофман сделал на немецко-российских отношениях XVIII в. Стимулом к этому стал тот факт, что отношениям Фридриха II к России на первой фазе его правления как прусского короля (1740–1763) уделялось лишь незначительное внимание как в немецких, так и в российских исследованиях. В особенности это относится к образу России у Фридриха, образу, которому автор уделяет в книге совершенно особое внимание. При этом он в значительной степени опирается на «Politische Correspondenz» короля [Politische Correspondenz], на его литературные произведения в немецком переводе [Die Werke] и на детали в старых исследованиях, на которые мало обращалось внимание, в частности, на работы Александра Брюкнера [Brückner], Сергея Соловьева [Соловьев] и Рейнхольда Козера [Koser]. Естественно, он также использовал собственные изыскания в области российско-пруссских дипломатических и экономических отношений, ранее приведенные в его монографии «Россия в эпоху абсолютизма» [Hoffmann, 1988].

Кроме специалистов по истории названной эпохи, мало кому известно, что наряду с императором Карлом VI (1685–1740) и Августом II (1670–1763), курфюрстом Саксонии и королем Польши, третьим символическим (то есть не присутствовавшим) крестным отцом Фридриха 31 января 1712 г. был назван Петр Великий. Отец Фридриха Фридрих Вильгельм I (1688–1740), который вошел в историю как «король-солдат» и неоднократно лично встречался с царем Петром I, в течение всей жизни был заинтересован в нормальных отношениях с Российским царством.

Автор приводит документальные свидетельства из наследия Фридриха Вильгельма. В своем политическом завещании он советует жить с Россией в дружбе. За два дня до своей смерти, 31 мая 1740 г., он писал государственному министру графу Генриху фон Подевилсу (1695–1760) в качестве завета для кронпринца, что он всегда заботился о «дружбе и гармонии» с Россией. Государственный министр должен де рекомендовать сие и Фридриху, «ибо в войне с Россией было бы слишком много риска, но никакого... выигрыша» (S. 65)². Между прочим, Фридрих-Вильгельм первым из европейских носителей верховной власти в 1721 г. признал российский император-

¹ См. его автобиографию: [Hoffmann, 2018].

² Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

ский титул сразу после его прокламации. Таким образом, вместе с автором можно исходить из того, что Фридрих уже в качестве наследного принца был хорошо информирован о характере отношений своей страны с Россией и контактировал с лицами, которые, как, например, Иоганн Готхильф Фоккеродт, побывали в России в качестве прусских дипломатов. Побуждаемый Вольтером, он поручил Фоккеродту в 1737 г. подготовить «экспертное заключение» о России, которое тот оформил в виде доклада, содержащего 12 глав [ср.: Grüne]. Основная его тенденция сводилась к критической и одновременно компетентной характеристике российских порядков, а также к описанию внутренней и внешней политики царского двора, которое Хофман называет «отчасти односторонним» (S. 61), правда, не конкретизируя это в деталях.

То, что мнение Фридриха II о России и ее правителях (правительницах) не было сложившимся раз и навсегда, а зависело от определенной политической конъюнктуры и часто зиждилось на ненадежных источниках информации, проходит красной нитью через исследование Хофмана, хотя здесь следует различать высказывания, предназначенные для общественности, и приватные замечания. Если в письме к Вольтеру от 3 марта 1738 г. Фридрих характеризует Петра I как «*monstre affreux*» и «*prince dénaturé*», то в своей «*Histoire de mon temps*» (1746) он видит его гениальным основателем империи и образцовым государем. Такая амбивалентность взгляда на Россию была присуща ему постоянно. Это отражено в следующем замечании в его «Истории моего времени»: «Из всех стран, соседствующих с Пруссией, Россия – самая опасная и заслуживает наибольшего внимания. Она могущественна, и она рядом» [Die Werke, Bd. 2, S. 153]. Потому, дескать, и необходимо лелеять дружбу с ней. То, что Фридрих на практике не придерживался этого принципа, диктуется господствовавшим тогда духом времени³.

Меняющийся расклад коалиций и дипломатические осложнения во время развязанной Фридрихом Силезской войны повлияли на российско-пруссские отношения. Несмотря на оборонительные договоры декабря 1740 г. и марта 1743 г., возрастающая мощь Пруссии все больше смущала российский двор. Поэтому в сентябре 1745 г. в присутствии императрицы Елизаветы было решено, что дальнейшее укрепление мощи Пруссии надо рассматривать как угрозу интересам России (S. 93 f.). Дабы подчеркнуть свое желание сохранить дружеские отношения с Россией, в 1745 г. Фридрих подарил императрице свой портрет, но этот жест остался без ответа. Не отреагировала Елизавета и на дар в 1746 г. роскошной изготовленной в Берли-

³ Политолог Герффрид Мюнклер цитирует Бисмарка, который констатировал, что победоносные сражения, завоевания и воинская слава долгое время обладают для народов более притягательной силой, нежели попечение о мирном преуспевании, как вроде бы показал пример Людовика XIV и Наполеона, чьи войны разрушали нацию, но которые, тем не менее, кажутся, остались гордостью французов. См.: [Münkler, S. 248].

не кареты⁴, что отражало возраставшую враждебность российского двора к Пруссии, враждебность, которая в конце концов нашла выражение в оборонительном союзе России со своим бывшим врагом Австрией в мае – начале июня 1746 г.

К контексту возраставшей между двумя государствами напряженности принадлежит возбудившая шум афера с Жаном Жерменом Лестоком, лейб-медиком императрицы, который был арестован в ноябре 1748 г., пробыл пять лет в заключении и в конце концов был сослан как тайный информатор прусских посланников в Петербурге (фон Мардефельда и Финкенштейна), разоблаченный благодаря дешифровке их переписки. Хофман считает позицию Фридриха в этой истории по меньшей мере «противоречивой», если не ложной, ибо король совершенно очевидно знал больше, нежели сознавался позже в корреспонденции, касающейся этого казуса (S. 98–99).

История с генерал-майором Готлибом Тотлебенем (1760–1761), состоявшим на российской службе, также показывает прусского короля «актером, интегрированным в деятельность тайных служб, отчасти управляющим их связями» (S. 55). Путем подкупа предполагалось добиться того, чтобы Тотлебен отвел в Польшу русские войска, оккупировавшие прусскую территорию к востоку от Одера. В конечном счете не совсем ясно, был ли арест этого генерала непосредственно связан с подобными тайными устремлениями Фридриха. Во всяком случае, в 1763 г. он был из России выслан, через несколько лет вернулся назад и в 1769–1770 гг. сыграл значимую роль в качестве командующего российской военной экспедиции в Грузию [ср.: Kessel].

Естественно возникает вопрос, являлись ли тайные попытки Фридриха получить информацию и обрести влияние исключительными в то время, или же таковое повсюду в Европе не принадлежало к обычной практике официальной дипломатии. Подробно описанная автором скандальная история с французским посланником маркизом де ла Шетарди (S. 85–89), кажется, скорее подкрепляет последнее предположение, тем более что прусский король оказался замешан и здесь. Он выступил в присутствии фон Подевилльса за совместные действия французского и прусского посланников в Петербурге, дабы «деньгами, интригами» и иными «усилиями» ослабить враждебную в отношении обоих государств позицию государственного канцлера Бестужева-Рюмина, который склонялся к союзу с Австрией (S. 85). В России перлюстрация и контроль переписки, а также дешифровка переписки иноземных дипломатов достигли в XVIII в. особого совершенства. В течение второй половины 1744 г. математику Кристиану Гольдбаху (1690–1764) удалось расшифровать 69 писем из корреспонденции парижского Министерства иностранных дел и де ла Шетарди

⁴ Только на личный запрос короля Елизавета решилась ответить бессодержательным благодарственным письмом, которое, правда, дошло до него только год спустя (S. 93). Ср.: [Pufelska, S. 124].

(S. 88). Елизавета, титулованная «царицей» в одной из двух его верительных грамот, была возмущена сим оскорбительным и негативным докладом о России. Де ла Шетарди пришлось покинуть страну в течение 24 часов. Фридрих с облегчением вздохнул: его посланник фон Мардефельд в этом скандале действовал сдержанно и скомпрометирован не был (S. 89). То, что на тот же год пришлась попытка прусского короля с помощью денежных ассигнований братьям Бестужева-Рюмина придать позитивное направление их враждебной к Пруссии позиции, оказалось контрпродуктивным, поскольку императрица была ими об этом информирована [ср.: Anisimov, S. 48].

На охлаждение отношения Елизаветы к Фридриху этот случай несомненно изрядно повлиял. Отчуждение, очевидно, было взаимным. В то время как Елизавета могла чувствовать себя уязвленной уничижительными высказываниями короля, пользовавшегося репутацией женоненавистника, от Фридриха прозвучала крайне негативная характеристика российской императрицы. В своей «Истории моего времени» он пишет: «У Елизаветы сладострастие перешло в разврат», она «ненавидела труд» и не была «рождена для власти» [Die Werke, Bd. 2, S. 97; ср.: Katarina II, S. 104]. При сем Елизавета в день своего восхождения на трон недвусмысленно извещала Фридриха, что хочет сохранить дружбу с Пруссией. А во время короткой паузы между обоими Силезскими войнами в феврале 1743 г. она вроде бы переслала Фридриху орден Святого Андрея Первозванного, за что де король Пруссии отблагодарил ее награждением орденом Черного Орла. На основании несоответствий, касающихся хронологической последовательности обоих награждений, а также молчания об этом как в «Политической переписке», так и в российских источниках автор приходит к заключению, что остается неясным, получал ли Фридрих вообще этот высший российский орден (S. 80)⁵.

На время дружественных российско-прусских отношений приходится и выбор в супруги наследника российского престола, будущего Петра III, Софии Фридерики Августы Ангальт-Цербстской (после православного крещения – Екатерины Алексеевны). Очевидно, что существенную роль в выборе невесты сыграла рекомендация Фридриха. В одном из писем к русской императрице он выражает надежду, что Елизавета сделанным выбором будет удовлетворена (S. 83). А вскоре после своего прибытия в Санкт-Петербург невеста поблагодарила Фридриха за его участие «в высоком положении... которое... только что обрела» (S. 84).

Причины окончательного разрыва российско-прусских отношений в конце 1750 – начале 1751 г. нельзя однозначно прояснить на основе проанализированной автором литературы. То, что сей разрыв

⁵ Здесь, правда, следует указать на замечание Екатерины II в ее мемуарах, которое Хофман не упоминает и где говорится, что камер-юнкер императрицы Елизаветы граф Сиверс «доставил в Берлин королю Пруссии ленту ордена Св. Андрея» и, дескать, «прежде чем передал ее королю, показал моей матери» [ср.: Katharina II, S. 62].

был якобы спровоцирован российской стороной (как утверждали сам Фридрих и часть новейших авторов), Хофман отвергает как «взгляд односторонний» (S. 106). Однако здесь мог сыграть роль «нереалистичный» образ России и ее правительства, созданный Фридрихом, – образ, ведущий к «ошибочным оценкам» благодаря принятию «желаемого за действительное» (S. 112, 113). Несмотря на отсутствие с тех пор дипломатических контактов, прусский король продолжал придавать важное значение отношениям с Россией. Так, 5 июля 1755 г. он передал уполномоченному цензору инструкцию, которая предписывала распространять в газетах только сообщения о России, опубликованные до этого в «Петербургской газете».

Опасности, рожденные стремительными переменами в конфигурации европейских коалиций («renversement des alliances»), приведшими в конце концов к взрыву Семилетней войны, Фридрих (согласно весьма единодушному суждению ученых, к которому автор присоединяется) оценил, однако, совершенно неверно. В январе 1757 г. Россия официально вступила в наступательный союз Австрии и Франции. За ней последовали шведы и большинство немецких князей. То, что на царском троне сидела решительная противница Пруссии, Фридрих, согласно автору, понял только в ходе войны, поскольку императрица упорно старалась его погубить.

История этой войны изучена сравнительно хорошо⁶.

В военном отношении Россия стала теперь после Австрии важнейшим противником Фридриха II. В качестве характерного факта ведения войны Россией автор подчеркивает то, что ни один полководец не использовал последовательно победы над прусской армией (с указанием, кроме всего прочего, на битву при Гросс-Егерсдорфе в августе 1757 г.). Причину он видит в том, что «никто не хотел подвергать себя опасности благодаря решительной победе над прусскими войсками», дабы «не впасть в немилость» к Петру, будущему наследнику трона, чьи пропрусские настроения были всем известны (S. 136). Конечно, здесь автору следовало бы привести свидетельства источников, дабы это объяснение поведения российских военачальников не выглядело чистым предположением. В конечном счете счастливый для Фридриха II исход долгой войны автор также сводит к «нерешительности многих российских командующих», наряду с разногласиями внутри антипрусской коалиции (S. 155). В подобном свете многократно расписанное «чудо Бранденбургского дома» благодаря смерти императрицы Елизаветы 5 января 1762 г. теряет доселе приписывавшееся ему в литературе исключительное значение. Фридрих прокомментировал смерть императрицы довольно непочтительными и дерзкими стихами: «О, странник, здесь покоится Мессалина, / Была она русская и казацкая конкубина, / Ныне все исчерпала она и оставила сей брег, / Дабы в царстве мертвых искать новых любовников» [Füssel, S. 440].

⁶ См., например: [Szabo; Анисимов; Der Siebenjährige Krieg; Füssel].

По поводу того, что короткое правление Петра III на время освободило короля Фридриха от его затруднительного положения, в исследованиях в целом имеет место консенсус. Характеристику Петра (несущую на себе отпечаток суждений Екатерины II, и преимущественно негативную) автор со ссылкой на А. С. Мыльникова рассматривает как «довольно одностороннюю» (S. 159) [Мыльников]. Он указывает на его «жажду деятельности, терпение, добросердечие, доверчивость, его частые остроумные поступки», его свободное «обхождение с простыми людьми», а также на его «достойные внимания реформы», например, в сфере финансов и системе образования. Многие же напоминают такого же рода реформаторские тенденции в Пруссии и Австрии (S. 162 f.). С другой стороны, он действовал в интересах высшей знати и гвардейских полков, однако и провоцировал те же самые круги обмундированием армии по прусскому образцу и вдобавок нажил себе врагов открытым пренебрежением к русским обычаям и Русской православной церкви (S. 176). Инициированный Петром мир, по мнению автора, был, понятно, не только действием, обязанным личным симпатиям российского императора к Фридриху, но и «отвечал вообще потребностям и интересам» России. Еще в декабре 1760 г. канцлер М. И. Воронцов перед лицом высоких военных потерь требовал от императрицы Елизаветы заключения мира с Пруссией (S. 165). Естественно, теперь, при таком быстром повороте событий, определенную роль сыграли хорошие отношения между Петром и Фридрихом.

Автор приводит целый ряд высказываний, которые отражают изменившийся политический климат между обеими странами. В «Политической корреспонденции» содержится в целом 13 писем Фридриха II к Петру. В письме от 8 февраля 1762 г. он, кроме всего прочего, пишет: «Уверяю Вас, что я искренне желаю лелеять Вашу... бесценную дружбу... и укреплять ее на солидной основе» (S. 168 f.). Результатами стали мирный договор, подписанный Воронцовым и посланником бароном фон дер Гольцем 24 апреля (5 мая) 1762 г., и союзный договор, подписанный теми же лицами 8 (19) июня 1762 г. Через девять дней Петр III был свергнут и – по широко распространенному мнению, разделяемому и самим автором (S. 177, 181), – убит гвардейскими офицерами⁷. Общее настроение, которое сделало возможным заговор, Петр спровоцировал перегибами в отношении прусского воинского устава, угрозами расформировать избалованные гвардейские полки, военными планами в отношении Дании, вышеупомяну-

⁷ В манифесте Екатерины заявлялось, что Петр умер от коликов после «еще раньше проявившегося геморроидального приступа» (то же самое – в письме от 2 августа 1762 г. к Понятовскому). См.: [Katharina II, S. 33]. Свидетельств, однозначно проясняющих вину Екатерины в смерти Петра, ее соучастие или невинность, нет. Стороживший Петра после его свержения Алексей Орлов сообщал императрице 6 июля, что тот будто бы злополучно скончался в результате некоей потасовки. Тем самым нельзя определенно доказать факт осознанно спланированного или осуществленного по распоряжению свыше убийства. Ср.: [Hildermeier, S. 488].

тым пренебрежением к русским обычаям и Русской православной церкви, а также своим публично демонстрируемым обожанием прусского короля, фантазиями в отношении его.

Фридрих в своих письмах предупреждал его о перевороте и цитировал из ответа царя следующее: «Но я выказываю всем благо и целиком веряю себя покровительству Божьему. Тут мне опасаться нечего» (S. 178 f.). Это побудило Фридриха после переворота к комментарию, что Петр «позволил лишиться себя трона, как ребенок, которого отправляют спать»⁸. То, что Петр на самом деле якобы спрашивал у Фридриха совета, как ему лучше всего прогнать свою жену, автор отвергает как беспочвенный слух (S. 177). Однако существование подобного слуха показывает, что напряженность в супружеских отношениях царственной пары была известна по крайней мере столичной властной элите и была искусно использована Екатериной в ее тайных притязаниях на трон. Спустя время Фридрих писал об этом: «Петр III был достаточно неблагоразумен, чтобы угрожать ей монастырем... Царица скрывала свой гнев и свою жажду мести под вуалью покорности и за лицемерными слезами, но отныне ковала планы забрать трон себе и избавиться от своего супруга» (S. 179 f.).

Для Фридриха, как он говорил, судьба Петра стала «тяжелым и болезненным ударом» [Die Werke, Bd. 4, S. 150]. О восхождении Екатерины на трон он узнал 18 июля от командующего русскими войсками, стоящими в Силезии, одновременно с сообщением, что императрица подтвердила заключение мира с Пруссией (S. 183). В письме к своему посланнику в Петербурге фон дер Гольцу он с удовлетворением констатировал, что Екатерина приказала русским войскам на прусской земле возвратиться в Россию «и в то же время заявила, что не хочет влезать в настоящую войну» (S. 188). С оглядкой на широко распространенные антипруссские настроения она, правда, на данный момент отказалась от более тесного союза с Пруссией. В переговорах о Губертусбургском мире (15 февраля 1763 г.), оставившем Пруссии то, что она захватила в Силезии⁹, Россия так же мало участвовала, как и в переговорах о Парижском мире (10 февраля 1763 г.), который предоставил Англии владение испанской Флоридой и французской Канадой. И все же, по мнению автора, российская дипломатия «в результате Семилетней войны... смогла увеличить влияние» на европейскую политику (S. 194).

«Сопереживание русскому» со стороны автора, понятное в силу его биографии и весьма объяснимое для рецензента, конечно,

⁸ Цит. по предисловию «К форме воспоминаний» издателя мемуаров Екатерины II: [Katharina II, S. 31].

⁹ Историк Отмар фон Аретин констатирует, что, несмотря на культ Фридриха, усилившийся во второй половине XIX в., при рассмотрении его жизни не проходят мимо того, что прусский король «во внешней политике был плохим правителем, который благодаря неслышанному везению и в силу неспособности своих противников в конечном итоге никогда не получал счет за свои внешнеполитические ошибки» [Aretin, S. 151].

не должно затушевывать связанной с этим опасности «одно-стороннего» (если употребить любимое выражение Хофмана) взгляда на протагонистов: тут и Пруссия, и ее король Фридрих, склонный к устойчиво «ошибочным оценкам» России, а там «широта взгляда», которая будто бы была «вообще характерна для дипломатии России» (S. 200). Для защиты обоих этих суждений, как бы они ни были правильны, автор предоставляет слишком мало конкретного фактологического материала и слишком часто требует от читателя знания источников и литературы. Итоговый вывод: Петер Хофман написал детальное исследование, которое следует оценивать, помимо собственной научной значимости, как отправную позицию для дальнейших изысканий.

Список литературы

- Анисимов М. Ю.* Семилетняя война и русская дипломатия в 1756–1763 гг. М. : Т-во науч. изд. КМК, 2014. 571 с.
- Мыльников А.* Испытание чудом. «Русский принц» и самозванцы. Л. : Наука, 1991. 274 с.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 15 кн. М. : Мысль, 1959–1966. Кн. 12. 714 с. Кн. 13. 648 с.
- Anisimov M.* Russland und die Genese Preußens als Großmacht unter Friedrich dem Großen // Friedrich II. und das östliche Europa. Deutsch-polnisch-russische Reflexionen / Hrsg. O. Kurilo. Berlin : Berliner Wissenschafts-Verlag, 2013. S. 45–59.
- Aretin K. O. von.* Friedrich der Große. Größe und Grenzen des Preußenkönigs. Bilder und Gegenbilder. Freiburg : Herder, 1985. 172 S.
- Brückner A.* Katharina die Zweite. Berlin : Historischer Verlag Baumgärtel, 1883. 642 S.
- Brüne P.* Johann Gotthilf Vockerodt und sein Einfluss auf das Russlandbild Friedrichs des Großen und Voltaires. Berlin : Verlagsgemeinschaft NORA, 2018. 192 S.
- Der Siebenjährige Krieg (1756–1763). Ein europäischer Weltkrieg im Zeitalter der Aufklärung / Hrsg. S. Externbrink. Berlin : De Gruyter, 2011. 296 S.
- Die Werke Friedrich des Großen / Hrsg. G. B. Volz, A. von Menzel. Berlin : Reimar Hobbing Verlag, 1912–1914. Bd. 1–10.
- Füssel M.* Der Preis des Ruhmes. Eine Weltgeschichte des Siebenjährigen Krieges. München : C. H. Beck, 2019. 656 S.
- Hildermeier M.* Geschichte Russlands vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München : C. H. Beck, 2013. 1504 S.
- Hoffmann P.* Russland im Zeitalter des Absolutismus. Berlin : Akad. Verl., 1988. 332 S.
- Hoffmann P.* In der hinteren Reihe. Aus dem Leben eines Osteuropa-Historikers in der DDR und danach. Berlin : Verlagsgemeinschaft NORA, 2018. 328 S.
- Hoffmann P.* Friedrich II. und Russland. Die erste Periode seiner Regierung bis zum Hubertusbürger Frieden 1763. Berlin : Verlagsgemeinschaft NORA, 2019. 226 S.
- Katharina II in ihren Memoiren / Hrsg. H. Fleischhacker. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1972. 467 S.
- Kessel E.* Tottlebens Verrat // Kessel E. Militärgeschichte und Kriegstheorie in neuerer Zeit. Ausgewählte Aufsätze. Berlin : Duncker & Humblot, 1987. S. 371–378.
- Koser R.* Friedrich der Große. 5. Aufl. Stuttgart ; Berlin : J. B. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1912–1914. Bd. 1–4.
- Münkler H.* Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin : Rowohlt, 2009. 608 S.
- Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen. Berlin : Verlag von Alexander Duncker, 1879–2015. Bd. 1–48.
- Pufelska A.* Vom zufälligen Feind zum unworbenen Freund. Friedrich II. und Russland // Friederisiko. Ausstellung. München : Hirmer, 2012. Bd. 2. S. 122–127.

References

- Anisimov, M. (2013). Russland und die Genese Preußens als Großmacht unter Friedrich dem Großen. In Kurilo, O. (Hrsg.). *Friedrich II. und das östliche Europa. Deutsch-polnisch-russische Reflexionen*. Berlin, Berliner Wissenschafts-Verlag, S. 45–59.
- Anisimov, M. Yu. (2014). *Semiletnyaya voyna i russkaya diplomatiya v 1756–1763 gg.* [The Seven Years' War and Russian Diplomacy in 1756–1763]. Moscow, Tovarishestvo nauchnykh izdatelei KMK. 571 p.
- Arétin, K. O. von. (1985). *Friedrich der Große. Größe und Grenzen des Preußenkönigs. Bilder und Gegenbilder*. Freiburg, Herder. 172 S.
- Brückner, A. (1883). *Katharina die Zweite*. Berlin, Historischer Verlag Baumgärtel. 642 S.
- Brüne, P. (2018). *Johann Gotthilf Vockerodt und sein Einfluss auf das Russlandbild Friedrichs des Großen und Voltaires*. Berlin, Verlagsgemeinschaft NORA. 192 S.
- Externbrink, S. (Hrsg.). (2011). *Der Siebenjährige Krieg (1756–1763). Ein europäischer Weltkrieg im Zeitalter der Aufklärung*. Berlin, De Gruyter. 296 S.
- Fleischhacker, H. (Hrsg.). (1972). *Katharina II in ihren Memoiren*. Frankfurt a/M, Suhrkamp. 467 S.
- Füssel, M. (2019). *Der Preis des Ruhmes. Eine Weltgeschichte des Siebenjährigen Krieges*. München, C. H. Beck. 656 S.
- Hildermeier, M. (2013). *Geschichte Russlands vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution*. München, C. H. Beck. 1504 S.
- Hoffmann, P. (1988). *Russland im Zeitalter des Absolutismus*. Berlin, Akad. Verl. 332 S.
- Hoffmann, P. (2018). *In der hinteren Reihe. Aus dem Leben eines Osteuropa-Historikers in der DDR und danach*. Berlin, Verlagsgemeinschaft NORA. 328 S.
- Hoffmann, P. (2019). *Friedrich II. und Russland. Die erste Periode seiner Regierung bis zum Hubertusburger Frieden 1763*. Berlin, Verlagsgemeinschaft NORA. 226 S.
- Kessel, E. (1987). Tottlebens Verrat. In Kessel, E. *Militärgeschichte und Kriegstheorie in neuerer Zeit. Ausgewählte Aufsätze*. Berlin, Duncker & Humblot, S. 371–378.
- Koser, R. (1912–1914). *Friedrich der Große*. 5. Aufl. Stuttgart, Berlin, J. B. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger. Bd. 1–4.
- Münkler, H. (2009). *Die Deutschen und ihre Mythen*. Berlin, Rowohlt. 608 S.
- Myl'nikov, A. (1991). *Iskushenie chudom. "Russkii prints" i samozvantsy* [Temptation by a Miracle. "Russian Prince" and Impostors]. Leningrad, Nauka. 274 p.
- Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen*. (1879–2015). Berlin, Verlag von Alexander Duncker. Bd. 1–48.
- Pufelska, A. (2012). Vom zufälligen Feind zum umworbenen Freund. Friedrich II. und Russland. In *Friederisiko. Ausstellung*. München, Hirmer. Bd. 2, S. 122–127.
- Solovyov, S. M. (1959–1966). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen v 15 kn.* [The History of Russia since Ancient Times. 15 Books]. Moscow, Mysl'. Book 12. 714 p. Book 13. 648 p.
- Volz, G. B., Menzel, A. von. (1912–1914). *Die Werke Friedrich des Großen*. Berlin, Reimar Hobbing Verlag. Bd. 1–10.

The article was submitted on 05.05.2020

Translated by Aleksandr Kozlov

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Алишина Галина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет.
634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36.
ORCID 0000-0001-8842-9650
galinaalishina@gmail.com

Амброзьяк Томаш, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория эдиционной археологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-0125-6011
tomasz.ambr@gmail.com

Бугров Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-4596-8854
k.d.bugrov@gmail.com

Вепрева Ирина Трофимовна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-2230-1985
irina_vepreva@mail.ru

Воляньский Филип, доктор исторических наук, доцент, Вроцлавский университет.
50-137, Польша, Вроцлав, Plac Uniwersytecki, 1.
ORCID 0000-0002-4287-6911
filip.wolanski@uwr.edu.pl

Гусман Тирадо Рафаэль, доктор филологических наук, профессор, Гранадский университет.
18010, Испания, Гранада, s/n С. Р., Avda. del Hospicio.
ORCID 0000-0002-4615-6436
rguzman@ugr.es

Дергачева Дарья Алексеевна, докторант, Свободный университет Барселоны.
08193, Испания, Барселона, Беллатерра, Plaça Cívica, Campus de la UAB.
ORCID 0000-0001-8773-7934
daria.dergacheva@e-campus.uab.cat

Зорихина-Нильссон Надежда Витальевна, PhD, профессор, Стокгольмский университет.
SE-106 91, Швеция, Стокгольм, Universitetsvägen, 10A.
ORCID 0000-0002-8270-8891
nadezjda.zorikhina@slav.su.se

Ицкович Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-5841-2943
tatiana.itckovich@urfu.ru

Киселева Марина Сергеевна, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
ORCID 0000-0002-0238-6934
markiseleva@gmail.com

Лизунов Павел Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова.

163002, Россия, Архангельск, набережная Северной Двины, 17.
ORCID 0000-0002-6658-8500
pavelvl@mail.ru

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр евроатлантической безопасности, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО Университет).

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
ORCID 0000-0003-2298-9684
smarkpost@gmail.com

Мауль Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет, филиал в Нижневартовске.

628616, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Нижневартовск, ул. Ленина, 2П, стр. 9.
ORCID 0000-0002-9584-8949
vymaul@mail.ru

Морозан Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.
ORCID 0000-0003-4312-0566
v_moga@mail.ru

Морохин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского.

603950, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.
ORCID 0000-0003-2000-3383
alexmorohin@yandex.ru

Моряков Ерофей Юрьевич, аспирант, стажер-исследователь, Международная лаборатория региональной истории России, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
ORCID 0000-0002-6907-1865
emoryakov@hse.ru

Мустайоки Арто, PhD, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; профессор, Хельсинкский университет.

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
00014, Финляндия, Хельсинки, Yliopistonkatu, 3.
ORCID 0000-0002-6609-7090
arto.mustajoki@helsinki.fi

Никулин Иван Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Екатеринбургская духовная семинария.

620026, Россия, Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 57.
ORCID 0000-0002-0546-3763
nikulinivan@yandex.ru

Окунев Игорь Юрьевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, директор Центра пространственного анализа международных отношений, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО Университет).

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
ORCID 0000-0003-3292-9829
iokunev@mgimo.ru

Павлов Андрей Павлович, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.
197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-5952-0858
a.pavlov@spbu.ru

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал).

190121, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16.
ORCID 0000-0002-4192-3528
rpochekaev@hse.ru

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-3431-1662
landrat14@mail.ru

Рюсс Хармут, доктор исторических наук, профессор, Вестфальский университет имени Вильгельма.

48149, Германия, Мюнстер, ул. Schlossplatz, 2.
ruessbockhorst@t-online.de

Савицкий Мариуш, доктор исторических наук, доцент, Опольский университет.

45-040, Польша, Ополе, площадь Коперника, 11а.
ORCID 0000-0001-5318-7145
msawicki@uni.opole.pl

Сафронова Алевтина Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-4692-3025
alevtina.safronova@gmail.com

Смилянская Елена Борисовна, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-4120-6158
esmilian@mail.ru

Смирнова Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН.

199053, Россия, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9.
ORCID 0000-0001-7043-6705
batrachos@yandex.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-0694-6687
l.s.soboleva@mail.ru

Тимофеев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, заведующий центром социальной истории, выпускающий редактор журнала *Quaestio Rossica*, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-6578-8762
dmitrtim@yandex.ru

Тоус-Ровироса Анна, PhD, доцент, Свободный университет Барселоны.
08193, Испания, Барселона, Беллатерра, Plaça Cívica, Campus de la UAB.
ORCID 0000-0003-4519-3793
anna.tous@uab.cat

Урушадзе Амиран Тариелович, кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет.
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.
ORCID 0000-0003-4624-007X
aturushadze@sfedu.ru

Цесельский Томаш, доктор исторических наук, доцент, Опольский университет.
45-040, Польша, Ополе, площадь Коперника, 11а.
ORCID 0000-0002-3254-1261
tciesielski@uni.opole.pl

Шаров Константин Сергеевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт биологии развития имени Н. К. Кольцова РАН.
119334, Россия, Москва, ул. Вавилова, 26.
ORCID 0000-0003-4784-0333
const.sharov@mail.ru

Юдин Алексей Александрович, научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН.
630102, Россия, Новосибирск, ул. Восход, 15.
ORCID 0000-0003-1389-6806
alexey_yudin@mail.ru

Alishina Galina, PhD (History), Associate Professor, Tomsk State University.
36, Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia.
ORCID 0000-0001-8842-9650
galinaalishina@gmail.com

Ambroziak Tomasz, PhD (History), Senior Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-0125-6011
tomasz.ambr@gmail.com

Bugrov Konstantin, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-4596-8854
k.d.bugrov@gmail.com

Ciesielski Tomasz, Dr. Hab. (History), Associate Professor, University of Opole.
11a, Plac Mikołaja Kopernika, 45-040, Opole, Poland.,
ORCID 0000-0002-3254-1261
tciesielski@uni.opole.pl

Dergacheva Daria, PhD Candidate, Autonomous University of Barcelona.
Campus de la UAB, Plaça Cívica, 08193, Bellaterra, Barcelona, Spain.
ORCID 0000-0001-8773-7934
daria.dergacheva@e-campus.uab.cat

Guzman Tirado Rafael, Dr. Hab. (Philology), Professor, University of Granada.
Avda. del Hospicio, s/n C. P., 18010, Granada, Spain.
ORCID 0000-0002-4615-6436
rguzman@ugr.es

Itskovich Tatiana, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-5841-2943
tatiana.itckovich@urfu.ru

Kiseleva Marina, Dr. Hab. (Philosophy), Chief Researcher, International
Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National
Research University Higher School of Economics.
20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-0238-6934
markiseleva@gmail.com

Lizunov Pavel, Dr. Hab. (History), Professor, Northern Arctic Federal
University named after M. V. Lomonosov.
17, Severnaya Dvina Embankment, 163002, Arkhangelsk, Russia.
ORCID 0000-0002-6658-8500
pavelvl@mail.ru

Markedonov Sergey, PhD (History), Leading Researcher, Centre for Euro-
Atlantic Security, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO
University).
76, Vernadsky Ave., 119454, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0003-2298-9684
smarkpost@gmail.com

Maul Viktor, Dr. Hab. (History), Professor, Tyumen Industrial University,
Nizhnevartovsk Branch.
Bldg. 9, 2/P, Lenin Str., 628616, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous
Okrug – Yugra, Russia.
ORCID 0000-0002-9584-8949
vymaul@mail.ru

Moriakov Yerofeï, PhD Candidate, Trainee Researcher, International
Laboratory 'Russia's Regions in Historical Perspective', National Research
University Higher School of Economics.
20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-6907-1865
emoryakov@hse.ru

Morokhin Alexey, PhD (History), Associate Professor, Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod.
23, Gagarin Ave., 603950, Nizhny Novgorod, Russia.
ORCID 0000-0003-2000-3383
alexmorohin@yandex.ru

Morozan Vladimir, Dr. Hab. (History), Professor, St Petersburg State University.
7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0003-4312-0566
v_moga@mail.ru

Mustajoki Arto, PhD, Chief Researcher, National Research University Higher School of Economics; Professor, University of Helsinki.
20, Myasnitckaya Str., 101000, Moscow, Russia.
3, Yliopistonkatu, 00014, Helsinki, Finland.
ORCID 0000-0002-6609-7090
arto.mustajoki@helsinki.fi

Nikulin Ivan, PhD (History), Associate Professor, Yekaterinburg Theological Seminary.
57, Rosa Luxemburg Str., 620026, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-0546-3763
nikulinivan@yandex.ru

Okunev Igor, PhD (Political Sciences), Leading Researcher, Director, Centre for Spatial Analysis in International Relations, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).
76, Vernadsky Ave., 119454, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0003-3292-9829
iokunev@mgimo.ru

Pavlov Andrei, Dr. Hab. (History), Professor, St Petersburg State University; Leading Researcher, St Petersburg Institute of History; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.
7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-5952-0858
a.pavlov@spbu.ru

Pochekaev Roman, PhD (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics (St Petersburg Branch).
16, Soyuz Pechatnikov Str., 190121, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0002-4192-3528
rpochekaev@hse.ru

Redin Dmitry, Dr. Hab. (History), Professor, Deputy Chief Editor of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-3431-1662
landrat14@mail.ru

Ruß Hartmut, Dr. Hab. (History), Professor, Westfälische Wilhelms-Universität.
2, Schlossplatz, 48149, Münster, Germany.
ruessbockhorst@t-online.de

Safronova Alevtina, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-4692-3025

alevtina.safronova@gmail.com

Savicki Mariusz, Dr. Hab. (History), Associate Professor, University of Opole.

11a, Plac Mikołaja Kopernika, 45-040, Opole, Poland.

ORCID 0000-0001-5318-7145

msawicki@uni.opole.pl

Sharov Konstantin, PhD (Philosophy), Senior Researcher, Koltsov Institute of Developmental Biology of the Russian Academy of Sciences.

26, Vavilov Str., 119334, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0003-4784-0333

const.sharov@mail.ru

Smilyanskaya Elena, Dr. Hab. (History), Professor, National Research University Higher School of Economics; Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-4120-6158

esmilian@mail.ru

Smirnova Anna, PhD (Philology), Research Fellow, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences.

9, Tuchkov Ln., 199053, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0001-7043-6705

batrachos@yandex.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Editor-in-Chief of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Timofeev Dmitry, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Social History, Executive Editor of *Quaestio Rossica* Journal, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-6578-8762

dmitrtim@yandex.ru

Tous-Rovirosa Anna, PhD, Associate Professor, Autonomous University of Barcelona.

Campus de la UAB, Plaça Cívica, 08193, Bellaterra, Barcelona, Spain.

ORCID 0000-0003-4519-3793

anna.tous@uab.cat

Urushadze Amiran, PhD (History), Associate Professor, Southern Federal University.

105/42, Bolshaya Sadovaya Str., 344006, Rostov-on-Don, Russia.
ORCID 0000-0003-4624-007X
aturushadze@sfedu.ru

Vepreva Irina, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-2230-1985
irina_vepreva@mail.ru

Wolański Filip, Dr. Hab. (History), Associate Professor, University of Wrocław. 1, Plac Uniwersytecki, 50-137, Wrocław, Poland.

ORCID 0000-0002-4287-6911
filip.wolanski@uwr.edu.pl

Yudin Alexey, Research Fellow, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

15, Str. Voskhod, 630102, Novosibirsk, Russia.
ORCID 0000-0003-1389-6806
alexey_yudin@mail.ru

Zorikhina Nilsson Nadezjda, PhD, Professor, Stockholm University.

10A, Universitetsvägen, SE-106 91, Stockholm, Sweden.
ORCID 0000-0002-8270-8891
nadezjda.zorikhina@slav.su.se

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii

БАН – Библиотека РАН
BAN – Biblioteka RAN

ГААК – Государственный архив Алтайского края
GAAK – Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia

ГАИО – Государственный архив Иркутской области
GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края
GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia

ГАКК – Государственный архив Красноярского края
GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia

ГАНИИО – Государственный архив новейшей истории Иркутской области
GANIO – Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Irkutskoi oblasti

ГАРО – Государственный архив Ростовской области
GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti

ГАСО – Государственный архив Свердловской области
GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области
GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti

ГПНТБ СО РАН – Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН
GPNTB SO RAN – Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tekhnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya RAN

МГАМИД – Московский главный архив Министерства иностранных дел
MGAMID – Moskovskii glavnyi arkhiv Ministerstva inostrannykh del

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisei

РГБ – Российская государственная библиотека

RGB – Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv

РГИА – Российский государственный исторический архив

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

РНБ – Российская национальная библиотека

RNB – Rossiiskaya natsional'naya biblioteka

СИРИО – Сборник Императорского русского исторического общества

SIRIO – Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

TsGIA SPb – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga

AGAD – Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie

APL – Archiwum Panstwowe w Łodzi

BL – The British Library

NLS – The National Library of Scotland, Edinburgh

TNA. SP – The National Archives. State Papers

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 8, 2020, № 4

Редакторы *Е. Березина*

А. Попович

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Alexey Popovich

Imposition *Alexey Matveev*

Распространяется бесплатно

Дата выхода в свет 04.12.2020. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 39,4. Усл. печ. л. 42,6.
Тираж 500 экз. Заказ № 286.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru